М.М.ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1928–1929

М.М.ПРИШВИН

Дневники

1928
1929

Москва
•РУССКАЯ КНИГА•
2004

УДК 882
ББК 84Р7-4
П 77

Федеральная программа книгоиздания России

Художник **Г. Расторгуев**

На форзаце: фотографии работы М. М. Пришвина – на охоте, дом М. М. Пришвина в Сергиевом-Посаде, страница из дневника.

На нахзаце: М. М. Пришвин в окрестностях Сергиева-Посада с друзьями-охотниками и сыновьями, страница из дневника.

Пришвин М. М.
П77 Дневники. 1928–1929. Книга шестая / Подгот. текста Л. А. Рязановой; Коммент. Я. З. Гришиной и Л. А. Рязановой; Указ. имен М. Орловой. – М.: Русская книга, 2004. – 544 с., 1 л. портр.

Книга дневников 1928–1929 годов продолжает издание литературного наследия писателя.

Первая книга дневников (1914–1917) вышла в 1991 г., вторая (1918–1919) – в 1994 г., третья (1920–1922) – в 1995 г., четвертая (1923–1925) – в 1999 г., пятая (1926–1927) – в 2003 г.

Публикуется впервые.

ISBN 5-268-00566-9

УДК 882
ББК 84Р7-4

© Л. А. Рязанова. Подготовка текста, 2004 г.
© Я. З. Гришина, Л. А. Рязанова. Комментарии, 2004 г.
© М. Орлова. Указатель имен, 2004 г.
© Издательство «Русская книга», 2004 г.

М.М.ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1928

1929

<Сергиев Посад>

Без даты. Гениальность проявляется тем, что человек отдается своему делу, как в обыкновенной жизни отдаются между собой люди друг другу, рождая детей для будущей жизни; гениальность обходит природу жизни людей настоящего и чертит план будущего: гениальные люди не обязаны рождать живых детенышей и посвящать себя заботе о их существовании и воспитании. Жизнь гениального человека лично пуста и вся целиком распределяется в деле для будущего.

Но был один гениальный человек с таким мучительным сознанием своей пустоты в настоящем, что всю свою гениальность направил к восстановлению священного рода, как в Библии, и прославил свой личный семейный очаг, как идею (Розанов).

О Горьком

Дорогой Илья Александрович,
в юбилейный сборник о Горьком оказалось написать что-нибудь связное мне невозможно. Меня сплющивает слава Горького.

1 Января. Окна не только в морозных узорах, но кроме того снизу, с наружных подоконников, поднялся на стеклах снег, подбило окна снизу снегом и еще стало уютнее, намекая на возможность совсем скрыться под снегом и так остаться в своем тепле до весны.

<*На полях*> Уважаемый тов. Сергеев, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой поручить Вашей канцелярии выписать на мое имя: Сергиев, Комсомольская, 85 все охотничьи журналы СССР на 1928 год.

Послано Пекину.

2 Января. Валит снег.

3 Января. Тепленько, тихо, солнце показалось. Прекрасно в засыпанных лесах, в саженом ельнике каждое дерево

стоит, как на скатерти. Князь пошел на охоту. У меня грипп, я не могу.

4 Января. Новый год мой начался хворью. Роман мой трещит по всем швам.

Во время переписи где-то в тундрах на севере Восточной Сибири застрелился некий Гиршфельд. Я его видел один раз в редакции: очень некрасивый, рыженький, в сильных веснушках еврей. Он дал мне несколько номеров журнала «Охотник», просил прочитать и ответить ему, есть ли у него талант…

Однажды в редакции большого журнала ко мне подошел очень невзрачный рыженький, весь покрытый веснушками еврей и просил прочесть меня его очерк в журнале «Охотник» и сказать, есть ли у него талант. Я взял журнал, положил на диван для чтения после обеда, но кто-то спихнул его за диван, и я прочитал очерки только месяца через два, когда журнал появился из-под дивана. Один очерк поразил меня проникновенным описанием леса и жизни северных охотников. Я разгадал секрет его влияния на читателя: автор открывал кусочек своей страдающей души и брал действительный лес, действительных людей так, будто они выросли все на его собственной крови. Но так ведь и нужно писать! Скорее только надо укрепить автора в огромной важности его дела, чтобы он, истекая кровью, получил восстановление сил и равновесие. Тут, может быть, надо одно только движение, одно слово участия. Я спешил, но автор куда-то исчез. Через день я тоже остыл и все забыл, только оставался в памяти таежный лес, где не было никаких птиц, кроме дятлов: лес дятлов-плотников, без перерыву стучащих сильными носами о дерево. Только раз в темноте во время ночевки в этом лесу дятлов странник при свете костра увидел одну ель, и она была та самая, знакомая, родная… Больше ничего не было близко ему, и тайга выступала резко, отчетливо в очерке только потому, что была очень холодна и автор очень горяч.

Прошел, кажется, год. Возле меня рассказывали о самоубийстве какого-то еврея на крайнем севере Восточной Сибири во время переписи населения. Это было очень странно слышать о самоубийстве еврея в тайге, я вспомнил описание тайги с дятлами, и мне мелькнуло: это он! И оказалось, да – это он, тот самый, искавший во мне сочувствия. Я скоро разыскал бывшего при переписи с этим евреем его товарища, русского юношу-богатыря, и он мне сказал, что его товарищ застрелился, вообразив себе, будто заразился сифилисом. Но после смерти доктор установил: это не был сифилис, это был прыщик. Много рассказывал мне юноша-богатырь о страшных подроб-

ностях кончины его товарища, как потом он остался совершенно один среди дикарей в тундре с казенными деньгами, как он мчал труп на оленях триста верст в ближайший городок. В заключение рассказа юноша вспомнил, что сделал копию с посмертной записки. «В ней ничего особенного», – сказал юноша, ленясь разыскивать ее среди своих вещей. Но я настоял, и богатырь принес мне этот листок:

«Борис, прости, что оставляю тебя одного, не знаю, как ты справишься со всей работой, но я не могу жить: я заразился сифилисом. Теперь в этой записке я хочу дать некоторые поручения, которые, надеюсь, исполнишь. Так уж принято, чтобы товарищей просить об этих, может быть, и нестоящих делах в случаях самоубийств. Чувствую, что сбивчиво пишу – ну, да ты поймешь.

Здесь, прежде чем просить тебя об этих делах, я хочу исповедоваться. Хочу, чтобы знали, что самоубийство мое не простая случайность, а подготовлено всей моей жизнью.

Я родился двойным: душой я был русский, полюбил, когда стал сознавать окружающее – природу, деревню; рос я в городе, был евреем. Нехорошо открещиваться от своей жизни, но что я мог поделать – все мне было чуждо в моей обстановке, в которой я рос. Я называл себя евреем и не был им.

С самого раннего детства я мечтал о любви в том виде, в котором она редка. Но я был некрасив и потому не мог надеяться, что сбудется, о чем я думал. Когда пришло это – затянулся большой роман с огромными письмами и самокопательством. И, конечно, та давала мне обещания и, конечно, стала женой другого. Мало кто знал о том, что я пережил. Тогда меня вылечил гипнотизер Каптерев. Теперь мое призвание: я страшно метался в нем. Я был одарен от природы: немного литературой, немного живописью, немного музыкой, немного наблюдательностью. И я метался *<1 нрзб.>*, что во мне превалирует – то одно, то другое. И не потому что был непостоянен (нет, я скорей упрям), но потому что не знал, кто же я, наконец, и я стал путешественником, так и не зная, что я по существу.

Если бы я жил (т. е. в теперешнем возрасте) в начале 900-х годов – я, может, был бы небольшим Андреевым, писал бы рассказы в духе его «Мысли». А так что, разве не правы будут марксистские критики, если облаят меня с перепевами Андреева, который тоже копался в себе и торговал этим копательством. Напр.: я натуралист, материалист, марксист и т. д. – это от ума, а душа – опять мистика, фатализм, вера в бессмертие (оно и помогает мне в эти последние часы). Опять двойственность: черт ее знает от чего – наследственность, что ли, вырождение, или еще что? Я, например, был уверен много лет назад, что застрелюсь именно по этому поводу, который явился теперь. Незачем лгать перед смертью. Но что это все-таки –

чертовщина, вырождение, человеческое ничтожество. Почему случилось то, что случилось? Потому что я к каждой женщине подходил с идеальным представлением о ней, потому что я хотел, чтобы она была той, которую я себе создал. Потому я хотел верить. И я фатально должен был встретиться, наконец, с этой. Странное спокойствие у меня сейчас. Я верю, что, умирая, я освобождаю место другим, хотя бы тебе, Борис, ты более сильный, более здоровый, и физически и нравственно, несмотря на то, что ты более реакционно настроен, чем я. Таким, как ты, принадлежит будущее. Я был революционер, даже анархист в теории, не в жизни, и в дальнейшей жизни я был бы тормозом, а потому ухожу из жизни с верой в прекрасное человечество, я спокоен.

Я не могу изложить здесь свои заглядывания в будущее: слишком оно жестоко. Но если не как мистик, то как натуралист, материалист, я могу надеяться, что те атомы и молекулы, из которых я состоял, дадут в будущем лучшие комбинации, лучшего человека, животное, или неорганическое.

Передай от меня привет всем нашим товарищам по переписи… <*Следуют поручения*>».

В этой исповеди Гиршфельда все очень похоже на Алпатова, но одного звена нет (в котором Алпатов приходит к единству).

Дело в том, что марксизм-материализм не должен являться предметом веры, а только знания. Русский марксизм как смесь знания и веры несет в себе при развитии личности яд, которым отравляются и знание и вера.

6 Января. Рождественский Сочельник.

Эти дни было мягко. Летел снег. Сегодня под утро выпала хорошая пороша. Петя сегодня вечером идет на охоту.

У меня продолжается грипп. Смотрю в окно. Каждое <утро> ровно <в> 9 за решеткой палисадника появляется кот, выкапывает ямку в снегу около самого вчерашнего места, садится, потрясая хвостом, и «делает». Потом, осмотрев сделанное, зарывает в снег и удаляется. Я его прозвал «Японец» и, когда он появляется, кричу ребятам: «Идите, скорее, Японец садится!» Сегодня это услышала Ефр. Павл., бросилась и начала стучать коту в окно и прогонять, хотя он сидел за пределами наших владений. Все объясняется бессознательной яростью, в которую впадает всякая хозяйка, видя потрясающего хвостом кота.

<*На полях*> По этому сюжету написан детский рассказ «Японец».

Петя ушел. Лунная ночь. Городок завален снегом.

Отправлена спешным Груздеву статья о Горьком «Мятежный наказ».

Совершенно закончено с копией звено «Юный Фауст». Приступаю к следующему.

7 Января. Рождество.

Мягкий день, только не тает. Самый счастливый теперь Петя. Я стоял у окна на рассвете, смотрел в лес и, когда стало видно, сказал себе: «вот сейчас Петя пустил Соловья». Я не могу охотиться, но мне приятно, что охотится Петя, вроде как бы взамен меня: значит, время не пропадает. Буду иметь наслаждение выслушать вечером его рассказ.

Петя явился поздно, потому что не мог отозвать Соловья, который гонял долго при луне, причем замечательно, что вечером, когда следов не было видно, он гонял без скола, вероятно, в оттепель чутье его было очень сильно. Снег уже выше колена, но рыхлый, трудно ходить, но еще можно, на лыжах совершенно нельзя. Убил двух беляков, из которых один был наш «невозможный» (см. 26 Дек.).

Здоровье улучшается, но по ночам еще есть жар. Плохо спалось. Снег. Луна.

Не выходит из головы самоубийство еврея Гиршфельда: так чудовищно сближается в нем любовь к Недоступной Даме и сифилис.

До 40 лет, благодаря чистой моей Павловне, я не понимал обращения с «женщиной». Явилась эта дама и все мне показала. Испытав, я возвратился к Павловне, питая равнодушие к той даме, и если она приближалась – отвращение. Но я представил себе, что она меня любит, как я любил когда-то «невесту» и 20 лет ей надоедаю собой. Дело в том, что в любви нет молитвы, которую можно читать утром, вечером, ночью и через это достигнуть желанного сближения: никаким трудом, никаким талантом не возьмешь свою возлюбленную, если только ей самой не захочется сблизиться. Впустую будут все мои молитвы, самые усердные, даже и до кровавого пота, молитвы, с которыми за жизнь можно бы <*1 нрзб.*> железным буравчиком высокую каменную гору, в любви не шевельнут волоса и, что ужаснее всего, никогда и не дойдут до нее даже во сне: в любви нет молитвы, ничего нельзя прибавить к ней и от себя и от Бога: что есть, то есть!

<*На полях*> Лева уехал, дано ему за комнату с 15 дек. по 15 января – 22 руб.
на дорогу 2 р.
телеграмма 1 р.
харчи неделя 7 р.
32 р.

8 Января. Мягкий, тихий день, летит снежок. Я все еще выдерживаю, сижу дома. Вечером созвал гостей, были Трубецкие и Лопухин.

Олифа.

Охот. лыжи в оттепель, говорят, надо смазать олифой, и снег не пристает совершенно.

Теория Дарвина.

Лопухин рассказывал об известном тульском самоварном мастере Баташове, который был еще и любителем куроводства. Он вывел свою особенную Баташовскую породу кур, чрезвычайно уродливых. Эти куры были в Туле на выставке, и под клетками было написано: «Теория Дарвина. Труды Баташова».

<На полях> Это годится к рассказу о клычковских гусях. Под конец: я *<1 нрзб.>*, но на какой-то выставке встретил уродливых кур с надписью: «Теория Дарвина. Труды Клычкова».

13 января. Сочельник Нов<ого> года. Читал книгу «Смертобожничество», в которой автор, примыкая к Федорову, говорит, что истинная христианская идея – это победа человеком смерти, тогда как обычная *<1 нрзб.>* религий это, наоборот, обожествление смерти.

Горский говорит, что острое отношение Толстого к смерти явилось у него через Федорова. И еще, что уход Толстого есть очень сложное явление, до сих пор не разгаданное. Этим уходом Толстой будто бы зачеркивал все свое толстовство.

Тарасиха сказала: «Умрем-то, конечно, уж мы все, это никого не обойдет». Горский сквозь зубы: «Все ли?» Тарасиха странно посмотрела на него и продолжала: «Я себе место дешево купила в Лавре. Кто вам его охранять будет? – спрашивают меня. – Сама, – говорю. И правда, что мне стоит *<1 нрзб.>*, а дешево. Вот бы теперь, когда дешево продаются места, всем бы…» – Горский сквозь зубы: «Всем ли это нужно?» Тарасиха вздрогнула: «Всем, батюшка, всем это». – «Всем ли?» – «Да в уме ли вы?»

Говорили о смерти Розанова, что перед смертью голодал человек, хотя возле него были три взрослые дочери. Никто из дочерей не хотел унижаться и выпрашивать пайка.

– Кому хочется унижаться, – сказал я, – иногда бывают обе стороны правы: и те, кто унижался, и кто, наоборот, оставался на своем посту и не унизился.

Я сказал об одном упрямом профессоре, который не хотел принимать академического пайка ни за что: лучше, сказал он жене, я умру, а от них не возьму. И, получив бумагу о назначении ему пайка, действительно, написал отказ, и, сам больной, попросил жену отнести бумагу начальству. Жена его, еврейка, рассудила по-своему, бумагу с отказом уничтожила и

паек получила, и потом получала его и потихоньку кормила им профессора до смерти. И он умер, не зная сделки, умер величественно, с чистой совестью, как немногие.

– Всякая ли женщина должна так поступать? – спросил я.

Тарасиха с азартом ответила:

– Всякая хорошая женщина.

И рассказала о себе, как она тоже обманула своего старика. «Вот извольте видеть, привели нам на двор мужики жеребенка, молоденький, жирный сосунок, ну прелесть что такое! Я сдуру-то и скажи это мужу. Он это на меня: «Умру с голоду, а не стану есть жеребенка!» Что тут делать? – заплакала я и отказалась. Вскоре после того приводят кобылу. Ну, говорю себе: не будь дурой, Авдотья Тарасовна, не захотел есть жеребенка, поест кобылятины. А знаете, это все от жены, такое устроит, что муж и кобылятину съест за телятину. Всю кобылу он у меня съел, и только уже через четыре года узнал от меня, что он ел, и когда узнал, благодарил.

Позвольте, милые! вот еще было с калошами. Дозналась я, что пришли калоши, всего пар двадцать, не больше. Мыслимое ли дело рассчитывать, что мужу моему дадут калоши из двадцати-то пар! Я же все-таки иду, день стою, прошу – и не смотрит, другой стою – досадно ему, кричит: «Сказал вам нет – и уходите». Я не ухожу. На третий он мне окончательно говорит: «Я вам сейчас все объясню, а потом, извините, я вас выгоню помелом. Желаете?» – «Хорошо, говорю, объясните!» И объяснил он мне все, что калош всего двадцать пар… Я его перебила и говорю: «Да я у вас этих калош и не прошу, я прошу вас подписать мне на одну калошу». А такие были калоши по одной, разрозненные. «Их берут, – говорит он, – на починку. Зачем же вам одна калоша?» – «Да ты, голубчик, мне на одну подпиши, и я уж как-нибудь найду другую, ты мне только дай на одну». Он и подписал мне ордер на одну калошу. Выхожу я веселая, три дня стояла для своего мужа и добилась, подписал, а уж на одну подписал, там-то я получу, только бы подписал. И действительно получила две пары калош из новых, и мужу и себе.

А еще было с зонтиком. Пришло в город штук десять шелковых зонтиков, и дали на район по одному. Муж мой был районным, дали нам один зонтик, и вижу – прекрасный! Иду опять и прошу. «Ваш муж районный, – отвечают мне. – Вот и горе, – отвечаю, – я ему жена, сами знаете, жена, значит, скажу ему, и он мне зонтик отдаст. А я не хочу этого: что скажут о нас граждане в районе?» Ведь урезонила и зонтик получила <*2 нрзб.*> прекраснейший.

После того мы вернулись к разговору о тех трех дочерях знаменитого писателя (Розанов), которые по гордости не хотели кланяться в исполкоме. Я сказал:

– Отцом ли они своим гордились, ведь он был непримиримый; что, если они не хотели выходить из его воли? Позвольте, позвольте! Если эти девушки сошлись с отцом в одно, и что он желает, то и они, если воля его для них священная, и они по этой гордости...

– Будет вам нести ахинею! – воскликнула бабушка, – никакой гордости у них за отца не было и никакой такой священной гордости не бывает: есть гордость просто своя. Если бы у них за отца гордость была, так им бы и унижения не было для него пищу достать, гордость бывает только своя, а потом люди наворачивают на нее качества.

Начало рассказа: я надумал у себя в саду баньку срубить, небольшую, шесть на семь, и пошел посоветоваться к Авдотье Тарасовне. Люблю я с ней советоваться, мне лет порядочно, в бороде седина, но Авдотья Тарасовна с мужем встречают меня, как молоденького.

– Молодой человек, – сказала старушка, выслушав мой рассказ о бане, – не советую, сейчас у вас сил много, а подумайте-ка, что будет лет через двадцать пять: вам будет трудно в сад ходить в баню, а жене вашей того труднее: топить, прибирать.

– Бог с вами, Авдотья Тарасовна, к тому времени у меня будет прислуга.

– Не рассчитывайте, к тому времени с прислугами еще будет хуже... нет, устраивайте себе в кухне ванну, это и дешевле.

Подумав, я принял совет и т. д.

«Профессор» – 90 лет. Леонтьев у него тоже в большевиках через Илью Муромца.

А в общем это рассказ о жене. Ведь патентованные черносотенцы от Совета паек получали и теперь получают на Музей дрова, деньги...

Однажды в лесу на облаве зверей я поймал себя самого. Со стороны острова, откуда с напряженным вниманием ожидал я волка, послышался рев, и над поляной в высоте показался аэроплан. Волк не вышел, машина улетела и оставила во мне обычное неприязненное чувство. Но в этот раз я стал раздумывать о происхождении своего чувства неприязни и спросил себя: «А что если <бы> у тебя был собственный аэроплан?» Вот тут-то я поймал себя самого: оказалось, при условии личного обладания аэропланом раздражение мое проходило, и я находил, что летать хорошо. Потом я представил себе, что если бы в большом городе мне удалось бы устроиться с теми удобствами, какие нужны мне для моего труда, то очень возможно и большой город перестал бы меня раздражать, как аэроплан. В конце

концов я вообразил себе при каких-то условиях возможность встречать каждое научное открытие и приспособление его к жизни человека с таким же восторгом, как я встречаю весной прилетающих птиц, первые цветы, вскрытие рек и восход солнца. Сравнивая мои радости в природе с радостями от научных открытий, при наших условиях, я пришел, наконец, к окончательному выводу, что радость в природе вызывает потребность любовного общения с людьми, тогда как при научных открытиях радость вскоре омрачается воспоминанием прежнего опыта: новое изобретение достается не сразу всем, а когда оно делается всем доступным, то уже не сопровождается радостью. Я вспомнил мои восторги в лесу и на воде при чтении книги природы, всегда после этого я находил в себе нечто, к чему я много раз возвращался и радостно обновлялся душой. Но, вспоминая свои восторги при чтении книг о каких-нибудь новых открытиях, через некоторое время я не находил ничего: думая о великом изобретении паровоза, в действительной жизни я видел железнодорожную кассу и себя в очереди за билетом.

15 Января. Ефр. Павловна прожила со мной 25 лет и все считает «неверующим», потому что, по ее понятию, верующим можно назвать при непременном условии исполнения обряда. То же самое и Тарасиха. На самом деле истинный христиан даже кота не должен бы называть совершенным невером. Меня это навело на мысль о возможности пришествия Христа: пожалуй, эти добрые люди, вполне христиане-церковники, не узнали бы Его. И еще я думал: представить себе такое лицо, кто узнал бы и встретил со светильником (напр., беру...). И еще: Христос ходит по людям и бывает у всех, но не все Его узнают. И есть много таких, кто узнал Его и принял, но так себя дальше повел, что в другой раз уж больше не узнавал...

Рассказы:

1) Перелет гусей (охотничий).
2) Хутор Клычкова («теория Дарвина»).
3) Шинели (убийца).
4) Прапорщик (рассказ вестового Морохина).
5) Скорняк Григорий.
6) Ильин день.
7) Радиоприемник: Григорий Игнатов: она встречалась с ним в Германии, и страна эта ей стала прекрасной; у нее радиоприемник; по радио слышит нем. язык, пение и вспоминает, встречает его на улице, приглашает. Он (инженер) садится поправлять аппарат, и весь этот вечер посвящается исправлению приемника.

16 Января. Считаю смешным сочинять, то есть описывать воображаемую жизнь, если имеешь у себя материалы жизни действительной.

Занятно выписать из Диккенса «Крошка Доррит» (часть II, стр. 271), напр., такое рассуждение-отступление, совершенно похожее на мои: «Но он сам удивлялся не тому, что вспоминает о ней, а тому, что эти воспоминания показывали ему, какое благотворное влияние она имела на его личные поступки. Никто из нас обыкновенно не дает себе отчета, кому или чему он обязан таким влиянием, пока внезапная остановка неугомонного колеса жизни не заставит нас одуматься и оглянуться на свою прошлую жизнь. Это бывает в болезни, в горе, в случае утраты любимого существа – вообще это почти всегдашний результат несчастья».

<*На полях*> Сегодня я прочитал у Диккенса слово в слово так же, как пишу и думаю сам.

18 Января. Показал нос в Москву, и сразу огорошили: Полонского нет уже в «Новом мире». Разгром оппозиции. Едут в Сибирь. Легенда о Троцком: будто бы народ собрался на рельсах и не дал ходу поезду с Троцким. Но потом на квартире «12 чекистов» связали Троцкого (и всю его семью), посадили в автомобиль и увезли. В литературе теперь у нас нет ни Воронского, ни Полонского («без всяких эдаких глупостей» (из Диккенса)).

Обедал с Клычковым. Дали кашу. Клычкову захотелось сливочного масла. Барышня ответила: «Купите марку». – «После куплю, – ответил Клычков, – дайте масла, а то каша остынет». Барышня доверилась. Когда кончили обед, подошла барышня. «Марку купите!» – сказала барышня. К. встал, будто бы за маркой идти, и вышел совсем. Все произошло так неожиданно, что я только на улице понял всю мерзость. Клычков получает гонорар тысячами, барышня 30 руб. в месяц и притом она ему доверилась. Эта черта самая характерная для Клычкова. Он такой…

В вагоне какой-то молоденький паршивец сидел и около него стоял за неимением мест старик весь белый с розовыми щечками. Паршивец сказал: «Вон какой гриб!» Старик услыхал и ответил: «Бывает гриб молодой, да червивый, а старый, да чистый. Я могу «документ» показать, а у тебя не «документ», а червяк».

Так оказалось, что в доказательство молодости духа нужно иметь крепкий Fallos.

<*19 Января*>.

От *9 по 14 Января.* Мягкие дни, снежные, переходящие в оттепель. Сегодня даже был дождь, очень мелкий.

С 16-го начинает усиливаться мороз и сегодня, 19 (Крещение), настоящий, большой. День яркий.

Вчера *18-го* был в Москве и проговорил два часа с Александр. Александр. Чумаковым о натаске собак. Познакомился с другом Чумакова, страстным охотником и дрессировщиком: доктор Николай Арсеньевич Проселков (Б. Сухаревская пл., уг. Понкратьевского пер., д. 10/12, кв. 1. Тел. 5-65-60 (от 2 – 6 ч.). Он знаком с Менделеевой, обещается свести меня с ней и сам приедет.

20 Января.

Леве комната: 20 янв. – 20 февр. –22 руб.
Харчи 20 – 26 февр. 30 руб.
52 руб.

21 Января. Очень сильный мороз, иней и необыкновенная яркость света. Близкий к этому день был в Крещенье, но сегодня исключительно ярко и заметно.

22 Января. Пасмурно и довольно мягко.

23 Января. Звездная ночь и сильный мороз. Роскошная заря весны света. В 9 у. я писал в большой комнате, и меня отвлекло от бумаг какое-то сверкание в окне другой комнаты. Это сверкало почти как Марс, переливая из цвета в цвет. Я разобрал, это вот из чего выходило. Когда ребята ставили антенну в саду, кто-то из них задел внешнюю раму шестом и выбил из стекла уголок. И потому морозный воздух, входя в отверстие, подхватывал падающие на перекладины рамы капли от нагрева изнутри комнаты, и так на перекладине рамы повисли сосульки. Но в сегодняшнее утро солнце так нагрело стекло, что сосульки стали таять и капли медленно падали синие, зеленые, красные. Я смотрел на них и писал свою весну света…

24 Января. Вчера прибежала Таня Розанова: «Варин муж умер». Это Владимир Гордин. Варя убежала к Тане, а покойник один. Введенский (хозяин дома) потребовал, чтобы покойника убрали, а то у него крысы и могут повредить. Таня к Тарасихе, а Тарасиха не берет к себе: они будут Татьянин день справлять. Таня сбегала к Кожевникову узнать, был ли он верующий или неверующий. Кожевников сказал, что Гордин об этом не говорил ничего. Таня обрадовалась: если ничего не говорил, значит, можно считать за верующего. И бросилась ко мне занимать деньги на похороны, уверяя меня, что у них его шуба и деньги вернутся. Я дал 50 руб. Сегодня вдруг явилась другая жена Гордина, с деньгами, настоящего вида женщина, и будто бы сказала: «Будет вам побираться, я вам всем нос утру: я буду хоронить, вы не знаете: за ним как

за малым дитем надо ходить». И сразу все вошло в колею. Введенский предоставил свою квартиру. Тарасиха рассылала к людям – звать к выносу.

У Григорьева дочь умерла, и будто бы с ним удар. Пришли, дочь-то умерла, но удара не было.

25 Января. Радиоволны ничего не имеют общего с живыми нашими чувствами и мыслями, сходящимися в личностях; радиоволны безличны, но подобие этих волн с нашим внутренним так велико, что когда-нибудь, углубляя наши знания внешнего нам мира, мы о себе самих вдруг догадаемся, и тогда во всей своей наивности откроется весь наш исследовательский путь и навсегда будет прославлена слепая доверчивость лысых аскетов науки, потому что люди тогда будут сознательно управлять силами природы...

Человек-дикарь, кричащий в аппарат: «алло!» мужику, объясняющий ему, сам ничего не понимал о радио. И мужик-дикарь с удивлением и верой в сверхъестественную силу.

Сверхъестественная сила несомненно существует, это сила нашей человеческой личности: она сверхъестественна в своем творчестве, она создает такое, чего не бывало в природе: это не радио, это не аэроплан – все это есть, в природе есть...

Похороны Влад. Ник. Гордина. Вечером две жены, Челнокова и Розанова сошлись у меня. Челнокова рисовала силуэт Розановой, вероятно, чтобы заглушить злобу. Розанова пришла вызывающая...

Вещи. Очень возможно, что эти роскошные вещи, какие-то гобелены и мебель ампирная (что еще?) были приманкой для женщин, и этот красивый и нежный еврей казался породистым барином. Они его содержали и приучили к легкомыслию в отношении труда по добыванию средств существования.

Сестры. Таня содержит Варю, Таня – монахиня, Варя – блудница. Приходится спать на одной кровати. И самая страшная для Тани мысль, что они близки друг другу. Действительно близки, как совершенные противо-полюсы. И так монахиня узнает в себе блудницу. Еще близкое обеим сестрам, – это гениальность отца (<он> единственный в своем роде: и это до конца отстаивают) обе дочери унаследовали в полной мере. Таня сумела свою исключительную индивидуальность посвятить Богу и научилась трудом с грехом пополам укрываться от людей. Варя осталась

«язычницей» и даже не замечает, что живет на чужой счет, она – властелин.

Спор из-за вещей. Вещи Гордина остались у Челноковой, которая много ухаживала за ним, больным, и жила 10 лет с ним. Розанова жила 2 месяца, и теперь ей засело в голову, что вещи эти ее: он весь ее, значит, и вещи. К этому присоединилось, что Таня ухитрилась (все эта Таня!) устроить формальности брака (хотя и не обвенчаны, но все-таки хоть «записались»). А Челнокова жила свободно. Вот почему Варя, когда вошли ко мне, громко сказала: «Вы не были знакомы с моим мужем». Еще: Челнокова ухитрилась под каким-то предлогом выманить у Вари документ с записью о браке. По всей вероятности, этот документ нужен был ей как вещь «его» (набрала всякую дрянь, тряпье его: «для помощи»), но Розановой, естественно, представилось, что документ взят был, чтобы лишить ее возможности отобрать вещи.

<*На полях*> – «Надо, Варя, работать!» – Я буду, если ты мне об этом не будешь говорить. – «Ты не женщина!»

Величайшее оскорбление для Вари, если ей скажут, что она похожа на Таню.

Похороны легли, конечно, на Таню. Ив. Ив. Введенский, ссылаясь на крыс, требовал, чтобы Таня взяла к себе гроб. «Я советская служащая!» Муки Тани были в том, что… Варя денег не попросила. Таня загадала: попросит – дам, нет – нет. И оказалось, она три дня голодала (вспоминая голодного отца Вас. Вас).

Идиллия. Все союзы Гордина кончались <тем>, что женщины попрекали его своим трудом. Наконец, явилась Варя, такая же, как и он, не рабочая. Истерзанный попреками всех женщин, он нашел, наконец, такую, которая тоже ненавидела труд. Под конец он даже стал добывать немного для нее: достанет когда рубль, когда два. Обедали в «Коммунаре» (вдвоем 1-е блюдо). Последние 3 дня, кажется, ничего не ели. Но это было счастье.

29 Января. Вчера приехал Пяст и рассказывал о Гордине, что это действительно была артистическая натура, он редактировал одно время журнал «Вершинин», в котором участвовал и Блок и другие. Как еврей, он там где-то у них добывал деньги и не всегда был на содержании женщин. Скупал мебель красного дерева, имел большую квартиру.

<*На полях*> Такие похороны, а Таня и этому рада: «Был добрый человек, вот его Господь и помиловал».

К похоронам: коммуниста (муж. *<1 нрзб.>)* послали за свечами. Другой мужчина был сторож турок Мемет Асадович Меметов.

В ночь на *26-е* ночью ненастье, и на другой день, *27-го*, стало теплеть, и *28-го* дошло до нуля, валил снег. *29-го* тоже все тепло (но не оттепель), и так все ровно мягко ежедневно, так что кругом говорят о хорошей мягкой, но не гнилой зиме.

31 Января. За исключением случайностей, без которых и правила не бывает, можно приготовиться к своей собственной смерти и почти совершенно примириться с ее неизбежностью. Можно постепенно прийти к такому сознанию, что своя смерть явится как бы и своим делом, вроде путешествия: я-то уехал и что-то лишнее оставил после себя, и это лишнее, мне ненужное, люди принимают за меня самого. Но если так хорошо приготовиться к своей собственной смерти, то к смерти любимого человека, ребенка нельзя приготовиться хорошо и совсем нельзя к смерти неизвестного прекрасного существа, которого завтра, может быть, на улице на глазах убьют...

Нахал из нахалов Натан Венгров прислал небрежное приглашение на организационное заседание по делу детского журнала «Еж». Я ничего не ответил и с удивлением увидел в газетах себя в числе сотрудников. Оказалось, под списком сотрудников напечатано: «Привлекаются к участию следующие писатели»... (Стиль «социального приказа»).

<Вырезка из газеты> В журнале «Еж» привлекаются к участию:

Писатели: Акульшин Р., Асеев Н., Бабель И., Белых Г., Бианки В., Богданович С., Будогосская Л., Введенский А., Венгров Н., Горький М., Каверин В., Казин В., Крандиевская Н., Житков Б., Зощенко М., Ильин Н., Маршак С., Мукосеев, Олейников Н., Пантелеев Л., Плавильщиков, Полонская Е., Пришвин М., Пуни И., Слонимский А., Тихонов Н., Толстой А., Федин К., Федорченко С., Хармс Д., Чуковский К., Чуковский Н., Шаронов В., Шварц Е. и др.

Художники:

Бруни Л., Ермолаева В., Ефимова А., Конашевич В., Куприянов Н., Лапшин Н., Лебедев В., Львов А., Митурич П., Пахомов А., Самохвалов А., Сафонова Е., Соколов П., Татлин В., Тырса Н., Цехановский М., Шишмарева Т., Эвенбах Е. и др.

<Вырезка из газеты> «Читатель и писатель

Еженедельник литературы и искусства

В номере:

поправка современного читателя к классикам.

Р. Зах – К юбилею А. С. Серафимовича.
Г. Нерадов – Переоценка классиков.
А. Б. – Литературная Белоруссия.
А. Ефремин – Демьян Бедный.
Сергей Кириллов – Евангелие либерализма.
О. Бескин – Хорошо!
Н. Шугаева – Чистка поэтов.
Гр. Беляков – Степь.

Важно для низового читательского актива – советские писатели.

Страница читателя. Советская общественность и культура. На книжном рынке. Смесь. Цена 10 коп.»

Низовой читательский актив.

Прочитаешь такую фразу, и сколько пережитого встает, как будто был в аду.

3 Февраля. Новый прекрасный солнечный день весны света. Солнце через окно греет.

Остается написать два звена: «Любовь по воздуху» и «Живые ночи», 1-е звено соответствует смерти, второе воскресению, 1-е – неудача, несчастье, 2-е – выход из неудачи, из несчастья, когда несчастье является, как «мера в глубину».

Читал дневник Вырубовой в журнале «Минувшие дни». Григорьев говорит, будто этот дневник поддельный, и что можно даже догадываться, чья работа (Толстой–Щеголев?) Не знаю, если даже и подделано, то с таким знанием «предмета», с таким искусством, что дневник, пожалуй, может поспорить в своем значении с действительным: веришь вполне, что люди были такие. Трагедия их в том, что в царском положении никому нельзя довериться, вокруг людей нет, и это одиночество порождает особенно сильные привязанности в кругу немногих людей (царь, царица, Вырубова, Распутин). И так понятно становится равнодушие царя в последние дни крушения монархии к государству: это что-то внешнее, неважное, «их дело» в сравнении с желанием быть в своей семье, среди любящих лиц. Такое состояние, помню, было у меня, когда я тонул: весь мир вокруг оказался внешним, неважным делом. Так говорит крестьянин, умирая: «домой иду».

Бумажный город, бумагописательство Алпатова означает и мое писательство, которое кончается «наивным реализмом». Воскресение – это перемещение центра из себя во вне себя. Сигналом к этому пусть будут «гуси», и к этим гусям найти соответственное внутреннее поспевание. На этом пути «Ина» как бы вывертывается изнутри и в наружном мире – это (Почка?).

6 Февраля. Сильные морозы (30?), солнечные дни, иней, в полдень капель, ночью звезды.

Дня три-четыре у Кенты началась пустовка, значит, с запозданием больше месяца. Я сижу дома безвыходно с 28 Дек. по сей день (в Москве был 18-го Января) = всего 40 дней.

40-й день безвыходного сиденья в состоянии ни здорового, ни больного. Попробую завтра начать приучать себя к воздуху.

Пишу звено «Любовь по воздуху». Начинаю думать, что ехать никуда не надо, пока не кончу. Можно предвидеть, что к Апрелю закончу все с перепиской. «Любовь по воздуху», скажем, 15 дней + 15 дней – «Живые ночи». Тогда останется в переработку и переписку: 1) брачный полет – 1½ листа, 2) по воздуху – 1½ и «Живые ночи» 1½ = 4½ листа = 140 стр. по маслу.

Но лучше закончить черновик последних звеньев к 1-му Марта, проехаться в Питер, или взять работу в Питер. Посмотрим.

Написано около листа «Любви по воздуху». Выясняется, что надо описать Петербург весной света (напр., утро обогнало, весна света обогнала хозяйств. расчет людей и утром, когда уже было светло, электрические лампочки горели). Второй просвет: все звено будет называться «Живые ночи» и связью будет шпион с кедровыми орехами: он преследует Алпатова на Волково кладбище, и когда Алпатов молится, тот за ним наблюдает. После того молитва (любовь по воздуху)... И живые ночи.

Что лучше, делать людям добро или красоту? Если делать добро, люди долго этому не верят и долго платят злом, за добро надо быть готовым принять зло от людей. Красота сама за себя часто расплачивается смертью, чтобы создавать красоту, надо быть готовым к смерти, но зато за красотой все идут, не помня зла. Я бы выбирал себе красоту, красоту со всей ее роскошью... Если сеять добро, люди не верят ему, за каждое зерно добра отвечают зерном зла, – так что сеятель добра должен быть готовым за все посеянное им добро собрать себе урожай зла. Мрачной представляется мне жизнь в одном добре, но не стоило бы жить, если бы еще возле добра не было бы на земле красоты. Правда, чтобы создавать красоту, надо быть всегда готовым к погибели, но зато, если удастся, за красотой все люди идут, не помня зла и добра. Будь что будет, друг мой, выбираю себе красоту в самой скромной должности хранителя ризы земли.

После сцены на кладбище Алпатов делает попытку отдаться вере в чудо и воплощения Ины ... воплощенную себе Ину.

И только после того, как и тут ее не оказывается – он идет и с молитвой открывает дверь.

Друг мой, в любви к женщине молитва бесполезна.

8 Февраля. Я сегодня прошел до книжного магазина, только бы не захворать опять!

Ввести в «Любовь по воздуху» образ раздвоения Петербургского на председателя и секретаря: Петр Петрович – секретарь в уч. комитете, но в <*1 нрзб.*> председатель, а потом оказывается на кладбище, <*1 нрзб.*> он секретарь.

Чудо воплощения Ины не удалось, а дальнейшее, как воплощение.

Загадочные строки в письме Ины (возвращение к тюрьме).

Два письма Ины (как два фокуса повести: после одного он решает ехать к ней, после второго все кончено: <*1 нрзб.*> воплощение).

Поездка к Ине приходит в голову через вещь: эмалевый портсигар. Купил и решил ехать.

В бане: хорьки.

Фон: номер-тюрьма, вещи. Петербург. Весна света.

Записки о весне наводят меня на конец Алпатова: надо передать друзьям свое дело.

10 Февраля. Начиная с 7-го Ф. Началось потепление, вчера ночью буря, сегодня пасмурно и каплет, дорога слегка побурела. Сегодня после обеда опять буря.

Водоразбор:

1-я женщина: – Вам бы отдохнуть, к зятю поехать.

2-я женщина: – И, милая, если поехать, так подальше надо бы...

1-я: – Ну, до свидания.

2-я: – До свидания, спасибо на добром слове, дорогая!

<*На полях*> Сравнить разговоры тех же самых бедных женщин в кооперативе, когда они стоят в очереди.

У шлагбаума

Шлагбаум лег перед носом подводы. Прохожие продолжали идти, нагибаясь под шлагбаумом. Извозчик ухмыльнулся на сторожа и поклонился. «Чего ты кланяешься?» – спросил сторож. «Тебе все кланяются, вот и я: такой, значит, ты».

Мария Алексеева, старая дева, очень грузная, всю жизнь сочиняет один ученый роман о Юлиане Отступнике. Ей ничего нельзя рассказывать, после каждого предложения она говорит: «ну, да!»

На постоялом дворе.

Конь выехал со двора на улицу и как ахнет! «Будь здоров!» – ответил прохожий.

12 Февраля. Если приходится умирать не у родных, а в больнице, то надо выбирать не большую, а маленькую, в больнице маленькой умирать все-таки легче (Т. В. Розанова).

Григорьев предостерегал меня: «победителей в жизни нет». Я отвечал: «Прометей лично не победитель, но раз люди получили огонь, то он достиг и в этом победил. Победа есть достижение и остановка *<2 нрзб.>*, но личность движется и потому то, что казалось сегодня победой, завтра в отношении личности поражение, но людям остается огонь». Я назову победой момент творческой высоты, когда субъективно я и мир – одно, а объективно остается свидетельство этому – созданная новая форма.

Итак, отчетливей: друг мой, сижу я у костра, ожидая зари на глухарином току, и думаю о победе, как вы мне говорили: бойтесь упиваться победой. Я думаю: «Вот огонь, могу ли я праздновать победу, если творец его, Прометей, висит, прибитый гвоздями к скале? Нет, я не могу, если крепко задуматься, но огонь меня греет и мне хорошо, как же мне не радоваться и не славить победу, если я вижу такое добро, и, угретый, сам начинаю творить.

Мало-помалу к моему костру собираются дровосеки и, согретые, начинают смеяться и много рассказывать; каждый из них, я знаю, бьется за кусок черного хлеба и ценит не только огонь Прометея, но даже мой маленький костер. Пусть висит на скале Прометей, нам-то что, если мы сами висим, пусть нет победителей, но победа… ее только тот не поймет, кто не страдал.

Что-то все еще неясное…

Философия наивного реализма (это конец «Кащеевой цепи» и в этом победа Алпатова). И дети...

14 Февраля. Ночью был мороз, и утром на окнах снова показались узоры, исчезнувшие, конечно, далеко до полудня. Тихий мягкий вдумчивый день.

16 Февраля. <Вырезка из газеты> Приезд Троцкого на ст. Фрунзе.

«ФРУНЗЕ (ТАСС). Корреспондент ТАСС сообщает:

На станцию Фрунзе приехал Троцкий в сопровождении семьи в специальном мягком вагоне. Публика была поражена обилием багажа Троцкого (свыше 70 мест) и наличием барских удобств, с которыми ехал высланный из Москвы Троцкий. Особенно обращало на себя внимание то обстоятельство,

что Троцкий привез с собой охотничью собаку и большой набор охотничьих принадлежностей.

– Что это за барин приехал? – спрашивали на станции».

А по Москве все говорили, что Троцкого при аресте «связали» и он «кричал»: звал на помощь.

В «Известиях» описано, как Бальмонт обманул Луначарского, забрал деньги и удрал за границу. А теперь будто бы он пишет Гамсуну, Роллану письма о большевиках и их зверствах. По частным слухам, Б. живет отшельником на юге Франции углубленно и совсем «про себя» – чему верить?

М. Горький прислал письмо, обещается приехать ко мне в Сергиев.

Думаю о деревне: что все-таки правдиво она еще никем не изображена. Беру на прицел Следово, жизнь Бадыкиных.

Прислали «Луговку» в роскошном издании, художник вместо чибиса изобразил сойку, баба у него садит картошку стоя, ни число рисунков, ни размер их внутренно не оправданы, у журавлей голубиное выражение – полное обезображение рассказа. Сколько хлама выбрасывает столица малышам, какое это великое зло – детский писатель и детский художник!

Следующие письма и дела: 1) Иванову-Разумнику, 2) Горькому, 3) Мирович, 4) Груздеву и в Ленгиз о высылке книг, 5) Командировать Леву срочно к юрисконсульту о подох. налоге.

Между прочим, прочитав Ваше письмо, я сказал вслух:

– Хорошее письмо. Черт! какая на свете прелесть бывает.

20 Февраля. Масленица. Сильные морозы с ветром вчера и сегодня. Выдают масло. Ну вот и масленица, вот и блины!

Вчера был и ночевал А. М. Коноплянцев. Его жизнь – это жизнь Гоголевского чиновника, причина его неудач – «мечта». Его дар – это родственное внимание к человеку (интимность). Любовь к сыну, надеется, что достанется сыну, что не далось ему. Говорит, что монах, устраняя себя от жизненных обязанностей, выбирает сравнительно более легкий путь. Но так можно сказать о всяком, кто забрал себе в голову мысль о личном самоопределении («свободе»).

Путь свободы усеян жертвами. Так у поэта остается назади обобранная им «духовно» и неудовлетворенная женщина (истоки феминизма и революции безликого).

Люди, у которых глаза на винтах и на гвоздях.

Творец на победах своих не задерживается и самые лучшие дела его те, в которых он не знал себя победителем. Может

быть, он и услыхал о победах, но улыбнулся и дальше пошел, не обращая на это никакого внимания.

Лева взял на две недели денег и за полугодие плату за лекции.

Когда хозяин созывает гостей на пир у себя, то не будем обманываться: хорошему хозяину удовольствие принять у себя гостей, больше, чем гостям поесть. Но когда хозяин умрет и люди собираются к нему голосить, то люди только себя этим удовлетворяют. Крестьяне, напр., этим случаем пользуются, чтобы послать своим близким поклон в тот мир, где мы все будем.

Достоевский и Гоголь – писатели с воображением, Пушкин, Толстой, Тургенев исходили от натуры. Я пишу исключительно о своем опыте, у меня нет никакого воображения.

6 Марта. Громкоговоритель.

По морозу далеко слышно: идут двое, конечно, подвыпившие, но немного, сами идут твердо, а язык не обращает на людей никакого внимания:

«Я говорю жене: давай сдадим комнатку. Я, говорит, согласна. Сделали объявление. Так! Приходит жилец. Посмотрел комнату, понравилась. Говорю жене: ты согласна пустить? Она посмотрела на него и отвечает: я согласна. Так! Пустили. Жилец живет. Я хожу на фабрику. Ухожу и прихожу. Так! Вот раз пошел я на службу. Хорошо. Хватился я – забыл кисет с табаком. И вернулся я домой. Так! Вернулся я домой: в жилецкой комнате нет никого. Перехожу к жене, а она под ним. Так! Ну, вот тебе и конец: продал я все добро свое за четыреста рублей и все прогулял. Та-ак!»

<*На полях*> Метроном отбивает.

История с Люлей (Вера Антоновна) наводит на размышление о родительской любви, переходящей в эгоизм (Анютины глазки) вплоть до медицинского свидетельства. Такая любовь бывает и к своему народу. И вообще доказательство подлинности любви может быть только извне: не себе хорошо, а тому, кого любишь.

Взявший меч от меча и погибнет – это верно, да вот как сделать, чтобы человек не взял меча? Пусть я лично подчинюсь Христову закону и подставлю другую щеку врагу, ударившему меня. Каков же будет тот человек, кто, видя такое издевательство, не даст негодяю затрещину? И так случилось, что апостол Петр не попал в стражники и только ухо ему отрубили, но зато сколько людей было загублено из-за того

же Христа. В том-то и дело, что Я, побитый и оскорбленный в своем последнем достоинстве, не властен остановить отмщение, потому что таким же Я обладает другой и по чувству сострадания, то есть, воображая себя в положение Меня, он непременно возьмется за меч. И часто мы видим (если только не всегда), что воображение сильнее естественных сил и сострадание бывает сильней страдания...

14 Марта. Вот уже дня три после упорных морозов теплеет, по-видимому, перед началом весны. Охота разрешена на две недели с 15 Апреля (Пасха) по 1-е Мая.

До сдачи работы в Н.М. остается десять дней. Последнее звено кончу 20-го, к этому сроку перепишут предыдущее звено, от 20–24 корректуры, 25 сдам, 28 в Петерб.

Поле, где была проиграна битва.

Друг мой, ни на севере, ни на юге нет места, если сам поражен: вся природа побежденному человеку – поле, где была проиграна битва. Но если победа – а ведь всякая победа, это победа над самим собой, если даже болота были свидетелями своей победы, то и они процветают необычайной красой, и весна остается себе навсегда, одна весна, слава победы.

20 Марта. Вчера окончил «Кащееву цепь» и сегодня увидел грачей – какое удивительное совпадение.

Ездил в Москву сдавать «Цепь». С ½ 10-го до 1 ч. д. вел разговор с Замошкиным, потом два часа громил нового редактора Н. М-а Ингулова. И множество людей встречалось, и все разговаривали. Приехал в 11 ночи с головной болью.

Согласились с Ингуловым, что у нас в литературе теперь нет критики. Я ответил на вопрос, почему нет ее: потому что в наличии нет запаса идей, которыми может располагать свободно критик. Я говорил, что в замкнутом кругу марксистский материализм выродился в бюрократический идеализм, и т. д. И еще говорил, что не было времени, когда писатели были так разобщены, как теперь. Много всего можно за два часа наговорить! Слушал Касаткин.

Продолжаются крепкие ночные морозы. Дни солнечные, алмазные. Снега совершенно не тронуты. Наста нет. Зима прошла без осадки. Сегодня видел грачей, три сидели на дереве, один лежал на сучке.

22 Марта. Сороки. Продолжается алмазная весна. Сегодня днем солнце само без помощи тумана перемогло мороз до того, что канава наша наполнилась водой.

На базаре:
– Мелка твоя корова.
– Корова большая, только на коротеньких ногах.

Эта весна света замечательна тем, что вовсе не было наста по случаю того, что зимой не было вовсе осадки. Нужно полагать, что при первом тепле рыхлый и не очень глубокий снег сразу сбежит.

23 Марта. Закончена в отделку «Кащеева цепь». Роман был начат в 1922 году, значит, писался 6 лет. В основу второй части, где изображается любовь, положено личное переживание в 1902 году. Единственное сохранившееся письмо моей невесты с отказом мне во все время писания лежало под руками и давало мне силу писать. По возвращении из Питера, когда откроется земля, я похороню его в землю, и это место будет могилой моей любви. Я твердо верю, что этот роман будет жить взамен нашего ребенка.

С 26 Марта по 1 Апреля (с понедельника по понедельник) – поездка в Петербург, за эту неделю оборвалась алмазная весна и началась весна воды, прилетели жаворонки, скворцы.

Серые слезы. Кончилась алмазная весна света, плачет серыми слезами весна. Сухие глаза у меня, слезы мои выливаются внутрь, и никто их не может увидеть.

26 Марта. От Сергиева до Москвы разговор с Левой. Юноша был вполне советский и горел желанием заниматься делом рабочих. Но в университете почувствовал себя невеждой и с тех пор занялся собой, а к рабочим его и калачом не заманишь. В наше время наука приводила к низам, теперь отводит.

В 9 ½ в международном вагоне (24 р.) выехали из Москвы.

27 Марта. Солнечный день. В Гизе никого не застал. В Царском тоже. На Невском много молодых людей, толпа серая. В прежнее время, бывало, презираешь правительство и втайне думаешь: вот если бы я там был, все было бы иначе в стране. Теперь презираешь по-прежнему, но думаешь: и я управлял бы не лучше...

Эта поездка будет обозначать одумку перед новой работой.

28 Марта. В Гизе: 1) Настоять на одновременном печатании «Кащеевой цепи». 2) Высылка книг. 3) Сборник Горького.

Невский теперь «малограмотный». Я думал на Невском, что образование более разделяет людей, чем классы экономи-

ческие. Внеклассовое общество – это значит господство образованных людей.

Финансы.

Пенсне	– 6 руб.		Поездка – 30 руб.
Чайник	– 3р. 50 к.		Проел в 1-й день 10 руб.
Нагрев.	– 3. 60		
	13 руб.		
Сегодня 28-го	– 267 р.		

Не собственность, друзья, а образование своего природного дара – вот что нас разделяет: люди <вступают?> с образованием даровитыми и темными – вот два главные класса. А потом уже начинается собственность, богатство и бедность, зависть и щедрость, все уже второстепенное.

Собственность – это не последняя реальность, а попытка реализации личности, причем данное лицо под видом владения делается добровольным сторожем общественного имущества.

Правда, если бы собственник, напр., собранных им художественных ценностей был мудр, то он только бы радовался, что его собрание сделали музеем и уже не он охраняет, а другие.

Первое разделение, что люди родятся кто мужчиной, кто женщиной – это самое главное; второе разделение, что у одних дарование, другие бездарные, третьи – умные и глупые, злые и добрые. И только после всего этого начинается рождение от себя, от человека зависимое: образованные и темные, богатые и бедные. Из темного можно сделать образованного, из бедного богатого, но дурака умным не сделаешь: у нас же хотят всех дураков вывести в умные.

Мое утро – только до восхода солнца, как только солнце взошло – это день.

И моя весна – только до первых цветов, как только цветы показались – наступило летнее время. Но и осень моя от первых желтых листьев на березе и до первого снега – длинная осень. Зима моя короче – от первого снега и до первой капели.

Снегурочка. Снега вокруг города были еще нетронуты, но в городе ничего не было белого. Одна только Снегурочка белая и глаза ее бледно-голубые, как утренние звезды – вот-вот потеряются.

«Бывает ли у тебя желание быть с мужчиной?» – «Ни малейшего!» А между тем она кокетничает направо и налево. И если один подходит, она глядит на другого. И много таких прошло, все ее целовали и она верила, что все были хорошие. Среди них, наконец, показался желанный (Сережа). «Мы го-

ворили о всем, но никогда о себе» (это ее основа: жить, не думая, не загадывая), как только задумалась, так все и потерялось, Снегурочка тает. Он уехал, она думала – совсем и начала снова кокетничать. И вот явился «диктатор». До сих пор все ее жалели («все хорошие»), этот имел план в голове. И вдруг, она оказалась пронзенною. Вскочила и выгнала вон. Он пришел на другой день, она топнула ногой: «вон!» Он ответил: «ваша воля!» и вышел.

Вдруг вернулся Сережа и бросился к ней в объятия. И спал с ней две ночи. Она трепетала: разве так можно! Ожидала ужасного вопроса. Он ничего не спросил. Она сама спросила его, представляя в третьем лице: мог бы он такое простить.? Он ответил: никогда!

Вопрос присяжным: виновна? И ответ их: да, виновна! И я сам в то время не мог ее взять только потому, что, любя меня, она смотрела на другого (это свойство алмазной весны, холодная внутри, сверху блестит). Но, я думаю, она не виновна.

Явился брат (он теперь создал себе «положение» и ей не дает ни гроша). «Ты ведешь себя, как проститутка, да, кажется, это уже так и есть...» И вот Василий – типичный человек-мещанин, каменный, против которого проститутка на своем фронте выставляет «акул».

Бывает, побитая машинка печатает букву вдвойне: две буквы одна в одну и видишь две, а читаешь за одну. Такие бывают у человека глаза. У нее раньше это было – один подходит, она глядит на другого, теперь это стало у нее внутри. Он отходит от нее. Она ждет. Потом со злости, зря отдается другому, чтобы выйти за него замуж. Было это во время фокстрота. Он ей сделал это предложение... «А у меня были месячные». Он не посмотрел и на это. Проснулись среди бутылок. Он прямо бросился к столу писать родителям письмо, что хочет жениться («тоже был в то время ребенок!» – сказала она).

Вышла замуж. Началась «растительная жизнь». Отец мужа (студент консерватории) врач-немец. Все стали думать, как бы сделать ребенка. Помог врач-гинеколог. Она не испытывала чувства удовольствия от акта. Иногда будто бы помогает, если женщину привести в состояние возбуждения. Целую неделю каким-то способом раздражали ее, и она забеременела (что-то у меня голова кружится... – Готово!). Когда родился ребенок (его вынимали под хлороформом клещами три дня), она стала к мужу совершенно равнодушна (вероятно, сказался на психологии искусственный прием). Отношения стали холоднее и холоднее, он уехал и не вернулся. Выслал разводной лист ей с его фамилией (чтобы ребенок носил его имя). Родители требовали ребенка. Она его не дала. Ей не присылают денег, она по гордости не требует алиментов. Служит за 55 р. В глубокой

бедности (сама шляпу сделала, шуба чужая, халата нет, штопает чулки без конца).

И сейчас ей все делают предложения, и мать стремится выдать ее замуж. Конечно, взять может только студент. В паспорте записала себе не 29 лет, а 25 (выглядит еще моложе).

<*На полях*> Они выгоняли из нее наследника, будто рыбу давили и выжимали икру. Но когда выжали, то рыба обернулась в мать человека, взяла ребенка и заявила: «он мой!» и ушла.

Весна плачет серыми слезами, но у меня сухие глаза, я плачу внутрь себя, и там собирается слез человеческих не меньше, чем у весны ее внешних слез, которые все понимают по-разному.

Я простился. Ее два голубые глаза исчезли, как две бледные звезды на восходе солнца. Я шел в равнодушной толпе и вместе с нею вошел по нужде своей в тесное место. Там было много желающих. Я стал в очередь, стараясь дышать в рот от зловония... Приходили новые и прижимали нас тесно в клоаку. Тогда на мгновение вся жизнь встала мне как клоака, и я вышел на улицу и был совершенно один. Хотел уснуть в своем номере и не мог уснуть. У меня оставалась надежда, – она придет, и я скажу ей все, я сумею показать ей, что любовь на свете одна и любить можно вне очереди. За одну понимающую меня улыбку в эту минуту я готов был бы взять на себя много. Шли часы, их было много, и много вылилось слез внутрь меня. Она не пришла!

Когда я приехал домой, то было так странно: мне все было мило, а жена милей, чем раньше. Я глядел на жену и думал о Козочке, и одно ничуть не мешало другому.

Она была вся в улыбках, сотни разных улыбок во все этажи, и все звали ее «Веснушка», хотя ни одной веснушки на лице ее не было. Ее называли «Веснушкой» потому, что среди них не было ни одного поэта, и никто из них не мог догадаться, что это была у них сама Снегурочка.

Отца моей Козочки убило в Мраморном дворце электрической искрой. Вдове матери дали маленькую пенсию, и она с детьми перешла жить на Малую Охту. Моя Козочка родилась в Мраморном дворце, а проживала на Охте. (Великий князь держал ее на руках и показывал картины.)

Я не защищаю: разве можно винить женщину за доверчивость. Она – вся доверчивость.

<*На полях*> Мать говорила: мы архангельские, хоть и мужики, а рабами не были!

По правде говоря, я загадывал втайне, что скажу ей: «Я люблю тебя, сделай мне теперь праздник, отдайся мне, женщина, и знай: я человек самый верный и благодарности моей не будет конца». Она сидела у меня на постели, почти голая, я подошел к ней, обнял ее, хотел сказать, но не мог: от нее не было тока. Я сказал: «У тебя, Козочка, тело розовое, а бывает голубое». Она ответила: «У меня есть и голубое» и открыла мне ноги выше чулок почти к животу, там, правда, тело было голубоватое. После того я отошел в сторону и любовался ею, как будто она была из мрамора. «Чувствуешь ли ты, – сказал я, – потребность в удовлетворении себя как женщина?» Она ответила: «Никогда, ни малейшего желания». Мне показались чудовищными все мои тайные расчеты на «пир», но захотелось что-нибудь для нее сделать.

Но существуют же на свете «диктаторы» любви, им все равно, любит она или не любит.

Я остановился в большой гостинице, и меня запрятали в глухой номер на третьем этаже, окнами во двор, куда не проникало никаких звуков. Проспав в одиночестве полчаса, я почувствовал начало тоски, от которой, если вовремя не встретить близкого человека, можно заболеть таким безволием, что уж и не встанешь с места... Поскорее вышел я на улицу. На Невском была чужая мне толпа людей. Я шел без плана и остановился у Невы... Прошлый год я был на этом самом месте и вспомнил: я хотел идти на Васильевский остров в дом, где жил десять лет тому назад, узнать, не осталось ли каких-нибудь слухов от моей Козочки. Остров был в тумане, Нева подо льдом. Людей вокруг ни одного человека. Кто-то, впрочем, показался и спросил меня, где Вас. остров. Я указал рукой на мост, и человек скоро исчез в тумане. Я же решился идти, махнув рукой на Козочку: за 10 лет от нее остались теперь только ножки да рожки. Теперь я перешел мост и потом добрался тихонько до своей линии. В воротах, где когда-то я стоял на дежурстве с винтовкой, теперь дворник стоял. А когда я назвал фамилию, указал мне рукой на старушку с мальчиком, и я узнал: это была мать Козочки. Старушка узнала меня. С волнением спросил я про Козочку. Она указала на мальчика и сказала: «Пять лет!» – «У нее теперь муж?» – спросил я. «Нет, бросил, она служит, заходите вечером, обрадуется, как обрадуется!» Я обещал и начал бродить. Куда девалась моя тоска, и громадный город, мне казалось, мертвый, вдруг ожил для меня во всем своем великолепии простора. Прошлое стало оживать, и я сам стал воскрешать все подробности с такой силой, что из прошлого через настоящее перекинулся мостик в будущее. Правда, с этой Козочкой связано у меня так много! Она была много моложе меня, и я любил ее, как ребенка.

3 Апреля. Серый день с туманом. Среди дня на короткое время был дождь. К вечеру туман усилился. Ночь обошлась без мороза.

4 Апреля. Этот опыт показал, что я в свои 55 лет в состоянии сорваться с места и пустить все кувырком. В дальнейшем надо добиться в себе спокойствия, но все-таки не дойти до полного охлаждения. У нас с ней будет обмен: она мне даст материал сокровенной жизни женщины, а я ее буду поддерживать и материально, и нравственно. Все произошло потому, что я кончил «Кащееву цепь» и расстался навсегда с «Иной Ростовцевой» – то было так давно! Это ближе, но тоже давно, и так она стала на место ее. Дорогая, моя! Ты очень ошиблась, высказав, что я забуду тебя, как только вернусь в обстановку своей обычной жизни и работы. Вот тебе доказательство: посылаю для твоего Олега все лучшие книги, которые были изданы в последнее время для маленьких детей. Я пришлю скоро и свои книги для тебя, но это уже будет о себе, а мне хочется что-то сделать для тебя, а не для себя. Соня, если бы ты знала, как мучительно было мне выслушать все, что ты мне рассказала о себе. Но я решил все это запахать и обращаться к тебе такой же, как я знал тебя, – милой девушкой с сотнями улыбок во все этажи окружающих тебя домов. Ты не смущайся, эти улыбки наши – доверчивость, за которую обыкновенно и расплачиваемся. Впрочем, я не спасать тебя хочу: мне ты и так хороша. Но все-таки, если ты имеешь мечту снова замуж выйти, я даю тебе совет: не выходи ты за студентов, из этого ничего не выйдет хорошего и только потом прибавит тебе новых потерь. Старайся найти человека, который полюбит твоего ребенка и вообще, чтобы все было без игры в любовь. А пока этого нет, я буду тебе помогать. Ты мне пиши, что тебе сейчас нужно больше всего, и мы постепенно зашьем все дыры твоей нищеты. Кроме того, тебе необходимо отдохнуть: ты больна. Бери отпуск на месяц и отправляйся к своей подруге в Крым, рассчитай, сколько это будет стоить, и я приготовлю тебе денег. Только, Сонечка, не удивляйся моей щедрости и не производи меня в благодетели рода человеческого. Ведь я делаю все для своих детей, но почему же мне и не сделать для тебя, которую по самому себе непонятным причинам люблю, как родную.

Утром тепло и сильный туман. Сегодня заказать сапоги. В Союзе охотников справиться о сроке охоты и ориентироваться в движении весны, чтобы не пропустить половодье.

Весь день прошел в тумане.

Когда я умываюсь, Кента лежит сзади меня в углу на матрасике. Если быстро обернуться, то заметишь – она, подняв голову, смотрела на меня, но как только я обернулся к ней,

быстро уткнула голову в хвост и сделала вид, будто крепко спит. Подойти к ней – она так туго свернулась, но отойти и на ходу обернуться, заметишь: она провожает глазами, приподняв голову.

5 Апреля. ездил в Москву покупать сапоги. День был весь солнечный, теплый. Много дал этот день воды. На <*1 нрзб.*> речках везде вода. Сапоги купил у Зуева (Петровка, 15) за 56 руб.

6 Апреля. Утром туман, потом снег, потом дождь и к вечеру солнце. Был Егор из Бобошина. Говорит, на болотах за вчерашний день выступила вода, по закрайкам озер показались первые утки. Договорились о гончих щенках.

7 Апреля. Благовещенье.

Великий светлый день. Слышал дроздов и, кажется, зяблика. Кончура черная бушует в белых снегах.

Весь день мокрый снег. Ночью метель.

Письма к Снегурочке должны быть просто красивыми, ясными, веселыми. Следующее письмо будет во вторник.

Весна воды

С 26-го Марта начались облачные дни, и стало изо дня в день постепенно теплеть. Так окончилась в этом году необыкновенно яркая алмазная весна. 1-го Апреля Петя ходил в Константиново. Дорога уже портилась. С холмов снег сбежал. Прилетели скворцы и жаворонки. Рассказывал такой случай. Ехало несколько подвод. Передний мужик остановился. Все остановились назади. Спрашивают: «Ты чего?» Отвечает: «А поглядите!» Охотно встали мужики ноги размять, покурить, подошли к переднему. «Глядите!» – сказал им передний. И все увидели на рыжей дороге стайку совершенно белых маленьких птичек. Бывают на дороге желтые овсянки, красные снегири, пестрые щеглы, но белых в обыкновенное время не бывает, белых у нас нет.

Все это поняли и сказали:

– Это не наши.

И покурив, поехали дальше.

Ночью был мороз. Наст скипелся. Солнце взошло во всей славе. Пахло морозом и солнцем. Прилетели дрозды и трещат. И мне кажется, я слышал даже и зяблика.

Бушует извилистый поток. Я шел по насту в поисках перехода на ту сторону. Шум потока сливался с песней жаворонка, я забылся. И вдруг оказалось, я давно уже иду по той

стороне. Это было удивительно, я вернулся своим следом – посмотреть, где же я это перешел. Оказалось, между высокими берегами потока аркой висел ледяной мост, сверху покрытый сверкающим снегом. Я не заметил и перешел. Можно бы сломать себе ноги о камни или окунуться с головой в ледяную воду, но я не заметил опасности и перешел. Так всегда достигается лучшее.

Там и тут рушатся в черный мутный поток снежные глыбы. Упала и моя милая Снегурочка. Ну, Бог с тобой, Козочка, не горюй, из каждой слезы твоей мы вырастим цветы.

Когда я возвращался лесом домой, опять послышался тот радостный голос, и теперь я знал наверно: это зяблик поет. И, пересчитав новый стиль на старый, очень обрадовался: это Благовещение, Снегурочка непременно воскреснет.

А. К. Воронскому.

Я был в Питере и потому не мог попасть на Ваш доклад, извините. Замошкин мне кое-что рассказал. В конечном понимании искусства и жизни я с Вами согласен: искусство и жизнь – это одно. Всякий истинный художник – это наивный реалист (см. историю философии, глава: «Наивный реализм»). И если говорить отвлеченно, я с Вами согласен: записывать документы жизни, и это будет поэзия. Но где эти цельные люди, дети природы? Нет их, и смешно теперь устраивать пролеткульт по Руссо. На простоте далеко не уедешь теперь. Путь к наивному реализму, к простоте (к «жизни») лежит через добро мировой культуры, и только редкий человек не сломает себе шею на этом пути.

Может быть, Замошкин неверно изложил мне Ваш доклад, я понял его через себя (Вы упоминали о моих писаниях как о «документах жизни»). Я сам считаю себя наивным реалистом и верю в подлинность своих документов, но разберите хорошенько, и вы увидите, что достижение этих документов предполагает сложнейшую личную жизнь.

Задумали, загадали

«Задумали-загадали» говорят самые густые сваты, выпивая перед свадьбой первую рюмку. Эта поговорка имеет священное культовое значение. И «повторить» ее, как ты пишешь, пользоваться ею в обществе нельзя. Но я согласен избрать эту поговорку между нами двумя, с условием не говорить ее никому третьему и чтобы уже раз навсегда: как сказал третьему, значит, кончен союз. Для общественного же пользования возьмем «будьте уверены». И значит, если мы с тобой сидим за столом в обществе и выпиваем, то вслух говорим «будьте уверены!», а потихонечку шепчем друг другу: «что задумали,

загадали». Конечно, и между собой зря тоже нельзя говорить. Я написал, например, тебе это в открытке, потому что действительно кое-что задумал-загадал. Придет время, я тебе все сумею рассказать, но сейчас опасно, вернее, просто не сумею выразить словами.

Вот еще ты спрашиваешь, можно ли «о всем» писать. Конечно, письма у меня не вскрываются никогда, но для себя самого это опасно: письмо уйдет и унесет что-то твое, захочется вернуть – не вернешь. Есть вещи, которые вдвоем шепотом не посмеешь назвать своим именем. Я пишу такое обыкновенно у себя в дневниках, причем еще в чрезвычайно искусной форме, чтобы никто не мог догадаться о личности. Там напишу, но в письме не могу и не могу. Позволь привести тебе пример. Ты при всей готовности своей не могла мне передать одно обстоятельство из своей жизни: «Ну, это, – сказала ты, – нельзя рассказать». Вот как я записал об этом в своем дневнике.

Позволь мне привести еще пример из дневника.

Снегурочка. Конечно, очень трудно записывать свой интимный мир, чтобы выходило не стыдно. Но иным это дано от природы. И я тебя не смущаю, попробуй: я буду счастлив. Но лучше помолчим до свидания. Поговорим об этом.

8 Апреля. Воскресенье.

9 Апреля. Все завалило снегом. Запорошило окна. Воет ветер. Несет.

10 Апреля. Несколько уже дней, как Кента в тревоге, без причины ноет совершенно тем голосом, когда, бывало, собирает щенят. Иногда войдет, залезет под кровать – поноет, потом под диван – опять поноет. В это время у нее прошлый год были щенята. Очень возможно, это психический рефлекс.

После Благовещенья снова началась алмазная весна всю неделю. Сегодня 14-го в субботу небо покрылось тучами, но при северо-восточном ветре не таяло, несло снегом снизу и сверху. Есть надежда, однако, что эта метель к перемене. Не помню еще такой Пасхальной ночи: как в Феврале.

Вчера Маня забыла калитку закрыть. Вырвались Нерль с Дубцом и приволокли в сад по курице и заели.

За сутки нанесло снегу, пожалуй, не меньше полуаршина. Вчера вечером расчистили. Начало морозить. Сегодня солнце вышло чистое над белым искрящимся снегом. Хоть зайцев гоняй.

Прошло всего 9 дней, как мы расстались, но кажется, так много прошло! Вчера на ночь здорово поругались с Павловной и она мне бросила: «Так что ж, ищи молодую жену!» В сердцах я стал думать о Козочке: «Вот возьму, да и уйду к ней». Это отлично меня отрезвило: Козочку женой трудно себе представить. А Е. П. – это коренная женщина, и едва ли от нее куда-нибудь можно уйти. Прав был крымский старик: с одной жил, с другой путешествовал. Козочка – существо для путешествий, и притом даже <не> в отдельных купе и каютах, а в общих вагонах, чтобы говорить шепотом обо всем на свете и вдруг на какой-нибудь станции расстаться.

Мужчины для нее, как любимое зеркало: она отражает себя в них в самом прекрасном виде, и ей это нужно – вот все что Козочке нужно: зеркало. Мне кажется, один раз было в ресторане, она так посмотрела через кольцо, которое вышло случайно из моего локтя, плеча и головы: мне пришла в голову какая-то мысль, на одно мгновение я забыл о Козочке, поставил на стол между ней и собой локоть, подпер кистью голову и задумался. Потом увидел я, с одного столика некто незнакомый с черным пробором мне улыбается. Быстро я обернулся к Козочке: она улыбалась удовлетворенная. Я спросил: «Чему ты улыбаешься?» – «А вот я сейчас видела одну сцену», – ответила она. И пошла врать. Я понял: она улыбалась тому господину с пробором через мое кольцо. Нет, впрочем, нет, ни этот молодой человек и никакой мужчина ей совершенно не нужны: она улыбалась себе самой в волшебном зеркале.

Шипучка (Свои деньги).

Завтрак: три копейки. Неделю не есть – пистолет. День не есть – коробка пастилы. Вместо еды взял и пострелял. Дядя вместо подарка – 3 рубля. Свои деньги. Огромные деньги. Все могу! Родные следят: что он сделает. Жил под опекой. Раз купил бутылку ланской шипучки и все прокутил: за вечер выпил 15 бутылок воды!

Воспоминание.

Картины: как арестовали царя. <*1 нрзб.*> шоколадного зайчика. Наше превосходительство.

Подрядили извозчика из Торопова везти нас на 2-й день Пасхи в Константиново за 10 руб. Я сказал: «Выпьем!» Ефрос. Пав.: «Выпьете и закусите окороком».

– Хороший пьяница языком закусывает. 60 лет, а болезни не знаю, когда простужусь, наливаю водки чашку, кладу в чашку две ложки горчицы, перцу, соли, размешиваю и выпиваю. Потом пью малину и сплю в трех потах. Наутро всегда бываю здоров.

В Союзе охотников.

Коммунист-охотник Морозов, наверно, большой любитель выпить, на митингах, на партийных собраниях до того размолотся в языке, до того изломался, что без смеху невозможно слушать его. Это тип, отлившийся в революцию.

Из его речей:

– Каждый мыслит! каждый мыслит ружье в кредит купить, а дали в кредит, и пошло ружье Отцу, Сыну и Святому Духу!

– В общем, я не буду объяснять: в единении сила!

– Критика должна быть, но критика без всякого бузотерства.

– Разрешите мне от президиума быть демократичным.

– Политически нельзя, товарищи!

– Дискуссию открывать не будем: чисто политически подходим.

<*На полях*> Охотники-рублевики.

На Кузнецком подошла ко мне незнакомая дама и чуть не бросилась мне в...

<*На полях*> Утром я зашел в контору Союза охотников. Конторщик Поленов, лицо которого я никогда не могу запомнить, вручил мне повестку на собрание вечером.

Я шел в Сергиевский союз охотников на собрание уполномоченных. Впереди меня шла дама в отличном коричневом пальто с собольим воротником. «А что, – подумал я, – вдруг бы оказалось, что эта дама охотница и тоже идет в союз, – насколько собрание было бы интереснее». Собрание назначено было в Доме Крестьянина. Дама остановилась против. У меня сердце упало – неужели? Она вошла. Я стал спешить, не верилось: наверно, она по какому-то другому делу, может быть, чаю купить. Когда я открыл дверь, она была на самом верху лестницы, там наверху было написано: собрание охотников. Я поднялся наверх. В большом зале было так накурено, что все как в тумане. И я увидел, в этом тумане на другой стороне, моя дама села на скамейку. Мне казалось, она была прекрасна. Среди грубых лиц охотников такая дама. Я хотел пойти туда к ней, но вдруг меня выбрали в президиум, и пришлось подняться и... Мы говорили долго, я тоже говорил воодушевленно, поглядывая через туман. Вдруг дама поднялась и ушла. Стало пусто и скучно. Я спросил тихонько, кто эта молодая охотница. «Какая охотница?» – «Да вот тут дама была». – «Какая же это дама, – удивился он, – тут была и сейчас вышла конторщица Поленова». Зал вдруг опустел.

13 Апреля. ...не удивит ли тебя моя мысль, что «любовь», о которой так много все говорят, не стоит того, чтобы из-за

нее страдать. Нет! Я не вижу для себя никакого соблазна в такой любви, мне тех жаль, <*1 нрзб.*>, и не хочу даже быть молодым. Я хотел бы так полюбить, чтобы не мною любовь владела, эта слепая сила, а я сам бы стал ее хозяином: этого мне очень хочется, я даже не мог представить себе жизнь без надежды на такую любовь.

В такой слепой любви одни, отдаваясь, теряются в мутном потоке, другие в испуге бегут от «грешной» женщины к идеалу святой мадонны. Мне бы хотелось иметь такую любовь, в которой идеальная была святая брачная ночь, восторг участия в творчестве жизни...

Знаю, что осуществление такого идеала может быть уже не к лицу мне и даже недостижимо. Но что из этого? Я говорю только о свете моих отношений к женщине. Мне понятней, правдивей, честней и даже святей моя дружба с женщиной, если я не скрываю от себя, что она держится силой моего идеала брачной ночи с ней...

Почему же мне стоять спиной к ней – какой вздор предрассудка, какое недоверие к себе самому и унижение. Я вчера отправил тебе поздравительную открытку, но сегодня получил твое письмо и, к счастью, у меня есть время тебе написать. Мне пишется тебе очень легко. Правда, вероятно, мне не надо было писать тебе слова о возможном непонимании моего художества: это задело тебя, по правде говоря, совсем с неожиданной для меня стороны. А я хотел сказать совсем другое, очень приятное для тебя, что живая Козочка в настоящем просто мне дороже, чем написанная и отданная мной в книгах людям, это уже не мое, а Козочка моя. Не говорю ли я опять ненужные слова? Едва ли, если ты пишешь мне, что держишься за дружбу со мной «внешними и внутренними руками». Удивляюсь, как это ты можешь писать после занятий на службе. Разве нет у тебя своего интимного часа, когда уложишь сыночка?.. По-моему, надо как-то устроить, завоевать себе такой час. Может быть, ты молишься на ночь и так удовлетворяешь себя. Я разучился молиться как все, но вся моя любовь к делу своему каким-то образом, наверно, выходит из молитвы.

Письмо.

Я начал во имя твое, архангельская, дикая, лесная Коза, особое ласковое хозяйство: завел папку в 1/4 листа, куда помещаю и твои письма, и наброски свои, и мельчайшие, в куриный носок, повести, из твоего «быта», если хочешь, поэмы. Любую из этих вещиц я бы мог напечатать, но этого не будет без совета с тобой. Видишь ли, я разумный хозяин, недаром же мне в субботу будет 100 лет, я не хочу в этом хозяйстве затрачивать «основной капитал» и потому у меня правило: лучше отказаться от процентов, чем волновать самый

источник их, лесную Козу. Мне очень понравилось, что ты от моего хозяйства пришла в «дикий восторг», это значит – я отличный хозяин. Но я тоже доволен, что письмо твое нерастрепанное и ты по-своему тоже хозяйствуешь. Непременно! И то «важное», о чем ты хочешь спросить меня или сказать сама, тоже пусть будет в меру и счет. Не по тем причинам я это говорю, что может письмо твое попасть в другие руки (это нет), а что очень об этом трудно сказать в письме. Но возможно, это мне трудно, ведь я литератор, меня так увлекают воображение, слова! а у тебя это выйдет легко и свободно. Ты мне очень, очень много уже рассказала о себе, но есть моменты в твоей жизни, совершенно мне непонятные, и я умру, но не спрошу тебя об этом в письме. Напротив, у тебя выходит как-то удивительно просто, вот хотя бы о тех глупостях, которые писал я, мог бы наделать, питаясь в Питере неделю вином. Ты пишешь: «ломаю голову, чтобы догадаться, какие это глупости». И признаюсь, я сам теперь ломаю голову, чтобы представить себе возможные глупости. Многое, правда, кажется только, а на самом деле и нет ничего.

<*Следующий абзац зачеркнут*> И вот это «ничего» и есть то, что я хотел сказать тебе, когда писал о своем художестве: не то, что, как подумала ты, будто у тебя нет способности понять его, а что это далеко от интимной жизни, это для всех. Вот я думаю, ты теперь и довольна.

Однако, перечитав написанное о «глупостях», я покраснел. Вручаю тебе один из ключиков к моей душе, если ты заметишь, что я покраснел, то значит соврал. Пожалуйста, запомни это, а теперь я постараюсь силой данного мне Богом умения прилично рассказывать о неприличнейших вещах, попытаюсь высказать правду о глупостях. Когда я был мальчиком, няня мыла меня в бане. Была моя няня девушка и гордилась этим, и до седых волос говорила: «я девушка». Вот, бывало, когда девушка раскраснеется в жаркой бане, вдруг как бы с ненавистью скажет мне: убери «дураки!». Это значило, что надо сдвинуть коленки. Я понимал, что коленки и есть «дураки». Ты, конечно, знаешь свойство всех дураков действовать вне всякого хозяйственного плана, и этих дураков в особенности <*следующая фраза зачеркнута*>, теперь я вручаю тебе ключик от самого таинственного шкафчика моего. Представь теперь себе: был такой случай, шутка за шуткой, и у меня с кем-то вышли «глупости». Я возвращаюсь домой. Мои дураки не шалят. «Почему?» – спрашивает меня. Я краснею и не могу. Вон из дома беги. Я убегаю. А Та, другая, получив от меня ключик, чтоб я от нее не убежал, отправляясь на службу, запирает меня в шкафчик. Я начинаю за это ее ненавидеть. И вот однажды она забыла запереть, и я убежал и во всем покаялся, и все пошло по-старому, а от «дружбы» и следа не осталось.

Иному, знаешь, все как с гуся вода, а со мной было только один раз, и я напугался ужасно вообще за дружбу мужчины с женщиной, хотя без этого просто жить не могу, все мое художество я понимаю как «дружбу» и в последнем романе каждую главу начинаю «Друг мой!». Я понимаю дружбу как хозяйство любви.

Вспомни свое. Ведь один только момент (Сережа), а потом все дураки, дураки без конца. А между тем, если бы умно хозяйствовать, те же самые дураки, подчиненные воле хозяина, создали бы священную брачную ночь...

Ты умная, Козочка, и не поймешь все как формулу и не станешь наши отношения подводить: это было бы грубо. Но какие-то намеки на все это есть и в наших отношениях, и потому на всякий случай из осторожности и завожу хозяйство: папку в 1/4 листа и прочее. Когда вчитаешься ты в мои книги, то поймешь мое чувство природы, это особенно страстное (говорят: «небывалое») чувство природы есть чувство жизни, которую понимаю я, как священную брачную ночь. <*Зачеркнуто*> Никакого греха!

16 Апреля. Играли в снежки. Пасха!

Любовь и песня.

Они всю свою любовь пробегали и о любви своей друг другу ничего не сказали, все совершилось в молчании. И потом, когда они разошлись, узнавали каждый отдельно любовь свою, разбросанную по кафе, по театрам, по улицам...

Слова в любви бывают самые простые и о простых вещах... Но если начинаются слова изнутри огненные, страстные, то это идет за счет любви, и получается та самая песня песней, которую мы слышим с незапамятных времен. Смысл этой песни песней – призыв к священной брачной ночи жизни...

Но никогда своя песня не может служить себе самому в своей собственной любви в деле достижения своей возлюбленной: эта песня направлена в мир, к другим, но никак не внутрь к себе, и поэт только смешон, если направляет стихи своей собственной возлюбленной.

По правде-то сказать, ведь так и не пришлось ни разу в жизни вкусить... полной встречи так и не произошло. Вот откуда расцвет природы в словах. У тех бегунов...

Чужое слово в любви говорить неопасно, это считается в любовных делах за молчание. Но свое новое слово сказать во время любви – это значит любовь, и значит жизнь свою погубить.

Дружбу с женщиной обыкновенно заключают в кавычки: «знаем мы эту дружбу!» Но я думаю, дружба такая возможна и без кавычек, если только идет ровная хорошая жизнь. Часто разлука нарушает равновесие, начинает работать воображение, как будто обрывается электрический провод, искра сверкнула, и вот эта искра сверкнула, это значит, вместо дружбы любовь началась. У меня была дружба с одной девушкой, ей было всего лет девятнадцать, и я много был старше ее. Мы познакомились с ней во дворе № 20 по 13-й линии на Васильевском острове. Она жила наверху, я в самом низу. Стал ей кланяться, случилось, зазвал ее к себе и угостил колбасой: в то время в 18-м году колбаса в Петербурге считалась за редкость. А еще у меня было какао. В другой раз я ей приготовил какао, и мы с ней, весело болтая, провели часа два. В третий раз она пришла ко мне вся в слезах и спросила: «Ничего, если я у вас совсем буду жить?» Я сказал: «Ничего!» – и она осталась. Рассказала мне все: что мать ее куда-то далеко уехала, а с братом она разругалась: «С ним жить невозможно!»

Через неделю, когда я устроил Козочку на службу, и ее у меня в комнате не было, пришел ко мне ее брат и резко спросил о характере моих отношений с сестрой. Я ему резко ответил. Больше он не пробовал ко мне заходить. Козочка ходила на службу, спала у меня на диване, я рядом в маленькой комнате. Но случалось, когда печка топилась, мы лежали с ней на диване рядом, смотрели с оттоманки лежа в огонь и *<1 нрзб.>* болтали. Моя семья была далеко в провинции, в одиночестве жить я не привык, а пришлось! Но когда у меня Козочка поселилась, то стало как в семье, хорошо. Мы с ней не расставались, по вечерам…

В этом смешанном чувстве было два главных, одно, которое давало направление дружбе спокойной и светлой, и другое, увлекавшее вниз. С этим низменным чувством он вступал в борьбу и успевал иногда от него отделываться. Но тогда драгоценное чувство дружбы, оставаясь в одиночестве, быстро хирело, Козочка становилась не единственной в своем роде, а одной из многих, явился вопрос: почему же он именно избирает ее. И оказывалось тогда, что в том «низменном» чувстве не все было низменно: в нем, в этом источнике зла была сила избрания.

Можно удаляться и постепенно забывать, после через сколько-то лет за это ждет наказание: тогда через срок посмотришь вокруг себя – нет никого! и вспомнишь и то, что раньше казалось как грех, теперь покажется спасением, и всякое устранение себя от рискованной жизни покажется теперь грехом.

Нет, удаляться нельзя. Нужно больше верить в себя, – что вложенная в свою природу творческая сила возьмет свое и победит.

Любимое стихотворение

В раннем детстве я выучил наизусть стихотворение Некрасова:

Хорошо поет собака
Упоительно поет,
Но ведь это против брака,
Не нажить бы нам хлопот.

Это было самое мое любимое стихотворение. Я его читал и пел в доме, вытрубливал в бумажную дудку, в саду в дудку из каких-то пупырей, в лесу орал во все горло. Никто из взрослых не интересовался, почему избрал я такое несоответствующее детскому возрасту стихотворение, никто не понимал меня. И какое было мне потом разочарование, когда я в гимназии понял настоящий смысл стихотворения, какое оно стало неинтересное. Тогда же я устыдился своего понимания и похоронил его навсегда. Только теперь, окруженный любимыми моими друзьями, охотничьими собаками, я могу без стыда вспомнить, за что я любил так это стихотворение: исключительно только за то, что в нем каким-то чудом собака поет.

Любовь мужчины и женщины – это способность двигаться вместе, а в разлуке любовь это придумка.

Солнце светит, сгорая. Луна светит, и ей ничего.

Опытная женщина светит, и ей хоть бы что, а моя милая сгорает скоро. Вот почему я жалею мою милую.

Гаврилов посад

Сам Гаврила. Жалеют, разрешают спать под лавкой. Он просыпается, чтобы ужаснуться и опять <*1 нрзб.*>. Голубая луна и чайки.

Осталось три торговца – два Барашкиных и Козлов.

Вдова стрелочника: Дарья Кумачова. Эта улица <*3 нрзб.*>…

Одна улица<*1 нрзб.*> другие крестьяне.

18 Апреля. В Пасху играли весь день в снежки. Стоят вялые дни, слабо тает. Проталин в лесах нет. Сегодня утром слегка подмерзло, потом валил снег.

23 Апреля. Вчера вечером ветер подул с запада, не стало теплей, но прояснело: сегодня утренник, яркое утро. Сахарное утро значит не сладкое, а что снег гремит как сахар в сахарнице, когда выбираешь в ней себе кусок подходящий. До сих пор ежедневный мокрый снег. Вокруг Сергиева и на полях все еще белое, а в лесах по <*1 нрзб.*> проталины.

Московские охотники, не разобрав из Москвы, ринулись на тягу.

<*На полях*> В наш сад сделал разведку скворец.

24 Апреля. Утренник. Ясно, потом очень тепло. Разлив Кончуры. На ледок сел кулик. В высоте свистел кроншнеп.

Собираюсь в Лобцово по Нерль.

Взять с собой: 1) ружье, 2) 100 шт. патрон, 3) 500 папирос, 4) окорок, 5) пирамидон, 6) Журавлиную родину, обе тетради, 7) Селищева, 8) ваксу, 9) бумагу, ножик, карандаши, 10) термос, 11) фуфайку и теп. чулки.

27 Апреля. Гаврилов посад. Юрьевский чернозем.

Редактору «Известий» И. И. Скворцову.

Уважаемый Иван Иванович,

рекомендую Вам молодого этнографа-литератора моего сына Льва Михайловича Пришвина, который помещал в «Красной Ниве» и др. журн. свои очерки под псевд. Льва Катанского. В настоящее время молодой человек едет с этнографической экспедицией на Сахалин, его цель: литерат. обработка материалов экспедиции. Ему нужен от «Известий» аванс в 200 рублей, который он погасит своими корреспонденциями с дороги и по возвращении, очерками, редакцию которых приму на себя я.

Если Вы найдете возможным удовлетворить мою просьбу, то особенно прошу Вас направить Льва Катанского к сотруднику «Известий», который <про>инструктирует его относительно тем и отчасти формы корреспонденций и очерков, наиболее желательных для газеты.

С уважением Михаил Пришвин.

Поехал 27-го в пятницу, в субботу вернулся (28-го), 29-го поехал в Александровку, вечер теплый, следующий день теплый, потом холод и продолжался. 5-го Мая уехал домой и прибыл в Сергиев в 5 в. – холода продолжаются.

7 Мая. Дрессировка Нерли и Дубца. 1-й урок надо считать зимой: «лежать у пищи». Нерль лежит прилично, Дубец лежал, но так пугался, что после приказания «пиль!» не брал пищу.

2-й урок. По курам. Щенки вырвались к соседям и растерзали каждый по курице. Я купил курицу и припустил к ней собак. Нерль сунулась, но, получив удар плетью, сразу поняла и успокоилась. Дубец бешено рвался, получил несколько ударов и после того, глядя на курицу, сильно дрожал.

3-й урок сегодня.

Нерль. Поиск в кустах без дичи. Прошло без поправок, как со старой собакой. Ходит у ноги слева по словам «на место».

Два-три раза наступил с окриком «на место» на поводок, и Нерль пришла со мной домой у ноги.

Дубец. Все понял так же скоро, как Нерль. Но Дубец пугливый, нервный, горячий, но более чуткий к человеку. Отпрыгивал и лаял на выразительный пень. Приказание «искать» понимает как лежать. Найдя пищу, ложится и не берет по приказанию. Можно предвидеть опасность замедленной подводки. Принимать это во внимание при натаске по дичи.

8 Мая. 6-го Мая был теплый дождь, и с этого дня надо считать наступление теплого времени. Сегодня было жарко, ветрено, иногда слегка брызгал дождь.

Нерль и Дубец вместе.

Преодолел застенчивость Дубца таким образом. Спрятал кусочек в лесу и заставил искать. Первая нашла Нерль (она просто на глаз видно, – думает) – я уложил ее, потом Дубец – уложил. По приказанию «пиль!» Нерль схватила кусок. Во второй раз Дубец не остался дураком.

Вывел заключение, что учить необходимо каждую собаку в отдельности.

9 Мая. Ветреное, пасмурное, прохладное утро накануне дождя. Раскрываются почки черемухи (утки садятся на яйца).

Прогулка с Нерлью. Она не приносит, как другие щенки, палку. В следующий раз захватить побольше кусочков, буду бросать вправо и влево, чтобы привыкала следить за движением руки.

10 Мая. Ночью проливной дождь. Утро солнечное. Сильный ветер. Новые тучи заходят. Мне снилось этой ночью, будто жизнь человека превращается в звук, который остается вместо жизни и не для одной только нашей планеты.

Спрашивать писателя о «тайнах его творчества», мне кажется, все равно, что спрашивать от козла молока. Дело козла полюбить козу, давать молоко – это дело козы. Так и о творчестве надо спрашивать жизнь, нужно жить, а не спрашивать художника, в нее влюбленного, «каким способом мне тоже влюбиться».

Какое пустое занятие спрашивать меня, как я жизнь полюбил! Ведь это чисто личное дело, и подражать этому, без риска стать обезьяной, невозможно. А между тем большинство запросов, полученных мною за этот литературный сезон, сводились к вопросу: «Раскройте нам тайну своего творчества».

Третий вопрос анкеты был: «Почему и как вы написали последний рассказ, где черпали для него материалы?»

Признаюсь, что этот вопрос мне очень неприятен. Я ворчу: «И что они ко мне лезут! Мною дана вещь, берите ее, разбирайте, из чего и как она сделана, обратитесь, наконец, к учителям и критикам, они должны знать, научить не по мне одному, а по всем...»

Я с отвращением отшвырнул анкету, но через неделю подумал: «Как-то все-таки неловко, ведь если спрашивают, значит, тобой интересуются. Придет время, забудут, и рад бы был, вот как обрадовался бы, да никто не спросит...»

– Ладно, – говорю, – расскажу, так и быть, расскажу о своем последнем, еще нигде не напечатанном маленьком детском рассказе.

Материалы свои я черпаю из жизни, соприкасаюсь с ней часто даже посредством спорта.

Не знаю, как вам, а мне рассказ очень нравится, я думаю даже, это будет один из лучших моих детских рассказов. Конечно, еще подработаю, напр., надо вставить сцену на площади: козел прыгал, а мужики ему говорили: «Женить бы тебя, подлеца!»

Теперь я вернусь к поучению Тарасовны (кстати, прозвище ее, известное всему городу, «Козья Матка») – с ее елецкой речью, с ее народным складом ума – это коза, молоко рассказа от нее. Но не будь меня, рассказ не появился бы на свет. И рассказ не даром мне дался, в моей голове постоянная мысль о реальном детском рассказе: «реальный рассказ – это сказка, заключенная в меру пространства и времени». Мне рассказ дался тоже как имя Ивана Царевича козлу: за ум и за молоко.

Но скажите, как же этому «уму» научить?

Ванька и Пуська.

Бывало, в голодное время Тарасовна каждый день в Исполкоме чего-нибудь добивается для своего хозяйства. А козел стоит на площади у дверей в Исполком и дожидается. Старухе беспокойно, козел прыгает. Соберутся мужики вокруг козла, дивятся, как здорово прыгает, и говорят ему:

– Женить бы тебя, дурака!

Тарасовне беспокойно, народищу в Исполкоме много, пока дойдет очередь, мало ли что может с козлом сделаться. Вот она высмотрит, когда комиссар зачем-нибудь выйдет в коридор, и к нему туда: «Кормилец, подпиши, козел меня дожидается, беда с ним!»

Так и раз, и два, и три. Вот за что и прозвали Тарасовну в городе Козьей Маткой.

На днях пришли мы с женой к этой Козьей Матке чай пить.

– Милая...

13 Мая. После революции была такая жажда встречи с родными, с близкими. Но когда потом произошли эти встречи, то после короткого восторга каждое такое лицо как бы завязывалось в мертвый узел: становилось обыкновенным, неинтересным, и главное, чем-то прошлым. То же, по всей вероятности, случилось и с Козочкой. Роман «Кащеева цепь» надо тоже считать этим мертвым узлом центрального существа моей жизни. Теперь становится так, что как-то не до него, нет серьезного дела. Остаются только «люди везде» – это еще интересует, т. е. люди, которые являются как-то сами собой, по соседству, к которым не надо ходить, просто люди, живущие вокруг во всяких условиях, непременные члены бытия. Я готов их при встрече иногда обнять и расчаеваться, готов помочь, но только сразу: вложил деньги и стоп, и конец.

Что это, следствие старости?

Или утомление от революции?

Или исполнение желаний: достигнута известная обеспеченность, устроены дети и пр.

Так или иначе, но этот путь возможного полного исчезновения родного, близкого действительного человека и одновременное возрастание славы и богатства, появление вокруг внешних людей и есть тот путь, по которому шел Толстой и то, о чем он молчал (по Горькому), было ничто, Толстой до конца дней своих выдавал людям векселя и в заключение остался банкротом.

У Трубецкого есть чувство природы. Он восхищался весенней ночью на токах. Я спросил его:

– А в Гатчине на токах были голоса этих птиц?

– Были, – ответил он, – только я тогда их не понимал. Вероятно, без горя это и нельзя понять: сравнить не с чем было тогда. А теперь столько горя в себе и когда услышишь голоса птиц – обрадуешься.

Боюсь операционного стола и математики: хирургия – ужас для тела, математика – для головы. Кажется, все могу, захочу, так, кажется, и себя спасу и людям путь укажу, все возможно, если захочу, но если для этого потребуется спокойно вынести операцию, или пройти высшую математику, – конец: не могу, не дано.

Слепые в колонии инвалидов имени Каляева тоже весны дожидались. И когда стало тепло, они побрели в город продавать свои пайки. На вырученные деньги они покупали вино, выпивали и пьяные с дикими ругательствами возвращались домой. Иной раз скатывались вниз с высокой насыпи, дрались между собой. Весной у них тоже пробуждается любовь. Там в колонии нельзя, они пользовались теплым временем и, выпив в городе, на обратном пути в колонию валились в кусты. На днях двое так выпили, что прямо на улице целовались взасос

и так увлеклись, что на Красюковке вообразили себе, будто они в кустах, и легли в грязь. Их окружили мальчишки, из окон смотрели, открывали окна, кричали на них, как на собак. Но они ничего не видели и делали это в грязи у всех на глазах, им не было стыдно, они были слепые.

Написать, как я научил ходить за ногой Ромку. Ромка хапал бабочек.

Все бранятся зверем, хуже нет, когда скажут: «ты зверь!» А между тем у зверей этих хранится бездонный запас нежности. Сколько любви в природе можно видеть, когда дети зверей разлучаются с родной матерью, и на место родной становится другая. Маленького лисенка вынули из норы и дали воспитывать молочной кошке, и она его воспитала, и лисенок кошку любил; если бы это лиса была, то мы бы и не заметили, но нежность его к матери-кошке нас поражала. И не только волк, даже тигр будет с величайшей нежностью заглядывать в глаза, если человек выходит его маленького и станет ему вместо матери. А у собак перед всеми зверьми особенная любовь к человеку. Эта любовь совершенно того же характера, как любовь слепцов к молочной матери. Как будто собака, выхваченная из прошлой дикой жизни, сохранила чувство утраты всей матери-природы и на веру отдалась человеку вместо матери. По собаке заметней всего, какие возможности любви заложены в звере и всей дикой природе.

Наши чувства к женщине-жене происходят часто от материнской любви: что-то разлучило в детстве с родной матерью, и этот неудовлетворенный запас любви потом обращается к другой женщине и жаждет найти в ней то самое, чего не хватало у родной матери. Бывает очень часто такая любовь вслепую, как у лисенка к кошке: тут выбора нет, приходит час, и первая женщина делается женой. Иной так всю жизнь проживает в чрезвычайно нескладной паре только потому, что боится оторваться от молока женщины-матери, не обращая внимания, кто она... (Жизнь И. Н. Игнатова. Он революционер. В Париже его революционность остается на мели, а в этой революционности скрывается и родина и мать. Он берет еврейку, притом некрасивую, кислую и живет с ней верным сыном: лисенок сосет кошку. Трагедия пришла под самый конец. Явились большевики и евреи, лисенок стал догадываться, что кормит его не родная мать. Она же продолжала его кормить. Добыла академический паек. Он отказался. Она потихоньку его кормила, и он умер, не зная, что ест академический паек.)

Ранняя, дружная весна прекрасна в мечте, но живет не для меня: мне с такой весной не справиться, она прошумит, а я

останусь ни с чем. Затяжная весна с возвратными морозами – вот это по мне! Когда затянется весна, я думаю: ну уж если даже там не совсем ладно, то мне-то и вовсе простительно. И когда среди ненастья, морозов и бурь проскочит райский денек, так обрадуешься, что о себе и забудешь. А в этом и есть секрет всякого счастья – совсем забыть о себе... Был такой день, и вечер, и одно утро этой никому незапамятно затяжной весны, когда вдруг стало все понятно, почему этой весной было столько бурь, дождей и морозов: все это было необходимо, чтобы создать такой день.

Я нанял себе извозчика ехать по шоссе до Мораловой гати, чтобы пройти потом пешком верст десять по непроезжим местам и встретить следующее утро на пойме.

Люблю пойму весной воды, но только очень немногим охотникам и натуралистам могу рассказать о своих радостях, о музыке болотного концерта, но охотник спрашивает: «а сколько убил?», натуралист – о видах и подвидах долгоносиков. Цельный человек, не специалист, которому и хочется рассказать, понятия не имеет о пойме. Кому, правда, охота весной пройти по Мораловой гати.

<*Приписка на полях*> Михаил Пришвин. Утро на пойме. Рассказ.

11 Мая. Вчера к вечеру стихла буря этих дней. Ночью шел дождь. Утро тихое, влажное, небо серое с просветами, солнце. В овраге внизу еще снег, а головки растаяли, и на черной земле зелень пробивается желтыми кустиками. Только у черемухи раскрылись почки, да немного у березы. На всех других почках висит по тяжелой капле воды. Когда солнце показалось, все капли наверху откликнулись ярко-зеленой, только что проглянувшей траве: «Мы гости, мы гости». И трава им: «Приехали!»

Прогулка с Дубцом. Он всего боится, жмется, чуть что и к руке и лизнет языком. Я думаю: «Возьмите у матери ее птенца или все равно у какого животного его дитя и станьте ему вместо матери, и вы удивитесь запасу нежности в природе».

В лесу Дубец еще бегает с грехом пополам, а в поле совсем плохо. В следующий раз надо взять Кенту: пусть привыкает.

14 Мая. Сморчки-овсяники.

11-го – 12-го непрерывный дождь. *13-го* холодно с ветром.

Сегодня жаркое тихое утро с сильной росой. После 12-ти брызнул легкий дождь («из облака»), а потом пролил и сильный, хотя и короткий в опровержение распространенного мнения, что если утром сильная роса, то день должен быть ведряный.

Я ходил с Дубцом и Кентой до Торбеева озера, потом вернулся Дерюзенской дорогой. Озеро еще в разливе. Вокруг него

еще желто. В шоколадных лесах как будто виднеются зеленеющие кроны, но это кажется: это не кроны, а зеленеющие поляны. По берегу озера бегала, ноги мочила, в черной косынке и в черном переднике белощекая трясогузка. Качался серый кулик. Плавала кряква с селезнем. Из желтой травы торчала хохлатая головка чибиса.

Дерюзинские дороги.

Александровский тракт, рассекающий лес, погибает и, если так будет и дальше, скоро будет поглощен лесом вместе со своими телеграфными столбами. Некоторые колеи столь уже глубоки, что в дождь обращаются в русло потоков. Другие колеи стали аллеями разнообразнейших деревьев, между ними трава и цветы, нигде нет столько анемон и фиалок. Чудесна тут белая, выбитая человеческими шагами тропа, над которой в это время постоянно летают бабочки-лимонницы. Постоянное кукование. Раскрытые почки деревьев, как насекомые с изумрудными крылышками. Сколько счастья! Удивляюсь, когда люди совершенно здоровые едут в Крым, зачем это нужно?

От земли сильно парит. Пашут под яровое. Время роста сморчков-овсяников. В лесу сыро, идешь, ноги чавкают: поцелуи, поцелуи без конца. Выходишь на полянку, стало суше, поцелуи перестали. Вот старый березовый пень, на котором угнездилась маленькая елочка. Возле этого пня сидят желтые сморчки. Берешь их, а зяблик рассыпается, вот как рассыпается! Я счастлив исполнением своего желания. Я не ехал в Крым, я ждал и дождался: Крым сам приехал ко мне.

Собака, оставленная дома, с ума сходит от горя, а когда вернешься, начинает всего-то, всего обнюхивать, вероятно, узнавая, где был, что видел. И другую собаку встречает точно так же, всю обнюхает, о всем прочитает.

Неразгаданные странности собак: у Кенты стоять под густой с опущенными до земли лапами елкой.

Со старой собакой пускать молодую положительно вредно, как бы ни была хороша собака старая, на охоте она уже получила какой-нибудь недостаток, потому что выработала себе рутину инстинкта, молодая еще себя себе не открыла и существует, как желание своего хозяина…

Старая собака полезна для примера поноски: напр., доставать палочку из воды.

18 Мая. Теплый день, березы распускаются по всей правде, кустарники в зеленой дымке. Так тихо, что на улицах Сергиева, когда проходит барышня с бумажкой дешевых духов в кармане, след от нее остается в воздухе, вот, думаешь, кончилось, смотришь – другая идет, и опять след от нее. В городе этот запах пудры и всякой дешевой парфюмерии висит в воздухе. Для их любви не нужно ни цветов, ни соловьев, ни зеле-

неющих деревьев. Им так хорошо с пудрой на камнях. Очень все гнусно на этом городском току человечества.

23 Мая. Теплые живые ночи. Приблизительно с воскресенья, т. е. дня четыре тому назад, произошел огромный и последний уступ в движении весны, тепло, и дожди обратили нашу природу в парник, воздух насыщен ароматом молодых листов тополей, берез и цветущей ивы. Только теперь начинаются настоящие, теплые живые ночи.

Чувство радости от роскошных дней весны у меня сопровождается движением жизни, как будто сам движешься куда-то вместе с природой. Последний роскошный день я понимаю как последнее достижение. Хорошо бывает с этой высоты оглянуться назад и понять последнее достижение, как борьбу творческих сил в прошлом.

(В «Родниках» не исчерпано еще это мое чувство движения планеты или солнца).

Исследование.

В воскресенье был у меня Ник. Ан. Зворыкин, и он сочувственно слушал мои рассуждения об исследовании природы. Я говорил ему, что при встрече с природой меня всегда поражает ее девственная неприкосновенность во всех отношениях. Казалось бы, что за сотни лет методического научного исследования жизни животных и растений, за тысячи лет непрерывной думы человека об этом на все, куда обращается взгляд непосвященного в науку человека, должен бы где-то в книгах находиться ответ. А между тем выходит как раз наоборот: почти нет ни одного четвероногого, птицы, рыбы или насекомого, о жизни которого натуралист имел бы ясное представление. Вот, напр., тетеревиный ток, занимавший сотни лет ученых всех стран, оказывается до того мало изученным, что споры идут даже о самом назначении тока.

Такая беспомощность науки объясняется, по-моему, прежде всего ее методом, в котором индивидуальность (скажем: личность) животного приносится в жертву закона причинности (наука режет животное с целью узнать, как оно сделано, совершенно так же, как ребенок с такой же целью ломает игрушку). Напротив, искусство не спрашивает «почему?», не смотрит внутрь живого предмета, а берет его как данное. Другими словами, искусство занимается не законами жизни, а личностью всего живого. После науки остается смерть, пример: наука показывает, что луна – это мертвое существо. После искусства даже мертвое существо оживает: напр., луна в искусстве – живое существо. Наука пользуется мертвой водой, искусство – живой. Когда мы научно постигнем весь закон жизни, то все живое умирает (исчезнет личность). Напротив, если бы искусство могло, то оно воскресило бы все умершее. Наши последние века проходят под знаменем научного анали-

за и разрушения «наивных иллюзий мира». И потому наука везде торжествует, искусство унижено до служения забавам невежд и пользу его видят только в «отдыхе».

Бог знает, когда и какие силы изменят разрушительное направление современного сознания, догадка об этом – праздное дело. Но днями своей личной жизни можно воспользоваться каждому для опыта если не воскрешения, то хотя бы охраны жизни. Другими словами сказать: каждый может заняться охраной своей личности, понимаемой не как индивидуальность, а личность – творческое, созидающее, воскрешающее начало жизни.

В таком направлении сознания заключается прямой выход к социальным вопросам, так как эту свою личность можно постигать, только узнавая ее в другом («Я – это Ты в моем сердце, Возлюбленный!»).

Обращаясь к возможностям, заключенным во мне, я могу воспользоваться материалами моего постоянного наблюдения природы, избрать себе какую-нибудь «тему» (жизнь какой-нибудь пичуги), проследить эту жизнь научным методом и параллельно этому применить после мертвой воды науки живую силу искусства.

Дело культуры было отстоять неумирающее (духовное) существо личности от поглощения ее законом размножения. Отсюда возникли такие понятия, как «непорочное зачатие» и бытовое выражение этого монашеством и т. п. В сроках жизни эти семена дали всходы современности: сокращение деторождения, аборт и т. п. Человеческий сукин сын воспользовался идеей личного бессмертия с трагедией распятия для своего житейского благополучия. Произошла ужасающая катастрофа, в которой была потеряна и религия рода (т. е. вера в будущее) и религия личности (т. е. вера в культуру, в которой уже ранее найден и дан нам пример спасения).

Если вернуться к предыдущему рассуждению, то научные законы, научные исследования, игнорирующие личное начало в природе, кажутся мне паразитирующими на основе исчезающей веры в нашего наследника (закон бытия, размножения). Напротив, мое устремление в «психологизм», в открывание личности в живой природе и моя живая вода искусства есть сила восстановления утраченного родства посредством личного творчества. В этом деле прежняя вера в личность, созданную культурой человечества, как бы распределяется на основу родства... А впрочем, я еще не совсем сознаю свое устремление, понимаю его, однако как результат чрезвычайно сложных влияний на меня современности.

25 Мая. Прежде на снегу были незаметны разбросанные там и тут в городе березы, а теперь весь город оказался в

зелени, и всюду на зеленом виднеются белые стволы берез: кажется, березы пришли.

В городских садах расцвела, в лесах зацветает черемуха. Ландыши раскололи надвое свое зеленое веретенцо и у тех, кто ближе к солнцу, показались стрелки с бутонами. Под соснами белым ситцевым горошком на зеленом рассыпались частые бутоны стеллярии. Всюду сверкает ослепительно молодой березовый лист и стыдливо с бурого цвета, но тоже смолисто-блестящий, начинается липовый и осиновый лист.

Сверкая, переливалась капля росы на хвоще, а я принял это за жизнь: каплей росы в майское утро сверкала жизнь в ее возможностях, в истинном ее назначении. Мне было, будто я в своем полном разуме и чувстве вновь только что родился и, не зная, что будет завтра, всему удивился. Мне захотелось расспрашивать у людей, постоянных свидетелей этого роста, что будет завтра с этими растениями и птицами и, главное, какие они в своих личностях, в своем назначении. Я вспомнил ученых друзей: никто бы не мог из них рассказать о жизни. Но оказывалось, люди, чем-то своим усердно занятые, совершенно не видели, даже не знали, не замечали совершенного великолепия жизни в расцвете своих бесчисленных разнообразнейших личностей. Некоторые прекрасные возможности жизни, в которые верили, откладывали до какой-то будущей жизни. Другие жаловались на злые силы, совершенно нарушившие, растрепавшие девственность природы. Я с ужасом видел безумие расчета на будущую жизнь и лицемерное выражение своей слепоты, своего бессилия в ссылках на потерянную девственность природы. Мне было довольно одного не растоптанного коровами минарета, хвоща с каплей росы, чтобы сказать: природа, рождая, остается вечной девственницей в ожидании своего настоящего жениха, который заметит неумирающую личность в каждом цветке, в каждом трепетном, смолистом листе.

Подходя к городу, я вспомнил об ужасах вчерашнего дня и так решил: это смерть! Я живу во рву львином, завтра звери, может быть, и меня растерзают. Но я не знаю, как это случится, как это возможно: я верю, я жду явления вечности в момент того, что другим покажется моей гибелью, больше даже: это явление больше от меня самого зависит, от моего мужества. И если все пройдет в тьме и отчаянии, то в такой смерти я буду сам виноват.

Выбор собаки

<*На полях*> От выбора зависит все: дружба ослепляет, является долг, и так живут с плохой собакой 10 лет.

Научить собаку послушанию, правильному поиску, потяжке на дичь верхним чутьем, осторожной и смелой подводке с мертвой стойкой, подаче из воды убитой дичи и даже анонсу гораздо легче, чем думают. При умелом выборе молодой собаки всем этим совершенствам можно с ручательством взяться научить ее в месяц, с хорошими природными данными собаку можно с уверенностью приготовить в месяц к полевым испытаниям на медаль. И все это давно и отлично известно всем, кто с пониманием занимался натаской собак. Но почему же при такой легкости дела оказывается такое ничтожное число хороших охотничьих собак. В чем же дело, в чем секрет? Я раскрываю секрет, хотя мои слова новичку покажутся лишь парадоксом, я говорю, однако, в полном убеждении, полученном из продолжительного, почти двадцатилетнего опыта занятия с собаками: охота портит собаку.

<*На полях*> От выбора зависит все: дружба ослепляет, является долг, и так живут с плохой собакой 10 лет.

Возьмите любое руководство по натаске собак, и вы везде найдете предупреждение о вреде натаски молодой собаки в присутствии старой, хотя бы она была самая хорошая. Во всех руководствах говорится при этом, что нет на свете идеальной охотничьей собаки и потому молодая переймет ее недостатки. Я скажу больше и яснее: всякая собака, идеально натасканная, в процессе охоты приобретает недостатки, всякая охотничья собака сравнительно с только что приготовленной к полевым испытаниям есть собака испорченная.

Одно время я увлекался «бешеной» охотой ирландцев на широких кругах и натаскал себе замечательного мастера на больших открытых болотах Пана. Я наслаждался своими победами над охотниками с <*1 нрзб.*>. Мне случалось собрать всю дупелиную высыпку, пока другой охотник подбирался с медленной своей собакой к невидимо бегущему между кочками турухтану.

Но однажды мне показалось неприятным, что убитый бекас плохо падает, мелькая своим белым брюшком: какая это птица, подумал я, если так мала, что не может даже упасть как следует. И после того мне вдруг приелась болотная охота. Я ударился в лес со всей страстью охотника по осенним черным тетеревам и белым куропаткам и вальдшнепам. Полюбил я безмерно охотничьи странствования по большим, глухим лесам с болотом, вырубками, с черными речками и желтыми цветами по берегам.

Мой ирландец тут никуда не годился. Я стал сокращать его поиск. В два поля неустанной работы по приказанию «тихий ход!» я приучил его бегать рысью на низких ногах, по малым кругам. В лесу так, в болоте и поле по-прежнему,

я бы мог в то время, по совести говоря, удивить всех своей собакой. И вот однажды под вечер я возвращался с тетеревиной охоты, время было в августе, цыплята уже<*1 нрзб.*> в пере. Счастливый удачной охотой, я шел, раздумывая о всевозможном, покуривая, и Пану своему предоставил свободу бежать по дороге: не все же держать его у ноги. Было совсем недалеко от деревни, где я жил. Никакого <*1 нрзб.*> о дичи у меня не было.

…на полевых испытаниях и не ввязываюсь в это дело только потому, что обладаю азартной натурой: ввяжусь в споры и потеряю друзей для охоты, буду думать о М…, но не о лесе.

Пан шел себе впереди. И вдруг тревожный: квох, квох! Из куста вылетела тетерка, и на ее крик дорогу стал перебегать один из ее цыплят. Что-то сделалось с Паном. Он бросился. Цыпленок полетел. Другой, третий. Пан носился за ними, хотя я сегодня же убил из-под него <*1 нрзб.*> штук в черном пере и он не шевельнулся. Но я понимаю его. Мне самому часто случается: стреляю бекасов, одного за другим без промаха, и вдруг вместо бекаса вылетает коростель, и я промахиваюсь по этой тряпке. Так и Пана поразили маленькие цыплята после шумных петушков в черном пере. Что-то вдруг случилось, это всегда бывает вдруг… Я и так понимаю это вдруг: до поры до времени можно гнуть стальную пружину, наконец, она ломается: так и ломал я естественный широкий поиск Пана, пока, наконец, пружина не сломалась, не выпрыгнула из-под коленца, и понеслось. Я наказал Пана. На другой день он в лесу побежал за молодым петушком, после опомнился, но, боясь последствий ужасного проступка, скрылся в кустах. Домой я вернулся один, он пришел ночью. И так все пошло: на глазах хорошо, но если я упустил его – кончено! Я возвращаюсь с охоты один. Я с ним бился три поля: пользовался парфорсом, шлеей, колокольчиком от маленького до коровьего бубенца. Ничего не помогало. Измученный, я бросил ирландца и перешел на континентальных. После дрессировки двух-трех ирландцев я с натаскиванием собак, кажется, впервые свет увидел: домашняя дрессировка три дня и в первое поле верная охота в лесу. Три года я охочусь с немецкой легавой в лесу, и все хорошо. Но случилась во мне самом перемена, обратная охоте с ирландцем. За эти годы все летние угодья наполнились коровами, идешь по тетеревам и видишь впереди только коровьи хвосты, а в протоптанном лесу далеко краснеется мухомор. Я вспомнил болота, недоступные человеку, возвратился к их единственно девственной красоте, и мне вернулась моя первая любовь. И что же? Моя Кента мало-помалу втравилась и привыкла искать. Не могу сказать, что ее поиск такой же

страстный, как у ирландца, но среднему пойнтеру не уступит, издали только по обрубку хвоста и отличишь от пойнтера. В болотах топких я даже сокращаю ее поиск, а то как-то неловко бывает: лезешь, лезешь к ней, а она косится, косится, только не говорит: «когда же ты, отец, доберешься!» Ко времени осеннего перелета вальдшнепов я, конечно, вернулся к лесу, и вот что случилось с безупречной собакой, имеющей стаж трех полей: я ее не вижу в лесу, она в лесу скачет широким поиском, как на болоте. Во время охоты за драгоценной дичью я переучиваю собаку, ломаю, конечно, выхожу из себя. Случилось, вылетел вальдшнеп и упал после выстрела. Посылаю Кенту за ним, но в момент, когда она хочет его взять, вальдшнеп поднимается и тихой бабочкой летит над травой. Кента бросается, ловит его и приносит. Наученный опытом, я ее не наказываю. Я ищу случая поучить ее лаской. Я нахожу случай, я ее возвращаю к прежнему, осторожному поиску в лесу, но у меня пропадают для охоты золотые недели, из-за которых я кормлю собаку целый год. В процессе этой новой натаски на четвертое поле я открыл неожиданно у нее способность анонсировать. Но я со страхом думаю о предстоящих охотах на болоте, к которым я опять *<1 нрзб.>* пристрастился.

Все это я рассказываю по поводу жалкого зрелища, которое представляли *<1 нрзб.>* немецкие легавые на выставке собак этой весной*. Мне случалось встречать на выставке отличных старых охотников, которые высказывали мне свое по их старому опыту. Но я не встретил ни одного человека из охотников, которые продолжают и теперь быть охотниками прежде всего, а не специалистами разбираться в натаске собак, как стрелки по тарелочкам. Мне кажется, этим расщеплением охоты на специальность с авторитетным голосом части против целого и объясняется удивительный, с моей точки зрения, спор о породах собак. Как не стенд решает участь стрелка, а дуплет по бекасам или выстрел навстречу чирку в полумраке, так и не ринг о собаке. Универсальная собака мне смешна: я не верю в то, чтобы моя Кента *<1 нрзб.>* могла *<4 строки нрзб.>*. Мы читаем статьи любителей кровного собаководства, читаем *<1 нрзб.>* статьи охотников на старом опыте. Но так редко слышится голос практического опыта в современных условиях. Было время, когда собак обыкновенно отдавали в натаску егерям, теперь натаскивает обыкновенно сам хозяин. Крестьяне редко, обыкновенно это доктор, учитель, агроном, *<1 нрзб.>* служащий, а иногда и профессор. У всех этих людей сосчитаны часы для натаски, каждый из них поблагодарит за немецкую легавую *<4 нрзб.>*. И тут немецкая легавая.

---

* по поводу задорных речей, слышанных мной от любителей кровного собаководства в защиту той или другой породы.

26 Мая. Полный расцвет черемухи. Осиновый лист не вышел из краски. Сияющий роскошный день, с 5 у. до 10 у. бродил с Нерлью. Спугнули тетерку. Нерль легла по приказанию. Впервые познакомились со следом.

У росстани. Стоит столб, и от него идут три дороги, и по одной, по другой, по третьей идти беда везде разная, но погибель одна. К счастью, я иду не в ту сторону, где дороги расходятся, для меня погибельные дороги не расходятся, а сходятся. Я рад столбу и верной одной дорогой возвращаюсь домой.

Начало разработки архива

Выписать из тетрадей все ценное и расположить по годам. Возможно, что из этих материалов сложится 3-я книга «Кащеевой цепи».

Курочкину.

В Вашем письме, тов. Курочкин, есть два пункта, на которые я считаю необходимым ответить.

Первое. Вы глубоко ошибаетесь, называя мой очерк «Молоко от козла» ответом на Вашу открытку. Ваша открытка была последним стимулом для писания из сотен других таких же небрежных обращений. И я Вам скажу: это не «легкомысленный ответ», а одна из самых лучших моих работ, в которой под именем «жизни» утверждается общественность, которой Вы так жаждете. Очерк будет напечатан в «Печати и Рев.», перечитайте его независимо от своего личного раздражения, и Вы поймете, сколько в этой легкой форме заключено мучительных переживаний писателя. Не понимаю, почему редакция сделала Вам выговор, ведь если бы она даже не знала содержание Вашей открытки, то все-таки едва ли можно бы считать мой очерк «ответом», но все вы об одном спрашиваете, я пишу о другом.

Второе. Зачем Вы пишете про мой «особняк» (кстати: в слободе в три окошка дом) и с такой злобой. Если Вы проработаете 25 лет в литературе, притом вечно нищенствуя, странствуя с семьей по лесам и трущобам, то непременно скопите архив, с которым ездить невозможно, придется приискать хижину и для лучшего «производства» и по праву пожилого человека. Вам не надо было об этом писать. Мне больно, потому что вспоминается время своей голодной озлобленности (в 1903–4-м гг.). Выскажу Вам признание: эта моя личная злоба на зло именно и была тем деревом, которое заслонило мне лес и преграждало путь к творчеству. Мне пришлось все это выбросить из себя. После того все пошло как бы вне меня, и я этому безумно обрадовался. Из писем Горького к себе вижу, что и у него было такое же состояние, этим и объясняется его линия «по хорошему» и тот оптимизм, который для

критики знает только одно прилагательное «бесстрашная» (теперь у нас принята критика «здоровая»).

После этого письма не согласитесь ли Вы примириться со мной? Тов. Курочкин, чтобы сделать ту работу, о которой Вы пишете, надо непременно проделать то salto mortale*, о котором я пишу в форме перехода через речку. Вглядитесь в мелочи себя самого. При задетом самолюбии Вы пишете мне очень быстро огромное письмо. А когда дело идет вне Вашего самолюбия во исполнение Вашего общественного долга, Вы пишете мне крайне небрежно, необдуманно, скажу более, расхлябанно желтую открытку. Редакция не права, что дала Вам выговор. Но я Вам его даю по праву признаваемого и Вами моего литературного мастерства: так дело не делают. Я Вам даю второй выговор за «особняк», за «отъединенность от всего мира»: как Вы смеете это писать автору «Кащеевой цепи»? Как Вы, сам литератор, не понимаете, что словесная художественная форма является в моем уповании лучшей и гораздо более длительной формой общения. <Зачеркнуто: Вы меня не читали совсем. Зачем же Вы обращаетесь ко мне?>

Перечитав Ваше письмо, я понял в нем определение Ваших слов ко мне «предостерегающими». За это не даю выговора: я над этим долго смеялся. На мой смех собрались члены моей семьи. Молодой сын мой Петя объяснил: «Это он предостерегает, что если ты впредь не будешь общественником, то отберет у тебя особняк».

30 Мая. Продолжается беспрерывная роскошная «майская» погода. В «Известиях» написано о Трубецком, что он пьяница, что он играет на гребешках по кабакам. Княгиня очень обрадовалась статье о муже: «о муже-то сказали, очень хорошо написали, вот Олсуфьева жалко».

В воскресенье напечатали «Молоко от козла». Курочкин прислал новое письмо. Первое было глупое письмо («насколько писатель должен быть грамотен» и пр.), второе красное («устроились в уютном особняке»), в третьем просит его «обелить». Все это бы пустяки, если бы за этим письмом не стоял легион Курочкиных, невежественных, наглых и глупых мальчишек. Каждый из них, ничего не зная, ничего не понимая, ни с чем не считаясь, лезет в «хорошие люди»: в писатели, инженеры и т. д. (в бюрократию), что-то вроде движения рыбы Кет. Все говорили мне, что Курочкину отвечать унизительно, но ответ должен быть. Я считаю достаточным ответом факт появления очерка в «Известиях», а в остальном: «блажен, иже и скоты милует».

В понедельник приехал Горький. Отправил Леву к нему с просьбой назначить свидание. Я представляю себе приезд

* буквально: мертвый прыжок; здесь: прыжок через голову (*лат.*).

Горького чем-то вроде ухода Толстого. Через несколько месяцев он должен погибнуть: ну, как это мыслить борьбу за свободу слова в обстановке такой политической тревоги и хозяйственной разрухи. Поговорить поговорим, но увязываться с ним в работу не буду.

Пендрие рассказывал о матери своей, что она за десять лет после голода выжила из ума. Ей, чтобы насытиться, нужно съесть всего две ложки супа, но она за обедом каждый раз непременно потихоньку от всех тащит кусок черного хлеба к себе в комнату и там его прячет куда-нибудь. Раз в неделю сын в ее отсутствие забирает все эти куски. Она этого не знает и продолжает каждый день прибавлять по куску к запасу. Это все, что ей осталось.

31 Мая. Онанизм, педерастия и, в особенности, скотоложество – в этих актах половая чувствительность расходуется гораздо сильнее, чем в нормальном совокуплении и, с одной стороны, удовлетворяется больше нормального, с другой – меньше. Вот почему онаниста, с одной стороны, чувственная женщина уже не удовлетворяет, а другая сторона, назовем ее социальная сторона акта, входящая непременно в акт совокупления человека с человеком, становится состоянием духовным. Такое же преображение естественного в духовное, конечно, сопровождается отвращением к деторождению и стремлением к духовной деятельности. Так вырастают махровые цветы сознания. Однако, это уже конец. А естественное процветание пола в добрачный период непременно тоже бывает.

Слава Горького.

Возможно, что мы в этом втором пришествии Максима Горького испытываем редкое зрелище пустоты всякой славы. Нам, подготовленным, наученным мастерству в производстве советских праздников, теперь до тошноты все очевидно в происхождении славы. Но очень возможно, что <*зачеркнут абзац*> слава и всегда была такой, что слава Горького – самая настоящая слава, и только мы теперь, став ее сознательными актерами, переменились.

Шурка попал! Арест лиц, на которых пало подозрение в деле о выстреле, настроило старух на самые высокие тона уличного творчества. Слышишь всюду, арестован такой-то, а поглядишь, вот он идет навстречу и говорит: «Батюшки! Кого я вижу, а все говорят, будто вас взяли».

Иван Петрович, седой, настоящий Авраам, едет на базар с кумом. Оба немного выпили. Иван Петрович, увидав меня, остановил лошадь, слез, таинственно оглядываясь по сторонам, подмигивая, подошел ко мне, потихоньку шепнул:

– У меня Московские были.

– Ну?

– Дачу хотели снять.
– Ну?
– Отказал.
– А что?
– Кто их знает. Отказал.

Иван Петрович моргнул мне. Я понял: рассказ о даче только предисловие. И попросил его пройти со мной к забору. В уединенном месте я спросил:

– В чем же дело?

– Шура попал, – ответил Иван Петрович.

Я ужаснулся: Шурка, простейший малый, охотник, попал в дело о выстреле. Какая-то полная чепуха, неразбериха.

– Не может быть! – сказал я.

– Попал, – ответил Иван Петрович

– Ну, расскажи, как было.

– А вот как. Ночью было. Чуть залунело. Затоковал тетерев. Шурка берет ружье. Вышел в кусты. Стал скрадывать петуха. Поднял ружье, прицелился. Вдруг из кустов двое. «Стой!». Так вот и попал.

Я чуть не вскрикнул от неожиданности.

– Так это же по-охотничьему делу.

А Иван Петрович, не переменяя своего таинственного вида:

– Ну да, по-охотничьему. Стой! – говорят, – в незаконное время охотишься: штраф пять рублей.

Мы истомились этой запоздалой весной, в ожидании тепла и ласки прошла холодная торжественная алмазная весна света, ждали <*1 нрзб.*> воды, но весна воды обманула: все прошло постепенно, изморно, и холод долго был и после воды. Зато когда вдруг зашумела зеленая весна всюду – вот мы все обрадовались, и так стала очевидна природа злобы. Да, злоба похожа на <*1 нрзб.*>, обнажающие дно. Как пароход садится на мель и после того не может двигаться вперед, так человек в приступе негодующей злобы истощает себя и не может творить. Хотя и на короткое время, но весной обнажаются людям сокровища жизни. Бог далек, непонятен, вокруг имени Бога скопилась вся злоба людей, но весной страшные слова заслоняют движение жизни. Правда, она правда так же по существу непонятна, как Бог, но движение ее так заметно и так радостно схватывать праздник, угадывая движение весны в малом.

По лопухам, по крапиве, по всякой зеленой траве рассыпались белые лепестки: отцветает черемуха. Зато расцвела вверху бузина и внизу под нею земляника, некоторые бутоны у ландышей тоже раскрылись, бурые листья молодых осин стали нежно зелеными. В болоте поднялась осока, <*7 нрзб.*> в темную бездну свое зеленое отражение по черной воде, завертелись жуки-вертунки, и полетели с одного зеленого острова к другому голубые стрекозы.

Иду белой тропой по крапивной заросли, так сильно пахнет крапивой, что все тело от этого начинает чесаться. С тревожным криком семейные дрозды гонят дальше и дальше от своего гнезда хищную ворону. Все интересно, каждая мелочь в жизни тварей бесчисленных рассказывает о брачном движении всей жизни на нашей планете…

1 Июня. Лева вчера прислал телеграмму: «Максим ждет утром пятницу и субботу».

Что же сказать Горькому такое большое на пользу литературе?

Вот беда: сказать-то нечего. В общем, особенно сравнительно со служащими писателю живется неплохо, в материальном отношении. Что же касается морального состояния писателей, то оно такое же, как у других граждан, и зависит от общего экономического и политического состояния страны. Если сказать с точки зрения писательской продукции, то, кажется, и тут сказать нечего: Горький печатно заявил о высоких качествах современной русской литературы. Спорить о вкусах нельзя, а если перейти к производству в стране чисто материальных предметов, напр., линючих ситцев и по окончании сделать объективное заключение и о качестве повестей и романов, то, если это будет доказательно – все равно бесполезно: это докажет, что свобода литературного творчества в настоящее время, как погода, находится в прямой связи от причин экономических, политических и т. п. Очень возможно, что и качество литературной продукции, как и материальное положение писателей, более благополучно, чем все другие области производства.

Если говорить Горькому все, то надо говорить, прежде всего, о его юбилее. Надо сказать, что юбилей его сделан не обществом, не рабочими, крестьянами, писателями и почитателями, а правительством, совершенно так же, как делаются все советские праздники. Правительство может сказать сегодня: «целуйте Горького!» – и все будут целовать, завтра скажет: «плюйте на Горького!» – и все будут плевать. Мы видим это на книгах, угодная правительству книга идет молниеносно, хотя и совершенно бездарная, а неугодная лежит, или не печатается. В стране достигнуто относительно всякого рода торжеств, реклам, с чем близко соприкасается и литература, идеальное послушание машины. Все идеально в идеальном мире производства бумаг от канцелярской до романа. Но все невозможно плохо в мире реальном, где производится хлеб и орудия производства. И если тут что-нибудь и найдется, то это лучшее достигается ценой жизни отдельных людей. Такой отдельный человек просто плюнул на жизнь свою: «черт с ней!» и работает, ни на что не оглядываясь. На таких людях у крестьян держится продукция хлеба, у рабочих – их производство, так живут ученые, инжене-

ры и т. д. Мы живем за счет быстрого сгорания неведомых творческих личностей. Я утверждаю, русская общественность находится в скрытом состоянии личного дела.

Юлия Цезаря так не встречали, как Горького. Из этого большого факта естественной чередой пойдут и другие...

Если не случится какая-нибудь перемена в политике, то Горький скоро обратится в ничто. А если произойдет неведомая мне перемена, то Горький может еще сыграть какую-то роль. В том и в другом случае мне с Горьким не по пути, потому что старинный опыт доказал мне в себе полное отсутствие политических и дипломатических способностей. Я могу быть полезным обществу только на расстоянии от него в углубленном раздумье.

Если ехать к Горькому, то ни в каком случае не депутатом от литературы. Ехать просто из любопытства к жизни: может быть, Горький скажет что-нибудь из своего плана хорошее. Он сам интересен, и побывать у него надо, хотя и тяжело.

Начинаю понимать государственный юбилей Горького из русской истории. Юбилей этот есть яркий документ государственно-бюрократического послушания русского народа. Воля народа, по-видимому, без остатка сгорела в расколе, после чего остался не народ, а всегда всюду внешне послушная масса с затаенной жизнью личного, находящая свое выражение в какой-то артистичности. Да, русская общественность скрывается в тайниках личностей… Нигде в мире нет, вероятно, такого числа артистов, придумщиков, чудаков, оригиналов всякого рода, в общественном отношении исповедующих закон «моя хата с краю». Испытав интеллигентский бесплодный бунт, я стал сам такой (мой отказ от влияния на Горького и есть: «моя хата»). Последняя моя вспышка была вспышкой патриотизма во время Германской войны: и так это было глупо. Теперь я с полной готовностью отдал бы свой народ во власть немца как организатора и воспитателя трудового начала.

Я отдал бы народ этому хозяину без всякого колебания, потому что уверен в молодости и таланте русского народа: пройдет германскую школу труда и будет русский народ, а не бесформенная инертная масса. И с такой радостью будут работать, учиться! Страна наша в настоящее время жаждет труда для улучшения своего бытия. Из этой жажды делать свое дело вытекают великие последствия обновления страны. Вероятно, в этом и есть благодетельный сдвиг революции: не отдельные люди, а все хотят теперь лучшего, все жаждут разумного труда, разумного хозяина.

3 Июня. Троица.

Вчера ездил на свидание с Горьким. Потом видел Воронского. На обратном пути в вагоне слышу, рабочие говорят, читая газету: «Русский Горький приехал». Я спросил: «Что

значит русский Горький в отношении к Максиму Горькому?» – «А как же, – сказал один, – был итальянский, фашистский, теперь русский, коммунистический».

После того у нас был продолжительный разговор. Я доказывал, что Горький – писатель, ему удобней было писать в Италии, вот он там и жил. «Удобней-то, конечно, – отвечал рабочий, – да вот почему же, когда нам приходилось кровь проливать и голодать, мы не думали об удобствах». – «Ну, так ваше дело, – говорил я, – воевать, а его дело писать». – «И это не ответ. Если его дело наблюдать, то почему же он тогда нас не наблюдал? Вот бы теперь и писал. А то ведь уехал, бросил, вызвать массу умел, а когда масса выступила, испугался. Теперь ему 60 лет. Пять лет наблюдать будет, писать пять, а там семьдесят, в семьдесят лет плохой писатель».

Другой рабочий в газете показал одно место, там был упомянут Горький, а потом Сталин. «Понимаю, – сказал первый, – Горький выше Сталина, Горький на место Ильича. Провожали так, а встречаем вот как. Конечно, Ильич его выгнал: «уезжай от греха!» А теперь встречаем, почему же мы так его встречаем? Вот уж кости-то у Ильича, наверно, как прыгают!»

Этот рабочий стал мне рассказывать свою жизнь. Отец его был пьяница, мать рано умерла. Три дня отец, бывало, пьет, а сын ходит, высматривает деревню, где больше подают. Три дня сын кормит отца, а потом три дня отец кормит сына. «Я жизнь имел сам, как Максим Горький». – «Не пробовали писать?» – «Нет, не пробовал, я не люблю писать, я люблю жить в производстве с рабочими, люблю наблюдать и читать, главное, наблюдать».

Это значило следить за жизнью, понимать. Был два раза фабкомом, но недолго: это очень вредно для себя, человек быстро портится: то я ничто, на меня плюют, а то вдруг шапку снимают, в пояс кланяются. Он указал бесчисленные примеры порчи, будто бы с детей начинается, детей одевают, отделяют от рабочих, они бегают уже с детьми инженеров.

Так много мы говорили. О названиях фабрик, что надо бы давать имена не по временному – фабрика имени Троцкого, а Троцкого нет! – а как, напр., французы давали имена месяцам по вечному – «сбор урожая» и т. д. И опять во временном тоже надо разбираться и понимать его: так, напр., Троцкий, что же, разве у Троцкого нет своей правды?

– Так вот и Горький, – вставил я.

– Горький! да я же на его книгах и воспитывался, – я говорю только против раздувания: что раздувают его теперь незаслуженно. Он уехал от нас в Италию, жил с фашистами. Теперь приехал русский Горький.

Моя точка зрения о роли Германии в деле обучения русского народа организации производства и о строительной силе, из жажды всех нас, всего народа личного благополучия. На это Горький возразил: «Нет, это не пройдет, так нельзя. – Но

когда же маленький человек выйдет из своей нищеты? – Это разрешится когда-нибудь техническим путем».

В свете этого разговора мне предстала, во-первых, моя собственная жизнь; я оставался на своем месте, все выносил, но чужд был переживаниям таких людей, как этот. А их было много, это была масса. Я не замечал этого основного, а те существа, которые на мгновенье отделялись от массы этой для управления, сыграв минутную роль, во вторую минуту становились бюрократами и мало-помалу извращали дело революции.

Во-вторых, на фоне этой рабочей массы, воспитанной в революционные годы, нынешнее выступление Горького представилось выступлением чисто интеллигентским.

Любопытно было, когда кто-то из рабочих во время осуждения юбилейных манифестаций сослался на деньги, что это дорого стоит, тот первый рабочий сказал: «Пустяки, не в том дело, наш рабочий прост, он это не считает, он готов последнюю копейку отдать, если его это затронет».

<*На полях*> Рабочий Горькому: «Приходите, поговорим без начальства».

<*На полях*> 1) Самокритика и критика со стороны.
2) Встречи мыслей.
3) Потолкование.

Гречневая крупа.

Работа на личное благополучие («как-нибудь технически»). Горький постарел и подобрел. Провокация. Клопы. Используй юбилей. Груздев: прекрасно душе. Сговорился. Тихонова речь (остров культуры). Воронский увлекается. (Секретарь). Пароход «Клара Цеткин» – нет, в <*1 нрзб.*> а клопы привыкают.

Рабочий: «Приходите без начальства».

4 Июня. Духов день.

Начиная с субботы (2-го Июня) повернуло на холод с дождями. Сегодня становится несколько лучше. Зелень, еще нежная, образовала густель. Вчера мы были у Григ. (именинница Елена). Все рассказывали, начиная со старших, кончая юношей Левой о своем первом поцелуе.

Профессор. 4 фонаря. Все прекрасно. Я ей сказал. Поцеловались и живем 42 года.

Козья матка. Я его защищала, как собака…

Она его проглотила со всей его ученостью. Скрыто в идиллии старосветских помещиков – личная трагедия (слышал о ней, что раз чуть не удавилась).

Григорьев. Умствование о поцелуе: стремление к целому (полов): «вырвал бы фонарный столб». Целое невозможно в

этот миг, и потому первый поцелуй иногда не выходит. Переходя от Елены к Елене, пришел к последнему поцелую, это настоящий, но тут же и смерть.

Григорьев не может осилить теорию: много думает…

Я – о христианском и языческом поцелуе (не мог в такт попасть с «дамой» в танцах).

(Дуэль с Григорьевым.)

Золотые зубы. Что-то расстроило свидание.

Его жена старуха. Настоящим поцелуем в первый раз поцеловала внука.

Ефрос. Павл. – «У меня этого не было».

Старая дева. Она пожалась и ничего не сказала. Очередь быстро перекинулась к художнику (само собой понятно: дева). И неловкость быстро обошли.

Художник Пичугин. Не только целоваться, но даже близко сидя, робели. Уговорились, что в солдаты за него пойдет брат. Но вышло ему. После того пришел к ней и сказал: «Мне нельзя: я иду в солдаты, а ты теперь свободна». Тем и кончилось.

Лева. Сочинял недурно по Алпатову, хотя на него легло бремя истории.

Вот этим при случае и можно воспользоваться: изобразить первый поцелуй в истории: от патриархальных времен до наших.

Затея: собирать рассказы о первом поцелуе.

В ожидании разрешения критики. Надо иметь в виду трагедию массы, жаждущей вождя и вместо вождя получающей «начальство».

<*На полях*> Проба пера: никуда не годятся первые советские. Черт-е-что! Выбирал одно, другое и бросил…

Польза алкоголя: все искренне о себе рассказали.

Сама Елена. Поцеловала, но тут же узнала о нем что-то (не то обманывал, не то…) и отказала. Таких много: глуповато-капризна.

6 Июня. Продолжаются холода, начало которых 2-го Июня.

Вчера отправил Леву в Москву, в четверг или в пятницу он уезжает на Сахалин. Петю для подготовки в Лесной решил направить в Царское к Разумнику.

Все подумываю о том рабочем, который, опасаясь сделаться бюрократом, остается в производстве, сказать иначе: веруя в творчество массы, не хочет быть личностью(?) или: желая одухотворить своей личностью массу, остается при ней.

Всеобщая боязнь вручить дело массы личности.

Вопрос о социализме: соц-м – это вера в самотворчество массы (материи), выделяющей личность (понятную, подотчетную и … любимую: пример – когда один рабочий сказал, что юбилей Горького дорог, другой ответил: «нет, наш рабочий

прост, он с этим не считается, он готов для своего (вождя) отдать все»). (Ленин – вождь – за то, что посмел идти впереди и до конца, Горький – не пошел до конца и остался с интеллигенцией). Личность культуры у рабочего, враждебная ему (Христос), но трагедия невежды: часто она враждебна только потому, что непонятна по невежеству; нельзя довериться, хотя надо бы. Вместо доверия гордое (наглое): «мы сами создадим» и создают бюрократа. Явление бюрократа есть следствие разрыва «народа» с интеллигенцией (культурой). Тут вся заковыка. Речь Тихонова Горькому об умирающей интеллигенции, последних «могиканах», – это вопль творческой личности в истории. Ему противоположен вопль рабочего о съедающем его бюрократе, вместо вождя бюрократ. Таким образом, между творчеством рабочей массы и культурной средой стоит неизвестный тем и другим бюрократ (а впрочем, бюрократ в другом плане есть детище диктатуры).

<*На полях*> Почему писатели не читают друг друга.

Друг мой, теория является на помощь творчеству, она ставит вехи на пути к будущему. Но теория не может заменить творчество. А мы теперь именно как будто поставили рекорд: «до какой-нибудь теории над творчеством». Вот почему теперь мы засмыслились и ничего не можем создать.

Современный тип всезнайки – комсомолец создался из наследственно русской писаревщины и еврея. (Замечательно, что у Горького, когда я пришел к нему, было в столовой два секретаря, один русский и другой еврей: очевидно, и Горькому без еврея невозможно обойтись.)

Замороженный Ленин. Могила Ленина теперь и является символом бюрократии (бюрократ – это умерший революционер).

Ленин и Горький.

Уехал в Италию. Умер безумным.

8 Июня. Лева приехал на Сахалин. Ясно, холодно, умеренный ветер.

К сожалению, с запозданием получил приглашение на вечер с Горьким. Хорошо бы послушать, что он там говорит.

– Я человек хитрый, – сказал он мне, – неужели же я не использую все это, все, что они мне устраивают.

Понимаю так: шесть лет он списывался с русской и заграничной интеллигенцией, потом несомненно сговорился с правительством и приехал, чтобы создать советское общественное мнение и начать возрождение страны и кончить все «по-хорошему».

Вот как люди политические высиживают свои планы! А как же иначе?

Вот об этом «иначе» надо крепко подумать, потому что высидеть можно и по-злому (говорится: «злой умысел», говорится: «хорошая мысль»; умысел – тайное, мысль хорошая является).

Горький приехал из «Музея Горького» и сказал: «Странное впечатление, как будто я уже и умер». Я ему на это: «Очень понимаю. Когда моя вещь напечатана, я с большим трудом могу ее прочитать: на третьей странице засыпаю». Он ответил: «А я вообще плохой читатель Горького».

Надо бы ему на это сказать: «Плохо, дорогой мой, надо постоянно перечитывать написанное, чтобы не делать ошибок впредь, а главное, чтобы оставаться всегда хозяином своего дела».

Да разве нет и у меня плана? Конечно, есть, конечно, сделав усилие, мог бы я записать его и объявить. Но я считаю преступлением объявлять свой план, прежде чем сам не прошел путь по расставленным вехам. Я хочу выходить в открытую только с вещью, а не с планами, потому что, первое: высказав свой план, я, обыкновенно, знаю по опыту, этим и удовлетворяюсь и дальше не пойду по нему; второе – ведь нет никакого ручательства в том, что план мой <не> ошибочный и значит, соблазняя своим планом другого, я увлекаю их к погибели; третье – раскрыв свой план не раньше, а после создания вещи, я опять неспокоен, – а что если вещь эта несовершенная – раз! и если вещь совершенная, то как поручиться за то, что теория, оказавшая мне лично большую услугу, в руках другого <не> приведет к машинизации творчества, к дешевке и обезьянству – два! И потому не лучше ли при создании романа, совершенно так же, как при постройке здания, убирать от глазу леса?

И потом всему есть свое время. В обществе с устоявшимся бытом люди живые утомляются чередованием обедов в длинном ряду, является потребность в свежей мысли, в каком-нибудь теоретическом плане, брошенная в такое общество идея производит в нем иногда движение к лучшему. При таком соотношении интеллекта и жизни знаменитую комедию Грибоедова хочется назвать «горе от ума» в том смысле, <что> горе обществу, не идущему навстречу мысли. Но если в обществе с уничтоженным бытом, где все от ума, где каждый мальчишка «все знает» и при первой удаче лезет в бюрократию и учит других, где всякий приходящий в голову план обеспечивает место в бюро с жалованием за счет самой жизни – я понимаю «жизни» как творчества, – то ко всякому плану, теории является недоверие и вместо иронического «горе от ума» мы можем без всякой иронии и во всей простоте сказать: горе уму!

Во вторник (5 Июня – 23 Мая) мы с Павловной праздновали свои именины. Аленушка все испортила, вдруг взяла и выпалила: «Через восемь месяцев я умру». Григорьев: «Ну, этого не говорят на именинах». – «Мне надо лечиться, – гово-

рит она». – «И лечитесь! – отвечаю, – поезжайте». – «Надо работать с Серг. Тим». – «И работайте там». – «А он может только на месте... ах, как он меня держит!»

Именины расстроились, и мы понимали все пружины их жизни: ему перевели 2 тысячи от Гиза аванс за то, что закабалился писать повесть для юношества в 30 листов в один год, полученные деньги возбудили в ней стремление ехать куда-то лечиться. Совсем глупенькая, а ему она одна: он перегружен невоплощенными мыслями, одиночеством, он держится ею за жизнь. Вот уж где видно то происхождение творчества: такая глупенькая, некрасивая бабенка и это ему «Елена»! А Ефрос. Павл. к этому: «такие все женщины». Есть смысл в ее словах: дай волю женщине, она будет как сука бежать, и за ней побегут, в этой способности возбуждать движение и есть сущность женщины. А женщина права, ей надо бежать, потому что надо рожать бы. А он <прикрепил> ее к себе для работы над повестью.

Письмо в редакцию

В № 129-м «Известий» в статье «Самокритика и задачи печати» тов. Ингулов, редактор «Нового Мира», таким образом комментирует сказанные ему мной в частной беседе слова:

«Раздаются и такие голоса: не слишком ли мы «загибаем» в области критики? Так, писатель Пришвин говорит: «Я, как хороший хозяин, рассуждаю так: как ни криво мое хозяйство, но я не буду его хулить перед другими, я не хочу, чтобы все знали, что у меня плохо». Такое обывательское, сдобренное значительной долей национализма и шовинизма, отношение к критике нетерпимо в наших рядах».

<*На полях*> Уважаемый Иван Иванович, мне Воронский говорил, что Вы следите за моим писанием и цените. Вспомните хоть одну строку мою за 25 лет, когда бы я выступал как националист и шовинист. А между тем так у Вас о мне напечатано. Я бы сам не заметил, да читатели <*1 нрзб.*>. Вследствие этого я прошу Вас <*2 нрзб.*> письмо.

Вынужденный обязательствами к своим читателям как «писатель Пришвин» выношу сор из избы и в свою очередь по памяти передаю мой частный разговор с тов. Ингуловым. Он говорил: «критика должна быть, но критика здоровая». Я возражал ему тем, что признаю для критики одно прилагательное: бесстрашная. На это мое возражение тов. Ингулов привел в пример заметку в одной Сибирской газете о дурных качествах нашего масла, эту заметку перепечатали в иностранных газетах, вследствие чего нашему экспорту был нанесен значительный ущерб. Отвечая тов. Ингулову в защиту бес-

страшной критики, я и произнес вышеприведенные слова в том смысле, что умным, расчетливым человеком (хозяином) надо оставаться при всяких условиях, будь у нас критика здоровая или бесстрашная, самокритика или критика со стороны, все равно. А чтобы дальше не ходить за примером, скажу о хозяйстве редактора: при условии даже самой бесстрашной критики нельзя пользоваться словами писателей в редакторском кабинете, как это сделал тов. Ингулов, называя меня националистом и шовинистом.

Михаил Пришвин.

9 Июня. В ночь с 7-го на 8-е был сильный мороз.

Постоянно возвращаюсь к словам рабочего о Горьком и Ленине.

Да, конечно, для Р-ва радио было открыто Лениным, потому что до Ленина для него оно и не существовало, так для огромной массы рабочих и крестьян свет знания, блеснувший им впервые, связывается с именем Ленина.

М., как всякий образованный интеллигент, поражается убожеством личности Ленина (говорит: «Ленина сделали»). Это неправда, Ленин гениален, потому что перешел черту, которую всякий другой не смел перейти... (нажал гашетку взведенного народом курка).

Ленин гениален тем, что он один посмел нажать гашетку взведенного народом курка, и потому в этом действии Ленина народ узнает свое дело, спуск гашетки, – момент превращения народного дела в личное, и в этот момент личность делается вождем народа.

Раскольников у Достоевского отличается от Наполеона и Ленина только тем, что, не имея социального поручения, сам взвел курок и сам спустил, он – самозван<ец>.

Вот и всякий талант разделяется на две составные части: одна – общественная, другая – простейшее личное действие, подобное спуску гашетки.

Сюда относится и рассказ рабочего о себе: что он не пишет, потому что боится оторваться от среды, как Максим Горький («Итальянский»), не хочет идти по тем же причинам в фабзавкомы: его дело взводить курок, он – «сознательная масса», но не гений. Он и не будет им никогда, потому что рассматривает всех «гениев», как разборчивая невеста, все они, кроме Ленина, представляются ему «бюрократами». Он потому и ненавидит интеллигенцию, что интеллигенты в его сознании все кандидаты на вождя, каждый из них существует как призрак, как возможность быть призванным потянуть за гашетку.

Спуск гашетки является загадочным, потому что он есть бессознательное разрешение скопленного сознания (интеллигенции) и опыта (масс) в простом действии.

Писатель и читатель объединяются прежде всего чувством вкуса, причем в этот вкус входит у читателя готовность критики бесстрашной, у писателя – свободы безмерной.

Каждое утро, когда я возвращаюсь из леса с собаками, навстречу мне по лугу идет Мартыныч с семью козами. Сегодня молодая Зорька отстала. Он кричит: «Зорька!» – Стоит. – «Зоренька!» – Стоит. – «Зорюшенька!» Повернулась назад. Тихонько про себя: «Ах, сволочь какая!» Вслух: «Зорюшенька, Зорюшенька, на тебе хлебца!» – Уходит. – «Ах ты, скотина проклятая!» Бежит, на ходу: «Милая! Зоренька, милая, погоди!» – Остановилась. – «Зоренька, дорогуша, на тебе хлебца!» – Повертывается и убегает. Он за ней с диким воплем: «Ну, погоди же, поскудиха, живот-на-я! Я тебе вкачу, я тебе вкачу». Скрывается за домами.

Серг. Ив. Пичугин писал с меня портрет. В это время приехал Замошкин, рассказывал о всяких пакостных делах лит. общественности. Ночью мне пришло в голову, что Ингулов едва ли случайно по глупости сделал свою выходку против меня, по всей вероятности, это начало систематических действий, направленных против меня. Ввиду этого надо признать, что не пришло время высовывать нос в общественность, а надо переглдить. Надо скрыться на пойме и делать свою работу, не читая газет до осени. Перед отъездом о поступке Ингулова написать Воронскому, Горькому, Степанову (что прекращаю давать материал впредь до перемены редактора).

Мое постепенно наживаемое убеждение в засилии ученых с их детским любопытством дознаваться, что находится внутри существ (анализировать), действовать в отношении всего живого только мертвой водой без обязанности узнавания в лицо живых существ зависит от какого-то одного основного взгляда на жизнь: наука в том не виновата, и в высшей степени наивно было бы обрушиваться, как Толстой, на науку. Надо научить людей радоваться жизни и принимать эту короткую жизнь как величайшее благо и счастье. Если бы только люди могли в этом воспитаться, то «мертвая» вода нашла бы свое необходимое место в процессе творчества. Однако, чтобы начать обновление жизни, надо начинать не с проповеди любви и Бога, как у Толстого, а с самого дела, надо людям дать в руки вещи как пример творчества и показать им, как они делаются. В моем случае (т. е. в случае моей личности) очень бы хорошо было сделать какой-нибудь «опыт синтетического исследования», в котором параллельно бы применилось действие мертвой воды (наука) и живой (искусство), взять, напр., бекаса, разобрать его жизнь до косточки, из этого разбора узнать жизнь всех бекасов, а потом сложить, воскресить и узнать лицо единственного в своем роде бекаса-Ивана.

Письмо в редакцию

Известия 10 Июня, 28 г.

В № 129 «Известий» в статье «Самокритика и задачи печати» тов. Ингулов, редактор журнала «Новый Мир», таким образом комментирует сказанные ему мной в частной беседе слова:

«Раздаются и такие голоса: не слишком ли мы загибаем в области критики? Так, и писатель Пришвин говорит: «Я, как хороший хозяин, рассуждаю так: как ни криво мое хозяйство, но я не буду его хулить перед другими, я не хочу, чтобы все знали, что у меня плохо». Такое обывательское, сдобренное значительной долей национализма и шовинизма отношение к критике нетерпимо в наших рядах».

Вынужденный обязательствами к своим читателям как «писатель Пришвин» выношу сор из редакторской избы и в свою очередь передаю мой частный разговор с тов. Ингуловым. Он говорил: «Критика должна быть, но критика здоровая». Я возражал: «Признаю для критики одно: бесстрашная». На это тов. Ингулов привел в пример заметку в одной сибирской газете о дурных качествах нашего масла, что будто бы нанесло нам значительный ущерб. Отвечая тов Ингулову в защиту бесстрашной критики, я и произнес вышеприведенные слова в том смысле, что умным, расчетливым человеком, «хозяином», надо оставаться при всяких условиях, будь у нас критика здоровая или бесстрашная, самокритика или критика со стороны, – все равно. А чтобы далеко не ходить за примером, скажу о хозяйстве редактора: при условии здоровой критики нельзя пользоваться разговором с частным лицом и относить его к писателю, это нехозяйственно: выгодно, чтобы писатель беседовал с редактором, а так он будет молчать.

Михаил Пришвин.

Эта победа над хамом в общем моем деле писателя – плохая победа: в одну собаку камень хорошо попал, но она завизжала и созвала целую стаю других. Повторяю тебе, писатель Пришвин, будь осторожен, носа в общественность не суй до поры до времени, не стреляй из пушки по кнопкам.

Несколько дней жары. *13-го* сильный холодный дождь на весь день. *14-го* солнечный холодный день, похожий на сентябрьский. *15-го* с утра дождь.

<*На полях*> на смех критику. Козочка («острая жалость». Спаситель – упрек).

В среду 13-го ездил в Москву по телеграмме Тихонова. Было назначено свидание у Горького об организации газеты или журнала. Слышал имена Ольденбурга и Базарова. Дожидать-

ся не стал вечера и уехал. Мне показалось, что все волнение вокруг Горького уже проходит и скоро он должен будет явиться перед нами в оконфуженном виде.

В ночь под 13-е был обрадован повторным сном о моей невесте на Захарьевской. Я очень боялся, что после высказанного в «Кащеевой цепи» о невесте сон больше не повторится и душа моя останется мелью. Правда, как-то жутко остаться без этой тревоги после 28 лет! Мне привиделась в этот раз их квартира на Захарьевской, пустая комната с единственным диваном. Но в то же самое время это и не квартира на Захарьевской, это зала большого особняка в Калуге, превращенная теперь в какое-то учреждение. Сижу на диване в пустой квартире на Захарьевской и в то же самое время за столом в той зале. Рядом со мной ее старшая сестра (которой в действительности у нее не было). Прежняя моя Варя теперь называется Пашей, и она то покажется, то исчезнет. Сестра ее знает мои чувства к ней и говорит: «Какая хорошенькая Паша!» Весь сон этот, как и прежние, как бы плывет в потоке тончайшего эротического потока, похожего на ласки лучей солнца после морозного утра весной света в конце февраля. Понимаю жизнь мою в свете этого возвратного сна как революционный эрос.

В течение этих последних двух месяцев пережил чувство к Козочке от «острой жалости» к ней с сопровождающей готовностью подвига для спасения женщины «другом». Этот подвиг выразился в посылке денег и нескольких поэтических письмах. Вместо встречи и удовлетворения чувства в половом общении довольствовался ее глупенькими письмами, после чего как реакция на «острую жалость» и «спасение» явилось скрытое презрение к ее предшествующему нашей встрече поведению. (Человек из подполья).

<*На полях*> Из острой жалости рождается «чистая дружба». (Надо много думать об этой психике).

14 Июня. Петя уехал в Питер.

Была встреча с С. на Кузнецком под дождем. Затащила меня во двор. Едва от нее вырвался! Зовет ужасно к себе, уверяет, что у нее никаких претензий кроме дружбы. Знаем мы эту дружбу! А ведь когда-то переживал с ней всю «комедию любви». Горе мое, что ни одна из встреченных мною женщин не оставляет во мне после всего уважения к себе, ни одна не вошла в лабораторию моего сочинительства как помощница, умная, с тонким вкусом к искусству, да зачем как помощница (вероятней всего это только помеха и происходит от жажды читателя-друга, удовлетворить этот запрос души, перестал бы и писать), нет! – как сложность <*1 нрзб.*>... но вероятней всего я просто боялся такой встречи, я заранее чувствовал бессилие,

трепет, самоуничтожение (Лейпциг: К-а). Потому я отводил свою душу на ничтожествах, сам растворяясь при этом бессловесном объекте в гения и героя-спасителя.

Дела сего дня: 1) Почта: 350. 2) Банк. Уплата налога – 367 р. Вахмистров. Экскаватор, бинт.

Путешествие на Дубенскую пойму: Если Бор. Ив. приедет 17-го, то утром отправить письмо в Филипповиху и назначить на 18-е присылку подводы. Вечером в Филипповском. – Наши задачи: 1) осмотреть работы экскаватора (Егор в О.): поездка назад для осмотра осушенного болота и вперед до озера Заболотского, 2) осмотр озера Заболотского, 3) поездка в Полубарское, 4) возвращение через Федорцево, Торгошино и Зимняк.

Что надо взять от поездки: 1) Общую картину Дубенской поймы в связи с работой экскаватора, 2) влияние осушения на гнездование птиц (узнавать у охотников), 3) жизнь водяных и болотных птиц, журавлей по рассказам охотников, а также и водяных растений.

По возвращении: Записать все и переселяться для натаски собаки с Ефрос. Павл. на место.

Снаряжение: 1) Винтовка с 50 иностр. патронами и 100 русских, 2) пища, одежда и все прочее в таком количестве, чтобы возможно было со всем этим передвигаться, не оставляя на возвращение.

Одежда: Белье – одна пара на себе и две с собой. Фуфайка. Сапоги-сандалии. Толстовка на себе и рубашка. Теплая куртка.

Два термоса и охот. сумка, бинокль.

Пища: ветчина и проч., мешок.

Сегодня. Достать патроны у Пендрие. Сходить на выставку.

17 Июня.

Приехал вчера вечером на автомобиле Борис Иванович Покровский.

Дожди каждый день. Бывает, выглянет солнце, станет истомно жарко и через несколько часов дождь. Серо, неприютно, мозгло.

<*На полях*> Читаю о «Суслихе».

«Наши достижения» – называется предполагаемый журнал Горького. Думаю, что наши достижения состоят главным образом в Гепеу. Это учреждение у нас единственно серьезное и в стихийном движении своем содержит нашу государственность всю, в настоящем, в прошлом и будущем. Все остальное болтовня, потому что никто не властен, напр., спасти невинного человека, если не захочет Гепеу.

Социализм бессердечен, потому что сердце его заключено в церкви. И всякий человек, вроде Горького, кто поставил себе задачу социалистического творчества, неизбежно упрется

в необходимость для этого творческой личности и углубление в творчество личности приведет его к собору таких личностей, к церкви…

<*На полях*> Это как смутная мысль, направление, в котором надо подумать…

Я шел по улице утром и думал, что все вокруг меня идут на промысел, как утром птицы и звери выходят кормиться. Каждый думает только о себе и каждый предназначен вырвать кусок у другого. Я шел к фининспектору. Было назначено, чтобы он взял у меня десятую <часть> моего дохода… (Годится для общей связи при описании животных поймы.)

«Инфернальная женщина» Достоевского обернулась в «Суслиху» у Розанова, а потом одно и то же: у одного Анна Григорьевна, у другого «мамочка» Варвара Дмитриевна.

По себе знаю, что «инфернальная женщина» существует как стыд себя самого, с одной стороны, и как возможность мгновенного спасения (все как-то не умею сказать…). Я хочу сказать, что у отдельных («поэтических») натур есть особое предрасположение к такой женщине (оргийности). Это явление как требование отдаться безрассудно и вполне, причем – всякое «взять» представляется чем-то вроде унизительного воровства: пусть даже это «взять» выразится в гениальном творении… (бессильна молитва в любви: взять невозможно). Эта борьба разрешилась в Алпатове чувством священного роста жизни.

За «инфернальность» в деревне баб бьют: это там понимают как бабье своеволие. Очень понятно, почему Суслиха отколотила Розанова намыленной рукой по щекам и потом не давала ему 20 лет развода. Понятно, почему и у Д-го и у Р-ва остается и ненависть и готовность по одному слову ее «повергнуться со скалы». (У Алпатова: она позовет, и «священная растительная жизнь», как дым…)

<*На полях*> У Алпатова: он сам себе создал «инфернальную женщину». И потому: если ее и не будет, то поэт сам себе ее выдумает и в первой встречной женщине пропишет черты «инфернальной».

Вокруг поймы
(18-го – 19-го – 20 Июня)

До Зимняка на Сергиевское легковым. От Зимняка до Заболотья на Ченцовском. От Заболотья по озеру до Замошья и до Сковородина – Александр Гавр. Лахин.

От Сковородина до Берендеева и Терехова вез на лошади Максим Трунов. От Терехова до Александровки свояк Карпова. И от Александровки до Сергиева Карпов.

Погода: дожди и холод. Борис Иван. объяснил все как-то явлением солнечных пятен, а Лахин силой безбожников: «холода, всего стало меньше, даже грачей».

Трактир Ремизова в Зимняке.

Общая комната, где гамят мужики и хозяин. Алексей Никитич Ремизов за прилавком удовлетворяет их «парами» чая. Вторая комната для гостей почище, из второй видны собственные покои: ампирное кресло возле стола, на столе счеты, букет сирени, за окном колоннада, подпирающая навесы двора, под навесом лошади, свиньи, куры. Лошадь с подвязанным мешком, и по движению ямок под глазами видно, что она жует, и это знают куры: окружили голову лошади и пытаются расклевать мешок.

Школа в Деулине

Школа у самой большой шоссейной дороги. Верно, при постройке надумали окна вырубить с противоположной от дороги стороны, чтобы ученики не развлекались, кроме того, на той противоположной от дороги стороне был и юг. На восток и на север пришлись другие окна. А на север, к дороге, прирубили сортир в три отделения с тремя окошками: два для учеников, одно для учительниц. Так вышло в конце концов, что когда едешь по шоссе, то видишь близко к дороге школу сортиром к себе, два окошка из двух отделений открыты, а третье отделение учительниц заткнуто тряпкой, конечно, чтобы любопытные прохожие не подсматривали. Потом мы встретили воз с ящиками, наверху на ящиках (с оказией) ехала молоденькая барышня, вероятно, учительница, одетая по моде, в коротенькой юбке и длинных чулках, только чулок не было видно, они были для предохранения от пыли завернуты в газету.

Ченцовский ямщик

– Не боюсь ни огня, ни полымя (пламени), ни темной ночи, ни волков, ни жуликов.

У Ченцовых сохранился остаток первобытной коммуны: ямщик нанимается, а кому везти – бросают жребий между собой.

Рассказ ямщика

О постройке церкви благочестивым купцом: «церковь построил и позолотил главы». В чем есть син-дикат. А синдикат,

это значит вином торгуют: «аз-вин, син-дикат все двадцать четыре удовольствия».

Об экскаваторе

«Курица в гнезде, яйцо в жопе, а они хотят яичницу жарить».

Мужики верят и не верят осушке, но если осушат и можно будет в болото скотину гонять, они не пожалеют ни рыбу, ни птицу, ни драгоценную водоросль. И оно правда, совестно думать об охоте и даже науке. «Граждане, – закричал Лахин, – кто богател от охоты?» – «Немцы бы на этом озере много нажили». – «Были и немцы. Приехал сюда раз немец Филей: «Покажите, – говорит мне – русскую печь!» Показали, он подивился, спрашивает: «А когда будут топить?» Мы сказали, он подождал. Подивился еще пуще и просит церковь показать. Посмотрел церковь, прошел к озеру, увидел наши лодки, руками всплеснул! Сел и поплыл. Запутался в протоках. Напали на него слепни. Бросился бежать поймой. По плесам вплавь. Мы встретили. «Мухи у вас очень большие».

<*На полях*> – Не осушить. И показал в окно на дождик:

– Можно ли болото осушить?

– Осушат!

– Может быть... осушат болото, а чтобы заставить петуха кричать по новым часам – этого не перевернуть.

Троцкий, бывало, и то, когда в лодку садился, говорил: «Ну, с Богом!»

Крыленко

Прокурор республики приехал уток бить после 6-го Мая, когда вышло запрещение охоты. У него была бумага: разрешение. Убил 40 уток. Мужики будто бы на него протокол составили. Я удивился: «Протокол на прокурора республики!» – «А что же?» – «Я сказал: Попробовали бы раньше составить хотя бы на исправника!» – «Лахин: – Ну, это, конечно, хорошо, я разве что, я разве говорю все плохо, я только против плохого хозяйства, против гонения на Бога... я и борюсь против власти, я и стою за нее».

Утки

Вечером тянут на Константиновские луга через Замошье. Утром по темнозорьке являются на свой плес, на свой приса-

док. Распугают – переменят место, и дня через три опять тут, но тогда бывают уже поумней.

<*На полях*> Гибель утиного царства.

Советские охотники

Я спросил, когда надо выезжать на плес. Лахин ответил: «Мы, бывало, выезжали не торопясь, под утро, утке лететь, и мы тут. А советские охотники спешат, каждому хочется пораньше плес захватить, теперь с вечера выезжают».

О Максиме Трунове и его жене

Я сказал Анисье Ефимовне:

– Какой Максим человек хороший.

– Хороший человек, – ответила она.

И так бы мы с этим остались оба, что хороший человек Максим и больше ничего. Но я сказал:

– И жена его какая тоже хорошая, вот пара-то! Правда?

– Бездетные, – ответила Анисья Ефимовна, – им можно.

– Что можно?

– Хорошими быть. Хорошие, хорошие, я ничего не могу сказать, бездетные, вот и хорошие.

<*На полях*> «На хитром месте котовал».

Счастье

И была мне до очевидности понятна вся жизнь, ее назначение, смысл, счастье ее, вся радость ее, наука, искусство, промышленность, хозяйство, семья, все: все человеческое дело (в создании высокой формы общения мира… как-то иначе выразить надо: ведь это захватывает и высокую индивидуальность, потому что индивидуальность – это острый угол движения общества вперед)…

С одной стороны, с другой…

Все говорили, что осушить невозможно такие болота (Бога не осушить, петуха не повернуть, а станет кто поворачивать, то Господь его повернет, лапоть шел вперед, смотришь, тот же лапоть назад идет, что лоси перевелись, грачей стали меньше. «Лоси есть!» – закричал охотник и всех сбил. «Я сам про-

тив осушки, – сказал я, – озеро интересное, охотничье хозяйство, шары». Гражданин закричал на меня, это не дело, надо осушать, нам коровы, а вам шары.

Замошье

– <*1 нрзб.*> зайца выгонит, некуда зайцу деваться, тут же с нами и живет.

Плес

Кувшинки еще не цветут, торчат острые зеленые резаки (мудорез), на чистом месте мы застали маленьких утят головка к головке, отдельно от них плавала матка (свиязь), стараясь нас собой отманить, но когда мы поплыли на утят и они, вытянув назад ножки, бросились вперед, она дала им сигнал, и они вмиг все исчезли под водой и затаились в резаке невидимо для нас, высунув носики на воздух возле зеленых ножей резака. После того матка полетела очень странно: она и летела и в то же время шагала своими черными лапами, оставляя кружки на голубой воде.

Так, добежав, долетев к месту исчезновения утят, она поднялась на воздух и стала описывать вокруг них круги.

Старик

– Этому старику вы не скажете, сколько лет?
– Сказать все можно, скажу – сто.
– Чуть не угадали: этому старику без трех дней рубль.

Река теряется

– река под поймой теряется.

Можно легко представить себе, что звери между собой человеком бранятся, и у них поступать по-человечески значит то же самое, что у нас по-зверски. В голодное время видели мы себя в тех же условиях, как звери, но какие звери были милые тогда в сравнении с нами! После того все, у кого осталась совесть, должны бы смириться до признания своего равенства с животными и единственной своей радостью считать находки среди зверей того прекрасного, что когда-то давно признано было называть человеческим.

<*На полях*> Почему ценят девственность? Я думаю, девственность это как вечность, чувство вечности в ней непременно (раз

навсегда, – я – раз, она – навсегда), и так происходит: я – раз! – и кончено, она продолжает меня дальше в природе. Я – это миг, я – мгновенье, явление вечности. Раз! – и я умер. Она берет мое и носит, передавая потомству. Но почему же мужчины обыкновенно говорят: «Я взял ее». Какой глупый самообман: отдаваясь, она берет меня в безликую бездну вечного…

24 Июня. Ярмарка.

Пулковская обсерватория обещает с 24-го по 1-е Июля потепление.

21-го в четверг был у меня охотник из Торгошина Павел Семенович Кузьмичев. Он продал в этом году на 800 р. пушнины, добытой в Сергиевском уезде. Ездил на Белое море за выдрами и теперь будет ездить туда постоянно (ушкуйники). Рассказывал о чернобурой лисице: увидел на Кузнецком барыню с ч. лисицей на ней и спросил ее, сколько она заплатила. Барыня улыбнулась: 7½ тыс. (может служить началом рассказа).

22-го был в Москве. В «Моск. Охотнике» Николай Петрович Орлов. В Сергиеве: Петр Васильевич Морозов. В Веригине Красавин Иван Кузьмич, у него мальчик, знающий, где бекасы. Дер. Морозово, у кирпичных сараев бекасы. Трестница.

Из путешествия с Бор. Иван: в Заболотье стоит фитильный завод, и электричество с тех пор не работает.

<*На полях*> Валерий Григорьевич Барков – лесничий в Торгошине. Говорун.

Александр Гаврилович Лахин из Заболотья, прозвище: «Говорун». Такой же говорун и А. М. Широков, и вообще в народе примета, что красное слово является за счет человека. Можно сказать, что талант у настоящего поэта во всяком случае не является документом его человеческого достоинства, а скорее наоборот – тем не менее, драгоценна поэзия! И, читая поэтическое творение, мы отпускаем грехи человеку, прославляем его, как будто поэт и как человек самый хороший. Вот эта способность превозносить человека там, где его, может быть, вовсе и нет, и есть отличительная особенность культурного общества от стихийного.

<*На полях*> Один из самых глубоких признаков разделения стихийного или «простого» человека (народ) от «сознательного», сложного (интеллигенция) – это отношение того и другого к словесному творчеству. В простом народе о краснослове всегда говорят иронически и вполне заслуженно: краснослов всякий, почти без исключения в остальной своей, органической жизни рабочего или крестьянина, семейного человека, общественника, обладает <*9 нрзб.*>. Старый егерь Мерилиза Алексей Михайлович Широков чудесный рассказ-

чик... Записанные мною его рассказы о животных войдут в хрестоматии. Но он понятия не имеет о порядочности, честности и т. п. качествах, обладать которыми, говоря попросту, даже и выгодно. Когда заводишь о нем речь среди крестьян, все начинают его ругать. И когда я говорю о его даровании, о его замечательных рассказах, все иронически отвечают: «Это он может!»

Гражданский зуд, если он не является естественным требованием, исходящим из личных запросов, верней всего происходит от личной пустоты: нет ничего в себе, плохо оставаться с самим собой и вывертываться наружу, он утешает себя тем, что если вне его сделается хорошо, то и ему будет хорошо. И хотя сам он сыт, а людям только и надо, что быть сытыми, то он думает, будто бы, когда насытятся люди, то ему от этого сделается хорошо. Теперь таких людей осталось мало, остался только принцип.

Летнюю охоту в Федорцове мечтаю так устроить, чтобы она была исследованием Заболотского озера, чтобы применить все мысли свои о художественном исследовании. Большую часть времени буду отдавать расспросам охотников о жизни птиц.

Отъезд в Федорцово назначается на 30-е Июня, в субботу. Записываю все, что надо взять с собой: 1) Охотничье. 2) Литературное. 3) Разное.

Охотничья страница

Два термоса.
Винтовка.
Антибку приделать.
В Москве купить: два поводка.

Литературная

1) Пиш. машинка с коп. бумагой и лентой, и ковриком, бумага.
2) Все для писем, чернила, перья, резинки, марки с заявлением об адресе.
3) Книги. Сергиевский уезд.
4) Рукописи.
5) Свифта купить.

Разное

Аптечное: пирамидон, йод, бинты.
Керосинка.

Ex libris

Если я сегодня на белой странице посажу кляксу и буду писать дальше, не обращая на нее никакого внимания, то это будет просто клякса. Но если завтра, исписывая вторую страницу, я сознательно посажу такую же кляксу, на том же самом месте, послезавтра опять и так каждый день, то это будет уже не клякса, а особая метка, явление индивидуальности автора, выражение самолюбия художника, преодолевшего кляксу.

Я думал об этом при встрече с Горьким за обедом у него, когда он болтал об итальянцах и, выговаривая свое нижегородское О, слегка подталкивал меня в бок: и это О, и подталкивание, и усы его, и вообще весь тот рабочий облик, усвоенный нами по фотографиям, все это оставлено Горьким сознательно и в европейском обществе производит, наверно, должный эффект. Горький, воспитанный превосходной русской интеллигенцией, перевоспитанный еще раз отличными женщинами, отполированный образованным обществом всех стран, сохраняет облик рабочего, приблизительно, как если бы я, отделав свою кляксу стильным орнаментом, стал бы употреблять ее как метку для собственных книг и рукописей: это не прежняя клякса, это будет выражение самолюбия художника, преобразовавшего кляксу в ex libris.

Девственность – это значит раз навсегда. Он – раз! и кончено. Она продолжает растить его семя, передавая из рода в род. Раз навсегда!

«Раз» – короткое гениальное действие, явление на мгновенье остановленной вечности. Раз! и все очарование исчезло, вечность явилась и ушла. Но почему же мужчина обыкновенно говорит: «Я взял ее!» Какие пустые слова! Отдаваясь *<1 нрзб.>* она берет меня в безликую бездну...

26 Июня.

Продолжаются, несмотря на предсказания обсерватории, холода и дожди. Трава плохо растет.

Сегодня к Царьградскому и Жданову. В четверг в Москву за порохом и ружьем.

Claudophora sauteri
(К делу охраны памятников природы)

Непосвященный, увидев Claudophora, никогда не скажет, что это водоросль: с виду это правильной формы изумрудного цвета шар величиной иногда почти в детскую голову. Это одно из явлений природы, чрезвычайно выгодных для популяризаторов знаний, потому что всем занятно такое «диво», всем

эти изумрудные шары навязывают вопрос: да как же, почему произошло такое чудо в природе?

На всем земном шаре есть только две точки, где в небольшом количестве живет Claudophora, первая, если я не ошибаюсь, это озеро где-то в Северной Германии, вторая – Заболотское озеро Московской губернии Сергиевского уезда.

В настоящее время происходит осушение Дубенских болот и в связи с этим делом к 1-му Августа предполагается спустить озеро Заболотское в Дубну. Шары редкостной водоросли расположены на небольшой глубине, и при спуске воды из Заболотского даже на один метр неминуемо должны погибнуть живые свидетели ледниковой эпохи. Кто знает, все ли рассказала науке эта водоросль, свидетельница ледниковой эпохи нашей планеты? Быть может, вместе с нею исчезнет надолго возможность осветить ряд таинственных вопросов истории нашей земли? Во всяком случае, если этой водоросли суждено остаться не в двух точках земного шара, а только в одной, ученые ботаники и геологи срочно должны явиться на место, чтобы гибель вида не была бы просто случайностью.

Возможно, что ученые даже признают настоятельную необходимость в деле охраны воды. Нам со стороны представляется, не одна водоросль Claudophora sauteri подлежит охране, а что кроме нее в Заболотском озере есть еще что-нибудь, что может быть само озеро, в свою очередь, чем-нибудь замечательно и, главное, что самый спуск его не является уже такой настоятельной необходимостью.

Нам при поверхностном осмотре плана мелиоративных работ бросается в глаза скученность населения на Дубне и настоятельная необходимость помочь этому населению осушением поймы, но по Сулоти, притоке Дубны, на которой расположено Заболотское озеро, население чрезвычайно редкое, всего несколько деревень. В селе Заболотье в настоящее время бездействует прекрасно оборудованная фитильная фабрика с динамо-машиной, с проведенным в каждую избу не светящим ныне электричеством. Можно с уверенностью сказать, что население нескольких деревень Сулоти, если бы фабрика была пущена, во много раз бы удовлетворилось более работами на фабрике, чем пользованием будущей травой из-под озера. А что сама затрата по осушению больше затраты, необходимой для того, чтобы пустить фабрику в ход. Возможно, что мелиораторы уже приняли во внимание все, что бросается в глаза при поверхностном взгляде на план осушения, но возможно, что увлечение осушительными работами, как это у нас часто бывает, не считается со смежными областями.

Во всяком случае, экспертиза геоботаников и геологов совершенно необходима и с этим надо спешить, потому что

увлечение осушительными затратами не считается с смежными областями. Но это у нас часто бывает.

Экскаватор приближается к Сулоти, в начале августа озеро будет спущено.

P. S. Заболотье находится от Москвы в 100 верстах, на автомобиле геоботаники могут приехать в 2½ часа. Экскурсантам, желающим видеть ледниковую водоросль и вообще девственную природу болот, можно рекомендовать дешевый путь по железной дороге до г. Сергиева 60 верст и 40 верст с крестьянином рубля за 2 – 3 со среды по субботу, когда он возвращается с базара порожняком.

27 Июня. С ночи окладной дождь.

Начинаю думать, что между большевиками и другими социалистами нет качественной разницы: большевики только сумели фактически выразить то, что в каждой другой фракции социализма таится как желание: это желание господства (нет: господство – это требует анализа).

Замошье

На небольшом островке, окруженном болотами, жил лесной сторож с семьей. У него было несколько сыновей, которые потом разделились и выстроили себе каждый по дому на острове. Земля оказалась очень хорошая, и к новой маленькой деревне приселились еще две, три семьи. Тогда казалось, что на островке всем земли хватит. Но когда и эти новые семьи размножились, то поля примкнули вплотную к болотам. Стали искать выхода с острова. Нашли землю за болотами. Пробили на пойме борозду и уложили по ее краю лавы. Приучили плавать лошадей бороздой. Сами идут по лавам, конечно, тоже не сухие, нет-нет да оступится человек и окунется, а лошади плывут бороздой. Весной вода стоит под болотами, и островок с деревней становится островом в море. Случается, весенняя вода выгонит зайца на остров, и ему деться некуда, кружится безысходно, как и эти люди, повторяя существование в смене поколений, в сущности тоже кружатся на острове.

Эта деревня Замошье находится в Московской губернии! И она не одна. Большинство сел и деревень, расположенных у края Дубенской поймы по холмам, упираются в болото. Без всякого раздумья надо приветствовать продвижение землечерпательной машины (экскаватора) в этом краю, перенаселенном на своих моренных холмах и пустынной в огромных болотах Дубне.

Однако при взгляде на план мелиоративных работ бросается в глаза чрезвычайная редкость населения по реке Сулоти, притоке Дубны, на которой расположено Заболотское озеро, тут всего несколько деревень с селом Заболотье во главе.

Собственность у собак

Всякая собака, независимо от своих сил, возраста и пола пользуется правом собственности на захваченный ею предмет. Случается, огромный Соловей где-нибудь достанет себе кость и, когда подходят к нему щенки 3-х месячные Векса и Чок, он рычит, это значит: «Вы стоите на границе моих владений, дальше не ступайте, разорву». Чок стоит. Но Векса как сучка, одаренная кокетливостью, в момент рычания ложится на землю и передвигается вперед лежа, подкатывается: покорность у собак уважается, Соловей не рычит. Так Векса лежит на спине у самой его морды, лапками иногда задевает и морду и кость – Соловей не рычит. А Чок стоит у границы владений Соловья и не смеет дальше шагнуть, малейшее движение, и Соловей начинает рычать. Какая досадная неприятность вышла Соловью в этот раз! К соседу в сад прибежала чужая собака, и ее Соловей увидал через неплотно сомкнутые дощечки разделяющего наши дворы забора. Щенки, стерегущие его кость, – это как бы враг внутренний. Но собака у соседа – это враг внешний. Соловью, воспитанному в старых законах, как и нам, людям, почему-то всегда представляется, что враг иностранный страшнее врага внутреннего. Может быть, он воображает себе, что в момент начала войны с внешним врагом внутренняя вражда исчезнет, как только он бросится с лаем к забору, за ним бросятся Векса и Чок биться до полной победы одного двора над другим. Он забывает о кости и бросается к забору. И его Чок бросается за ним. Понятно, он его родной сын. И, кроме того, ведь он стоял на отдаленной границе владений Соловья, он освоился с мыслью, что кость все равно ему не получить. Он бросается и как сын Соловья и отчасти потому, что научился уважать чужую собственность. Но Векса, хотя и дочь Соловья, но не очень «военная», притом она очень хитрая и ловкая сучка, она была у самой кости, быть может, она только того и ждала: как только Соловей с Чоком бросаются к забору, она овладевает костью и, не обращая никакого внимания на войну у забора с внешним врагом, садится на нее верхом и начинает грызть.

Тревога вышла совсем напрасная. При первых взрывах Соловьиного гнева ничтожный иностранный враг, поджав хвост, убежал и скрылся. Соловей вспомнил о внутренних делах и возвращается к своему хозяйству. Он видит ужасную картину: маленькая Векса сидит верхом на его собственности. Он подходит невесело, но за десять шагов от кости Векса поднимает голову, обнажает свой белый чеснок и рычит. И эта маленькая 3-х месячная сучка останавливает великана, почти волка! Не в силе дело, он не смеет нарушить древний собачий закон собственности: кто захватил, тот и владей. Пусть обманом захватил, все равно, раз захватил, то и владей и охраняй,

а главное, не зевай. Силой закона всех собачьих предков, безмерно большей, чем своя собственная волчья сила, стоит Соловей в десяти шагах от маленькой Вексы и облизывается. А Чок стоит гораздо ближе, он-то, маленький, ей не страшен, с ним-то она справится. Вот я теперь и догадываюсь, почему терпеливо стоит Соловей и облизывается. Стоит он в ожидании, когда Векса потеряет терпение, забудет кость и бросится на врага – Чока. Он теперь очень хорошо понял, что внутренний враг страшней иностранного. Он облизывается, потому что уверен: она непременно бросится, и он вернет свою собственность. Старик воспитался на прежних законах, по которым иностранный враг считается страшнее внутреннего. Но раз нет врага внешнего, во внутренних делах он совершенно уверен, тут господствует один закон: «не зевай!» Вот почему он стоит и облизывается.

Портрет

Мы жили на окраине города, примыкающей к лесу. Бывает, в лесу пошаливают недобрые люди. Мы с женой не боимся: у нее в комнате заряженное ружье, и у меня свое. Кента лежит в передней, чуть что и лает. Ромка со двора ей отвечает, мы просыпаемся, я с ружьем в руке выхожу на двор узнавать причину тревоги.

Однажды пришел ко мне художник и начал писать мой портрет, писал целую неделю. Приходили разные люди, одни говорили, очень похож, другие не узнавали. Как бы там ни было, портрет был окончен, и оставалось нарисовать только галстук малинового цвета, цепочку и сделать подпись. Вечерело, художник доканчивал работу в полумраке. Мы зажгли электричество. Он исхитрился сделать подпись свою при электрическом свете. Вдруг электричество погасло. На улице начался дождь, грязь <*1 нрзб.*>, тьма наступила. Художник был робкий человек и попросил у меня в спутницы Кенту: завтра обещал он ее утром привести и докончить портрет. Я Кенту ему дал. И на ночь к себе взял Ромку. Укладываясь спать, мы с женой подносим свечку к портрету, стараясь установить, похож или не похож. Но портрет был большой, масло блестело, отражая пламя свечи, ничего нельзя было понять. Жена сказала:

– Да от чего бы ему и не быть похожим, ведь он целую неделю смотрел на тебя.

– Конечно, похож! – ответил я, – не беда, если и не похож, дело не в сходстве, дело в картине: он должен быть не на меня, а на человека похож.

Жена спорила.

– Как так на человека! Зачем же он на тебя смотрел целую неделю?

– Зачем? Человек во мне высматривается, возможно, мой человек на меня не похож.

Давай лучше спать.

Улеглись, она у себя, я у себя. Ромка в передней.

Мы спали недолго. Оглушительный лай нас разбудил. Я вскочил, ослепительный свет сиял в комнатах. Не сразу спросонья я догадался, что свет был оттого, что, когда оно потухло, мы не завернули кнопки и потому, когда снова пустили ток, все у нас засветилось. Спросонья мне представился этот свет как-то связанный с лаем. Я схватил ружье и вышел в большую комнату, из другой двери вышла жена тоже с ружьем. А посредине комнаты стоял Ромка и во всю мочь брехал перед портретом, подойдет к нему, брехнет и прыгнет назад, подойдет и отпрыгнет.

Мы положили ружья на стол и принялись хохотать. Потом я стал рядом с портретом и привлек внимание Ромки. Он посмотрел на меня, посмотрел на портрет и сильнее залаял, как бы защищая меня от него.

– Не узнает! – сказала жена.

– А может быть, и узнал бы, да как же узнать: хозяин один, а тут два. Он и мысли такой не допускает, потому и не узнает.

Вспомнив наш разговор перед этим, жена ответила:

– Но зато он узнает в нем человека, это – наверно. Ты этого хотел, вот и радуйся: до того на человека похож, что собака залаяла. Значит, портрет не похож на тебя, а я думала... Вижу, плохой портрет. Ромка не узнал. Зато на человека похож.

– Пусть портрет не похож на меня, – ответил я, – зато картина отличная, так похож на человека, что даже собака залаяла.

Ромка не унимался. Мы обернули портрет лицом к стене. Загасили свет и все успокоились.

28 Июня. Антибку приделать. Покончить с деньгами. Письмо Разумнику с заявлением о Пете. Купить цепь для лодки. Справиться о дроби. Керосинка. Пирамидон. Зайти за картой к Григорьеву. Сандалии починить. Шкаф с книгами разобрать. Бороду и волосы постричь. Трубку наладить.

Получил достоверные сведения (от Яловецкого), что еще токуют тетерева и бекасы, в лесу цветут весенние цветы ландыши и желтые бубенчики, а в поле только виднеются летние: ромашка и другие... А в рыбном царстве еще удивительней: каждому известно, что налим идет только по мутной воде, с Николы налиму обрез, потому что вода становится светлая. А ныне налим все идет, потому что от непрерывных дождей вода все еще мутная.

29 <Июня>. Наконец-то два дня, среда и четверг, вышло благополучно в природе и обошлось без дождя. Сегодня с утра все небо закрыто, неужели опять будет дождь.

Вчера ездил в Москву за ружьем. Купил двадцатку Лебо за 350 р., новая двадцатка, но была в плохих руках, и есть в стволах пятна.

Переезд в Федорцово назначен на понедельник.

Давно меня интересует вопрос, почему сложилось такое мнение, будто все охотники врут. Я долго этим занимался, изучал типы охотников, проверял и убедился: действительно, за небольшим исключением, врут. Проверял самого себя: я, бывает, совру. В конце концов, разбирая причины своего собственного вранья, наконец, я дознался, почему охотники врут. Все происходит от скуки!

В наших редких дичью огромных пространствах надо очень много ходить, чтобы добраться до стрельбы, бывает, целый день ходьбы, и нет ничего. Не одаренный воображением охотник, в конце концов, начинает развлекаться стрельбой по воронам, сорокам и бутылкам. Охотник с воображением сочиняет от скуки на ходу, расскажет сначала как бы шутя, второй раз посерьезней, в третий раз рассказывая, сам верит, будто с ним все такое сочиненное им от скуки было в действительности.

31 <Июня>. Был у меня Горский. Из этой беседы мне стало понятно, почему я не пишу романов («Кащеева цепь» – не роман, это жизнь). Начиная с «Онегина» Пушкина русский роман отрицает роман (мысль Горского). Происхождение этого в распаде религии: наука – мертвая вода, искусство – сознательная иллюзорность (пример: роман). Отсюда и мое устремление сделать искусство методом исследования жизни.

Пристрелка ружья Лебо 20 к.
Левый ствол:
Заряд 1) 1,3 – порох Валдроде – 27 дробь № 7.
Число дробин из 270 попало 197 – 73 %.
2) 1,2 – 28
186
3) 1,2 – 26
181
Правый ствол:
1,3 – 27
115 40 %.

Первый ствол плохо пристрелян, разбрасывает, на 50–60 шагов стрелять плохо, но оставить таким для охоты с собакой на близком расстоянии и отчасти потому, что скорей *<1нрзб.>* одну цифру с левым 1,3.

1 Июля. Все теплеет. Видно, предсказание метеорологии правильно.

Вчера я сказал Ефр. Павл.: «Тебе кланяется Пендрие». Она удивилась. Я пояснил: «Я ему сказал, что еду с женой; он удивился и говорит: «Всю жизнь мечтал о такой жене, чтобы ездила со мной на охоту, как у вас хорошо, кланяйтесь Ефр. Пав.». Услыхав это, Павловна сказала: «Ты бы ему сказал, что она не только на охоту, она может за мной и в огонь и в воду»…

День сборов. Завтра в 6 утра уезжаем.

Отбирают всюду дома. Одного попросили «подвинуть дом в сторону». Заключенные сидят, несмотря на все хлопоты Горького. Сам Горький пишет в «Известиях» сегодня «о наших достижениях»: призывает к героизации страны: «У него (Ленина) и надо бы учиться этому искусству нарушения законов физики, да и вообще всяких законов старины».

Горький говорит о нарушении законов физики <не> в смысле: героического «смертию смерть поправ», а в «физическом» плане – Сергиевское О. К. Х. предлагает владельцу дома передвинуть его в сторону.

Всякое продвижение героя хотя бы на один сантиметр сопровождается великим страданием внизу.

Но… засмеять Горького легко. Надо или согласиться с ним (пусть с поправками), или его спасительному плану противопоставить свой, конечно, с готовностью принять на себя все последствия.

Горький барин, мы мужики. У барина слова без дела, у мужика дело без слов: не понимают друг друга.

<*Приписка на полях*> Спасение спекулянта.

Рассказ Яловецкого о том, как дядя Максим в притоках Дубны в голодное время провозил спекулянтов. Раз он поехал на рыбу, а спекулянта отправил с девочкой. Слышит крик (в протоках). Видит: человек затонул, девочка по шею в воде, спекулянт по грудь. Оба держатся за ветки ивы. На берег выйти нельзя (топь). Спекулянт потянулся к лодке Максима, тот взмахнул веслом (утопит): если он шевельнется, убьет веслом. Посадил девочку, потом спас спекулянта. Дома дал спекулянту одежду, самовар поставил. Спекулянт стал протягивать ниточки по всей избе и, протянув, развесил на них для просушки все свои синенькие, красненькие и зелененькие миллионы и миллиарды.

(К этому сюжету взять материал у самого Максима.)

<*Приписка на полях*> На вечерке.

Бывает, к вечеру ляжет туман. В тумане показывается чудовище, быстро приближается и потом оказывается ирландским сеттером. Минут через сорок после этого обыкновенно

появляется из тумана доктор, хозяин сеттера, и спрашивает, не видал ли кто его Джека.

Максимов покон. Это значит утка Максимовой породы.

<*Приписка на полях*> Трактир Ремизова как место общения всего края.

В трактире у Алексея Ремизова я привязал собак к ножке стола и велел им лежать, Кента улеглась, а Нерль стояла. Я сказал:

– А ты чего торчишь, Нерль!

– Так это Нерль! – воскликнул Алексей Ремизов.

– Нерль, а вы как знаете?

– Читал о ее рождении в журнале «Охотник».

2 Июля. Выехал с Ченцовским ямщиком. По пути надумали вместо Федорцова поселиться в Переславище. В ½ 8-го выехали, в 3 были на месте. Сняли квартиру, и вечером я ходил с собаками краем полей. Нашли петуха, бекаса, кроншнепов, ежа и гадюку. Нерль пустилась за кроншнепом. Пришлось наказать. Когда вернулся, Е. П. убрала комнату цветами. Так много цветов! Такая радость: рожь цветет.

Тишина и цветы – вот прелесть пустыни. Я думал: о подвиге без самозабвения, о возможности религии без попов, об аскетизме, что аскетизм духовный в физическом плане выражается главным образом в семье. (Вспоминаю, как на мои хорошие слова о Труновых ответили: «Как и не быть хорошими: бездетные!»)

Моя натаска Нерли будет тем, что я хочу сделать в книге о натаске Ромки, т. е. я буду натаскивать ее каждый раз в новых условиях и, таким образом, изображу весь край.

Попытаюсь сегодня в Федорцове немного поработать и с Нерлью.

Денег осталось 415 руб. Лахину за вещи надо дать 5 р. + за лодку 5 р. + 2 р. еще = 12 руб.

3 Июля. (1-й урок)

День хмурый, прохладный. Нерль работала в Трестнице плохо, боится болота, жмется к ноге. Надо поскорей размолоть ее дичью. В Федорцове Вик, Кооперация, Госспирт, две чайные. Крайние дома подходят к озеру Полубарскому. Озеро, а воды почти не видно, одни поросшие зеленью плесы и через них насыпанная дорога с мостиком. Пил чай в чайной. Говорили об осушении Дубны, пожилой человек (нездешний, я здесь все знаю и всех. И Алек. Ник. Приятели!), еще был валяло (переезжаете машиной в Сергиев), еще молодой человек, какой-то агент, ходок, из Калязина в Сергиев, 110 верст проходит в один день и ничего, только когда придешь и сядешь, нога дрожит и стучит о пол. Пожилой человек сказал об

осушении: «Вот как осушили, по самое горло теперь там». Валяло рассказал о своем деле, что платить налогу много.

– Осушка! – сказал пожилой.

– Работаешь один – сто рублей, возьмешь помощника – 200, двух – 500, трех – 800 и больше.

– Осушка!

– Вот был у нас один: укрывал помощников. Доказали. Наложили на него 1000 рублей. Нечем платить, продал машину.

Ходок сказал:

– Сел на якорь!

– Машину отобрали. Прощай машина, отдохни. А самого услали к Черному морю.

– Осушили! – закончил нездешний, но всех знающий пожилой человек.

После обеда пытался дождь начаться, но удержалось. К вечеру ходил с собаками. На пустых местах пускаю обеих сук вместе, но подозрительная Кента ищет, а Нерль держу: пусть присматривается, принюхивается. Слетели на опушке витютни, собака не видала. Кента, подбежав, почуяла следы их и стала. Нерль издали заметила Кенту, полетела, не обращая никакого внимания, что Кента крадется.

На болотине паслась пара журавлей и неустанно подавала куда-то сигналы (молодым?). Досадливо кричали и садились близко, отманивая собак, кроншнепы. В болоте и довольно-таки топком Кента держала стойку по тетерке. Потом пошел цыпленок величиной с коростель, хотя небо было так густо закрыто, так было серо, что трудно было разобрать, может быть, это был и коростель. На вчерашнем месте был поднят бекас. Другой токовал вверху барашком и внизу было: тэкэ-тэкэ.

<*Приписка на полях*> По своему обыкновению, переселяюсь за месяц до охоты в глухие места для натаски собаки и потом для охоты и наблюдений природы до зимы я нанял ямщика за сорок пять верст. Не доезжая 3-х верст до намеченного места, я очень обрадовался роскошному охотничьему ландшафту. Встретилась на болоте деревушка, в ней хорошая изба. Я снял себе помещение, перетащил с ямщиком вещи и отпустил его.

4 Июля. Весь день прекрасно теплый слегка гремело, и в четвертом часу разразилась страшная гроза с теплым крупным ливнем. Мы прекрасно устроились, маленькая спальня за перегородкой, столовая и кабинет, в кабинете на одном столе весы и все охотничье снаряжение в полном порядке, на другом письменные принадлежности, на стене превосходное Лебо и винтовка, в передней собаки, мать с дочерью, Кента и Нерль,

одна в одну, пятно в пятно. Еще хорошо, что под карнизом на верхнем венце дома ласточки, гнездо к гнезду, годами устроили себе целую деревню.

Сколько нужно было метаться по свету, мучиться, достигать, чтобы сложить себе, писателю, тоже гнездо, тоже на воздухе... Но я заметил, в деревне ласточек есть пропуск с очертанием на дереве исчезнувшего гнезда. Почему оно кончилось? Один удар молнии, и мой домик со мной, со всеми моими фунтами пороха (заключаю по Валдроде) взлетит на воздух. Один удар, и всю мою многолетнюю затею свободного труда снесет, как гнездо ласточки. Ну что ж, я готов. Лева будет продолжать мое дело, не Лева, так другой кто-нибудь. Мы живем как в атаке на неприятеля, достигаем, не считая тех, кто отстал и погиб...

<*Приписка на полях*> Нерль – немецкая легавая, дочь моей Кенты, очень похожа на мать, обе собаки пятно в пятно. Ей теперь год. После небольших упражнений весной в густых кустах теперь приступаю к натаске в обильных лесной и болотной дичью местах Московского полесья.

Но так редко, так недолго бывает это чувство солидарности со всеми в достижении предназначенной цели. И в самом высшем обществе ученых, художников, артистов всякого рода бывают проблески такой героической лирики. Здесь, в деревенских условиях, за хорошего человека считают такого, кто не крадет у тебя из-под носа добро, за чудака, кто объявит о поднятом кошельке на дороге.

(Эта почти птичья мораль и есть мораль всего края, высшим истинно общественным местом которого служит трактир Ремизова. NB. Непременно собрать у Ремизова материалы о его трактире, он – главная артерия края.)

<*Приписка на полях*> Московское полесье местами не менее интересно, чем настоящее Полесье, и дичи всякой множество, и я знаю места, куда городские охотники почти и не добираются. На пути туда есть один трактир, где ямщики кормят лошадей, а сами с седоками пьют чай. Тут я привязал за ножку чайного стола своих двух немецких легавых, мать и дочь: собаки похожи друг на друга, одна в одну, пятно в пятно, и этим всех удивляют.

Когда я, укладывая собак, назвал одну, хозяин трактира удивился, остановился и вдруг узнал меня по собаке.

– Так это Нерль! – сказал он.

Я спросил:

– А вы как знаете?

– В журнале «Охотник»: там вы описали ее рождение.

Трактирщик оказался охотником. Со мной так было не первый раз: по кличке собак и узнавали меня как литератора.

Впрочем, я и не скрываюсь: охотничий писатель – это положение. А там, где не читают журналов «Охотник», я называюсь...

Натаска Нерли (2-й урок).

Я нашел в болоте около ржи (Трестница) вместо бекасов тетеревей, очень много на маленьком месте: пять выводков и двух чернышей. Один выводок был в 8 штук, два в 6, один в три и одна матка была с одним. Все цыплята были ровные, величиной больше дрозда, меньше голубя. Значит, к началу охоты они будут в черном пере. Прошлый год в это время только что выводились из вторых яиц, первые погибли от морозов.

Я пускал Кенту, а Нерль держал на поводке. Когда Кента, почуяв следы, начинала подкрадываться к выводку, Нерль натягивала поводок с большой силой, я пробовал ее подпустить к Кенте, она без всякого смысла сбивала ее. Но я ударил только один раз ее немного, и она все поняла: подражая матери, стала красться, мать опустит голову, понюхает в траве, и она понюхает, мать остановится, поднимет голову, и она остановится. К сожалению, Кента неважно работала, мало было продолжительных стоек и, главное, почти не было отчетливой последней стойки. Два раза она скакнула, вовсе не причуяв бекаса. Очевидно, у нее сейчас чутье не в порядке. И очень нервничает при поиске, несется бешено и как-то все сильней и сильней. Очень возможно, что правы те, кто говорит о слабом чутье во время пустовок. Скоро Нерль перестала только подражать и поняла запах дичи, она стала страстно принюхивать. Одного тетеревенка причуяла совсем даже самостоятельно, воткнула нос под еловую, лежащую на земле лапу, между тем тетеревенок, пробежав под елкой, вылетел с другой стороны. Один черныш вырвался из-под Кенты и застрял в густом кусту, он бился довольно долго, много потерял перьев и когда освободился, то бросился прямо на Нерль, и она за ним пустилась. «Назад!» – во все горло – не подействовало, но когда свистнул, вернулась. Пришлось угостить ее плетью.

Пусть тетерева, а не бекасы, но если тетерева не в лесу, а в болоте, то чем они хуже бекасов? Вероятно, в болоте они потому, что еще не поспели ягоды на лугах и в лесу, а в болоте больше насекомых. Пусть! Придет время высыпки бекасов, я поучу ее разбираться в более тонком запахе болотной дичи. А пока для начала тетерев в болоте лучше, чем бекас. Болото остается болотом. Ведь если бекасы водились бы в лесу, то нельзя бы начинать натаску по этим бекасам. Точно так же нельзя натаскивать по дупелям, когда они бродят между высокими кочками. Тогда собака чует не птицу, а след, и тыкается носом в землю. Сквозняки между кочками сбивают ее, она начинает метаться, как в лесу, <*1 нрзб.*> к тетеревиным следам, не имея

возможности чуять прямо дичь через кусты. Я буду продолжать натаску по болотным тетеревам.

И все было под громушек в цветах, все цветет, рожь, пушица, незабудки, клевера. Какая охота сравнится с этой натаской в цветах.

<*На полях*> 5р. + 5 + 2 = 12 р. Торгошино – мой сторож Сергей Дмитриев.

После грозы мы ходили в Торгошино и вернулись вечером. Во мраке токовал бекас, кричал встревоженный кроншнеп, ждали вальдшнепов, но почему-то не тянули (до Петрова дня тянут). Тетерева кончают токовать к Николе Вешнему. По словам Павла Семеновича (Кузьмичева), тетерев может пробормотать накоротке во всякое время: это к перемене погоды. А на току погоду сразу узнаешь. Если пролетит, чувыкнет, согнется, притулится и сидит долго молча, потом чувыкнет и опять сидит, – значит, погода переменится. (Вот тема: прослушать бормотание тетеревей в отношении погоды, вторая тема – время вечерней тяги и вальдшнепов, третья – как складывается у журавлей стая из отдельных семей.)

Ячейка предвечных характеров.

Было время, когда я боялся одиночества, и мне страшно было отрываться от близких людей и тоже больно было с ними оставаться: у них была своя личная жизнь, и мне они могли давать только избытки своего счастья. Мне же хотелось встречи с такими же трепетными душами, какая была моя. Я страдал и в обществе этих «мещан» и не мог от них оторваться. Теперь для меня люди везде люди. На всяком месте, в любой обстановке эти существа, люди, через несколько дней являются вокруг меня всей своей ячейкой предвечных характеров: и жестокий победитель, и угнетенный, и возвышенный, и плут.

<*На полях*> Глухариные тока в 50 штук на «бели» (белью называется место с белым мхом). В Серпове (Чернове) весной токовало 20 глухарей, 16 убили.

Все сводится, конечно, к семье. Наша семья, христианская – это опыт применения аскетизма к жизни. Сила такого воспитания в том, что аскетизм церковный поддерживается естественной необходимостью всего животного мира говеть при выхаживании детей, трудиться при добывании для них пищи. (Кроншнеп тем удивительный, что держится очень строго, большей частью его только слышишь где-то

очень высоко в воздухе. Осенью очень рано он исчезает совсем. Но когда у кроншнепа молодые дети, он, потревоженный, поднимает резкий крик на всю окрестность и, подлетев близко, чуть ли не хочет глаза выстегнуть своими огромными крыльями.).

Птицы много в этих лесах, потому что промышленники перебили лисиц и куниц.

Назначение человека на земле – нарушить весь естественный порядок жизни и создать свой. Нарушение естественного порядка на первых порах бывает как «разрушение до основания» – это первый творческий момент. Потом в процессе разрушения является мысль об охране. Складываются две партии – «разрушительная» и «охранительная». В борьбе этих двух сил является созидательный процесс, преображающий дикую природу...

<*Приписка на полях*> Сеславинское болото (клюквенное). Жили жильцы. Малинник в лесу – женский клуб (медведь – я). Боровики, ножка в чашку, шляпа черная. Грузди не варят, а только обольют кипятком, воду сольют и солят: они так бывают белые, такие, как взял.

Два карандаша, две собаки. Поле раковых шеек. Трестница. Один бекас. Все время токует и спустится в непролазную глушь. Два карандаша. Стойка мертвая: <*3 строки нрзб.*> у одной обрубок дрожит и у другой, и у одной на обрубке муха и у другой муха.

<*На полях*> Московское полесье.

5 Июля. (3-й урок).

После вчерашней грозы утром было пасмурно и пахнуло парами. Я обождал, пока определится утро и разведрится. Но так и осталось все неопределенно. Несколько раз принимался дождь и прояснивало. После обеда буря.

С бекасами вышло плохо. Видно, что их много, потому что почти беспрерывно слышишь их токование и даже видишь, но... в воздухе. Вот он приблизился, сложил крылья вилочкой, поправился, проблеял барашком, еще поднялся немного, окончательно сложил крылья вилочкой и беззвучно спустился в недоступные для натаски приболотные крепи. Весь бекас еще держится там, на открытых местах часами ищешь, и нет ничего. Сегодня я, наконец, нашел выход из своего болотца в широкую Трестницу и так увлекся, что забрался в место довольно топкое, тяжелое. Направо от меня были непроходимые заросли ольхи, налево вдали розовели

цветы. На счастье пошел я туда: авось пролезу. Устал и вспотел, не раз погружался выше колен и захватил много воды в сапоги. И вот тут, <*1 нрзб.*> нашелся один бекас, это, вероятней всего, один из токующих спустился для отдыха. Кента причуяла его издалека и остановилась. Нерль остановилась возле матери, как видно, только по доверию к ней. Бекас взлетел в десяти шагах от собак. Кента стояла и провожала его глазами. Нерль посмотрела на мать, как бы спрашивая: «Почему ты за ним не бежишь?» Кента ничего не ответила, и Нерль осталась. В то время я свистнул, и обе собаки явились ко мне.

Вскоре я подошел к розовеющему месту, это было тоже болото, но уже не топкое, а с кочками, а что виднелось как большое розовое, это было целое поле из раковых шеек. После того мы вернулись к вчерашним местам, нетопкому зеленому болоту с пушицей, Кента повела по тетеревам. Нерль я взял на поводок и направил вслед Кенты. Она вела, во всем подражая матери до смешного. Кента понюхает <*1 нрзб.*> и Нерль понюхает. Кента поднимает голову, чтобы схватить воздух и узнать, не близко ли. И Нерль тоже поднимет нос, играя ноздрями. Чует она или обезьянничает? Кента <*1 нрзб.*>, Нерль то же самое рядом, обе подвигаются черепашьим шагом рядом, обе оставляют на росе два зеленых кривых следа, пишут узор, как два связанных карандаша. Наконец, возле кустика обе породистые немки стали намертво, одна повернулась в ¾ и другая в ¾. Было смешно смотреть на них, ведь собаки обе пятно в пятно! Вспомнились две покойные императрицы, старая Мария Федоровна и молодая Анна Федоровна. У одной обрубок дрожит, и у другой точно такой же обрубок дрожит, у одной на конце муха, и у другой муха.

Наконец, впереди взорвалась <*1 нрзб.*> матка, а из куста во все стороны посыпались тетеревята. Старая императрица Мария Федоровна покосилась на меня, спрашивая: «Почему же ты не стреляешь?» Молодая императрица покосилась на старую и, заметив, что она на меня косится, тоже обернулась ко мне.

– Дуры вы, дуры мои! – сказал я, обнимая собак.

Заметки охотника
1. Натаска Нерли

Как это ни странно покажется неопытному дрессировщику, но старый охотник поймет меня: охота портит собаку. В огромном большинстве случаев молодую собаку по болоту можно натаскать в один месяц в совершенстве. Но потом во время процесса охоты в увлечении стрельбой по дичи соба-

ка хоть немного, но непременно подпортится, как все равно и новенькое ружье, если усердно охотиться изо дня в день, получишь на зеркальных стволах нестираемые пятнышки. Моя собака немецкая легавая Кента была натаскана мной в одно лето по болоту и лесу, на второе поле она была идеальной, в конце третьего поля я убил вальдшнепа и велел ей его принести, но вдруг вальдшнеп поднялся и <*1 нрзб.*> полетел над травой бабочкой. Кента догнала его, схватила и принесла. После того на четвертом поле она на охоте по тетеревам после выстрела бросилась. Я поработал над ней и приучил по крику «назад» после выстрела останавливаться. Она, может быть, и так не побежала бы, но я сам испортился и не могу не крикнуть «назад!» после выстрела. Часто из-за этого промахиваюсь. А еще на четвертое поле я очень увлекся болотной охотой с широким поиском и когда стал по лесу охотиться, то Кента и там стала широко ходить и пропадать. Правда, сюрпризом она стала мне анонсировать, но анонс этот бывает в том случае, если дичь допустила мертвую стойку, собака в это время слышит свисток и приходит к хозяину. Но в большинстве случаев дичь взлетает во время потяжки, будь сам возле, успел бы стрельнуть, а нет – пропадает. Мне этот анонс не понравился, и я заставил Кенту ходить в лесу ближе. Так и пошло, каждый раз при переходе с поля на лес и обратно приходится поработать с собакой. И это вторая досада, вторая <*1 нрзб.*>, обретенная во время охоты. Вот почему по собственному опыту я и говорю, что охота портит собаку.

И вот почему нельзя натаскивать молодую собаку со старой: старая собака всегда немного подпорчена. Однако достоинства Кенты столь велики, сокращение времени натаски с двумя собаками так огромно, что в этот раз я решил попробовать учить <*2 нрзб.*> Нерль при помощи ее матери Кенты.

2. Гнездо ласточки

Я натаскиваю собак с 1-го Июля в так называемом Московском полесье, где немало мест не менее глухих и не менее обильных дичью, чем настоящее Полесье. К 1-му Июля я заканчиваю все свои дела и уезжаю куда-то, точно не зная никогда, до замерзания рек. В этот раз я нашел ямщика на сорок пять верст до одного села. Не доехав 3-х верст от намеченной цели, я пленился чудесным охотничьим ландшафтом. Подвернулась окруженная лесом деревенька, в ней хорошая изба. Мы сняли избу, внесли свои вещи и отправили ямщика; обрадовав ямщика полной платой, хотя он не доехал положенные три версты. К вечеру мы прекрасно устроились, за пере-

городкой спальня, за другой перегородкой столовая, третья комната мой кабинет, в нем…

6 Июля. Продолжалась буря с холодным дождем. Я написал «Натаска Нерли» и в дождь с Ефр. Павл. пошел на почту в Федорцово.

Начиная с полдня, ветер постепенно начал стихать, к вечеру совершенно разведрилось, и вечер вышел на славу.

Пришел Павел, и мы пошли с Кентой по клюквенной тропе в заказник на восток. Перешли *<1 нрзб.>* приболотицу с высокими поросшими осокой кочками и чахлыми березками. Мало-помалу березки стали сменяться сосенками и, наконец, вовсе исчезли. Кента нашла выводок глухарей. Цыплята (4) были величиной с голубя. По словам Павла, это поздний выводок, он видел глухарят в тетерева. Еще мы нашли старого глухаря и вальдшнепа на яйцах (три яйца). Не доходя до Симонова Острова (тропа с Сим. Остр. продолжается до р. Везы), свернули влево, на месте сворота я сделал заметку на березе. Минут через 15 мы вышли на Сеславинскую бель (Сеславинское болото). Это огромное клюквенное моховое открытое болото с очень редкими чахлыми деревцами. По словам Павла, тут весной токует до 50 шт. глухарей, а осенью они рассаживаются на деревца по всему болоту. Тут же и тетеревиный ток. По разговорам Павла все местные охотники на заказник не обращают внимания и охотятся. Доказательством был шалаш под тетеревей (большой ток). Мы прошли западным краем на север до Федорцовой тропы, на юго-востоке остался Симонов Остров, за ним Шуев огарок, Мошка, Веза. Северная часть леса между Сеславинской белью и плесами Полубарского называется Клин. На обратном пути возле Федор. тропы нашли разодранную кочку с осиным гнездом. Павел сказал, что это «ястреб расчекал», что ястреб будто бы нападает на ос, сидит и глотает одну за одной (сам видел). «А что они ему могут сделать, разве что в глаз?» Тропа по выходе на Федорцовское бекасиное болото Журавлиху теряется. Если идти с б. дороги на бель, то надо найти в левой руке замеченную мной березу с очищенным от сучьев стволом у вершины, вершина шапкой. Шагов сто вправо от березы тропа. На Журавлихе множество бекасов и, кажется, один дупель с молодым. В кустах было два черныша. Много чибисов и кроншнепов вились и кричали над нами.

7 Июля. (4-й урок).

Утро нежаркое, мало постоянное, все боимся, или дождь пойдет, или все вдруг обернется в жару и слепни не дадут работать собаке.

Ходил с Нерлью до Скорынинской прямой канавы, которую не посмел переходить, и вернулся домой.

Нерль уже усвоила себе вполне прекрасную, спокойную, вдумчивую манеру поиска своей матери с постоянной готовностью высоко поднимать голову, стараясь схватить запах дичи по воздуху.

<*На полях*> Натаска Нерли (Продолжение «Записок Охотника»).

Вот что у нас было сегодня.

Стойка накоротке

Возмущение кроншнепов было очень сильное, когда мы пришли на болото. Потом они нас оставили совершенно, ни звука, и это тоже прием: чтобы охотник дальше не искал, дичи нет. Нерль стала приискивать в осоке. Меня порадовало, что она сделала небольшой кружок, центром которого было причуянное место, вернулась к исходной точке, сделала бóльший круг, нашла новую точку запаха, но не удержалась на нем и пошла в беспорядочный розыск. Я провел мысленную линию между двумя причуянными токами, пустил Нерль на продолжение линии в сторону болота, и она там вдруг стала и настолько крепко, что я не торопясь подошел к ней, погладил, пристегнул поводок к ошейнику. Она все стояла. Я пригляделся и увидел большую лежащую птицу, величиной почти в молодую крякву, о которой говорят «в матку», хотя молодая, еще не может летать. Но во второй момент я узнал молодого кроншнепа. Крепко придерживая Нерль за ошейник, я подвел другую руку к лежащей птице и схватил ее. В это мгновение Нерль бешено рванулась. Я угрожающе потряс ее за ошейник и заставил лежать. Дал ей понюхать кроншнепа несколько раз. Он был величиной вполне кроншнеп, только нос короче раза в три. Потом я пустил его. В первый момент он распустил огромные кружевные крылья. Мне кажется, если бы у этих птиц центр спасения в первое время не находился бы в крепких быстрых ногах, он мог бы вполне полететь. Он просто больше надеялся на свои крепкие ноги и скрывающую его осоку, чем на нежные крылья, и потому подобрался и побежал. Долго его серая голова мелькала между раковыми шейками, потом дальше, где раковые шейки кончились, голова мелькала между белой пушицей, а еще дальше скрылась голова, но осока шевелилась и раскачивались отдельные тростинки.

Нерль смотрела туда и видела все. Я пустил ее. Она бросилась со всех ног, но по свистку вернулась ко мне. Свисток ее мгновенно поражает, и слушается его она бесповоротно.

<*Приписка на полях*> Встреча с хозяином тростников.

Мы с Нерлью шли краем Трестицы возле тростников, за полосой которых был лес. Шаги мои по болоту едва ли были слышны. Может быть, Нерль, бегая, пошумела тростниками, и одна по одной они передали шум и встревожили стерегущего своих молодых Хозяина тростников. Он, потихоньку ступая, немного раздвинул тростники и выглянул в открытое болото.

...Я увидел перед собой в десяти шагах отвесно стоявшую среди тростников длинную шею журавля. Он посмотрел на меня, как если бы я посмотрел на тигра, смешался, спохватился, побежал, замахал и, наконец, медленно поднялся в воздух.

Тетерева

Нерль замешкалась в кусту. Я спешно пошел посмотреть, чем она там занималась. Не дойдя до нее на десять шагов, я попал в центр тетеревиного выводка. Полетели тетеревята, поднялась матка, упала, опять поднялась и *<1 нрзб.>* тихо полетела. Нерль за ней бросилась. Случилось самое страшное, чего нужно бояться больше всего. Если только собака забудется, войдет в азарт и бросится гоняться за маткой и так войдет в царство безграничной свободы, она может потом никогда не забыть эту сладость, и никакое ученье тогда не поможет... Я кричал: «назад!», она не слышала. Матка летела так тихо, что мне казалось, я сам бы мог догнать ее. И вот позор! Я сам бежал во весь дух, на ходу не видя и напрасно хватая то место, где был свисток. Наконец, я сообразил, что свисток был в руке, свистнул, и Нерль остановилась как пораженная. Тетеревиная матка продолжала вдали разделывать напрасно свои разные фокусы. Дудки, матушка!

Нерлюшка в руках.

Да, она в руках. Больших соблазнов нет для собаки. Радостный сел я на кочку покурить и раздумывал, кого же мне благодарить за собаку: природу или культуру, в последнем случае и свое мастерство. Но мне пришлось отбросить свое мастерство, потому что в этом случае я далеко не оказался мастером, сам бежал за тетеркой – я не должен был так доверяться...

Вот что я думал. Весь процесс натаски у собаки проходит как воспоминание. Она как будто вспоминает и не сразу, ей трудно, я помогаю, указываю ей то, чем и как занимались ее культурные предки. Я один из культурных агентов, работавших много лет над дикой природой собаки. Но как приближающийся христианский праздник Петров день потому так прочен в народе, потому имя Петр так твердо держится на этом мелькающем в годовом вращении солнца дне, что связан с великим, всем понятным, дорогим, нужным днем цветения трав

и ржи и жарких любовных производительных сил человека, так культурные приемы дрессировки собак потому удаются, что связываются с исконной потребностью собаки искать дичь и ловить. Культура берет себе «ловить», природе остается «искать». Впрочем, конечно, не без плутни происходит такое сочетание природы и культуры, как все равно не без плутни вошло и сочетание имени Петра (Петр – камень, на сем камне созижду церковь) с делами бога Ярилы.

<*Приписка на полях*> Бекасы. По пути к Прямой канаве встретились два бекаса и выводок. Все бекасы слетели от меня с тропы, когда Нерль была в стороне. По одному теплому месту Нерль сделала стойку, по другим нет. В общем, она сейчас может делать стойки только накоротке, потому что не владеет потяжкой.

Старухина тропа

Павел замечательный охотник. Он извлекает пушнины в Моск. полесье на 800 р. в год. Но ружье у него покачивается, и заряжает его он иногда бездымным порохом Ха, насыпая заряд в гильзу прямо из пузырька. Я показал ему, как надо обращаться с бездымным порохом. Он видел у меня весы, десятые и сотые граммов, и как я собираю заряд до крупинки с чашечки весов, как закладываю асфальтовую прокладку, отделяющую порох от просмоленного пыжа, с какой силой нажимаю пыж, как определяю посредством второго пыжа расстояние для дроби, чтобы гильза после закрутки не укоротилась с 70 до 60 и меньше.

Я рассказал ему из опыта своей жизни, что почувствовал себя охотником, во-первых, когда мне один охотник тоже показал эти самые приемы набивания гильз, а во-вторых, когда я мало-помалу научился дрессировать собак.

Павел – неглупый человек, слушал меня внимательно и с уважением, а когда я показал ему работу своей собаки, то уважение его ко мне возросло очень сильно, он сказал, что таких собак он еще никогда не видал.

– Потому не видал, – сказал я, – что образованные люди исстари отдавали собак натаскивать егерям и во время охоты были в руках егерей. Образованный человек должен лучше натаскать собаку, чем необразованный. Образованный должен учить.

– Вот это верно! – сказал он с полным убеждением.

А потом прибавил:

– Посмотрим, как вы наш заказник продолжите.

Я догадался о значении его слов только на другой день, он хотел сказать, не продóлжите, а пролóжите, т. е. представите

на бумаге. Я пожалел, что пришлось объяснить его слова, потому что мне хотелось бы такого уважения – к моей деятельности, полного понимания ее, чтобы она в литературе как бы продолжала дело природы.

К сожалению, в народном представлении словесность – нет к ней того уважения, словесник, – это говорун, сказывать – значит, манить, обманывать.

Павел рассказывал мне, Серпово в своей части ближе к Селкову, лучшее место для охоты на тетеревей, дупелей и бекасов, есть и глухари. Там, где далеко от нас у Смолина есть Старухина тропа на клюквенном болоте, там особенно много дичи. А название получилось, потому что старуха ходила за клюквой, заблудилась и умерла. Я попросил Павла указать мне место поближе Старухиной тропы, и он начал мне рассказывать и чертить на бумаге ближайшее угодье... В это время вошел известный враль Хренов и предложил мне свои услуги в проводники. «Старухину тропу знаете?» – спросил я. «Знаю, – сказал он, – я все знаю». После того Павел продолжал мне рассказывать о ближайшем месте охоты: «Перейдешь Прямую канаву, на Сп. украйне будут бекасы, дойдешь до Кривой канавы – тетерева, влево от Кривой канавы...» – «Старухина тропа», – ввернул Хренов.

А я уже знаю, что Старухина тропа от нас за шесть верст.

Павел молчал. Я спросил:

– Как Старухина тропа?

– А так, – ответил он, – очень просто: Старухина тропа, и на ней глухарей видимо-невидимо.

И пошел врать и пошел.

Придется его понаблюдать и определить причину вранья. Итак, у меня есть возвышенный человек Максим Трунов, деловой Павел, плут Лахин, враль Хренов. Мало-помалу соберу всех «вечных спутников».

<*На полях*> О собаке, заключение Павла: правда, как это было чудно, образованные люди отдавали учить собак необразованным. Старухина тропа: (план).

8 Июля. (5-й урок).

Продолжается непостоянная погода. Травы цветут, но не растут. Еще изредка слышишь кукушку и токует бекас. Но за неделю моего пребывания здесь заметно уменьшилось и кукование и токование. Молодые чибисы и кроншнепы начали летать.

Утро провел на Журавлихе. Хорошее болото это, совершенно такого же характера, как в Александровке по Вытравке. Оно громадное и все поделила речка Журавлиха. Среди осокового болота огарки, по их украйнам и находится дичь.

Вначале я пустил одну Кенту, она стала. Подвел Нерль. Под носом у Кенты оказался молодой чибис, который скоро поднялся. А больше даже и молодые чибисы не поднимали собаку на стойку. Розыск бекаса завел Кенту в глубокое болото, поднялась чирковая матка и очень дразнила собак. Кента несколько раз подводила к бекасам, я подводил Нерль, но мало выходило поучительного: Нерль подражала ужимкам матери, но шла без чутья, бекас поднимался не близко, и она удивленно смотрела. Потом я взял Кенту и пустил Нерль. Без сомнения, она хорошо знает запах бекаса и на следах начинает приискивать, но потяжки и признака нет, бекас улетает, а она разбирается в следах, и ей он сам ни к чему. Попробовал обеих собак пустить вместе. Кента остановилась, Нерль подбежала к ней и сразу спихнула бекаса. Велико терпение матери! Кента продолжала стоять. Нерль спихнула второго бекаса. Кента, не сходя с места, перевела нос на третьего. Это пробрало даже Нерль. Она стала не по бекасу, но от удивления на мать. Бекас вылетел. Обе смотрели ему вслед. После того Нерль больше чем раньше стала следить за матерью, и чуть та замешкается, со всех ног мчится к ней... В таких случаях я стал отзывать ее и посылать в другую сторону. Мало-помалу это определилось как метод обучения совместной работы собак: одна в одну сторону, другая в другую. Дальше, когда Нерль станет вполне независимой от Кенты в потяжке, обучение в поиске на разных сторонах и секундировке должно пойти просто.

Под конец в кустах у села Кента подвела к чернышу, Нерль шла сзади ее на поводке и стояла вместе с ней. Теперь это мне уже больше не доставляет удовольствия: Нерль просто копирует без понимания. Но по второму тетереву случилось так, что он, убегая от собаки, сделал прием заячьей скидки и залег в кусту влево от линии движения. Кента прошла его на пол-аршина и стояла, боясь шевельнуться, чтобы направить нос в бок. В это время я проводил мимо куста с залегшим тетеревом Нерль. Она учуяла его, замерла с носом, направленным в куст. Несколько секунд я любовался спиной лежащей холостой тетерки.

Сегодняшним днем считаю оконченной первую часть натаски. Нерль познакомилась со всеми видами дичи лесной, болотной и даже водяной. Она обладает уже прекрасным поиском. Очень позывиста, послушна. Может причуивать след. Не очень копается. Иногда старается опередить местонахождение дичи верхним чутьем, но не может. Она обладает только стойкой накоротке и не догадывается остановиться и вдуматься в материал, долетающий к ней по ветру на расстоянии.

Итак, она прошла первую ступень натаски в 5 уроков по 5 часов каждый. Срок прохождения второй ступени меньше зависит от дрессировки, чем первый. Можно очень долго с утомлением от однообразия ходить, но поймет собака в какой-то один момент.

Надо вспомнить каждому, как он овладел основным приемом в каком-нибудь своем мастерстве. Взять езду на велосипеде: ученик прыгает, прыгает и вдруг поедет. Почти невозможно анализировать это «вдруг». Это момент схождения (гармонии) интеллекта с природным инстинктом. Один человек может быть очень умным, но ум его направлен в другую сторону от материала. Другой человек и не так умен, да его интеллект очень близок к чутью. Так случается постоянно, что кто поглупей, скорей поедет на велосипеде. Но в дальнейшем более умный при прочих одинаковых условиях, конечно, будет ездить лучше того, кто поглупей.

Я заметил, что Кента и сама и дети ее принадлежат к тем, кто «поумней», но ум этот не скоро попадет в точку действия. Эти собаки долго производят впечатление бесчутких, и вдруг пробуждается чутье необыкновенно сильное.

У Кенты такой мертвый период был больше месяца, у ее сына три недели. Я слышал о такой собаке, которая подводила к дичи с потяжкой по воздуху на второй день обучения. Посмотрим, сколько времени Нерль будет проходить школу второй степени: потяжку с промежуточными <*1 нрзб.*> стойками, мертвую стойку и последующую затем подводку <*2 нрзб.*>.

9 Июля. (6-й урок).

Ранним утром (в 2 ч.) было чистое небо, и восход был роскошный, но потом обернулось на старое: я ходил почти до полдня, и ни один слепень не укусил собаку.

Не нашел в нашей стороне бекасов и остановился на тетеревах. По небольшим тетеревам, когда они еще держатся на открытом месте на некошеных лугах, собаку можно натаскивать, относя эту натаску к школе 1-й ступени. Можно установить, что в первой ступени должна быть у собаки отчетливо проведена граница между природной склонностью искать и ловить: искать собаке и ловить человеку. На тетеревах это можно проделать в буквальном смысле: собака стоит или лежит по тетеревенку, а человек берет его рукой. На тетеревах легко научить собаку подкрадываться к дичи, вести так тихо, что самому можно идти не отставая. Только не надо очень увлекаться тетеревами и не забывать болото, где собака должна постепенно подходить к задачам второй ступени: потяжке и подводке исключительно верхним чутьем. Третья, высшая ступень, это будет возвращение к лесу, к работе по тетеревам и вальдшнепам не на полянах, а в крепких местах.

Сегодня мы напали на следы маленького выводка, тетерки с одним цыпленком. Долго кружилась беспомощно Нерль, умеряя заметно ход на местах более позднего пребывания выводка. Ее ход на свежих следах уменьшался до того, что я мог поспевать и не выпускать собаку из виду. Исходив так всю поляну до ржи, мы, наконец, вместе догадались, что они,

должно быть, за изгородкой в лесу. Там действительно Нерль сразу нашла и сделала стойку. Я подошел к ней, прицепил к ошейнику поводок и не успел натянуть, как цыпленок, невидимый нам, запищал, и это было сигналом для Нерли броситься. Поводок не был натянут, она успела сунуться. За это было ей наказание, но не очень сильное, потому что она могла подумать, я бью ее стойку. После того мне стало страшно пускать ее без поводка, и потому цыпленка мы не нашли. Потом я возвращался по зеленой дороге к деревне и подходил уже ко ржи, как вдруг Нерль нарвалась на самый большой выводок, и большие цыплята, с голубя, полетели из-под нее во все стороны. Она очень всматривалась в матку, но я криком уложил ее. После того долго упражнял ее в чрезвычайно тихой подводке к матке по свежему следу. Тетеревята, вероятно, скрылись во ржи.

По собакам иногда бывает легче понимать жизнь, общую всем существам на планете, чем по высшему представителю жизни, человеку. Мне всегда это приходит в голову, когда я, отправляясь на охоту, провожу собак на поводке, пока прохожу по деревне. Всегда меня раздражает, что собаки на поводке непременно тянут. Скажешь: «к ноге!», поводок ослабнет, но через десять шагов опять натягивается, опять «к ноге!», а если не скажешь, то сила натяжки будет прогрессивно возрастать и дойдет до того, что руке больно, а собаки, задыхаясь, начинают хрипеть. И вот удивительно, что стоит только бросить поводок, сказать «к ноге!», и освобожденные собаки по своей доброй воле пойдут у самой ноги до тех пор, пока не скажешь «вперед!». Будь это у меня одного, можно бы объяснить индивидуальностью, случаем, но то же самое не раз замечал я и у других. Я не делаю из этого вывода для воспитания людей, что детей не надо держать на поводке. Нет, конечно, без поводка не обойтись, но воспитатель людей все-таки должен всегда иметь в виду собачью психологию, приходит такое время, когда поводок надо бросить, он только бесит, живые умные существа давно поняли мысль воспитателя и добровольно пойдут с ним, а на поводке идти им становится обидно.

Трагическое и смешное происходит вдруг: идет мальчик ранней весной по улице и вдруг с пятого этажа на его голову падает ледяная лавина… А то бывает, наморился человек в лесу, сел под дерево отдохнуть, хорошо ему, взял папироску, закурил, размечтался и вдруг вскакивает как бешеный: он сел отдохнуть на муравейник.

Сегодня это случилось со мной.

Охотники говорят коротко: «утиные выводки все на плесах» или: «бекасы высыпали на пойме по скошенным полоскам». А

вот как утята из болота пробрались на плесы или бекасы из крепей на открытые луга, об этом мало говорят. Между тем переход утят к воде иногда в несколько верст – это сложное и опасное путешествие, тут и разбойничьи нападения ястреба, лисиц, куниц и человеческий глаз. Мало известно о переходе бекасов. Это, конечно, бывает ночью и больше <*1 нрзб.*>.

Сегодня от мысли о болотах я каким-то образом перешел к босякам Максима Горького, а потом смертобожного Горского. Долго потом я распутывал этот клубок, в котором сошлись: я – певец болот, Горький – босяков, Горский – отщепенцев церкви. Я присоединил к этому слова Сушковой о Лермонтове: «Смолоду его грызла мысль, что он дурен, нескладен, незнатного происхождения, и в минуты увлечения он признавался мне не раз, как бы хотелось ему попасть в люди, а главное, никому в этом не быть обязану, кроме себя самого».

А Горький? разве его возвеличение босяка не есть с одной стороны гримаса человека, желающего попасть в хорошее общество: «Вы меня не принимаете, вы мерзавцы, нате вам босяка, и тот лучше вас!» Выходки Лермонтова ничем не хуже Горьковских. Не забыть мне тоже Горского у Авдотьи Тарасовны, когда она попросту сказала: «Что другое, а помереть, батюшка, все помрем!», в это время Горский поразил ее своим вопросом больше, чем Горький босяками, он спросил: «Все ли?» Я тоже в борьбе с дачниками защищаю слепней и комаров как охранителей девственной природы. Все это кокетливые гримасы индивидуальностей, по тем или другим причинам лишенных хорошего общества. Не буду говорить о Горском: его дело какое-то вовсе темное. Но и Горький, и Лермонтов, и я нашли себе «хорошее общество» (в творчестве)… Вот тут-то и есть запятая и такая большая, большая… (удовлетворяющее себя творчество – хорошее общество – не явилось ли в тот момент, когда творец отказался от своих гримас – гордости! тут надо о многом подумать, и о Христе и церкви непременнейше… Должен же я, наконец, изобразить Алпатова творцом жизни!)

<*На полях*> Утки потому гнездуются далеко от воды, что вода заливает, а потом отступает. <*1 нрзб.*> водливая весна, много уток. Почему я не встречаю выводков бекасов? Утки держатся рядом своего плеса.

10 Июля. (7-й урок).

Вечером вчера ходили в Торгошино заказать сапоги (25 р.) и колышки (5 р.). Бабы начинают брать ягоду, чернику, затем землянику – так сошлось, что тетерева в голубя..., а земляника только что поспела. Рожь отцвела.

Сегодня утро чистое, обошлось без дождя. Показался мелкий гнус на болоте, но слепни начали беспокоить только в 11 дня (не сильно жарко). Я с обеими собаками провел утро на Журавлихе, потом пил чай в трактире с «народом». Познакомился с диким охотником Сережкой Тяпкиным, который провел меня к своему деду Василию Тяпкину. Сговорились, что Серега завтра повезет меня в Заболотье, а оттуда на экскаватор повезет Лахин. В трактире зампред Вика вел со мной беседу о работе экскаватора, я говорил о необходимости промышленности, которая переменила бы самый взгляд на значение экскаватора, тогда оказалось бы, может быть, что редкостное озеро было бы выгодней охранять, чем спускать. На все это зампред отвечал, что положение у них безвыходное, пока дождемся промышленности, надо хоть что-нибудь. После того он рассказал о своем личном положении, совершенно безвыходном («а где-то 8-ми часовой день!»). Я на это ответил, что если смотреть на жизнь с общественной стороны, то, конечно, тяжело смотреть, но для личности всегда есть выход, мало ли что можно придумать.

– А что же вы придумаете?

– Да вот я придумал собак натаскивать, натаска одной собаки стоит 100 р., а я легко за месяц мог бы натаскать пять.

– Вот и я думаю часто, – ответил зампред, – не хватает у нас такой науки какой-то, чтобы на помощь шла…

И пошел, и пошел. Расстроенный человек.

После того я пришел к старику Василию Тяпкину. Дед на печке лежал, отдыхал от ночной работы на озере: карасей ловил. «Караси же большие, – сказал он, – фунта по полтора! Я тебе дам». – «Да ты, я слышал, – сказал я, – на муку их меняешь». – «Ничего, хватит мне, я тебе так дам». – «Хорошо тебе?» – спросил я. «Ничего, хорошо, я доволен». – «Ну, а как озеро спустят, не останемся мы с тобой на сухом берегу?» – «Ну, так что! – засмеялся он, – с сухого-то берега в омутах нам еще удобней ловить, чай, омута-то останутся?» Я согласился и сказал, что спустят всего на один метр и омуты, конечно, останутся. «Хоть и на два! – воскликнул старик, – я никогда не поверю, чтобы омута осохли, как ни осушай, омута останутся».

На прощанье его невестка, тоже почти старуха, сказала: «Ну, дай вам Бог! – и спохватилась: – Что это я, дура: вы, может быть, это не любите». – «Бога? – сказал я, – ну, что ты, видишь, я пожилой человек». – «Понимаю, пожилой человек, – ответила женщина – не вы, а может быть, служба не дозволяет».

Потом на обратном пути на большаке мне встретилась женщина какого-то нехорошего, нечистого вида, упала передо мной на колени и сказала:

– Не знаю вашего имени и отчества, простите меня, помогите: деверь выгнал из дому.

Я посоветовал сходить к председателю.

– Была, не идет.

Что я мог тут сделать! Стал размышлять: деверь, это брат ее мужа, она вдова. Наверно, требовала себе по новым законам права, часть дома, хозяйство в отдел, а он выгнал. Тут и Соломон запутается.

Натаска мало дала нового, а чего, чего я ни придумывал, что Кенту возьму из-под стойки и Нерль пущу, то пущу Нерль к подводке Кенты и мало ли что, все замечаю и все придумываю. След остается на траве и сколько-то времени держится, а мысль моя неотрывная не оставляет видимого следа ни на чем, и только много спустя вдруг окажется: собака пошла по бекасу. Я слежу в этот раз больше не за собакой, а за собой, чтобы на белых страницах это «вдруг» раскрыть читателю-охотнику длинным затейливым следом. Вот Кента причуяла свежий след бекаса и повела. Я люблю эту ее подводку, пожалуй, больше даже, чем когда она на всем скаку схватит по ветру запах бекаса, вытянется и поведет с высоко поднятой головой к маленькой птице далеко от нее загражденной травой, воткнет нос в грязь.

По свежему следу Кента ведет, не тыкаясь носом в след, не шьет как машинка, а понюхает и осторожно поднимет из-за кочки голову: «не пахнет ли там?» Не пахнет, и опять пройдет немного с опущенной в след головой, завернет в сторону, потеряет, вернется назад, быстро проверит кружком опять <*1 нрзб.*>, опять продвигается и высунет нос из травы вверх. Причуяла! Черепашьим шагом идет, почти что ползет. В это время я подвожу к ней Нерль, она натягивает поводок, я слегка ее хлыстиком, и она ведет совершенно той же манерой, как Кента, так же и стала, когда осока поредела, снизилась, так же как будто подумала: «Не тут ли на плешине сидит он?» Кента осторожно поднимается, выглядывает: «На плешине нет ничего». А Нерль тоже так подняла голову, но у Кенты огонь в глазах, а у Нерли тускло: она все проделывает лишь подражая. Кента ничего не заметила на плешине и проходит ее глазами, устремленными в следующую за плешиной густую осоку. Нерль заметила что-то белое и глаза устремила туда, на белое. И когда мы с таким волнением переходим плешину, вдруг схватывает: белое – это косточка. С отвращением представляется холодная любовь, в которой продажная женщина у распаленного блудника требует деньги вперед…

Вместо бекаса (после оказалось: был и бекас) поднимается матка чирок-трескучка и садится от нас в десяти шагах, потом опять поднимается и садится с другой стороны. Отвратительное впечатление от наскока во время страстной подводки Кенты не дает мне покоя. Я хочу втравить Нерль в охоту по-настоящему. Привязываю Кенту и пускаю Нерль на трескуни-

ху. Я останавливаю ее свистком и криком, она пытается бежать. Трескуниха от свистка и крика удаляется на сверкающий вдали плес. Я вижу ее там, а Нерль снизу не видит и страстно рыщет, вот как страстно: попадись теперь косточка – она и не подумает. После того я пускаю ее в другое место, и она беспрерывно, страстно разыскивает бекасов, но, учуивая следы, она никак не может применить виденное у матери, и бекасы улетают, и она о них вовсе не знает.

Очень скучно! Беру Нерль и пускаю Кенту... Мне надо непременно найти, наконец, выводку и проделать с Нерлью на молодых, которые должны подпустить ее ближе, чем старые. Но вот уже неделя прошла, а я видел только один раз матку с бекасами и то в лесу. Обычно весной выводки бекасов бывают на полянах в болотных кустах. Теперь в такое необычайно водливое лето все эти кусты залиты водой, там выше колена, какой может быть там выводок. Что же, погибли гнезда от воды или бекасы выбрали себе другое болото с сухими огарками?

Близко возле деревни оказалось такое болотце, величиной меньше десятины, но представляющее из себя в миниатюре картину огромного мохового болота. Оно окружено мокрым осоковым поясом в какой-нибудь десяток-два саженей, с кустарниками ольхи, ивы совершенно как в моховых приболотицах. Посередине редкие березки и сосенки, на больших, как стол, моховых клюквенных кочках. Между кочками по этому времени тоже вода. В приболотице Кента прихватила бекаса и привела в мох. Под конец она стала, долго думала, как подойти ближе за сидящим за широкой кочкой бекасом. Наконец она выдумала тихонько, снизившись до последней возможности, подползти коридором между кочками. Я с интересом следил за ней и забыл натянуть поводок Нерли. Она в это время тоже надумала свое и влезла на кочку. Бекас вылетел и с криком теке-те-ке! опустился недалеко. Значит, это была матка, и у нее тут были молодые, а может быть, и запоздалые яйца. Стало жарко, слепни закусали собак, и мы не могли больше искать. В другой раз хорошо бы проверить Шепелевское болото.

Утки. Гнезда уток потому выходят далеко от родных плесов, где-то в лесах и болотах, что все это пространство между озером и местами гнездований бывает залито водой.

Говорят, что на южном плесе живут свои утки, и они жили бы, не мешаясь с другими, если бы их не гоняли охотники.

Письмо Зуеву (Москва, Никольская, 15. Сапожная мастерская).
В сапожную мастерскую Зуева.

Согласно вашему объявлению в «Охотничьей газете» и рекомендации «Московского Охотника» я весной этого года перед Пасхой купил у Вас охотничьи сапоги за 57 руб. Продавал мне их Ваш мастер.

После трех небольших весенних прогулок у меня явилось подозрение относительно прочности задника в правом сапоге, но я оставил этот вопрос до начала натаски собак и больше не носил сапоги весной.

Со 2-го Июля с. г. я начал натаску собак в болоте по пяти часов каждый день. Через неделю (9-го Июля) правый сапог сбился определенно и стал пропускать воду. По замечанию местного сапожника задник в правом сапоге неправильно затянут, и весь сапог был поставлен криво на колодке. Кроме того, материал задника, верней всего, очень слаб и весь товар среднего качества.

Перед этой покупкой Ваших сапог у меня были сапоги, сделанные Сергиевской артелью, и носились два года, не пропуская воды. Стоили они 27 рублей. И теперь они стоят там столько же, но готовых нет, а перед Пасхой они не брали заказ, почему я и купил у Вас сапоги.

В настоящее время я живу в болотах в 40 верстах от Сергиева и не буду иметь возможности приехать в Москву до конца охоты в Октябре. Я заказываю себе сапоги здесь, а Ваши откладываю, на сохранение. Они имеют вид совершенно новых, кроме сбитого задника и внутренней течи.

Будьте добры в течение двухнедельного срока ответить мне, согласны ли Вы признать возможную ошибку Вашего мастера в продаже негодных сапог и обещаетесь ли в Октябре по осмотре заменить их другими самого высокого, соответствующим цене, качества.

Если Вы не дадите ответа, то, не имея возможности сейчас подать в суд, я зарегистрирую этот факт для предупреждения других охотников в этой же самой газете «Московского Охотника», где Вы сделали свою публикацию, и передам сапоги на хранение местным властям до Октября с соответствующим замечанием о них местных экспертов.

Михаил Пришвин

Ваше письмо адресуйте: Сергиев, Комсомольская, 85, Михаилу Михайловичу Пришвину.

11 Июля. Обошлось без дождя, но барометр стал падать. Я ходил в Заболотье, чтобы на своей лодке ехать на экскаватор, но лодку мою плут Лахин угнал. Так у меня весь день пропал. К вечеру, однако, приехал Даувальдер с Дубцом, и хоть в натаске собаки я немного продвинул дело вперед.

Ерш с золотым пером

Весь Заболотский край облетела легенда о писателе-охотнике. Сегодня я шел в Заболотье по новой гати. Рабочие мостили ее. «Что вы описываете?» – спросили меня. Впере-

ди была рожь. Я сказал: «Рожь описываю». Удивил. «А можете гать описать?» И, окружив меня, стали рассказывать, что они нанимались на одно дело, а делают два. Я в свою очередь рассказал им, что встретилась женщина, поклонилась мне до земли и просила заступиться: деверь выгнал из дому. Что мне было делать? «Вот так и с вашей гатью», – сказал я и пошел дальше. На обратном пути эти же рабочие остановили меня, и у нас был такой разговор. «Что видел?» – «Много всего». – «Видел ерша с золотым пером?» – «Что ерша! я видел карася с хвостом». Все засмеялись. Счастлив острый находчивый человек на Руси, легко и весело ему ходить...

Первое Августа. Кровавый день

Учитель Автономов из Заболотья (родом крестьянин из Шепелева) просил меня описать день 1-го Августа на озере. Человек делает 300 выстрелов, убивает 50 уток и пускает 100 подранков. Дичь в это время не берут. Местные охотники обслуживают Московских (в пятницу выспросить его). Подвиги Крыленки. Приехал с билетом научной охоты и давай бить уток в запрещенное время. Ему сказали, он ответил: «Это стоит 50 руб., получите!». «Пусть суд решает», – сказали. «Неприятность, конечно, – сказал он, – вы мне сделаете, – а суд возьмет те же 50 руб.».

После того местные охотники тоже начали палить в запрещенное время.

Даувальдер в отчаянии: Дубец не делает стоек и от бекасов отвертывается, понюхает и отвернется. С ним то же происходит, что со всеми членами семьи Кенты: очень тугой в натаске. Я посоветовал ему отправить Дубца по тетеревам, а потом перейти на бекасов. Мы взяли Кенту, Нерль, Дубца. Кента нашла выводок. Дубец довольно страстно носился по следам. Потом Кента нашла выводок бекасов на краю луга, переходящего в болото, там, где высокие луговые травы сменялись низкой осокой. Бекасята вывелись только сегодня, может быть, несколько часов тому назад, еле-еле могли передвигаться и не отошли на аршин от родной скорлупы. При них держались два старых бекаса, которые, один за другим взлетев из-под Кенты, сели от нас в несколько десятков шагов. Я подвел Нерль к бекасенку. Она стала, Даувальдер стал подводить Дубца. Нерль, вероятно из ревности, ринулась вперед. Я ее отлично вздул. Считаю случай, позволивший мне ее наказать, драгоценным. После того я взял Дубца и подвел его к бекасенку, он его не видел, но чуял и тянулся до тех пор, пока не наткнулся носом. И вот какие бывают собаки: он, испуганный, отпрыг-

нул! Я очень ласкал его, уговаривал опять приблизиться. Он мало продвинулся, но сделал стойку и даже лапу подогнул. Даувальдер был в совершенном восторге.

Этот латыш говорил, что нужно великое терпение служить у мужиков. Их неопрятность чудовищна, нравы ужасны (напр., отец учит ребенка ругаться по-матерному и когда достигнет, даст ему за это баранку, а еще многие отцы идут в чайную, едят там колбасу, а семья всю неделю пьет чай без сахару, и т. д.). Власти все из мужиков и просто, не загадывая ни о чем, делают себе карьеру.

Говорит, что <*1 нрзб.*> слух о войне. Бедный латыш очень боится возвращения голода 19–20 гг. Я успокаивал его тем, что подобные войны и катастрофы так часто не бывают в истории. Но сам я, коснувшись возможности катастрофы, представил себе жизнь свою во всей ее эфемерности. Такое малодушное состояние (отзвук прежнего плена) продолжалось недолго. Я подумал: «Тучи иногда закрывают солнце, и на земле бывает темно, но за тучами солнце продолжает посылать лучи в мировое пространство». Ефрос. Павл. вполне согласилась со мной, но прибавила: «Нас может все ужасно коснуться со стороны детей… да…» После того мы замолчали.

12 Июля. (8-й урок).

Работа по тетеревиному выводку в болоте.

Весь день буря, только к вечеру стихло, и удался хороший вечер. Ходил с одной Нерлью в школу на то место, где вчера нашли выводок бекасов.

Между украйной луга и болотного леса неширокая полоса нетопкого болота с веселой бекасиной остренькой осокой. Вижу кол, поставленный нами вчера для заметки недалеко от выводка. Нерль начинает приискивать и ведет манерой Кенты, выглядывая из травы носом вверх. Я уверен, что она ведет по бекасам. Мог бы спорить сколько угодно, что это выводок. Нерль делает стойку. Вылетает тетеревенок. Она проскочила за ним несколько шагов. Я крикнул, вылетела матка. Нерль сделала еще стойку, и уж я держал, держал ее, потом уложил даже и, разобрав траву, подпихнул тетеревенка. Их было шесть, чуть больше скворца, и все в разброде. По всем маленьким Нерль, находя, делала стойки, после того зашилась в следах.

Есть простой способ оттягивать собаку от следов: надо самому не стоять, а уходить, и собака уйдет. Я пошел поглубже в болото, Нерль бросила тетеревей и за мной. Скоро она опять закопалась, пошла тихонько с поднятой вверх головой, и затем вылетел старый бекас. Это, конечно, еще не значит, что она будет теперь подводить и к бекасам: возможно, случайность. Но все-таки теперь остается только практи-

ка. А поиск у ней теперь такой разумный, как у старой, опытной собаки. Притом она до смешного точно копирует все манеры матери, как будто тогда, во время совместных прогулок с ней, была аккумулятором, всё ее вобрала в себя и теперь разряжается.

Такой маленький человек, трус жизни, воспитанный войной, революцией, голодом, живет в каждом из нас, и мы разными способами скрываем в себе такого человека. Д-р не скрывает и прямо говорит, что ему невыносима мысль о судьбе его детей, когда газеты, радио и все кругом говорят о войне, о том, что «отдохнули», пора... «Ведь я специалист, хороший специалист по молочному делу, я хочу работать, жить, а дальше смотреть так, чтобы не бояться за судьбу детей своих, не могу, у меня этого нет».

Ну, а как же мы, не маленькие люди, видим ли мы-то что-нибудь теперь дальше своего носа, и тоже какой отец, какая мать не дрожит за судьбу своих детей? И разве можно так жить, не будучи сколько-нибудь уверенным в том, что твои маленькие дети не зачахнут на глазах твоих без хлеба и молока. Вот где исток национальных организаций и военных приготовлений: размножение человека этого требует, маленький человек...

Написать в «Охотник» очерк «1-е Августа», начать его так:

Когда я был в юности хаотическим охотником и не признавал никаких сроков для производства охоты, не считался с тем, вылетит матка или птенец, – все бил, я не могу сказать, чтобы у меня для этого не было вовсе морального основания. Если бы стали тогда пытать мою совесть, то я бы ответил так:

– Если не убивать, то надо вовсе не убивать, а если я буду удерживаться от стрельбы по неспелой дичи или маткам с тем, чтобы в будущем больше убить, то это гораздо хуже. Может быть, я даже вспомнил кое-что из слышанного мною курса истории от проф. Платонова: в древнем Киеве славяне по законам родовой мести часто убивали друг друга на улице, но когда ввели христианство и, запретив убийство из-за родовой мести, ввели казнь по закону, то убийство по новому закону гораздо меньшего числа людей, чем по родовой мести, произвело в народе возмущение...

Я бы еще сказал:

– Убийство бессознательное птиц и зверей на охоте происходит под действием охотничьего инстинкта и похоже на счеты из родовой мести, а убийство хозяйственное, разрешенное законом в положенные сроки для того, чтобы впредь сознательно готовиться к новому убийству – это похоже на установление казни в христианском обществе.

Так я охотился как-то до поры до времени хаотически, по-разбойничьи (все нипочем) смутно чувствуя, что, когда пройдет молодость, я покаюсь в грехах и брошу совершенно охоту.

Теперь я человек пожилой, но охоты не бросаю и не чувствую упреков совести, как в юности. Что же случилось?

А вот случилось, однажды я попал в общество одного культурного охотника, и он попросил меня помочь ему набить патроны. Он научил меня отвешивать бездымный порох. Он морщился, когда я одну порошину забывал на чашечке весов, вздрагивал, когда я ронял дробинку на пол. Все это меня удивляло до крайности. Но самое главное меня поразило, что у этого охотника был шрифт и на каждом патроне он печатал нумер дроби. Вот именно через эту нумерацию машинкой я вдруг понял артистическое чувство в охоте, мне захотелось тоже иметь хорошее ружье, тоже стрелять бездымным порохом, ставить нумера на дробовых пыжах, научиться охоте с собакой и т. д. С того разу, с того именно момента приклеивания нумеров на пыжи я перестал быть охотником-разрушителем. Я стреляю лишь столько, сколько мы съедаем семьей или с знакомыми, – это часть моей охоты, охота промышленная, другая часть моей охоты артистическая, охота – спорт, третья наблюдательная: охота стала истинным родником моего литературно-художественного мастерства и, наконец, я всегда ищу случая через охотничьи материалы общения с наукой и сам кое-что делаю в области краеведения.

И вот, как это ни странно, как это ни удивительно, я вышел из состояния охотника-разбойника, которому впереди был один путь – раскаяться в убийстве и замаливать грехи свои (монастыри у нас устраивались очень часто разбойниками), я вышел из этого мрачного <*1 нрзб.*> состояния духа и в то же время миновал мещанское довольство сознательным убийством исключительно только благодаря артистическому чувству меры, которое воспринял я от охотника, ставящего на пыже нумера дроби.

На днях я познакомился с замечательным охотником-промышленником, который в Московском полесье в зиму продает лисьих, куньих и беличьих шкурок на 800 рублей. Ружье у него плохонькое, качается, в раковинах. Пузырек. Он сказал о дикой охоте...

13 Июля. (9-й урок). Нерль зашилась.

День светлый, но прохладный, такие дни бывают в конце августа. Вот так весна была, вот так лето, зато ни слепней, ни мух.

Утром ходил в школу с одной Нерлью. Бекасов на том месте не нашел. Нерль зашилась в траве на следах черныша, выпорола его носом и за ним побежала. Конечно, вздул ее, но не сильно.

Вечером пустил искать Кенту, Нерль упражняя в тихой подводке верхним чутьем, в след Кенты. Так среди болот нашли мы выводок тетеревей, и я проделал классический прием:

когда Нерль стала рядом с Кентой, взял ее за ошейник, высмотрел тетеревенка, накрыл его ладонью свободной руки и, приговаривая: «Тубо», поднес его к носу Нерли, а потом на глазах ее пустил. Интересно, что когда я накрыл тетеревенка и он запищал, то вследствие этого писка порвались один за другим остальные, вразброд сидевшие тетеревята, вероятно, в писке тетеревенка заключался нам непонятный сигнал вроде того как: «Прощайте, братья и сестры, меня ястреб задрал».

<*На полях*> классический прием.

14 Июля. (10-й урок).

Ночная красавица, цветок, потому называется ночная, что стыдится пахнуть собой при солнечном свете. Но я заметил, что Ночная красавица, когда потеряет первую свежесть и ее белый цвет тускнеет, становится чуть-чуть желтоватым, то на своих последних днях, когда в природе безвозвратно кончается весна этого года, теряет свой девичий стыд и пахнет даже на солнце.

Я сегодня взял в руку цветок на солнце, понюхал: да, уже пахнет! весна прошла. Убрана трава в деревенских усадьбах, вся деревня пахнет сеном. Целыми деревнями уезжают на дальние покосы. Не слышу больше кукушку, токование бекасов и тревожных криков кроншнепов. Обычно в это время очень выделяется крик перепелки и дергача, но в этом году не слышно ни того, ни другого. Иволга поет…

Наша деревня стоит на верху моренного холма, на песке. Вокруг полей смыкаются леса, только есть одни воротца в этой лесной стене, через них виднеется любезная охотничьему глазу болотная пушица. Я спускаюсь туда в пойменные луга. Там есть в осоке водоем площадью не больше деревенской усадьбы. Вокруг целое море осок, довольно высоких, но там и тут, со всех сторон лучами среди обыкновенной зеленой травы виднеются густые, темно-зеленые полосы, и все сходится к прудику-плесу: это значит ручьи бегут к плесу. У самых краев плеса редеет осока, у воды драгоценная для бекасов открытая грязь. На середине плеса кувшинки, их стволы охотники называют «батышками», тут на батышках садятся утки, это их денной присадок.

Когда бывает на вечерней заре стоишь в ожидании утиного пролета на тех плесах, то при наступлении сумерек со всех сторон с большим шумом невидимые падают на грязь бекасы, покажется тогда неопытному, будто это метеором падающая птица величиной, по крайней мере, с крякву. На светлом небе видны одни их мелькающие в разных направлениях силуэты, но неопытный подумает, что там и тут одни и те же птицы и, скорее всего, летающих бекасов признает за летучих мышей. (Ночной образ жизни бекасов.)

Вот сюда я стремлюсь сегодня с Нерлью. Во избежание всяких случайностей по деревне я веду Нерль на поводке и потом, когда выхожу за околицу, забываю спустить. Она очень тянет, я ругаюсь. За околицей она начинает сильнее тянуть, с силой и раздражением кричу ей: «к ноге!». И вдруг вспоминаю, что я уже за околицей и собаку можно пустить. И когда я пускаю ее на свободу и спокойно велю ей идти возле, со мной, она идет рядом. Так было со всеми моими собаками, и у знакомых спрашивал, так у собак всегда: на поводке тянут, а по доброй воле на свободе спокойно идут. Не бывает ли так и у людей? Проверить, не прибавляется ли *<1 нрзб.>* бекасов по мере пребывания молодых. Утренний час не ручается за всех бекасов: многие из них побывали здесь ночью и утром убрались в болотные кусты. Но из многих конечно же застрянет больше у прудика на дневку. В последний раз я тут нашел пять-шесть. Сегодня уже, не доходя до прудика, насчитал восемь и после того бросил считать, потому что Нерль очень огорчила: ни одного не причуяла, все взлетали от ее разбега как от сарпанья носом по траве. Ей мешает причуять бекаса трава высотой больше полуаршина. Она не догадывается, причуяв след, поднять голову над травой и причуивать местопребывание птицы по воздуху. Она сарпает носом в грязи, движется к бекасу, как землечерпательная машина, и, добравшись иногда почти до самого бекаса, спугнув его, продолжает наступать, в большинстве случаев даже не зная, что бекас улетел. Наконец мы добрались до самого прудика, и тут поднялись сначала два старых и потом в разные стороны разлетелись молодые, величиной почти в матку, но вялые на полете, и сели тут неподалеку. Я взял Нерль на поводок и, потягивая за него, приподнимая этим движением голову Нерли вверх, направился к замеченной кочке, куда опустился молодой бекас. Так мы положили почти всю траву, но бекаса найти не могли. Потом я перешел на другую сторону плеса ко второму молодому и крутился тут очень долго. Утомленный однообразной бесплодной работой, я выпустил из рук поводок, вынул папиросы, взял одну, зажег спичку, и в этот момент, когда мое внимание целиком было сосредоточено на горящей спичке и конце папиросы, что-то случилось, я взглянул: молодой бекас тряпочкой летел в десяти шагах от меня, а Нерль, крайне удивленная, смотрела на него из травы...

Я не в силах был взять опять поводок, опять топтать траву, подергивая за ремешок, чтобы собака чуяла, а не шла землечерпательной машиной, каким-то экскаватором. Сняв поводок, я пустил Нерль бегать свободно, она направилась по направлению улетевшего бекаса, огибая грязный берег плеса, и, когда она приблизилась к воде, далеко не дойдя до перемещенного бекаса, то вдруг...

…В данный момент я не иду по болоту, а записываю следы непрерывно работавшей, я осмелюсь сказать, творческой мысли, соответствующей в голове следам моих ног по примятой траве. Я видел краешком глаза: там где-то далеко на огарке кто-то окашивал траву, прилегающую к ржаному полю, и видел, как он, иногда отдыхая, смотрел на меня. Мне был далек этот человек, я был далек ему, но я знаю, что натаска собаки смутно ему представлялась непременно каким-то делом, потому что только сумасшедший без дела мог бы топтаться по кочкам в воде около прудика третий час на одном месте. Не знаю, уважал ли он мое дело. Я дело его уважал, мне его дело представлялось тем же самым творчеством, как и мое, только с другого, не видимого мною конца жизни. Его материал была трава, обращенная в сено. Мой материал собака. Но Нерль сама? Она была тоже творцом, и ее материалом был бекас. А у бекаса тоже свое творчество, у него там свои червячки, у червячков… и так без конца в глубину природы. А там далеко, куда не хватал глаз, чуть слышится свисток паровика-экскаватора, там землечерпательная машина, мало-помалу продвигаясь засоренным руслом речки вверх по течению, приближается к нашим болотам, чтобы спустить их воду в речку и все осушить. Нет, я не просто топтался на месте, я думал, думал… и вдруг!

Я думаю об этом «вдруг» долго, упорно, мало-помалу слово обращается в чрезвычайно загадочное существо. Вдруг. Я хочу разгадать это существо, понять, почему так часто мы обрываем течение своих мыслей, вытекающих одна из одной словами «и вдруг». Было это, казалось мне иногда, внезапно, но теперь я разбирался, что у этого внезапного «вдруг» был предшественник. Ведь Нерль спихнула молодого бекаса именно в тот момент, когда я, чтобы закурить, бросил поводок и ей предоставил свободу: тогда «вдруг» она, хотя и без стойки, но все-таки пошла и спихнула бекаса. Я могу теперь прямо сказать, что этот первый момент, «вдруг», предшествовавший большому, родился из чувства свободы; Нерль обрадовалась, сделала свободное движение, ей при быстром повороте что-то пахнуло, она завернула туда и нашла молодого бекаса. Я, обрадованный находкой, бессознательно, отдаваясь логике общего мирового творчества, предоставил еще большую свободу собаке, и она тоже в свою очередь, отдаваясь силе мирового творчества, бежала туда, где лучше пахнет, где больше и больше к прудику редела осока, и пропускала через себя удивительно сильно пахнущие следы на грязи возле самого плеса. Запах все больше и больше усиливался и, наконец, она поняла: там впереди что-то было…

Я замер от удивления, от восхищения. Нерль стояла на берегу плеса в классической позе всех легавых собак, с подогнутой передней лапой, и притом так прочно стояла, что

я решился, чтобы не спугнуть дичь, подойти к ней сзади. Пока я так обходил медленно, осторожно, Нерль время от времени повертывала ко мне голову и как бы говорила: «Иди помогать, не торопись, я не тронусь, все равно же я не знаю сама, что надо мне дальше». А когда я подошел к ней совсем близко, она заволновалась и дрогнула, как бы стыдясь, стесняясь: «Так ли это все я делаю». Конечно, я погладил ее, пристегнул поводок, и она вполне отдалась созерцанию носом невидимой цели.

Как хорошо мне было! Как мне хотелось, чтобы кто-нибудь видел эту картину завершенного творчества. И мне было досадно в тот миг даже и это удовольствие: там, у края полей, опираясь на косу и отдыхая, смотрел на меня другой творец, другой вершитель какого-то другого круга творчества.

Я показал ему рукой на собаку, так передавая слова:

– Смотри, друг мой, не напрасно я трудился, смотри, стоит!

Он бросил косу и развел руками, передавая свои слова:

– Удивляюсь, удивляюсь! Больших денег стоит собака!

После того я стал высматривать между травинками, потом на грязи, нет ли там чего, и к радости своей ничего не увидел, к радости, потому что, значит, Нерль стояла не накоротке, а чуяла дальнее. Я оглаживал Нерль, уговаривая, упрашивая ее сделать вперед один шаг, сам, хлюпнув сапогами, пошел за ней, и тогда шагах в десяти от нас вылетел маленький гаршнеп.

Пусть опять мы не нашли в траве молодого бекаса, пусть опять она шла как экскаватор и стурила двух старых, это ничего не значит: травы когда-нибудь будут скошены, и она будет непременно работать. Я выдумал пойти с ней в такое болото, где было много воды и спугнутые раньше бекасы могли примоститься <*1 нрзб.*> на кочках, я рассчитывал, что тут ей невозможно будет носом мять траву и бекаса она с кочки <*1 нрзб.*> учует верхом. Но стало жарко, собаку облепили слепни, и дальше работать не стало возможности.

На обратном пути Нерль в кустах спугнула бекаса, на короткое мгновение между кустами мелькнул мне бекас, и в глазу осталось как в фотографической камере изображение: под брюшком старого бекаса было что-то еще, было похоже, как если бы ястреб нес голубя. Зная, что спугнутые вальдшнепы таким образом переносят своих малышей, я допустил возможность того же и у бекаса: бекас ведь такой же кулик, только поменьше. Мне очень хотелось проверить это, но все мои поиски в кустах были напрасны.

Еще я был в это радостное утро свидетелем события из утиного мира. Когда, проходя улицу в селе, я подошел к кузнице, утка чирок-трескунок переводила через дорогу, вероятно, из болотистого леса на озерные плесы пять утенят, они были только немного меньше ее. Очень возможно, что она перево-

дила их, потревоженная покосом болот. На этом опасном месте она утят своих пустила вперед, а сама шла позади. Вдруг из-за кузницы бросились ребятишки и побежали за утками, бросая в них песком. Когда они бежали, то уточка бежала одно время даже не взлетая за ними очень шибко с раскрытым ртом. Ребята в один миг переловили утят. Матка перелетела на овсяное поле и села недалеко на воду. Я подошел и спросил их, что они хотят делать с утятами. «А пустим сейчас, пойдем и пустим к матке», – ответили ребята. Я им велел: «Идите скорее!» Но когда они хотели идти к овсу, то утки уже там не было. Все смешались: что делать. В это время вышел кузнец, он из кузницы видел. «Вон сидит!» – сказал он, указывая на край дороги. Ребята пошли туда и пустили утят.

Серега Тяпкин рассказывал мне, что кряквы, скорей всего, прилетают, спарившись: первое время очень мало бывает холостых селезней.

Раз он нашел утиное гнездо и вблизи поставил шалаш. Когда утка пошла к себе на гнездо, верно, чтобы яйца положить, селезень приплыл к его утке и был убит. Дикая утка стала на другой день звать к себе селезня. И второй ее муж был тоже убит. И третий. Всего так убил он шесть селезней. Серега сделал из этого вывод: «Значит, утка не может без селезня».

По словам Сереги, селезень вообще держится гнезда избранной им утки и только ее ему мало: летает к другим и возвращается.

Очень интересно рассказывал об утренних, денных и вечерних присадах уток: от зари утренней до шести – утренний присад, от 8 до вечера – денной и ночной.

О Лермонтове

Он любил в Сушковой (и во всех) то, чего в ней нет, а то, что есть, он ненавидел.

Он верней всего оставался верным своим первым поэтическим восприятиям от нее (то, чего не было), тем более она должна была раздражать его зрелой девой.

Лермонтов и Есенин чем-то похожи друг на друга. Оба сгорели в поэтическом бреду. Но, конечно, Есенин в сравнении с Лермонтовым поэт маленький...

15 Июля. Вчера на ночь сильная гроза, сильный дождь. Сегодня утром непостоянно, в обед дождь, после обеда буря.

Я сегодня утром ходил с Кентой в заказник. Вдали сорвался глухарь. Холостая глухариха увела Кенту далеко от тропы, которая осталась у меня за спиной. Но спина, к сожалению, устроена так, что повертывается вместе со всем телом, а вместе с тем повертывается и все, что находится «за спиной». После

того как глухариха взлетела, я долго не мог найти тропу «за спиной» и нашел ее только после того, как, присев на пень, сделал план по компасу. А вообще с компасом не следует бояться никаких лесов, потому что везде есть тропы.

Догадки о болотах

Как образовались кочки? Вначале ровный слой болотных растений. Отмирает, гниет. На этом слое новые растения укореняются в перегное и, отмирая, оставляют бугорки, на бугорках предпочтительно селятся новые растения, и так бугорок растет. Кочки молодых болот покрыты обыкновенно осокой. Потом на этих кочках укореняются деревья и тем значительно осушают болота. На кочках селятся мхи, клюква и другие ягоды. Словом, происходит естественное осушение жидкого болота и оно становится моховым. Места, осушенные деревьями, ростом мохового покрова приподнимаются, вода с них должна стекать на края. Вот почему все моховые клюквенные болота окружены жидкой, заросшей кустарником ольхи и березы, приболотицей. Трудно бывает весной идти только этой приболотицей, но в помощь всегда бывает клюквенная тропа. В нынешнем году эта тропа была залита водой сильней, чем в половодье. Она производила впечатление ручья, покрытого болотными растениями (трилистник, цветок красный, крепкий вроде ягоды малины с одним лепестком, белым сверху, зеленым внизу, для чего-то с острым ноготком).

После березовой жидкой приболотицы начались сосны, толщиной в две руки, сосен становилось больше и больше, хотя и березы не исчезли совсем. В конце концов установилось некоторое равновесие победителей и побежденных, я шел целый час, и все было одно и то же, на десяток сосен одна береза, явно угнетенная, большей частью от сосны отвертывается, склоняя свою крону в сторону. Господствующее население на это не обращает, конечно, внимания. Растительный покров внизу в полном хаосе борьбы, кочки то осиновые, то моховые, поросшие клюквой, то папоротники, то хвощи, то раковые шейки и ночные красавицы, то водяные растения и очень характерны отдельные, там и тут стоящие между деревьями, тростинки. Там, где совершилась осушительная победа господствующего населения сосны и мха, ходить можно довольно хорошо, но где торчат осоковые кочки, налитые водой, – очень утомительно. Вот почему выбираться из такого леса только по компасу, не считаясь с тропами, почти невозможно.

Глушь сильно давит. Даже собака бежит много тише и далеко не отходит. Охотник Павел Кручихин, браконьерствуя, перевел здесь лисиц и куниц. Зато благодаря этому развелось много глухарей. А глухари в свою очередь привлекли бра-

коньеров-охотников из интеллигенции, в заказнике охотятся служащие в лесничестве, ветер<инарный> врач и другие, они же приманивают браконьеров из Москвы.

16 Июля. (11-й урок).

<*На полях*> Журавли. Жизнь человека дороже всего.

Вечер был вчера строгий, желтый, прохладный и тихий. Утро раннее солнечное, тоже прохладное. На пойме что-то сверкнуло в кустах, – я подумал, косят, это сверкнула коса. Потом еще раз сверкнуло, еще, и вдруг оттуда раздался дружный крик журавлей. В то время я зашел по дороге вперед, и мне стало видно то, что сверкало через редкие кусты: это мокрые от росы журавли ходили на пойме и сверкали своей росою на солнце. Тут я начал собаку натаскивать, а журавли улетели. Пришли докашивать пойму, расставились, косят, я собаку учу. Трудно косить болото, нелегко и собаку натаскивать.

Возле прудика сорвались только два старика бекаса и один молодой. Два раза я давал Нерли найти его в траве, и оба раза она зашивалась до бесчувствия, а бекасенок вылетал случайно, как-то из-под ноги на ее поворотах. Я понял окончательно, что очень вредно, во всяком случае, бесполезно натаскивать собаку по бекасам в траве. Что же делать, неужели дожидаться, пока скосят болотную траву? Я вспомнил одного егеря, который говорил мне, что иногда приходится дать на чай пастуху, чтобы он в подходящем месте прогонял стадо. После того на эти размятые скотом кочки, на грязные копытницы высыпают бекасы. Вот бы найти такое размятое скотом болото с обкусанной травой. Я спросил встречного крестьянина с косой, и вот оказалось, что я хожу не по Журавлихе, как думал, а по Рудачихе, а Журавлиха дальше к озеру, и там по Журавлихе ежедневный прогон скота. Это оказалось очень недалеко, в том месте, где плесом зарастающего озера Полубарского прибавляется пойма впадающей невидимо в него речки (Журавлиха). По гати, устроенной для перехода скота, я перебрался на Захаров Остров, покрытый кочками, между которыми трава была скусана и местами все растоптано в грязь. Вокруг острова пойма с зелеными плесами.

Я забыл отметить нечто новое у Нерли, замеченное мною, когда она сегодня зашилась в траве по молодому бекасу у прудика: в первый раз за все время она так увлеклась «шитьем», что не слыхала моего крика и даже свистка. Я понял это как естественное пробуждение охотничьей страсти и приготовился, чтобы постепенно ввести ее в берега культуры. И вот при вступлении моем на Захаров Остров Нерль делает первую свою потяжку, несколько шагов делает тихо вперед с подня-

той головой, и вылетает бекас. Он садится недалеко на пойме. Нерль бросается за ним и не слышит моих приказаний. От моего крика и свистка вокруг срывается десяток бекасов, кроншнепы большие серые и малые пестрые, чибисы целой тучей поднимаются на воздух, и все это в страшном беспокойстве кричит и свистит. Нерль опомнилась и вернулась. Я постегал ее несильно ремешком, хотя потом в этом раскаивался: так велико, так небывало в моей практике было ее последующее послушание среди пачками вылетающих бекасов и особенно под носом бегущих старых и молодых кроншнепов. Ни на их крики, ни на их взлет она почти не обращала внимания, поглощенная всецело новым своим открытием причуивать дичь на расстоянии по ветру. Совершенно так же как и Кента, она мгновенно сокращала ход, когда причуивала бекаса по воздуху и тихонько вела к нему. Правда, ни разу не было, чтобы эти потяжки оканчивались стойкой, и расстояние потяжки было в лучших случаях не больше десятка шагов. Но все равно, ведь это первый только день открытия его, самого приема потяжки. И все это я объясняю удачным выбором места с обкусанной травой, а еще сильным ветром, против которого я вел собаку. Мне думается, что искусство егеря при натаске собак должно выразиться в значительной степени уменьем разыскать подходящее место и угадать тот момент нарастания сознания собаки, когда она должна лучше всего воспринимать запах дичи. Открытое место и ветер – главное условие. Искусство егеря должно сопровождаться огромным сокращением времени натаски.

Мне кажется, сегодня я могу сделать заключение не только об исключительном послушании собаки, но также и о ее чутье. Был такой случай: я переходил гать, направо была открытая вода, дальше пойма и шагов на полтораста стояли невысокие ольховые кусты, через которые сильный ветер мог донести сюда запах притаившейся дичи. Нерль вдруг потянула туда носом и с высоко поднятой головой пошла в воду, в которой скрылся ее живот. Выбравшись на пойму, она пошла медленно по той же самой линии вперед. Наконец она удалилась настолько, что при сильном ветре не услыхала бы мой свисток. Но ее послушание было настолько доказано, что если бы она и погонялась раз, плохого бы ничего не вышло.

Я наблюдал спокойно, что будет. Нерль дошла до кустов и потеряла, конечно, струю пахучего воздуха. А за кустами, мне было видно, поднялся большой серый кроншнеп. Она его не видела и вернулась назад.

Вот бы теперь хорошенько пострелять бекасов, собака тогда поняла бы и желанную дичь, бекаса, и зачем все происходит, тогда она больше бы придавала значения этим небольшим птичкам, за которыми она теперь тянется как бы в недоумении, как бы по воспоминанию крови охот ее предков.

Я возвращался в Федорцово закрайком погребенного в растительности Полубарского озера. Впереди из куста вышел большой серый кроншнеп, посмотрел на собаку и тихо пошел в гору на луг, понимаю его, чтобы привлечь на себя внимание собаки, отманить ее за собой от молодых. Но Нерль его не видела и потянула на куст и там занялась. А кроншнеп, взбираясь на гору пешком, все оглядывался, пройдет и оглянется, пройдет и оглянется. И, наконец, когда Нерль исчезла в кустах, остановился, вытянул шею, потом поднялся на воздух и закричал.

Чрезвычайно красиво смотреть, когда молодой пестрый кроншнеп, сложив крылья, как изображают иногда людей с воздетыми к небу руками, садится в зеленую траву, в это время его серые крылья на зелени бывают видны с белыми правильными кружевными оторочками.

Сегодня я думал о своем серьезном занятии тем, что для всех служит забавой, отдыхом, потехой. Останусь ли я для потомства обычным русским чудаком, каким-то веселым отшельником, или это до смешного малое дело выведет мысль мою на широкий путь, и я останусь пионером-предтечей нового пути постижения «мира в себе». Что, если вдруг окажется, что накопленные материалы знания столь велики, что их охватить никакому уму невозможно, что в этих накопленных полу-богатствах полу-ума заключается главная причина нашей современной растерянности, разброда и что людям от всего этого аналитического опыта надо отойти для простейших синтетических исследований, что на этом пути и надо ожидать гениального человека, который охватит окончательно весь аналитический опыт человечества…

Гашин (Федор) из Калошина рассказывал, что своими глазами видел, как селезень из-за своей «похоти» к утке убивал утенят. Он видел это и на своих домашних (охотничьих) утках и у диких. Я спросил: «Значит, селезень плохой семьянин». – «Очень плохой», – ответил Гашин. «Да, – сказал я, – он летает по чужим уткам, но все-таки гнезда-то своего основного держится». – «Держится, – сказал он, – да что из этого. Он держится из-за похоти, все шваркает, шваркает около гнезда. Это слышит ласка, слышит хорек, слышит ворона. Он-то, конечно, уплывает, ему что, а по его крику хищники открывают гнезда и разоряют».

Негодяй Лахин так представил населению дело, что я в согласии с охотниками-большевиками хлопочу против спуска озера. Он так истолковал им и мою статью о «шарах». Ко всему этому статья, по-видимому, взволновала и мелиораторов, по слухам, они опрашивали население за и против спуска

озера. Нашли кого спрашивать. Я получил повестку от инженера Власова на заседание по поводу спуска озера. Серега Тяпкин рассказывал, что в чайной собрались пьяные, кто грозился убить меня, кто расстрелять. Я рассказал в чайной, что я не против спуска озера, но памятник природы мне как человек, если человек заслужил смерти, то его перед казнью судят, так и озеро, прежде чем спустить, надо позвать ученых, пусть они докажут нам, что это озеро не нужно. А если окажется, что богатства озера больше выгоды от его травы. Людей в чайной, кажется, я совсем успокоил, но я представляю себе возможность настоящего бунта, если вдруг выйдет запрещение спуска озера. Гашин сказал: «Я считаю, жизнь человека дороже всего на свете, и потому озеро должно быть спущено».

<*Приписка на полях*> Легенда о человеке с шаром в чайной.

17 Июля. Молодежь всегда остается с длинным носом, потому что она не может смотреть на то, что происходит у себя под носом: молодежь тянет вдаль. Я, однако, и не всякую старость считаю за мудрость: молодежь остается с длинным носом, а глядящие накоротке просто с носом. Я это знаю.

<*Приписка на полях*> Письма из Московского Полесья. I. О шарах.

Получил записку от инженера Власова приехать «на созываемое Мозом заседание для обсуждения вопроса о спуске Заболотского озера». Записка была написана карандашом неразборчиво, и слово Мозом (Мос. Земельным отделом) я разобрал как «мною» и подумал, что инженер Власов, заведующий осушением – делом выпрямления реки Дубны с целью осушения края, собирает нас к себе в болотную квартиру. Я с волнением понял, что статья, как это бывало, как пуля попала в самую жопу.

Я так заинтересован в этом деле, я бросил все свои другие дела и пустился искать болотную квартиру инженера Власова. Но я еду теперь как враг народа, если <*4 строки нрзб.*>.

Внизу подо мной летние облака, между ними ничего не видать в глубине. Вы подумаете, я лечу высоко на аэроплане, но нет: я плыву по Заболотскому озеру на лодке и смотрю с ее носа в глубину отраженного неба. Ни попросивший у меня места в лодке секретарь ячейки, ни нанятые мною гребцы не думают, что я просто любуюсь отражением неба в тихой воде. Они думают, что стараюсь разглядеть на дне озера шары водоросли Claudophora sauteri. Старший гребец был тот самый, кто первый недавно подвез меня к месту нахождения водоросли, после чего я написал заметку в защиту этого необыкновенного растения ледниковой эпохи, оставшегося теперь только в двух

точках земного шара, где-то на севере Германии и в этом Заболотском озере. Если бы гребец, местный крестьянин, знал, что моя защита шаров послужит препятствием к спуску озера, он выловил бы все эти шары, выбросил их в яму и закопал. Секретарь ячейки едет собирать материалы с горделивою целью написать «опровержение». В его глазах я враг народа вернее всего как человек, увлеченный какими-то личными делами в ущерб общественному. Гребец смотрит проще. Вот там виднеется местечко, называемое у рыбаков «тоня Троцкого». Название родилось в тот момент, когда мимо тони проезжал Троцкий на утиную охоту, случилось в этот момент рыбаки вытащили тоню, полную рыбы. И название тони навсегда осталось за Троцким. Я почти никогда не охочусь за утками и презираю охотников за ними из интеллигенции, утка – это дичь для охотников-промышленников, а охотник-артист не считает это даже охотой. Но разве простецкие люди поймут это. Они считают меня вольным или невольным агентом интересов тех высших столичных охотников, для которых я под предлогом охраны шаров добиваюсь охраны утиной охоты, баловства.

Все сошлось роковым образом против меня. Я известный охотник, каждый день меня видят, как я натаскиваю собак в болотах, и я же написал статью в защиту «шаров». Охота в этом краю полупромышленность. Натаской собак можно кормиться. Никто здесь не подумает назвать мое занятие баловством. Но чтобы егерь мог написать статью против осушения болот, – это совсем непонятно. Между тем я даже не знал, что заметка моя напечатана. Я просто зашел после натаски в чайную, и тут мне сказали: «Хорошо, что вы вчера не зашли, в чайной были пьяные, все кричали: расстрелять его, утопить его в болотах!» Немало волновались люди трезвые, от которых я это узнал. К сожалению, их было немного. Я им рассказал, что не писал статьи против спуска озера.

Я им так объяснил:

– Пьяные люди хотели вчера меня расстрелять и утопить. Пусть! Вправе все-таки я требовать себе суда и на суде защитника? Так и озеро, без суда приговоренное к смерти, через меня требует себе суда. Я не против спуска, но призываю ученых на суд.

Потом я сказал еще понятней:

– Многие из вас, когда в доме умирает свой человек, зовут свидетеля смерти, попа, доктора или нотариуса. У озера тоже, может быть, есть завещание, оно потом обогатит вас, но сказать об этом оно может только ученому.

Сидевший в чайной на это сказал:

– Позвать попа, как ловко сказано! Знает, что сказать!

Но, конечно, втайне остались при своем. А вечером я получил приглашение от главного инженера, заведующего всей мелиорацией края.

<*На полях*> Кроншнепы. Он все кричит одно: «Виж, виж, виж!» А я сижу за кустом и говорю ему: «Ты-то меня видишь, а я-то тебя не вижу».

Заболотский пастух с жалейкой приходил ко мне на день. «Что будешь делать?» – «Уток ловить». Вечером он меня дожидался. Сломалась дудка. «Ты пой, а я буду слушать». – И я шел и слышал пение.

Как муж в лошадь переделался, а жена в корову.

Хотя я никогда не был народником, но воспитывался среди них, и этика моя народническая. Я всю жизнь приглядывался к мужику, и убеждение мое сложилось прочное, что его все обманывают и что русскому государству как-то вообще нельзя существовать без обмана мужика. Я не народник, но чувствовал себя в народе приблизительно как Миклухо-Маклай на Новой Гвинее среди дикарей.

Старая Дубна

Всякий знает по Киплингу, что такое джунгли, или без Киплинга, просто по «Огоньку» и другим иллюстрированным журналам хорошо знает о Центральной Африке со львами, к которым подъезжают любители на автомобиле. «В дебрях Уссурийского края» Арсеньева распространились во многих изданиях у нас и за границей. Но о дебрях Московского Полесья никто ничего не сказал. Я собираю материалы.

Весь водосбор потопленного края приблизительно 120 тысяч десятин, из которых 40 тысяч под поймой Дубны, местами непроходимой. Да, есть места в зарослях Дубны, где была нога человеческая. Но мы часто в зарослях черной ольхи в воде находим столетиями пролежавшие под водой дубы, признак иного прошлого края. Народная память передает множество фактов, обращенных в легенды о золотых лугах прошлого этого края. Вот, напр., в месте, где едва-едва можно теперь подойти к Дубне, прыгая с кочки на кочку в обход плесов, хватаясь за ветки обвитой хмелем ольхи для сохранения равновесия, можно увидеть признаки каменного моста через реку. Рассказывают, что это был мост Грозного. Назовут какой-то островок с дубами, где были его охотничьи колышки. Нет никакого сомнения, что край затоплен в не очень давнее время от засорения русла Дубны. Результат нивелировки показывает, что в одном месте вода, чтобы перелиться в Волгу, должна подняться вверх: она не может. Кроме того, текущие с гор в Дубну речки подпирают воду. И теперь, когда едешь по Дубне на лодке, представляется удивительная картина, кажется, что речки в нее не сливаются, а выливаются.

Надо забыть едущему паутинной сетью протоков и зарослей поймы об удобствах: мухи, слепни, комары, берега, невозможные для отдыха, в деревнях нет ничего, иные крестьяне даже хлеб себе покупают в городе, питаются в летнее время до нового урожая больше квасом да луком. Красота, однако, не считается с нашим человеческим идеалом счастья. Та часть Дубны, которая называется Грибановской, необычайно красива. Вода покрыта белыми лилиями и желтыми кувшинками. Тростинки от воды всегда шевелятся, как будто от рыбы. Множество цветов. Густая сильная зелень ольхи. Цапли, утки, кулики. И сколько тут в <*1 нрзб.*> недавнее время было лосей!

Мы проехали так десять верст на Грибановское озеро, и почти у каждого плеса секретарь ячейки говорил: «Какая красота!» И вдруг услыхали, где-то вблизи среди природы, дикой и девственной, звуки машин. Показалась стрела экскаватора. Старая Дубна со всем своим таинственным миром девственной природы, легенд, преданий, суеверий кончилась.

Новая Дубна

Друг мой, я не вздыхаю о русалках и цаплях Дубны, нет! Мне смешны эти вздохи, а иногда и досадны. Я слишком все это люблю, чтобы помириться и только вздыхать. Все живое должно умереть, но мы должны присутствовать при этой смерти, чтобы из всех этих материалов создать лучший мир. Все воскреснет потом, все!

В редакцию «Красной Газеты» ответ на вопрос: «Что нам нужно взять у Толстого?»

Толстовское творчество так близко к органическому целостному процессу творчества жизни, что его произведения кажутся нам почти как сама жизнь. В наше время господствует литература тенденциозная, только по теме близкая к жизни трудящегося человека, рабочего и крестьянина. Я бы желал, чтобы современная литература заимствовала у Толстого его близость к самой жизни и через это обрела бы естественную правдивость, подвижность, свободу.

18 Июля. Сергиев день (12-й урок).

В Переславище годовой праздник. Был Павел Кручихин. Продолжаются толки в чайной.

Только на полчаса вырвался с праздника с Нерлью. Сегодня она скоренько, не путаясь в следах, подвела к тетеревам и стала. Подводка была вполне совершенная, но когда порвались тетерева, она пробежала за ними десятка два шагов. Надо будет один раз ее хорошенько одернуть, чтобы осталось навсегда.

19 Июля. (13-й урок, но будем считать 14-й, причислив выход вечером 2-го Июля к уроку).

Ранним утром ясно, потом дождь на один час, и опять солнечно и не очень жарко, после обеда опять дождь.

Я прошел с Нерлью по Журавлихе на Захаров Остров, потом краем Полубарского до Трестницы и можжевельниками вернулся домой. Что-то сталось с бекасами, на всех моих местах их было гораздо меньше, чем в прошлый раз.

<*На полях*> Свобода и ветер.

Нерль один раз, схватив ветер, провела около ста шагов, после чего вылетел бекас, вела она точно так же, как Кента, т. е. была первая стойка с подогнутой ногой, потом подводка тихая на коротких ногах с коротенькими остановками. Я, однако, не поверил подводке по такой маленькой птице и решил, что вела она по кроншнепу, а на пути подвернулся бекас. Но через некоторое время она проделала то же самое на 50 шагов и подвела к самому бекасу. Тогда я уверился. Еще было раз, переместился бекас. Она его не видела. Я пустил ее на то место карьером. Она остановилась на всем ходу. А еще раз она, удалившись от меня, не хотела вернуться и на свисток мой только голову повернула в мою сторону и села. С трудом я долез до нее по глубокому болоту. Она сидела возле молодого большого серого кроншнепа. Не тронула! Но самое главное, конечно, это полная картина потяжки, стойки и подводки по бекасу. Правда, было довольно бекасов, которых она спихнула, но это исключительно по причине моей практики.

Сегодняшний день я считаю концом школы второй ступени. Теперь Нерль поступает в Вуз, т. е. я начну с ней охоту не для себя, а для нее. Ученье в Вузе будет продолжаться до полной уверенности в собаке, когда я буду думать об охоте для себя.

Итак, Нерль прошла школу 1-й и 2-й ступени со 2 по 18 июля в 14 уроков. За это время я два раза был в Заказнике, совершил путешествие на экскаватор, два раза был в Торгошине, в Заболотье. До начала охоты остается 13 дней. За это время я проверю тетеревей возле Петрушина и Селкова... (Серково).

Продолжение описания Новой и Старой Дубны

Новая Дубна не река, а канал, иногда прямой как стрела в три версты длиной. Созданы новые берега, вначале эти берега черные, потом начинается травка, а прошлогодняя работа – уже растут тростники. Этот канал, рассекающий дикую природу, имеет свою особенную красоту. Канал иногда пересекает русло Старой Дубны, видишь осохшие плесы, на них, свер-

нувшись кишкой, лежат «батышки» – толстые стебли подводных растений, на которых держались когда-то лилии. Видишь обнаженные корни береговой ольхи. В Окаемове луг значительно осох. Стоят копны сена. Секретарь ячейки в восторге воскликнул: «Скажите спасибо советской власти!»

Вода из болот течет в озеро, это мертвая вода, в дождливое время (когда ее много) отравляющая рыбу.

Магистраль – дело государства, осушительные канавы – дело населения. Экскаватор отлично агитирует, и можно надеяться, что расшевелит население. Опасность представляет при нынешнем подъеме какая-нибудь случайность (поломка машины, затопление). В настоящее время на низах вода подтопила осушенные места.

Но, во всяком случае, я первый раз в жизни видел доверие населения, мужики чуть не кричат «осанна!» правительству. На экскаваторе рабочий (смазчик) из латышей издевался над моими «шарами». Я ему сказал о науке: «Для науки нужно». – «А на что такая наука, какая от нее польза?» Я ему сказал, что без науки математики нельзя было бы сделать экскаватора. На это он ответил мне нагло, чтобы я не беспокоился о шарах, охота на уток останется. Утки не боятся экскаватора. Самоуверенный идиот.

Возможно, на этом материале построить новое звено «Кащеевой цепи», которое будет звеном подлежащего изображению процесса творчества, т. е. изображение души художника во время начала революции, как это и было. Сюжет остается прежним (Золотая Луговина, Алпатов открывает проток). Алпатов ставит на понтон железнодор. сухоп. экскаватор, завоевывает симпатии населения. Сам верит в то, что старое должно <быть> разрушено: а он свидетель и восприемник нового, он создает новую природу. Но встречается водоросль, или что-то вроде этого. Он отступает от плана. Топит машину, уходит. Население уход его приписывает соглашению его с Артамоновым и Андиным из-за сохранения им охоты.

<*На полях*> Калабурдино болото на Грибановской Дубне. Ярня – речка от Полубарского до Шепелева (бекасы). Около Макарова к Веригину дупеля. Староечье.

Щука прыгнула в лодку. Выехали в озеро и полетели, как оглашенные.

Экскаватор – это железная рука с ковшом в сто пудов веса. Рука опускается в воду, поднимает со дна торф и выбрасывает медленно, спокойно повертываясь на берег, торф еще раз, еще и еще в то же самое место, к этому холму присоединяет дру-

гой, третий и так создает направо и налево новые берега. Пройдя значительный путь, он возвращается, прочищает, ровняет и оставляет за собой новую реку-канал, прямую как стрела, с новыми берегами. Железная рука работает 24 часа в три смены, ночью при электричестве. Рукой управляют всего 4 человека (можно бы и три): механик у рычагов, его помощник на движущемся кругу, кочегар и смазчик. Эти 12 человек заменяют работу 100 теоретических землекопов. На практике землекопу здесь невозможно работать.

Жизнь этой машины тесно связана с жизнью механика Михаила Парфеныча Пафнутьева, ученика школы Балтийского флота. Судьба занесла его в Ульминский район в Уссурийском краю. Там во времена Керенского он был трактористом. При последующей японской интервенции жизнь стала очень тяжелая. Он стал думать о возвращении в Россию. Приехал инженер Стокле <?> с приказом Ленина. Пафнутьев взялся доставить машину и еще другие. И довез. Теперь машина уже амортизована, и почти все ее части теперь уже заменены новыми частями. Плав. экскаватор раньше стоил 18 тыс., теперь 50 – 70 тыс. Это 1-й плав. экскаватор. Раньше их не было, вероятно, потому, что земли много, введение болотных земель при наличии сухой, но заброшенной, невыгодно. Болота оставались нетронутыми даже под Москвой. Теперь начинается движение в пользу осушения. Москва для р. <*1 нрзб.*> выписала 1 экскав., Псковская губ. – 1, Белорусския – 2, Дальний Восток – 2.

Опасность пересушения. Идеал в Америке: осушение с орошением.

Работа в сутки 100 кубов = 100 землекопов.

Водное зеркало Заболотья 1000 гектаров и 100 гектаров подпертых (болот вокруг озера).

Ник. Вас. Сафонов в 18 – 19 гг. был председателем Вика, хотя меньшевик. Он заслужил уважение всей волости, каждый встречный называет его первым человеком. Я спросил его, как заслужил себе такое уважение.

– Я заслужил его тем, – ответил Н. В., – что интересы общества всегда ставил выше личных интересов. И притом я брал всегда простотой.

– В чем простота?

– В том, что если вы – мой друг и сделали нехорошо, то я говорил прямо и просто на собрании: друг мой, Михаил Михайлович, вы поступили нехорошо. А другие так не смеют и таят. Кроме того, нужно было иметь в себе и способность к лукавству.

– Вы сказали о простоте, а теперь о лукавстве.

– Вперед простота, а потом лукавство. Так раз была бумага взять все сады на учет и огороды. Я не дал хода бумаге, а

осенью написал: яблоки все отрясло бурей. Справились, каждый хозяин сада подтвердил: сады отрясло бурей.

Павел Кручихин, защищая меня в чайной перед народом, сказал: «Мих. Мих. писатель, известный по всей Московской губернии».

Темная комната

Не случайно вышло так, что самое страшное в моей жизни была темная комната, в которую, играя, меня втолкнули старшие братья, когда я был еще почти ребенком. Всю жизнь потом является мне темная комната в том или другом виде, и вся жизнь моя, как единый порыв к свободе, верней всего происходит от ужаса остаться в темноте. Сейчас мне рассказали о мужике, который учил своего пятилетнего сына ругнуться поматерному и, когда он ругался, налил ему полчашки самогона и заставил выпить эту награду. При этом рассказе мне опять вспомнилась страшная темная комната. Потом воплощением темной комнаты показалась тюрьма, обязательная для всякого интеллигента.

20 Июля. Более жарко, чем раньше, но без грома не обошлось. Покосы в полном разгаре. Полное созревание черники и земляники. Ходил с Кентой по левой стороне дороги в направлении к Петрушину и возле мостика с телеграфным столбом, возле него, перешел на другую сторону и вернулся «палью». Везде по мелочам ходит скот, но пространства все- таки настолько огромны, что много мест почти не помятых. На левой руке вырубка веселей, больше с березовым возобновлением, направо «паль», угрюмое замшелое пространство с редкими островками растительности. С 5 до 10 утра я нашел только одного черныша, одну холостую тетерку и два выводка, в одном три тетеревенка в голубя, в другом один.

Футбол – и учредилка

Играли в футбол. Участвовали и совсем маленькие дети, которые без перерыву ругались матерными словами. Мне вспомнилось наше время, когда ругались взрослые только и то не без причины. Очевидно, разложение деревни усиливается. Ник. Вас., рабочий, старый плехановец, не раз сидевший в тюрьме, удостоверил меня в гораздо сильнейшем разложении на фабрике. «А помните, – сказал я, – в наше время социализм сопровождался особыми строгими правилами». – «Эти нравы, – ответил Ник. Вас., – у нас были от прошлого,

наш прежний церковный быт передал нам эти нравы...» – «Чем же все это кончится? – спросил я, – если война, то Россия станет колонией Европы, если свергнут правительство, то всеобщая резня и в конце опять колония»... Ник. Вас. ответил: «Нужно, чтобы поправели товарищи, нужно Учредительное собрание...»

21 Июля. Казанская. Буреет рожь. Зацветает лен. Сегодня пойду в Серково и сделаю описание Пали. Скот. Пустыня и телушка бежит за ногой. Жалейка делается из волчьего дерева и тростника, а бирюльки из журавлиной ноги.

Прислали записку о журнале «Наши достижения», просят ответа.

<Далее зачеркнуто>: (Я вполне разделяю идею Алекс. Максим. установить в С. С. Р. широту и долготу «достижений». Разделяя идею Алекс. Макс. критиковать действительность – имея отправной точкой «достижения», я думаю, однако, что такая расположенность ума и совести должна быть молчаливым внутренним состоянием сотрудников, но не вывертываться наружу в заглавии журнала «Наши достижения». Нас всех замучило радио ежедневным выкрикиваньем «наш рост!», к этому присоединяются теперь: «наши достижения». Кто поручится, что журнал не будет лучше радио – органом казенного оптимизма?

У нас, всех работников промышленности и культуры, в Сов. России слишком много безоглядного труда.

Не говорите, что заглавие журнала малое дело. Оно должно выражать все сказанное в «Записке». Вот сейчас у меня перед глазами достижение в деревне: игра в футбол. Можно бы это отметить как достижение в области быта. Но игра в футбол сопровождается у детей матерным словом, получившим за годы «свобод» необычайное распространение в сторону младших поколений.

По правде говоря, видимых достижений (не говорю о «видимости») у нас никаких нет (едва ли много, чтобы о них писать шесть раз в год). Массам надо показать маловидимый ими творческий путь жизни, на котором барды не считаются со своими личными лишениями. Массы надо питать не «достижениями», а счастьем, которым сопровождается всякий творческий труд.

Я считаю название журнала неудачным. Предлагаю выбрать имя, означающее тот момент творческого труда, когда личность забывает свои лишения в радости общего дела).

Я ничего не имею прибавить со своей стороны существенного к «записке», кроме названия, которое у массового читателя вызывает представление «казенного оптимизма». Разделяя идею А. М. критиковать действительность, имея отправную

точку «достижений», я бы предложил дать журналу имя, означающее процесс коллективного творческого труда, как, например, у Федорова есть «Общее дело».

Наши возможные достижения могут быть учтены только в перспективе общего дела. Я бы дал название журналу «Новое дело».

Паль

Сегодня с Кентой обошел всю «Паль» до Петрушина. Тетерева молоды. Начало охоты через неделю во вторник: 31-го июля с Ефрос. Павл. на лодке на уток. Потом обстрел Нерли на бекасах.

«Палью» называется земля, которая когда-то обрабатывалась после сожжения леса, потом она была брошена. Выпахивают слой земли, покрытый вереском и редко стоящими друг от друга соснами. По ручьям, огибающим такие холмы, скислись болотца, на которых засел многолетний низкорослый ольшаник и березняк. Переходишь ручьи и холмы с поля на поле час, другой, третий, я пять часов шел – ни одной деревушки, ни одного человека! И вдруг собака дрогнула, обернулась, я обернулся вслед за ней и тоже слегка вздрогнул: за нами бежала телушка. Я вздрогнул и просто потому, что это было неожиданно, и потому, что в безлюдье на вереске телушка представилась не просто коровой, а как бы оборотнем, да притом у нее была небольшая бородка.

– Чего тебе надо? – спросил я. Она остановилась и молча смотрела на меня.

Я пошел дальше, и телушка пошла. Спускаясь к заболоченному ручью на сыром склоне, увидел я березку с высокой ярко блестящей травою брусничника. Хорошо было отдохнуть на этой подушке. Я сел на подушку и спустил ноги в прохладную, кем-то вырытую яму. Потом я увидел, что края этой ямы были покрыты спелой крупной земляникой. Это было понятно, яма играла роль осушительной канавы, по бровкам выросла земляника, а пониже, где посырей, была клюква. Я стал пастись по землянике, телушка спустилась к ручью и там, помахивая хвостом от слепней, забралась в густой ольшаник и устроилась, как в стойле. Кента ездила по траве, протирая искусанный живот.

(Пастух. Полубутылка (после Казанской). Выпей! Приходи в гости уток ловить.) Бирюльки из журавлиной ноги и жалейка. Играй! а я иду. «Не видал ли телушку?» – эта… Кента ездила, протирая живот. Вдруг как из-под земли вырос небольшой человек, почти мальчик, весь как бы золотой с лица: волосы ярко-рыжие, веснушки величиной в брусничную яго-

ду, ноги босые, в руке веревка. Он спросил меня, не попадалась ли мне где-нибудь телушка.

– Ходит за мной, – сказал я.

И показал вниз.

Подпасок.

Так мы познакомились. Он вынул жалейку и сыграл мне мелодию. Очень понравилось. Я попросил его сделать мне такую же из волчьего дерева, свисток из тростника, <*1 нрзб.*>, из коровьего рога.

<*На полях*> Проверяю выводки. – «Собака по зайцам?» – «По дичи». – «Что же ты без ружья?» – «Зачем мне ружье? Я проверяю выводки для барина». – «А где барин?» – «В Москве».

Мой рассказ: читал 15 минут (папироса) – две строчки.

Спросил: «Выдумал? Если бы я, я бы все по правде писал». – «Ну что же?» – «А вот я бы написал: я у озера сижу. Куст большой, большой, зеленый-зеленый». – «Ну?» – «И утята вокруг меня всю ночь: свись, свись. А куст большой-большой, зеленый-зеленый».

22 Июля. Нерль готовится в Вуз, и собственно натаска происходит теперь: натаска как усвоение пройденного в такой степени, чтобы не причуивание дичи было случайностью, а, наоборот, случайностью был бы пройденный бекас.

Нерль теперь плохо ест, сильно худеет, в поле от сильной работы, дома в тоске по работе.

У нее появился безумной резвости поиск, такой, что страшно смотреть: это ненормально. Я сегодня начал сдерживать резвость и потому, что заметил пропуски, и потому, что потерял свисток. Как всегда, сдерживание поиска недешево стоит себе, особенно без свистка при сильном ветре. Два раза на ветер я не мог докричаться до нее, и она, подняв бекаса, пускалась к точке его перемещения и сшибала его ходом – самая скверная манера, убийственная при охоте на дупелей. Еще раз было, она нашла только что вышедшего из яйца бекасенка и взяла его в рот. Славные у него были глазки, когда я его освободил из пасти и посадил на кочку, как будто улыбался глазками и говорил: «ничего, ничего, я как-нибудь справлюсь». Во всех случаях промашки хорошо наказал Нерль, это пойдет ей на пользу. В конце урока я приладился управлять без свистка, выкрикивая, при желании повернуть собаку: «ать!». Несколько раз она превосходно подвела к бекасам, хотя, конечно, на каждый такой раз приходилось раз пять спихнутых.

Вот тоже это пробуждение азарта вредно отразилось на поиске черныша в кустах, на тетеревином следу она бросилась с таким волнением, что довериться ей было невозможно. После придется надеть чок-корду и заставить походить медленно.

23 Июля. Продолжаются прохладные и сильно ветреные дни. Лен цветет. Покос задавил народ, а в праздник бабы целыми деревнями по ягоду. Павловна варит землянику, варит и варит.

Сегодня все утро провел на Журавлихе, пускал попеременно Кенту и Нерль. Пробовал и вместе пускать, но вместе невозможно: Нерль, завидев Кенту на стойке, бросается к ней, перехватывает запах перед носом, делает картинную перебежку, и бекас вылетает. А то бывает, Кента только начнет свои стратегические эволюции с проверкой следов, Нерль схватит по воздуху, сделает одну перебежку, приостановится, другую – приостановится, третью, четвертую, не успевая подойти, бекас улетает. Случилось, Нерль повела по струе далеко, тише, тише и стала. Я оглянулся и вот вижу, далеко назади Кента тоже стала по доверию к дочери. Я очень обрадовался и еще бы: сама Кента поверила! Нерль все стояла на границе болота и суходола. Сколько же так будет продолжаться? Оглядываюсь в болото: Кента все стоит и стоит. Тихонечко сказал я: «Нерль!» Она осторожно повернула ко мне голову и увидела Кенту. И как увидела ее на стойке, – раз! во весь карьер к ней в болото и закопалась в траве у нее под ногами. Кента, однако, и внимания не обратила на глупости Нерли, и по всем правилам подводки пошла медленно проверить место, где Нерль перед этим стояла. Поднялась утка и неподалеку села. А Нерль зашилась в траве. Я понял, что по утятам, и поскорее вызвал обеих собак на суходол.

Работа по гаршнепу. Замечательно вышло, что при большом количестве бекасов в Александровке и здесь тоже, в конце концов, и Ромка и Нерль были поставлены по гаршнепу, хотя и там и здесь во время месяца натаски их нашлось только по одному. Это объясняется, прежде всего, конечно, тем, что гаршнеп выдерживает стойку собаки и перемещается на короткое расстояние, так что если нашел одного гаршнепа, то все равно, что двадцать хороших бекасов нашел. Но я думаю, кроме того, что эти маленькие птички и душистей бекаса. Нужно было видеть, какие штуки разделывала Кента перед тем, как найти ей гаршнепа, казалось, она вела по глухарю. Он переместился в болото с высокой травой. Нерль его вначале найти не могла. Пустил Кенту. И вот неожиданно оказалось, что гаршнеп в осоке здорово бегает. По прежним наблюдениям, однако, он всегда залегал. Но вспоминаю, залегания его бывали на местах более или менее открытых, далеко заметишь – лежит! А в траве мы нашли его далеко от того места, где опустился. Раз пять или больше после напрасных поисков с храпением и фырканьем Нерли я обращался к помощи Кенты. Наконец, Нерль что- то поняла, схватила запах над травой, опустила голову в *<1 нрзб.>*,

протащилась в траве и стала намертво. После того каждый раз Нерль находила перемещенного гаршнепа.

По чернышам. У Кенты замечательно разработано преследование бегущей дичи, это у нее выходит захватывающе красиво и, главное, у нее это преследование тоже как бы стойка. Никогда ее не потеряешь в кустах по тетеревам, потому что она проходит ровно столько, сколько проходит птица. И, конечно, та бежит только урывками, например, через поляну между кочками до куста, а в кустах поджидает, прислушивается. В это время Кента стоит намертво. Возможно, что куст вышел неудобный, за ним, например, открывается довольно большая чистая елань. Черныш, обдумав положение, движется налево по можжевельникам. Тогда Кента медленно, не трогаясь с места, переводит нос налево, снижается до последней возможности и переползает к можжевельникам, обрезая вершину треугольника. Она не торопится, потому что ей нужно загнать черныша в такой куст, откуда ему можно только лететь. Вот тут она его настигает и подходит вплотную. Кончик носа ее бывает наведен прямо на кочку, в которой залег петух, а линия зрения глаза в это время бывает точно такая, как у охотника, когда он прицепливается: мушкой ей служит кончик собственного носа. В это время невозможно бывает ошибиться в том, что эта стойка последняя. Тогда я тихо отступаю, иногда делаю значительный обход в поиске такого места, откуда птица при взлете непременно будет заметна.

Я думаю, что у Кенты ее гениальная подводка к тетеревам в лесу пришла не от бекасов, а от серых куропаток, по которым она была поставлена. Только после куропаток она пошла по бекасам, и когда потом в том же поле она случайно встретилась в лесу с тетеревами, то сразу повела по ним, как старая опытная собака. Да, это вопрос, лучшая ли дичь бекас для первой натаски и правда ли говорят, что та собака, которая умеет подвести к бекасу, подводит и к тетереву. Вот Ромка, с которым было убито несколько сот бекасов и полсотни дупелей, как только, бывало, попадет в лесу на следы тетеревей, начинает по ним носиться, добивается прямого запаха от птицы, как от бекаса. Может быть, он скорей достигает цели, наверно скорей, учует и станет вплотную, пришьет. Но охотник за это время собаку потерял, мечется в поиске ее, с ужасом думая, что собака без его руководства при взлете помчится за птенцом.

Нерль поставлена по бекасу, притом по строгому, и не по следам бекасиным, а по ветру. Правда, она вначале до бекасов узнала тетеревей в болоте, но тогда она все делала как бы в полусне, тогда у нее еще не пробуждалась страсть, это пробуждение собаки произошло на бекасах, точно так же как Кента очнулась охотничьей собакой на куропатках. Да, вот это именно: собака вдруг как бы очнется после сна...

Вот я и боюсь и не знаю, как теперь мне сделать, чтобы сообщить ей особую лесную вежливость при подводке к тетеревам. Пока что буду морить ее на поводке за Кентой с одергиванием, с подхлестыванием, когда будет сильно натягивать. Сегодня я делаю этот опыт в Федорцовских кустах. На опушке Кента начинает работать по чернышу. Пока я привязываю Нерль и подхожу, она проползает через куст, мы за ней, ее там нет. Нерль тащит по следу. Я за ней. Кенты там нет, а Нерль все тащит. Вдруг бросает след и на другой, а там дальше беспорядочно сует нос туда и сюда. Так мы потеряли Кенту. Я делаю с Нерлью круг, чтобы натолкнуться на свежий след. Но следов, по-видимому, очень много, Нерль бесится, я ее осаживаю. А если пустить, она будет носиться козой в поиске ветра, как по бекасу. Вдруг с опушки срывается черныш линялый, без хвоста, какой-то голодранец и улетает через поле в болотный лес. Через некоторое время в кустах показывается березовая рубашка Кенты, медленно перепадающей с лапки на лапку. Она повернула сюда, к месту взлетевшего черныша нос и смутилась, повернула в ту сторону, куда шла, подумала, и еще раз сюда. Она решила: «Очень возможно, что и тут черныш, но он другой, а тот настоящий». И повела по своему. Я направил вслед ее Нерль на поводке. Мы все трое ползем. Кента делает недоуменную стойку. Вылетает старый бекас из-под носа. Она посмотрела на него, подумала: «Нет, не то!» и повела дальше и в крайних кустах пришила своего черныша. Бог знает что, он шел по воде! На этом маленьком болотце мы нашли еще и третьего черныша. Для Нерли был блестящий урок, но я не очень верю в большую пользу урока на поводке. Конечно, это залегает в собаку основным капиталом, но только при полной свободе в рискованный миг появляется необходимое самоопределение. Я это проделаю так еще раз десять и в одиннадцатый привяжу Кенту и пущу Нерль. Меня только смущает обычное правило натаскивать собаку сначала в болоте, – не погублю ли я ее роскошный, свободный поиск по ветру в болоте, а с другой стороны, развивая этот поиск, не закрою ли для собаки возможность следующего осторожного поиска в лесу?

Что бы там ни было в будущем, но сегодняшний урок был блестящим. С пригорка долго за нами следило скученное стадо коров и лошадей. Мало-помалу они нас забыли, но только одна рыжая лошадь, пока не ушли, вытянув шею, повертывалась к нам, ее тонкая шея, вытянутая над стадом, была похожа на высокую мушку винтовки при очень далеком прицеле.

<*На полях*> Изречение Николая Вас.: «По-моему, существует не два класса людей, буржуазия и пролетариат, а три: буржуазия, пролетариат и дураки. Мы знаем, как нужно делать, чтобы буржуазия погибла и воскрес пролетариат. Но что делать с дураками, это вопрос, да, это вопрос неразрешимый».

24 Июля. Кошмарный сон. С тетеревиного тока, в грязи, в одних подштанниках (почему-то), с новой жилеткой в руке, о которой забыл и ношу под мышкой, являюсь я непонятным образом ночью в дом моей невесты и там сижу один на диване. Вдруг слышу, в коридоре чьи-то шаги, смотрю через стеклянную дверь, идет женщина вроде не очень старой приживалки. Ее путь в гостиную, неминуемо она меня откроет, и начнется переполох. Тогда, решив в свою очередь так напугать приживалку, чтобы она молча свалилась, я приоткрыл стеклянную дверь и навстречу приживалке фыркнул по-барсучьему. А она и глазом не моргнула. Потом собрались сестры моей невесты, старые девы, и мы с ними трогательно разговаривали, я рассказывал о токах и т. п. Но ее, невесты, не было. Она и была в этом и не была. Я не имел сил спросить о ней.

В полусне я потом думал об этой невесте как о математической отрицательной величине, от помножения которой на мою величину получается жизненная положительная величина. Вспоминая математику, я представил себя самого плюсом, а ее минусом, потом себя минусом, ее плюсом, но плюс на минус и минус на плюс давал минус. Откуда же бралась величина положительная, напр., мои детские рассказы, наконец, мои дети, такие хорошие. Вот как забыл я математику, что только совершенно проснувшись, вспомнил, – минус на минус дает плюс, значит, и она минус, и я минус, мы отрицаем друг друга и даем плюс.

(Помимо значения «невесты» в творческом процессе надо обратить внимание на то, что она всегда в «хорошем обществе», которое и ненавистно мне и тянет к себе. Припомнить Пушкина и особенно Лермонтова, которые тоже ненавидели «хорошее общество» и роковым образом к нему тяготели.)

<*На полях*> Рассказ о змее. Миром пройдут, потом на санях за сеном в болота.

Лукино болото. По дороге от Скорынина к Болеботину (две версты) виден холм с соснами – это и есть Лукинское болото, где много тетеревей.

Через Скорынино в Серково. Вдоль канавы до встречи с первой поперечной канавой (есть и вторая). По этой канаве пройти с версту, налево будет тропа, заметны следы зимняка (по обдерганным санями березкам). Этой тропой до березовой вырубки, а за вырубкой будет Серково. Если же с канавы не сворачивать влево, а пройти шагов сто, направо будет Бабушкина тропа, которая приведет к Смолинской (?) бели.

Бекасы. Прохладно, как в хороший день в конце Сентября. Солнце закрыто. Тихо. На Пойме (Скорын. трестница) начинают вырастать стога, мирской город. Одна полоска скоше-

на, рядом трава, потом опять скошено. Так все подготовляется к празднику бекасов. Будет день, когда на скошенной пойме рассыпятся бекасы. Это бывает сразу, как-то в один раз. Вчера был – ничего. Наутро поднимаются десятками. Несколько дней побудут и разлетятся в какие-то иные места. Прошлый год праздник бекасов был 1-го Августа.

Сегодня на одной скошенной полосе я застал полный выводок бекасов, которые разлетелись и уселись в высокой траве. Нерль потягивала к ним, но даже молодые бекасы пугались шума травы и храпа в ней Нерли. Наконец один бекасенок, переместившись в густую траву, неудачно сел, как-то запутался своими нежными крыльями и повис. Нерль его причуяла и стала. Долго я ее держал на стойке, подвел с другой стороны, опять она стояла, и с третьей. Наконец, я взял его в руку и отпустил. Потом я дал Нерли полную свободу. Но в траве она нарвалась на него и, подозрив, сунула в него носом так, что вдавила его в грязь. Тут-то вот я и наказывал ее с удовольствием, потому что она хорошо понимала, за что, да, понимала, за что любят, за то и бьют. Я обласкал бекасенка и снова пустил. При взлете Нерль дрогнула, я и за дрожь наказал.

После того я нашел старую остожину, вокруг по бровке всей поросшей сладкими злаками с высокими белыми султанами душистой спиреи, вениками конского щавеля, раковых шеек, – маленький культурный островок среди моря осок и тростника. Деды и прадеды и, вероятно, много дальше, столетиями вывозили крестьяне зимой для этой остожины зимой прутья и складывали точно на то же самое место, как и в прошлом году. Потом из прутьев делали одонье и летом городили стог. Тяжесть сена выгоняла воду из этого кружка на закрайки каждый год. И вот случилась оплошность – крестьянин этой зимой позабыл это *<1 нрзб.>* и прутьев не вывез, или беда: умер, и некому было подумать. Вот почему после столетий нажима стога на болото осушенные края остожины покрылись цветами спиреи и сладкими злаками.

Мы устроились с Нерлью отдыхать на этой остожине. Я раздумывал: ум культурной собаки весь в прошлом, над ней работали многие поколения охотников, как все равно поколения крестьян складывали ежегодно сено на одну точку болота, пока не выдавили мертвую воду. В этих растущих среди болота цветах может ли какому-нибудь отдельному человеку прийти в голову узнать свой труд: тут все в прошлом. Так и ум собаки весь в прошлом, мне только кажется, будто это я учу ее и передаю ей часть своего ума, – нет! От моего ученья она только вспоминает, чему ее учили другие: я в этом деле ничтожная величина, я сделал для нее не больше того, что сделал для этих цветов за год последний крестьянин. Вот мать Нерли в природе своей не имеет никаких остатков из врожденной способности собак ловить дичь. И она, и сын ее Ромка при

обучении без всяких с моей стороны приказаний не трогались с места, подозрив дичь или когда она поднимается. Но у Нерли это дикое свойство немножечко есть. Я подавлю его, мой стог нажмет, но это не значит, что вода <не> просочится с какой-нибудь другой стороны и что внучка совершенно культурной Кенты не будет с лаем носиться за птицами.

Тетерева. Сегодня я наслаждался поиском Нерли, приутомленная ежедневной работой, она умерила свой бешеный скок и ходила разумно, как мать. Не вся еще пойма скошена, не все тетерева убрались в лес. На одной полосе Нерль их причуяла, но, не имея опыта, не стала, тихонечко разбираясь, делая осторожные кружки, нащупывать магистраль движения выводка и скрадывать их по мере усиления запаха. Она бестолково искала, то зашиваясь в траве до храпа, то делая легкие перебежки на счастье. И вдруг нарвалась: они были за кустом. Она остановилась в полном недоумении, зад с вытянутыми задними лапами опущен, перед высоко поднят, голова торчит, как коза на горе.

Это был смешанный выводок с одной маткой и мелкие в голубя цыплята, и большие два, один уже с черными перьями на шее. Тетерева расселись в болотном лесу с кочками и высокой травой. Мы нашли четырех, Нерль подводила к ним так же неумело, как к выводку. Было так очевидно, насколько сложней натаска в лесу и как это забывают все, кто пишет о натаске собак.

Книга свободы. Всякий малейший рост сознания собаки является нам в тот момент, когда мы ей <готовы> предоставить полную свободу. Это не значит, что надо предоставлять свободу и собака будет сама учиться. Нет, эта свобода, как река, бежит в берегах, охотник, думай постоянно о возможности дать собаке свободу, но держи свисток на губе и всегда помни – на правом или на левом боку висит твоя плеть. Вот пример: ведь вчера же я добился на подводке у Нерли полной копировки подхода ее матери по тетеревам. Можно бы думать, что она одна сегодня это повторит. Но оказалось, что при самостоятельной работе вчерашний день ей не сказал ничего. И хоть тысячу раз повторяй принудительную подводку, это принуждение не войдет в пример для собственного розыска. Есть, однако, момент внезапного озарения и он, как я заметил, всегда является, когда рискнул предоставить собаке свободу. Вот искусному дрессировщику и надо угадать это творческое мгновение и предоставить собаке все возможное для его осуществления.

Итак, если мне захочется написать книгу о натаске собаки, то она должна раскрыть процесс творчества как процесс оформления личности.

В болоте возле Скорынина много змей, а люди работают босые. Когда змея укусит, идут к бабушке. Она маслом помажет. Затеплит лампадку. Прочтет «Живые Помощи», и боль постепенно проходит. В силу заговора верит и плехановец Ник. Вас. Он же, большой политик, объяснил вчера свою боль действием глаза одной бабенки (в деревне всегда есть такая бабенка). Борьба с «суеверием» (первобытной верой) возможна только путем замены одной веры другой, более ясной.

Могила змеи. Мы разговорились с косцом. В это время его жена сказала: «Я вижу три змеи». Мужик не спеша взял кол. «Поползли!» – крикнула женщина. Мужик подбежал к кусту, повозился там и потом сказал: «Одну прижал, большую». Помолотил колом. Потом, как будто делал это сто раз, взял топор, вырубил в болоте кочку, в яму побросал обрывки змеи и кочкой прикрыл. После того он сказал: «Первый раз в жизни убил змею». Я очень удивился, но понял, что он автоматически действовал, как предки его, как собака делает стойку по птице.

Умная змея (рассказ председателя ВИКа).

Хозяин мой, плехановец, и от земли почти оторвался, он начинает жить по своему разуму. Услыхав мой рассказ о змее, с какой холодной рассчитанной злобой убивал ее мужик, сказал:

– Напрасно они убивают, змея не хочет жалить, она от человека и от скотины бежит, она даже предупреждает шипением, но что же делать, если ей наступили на хвост? И она умная, какая она умная! Погодите, я расскажу вам, как это было со мной. Когда я был председателем ВИКа, мне приходилось каждый день по тропе ходить в волость. Раз я увидел, на кочке лежит змея, свернулась. Я подошел, она подняла голову, поглядела на меня. Конечно, я ее не тронул, зачем мне ее трогать?

– В чем же ум? – спросил я.

– Погодите, послушайте. Я на другой день прохожу в тот же час, поглядел: она на своем месте лежит. Опять подняла голову, и я отошел. Так целую неделю, как я подойду, так она голову поднимет.

Мне показалось, я догадался, к чему шел рассказ об уме змеи, и спросил:

– Так вы думаете, она стала вас признавать?

– Погодите, послушайте. Раз я иду из ВИКа с одним мужиком, он шел в лес корову искать. Проходим мимо куста. Мужик лезет прямо на кочку, босой. Я говорю ему: «Обойди, тут змея». – «Как ты можешь знать?» – «Погляди». Оказалось, змея. Он испугался меня: правда, как я мог знать? Я ему все рассказал, а он мне на это: «Чего же ты ее не убил?» Я ему

отвечаю: «Мне ее жалко, она меня вроде как бы признала». Мужик посмеялся. Ему некогда было возиться со змеей, и побежал корову искать. На другой день заглянул я: нет моей змеи!

Когда хозяин это сказал, в окно постучали и крикнули:

– Николай Васил<ьевич>, скорей иди, луг делить.

Он ушел. Я подумал все кончить об умной змее: за неделю она признала человека, который ее не трогал и подходил с добрыми чувствами, а когда явился другой, чужой и недобрый – ушла. Я подумал: это возможно.

Вечером за чаем я сказал Николаю Васильевичу:

– Ваш рассказ о змее мне понравился, я думаю, это возможно: она вас признала.

– Погодите, – ответил он, – этим не кончилось. Когда я увидел, что на месте нет змеи, я подумал, не может змея от своего места далеко уползти, где-нибудь она тут. Обошел куст, а она лежит на другой стороне. Подняла голову, узнала. В этот день шел я из ВИКа с народом. После дождя показались грибы, и один молодой парень заметил.

– Вон, – говорит, – красноголовик стоит, дай-ка я его <*1 нрзб.*>.

– Погоди, – говорю, – там змея лежит.

– Ты как знаешь?

И засмеялся. Я его за рукав:

– Погоди!

И показал. Тут весь народ мне подивился, но я все объяснил.

– Чего же ты ее не убил? – спрашивал меня старик строго.

Я ему ответил так и так: хожу, мол, каждый день, она голову поднимает, показал другому, перешла на другое место, признала меня.

Старик говорит строго:

– Змея скотину нам портит, а он балуется, а еще председатель ВИКа.

После того я не мог заступиться: убили. Что делать: правда, портит скотину, только ничем она не виновата, она шипит, а скотина не слышит. Что делать: надо убить, но потешаться над этим, как у нас постоянно делают, не надо: змея неповинна.

<*Приписка на полях*> Конец рассказа: Старик возмутился: из-за твоей потехи мы без скотины останемся, а еще председатель ВИКа! Умел жалеть, так убей же ее ты сам. И убил я змею. Что делать? Надо убить, но… издеваться… <*2 нрзб.*>.

Начало: Ник. Вас. о наших достижениях в новом деле.

25 Июля. Попов рог. Есть речки такие ничтожные, что местные люди, когда их спросишь о названии, как бы совестятся и обыкновенно вначале отвечают: «Название, какое там название! Просто речка и речка». И уж если сильно просить, начать доказывать, что всякое урочище, даже в куриный но-

сок, имеет свое название, значит, и речка их тоже достойна имени и непременно тоже как-нибудь называется, местный человек улыбнется и скажет: «Настоящего названия у нас этой речке все-таки нет, зовут некоторые, какое уже это название, и сказать-то не хочется... зовут у нас эту речку Кислица...»

Вот такая речушка вроде Кислицы больших у нас дел натворила, это она, очевидно, подпертая при своем впадении в озеро, закислила болотное пространство и создала всю Переславскую трестницу. Я до сих пор не могу разобраться в ее извилинах, поросших ольхой. Входишь в ольшаник, никакой речки нет, черная растоптанная коровами вязкая торфяная земля, сыро, грязно, неприютно, сорвался вальдшнеп (они любят такие места), полетел и запутался крыльями в густых ветках, насилу выбился. С той стороны приходил сюда, вероятно, напиться петух и застрял на опушке в прохладе. Кента по нем сделала стойку, я поспешил подвести к ней на сворке Нерль, но вдруг увидел под ногами речку в шаг шириной в черных без травинки берегах. Я лично бы мог ее перепрыгнуть, если бы хоть сколько-нибудь прочно мог поставить ногу: нога моя ушла по колено на этом берегу, а на том можно бы оказаться по шею в грязи. Черныш между тем добежал до крайнего куста, он там на том берегу, и полетел через болото в леса.

<*На полях*> Трудно понять, как загибается эта речка в кустах ольхи. Вернувшись, я спросил одного молодого парня, как называется речка. Долго он мялся, не соглашаясь объявить собственное имя такой дрянчушки, и когда, наконец, я пристал, он ответил:

– Какое там имя! Зовем Попов Рог.

Вчерашний выводок бекасов оказался точно на своем месте. Я нашел одного бекасенка и занялся им, добиваясь при каждой новой находке от Нерли более и более твердой стойки. Вот какой прием для удлинения стойки вышел у меня както сам собой, вероятно, благодаря пониманию характера своей собаки. Причуяв бекаса, Нерль сделала свою короткую стойку, потом перебежку на коротких ногах – бекас вылетел. В другой раз то же самое, и я закричал на нее. От страха она улеглась, а я поднял палец вверх и строго, громко наговорил ей скверных вещей. Потом я погладил ее и пустил искать перемещенного бекасенка в траве, погладил в том смысле: «Вперед будь умнее». Скоро она причуяла бекасенка, стала с тем, чтобы в следующий момент перебежать, но вероятно вспомнила мое внушение и глазом на меня покосилась, а я в этот момент поднял палец вверх. Она заметно поняла меня, перевела нос к бекасу и удержалась. Я стал медленно к ней подходить, она услыхала и опять покосилась, а я остановился и опять палец вверх. Она больше поняла и опять нос к бекасу.

И так с пальцем было у меня раз пять, пока я, наконец, не подобрался к ней и, огладив, не утвердил, наконец, до того, что ей прискучило стоять, и она даже села. Потом как я ни уговаривал ее, она не могла стронуться вперед. Пришлось напустить Кенту, и когда Кента пошла, Нерль хотела броситься. Я удержал ее. А бекасенок, между тем, удирая, добрался до скошенной поляны и там вылетел. Мне удалось и второй раз перевести Нерль при помощи пальца с подвижной стойки на мертвую.

В следующий раз надо как-нибудь добиться перехода от мертвой стойки к подводке, чтобы она после окончательной стойки делала не перебежку, а медленно переступала с лапки на лапку, как Кента. Удивительно это выходит у старухи, никогда я не говорю ей «вперед», она стоит, во-первых, до тех пор, пока я не подойду к ней, потом, во-вторых, стоит некоторое время, чтобы я отдохнул, успокоился, и потом начинает свои роковые шаги, будто считая перед выстрелом: раз, два, три… пли!

Новое дело.

По Н. В-чу я понял, что нет больших врагов у товарищей, как рабочие из меньшевиков, притом квалифицированные, связанные с деревней. Это и понятно, кому же не хотелось лучше жить от революции, как ни таким, напоенным соками земли людям. Сегодня я рассказал ему о новом журнале «Наши достижения» и о том, что сам предложил лучшее название «Новое дело». Он стал издеваться и над «Новым делом» и заявил, что все обман (напр., что «леса ваши», а в лесах нельзя ни рубить, ни скотину пасти; а на возражение, что леса государственные, значит, «ваши», разразился целой митинговой речью). После нашего спора он стал собирать всю семью, даже и бабушку, «на росу». Ефрос. Павл. заступилась за Нюшу: «Куда ей косить, ведь ей вот, вот…» На это хозяин ответил: «А у нас женщины постоянно детей с поля в подолах носят, тут нет никаких «достижений», никакого «нового дела». Но тут сама Нюша, чувствуя приближение родов, окрысилась и залегла в чулан.

В 2¼ после обеда меня разбудила Ефр. Павл. и спросила с особым таинственным лицом: «Где у тебя ножницы?» В дверях стояла незнакомая пожилая баба. Я догадался и потихоньку сказал Е. П-е: «Слушай, ведь я этими ножницами своим щенятам хвосты режу, и они сейчас в керосине, нет ли у тебя хотя бы карболки». Она осердилась: «Какая тут тебе карболка, тут сейчас хоть зубами рви».

Вскоре пуповина человеческая была перерезана собачьими ножницами.

Во время чая я услыхал крик, этот крик вначале не похож на детский, какой-то тупой, вроде крика весеннего зайца-сам-

ца. Обе мои собаки тихонечко подошли к двери и сделали стойки. У Громкоговорителя родилась девочка, а сам он, и бабушка, и все были на покосе. Принимала какая-то «соседка», которую позвала Ефр. Павл. Во время второго стакана Ефр. Павл. обратила мое внимание на проходящую мимо нашего дома куриную маленькую бабенку с каким-то землянистым лицом: «Вот, вот она, ты хотел ее видеть, смотри!» Я понял: это была та самая бабенка, глазу которой здесь все в деревне боятся. Она завернула к соседям, разговаривала с кем-то в окне и посмотрела на наш дом. Глаз ее, правда, был нехороший. Очень возможно, от выражения глаз и началась ее худая слава.

Как это ни странно, а я сам смотрел на худую бабенку через букет полевых цветов между колокольчиков, чтобы ее глаз не попал на меня…

У меня осталось такое же суеверное отношение к новорожденному месяцу, и как я себя ни уговариваю, а если увижу левым глазом, то несколько минут чувствую себя нехорошо, потом, если все благополучно пойдет, забуду, нет – вспомню. Впрочем, если бы уж очень постараться, то можно бы уничтожить в себе окончательно эти остатки древних верований, но я не стараюсь особенно, потому что знаю: не заменить никаким делом человеку интимной тревоги своего существования; пусть выброшу я из себя тревогу от встречи месяца с левого глаза, вместо этого из мира человеческого коснется моего слуха какая-нибудь сплетня о мне, которой в прежних условиях, отводя душу на месяц, я бы и не заметил.

<*На полях*> Вечером бабушка посадила молодую мать в печку отпаривать, а сама по сучку на стене водила мертвой косточкой.

Громкоговоритель, услыхав о рождении дочери, боялся войти к жене. Он так ловко устраивался, что долго не замечали этого. Наконец, пошел дождь, а он ходил по дождю, и Е. П-а догадалась. Она позвала его и спросила: «Вас. Ив., вы были у жены?» И потом велела ему прийти и впихнула в чулан. А в чулане уж все пошло хорошо, он долго оттуда не выходил и когда вышел, был очень весел: Е. П. сказала, что у дурачков всегда так, а настоящий мужчина спешит войти к жене, в первое время его даже удерживать приходится. Угли еще светились, а бабушка уже постелила в печке солому. Будут мыться там трое: мать, ребенок и бабушка.

Новый человек родился в 2 ч. 25 м. дня. А впрочем, по-крестьянски, какой же это человек, девочка – чужая доля.

Мужики. Их очень много. Русская интеллигенция в отношении их разделилась, одна заняла позицию любовного вме-

шательства (народники, эсеры). Другие, возмущенные, решив про себя, что у них «нет ничего», взялись все переделать (марксисты). В большевистской практике это марксистское отношение перешло почти в ненависть к деревне, в бюрократическое высокомерие (мне знакомо и то и другое). В последнее время коммунисты опять переходят к коллективизации крестьянского труда. И почему нет? Если только не провалимся на войне, то почему бы не представить себе производственную кооперацию, подобную нынешней, распределительной. Каждая деревня, как фабрика, всех <берет> на учет при помощи самого же крестьянства. Если бы удалось наладить промышленность, то крестьяне все бы повалили в коммуну: приедет трактор, пожалуйста, это в коммуну, вспашем, и т. п., – все завалят. Только едва ли все выйдет – при такой <*1 нрзб.*>, при невежестве, пьянстве раскрадут…

Экскаватор приближается. Мужик из Скорынина сказал, что экскаватор в воскресенье будет на болотном плесе. Я напомнил ему, что магистраль одна не осушит, непременно надо будет провести канавы самому населению.

– Как будут копать? – спросил я.

Мужик ответил уклончиво:

– Так осохнет. Вот у нас канавы прорыты: не узнать трестницу с прежними временами, сильно осохло, а когда озеро спустят, болото и вовсе осядет.

Я спросил, кто прорыл эти канавы. Он ответил:

– Помещик Андин.

Есть особенный смех бабушки с женщинами после того, как роды кончились благополучно. Этот смех и заячий крик…

В певучем утреннем разговоре кур есть мотив безумно страстных танцев в таверне оперы Кармен. Я не могу думать, чтобы куры заимствовали мотив из оперы, точно так же не думаю, чтобы Бизе прислушивался к курице, я хочу сказать, что гениальное творчество универсально, это луч, прорезывающий весь мир насквозь. Точно так же любители церковного пения и особенно возгласов священнослужителей во время весенних токов у птиц легко узнают родство этих возгласов с мотивами любовных звуков токующих птиц.

26 Июля. Холодный ветер, небо с угрожающими тучами, кажется, вот, вот пойдет снег.

Новое дело. Нюша сидит дома, и так будет дня три не потому, что не может работать, а народу стыдно: считается, что в первые дни на работе могут сглазить. Оно так и бывает, конечно, не от глазу, а от работы во время болезни. Бывает, все-таки необходимо работать, тогда молодая

мать идет жать потихоньку, закрываясь рожью от глазу, как прокаженная.

Громкоговоритель по всей вероятности доволен: все-таки и он мог. Вот дурачок мог, а умнейший зять его Ник. Вас. знает и об Англии и о Германии, речи говорит перед народом, а этого сделать не мог и остается бездетным. Правда, слушаешь Громкоговорителя через дверь и удивляешься: такой урод, такой дурень и мог быть причиной рождения на земле нового человека! Вспоминаешь это у себя как нечто самое трудное в жизни, самое сложное, мучительно противоречивое, и когда теперь видишь, – кто это может легко сделать, начинаешь понимать людей, пренебрегающих размножением, больше того – догадываешься о причинах возвышения городов... Вдумаешься, однако, легко ли действительно далось Г-ю, и приходишь к тому, что нелегко: женщина ведь может родить один раз в год, скорее даже в два года, мужчина в год оплодотворит сотни женщин: как же мало можно-то. Кроме того, он урод: какая сложная сеть благоприятных случаев была ему, чтобы он мог...

По пути на Журавлиху. Трудно представить себе встречного человека, который, завидев меня с двумя собаками в березовых рубашках, притом пятно в пятно, совершенно неразличимых при первом взгляде, не стал бы таращить глаза. Но сегодня мне встретился прохожий – пожилой человек с котомкой за спиной, не обративший на меня никакого внимания, не удостоивший даже косого взгляда. Лицо у него было меднокрасное от ветра и солнца, загар скрыл его внутренний мир, не давая никакой возможности догадаться по чертам лица о его происхождении. Возможно, это шел какой-нибудь раньше высокопоставленный человек, за годы революции потерявший свое положение и оставшийся на свободе с одной только мыслью о всем мире. Возможно, напротив, это какой-нибудь простолюдин в тягостные годы был озарен мыслью и теперь так дорожит возможностью широкого раздумия в пути, что не хочет тратить драгоценное внимание на случайность явления человека с двумя собаками в березовых рубашках.

Отдых на кочке во время натаски. Рыжая от болотной ржавчины, дрожащая от холодного ветра Нерль разодрала себе лапами кочку и свернулась в ней колечком, – кто научил ее этому? По ветру долетает далекий крик журавлей. Прохожий молчаливый человек не выходит у меня из головы, и от этой встречи завязывается какая-то мысль о людях, владеющих словом и молчаливых. Кто умеет хорошо и метко выражаться словами, для этого ему не нужно так много опыта в жизни: его дело в словах. Другие люди, много знающие, сосредоточенно правдивые, относятся к таким говорунам редко с зави-

стью, но всегда с презрением. В простом народе одаренный словесник считается пустым человеком.

Сегодня к поиску Нерли примазались черные вороны, и тут же носятся около нее тучи ласточек. Она не обращает на ненужных птиц никакого внимания. Нашелся молодой мелкий кроншнеп, который, перелетев двадцать шагов, садился на воду и удирал пешком. Я, поднимая вверх угрожающий палец, учил Нерль подходить тихим шагом по-зрячему. По бекасам она делала стойки, но не так меня интересовали мертвые стойки, как живые с интересными ужимками. Сжимаясь между кочками, извиваясь – она иногда напоминала мне ужа, плывущего по воде с поднятой головой.

Можно с легким сердцем закончить эту промежуточную натаску в Вуз и начать школу учения с охотой на бекасов, а когда встретятся тетерева, то и по ним. Сегодня она подкралась к одному бекасу так славно, что невольно я примерился к его полету и мысленно обрезал его выстрелом.

О бекасах. Вот как даже в такой богатой бекасами болотистой местности мало бывает их в июле для натаски. Четвертую неделю хожу в день по 5–6 часов и могу пересчитать все найденные выводки. 1) На Переславск. трестнице только что вышли из яиц, видел раз, после исчезли. 2) Выводок на Скорынинской трестнице, молодые, тихо летающие, встречал три раза, многому по ним научил. 3) Такой же выводок возле мохового болотца около Федорцова, встречал много раз, но учил по нем мало, молодые улетали в глухие кусты. 4) Выводок летающих около прудика на Рудачихе встречал несколько раз, когда Нерль еще ничего не понимала, потом исчез. 5) Подальше от прудика раз встретил совершенно крошечных, затем не нашел. 6) На Захаровом Острове. Решающую роль в натаске сыграл единственный гаршнеп, на котором учил дня два и один молодой (удобный) бекас на Скорын. трестнице.

Отмечаю крайнее непостоянство в это время старых бекасов, то встретишь их много, то придешь на то же место, и их нет.

27 Июля. С утра и до полдня день сиял. Ник. Вас. провел нас по своим грибным местам. Видели землю пахотную, но брошенную, потому что будто бы дорого огородить. Большой аппетит к хорошей жизни этого умного человека («В Москве у меня комната и кухня, в кухне гардероб, конечно, большой», «Жена сказала: «Так по своему уму в Москве можешь жить», я приехал в Москву, стал торговать и действительно через год подарил жене кулон золотой и браслет в 6 золотников»). Понятно, что энергичному человеку хочется поднять и своих односельчан, а потому во всех общ.

делах видна его рука, и он первый человек. Не привилась буржуазия в коммуне, эти люди за десять лет перестроили бы всю нашу Россию.

Мы прошли по Серкову, там в бору ко времени, когда показывается «слой» боровиков, дорожка бывает покрыта молодыми «коровками», как картошкой. Из Серкова перешли на «Беляву» и «Москву» за рыжиками, глянули на тетеревиное Яншино, около вырубки, ведущей в лесничество (гора Фролиха), поискали груздей, потом от Торгошинской дороги свернули к старой сторожке и по ней дошли до дороги на Везу и были на Сеславинской горе, где я заметил много следов курганов. На Сеславинской горе родятся боровики и грузди.

На Сеславинской горе из всех стройных сосен одна красная подпирает своей вершиной солнышко, и лучи его, рассеиваясь, падают на ровный моховой ковер желто-зеленого цвета. На этом ковре далеко видно, как бы в лунном свете стоит боровик, у него шляпка в чайное блюдечко и ножка только немного потоньше. Опытный грибник подойдет к нему, срежет и покопает вокруг по мху ладонью, чтобы пощупать, нет ли тут молодых. А если увидишь, что мох разодран там и тут, это значит, мальчишки были. А бывает, лисица, мышкуя, тоже мох поднимает.

«Молодой груздь очень тайный гриб, вот какой тайный, на коленках сидишь и рукой вокруг лапаешь».

Глухая сыроежка, глухой рыжик – это значит грибные уроды.

Гладены (поддубены).

Красики – подосиновики.

Серяки – подберезники.

Чернухи и желтухи.

Подельный рыжик (читал где-то и слышал, что с одного края он рыжий, с другого зеленый, и поэтому можно определить север и юг).

Возвратились по летнику в Везы, Белявский ручей и Стрелецкий переходишь по дороге в Торгошино, 1-й Белявский.

<*На полях*> Лахин, виновник легенды о запрещении спуска озера из-за охоты для правительства. Имеет прозвище «Галка». «Галка, затачивая нос на…»

Шары. Вечером приходил сосед Хренов и рассказывал со слов пред. ВИКа, будто бы на Московском совещании о спуске озера какой-то знаменитый ученый тоже вступился за «шары». На заявление представителя Мозо о том, что из-за этих «шаров» страдает население в 25 тыс., этот ученый будто бы ответил: «Переселить, что стоит государству переселить 25 тыс. человек, переселить на чернозем». И еще будто

бы говорили и так, что много затрачено денег, а то бы и всю работу этого экскаватора надо бы прекратить. Решили, как передает Хренов, со спуском озера погодить. (Правда ли? Но если оказались «шары» действительно ценными, то как же на виду ученого мира всех стран, государству, пославшему корабли на помощь для спасения итальянской экспедиции, уничтожить почти единств. в мире памятник природы?)

В заключение Хренов сказал:

– Видите, как смотрят на шары, – такая ценность, что переселить из-за этого 25 т. людей! А почему бы и не переселить на чернозем? Кому-кому, а уж нам-то, московским и владимирским крестьянам, давно бы надо бросить поговорку: кто где родился, там и сгодился.

В чайной будто бы продолжают меня ругать, но уже слышаться голоса: «Видно, этот старик тоже с шарами».

Газеты. Не могу читать сейчас газет. Один раз хотел читать, увидел первое: «Максим Горький едет по Волге» и не стал читать. Во второй газете прочитал: «Максим Горький в Баку осматривал нефтяные промыслы». После того не мог читать не только о Горьком, но даже самые нефтяные промыслы стали мне враждебны, и как-то невыносимо было думать, что это всегда неизменно было и будет: если сказать Баку, то вслед за тем будут нефтяные промыслы, и если сказать нефтяные промыслы, то другие скажут Баку. Точно так же, если напечатано Горький, то вслед за тем идет «осматривал». Кто-то из писателей рассказывал мне, что дорвался наедине посоветовать Горькому осматривать все без свидетелей как частное лицо, на это будто бы Горький ответил: «А так я ничего не увижу».

28 Июля. Ужасный день, холодный, ветреный. Ходил с Кентой на «Антипкин огарок», потом по Серкову на палях, ничего не нашел. А с лугов косцы всех тетеревей загнали в мелкие болотные, почти непроходимые крепи. Полнота Кенты возбуждает у нас подозрение в ее беременности. Надо составить план охоты в Августе.

Получено радостное известие от Смирнова, что Полонский возвратился в «Новый Мир». Этим открывается возможность держаться в стороне от Горьковских грандиозных проектов освобождения интеллигенции и литературы.

Мои похождения. «Положа руку на сердце» говорю, что никогда не осмеливался думать о беллетристике как о пошлости, хотя все крупные русские писатели, начиная с Пушкина, занимаясь писанием романов, высказывались о романах, как о пошлости.

Некто А. К. Г-й привел мне множество примеров глумления над романами русских романистов. По его словам, это объясняется тем, что европейское искусство с давних времен заняло иллюзорную позицию к жизни, и читатель всерьез говорит о словесном искусстве только как об «отдыхе»: обманулся на несколько часов, и то хорошо. Таким образом, в наших русских условиях, где литературный обман не нашел еще вполне крупных фабрикантов и прочего сбыта, не является в голом виде, а по-детски наивно тащит за собой из недр земли-жизни корневище правды, истины, справедливости, красоты. Крупные русские писатели не пером пишут, а плугом пашут по бумаге, прибивая ее, вывертывая на белое черную землю. Вот почему легкое писание, беллетристика русскому кажется пошлостью, и русский писатель кончает свой путь непременно той или другой формой учительства и объявляет дело всей своей прошлой жизни «художественной болтовней». И если иные и не кончают учительством, а остаются художниками до конца, то это художество не совсем свободно, в нем какой-то безумный загад смотреть и радоваться солнышку, когда голова будет отрублена. Не знаю, кого бы назвать из таких писателей? Вероятно, если ничего не переменится, я сам буду такой…

29 Июля. Я вернулся с Нерлью в 12-м часу дня, но слепней не было: их пора миновала, в это лето мы не знали слепней, зато и солнца почти что не видели. Сегодня же у нас праздник: сегодня солнце весь день!

Молодых собак надо судить по-хорошему, по их лучшим достижениям, не считая, сколько на одно достижение приходится промахов, потому что у молодой собаки все впереди по лучшим возможностям нынешнего дня. Старых собак, напротив, судят по их промахам, потому что их возможности лучшего уже исчерпаны. Сегодня моя Нерль доказала мне полную возможность охотиться с ней на болоте. Мне приходилось пускать собаку далеко от себя, потому что шел я под ветер, эту манеру поиска я называю «неводом», потому что запустишь собаку далеко под ветер, а потом она и наступает на тебя, получается, как будто невод закинул и тащишь к себе. Был случай, когда она очень далеко от меня стала, и я успел к ней подобраться и видел, как эта мертвая стойка по бекасу разрешилась осторожной подводкой с лапки на лапку: «раз, два, три, пли!» Был еще случай другой, когда она, постояв значительное время, подождала немного и опять стала и опять подождала, вероятно, потому, что за время стойки сам бекас отбежал. На Захаровом Острове нашелся второй гаршнеп, которого Нерль учуяла на громадном расстоянии (новое доказательство особенной пахучести гаршнепа).

Все хорошее в этот раз у Нерли было при помощи ветра, – вот кто главный учитель собак! Плохое выходило, когда она,

причуяв след, увлекалась его запахом вплоть до столкновения вплотную с причиной следов, с самим бекасом. Однако я не против следопытства собаки, как делает это постоянно Кента, но только надо непременно, как и она, во всякий момент следопытства быть готовой принять запах птицы по воздуху.

Утки. Сегодня я нашел на Трестнице все три знаменитых бочага по пути к лавам. На первом плавал выводок чирков, близко допустивший меня. На втором из травы вылетел выводок крякв, и еще много поднималось по одной. Это было в 6 ч. утра. Я понял пребывание крякв тут с ночного присадка. Значит, на вечерней заре здесь с успехом можно ожидать и их пролета и пролета других подальше в Трестницу. Подозреваю, что вблизи должны быть и черныши. Итак, выходит постоянная охота с Кентой, часов в 5 веч. выходить за утками, а по пути искать чернышей, а после вальдшнепов, бекасов.

Кончина пустынножительства: натаска Нерли, краеведческая завязка с шарами, разведка ближайших охот и прогулок: Попов Рог, Антипкин огарок, Сеславина гора (грузди), Сеславинская бель (глухари). Серково, Заб. озеро, «Петрушинские мелочи», Торгошинские места: Беляево, Масово, Федорцовские места: Рудачиха, Журавлиха. Из лиц: Галка (Лахин), Ник. Вас., Золотой пастух (Продолжение вредной бабенки: ее муж, снохач, погубил сына, знает лес).

В следующие трети: утиная охота, тетеревиная, глухариная, бекасиная, дупелиная и заключительная вальдшнепиная. Новые места: Шепелевское, Березовка, Селково.

<*На полях*> Утиная охота в августе: левый №4, правый №7; тетеревиная: левый №7, правый № 10.

30 Июля. Туман. Белая радуга. Потом жарко. Новый поход с Кентой в Серково. При переходе через ручей в страшно крепком месте, поросшем даже тростниками, нашел в ½ 7-го глухарей. Похоже, что это было место ночевок. Глухарята сидели на березе, часть под березой в траве. Трудно было в тумане разобрать даже в 10 шагах, но кажется, был и старик.

Надо было заметить место, найти какую-нибудь тропу. Пришлось полазить. Наконец, из глухого места я услышал иволгу, и голос ее показывался голосом райской птицы, в этом звуке было, что она живет где-то в счастье на суходоле среди высоких сосен и ягодников в солнечном свете. Вместе с тем и показалась тропа, которая привела меня к знакомому прудику. Итак, к глухарям надо идти по левому отвилку, а правый в обход ручья к Селковским полям. Значит, искать тетеревей надо на границе полей и болота вплоть до Селкова.

После того долго разговаривал с мужиком о борьбе их с лесничеством. Нашел выводок тетеревей в своем болоте и

одного тетеревенка с голубя взял живьем в кочке. Долго боялся запустить руку в осоку из-за змеи, наконец, увидел его перья и схватил. Будем кормить.

Загадываю написать повесть (Золотая луговина) о сегодняшнем дне: раскрыть сегодняшний день в прошлом, и прошлое в <сегодняшнем> дне (робкая попытка в «Кащеевой цепи»). Два лица: автор и Алпатов, водоросль, как Прекрасная Дама и народная масса.

Вчера иду опушкой, с большака кто-то кланяется. Оказалось, секретарь ячейки идет с пленума (из Сергиева) 40 верст с портфелем. Я, не зная, что сказать ему, спросил:

– Ну, как дела государственные?

Он растерялся. Я поспешил перевести на урожай.

– Хорош ли урожай?

– Очень хорош!

– Значит, поживем! – сказал я, улыбаясь.

Он всмотрелся в меня, прищурился хитро-прехитро, захохотал:

– Поживем, поживем!

31 Июля. С утра дождь и ветер. Вот как не хочется ехать на плес, участвовать в коллективном истреблении уток. А на берегу побыть у бочагов тоже ничего не выйдет, там, говорят, безбилетники стоят плечом к плечу.

О Ленине. Мы проезжали возле одного плеса. Иван Лахин сказал: «Возле того вон куста я посадил Ленина». – «Ты возил?» – спросил я. «Я возил, – ответил он, – не хотел ехать со мной, говорит: «он молодой». – «Ты возил, – сказал я, – что же ты с ним говорил?» – «Ничего не говорил, он молчал, я не смел, да и нечего было спросить. Посадил его с вечера, сам отъехал к другому плесу. Утром прислали за ним». – «Много убил?» – «Ни разу не выстрелил и ни одна утка не села. Отвез его». – «Опять молча?» – «Опять молча».

<*На полях*> Дай мне газетенку какую-нибудь немудрящую. – Охотиться-то недавно приходится...

Вчера вечером сидел у поймы, высматривал уток. Где-то далеко докашивали, где-то возили, где-то городили стога и со стога в тишине должно быть верст на пять слышалось: а-а-ть!

Есть точка, откуда вся пойма видна: и село Измайлово, где одни портные живут, и Остров с валялами, и башмачная сторона, и кого-кого только ни увидишь с той высоты, везде виднелись на горизонте церкви, и у каждой церкви жил раз-

ный народ: гончары, маляры, скорняки. С холма спускались на пойму с косами одиннадцать бывших кондитеров и с ними глубокий важный старик, повар бывшего императорского государственного банка.

Читал, что ледник наворотил...

Книги о натаске собак.

Н. А. Зворыкин. При натаске собак необходима живая связь с ней дрессировщика, которая дается любовью к делу и опытом. По книге этому научиться нельзя. Но книга нужна, во-первых, содержащая правила, предъявляемые к собаке современной охотой, которая дает план работ, во-вторых, основные приемы, выработанные дрессировщиками всех стран для скорейшей и более успешной натаски. Тому и другому вполне удовлетворит маленькая книжечка Б. М. Новикова, это строго написанный конспект натаски собак, по которому при общем охотничьем опыте действительно можно самому натаскать собаку.

Но справедливо говорят и сам Новиков и Зворыкин, что натаска собаки иному любителю интересней охоты. В таком случае нужна книга для чтения, которая, действуя на воображение, увлекала бы новичка и тем помогала переносить довольно тяжелый труд этого дела. Благодаря несомненному художественному дарованию и огромному опыту автора ему удалось написать такую увлекательную книгу.

Одно дело воспитать, научить и натаскать охотничью собаку и другое дело приготовить собаку для полевых испытаний, как все равно разное искусство стрельбы по тарелочкам и стрельба по бекасам. Книга Зворыкина учит нас, как обучить охотничью собаку, друга и помощника.

Полевые испытания, как я понимаю их, преследуют специальную цель фиксировать в данном породном экземпляре наследственно переходящие признаки их способностей к охоте.

К полевым испытаниям натаскивают особые специалисты, которым надо натаскать скоро и много собак. Но самое главное, в такой книге желательно видеть сравнительный опыт натаски собак различных пород.

Комиссия по содействию и развитию кровного собаководства при Военно-охотничьем союзе в этом отношении (судя по предисловию Б. Ве...), эти пробелы в натаске <рекомендует> восполнить книгой Ив. Яблонского. Но, к сожалению, после Зворыкина и Новикова не найдем ничего нового. Напротив, построенная вся в отделе натаски по редкостной дичи дупелю, – она не облегчает, а затрудняет. Личный опыт натаски по дупелю мне дал отрицательный результат: дупеля бродили между высокими кочками, сквозняки сбивали собаку, обращали ее чутьевое внимание к следам внизу. Вообще скорость натас-

ки в огромной степени зависит от способности дрессировщика находить подходящий материал.

Кроме того, книга Яблонского написана языком плохим (размазана), не выдерживающая сравнения не только с языком художественной прозы Зворыкина, но даже и с соответствующей задаче строгости и ясности языком Б. М. Новикова.

Много прошло охотников, пешие все худые, на лошадях посильней, под вечер на рессорной тележке на прекрасном рысаке прокатили два очень тучных охотника.

Когда кончились мои колебания и установился план – утром по глухарям и тетеревам, вечером на перелет, – у меня прошло раздражение против массы охотников. Напротив, эта ночь в ожидании света, вместе с которым у каждого охотника явится такая радость, напоминала нам Пасхальную ночь. Но какой же это был огромный союз людей богатых и бедных, красивых и уродов, образованных и дикарей! И как бедно теперь...

Было у нас в России два великих обмана свободы: одна свобода крестьянская, кончилась свободой без земли, другая свобода, рабочая, – свободой без образования.

Еще думалось так: индивидуальность, я и они, я против них, это «я», конечно, продукт распада коллектива. Нет, всякое я – это распад. Истинное мироощущение – это мы. Всякий творец... Нет силы большей в деле разрушения природного коллектива, как образование. Каким же образом бывший рабочий, получивший высшее образование, это я – in statu nascendi* (выжига) может возвратиться сочувственно к своим диким предкам. Было в наше время такое обратно-восстановительное движение (интеллигенции), но оно складывалось из двух маскирующих друг друга процессов: первый процесс имел религиозную основу, это в интеллигенции было как переживание в форме «богоотступничества» религиозных основ, второй процесс создался накоплением той интеллигенции, которая в сокровенной своей сущности желала бы только стать на место в управлении государством. Октябрьская революция, голая борьба за власть, отбросила маскирующий процесс («гуманизм»), вместе с тем всю интеллигенцию, порожденную религиозным переживанием, воспитанную, в сущности, церковью. При последующей неудаче идейного плана (мировой революции) положение взявшей власть интеллигенции стало хуже рыковского. (Чем оказался так особенно противен Чернов – тем, что человеческая интеллигенция думала о нем, как о вожде человечества, а он оказался «селянским министром».)

---

* досл.: в состоянии зарождения (*лат.*).

1 Августа. Утро жаркое. Вечером гроза и дождь.

На глухарином выводке можно было стрелять только глухарку. Я не стал. Ваня спорил со мной (соединить его с пастухом золотым и с Ваней-журавлем). Ходили до 12 дня и ничего не нашли (тетеревенок недельный). Вечером у Забол. нашли выводок, взяли петуха в черном пере. Утиную тягу перебила гроза.

2 Августа. Хмуро, холодно, дождь ноябрьский.

Ходил на Захаров Остров обстреливать Нерль по бекасам. Тремя выстрелами подряд убил трех старых холостых. Последнего бекаса потерял. Нерль нашла его и, постояв, легла возле.

Гашин в чайной сказал, что об озере дело еще не решено, сказано было так: «Вы продолжайте работать, а мы посмотрим, возможно ли спустить озеро».

Под окном у меня женщина сказала: «Озеро-то, озеро-то, бабушка! В газете писали, трава выросла там, как за границей. Едут смотреть». Вероятно, во время моего спанья приехала ученая комиссия.

Я вижу, едва ли будет возможно спустить озеро. Такая безделица, трава, а вот погоди: для местного населения это безделица, а перед лицом всего света... как это можно! Вот где сила-то, други мои. Православную церковь под предлогом борьбы с культом можно срыть, но умершую церковь Спас-Нередицу срыть не дадут. Так фиксировали свои богатства, заключая их в музейные памятники, купцы Третьяков, Щукин.

3 Августа. Холода, дожди, туманы.

Утром обошел все места, где встречал тетеревей, везде скошено, и тетеревей нет. Нашел в густом лесу, в трудных местах и убил, изморившись, одного тетеревенка.

Вечером с Нерлью ходил в Трестницу, много не ходил, видел только трех бекасов. Без ветра Нерль работает очень плохо, добирается по следу и стуривает. Если делает стойку, то короткую, пока к ней подойдешь, она стронет.

Решили изведать другие места, поеду на неделю в Шепелево и оттуда на Березовку.

Читал в газетах о новой затее пауперистов. И думал о нас. Там, в международном пространстве, наше дело не бессмыслица только и обман, как представляется здесь. Наша идея «общего дела» не дело, а знамение времени, это идея в отличие от католической материальна и варварски проста. Это кость, которой долго еще будут давиться. Вместе с тем эта кость и есть наша национальная значимость: без нее – мы колония Европы. Нам, последним из могикан, остается два пути: сдаться на положение колонии или же рассасывать боль-

шевизм в направлении философии «общего дела»... до встречи ее с идеей католической... Все это надо держать в уме и выказывать только творческим путем.

В правление Дома Печати

Отвечаю на Ваше предложение организовать секцию охоты при Доме Печати.

Принципиально я согласен и могу это сделать, но я враг охоты только как спорта, точно так же как и беллетристики «для отдыха и забавы». И Вы совершенно правы, называя современное увлечение охотой писателей их «модной болезнью».

Моя точка зрения, однако, не исключает и охоты для отдыха и забавы в том случае, если охотник главное свое внимание сосредоточивает на идее охраны природы, если он служит проводником разумного закона среди населения, хищнически уничтожающего все живое. В моих наблюдениях городской охотник, иногда высокосознательный в области законов человеческого общежития, является в отношении природы главным разрушителем и своими подачками развращает душу примитивного охотника ныне не меньше, чем раньше.

Городской охотник, в особенности писатель, во-первых, должен являться охранителем памятников природы, заповедников, заказников, потом проводником разумных методов охоты и после всего этого удовлетворять уж свою страсть борьбой с хищником (волком) и отстрелом дичи избыточной. Охота, как спорт, должна выражаться не количеством истребленной дичи, а воспитанием образцовых собак, меткостью стрельбы, фотографией с телеобъективом и т. д.

Для проведения всех этих идей писатели прежде всего должны организовать свой серьезный журнал, подобный старому «Природа и охота», но отвечающий современным условиям. Я могу назвать целый ряд почтенных имен из писателей-натуралистов, которые доказали бесконечно большее понимание словесного искусства, чем профессионалы-беллетристы показали нам свое понимание природы и охоты.

На основании всего вышеизложенного я предлагаю свои услуги организовать секцию охоты при Доме Печати, начиная с организации журнала. Выдающиеся знатоки охоты, сами писатели (назову энциклопедиста охоты проф. Бутурлина, зоолога Житкова, написавшего изумительную книгу «Перелет птиц», Зворыкина и др.), возьмутся за скромное вознаграждение быть редакторами отделов и они же явятся консультантами секции как в деле охраны природы, так в деле сближения с нею и, наконец, спорта. В этом коллективе редакторов и руководителей молодежи я лично не отказался бы при нали-

чии хорошего секретаря быть организатором литературно-художественного и краеведческого отдела.

Вот только в таком плане я готов организовать секцию охоты при Доме Печати. Вы обсудите прежде всего вопрос материальный, возможно ли Вам ассигновать для этого значительную сумму, или же Вы найдете их в Федерации писателей, Госиздате и т. п. Обсудите вопрос серьезно, потому что охота как промысловая, так и любительская в нашем государстве имеет грандиозное значение, и вопрос о журнале разрешится не сегодня – завтра если не Вами, то другими.

Имейте в виду, что я чрезвычайно занятой человек и без самых серьезных оснований за дело не возьмусь. А потому и прошу Вас дать ответ мне точно определенный. Есть готовность на широкий размах, есть к этому материальное подтверждение – идет, нет – так и скажите, что нет, «пока не можем».

Ваш ответ пришлите непременно заказным письмом по адресу С<ергиев>, К<омсомольская>, 85, а оттуда направят его мне в то место, где я нахожусь. Приняться же за дело я могу в конце октября, с начала литературного сезона, когда все натуралисты и писатели съедутся в Москву.

4 Августа. Туман до обеда. Ходил в суконной толстовке и не было жарко. А малина все-таки поспела. Рожь поспела, но не подсохла, такую легко пропустить: враз подсохнет и побежит.

<*На полях*> Терентий жив, здоров, весел.

Ходил на глухарей, их не было на том месте, вероятно, потому что я запоздал: то было место их ночевки, а кормились они где-нибудь на ягоднике, тут взять им нечего. Пошел по компасу к вырубке и залез в тростники, под ними были невидимые глазу высокие кочки, в кочках вода. Было очень трудно двигаться. Когда вышел из тростников, только немного стало легче, потому что осока скрывала кочки и все равно ноги в поисках места ломались и вывертывались. Тут жили вальдшнепы. Я в одного выстрелил, он упал, а потом поднялся и улетел. Ружье бьет не резко, надо поправить заряд.

Трудно мне было. Тело стало нагреваться от неравномерных покачиваний. Так было все однообразно: березняк и под ним зеленая пропасть. Сел отдохнуть на кочку и увидел напротив, как вильнула змея. Я рассмотрел под кочкой небольшое отверстие, куда она скрылась. На другой стороне было другое отверстие. Я стал подкуривать, вдруг показалась голова. Я счел нехорошим делом беспокоить змею в <*1 нрзб.*> убежище. Это было почти на опушке большого леса и мелкого. Сюда уже проникает солнце, в солнечный день на угрев эта змея выползает на кочку и лежит на ней. В мелком лесу

было не легче, но скоро послышалось пение иволги, это значит, что там недалеко, где она поет, радостный суходол.

<*На полях*> По бекасам и дупелям – облегченный заряд:
Порох – 1,1 гр., дробь 23 гр.
Испробовать: 1,2 – 23. И прежний 1,3 – а дроби: 1) 25, 2) 23.
Гришин. Шалыга: болотце в лесу – елань.

Шалыжка. Этот лес при крике иволги, погруженный в болото едва проходимое, вызвал в ответ себе что-то подобное, знакомое. Я вспомнил: это бывает в душе, когда слышишь речь какого-нибудь парня с беспрерывным бессмысленным повторением слова «мать» и другого, еще более короткого: «уй ли!» Этих слов так же много бывает, как кочек в болотном лесу, и человеческие слова погружены в них, как несчастные березы.

Суходол от болотного леса разделял ручей, у ручья была небольшая шалыжка, на которой косили муж и жена. Он был молодой человек, нос у него был набоку, лицо серое и рябое, взгляд бессмысленный. Увидев меня, он бросил косу и с криком «мать твою!» скоро подбежал ко мне и схватил за ружье. Я быстро вырвал ствол. «Уй ли! – удивился он, – дай поглядеть». Тогда я понял, что это дурак, ружье показал и спросил, не знает ли он, где кормятся здесь глухари. Он вытаращил глаза. Я сказал: «тетерева».

– Уй ли? – спросил жену.

Тогда тоненькая, необычно стройная женщина ласково поглядела на меня. Ее маленькое лицо, очень красивое, казалось, было еще девичье – 17 лет. Но когда повернулась в профиль, это было лицо старухи: оно как-то плоско желтело до шеи. Но когда она повернулась ко мне опять глазами, опять это была миловидная девушка с глубокими глазами, в которых, между прочим, наверно был и ум. Она мне сказала, что глухарей она сегодня согнала в можжухе, два выводка.

– Может быть, тетерева? – спросил я.

– Нет, я знаю: глухари. В этом месте тетерева не встречаются.

Потом она очень дельно стала рассказывать, как туда пройти: перейти одну паль, будет ручей, у ручья шалыжка, перейти шалыгу, будет другая паль, на пали тропа, и по ней идти вправо, когда дойдешь до можжухи, тут и глухарь, с одной стороны один выводок, с другой еще вылетел.

Я взял направление по компасу и обрадовался: этот суходол с ягодами был как раз против того места, где я нашел ночевку глухарей. Но еще больше я рад был встрече с глазами этой женщины: это была береза в болоте, спереди береза красавица, сбоку старуха.

И только уж после того, как умная женщина все рассказала мне и я так благодарил ее, он наконец-то сообразил, что это он должен был рассказать, ведь он мужчина, а она просто баба.

– Уй ли! – сказал он грозно жене, – наболтала, дура, надо было просто сказать.

И он, размахивая руками, повторяя «уй ли!» и «мать!», несвязно повторил то, что сказала она: идти на паль, через шалыжку на другую, на ней тропа, по тропе к можжухе.

По пути на можжуху я встретил тетеревей, убил двух и рябчика. Мне было довольно, я оставил глухарей до другого раза и вернулся назад. Завидев меня, сосед крикнул:

– Убил?

Я ответил.

– Мать твою! – крикнул он.

И, бросив косу, побежал ко мне смотреть никогда не виданных им тетеревей.

– Уй ли! – говорил он, рассматривая.

А там, на зеленой шалыжке, опираясь на грабли, сияла женщина, как утонувшая в болоте береза.

<*На полях*> Разговор с мужем о шалыжке. Сено островое, – воз, надо разыскать шалыжку, надо на руках вытащить его из болота на дорогу.

– Что же делать?

– Рыть канавы.

Муж сказал:

– Из-за чего же их рыть?

– Чтобы сухое сено было. Государство проводит теперь магистраль, ваше дело канавы. Будут рыть?

– Не будут.

5 Августа. Ноябрьский холодный мелкий дождь с утра.

Занимался до полудня пристрелкой ружья. Нашел универсальный заряд.

Порох – 1,2 гр., дробь 25 гр.

Дробь №7

Правый – в лист писч. бум. на 50 шт. – 51 др.

Левый – 90

Дробь № 4

Правый – 36

Левый – 29

Из этого выходит, что ружье бьет лучше дробью мелкой. Из-под собаки бить всех птиц № 10 и № 7-м. На поздних уток и зайцев № 4-й.

Гашин. Я попросил его в трактире поделиться своими знаниями жизни уток. Он много говорил общеизвестного. Я спросил: «Скажите, как у них семейная жизнь». – «Из рук вон плохо, – ответил он, – селезень, удовлетворяя свою похоть, ни с чем не считается и потому держится возле гнезда. Ласка, хорек, ворона, ястреб видят селезня и по нем узнают гнездо». – «Может

быть, – спросил я, – селезень просто охраняет гнездо». – «Какой там охраняет, не будь уток, он и утят бы всех перебил».

Я стал протестовать, говорил, что это многие опровергают, это предрассудок. Тогда многие в трактире стали защищать Гашина, ссылаясь на то, что это постоянно бывает у домашних уток. Я не стал спорить, а Гашин поднял голову.

Прошел месяц. Началась охота на уток. Охотники в трактире говорили о слабом перелете, потому будто бы, что весна запоздала и не вся утка на крыле.

– Я знаю почему, – моргнул мне Гашин.

– Почему же?

– Я вам говорил: потому что отменили весеннюю охоту.

Я ничего не понимал. Он мне пояснил:

– Я же вам сказывал: весной бьют селезней, а как их не было, то они били уток, потому и уток теперь меньше.

Я не мог удержаться от смеха. Ободренный тогда в трактире сочувствием, он на своем успехе теперь создал целую теорию. Но он слишком увлекся, этому уже никто не поверил и все стали смеяться над теоретиком.

Окорок. Продолжение рассказа «Кость» (о Ромке).

Через некоторое время оказалось, я не все сказал о чувстве собственности у собак. Случилось, у нас в береженом окороке завелись маленькие белые черви. У хозяев это не значит, <что> ветчина вконец испортилась. Места поражения очищают ножом, а окорок вывешивают на ветер и солнце. Так приготовляется знаменитая вестфальская ветчина. Так мы повесили ветчину в саду, а собак независимо от этого хозяйственного дела выпустили побегать. Ромка стал носиться, а Кента, потянув нос, повела по ветчине и, обнюхав воздух, легла под деревом, на котором висел окорок. Через некоторое время прибежал Ромка и, учуяв ветчину, попробовал лапиться на дерево. Тогда Кента вскочила и вмиг прокусила ему губу. Он с визгом убежал, а она легла на свое место. Сосед подошел к забору, она бросилась с лаем. Сосед отошел, она легла. На другой день развесили у нас в саду белье для просушки. Опасное дело, приходится то и дело выбегать из дома и посматривать. Вдруг мне мелькнула мысль. Я принес окорок, подвесил его на веревке рядом с бельем, и Кента сейчас же взялась стеречь и белье и окорок. Она служила бескорыстно. Ее злобное личное чувство собственности обернулось для нас благодетельной силой.

6 Августа. Со вчерашнего вседневного и потом всенощного дождь продолжался до утра. Громкоговоритель не смолкал.

– В этом доме нет хозяйской струны (руки). Все избалованы, все надеются на «барина» и каждый ведет свою отдельную линию: дурачок свою, бабушка свою (взять свою часть и уйти

к дочери), Нюша тоже года два-четыре поживет и потребует свою часть по-новому женскому праву. А дочери бабушки тоже не дремлют. Из Мергусова наезжают с оравой детей. Бабушка им блины. Да притаит яиц, масла. Несколько раз накрыли. И вот бабушка теперь ходит виноватая, ей голосу нет. Другая дочь в Заболотье сманивает мать к себе, говорит: «мы похороним». Той, конечно, расчет: бабушка принесет свою часть, а потом ведь и нянька, детей куча, нянька необходима, а ведь нянька теперь 7 рублей!

К рассказу «Окорок». Семен Парфеныч из Смычки №13, он знакомый человек, ходит к нам когда замок починить, когда петли на дверях поправить, понимает в мебели, может оклеивать квартиры, клопов и блох истребляет со всеми зародышами, выпить не дурак и, выпивши, не дурит, а становится даже умней и разговорчивей. Увидев червей в окорочке, мы позвали Семена Парфеныча. Он взял ножик, вычистил пораженные места, а окорок подвесил в саду на дереве под солнце и на ветер.

– Не сомневайтесь, – сказал Семен Парфеныч, – самая лучшая вестфальская ветчина приготовляется всегда таким способом.

– С червями? – удивился я.

Он моргнул нам, оглянулся на близкий забор соседа и указал в противоположную сторону, где была лавочка. Мы поняли, что Семен Парфеныч выпивши и желает поговорить по душам.

А между тем собака моя Кента, гуляя по саду, учуяла окорок на дереве. Долго смотрела наверх, потом что-то решила про себя и улеглась прочно под этим деревом. Другая собака, ее дочь Нерль, бегала просто, не имея никакого подозрения насчет окорока.

Мы сели на лавочку. Семен Парфеныч сказал вполголоса:

– Вы на червей жалуетесь, как им при нынешней власти не быть. Ведь червяк сам по себе не виноват, он тоже кушать хочет, виноват хозяин.

Надоела мне эта вековечная мужицкая журьба. Я сказал:

– А кто в кооперативе теперь, все больше мужики. Вы же сами из крестьян?

– Извините, – обиделся Семен Парфеныч, – я из мещан. А это вы совершенно верно заметили, что все из мужиков, вот вся и беда: известно, какая крестьянская жизнь, лук и квас, а тут вот лежит ветчина.

Я запротестовал, указал на хорошие стороны нашего времени. Семен Парфеныч ответил:

– Извините, Михаил Михайлович, я не о хороших сторонах веду речь, мы же начали о червях, откуда черви берутся. Вот в нашей жизни никто не замечает, кроме нас, специалистов, что блох везде за последние годы стало меньше. Вы на это не обратили внимания?

Я был поражен. Довольно давно я занимаюсь собаками и в прежнее время каждое лето боролся с блохами. А в последние годы действительно блох не было. Но самое удивительное было, я тем был поражен, что не заметил даже этого чрезвычайно важного для моих потомственных собак явления. Я воскликнул:

– Но ведь это ценное открытие, как же я это не заметил. Вот удивительно!

– Не удивляйтесь, – ответил Семен Парфеныч, – хорошего мы никогда не замечаем. А вот наверно вы заметили избыточное размножение клопов в последние годы.

Это я знал.

– Вот почему, – продолжал Семен Парфеныч, – и я тоже обращаю внимание на дурные стороны кооператива, потому что человек, и особенно необразованный человек, мужик, по природе своей хищник, а между тем поставлен у самого продукта.

Семен Парфеныч остановился, потому что Кента зарычала, почуяв, вероятно, приближение соседа к забору. Мне показалось это странным: Кента охотничья собака, во избежание неприятностей так дрессирована, что на людей не рычит. Что бы это значило?

Разгадка этого странного явления явилась в следующее мгновение. Семен Парфеныч не успел и рта открыть. Нерль соскучилась по матери и побежала к ней, но как только она к ней подошла на пять шагов, Кента бросилась и укусила ее. С визгом Нерль прибежала ко мне, а Кента вернулась и легла под деревом с окороком. Я понял все. Если дать Кенте пищи больше того, что она может съесть, то она лежит у остатков и никого к ним не пускает, слегка рычит даже на меня: это ее неприкосновенная собственность. Но окорок висел высоко, это не ее собственность, но все равно, раз это ей недоступно, а окорок от этого не переменил своих качеств, и притом он хозяйский окорок, от хозяина, глядишь, и тебе перепадет, то она стала оберегать хозяйскую собственность как свою.

Я сделал опыт. Подошел к дереву, погладил собаку. Она на меня не рычала. Послал Семена Парфеныча. Он едва уцелел от укуса. После того Семен Парфеныч сказал:

– Вот видите, собака и та понимает, что хозяйскую собственность надо оберегать, а наши товарищи каждый о себе только думает, каждый хап, хап и хап.

– Что же делать, Семен Парфеныч, скажите. Вы понимаете, как блох истреблять, клопов, тараканов, но как это страшное зло победить?

– Это не зло, – ответил С. П., – какое это зло: каждому есть хочется.

– Все равно, зло не зло, а из-за этого жить нельзя. Как сделать, чтобы это зло нам стало добром. Ну-ка, мудрец, разрешите!

– Никакой мудрости тут нет, – сказал Семен Парфеныч, – глядите на собак: хозяину надо окорок повыше повесить, любоваться – любуйся, а хапнуть ни-ни!

– Но как же это сделать?

Семен Парфеныч не мог ответить, а я... <*8 нрзб.*>.

Я ходил с Нерлью на Журавлиху и вернулся домой под проливным дождем. Из чока ударил по крякве 10-м номером на 70 шагов своим универсальным зарядом и поломал ей крылья. Кроме того, убил гаршнепа и трех бекасов. Пока я ходил без ружья, я смотрел на работу Нерли по-хорошему, не считая ее промахов. Теперь на охоте вижу только промахи. С Кентой принес бы я 10 бекасов или больше. Ее недостаток – короткая стойка издалека и последующее стремление, хотя и тихо, подобраться поближе к дичи. Вследствие этого я опаздываю на возможность выстрела в меру. Я выдумал прием, во время первой остановки издали кричать: «Подожди!» Два раза мне удалось это сделать, Нерль оглянулась на крик «Подожди!». Я погрозил ей. Она задержалась, и я успел подойти. Еще упражняя ее, отзывал со стойки по бекасу с перебитым крылом. Буду добиваться отзывать со стойки свистком.

В тесных кустах можжевельника глухари расхаживали, и, вытягивая вверх шеи, доставали себе ягоды. В можжухе только-только глухарю повернуться, а собака в двух шагах исчезает совершенно. Другой раз свистишь, разрываешься, а она, испуганная грозным призывом, рядом стоит за кустом. Я привязал к ошейнику колокольчик, и дело пошло хорошо. Одно плохо при колокольчике, что собака от звона не слышит свисток и голос. И, значит, это можно делать только с собакой старой, которую не боишься испортить.

7 Августа. Интеллигенция и простой народ различаются между собой не так богатством или образованием, как отношением к физическому воспроизведению себе подобных людей: самое легкое, самое простое, на что способен в простом народе последний дурак, для человека сложного и высокоразвитого представляется иногда труднейшим делом, и в жизни своей это потом он считает величайшим событием. Такая «интеллигентность» встречается, однако, не исключительно среди образованных людей, часто образованные и богатые размножаются даже проще простого народа, оставляя детей своих на произвол судьбы. Среди крестьян, напротив, встречаются нравственно высокоразвитые люди, для которых рождение человека так же трудно, как для высокообразованного. Из таких натур обыкновенно выходят сектанты («Пророк» в Хмельниках, Митраша).

И всю-то ночь дождь! Третьи сутки льет с небольшими перерывами. Вспоминаю хороших и дурных людей, восхищаюсь хорошим, удивляюсь дурным, но тех и других, в особенности дурных, нахожу чрезвычайно мало.

Хорошие:	Дурные:
Дедок («Гусек»)	Ришин, еврей, портной,
Василий, продавец кос.	Смирнов Мих. Ив., завед. музеем
Максим Горький (?)	
Ефим Барановский (крестьянин Смол. губ)	

Трудно вспомнить еще кого-нибудь, вот как редки начисто хорошие и начисто дурные. Мне представляется: дурные люди чем-то вроде океанских рифов, которые тем только отличаются от таких же камней, составляющих дно океана, что высунулись и мешают судоходству. А хорошие, как зеленые острова, тем хороши, что покрылись деревьями и цветами. Все остальное человечество разно показывается, большей частью оно бывает всем хорошо, когда себе очень хорошо, и плохо, когда себе выйдет плохое. Таким образом выходит, что любить и ненавидеть людей самих по себе почти не стоит, до такой степени они редко встречаются. Но любить и ненавидеть надо переходящий по людям в той или другой форме творческий дух, без этой любви и ненависти невозможно самому принять участие в мировом творчестве жизни...

Всеобщее разочарование в «счастье» происходит потому, что огромное большинство людей свои творческие возможности топит в привязанностях к людям и так обманывается. Таким образом, большинство людей – это пленники «счастья», вначале фанатики, а потом мизантропы. Те немногие хорошие люди удивительны тем, что встречают тебя впервые, как будто давным-давно знали тебя, как хорошего близкого человека. Они видят общее всем людям, присущее в них доброе начало и посредством особого, свойственного им родственного внимания, мгновенно как бы создают из тебя человека, и так делаешься хорош сам себе. Они смотрят куда-то выше, но не мимо частностей, и тем увлекают с собой. Возможно, что и в их жизни была заминка личного счастья и оставила в них боль, но, мне кажется, это не обязательно; есть и «урожденно» хорошие люди (особенно из крестьян), не имеющие понятия о трагедии личного счастья.

Творчество жизни обыкновенно проходит мимо людей, потому что они слишком заняты собой. И творцы жизни могут пройти тоже мимо людей. Но бывают из них творцы, сверх всего наделенные даром родственного внимания. Это они создатели «гуманизма». Но увлекаясь ими, не надо забывать,

что гуманизм, это их родственное внимание к людям, не главный бриллиант в их короне, главное – это их основная творческая натура, одинаковая с натурой творцов жизни, проходящих без всякого внимания к человеку. Христос, проповедуя любовь и умирая за людей, всегда помнил Отца, но «гуманисты» обыкновенно не знают Отца и поклоняются простому человеку, забывая, что человек без Отца остановлен в движении и мертв. Это явление хуже фетишизма, потому что там все очень наивно, там простота сознания является почвой, удобной для возделывания.

<*На полях*> Не надо забывать и то, что есть творчество, застывшее в Отце и сознательно минующее человека. Оно и вызвало гуманизм против католиков. То и другое чередуется и живет постепенно, как бы отвердевая в победе.

Сейчас мы переживаем конец воинствующего гуманизма, следующая эпоха будет возвращением к религии. Одна часть интеллигенции (повернет?) в католичество, другая будет возрождать православие. Ученье Федорова сыграет свою роль. Под маской его коммунизм вернется в церковь. Но главный поток пойдет по руслу «личного счастья», и этот поток может быть будет так велик, что тот религиозный поток будет просто сигналом полного конца...

NB. Если я буду продолжать писать Алпатова, то вот и надо взять водоросль как творческий принцип (Отца), а спуск озера (Золотая луговина) – это гуманизм, это его «родственное внимание» к людям, которое он должен оставить ради Отца. Восстание мужиков безобразно. «Человечество» отвратительно, когда за себя идет против творчества общей жизни. Оно чудесно и человек царь природы, когда его человеческое творчество согласовано с творчеством мира.

На днях из моей деревни ласточек выпал один птенец и через несколько мгновений кончился. Значит, это у них бывает. Значит, и у них... Много я передумал над трупом маленькой птички и между прочим понял, почему в природе нет прямых линий и что их законы жизни тоже не прямые, как наши государственные, не машинные, а предполагают свободную личность. Вот из-за этой свободы и вылетел птенец: ему захотелось полететь до срока и он умер, удостоверяя своей смертью свободу личности в природе. Вероятно, такого очень, очень много бывает, и вот почему в природе нет прямых линий.

8 Августа. Забойные дожди.

Вчера уехала Ефрос. Павловна.

После обеда ходил на вечерку. Можно было убить двух-трех уток, но я прозевал.

Установить, как правило, что для натаски собаки бекас есть бекас только на открытом болоте и непременно в ветер. А бекасы в кустах на крохотных шалыжках то же самое, что тетерева. Они тут наслеживают так много, что собака в застойном воздухе чует не бекаса, а шалыжку, по необходимости берется разматывать след нижним чутьем, а бекас, ей невидимый, подает насмешливый звук, улетая, как будто его собака за живот ущипнула.

Наследственность

Моя охотничья собака континентальная легавая Кэт, происходящая от Норы <из> Чебыкина, была мне доставлена для натаски в двухлетнем возрасте. Она была совсем не тронута никаким опытом дрессировки и натаски, но по природе своей была так вежлива, так умна, что и в двухлетнем возрасте я в одно поле прошел с ней легко весь курс, так что в конце осени охотился не только по болоту, но и в лесу по тетеревам и по вальдшнепам. Если ей дать кусочек, который она сразу не может проглотить и отправляется с ним в угол на свой матрасик, и если подойти к ней в это время, то она перестанет есть, обращает морду к хозяину и рычит. Зная общую чрезвычайную мягкость ее характера, мы смеялись над этим устрашающим рыком, никогда не обращая на это внимания, отбирали от нее кость, давали обратно и она опять начинала рычать. А еще у нее была особенность, это когда она в чем-нибудь провинится и начнешь ей выговаривать, то она тоже начинает рычать. Наказывать плеткой ее невозможно, с ней делается что-то вроде истерики, орет, как поросенок, и вид делает, будто нас в куски разорвет. Мои дети этим постоянно с ней забавлялись. У нее родился сын Ром от пойнтера. Вырос большой и сильный кобель. Сидел на цепи в сарае и бегал на огороженном участке. Раз я позвал его с выпуска и хотел привязать в сарае, он не дался и бросился от меня в свой угол. Я подошел к нему, он с великой злобой бросился на меня. Я со всего маху ударил его плетью, он вернулся к себе и залег. При малейшем моем движении он оскаливал зубы и глаза его становились страшные. Что делать? Очень серьезный порок. Так оставить нельзя. Я ушел к себе рассерженный и стал обдумывать. Мне пришло в голову – нет ли у него чего-нибудь под соломой, не досталась ли у него от матери по наследству эта черта характера рычать на хозяина, если есть возле пища. Я вышел на двор и крикнул обыкновенным голосом: «Ромка, поди сюда». Он, веселый, подходит. «Ложись». Привязываю и увожу. Обыскиваю гнездо и нахожу кость. После того пускаю Ромку на место и подхожу. Рычит и не дается. Отзываю, подходит и дается. Вероятно, мой неожиданный и сильный удар плетью

утвердил у него навсегда способность рычать и не допускать хозяина к привязи на месте. Как ни бился, – я ничего не мог сделать. И теперь уже <*3 нрзб.*> после множества охот с ним так и пошло: если надо привязывать, то никак не на месте, отзовешь – привяжешь и подводишь: тогда ничего. Я думаю, этот порок у него явился от матери по наследству из двух качеств: 1) рычания у пищи, 2) злобности при угрозе. Вывод из этого, что с собакой нельзя шутить, у робкой матери для нас все была шутка, а с могучим кобелем – теперь не пошутишь.

Охота с колокольчиком

В Московском Полесье, да вероятно и в других местах на огромном пространстве центрально-промышленной области, охота на тетеревей совершенно потеряла стиль, который непременно должна иметь каждая любительская охота. Во всех охотничьих книжках ее представляют таким образом: охотник идет опушкою леса, собака бежит по лугу, собака находит тетеревей, они возвращаются в свою лесную базу, и тут на опушке охотник встречает своими выстрелами. Теперь у нас ко времени разрешения охоты все луга бывают скошены и, мало того, трава даже в лесу бывает начисто выедена коровами, выгрызена овцами. Только в крепких местах, недоступных коровам, можно найти тетеревей. Эта охота – верная порча молодой собаки, а старую поминутно теряешь. В тесных кустах можжевельника, бывает, найдешь пень, станешь на него и высматриваешь, не покажется ли где-нибудь березовая рубашка собаки. Или так замрешь в ожидании, когда взлетят тетерева. Ждешь, ждешь, и вдруг в пяти шагах подозрительно качнулась ветка, глянул туда, а там собака стоит и смотрит на тебя <*1 нрзб.*> удивленно... видишь, как думает: почему он взгромоздился на пень, чего он ждет с ружьем наготове?

Промышленная охота имеет целью добычу, любительская – красоту: без стиля это горе-охота. Но я все-таки охочусь, культивируя охоту с колокольчиком, о которой в книгах говорится только вскользь. Там говорят, что надо к ошейнику прицепить небольшой бубенчик. Я с этим не согласен, бубенчик и в десяти шагах не слышен, а когда собака подводит, то он не издает ни малейшего звука. Я стал увеличивать размеры колокольчиков, ни тетерева, ни глухари, ни вальдшнепы их совершенно не боятся, принимая, вероятно, собаку за корову, – коровы у нас тоже ходят с колокольчиками. Мне думается даже, что из-за этого птицы под колокольчиком становятся еще смирнее. Случалось видеть, как поднятый собакой с колокольчиком старый тетерев, отлетев десять шагов, опять опустился. Испытав таким образом колокольчики разных размеров, я потому остановился на среднем, что он все-таки не совсем оглушает собаку, и в

крайних случаях она может услышать свисток. Свой колокольчик я достал у монаха, это церковный, всем известный, кто бывал в обедне в сельских церквах: староста идет с тарелочкой, собирая с верующих копейки. Иногда видишь такие колокольчики в деревнях у председателей на окошке: когда нужно созвать сход, он проходит по деревне, позванивая.

У меня была собака Верный, гордон, натасканная специально для лесной охоты одним замечательным старинным охотником. Благодаря способностям Верного к колокольчику, моя тетеревиная охота в крепких местах получила артистические черты. Я, не видя собаки, прекрасно знал по редким звонкам, что собака ведет и черныш удирает. Я передвигаюсь лишь настолько, чтобы не потерять очень тихого и редкого звука. И вдруг зазвенело вовсю. Вот теперь я спешу, скорей, скорей! Зазвенело вовсю, это значит Верный нашел удачный момент сделать свой магический круг. Вот он обежал черныша, потом несколько очень тихих, редких ударов и все стихло: Верный пришил черныша в кусту или в кочке. Теперь не зевай! Я стараюсь всячески выбрать такое положение в кустах и между деревьями, откуда непременно хотя бы по мелькнувшему пятнышку, хотя бы по шуму можно было стрельнуть.

Так при помощи колокольчика я эту любимую мной в юности охоту снова сделал чрезвычайно заманчивой. Одно плохо, что колокольчики эти часто теряются и достать их бывает очень трудно. Так один раз я потерял колокольчик и вернулся в деревню ни с чем. Смотрю, на окне в избе председателя, где я остановился, колокольчик точь-в-точь такой же, как мой. Хозяина нет. Старуха ничего не понимает. Не терять же охоту из-за церемонии. Я привязал колокольчик к ошейнику и пустил Верного. Мы прошли по деревне за околицу, потом прямо в болото. Через час я возвращался с чернышами. А насчет колокольчика решил сделать так: снять его и поставить на место. Вхожу в деревню, смотрю: на бревнах сидят все мужики и ругаются. Я к ним:

– В чем дело, граждане?

– Головешка проклятый! – сказали мужики.

Я знал: головешками называют у нас председателей, когда им чем-нибудь недовольны.

– Ну, что же головешка?

– Да что, прозвонил сходку, а мы целый час сидим, его нет как нет.

Кажется, я смекнул, в чем дело:

– Это Верный час тому назад пробежал с колокольчиком, они подумали, председатель прошел.

Я говорю:

– Ну погодите, я вам сейчас его пришлю.

И скорей к председателю. Его нет. Колокольчик поставил на место, сам лег.

Поздно ночью явился председатель: он, оказывается, корову в болоте искал. И все так благополучно сошло мне, никто не узнал и не догадался, что, когда мой хозяин-головешка корову искал, Верный был зам. председателя.

Зам. пред. сельсовета.

Спасенный петушок

Кто никогда не видал тетерева, не подумает, что самец и самка одна и та же птица тетерев. Впрочем, разница не больше, чем у курицы с петухом. Самка тетерева простенькая серая курочка. Самец черный с синим отливом, брови красные, хвост лирой. У них неважная семейная жизнь. Петухи всю весну проводят в боях на току. После того они болеют, которые от побоев, которые от линьки. Потеряв много перьев, он всего боится и забирается в крепкие глухие места. Вся тяжесть высиживания, охраны, выращивания детей ложится на мать, на эту серую курочку. Зато и дорожит же она своими цыплятами. Трудно найти птицу более смелую в деле защиты детей. Собой она при этом совсем не дорожит, убить ее и оставить детей сиротами ничего не стоит. Но законы охотничьи покровительствуют матерям, и убивать маток строго запрещается.

Однажды я охотился по тетеревам. Была мне весь день неудача. Было совестно возвращаться домой без дичи. А главное, что в деревне в это время года не только мяса, а даже и хлеба трудно достать. Что убьешь, тем и кормишься. Подходя к дому, я вспомнил, что неподалеку в еловом перелеске с можжевельником не раз спугивал старого черныша и еще там жила матка с одним молодым петушком, довольно большим, перышки у него уже начали меняться.

Конечно, мне хотелось больше взять старого, хотя он и не так вкусен, как молодой, но зато мяса в нем много больше. И я пустил свою Кенту как раз в то место, где спугивал черныша.

Только я спустил собаку, она сразу стала сильно нюхать бруснику, потом подняла голову и понюхала вокруг себя воздух. Ноздри ее заиграли, глаза засверкали. Я сразу понял: петух был где-то здесь. Вот она села на ногах, стала низенькая и, переступая с лапки на лапку, повела к петуху. Мы немного прошли, Кента замерла возле одного большого куста и подогнула переднюю лапу. Она мне этим сказала:

– Он здесь!

Эти петухи неглупая птица. Слыша собаку, они обыкновенно забегают на ту сторону куста и вылетают там, невидимые для охотника. Но мы эту повадку их знаем, и когда собака стала, тихонько обходим куст и так делаем, что на одной стороне собака стоит, на другой сам с ружьем, а посередине петух.

Я обошел куст, приготовил ружье. Потом я сказал тихонечко невидимой мне Кенте:

– Вперед!

Это слово «вперед» большое слово в этот момент. Кента никогда не бросается, а очень осторожно переставляет одну лапку – раз! другую лапку – два! потом три – и пли! С треском поднимается вверх большой черный петух, и следует выстрел.

Я считаю про себя:

– Раз, два, три…

И вдруг вместо петуха показывается недоумевающая голова Кенты.

Я ее спрашиваю:

– Где же он?

Она меня:

– Где же он?

Я говорю:

– Дурочка, да не в карман же я его спрятал, в карман не уложишь, он ведь большой.

Она смешалась. Поиграла ноздрями и вдруг поняла, пока я куст обходил, он успел выбежать из него на эту полянку и по ней уйти в кусты можжевельника.

Наша охота продолжается. Впереди где-то невидимый в можжевельниках бежит петух. Ему очень не хочется взлетать, потому что во время линьки у него много потеряно перьев и усилие для полета должно быть очень большое. А ноги у него прежние, очень быстрые ноги. Он бежит, конечно, но не во весь дух, а то и трава будет шевелиться и может быть услышат его. Он, думается мне, бежит, постоянно останавливаясь, оглядываясь, прислушиваясь. Как только услышит шуршание травы, так дальше. Мне случалось, вспоминаю, даже увидеть его, когда он оглядывается: на одно мгновение видишь его большого, при солнце весь отливает синим. И красные брови заметишь, но только задумал вытащить ружье, он взлетел и за куст, успел только глазом схватить, что на лире его осталось <*3 нрзб.*>.

И Кента за ним идет как раз так, чтобы не очень его испугать. Она ход его чует по воздуху: он останавливается, и она станет, он идет, и она за ним.

– Будет ли когда-нибудь конец? – замирая, думал я, стараясь как можно тише ступать за Кентой.

Каждое мгновенье он может взлететь, каждое мгновенье я должен быть готов вскинуть ружье. Каждое мгновенье нарастает волнение. И вот, кажется, мы не по чернышу-птице идем, а по какому-то огромному зверю, больше медведя, больше тигра, что-то вроде слона.

Вот конец можжевельникам. За ним зеленеется осока по мочевине. Из крайнего куста непременно он должен вылететь.

Я держу ружье у плеча, но Кента, не задерживаясь, переходит в осоку. Он решился бежать мокрой осокой, рассчитывая уйти потом в большой лес. Я вижу даже на осоке его бродок: вся масса осоки седая от росы, а там, где он прошел, зеленые полоски, – росу он стряхнул.

Но что это? Или у меня от напряженного ожидания стало двоиться в глазах. Мне кажется, я вижу два зеленых бродка. Я решаю: «двоится!» Вот как теперь легко, если птица взлетит, дать промах.

– Скорей, Кента, вперед, вперед нажимай!

Мы бежим. Я *<2 нрзб.>*, чтобы спугнуть его к *<2 нрзб.>*.

Но нет, мы перебегаем мочевину и снова в лесу.

Стоп!

Кента стала у ольхового куста. Маневр нам удался. Мы его испугали. Он замер в ольховом кусту, считая его от страха последним убежищем. Я Кенту хорошо знаю, она окаменела, у нее огонь в глазах загорелся. Он здесь!

Обхожу куст слева. Становлюсь напротив. Мне Кенту видно. Он здесь! Мое волнение исчезло. Я готов. Пусть он только двинется. Я готов. Он не уйдет от меня. Я не тороплюсь даже говорить «вперед». Пусть немного продолжится. И вдруг Кента, оставаясь по-прежнему бронзовой, переводит глаза направо от себя, потом нос.

Неужели на наших глазах он рискнул выбежать из куста? Нет, так у петухов не бывает. И Кента опять возвращает нос к прежнему месту и глаза ее устремлены через *<1 нрзб.>* носа своего как через мушку, прямо говорят:

– Он здесь!

Она никогда не ошибается. Он здесь. И зачем, зачем я не сказал в эту минуту: «вперед!» Я промедлил, а Кента перевела нос опять направо, быстро спросилась меня красным от напряжения глазом и потихонечку, переступая с лапы на лапу, вправо пошла...

И как я не понял ее, ведь она мне говорила:

– Он здесь, но он сидит, а это другая движется, и я должна идти туда, то важнее, эта сидит и не уйдет, а та уходит...

Я не понял. Но все-таки вспоминаю, мне так ясно, хотя и без понимания, представились на седой осоке два зеленых бродка, не один, а два... еще я заметил в зеленой осоке, свернувшись клубочком, лежал поясок ременной с пряжкой. Это кто-нибудь из грибников потерял. В другое время я бы его поднял и радовался находке. Теперь же я только покосился на него, только мелькнуло, что это называется поясом...

Мы недалеко прошли. Кента стала. Я обошел куст. И приказал решительно видимой мне Кенте:

– Вперед!

Лапка – раз! Лапка – два! Лапка – три!

– Пли!

С треском и криком вылетает не черный петух, а серая матка.

Серое бы ее не спасло. Я не успел бы остановить приготовленное движение. Но крик остановил меня, я понял: это не петух, а матка, запрещенная для стрельбы птица.

Этот крик был сигнальным. В то же мгновение раздалось хлопанье крыльев в том ольховом кусту: там взлетел по крику матери невидимо для нас спасенный ею петушок.

Теперь мне все стало понятно: в том ольховом кусту они были вместе, мать и сын. Мать в последнюю минуту рискнула и на глазах у меня и собаки выбежала из куста. Кента ее заметила и обманулась. Я тоже обманулся. Мать спасла петушка, и я вернулся без дичи домой.

Сегодня я задумал с Кентой пройти до Селкова по тетеревам. Но в лесу хватился компаса – он потерялся. Была тут канава. Я решил держаться канавы и так пустыми местами прошел к *<1 нрзб.>*. В этом глухом и совершенно пустом лесу (ни ягодки) я вспоминал Старухину тропу, и она представилась мне среди этой природы во всем своем страшном значении (старуху ведь и не искали, молодые сказали: «старуха!»). Но я-то и опять не нашел Старухину тропу. Понимаю: описать весь большой лес поиском тропы. Везде осока. У канавы папоротники. Потом крапива на тропе. Крапива выросла и ходили *<1 нрзб.>* до крапивы.

9 Августа. Выдался денек единственный за все время. Солнечное утро с крепкой росой. Потом начался день самый мной любимый, когда легкие прозрачные облака рассеивают лучи солнца, и становится так задумчиво в природе, так глубоко. Особенно хорошо бывает на воде. У белых лилий самый бал, все купавы в своем подвенечном наряде. Цветет мудорез.

Я еду на своем «Ботике» по Заболотскому озеру с ученой комиссией. Из тихой воды вдали впереди нас тоненькие тростинки одна к одной рядышком поднялись из воды, совершенно как если бы кто-то из-под воды начал поднимать волосатую голову.

Заведующий гидростанцией старший лимнолог Россолимо сказал мне:

– Напрасно вы спрашиваете науку, лучше найдите русалку. Науку ценят только потому, что она питает технику…

Я ответил:

– И русалка не поможет. Искусством тоже пользуются только для отдыха. Если я и найду русалку, скажут – «это забава!» и озеро спустят. Лучше дайте мне величайшую научную редкость, назовите мне такое, из-за чего, если бы оно нашлось, озеро нельзя бы спустить без того, чтобы это не стало позором перед лицом всего мира.

Россолимо сказал:
– Надо найти какой-нибудь реликт.
Реликт – общее имя всем видам, оставшимся жить с нами от времен ледниковой эпохи. Сколько им лет? Тысяч двенадцать. Одно время было потепление – атлантический период – дубы, которые находят в торфу, это остаток дубовых рощ. Потом опять похолодало, и началось заболачивание (субатлантический период, наш): в столетие по три сантиметра торфа нарастало.
– Так найдите же мне такой реликт, какое-нибудь животное или растение, застрявшее у нас с тех пор. Нащупайте центральный нерв всей нашей лимнологии и выразите его каким-нибудь именем. Пусть его нет, но если бы нашлось, то имело бы огромное значение.
Они начали перечислять мне редчайшие реликты, напр. Офиуры (по латыни Ophyura). Но лучше всего взять какой-нибудь морской реликт. Ведь опреснение вод – это позднейшие эпохи, а все живое вышло из моря, из соленой воды.

<*На полях*> Запах цветов.
Иммигранты моря.

А вода уже заметно начала убывать. Там белые лилии еще в полном блеске на заводи справляли свой бал под опрокинутыми небесами, под куполом дремлющих, склоненных к воде деревьев. На более высоких плесах пожелтел телорез, и те же самые лилии, не цветы, а то, что невидимо нам под водой питает и держит цветы, там и тут свернулись толстыми, очень неприятного вида кишками.
Через три недели на этом большом пространстве в грязи толщиной больше чем спущенный слой воды будут лежать все эти лилии, белые и желтые <*1 нрзб.*> ряски, стрелолисты, камыши и тростники. Это будет черная, толстая гниющая масса в ковше уже не спускаемой грязи, непереходимое место для людей и животных, рассадник комаров и мух, труп смердящий на десятки лет…
Ученые опускали барометр на дно озера и доставали пробы воды для анализа, испытывали прозрачность воды, выслушивали в телефонную трубу электропроводность. Они были похожи на докторов, призванных выслушать, изучить организм приговоренного к смерти преступника.
А Лахин говорил:
– Пустое дело, доктора воды не вылечат, а нам хорошо, нам оно надоело, у меня под окнами <*1 нрзб.*>, я-то знаю, и караси будут <*1 нрзб.*> – я и это знаю, и что мне, работнику, завтра дадут – я и это знаю. А там дальше, пусть гниет: я не верю, я и в родину не верю. Я загадываю… если жизнь не переменится, знаешь, живой живым мыслит: корова у меня под окнами на болоте будет траву щипать.

Кто-то вспомнил, что Лахин пробовал шарами Claudophora торговать на Кузнецком мосту, спросил его об этом. Он ответил:

– Подошел милиционер, посмотрел: обложить налогом такую бесполезную вещь невозможно, по рылу дать ею – не больно, себе взять – ничего не стоит. И сказал: «Лучше уйди с ними отсюда».

<*На полях*> Запах цветов и собаки.

10 Августа. С утра до ночи дождь.

Дуня и Лахин складываются в один тип. Оба замечательные работники, но не в одном деле, а на все руки: кому-нибудь услуживают. Во время этой службы, вероятно в расчете хорошо заработать, чувствуют искреннюю приязнь к работодателю. После этого, переходя в услужение к другому лицу, пересказывают ему самое скверное о первом, как бы в расчете, что другому человеку это приятно. Сделав отвратительную гадость по отношению к человеку словами, они лично к нему при встречах питают расположение как ни в чем не бывало. Эти люди не люди, это газеты. Дуня газета, Лахин журнал. У Дуни улица. У Лахина – край. Оба они в первооснове своей суеверны до крайности, держатся «Бога», ругают Советскую власть, но как-то легко все выгодное стараются использовать для себя без благодарности, и настоящего религиозного человека готовы за рубль продать в Чеку.

Иногда долго живешь рядом с человеком и не знаешь, кто он, потом как-нибудь, где-нибудь встретишь подобного, и вдруг тот первый человек встает ярко во всей своей значительности, притом не только в своем кругу, а в совершенно другом, при других достатках, при другом воспитании, образовании, но точно такой же. И какую ни вспомнишь среду, низкую, среднюю, высшую, в настоящем, в прошлом, – везде такой человек, и когда представишь себе в будущем возможность иной счастливой жизни человечества, каким-то пресным, скучным, несправедливым кажется это счастье без такого человека: он везде, всегда при всяких условиях был, есть и будет существовать.

При самой первой встрече с тобой, когда всякий человек несколько смущается, робеет нового, ожидает от него чего-то особенного, перед чем неловко за свой хлам и скарб, а хочется скорее показать себя по-возможному лучшему, – эти люди при всякой новой встрече вываливают весь свой хлам, выражая всем своим существом новому человеку: «Ничего нового нет на свете, ты такая же сволочь, как все».

Это годится для темы «ученый среди обезьян»: они все присматриваются к ученому, чтобы от него перенять себе что-нибудь для жизни, а он, не обращая внимания на жизнь, думает о каком-то реликте.

(...какой-то старик живет в Переславище, да вы-то чего смотрите...

– А что же нам с ним делать!)

Экспертиза остановилась у Гусева в богатом доме, где гордостью хозяев был филодендрон, такой большой, что верхушкой своей, чтобы не гнулся, привязан был к гвоздику в потолке, а весь огромный горшок с землей стоял на скамеечке. Мы не посмели расположиться с обедом в этой передней комнате и расположились в другой. Стульев там не хватило, Россолимо быстро пошел в парадную комнату, не глядя на филодендрон, снял горшок, поставил на пол, а скамейку принес. Через некоторое время, когда мы, налив по рюмочке, чокались друг с другом и говорили «будьте уверены», вдруг на пороге показалась взволнованная хозяйка.

– Что же, – сказала она, – ученые люди так всегда делают?

Мы все вскочили. Она повернулась спиной в парадную комнату и показала нам рукой. Зрелище было ужасное: на полу стоял огромный пустой горшок, а в воздухе с землей с обнаженными корнями висел привязанный к потолку филодендрон.

11 Августа. С утра хмуро, ветер, потом моросило, после обеда опогодилось и даже солнце показалось.

Я ходил на охоту с Кентой в Селковские мелочи, убил 5 молодых в черном пере тетеревей, одного витютня и одного бекаса. После дождя в мокрой траве все птицы быстро бежали, долго не поднимались и очень мы с Кентой замучились. Рожь по ненастью не смеют брать. Берут малину и начинают бруснику.

Вечером гулял с Нерлью около деревни. Она далеко причуяла в лесу маленькое болотце, нахоженное бекасом, и повела по нему верным чутьем. Но когда пришли к болотцу, в нем она стала шить носом траву. Бекас улетел, а она и не знала.

Не понимаю значения общепринятой фразы: «птица не выдерживает стойки собаки». При хорошей собаке всякая птица выдерживает стойку собаки, потому что не знает о ней. Поздней осенью очень сторожкие и слышат собаку раньше, чем она их может причуять. Но и тогда есть способ сделать так, чтобы собака их причуивала раньше, чем они насторожатся: надо выбрать ветреный день и подходить на ветер.

Вот почему и то, что бекасы лесные вылетели довольно далеко от Нерли, не спасло положения: она должна делать

стойку издали. Хорошая собака должна сама понимать, на каком расстоянии надо ей стоять, чтобы птица не улетела.

12 Августа. Задумчивый день. В полдень все-таки немного покапало. В Селковских мелочах убил трех тетеревей и одного бекаса. Проложил путь на дупелиную низину.

Паль.

Лиловый вереск и красная брусника. Дерево от дерева – сосна – далеко-далеко. И так часами идешь, все мягко и сухо под ногой, все тот же ковер с цветами лиловыми и красными, иное дерево – сосна – не стесненная ничем, раскинется во всей возможной красе, глянешь и сядешь под ним отдохнуть и тогда опять, но уже близко, вплотную, разглядываешь все те же цвета, лиловый и красный, вереск и бруснику-ягоду. Вдали еле видны платки ягодниц, чуть слышно аукают, но это <не> мешает оставаться пустыне безмолвной, эти ягодницы и грибницы, как естественное население: лось, глухари, тетерева, рябчики, ястреба, лисицы и волки.

<*На полях*> Изобразить крик ребенка в пустыне, переходящий в надрыв очень быстро: отстал от матери, ужас одиночества.

Далеко я зашел, как будто «тот свет», и больше мне ничего не надо: идти, отдохнуть и опять идти, и все сухо под ногой, все те же цветы, лиловый вереск и красная ягода.

Так вот я себя чувствую, что давно уже когда-то жил, умер. И то, что я жил, страдал и умер, это здесь считается как загад. Там был мучительный загад, здесь свет. Весь труд здесь состоит только в том, чтобы вспомнить какой-нибудь вопрос из общего загада на земле, как только вспомнишь, так здесь сейчас же находится и ответ. А для того, чтобы вспомнить, надо идти. И вот я опять иду, под ногой вереск и красная брусника.

Мне вспомнилось...

Мой хозяин Н. В. Сафонов.

Вся квартира покрыта его фотографиями, на которых он всеми силами старается быть лучше себя самого. Если думать о нем, то весь мир разделяется на два класса, немного умных и множество дураков. Задача умного человека растолковать дураку то, что он понимает, чем больше кто из умных растолкует, тем больше за это ему почет от дураков, тем и живут, тем и удовлетворяются. Вот почему на всех портретах хозяина написано такое самодовольство: он умнее других, и многих из дураков он устроил, и ему за это от них всякий почет. Он был не то меньшевик, не то эсер. По существу своему социалисты все такие, лишь замаскированные страданиями в ссылке и на каторге. И вдруг нет ничего: ты законный социалист, пожалуйста!

Читаю Авдотью Панаеву. Когда думаешь о «костяке» наших великих писателей, т. е. о том, как они волновались из-за судьбы своих произведений, как считались с мнением читателей и т. д. – оглядываешься на себя с удивлением: нет совсем этого костяка, мне все равно. Я или не писатель…

Нет, все иначе: я пережил это, мне ведь 56 лет! Революция с хамом-писателем дала последний толчок, и так я остался без всякого аппетита к славе. Вернее сказать, я…

Интереснее другое – Тургенев учил Некрасова бывать в светском обществе. Светские писатели: Пушкин, Лермонтов, Тургенев. Не светские: Толстой, Гончаров, Некрасов, Достоевский, Гоголь. Причем Пушкин и Лермонтов явно презирали эту среду и пользовались ею только для своих материалов. Остается один Тургенев.

<*Запись на полях*> Общественный человек Тургенев.

13 Августа. Жаркое утро. Редкое явление за это лето: видел при солнце росу. После обеда гроза и проливной дождь с градом.

Некоторые сегодня не выдержали и зажинали перестоялую рожь.

Заболотский холм сегодня покрыт как бы одеялом из лоскутков, так отчетливо на солнце выделяются разноцветные полоски крестьянский полей. Это своеобразное русское явление, остаток крестьянской общины, со временем должно исчезнуть.

Ходил с Нерлью по Журавлихе. Убил дупеля и гаршнепа. Так сошлось точно, зажинают рожь – показываются дупеля.

После отличных охот с Кентой натаска Нерли показалась ужасным делом, я выходил из себя и так замучился, что серьезно стал побаиваться за свое здоровье. Насилу доплелся домой.

Но все-таки я своего добился. Бекасов было очень мало и все строгие. Нерль их стуривала или на быстром ходу, стурит, а потом роется в следах, или, причуяв след, роется в них до тех пор, пока бекас невидимо для нее улетит. Мне пришлось работать, прежде всего, над сокращением поиска, что делать! Пришлось собаку перевести на рысь и держать ближе к себе. Это было очень нелегко, после того стал искать случая встречи с бекасом. Не было бекасов! Наконец, она стала причуивать в кустах, я стал ей кричать, она не останавливалась сначала, потом оглянулась, и тут я так погрозил ей, что она дождалась меня. После того я ей велел идти осторожно, и она привела и стала как следует.

Но до чего же я измучился! Теперь спрашиваю, почему же раньше этот труд доставлял мне такую радость, что я даже писал: «Никакая охота не может сравниться с натаской». Как я ошибался! Нельзя было охотиться и я восхвалял натаску,

пришла охота, и натаска стала невыносима. Так мы за отсутствием жизни отдаемся вере своей, поэзии, науке, службе и находим в этом счастье свое, мы даже гордимся перед обывателями своими высокими достижениями. Но случается, коснется нас сокровенно желанная жизнь, и тогда религия, поэзия, искусство, служба кажутся тяжким кошмаром. Есть такие катастрофические концы, другие же останавливаются на своем «взамен» и являются гасителями жизни. Вот почему истинное творчество не идет против жизни, а вместе с ней. Внимая эросу жизни, искусство может быть сделалось более реальным, чем изгаженное бытие, и в этом бытии было истинным светом.

Не спится. Встаю на темнозорьке, выхожу на крыльцо. Мне холодно. Нет желаний, нет любви. Мне страшно: я один в холодной темнозорьке планеты. Вдруг очень громко: стук, стук, стук! И потом: кукареку! Я очнулся живым человеком и сказал вслух какому-то ненавистному мне Ивану Петрову:

– С искусством, с наукой, с человеком, с Богом, с петухом, но ты, Иван Петров, отойди, мне с тобой не по пути!

Вот теперь понимаю, почему я говорю иногда, что охота мне дороже литературного моего дела, потому что она является источником этого дела. Для других это кажется кокетством: что такое охота! Но моя охота тесно связана с тем временем, когда я должен был расстаться с невестой. Моя нынешняя охота переплетается неразрывно с искусством писания – это культ моей единственной любви. Моя гениальность (в смысле единства) состоит в том, что я чудесным образом остаюсь в отношениях своего центрального жизнеощущения не только верным про себя, но живу им вплоть до ремесла, до извлечения средств существования жизни. Моя жизнь похожа на жизнь ледниковых реликтов, которые, оставаясь неизменными в течение десяти тысяч лет, драгоценны теперь нам тем, что собирают наше разбросанное в повседневности существо в единство для понимания единства нашего происхождения.

<*На полях*> Крестьянин дальше своего носа не видит.

Вечером был у меня объездчик Иван Григорьевич Шершунович, белорус. Говорили и об озере, и о смертельной вражде крестьян к лесничеству, и об охране заказника. Напр., он сказал, что никакие сторожа не помогут, пока не будет установлено строгого закона. В лесных делах, если становишься на сторону крестьян, то нельзя будет охранять лес и тебя, в конце концов, накажут как плохого лесничего. А если будешь идти против них и стоять за лес, то позовут в центр и прочитают: «у вас нет политического подхода к лесным делам». Таким образом, защита самого озера то же самое, что защита леса. И

так все решительно, вплоть до творчества, даже до Бога: в центре уже давно все это признано необходимым, давно признаны злом разрушительные требования масс, и в то же время не могут о всем этом сказать, все это назвать и всю слабость, все вилянье, все компромиссы называют «политикой». В эту политику упирается все наше творчество, как в стену, и потому мы бедны.

О глухарях

По словам его, у глухарей в выводках больше самок на <*1 нрзб.*>, а у тетеревей наоборот.

Глухари иногда токуют на земле.

Искусство наслушивания глухаря (можно научиться слышать за 600 шагов). Одного подшуметь – все замолкают (сигнал крыльями).

Своеобразие крестьян

Огромная масса крестьян знает только ту часть болота, на которой живет, все болото целиком ему невообразимо. Так же и река, до владений соседней деревни, и тоже лес, и государство ему целиком так же необозримо, как нам бесконечность пространства и времени. Нашего крестьянина интеллигенция изучала «по себе».

Щавелек

Было это в Беловежской пуще, в дер. Бородычи. В Петровки заехал крестьянин за дровами в лес на волах. Сам пошел собирать, а мальчика своего семилетнего поставил с веткой возле волов отгонять слепней. Мальчику стало страшно (лес давит), закричал, но детский крик слаб в лесу. Он бросил волов, пошел искать отца. Не нашел. И отец потом не нашел сына. Собрались искать три волости. Не нашли. И с этим покончили.

Мальчик вышел в лесу на луг и так подумал: придут косить луг и найдут его. На лугу был оборог (способ хранения сена: крыша на стожарах). Под этой крышей был остаток сена. Он туда укрылся от комаров. Питался ягодами и щавелем, недалеко был ручей, к ручью ходил за водой. Через десять дней один хозяин, как это бывает у стариков, пошел в лес взглянуть на траву, да кстати лыка надрать. Видит: на траве тропа. Пошел по тропе к ручью, возле ручья на грязи следы детской ноги. Он пошел вверх, тропа привела к оборогу, заглянул туда, ребенок лежит. Тронул его, он сказал: не трогай

меня, у меня живот болит. Старик выспросил его, и он еле, не поднимаясь, рассказал, что он из Бородычей. Старик сплел корзину из лыка, уложил мальчика и принес в Бородычи. Отвезли в больницу. Осторожно кормили ложечкой. Теперь вырос из этого мальчика здоровенный мужик Щавелек. У него хорошее хозяйство, две лошади. И когда кто-нибудь, завидуя, упрекнет его в богатстве, он говорит: «Покормись щавелем».

Дупелиные высыпки. Болото Циба, возле дер. Антоновка, или Вишняки на берегу Кубри. Остановился в Вишняках в богатом доме Силаева.

Путь: Переславище, Торгошино, <*1 нрзб.*>, Горышки, Вороново, Горки, Антоновка (12–15 в.).

14 Августа. Наконец-то день выстоял.

Был у лесничего (Мих. Ив. Клопский). Слышал рассказ о борьбе секретаря ячейки с лесничим посредством наускивания мужиков на лесничество.

Начало повести – о Московском Полесье.

Анахронизм (Иван Грозный, дуб, ледник) – природа. Человек: застрял, это реликт. Москва рождает инициаторов, другие остаются портными, сапожниками. «Великоросс» – это в особенностях отношений личности и масс (характер масс: болото, река, озеро – знает только возле себя. Черта туземцев).

Лохань

– Лесное урочище Лохань интересно тем, что, по-видимому, это заросшее озеро, – сказал лесничий.

– Мало ли заросших озер? – заметил я.

Лесничий пояснил:

– Это озеро, по слухам, ниже уровня Волги… а впрочем, это вслух нельзя говорить: контрреволюционная мысль.

Мы посмеялись. Я сказал:

– Ледник рыл и холмил, не считаясь с нашей революцией, да притом и Волги еще тогда не было…

Ледник рыл и холмил в нашем краю тысяч десять или больше лет тому назад. Его холмы распахало в недавнее время великорусское племя центрально-промышленной области, низины еще в субатлантическую эпоху ледникового периода превратились в болота. Дубы, которые во множестве теперь встречаются в болотах, относятся к более ранней эпохе ледникового периода, когда было несколько теплей, чем в позднейшие тысячелетия. Теперь везде тут растут березы, ели и сосны высокие на холмах, низенькие и чахлые в болотах. Тогда,

тысячи лет тому назад, на склонах были дубы и в низинах у частых озер тоже всё были дубовые рощи. Эти люди, живущие теперь на холмах, плохие земледельцы, больше ремесленники, портные, башмачники, сапожники, слесаря, кондитеры, игрушечники и всевозможные, встречаясь с моренным дубом в болотах, создали себе легенду о золотом земледельческом веке, когда всюду были здесь частые озера, реки и дубовые рощи. Анахронизмы в этой легенде чудовищные: дубовые рощи относят ко времени царствования Ивана Грозного, на болотистых, местами неприступных, берегах Дубны указывают камни, будто бы остаток каменного моста, по которому Иван Грозный ездил на свои соколиные и зверовые охоты.

Раньше, давно, я по-детски доверчиво слушал рассказы этих людей, стараясь связать их легенду о золотой луговине и дубовых рощах с общечеловеческой легендой о золотом веке. Выискивая в заболоченных озерах растительные и животные реликты ранне-ледниковой эпохи, чистые живые памятники природы, я переносил это на людей и в их глубоком сознании искал такое же свидетельство давно прошедшей жизни, как в реликтах ледниковой эпохи. Но все кончилось тем, что я в себе самом из-под наносов со стороны открыл некоторые реликты, ничего не говорящие о природе великорусского племени, оказалось, – что я сам себя искал. После того меня перестала интересовать эта этнографическая и примитивная помесь великорусских портных, металлистов, башмачников, кондитеров, загнивающая теперь, зарастающая быльем, как загнили иные чистые озера с дубами атлантической эпохи ледникового периода.

Меня теперь гораздо больше интересует ледник общечеловеческой цивилизации, который совершенно так же холмит и роет все народности, как рыл и холмил когда-то землю скандинавский ледник. Природа физическая человека в своем чистом виде мне стала очевидна в своем великолепии по ныне существующим памятникам его отдаленного прошлого, по животным и растениям, которые в отношении человека надо считать просто реликтами... Смотрю на этот конгломерат ремесленников центрально-промышленной области, на все эти поселки портных, сапожников, металлистов, <*1 нрзб.*>, маляров и всего возможного, и так понятна становится природа великорусского племени. Вот целый уезд, населенный башмачниками, его рассекает река с огромным болотом, за болотом нет башмачников, там пошли деревни и села портных. Кажется, болото остановило размножение башмачников, а портных еще что-нибудь физическое, я не знаю, там не бывал, где кончаются портные и начинаются металлисты. Знаю, среди башмачников небольшой островок кондитеров и другой – скорня-

ков, в царстве сапожников есть несколько деревень пастухов. Там среди пастухов живет бывший повар Императорского Государственного банка, теперь глубокий старик. Повар почему-то остался один и не размножился поварами, как другие. Почему он один? Откуда вообще пошли все повара?

15 Августа. Опять росистое утро и солнечный день. Все жнут.

Я с 6 до 12 д. провел в дебрях Серкова. Там в густозаросших местах по заболоченным берегам ручьев находились дупеля и множество вальдшнепов. Как я ни ухитрялся, но убить мне не удалось ни одного, потому что сзади собак идти, птица вылетает за кустом, а заходить навстречу бесполезно: вальдшнеп сильно бежит, собака делает ложные стойки, зайдешь вперед, и собака вылезает на тебя, пойдешь вбок вправо, так забегает вправо, она ведет влево – ты намаешься в чащуре, наломаешь ноги, а когда придет настоящая стойка и вальдшнеп мелькнет, не успеешь стрельнуть. Так вышло и с глухарями: за небольшим кустом грохнул весь выводок, и я ничего не видел. Но из другого выводка успел выхватить молодую глухарку, величиной больше курицы. Это и была вся добыча моего утра.

(Золотого пастушка надо поселить на палях: рев скота, жалейка.)

Щавелек: Девочка в ягодах кричит в ужасе: ужас пустыни. Передать одиночество 7-летнего ребенка в лесу.

Утка без головы. Е. Пав. была в ягодах, выходит на дорогу с телефонными столбами. Видит, мчатся три чирка, и вдруг после встречи с проволокой путь продолжают два, а третий падает. Е. П. говорит: «Ах, птичка моя, вот я сейчас тебе помогу, ты опять полетишь». Подходит, а у птицы нет головы: проволока перерезала шею у самого туловища.

Тишина. Водоносное облако закрыло солнце, и небо скоро было закрыто. Все задумалось. Какая тишина вдруг наступила перед дождем: порхание пролетающего дятла слышалось долго после того, как он скрылся из глаз. (В это время пастух заиграл на свирели из журавлиной ноги.)

<*На полях*> Перешевелил птиц. Любимые мои места: идешь с 10-м номером по дупелю, вылетают глухари, наладишь по глухарю – вылетает бекас или вальдшнеп.

Дятел. Муравьиная кочка была расчесана тетеревами, в другой кочке было углубление, как бывает в земле от мышкующей лисицы: оно было сделано не тетеревами. Кто это сделал? Мой вопрос остался бы, как сотни вопросов остаются в лесу без ответа. Но мне захотелось чай пить, и неподалеку я

уселся в моховую кочку под сосной. Я затих, выпивая понемногу чай из стаканчика, и слился с деревьями, с кочками в тишине. Тогда послышалось порханье дятла. Это он перелетал на мою сосну. Посидел, подумал, глянул во все стороны, не обратил на меня никакого внимания и спустился на ту самую кочку, о которой был поставлен вопрос. Ответ явился: это дятел работает, вырывая себе, вероятно, муравьиные яички.

<*На полях*> Без Ремизова Алексея Никитича знаменитый на Дубне Зимняк – просто жалкая деревушка Московского Полесья. Зимняк знаменит своим простором с постоялым двором Ремизова. В прежнее время...

16 Августа. Очень жарко. Жатва в полном разгаре. После обеда гроза.

Я прошел с Нерлью по той стороне Сулотского моста краем озера до Демидова к Полубарскому и по Ярке. Бекасов нет совершенно. В трактире в Федорцове пил чай и хозяин Василий Иванович интересно рассказывал.

Тайна
Легенда Московского Полесья

Все эти наши места – леса, болота, озера до революции держал в аренде для охоты известный богач Мерилиз, англичанин. Наш Торгошинский Григорий Иванович был у него старшим егерем. Теперь и егерь и барин оба покойники. Хороший старичок был Григорий Иванович. Другой на его месте избаловался бы, а этот нет, ничего. И что удивительно, охотник мертвый, а никогда не врал. Вот он рассказывал о Мерилизе один случай, такой удивительный. Поехали они на охоту с Мерилизом в Вологду, в какую-то деревню, не помню теперь. И по каким зверям охотились и как у них шла охота, я тоже не помню. Кончили они охоту, пришли в эту деревню. Поставили охотникам большой самовар. Григорий Иванович и говорит молодым охотникам:

– Я тут около деревни заметил след русачий, давайте-ка, пока самовар поспеет, этого зайца возьмем.

Молодые охотники взялись за ружья, я повел собак. Мерилиз, глядя на нас, тоже загорелся:

– И я с вами! – сказал.

Собака враз подняла русака, молодые охотники бросились места занимать по дорогам, а Мерилиз, пожилой человек, пошел к сараям. Там, за сараями, ему ничего не видно было, потому что огромный тут сугроб намело, сугроб все заслонял. Мерилизу и захотелось подняться на этот сугроб. Зима была с большими осадками с настами, снег плотно лежал и взойти

на сугроб на этот было нетрудно. А нужно так выйти, что под этим сугробом мужики два года копали для скота колодец и воды не достали. На эту глубокую яму положили две-три слеги, на них хворосту, и ладно. Так этот хворост годы лежал и, конечно, подгнил. Вот почему снег и подметало к этому хворосту и каждый год на этом месте сугроб большой нарастал. Случилось такое несчастье: когда Мерилиз стал на верхушку сугроба, вдруг эта гниль над ямой рухнула, и охотник туда вниз полетел. Так был наверху сугроба человек, высоко стоял, и вот нет его, на самом низу, в пропасти. А никто этого не видел, и дела нет никому: русака гоняли и убили.

Только самовар поспел, и охотники тут с русаком. Заварили чай, стали дожидаться хозяина, – нет его, выпили по стакану – нет, по другому – нет.

Молодые охотники догадались:

– Опять, – говорят, – Мерилиз подшутил над нами, наверно, он прямо к станции поехал на лыжах.

Так все и решили, что уехал, и сами после чая тоже собрались, но раздумали и остались ночевать, но только по иной причине, только не из-за Мерилиза, о том думали, ушел на лыжах и уехал.

На другой день беднейший мужик из этой деревни Прохор был в лесу и нес дрова на себе: лошади, верно, у него не было. Вздумалось этому Прохору из лесу в деревню пролезть напрямик, и возле сараев попадись ему на глаза след человека на сугробе. Ему было невдомек, что вчера охота была, и след мог быть везде. Он обошел сугроб, что за диво! – нет выхода и нет человека наверху. Положил он дрова и полез на сугроб тем следом. Видит провал. Крикнул в дыру:

– Живая душа, отзовись!

Из дыры слабо:

– По-ги-ба-ю!

Прохор шарахнулся вниз. Собрал сход. Так и так, говорит:

– У нас в старом колодце человек кричит: погибаю.

Григорий Иванович и молодые охотники тоже были на сходке и враз смекнули:

– Мерилиз!

Взяли веревки, обвязали жердину, чтобы сидеть на ней и рукой за веревку держаться. Устроили вроде лебедки, всем миром навалились и вытащили наверх человека: Мерилиз был на себя не похож, весь черный. Привели его в избу, стали отогревать.

– Я, говорит, не так от мороза страдал, как от дыма. Два раза выстрелил, думал: пойдет дым вверх, а он сел на меня. Я чуть не задохнулся там. С жизнью своей там я уже простился.

Дали ему хорошего вина, чаю напился, поел и спрашивает:

– А скажите мне, кто же это мой спаситель, кто мне крикнул первый: «Отзовись, живая душа!»

Привели Прохора.

Отозвал он этого Прохора в сторонку, вынул бумажник и дал ему сколько-то. Потом показал ему этот бумажник и говорит:

– Смотри, себе оставлю только на дорогу, бумажник пустой, а сколько я тебе дал за свою спасенную жизнь, никому не говори.

Но погодите. Этим не кончается. Покойный Григорий Иванович, конечно, хоть и егерь был, а ведь из мужиков. Торгошинский он, и, конечно, мужицкая душа его не могла успокоиться. Когда вернулся он из Вологды в Торгошино и стал своим односельчанам этот случай рассказывать, все к нему с одним и тем же мужицким вопросом:

– А сколько дал?

Навели так они его на вопрос, и даже стало потом мучительно, днем и ночью мысль постоянно к этому возвращается:

– А сколько дал?

Прошел год, и два, и три. Вопрос Григория Ивановича не покидает. Бывают, конечно, встречи, новые люди приходят, всем хочется рассказать, всем хочется выслушать удивительный случай от очевидца, и всякий после этого спрашивает:

– А сколько дал?

И вот на четвертую зиму вздумалось Григорию Ивановичу поехать в Вологду, предлог был – поискать медвежью берлогу, а главная мысль была найти того мужика и дознаться, сколько же дал ему Мерилиз.

Приезжает так он в Вологду, спрашивает о том мужике Прохоре, где он живет.

– Дом Прохора Семеныча? – говорят, – а вот иди и сам узнаешь: дом под железной крышей, на каменном фундаменте.

Идет Григорий Иванович по деревне и видит, действительно, дом большой, пятистенный, под железной крышей, окрашена крыша медянкой, стены дома обшиты и тоже покрашены в такой цвет, наличники белые, фундамент высокий, каменный и облицованный. Вход, конечно, парадный под навесом, и на двери электрический звонок.

Григорий Иванович позвонил. Отперла дверь скоро женщина, просит войти в прихожую. Там в прихожей зеркало и вешалка березовая, полированная. Женщина эта повесила его шапку и полушубок. Открывает дверь. И вот комната светлая, просторная, на окнах медные шпингалеты блестят, посередине комнаты большой раскладной стол, на столе самовар и за самоваром Прохор Семеныч сидит в красной рубахе, на красном синий жилет, борода у него рыженькая, волосы расчесаны с пробором, смазаны деревянным маслом, блестят.

Не узнал он Григория Ивановича. Но как только назвал он себя, вспомнил, сразу встал, обрадовался Бог знает как, стал потчевать чаем, потом вином и закусками разными. Три

дня так жили, ели, пили, разговаривали душевно, и все три дня Григорий Иванович о главном своем деле, из-за чего приехал, спросить не смел. В конце третьего дня, однако, когда на расставанье выпили изрядный посошок, наконец осмелел и спросил. Сразу Прохор Иванович потемнел в лице и говорит:

– Григорий Иванович, не обижайся, душевно говорю тебе, оставайся у меня, живи хоть месяц, хоть два, приезжай ко мне всякое время, днем и ночью для тебя у меня будет стол накрыт самой хорошей, новой скатертью, а об этом не спрашивай, с этим я умру и потому не скажу: это моя тайна.

<*На полях*> Но четвертую зиму Мерилиз совсем не охотился. Вечера долгие <*3 нрзб.*>. И стало Григорию Ивановичу без дела мучительно жить, неотвязно лезет вопрос: да сколько же он дал? Старуха посоветовала Бога спросить и усердно молиться. Но Григорий Иванович не посмел беспокоить...

Закончил чтение книги Авдотьи Панаевой, на редкость замечательная книга. Мне захотелось написать свою книгу, в которой тоже пройдет целая литературная эпоха, но чтобы это было не воспоминание, а роман (3-я книга «Кащеевой цепи»). Эпоха 1-й революции. Алпатов находит «реликт», из-за которого расходится с эсерами и с мужиками (интеллигентского <*1 нрзб.*>). В момент решительных действий он подходит к вопросу творчества жизни. Является в Петербург для изучения реликта, пишет работу о нем, идея: «природа как реликт». Все находят в ней свое, и это открывает ему все двери. Сюжет: инженер хочет спустить озеро и встречает для этого препятствия, потому что, напр., во время исследования Волги находит «Китеж», в конце концов (может быть) затопляет машину. Лица: Мережковский, Розанов, Блок, Белый, Брюсов, Бальмонт, Гиппиус, Шестов, Савинков, Ремизов, Горький...

Начало главы. Мезальянс

Одна мысль, вычитанная Марией Ивановной Алпатовой у Герцена, задела ее за живое и некоторое время даже путала ее повседневные хлопоты, эта мысль: «mesallians» – мезальянс есть посеянное несчастье.

Применяя эту мысль к положению своего сына Михаила, она не могла для него найти выхода к счастью. Единственным просветом там было, что это временное увлечение молодости, что впоследствии он одумается, эту бросит, а жену выберет настоящую, образованную. Тайный голос, однако, нашептывал, что Михаил не из таких, и у него не может найтись необходимого для такого брака расчета. Был выход об-

легчить сыну тяжесть посеянного несчастья, убедить его приехать с женой и взять ее в руки, принять в семью, отшлифовать, подучить. Но этот обычный, много раз испытанный способ в хороших среднедворянских семьях не годился для Марии Ивановны, потому что она сама была из купцов, училась на медные деньги, сама в недалеком прошлом вышла из тех же крестьян и в глубине своего существа считала каждую деревенскую женщину «хамкой» гораздо больше и решительней, чем люди «белой кости», дворяне. Впрочем, тут не было каких-нибудь предрассудков, все выходило из опыта, и Герцен это удивительно метко сказал: «мезальянс – посеянное несчастье». Так она и решила про себя выжидать и всякий разговор с сыном об этом отклонять, как будто это у него была там где-то вне поля ее зрения обыкновенная мужская коротенькая связь.

А между тем Михаил, по-видимому, только за этим и показался, тоже не отдавая себе ясного отчета.

Друг мой, по правде говоря, все мы живем в облаках, и нет на свете совершенных умников, про которых выдумано: «если кто сказал А, тот непременно должен сказать Б». Если мы вообразим в действительности жизнь человека сложенной по этой формуле, то А будет чувство собственной личности, это Я, а Б, все то достигнутое всей жизнью, будет дурак и, умирая, такой человек в лучшем случае скажет: «Я был дураком». На самом деле вслед за А никто не говорит Б, в промежутках облака густые, ничего не видно, а жизнь по алфавиту читают только покойники, и неравный брак – сколько я знаю примеров! – у сильных людей давал многим недоступное счастье.

<*На полях*> М е з а л ь я н с – роковое начало романа.

Как говорится, «век живи, а дураком умрешь». Это значит дурак.

Инженер Алпатов по первому разговору с матерью понял сам себя, что его попытки в своем семейном устройстве войти в соглашение с матерью – остаток наследственных предрассудков о «счастье» и последний этап их переживания. После того он с увлечением стал рассказывать ей о своем деле в Московском Полесье, что там будто бы есть одно озеро… Разговор этот был за утренним чаем. Ударили к «Достойной». Марья Ивановна перекрестилась, спохватилась: «Что ж это я!» – и, оставив посуду «на произвол судьбы», отправилась в церковь: ей нужно было там непременно повидаться с соседом-помещиком, переговорить с ним и согласиться выписать пополам небольшую жатвенную машину.

Михаил Алпатов вышел в сад. Роса еще не сошла. Сад блестел. Пчелы гудели на липах. Мезальянс не казался ему посеянным несчастьем. Пахло созревающей грушовкой. Он

разыскал под знакомым деревом седое от росы яблоко и не ел его, а нюхал, впиваясь в его аромат. Это не было одно яблоко детства, одно только прошлое. В аромате яблока было и будущее. Он, нюхая яблоко, думал об озере, которое является причиной огромных Полесских болот. Он добьется своего, спустит озеро и… (Его встреча с мужиками: разговор об ораторах; возвращение матери, ее рассказ о парке с цветочками: и я хочу цветок понюхать: эпоха Японской войны. Расставание. Мезальянс.)

Почтарь обиделся, что Е. П-а не с ним поехала в Сергиев, и отказался, не предупредив, носить почту. Поди вот делай с таким. Несомненно, что пробуждение личности, – это прогресс. Но ведь личность другого – сама по себе непостижима, и действительный прогресс и личность другого могут быть постигнуты только в творческом процессе. А раз я не могу читать газет и деловую корреспонденцию из-за повышения чувствительности личности почтаря и если я верю, что дело мое выше моих эгоистических интересов, то к черту эту непроизводительную нерабочую личность. Я и досуги свои использую для дела, он ездит за почтой, в карты играет и пьет, к черту, я смету его. Личность другого я могу узнать и оценить только в творческом рабочем процессе.

Моя книга возьмет эпоху богоискательства и будет иметь содержанием психологию творческого процесса.

К Алпатову.

Его позиция. Все говорят о Боге, он не смеет, потому что для этого самому надо стоять на ногах, самому быть творцом. Но его «сам» не есть только его индивидуальное я – это аксиома его природы, его сила земли, крови, у них разлад, и потому они Бога берут на подпорку своего Я (слабы для просто Я и для Бога). Его везде все принимают как человека от земли.

Его главная мысль: природа, звери, птицы, растения, потом мужики – это реликты человека.

<*На полях*> Весь день с утра, натаскивая собак, я слежу за их чутьем и догадываюсь, чем им пахнет, а сам в своем чутье все время в цветах. Мне так отвратительно бывает, когда собака находит человеческий кал и съедает. Не могу отучить, в этом я бессилен, и остается подумать, отчего им мила эта мерзость, а мы ищем аромата цветов.

Человек, мне кажется, потому плохо пахнет, что некоторые люди душатся и дают понять этот новый нечеловеческий запах и тем, кто не душится. Если бы не было таких передовых людей с духами, то все люди пахли бы одинаково и не плохо,

как пахнут не плохо в зверинце слон и ему подобные звери. Духи же начались от цветов, и вот это удивительно, как люди могли полюбить запах цветов, в огромном большинстве случаев отрицательных звериному запаху. Ни одного зверя в природе не наблюдал я, чтобы он остановился и нюхал цветы. Отвращение к запаху своего пота и других выделений люди получили именно от любви к запаху цветов. Когда человек спаривается и возвращается тем самым к своему первоначальному чисто животному типу, ему нравится запах своих выделений, как собакам…

Замечательно, что девственные трудолюбивые пчелы, занятые вечно цветами, ненавидят запах пота.

Есть, конечно, и среди цветов некоторые, возбуждающие животные страсти, но это уроды из них, доказывающие общность происхождения растительного и животного мира. Может, и среди животных-людей когда-то были уроды, получившие любовь к запаху цветов…

Впрочем, я не могу сказать, чтобы запах лучших цветов, отрицательный к полу, был отрицательным к эросу. Напротив, запах всех цветов эротический, он волнует нас всегда, хочется вспомнить, и не можешь вспомнить свою самую первую, детскую любовь. Так обыкновенно и бывает, что духами люди хотят пополнить в себе что-то утраченное, возбудить ими в другом завязку любви. Душатся чаще всего женщины, кокетливо поманивая ими смущенного самца. Запах цветов то же самое, что мечта о чистой любви, трагически разделенной с обыкновенной любовью размножения. Ночная красавица – у нее запах сильный, порочный, она как будто стыдится…

17 Августа. Последние дни одинаково встает солнце в тумане и потом бывает очень жарко. Я даже не решился сегодня утром идти на охоту. Но вечером ходил в Трестницу с Нерлью и убил двух бекасов. Она очень недурно работала, хотя все по-прежнему плохо определяет момент, когда надо прекратить потяжку и остановиться. По убитой дичи прекрасно пойнтирует и в 10 шагах чует в траве и останавливается. Убил двух бекасов.

18 Августа. Восход в тумане. Жара. Дожинают.

Ходил с Кентой по ближайшему тетеревиному выводку, убил вальдшнепа и тетеревенка. Наслаждался работой Кенты по тетеревам. И такой простой кажется работа по бекасу в сравнении с тетеревиной. По чернышу это настоящая облава, как по волку.

<*На полях*> Совесть Горького. Молодежь в деревне.

Во множестве деревень центрально-промышленной области издавна мужское население было в отходах, а жалкое зем-

леделие оставалось уделом женщин, стариков и детей. Теперь по недостатку спроса на труд бывшие ремесленники и рабочие стали тоже земледельцами. К этому присоединилась молодежь, не обученная ремеслу. Здоровые парни в цветущем возрасте, перебиваясь с хлеба на квас, болтаются в деревне: «гуляют». Многие из них пытаются попасть в комсомол с целью через него «выбиться в люди», попасть на рабфак или чаще всего получить место рабочего на фабрике. Небольшому проценту это и удается, но большинство бросает комсомол и пополняет кадры той молодежи, которую в дворянских кругах называли «золотой», а в сельских – хулиганами. Поверхностному наблюдателю их вызывающее поведение кажется как бы продолжением эпохи первых лет революции, на самом деле в этом поведении нет ничего революционного, и продолжается оно ровно до того момента, когда такой парень женится, после того он возвращается в быт и веру своих отцов. Однако, при скудности земледелия в центральной полосе и невозможности уходить на фабрики, при падении кустарного труда едва ли всем возможно возвратиться в быт и веру. Вот эти-то современные «лишние люди», не приставшие ни к павам, ни к воронам, и являются, по моему, элементом, угрожающим всем «нашим достижениям». Глядя на них, и отцы находят себе главный материал для отрицательной критики современности. Напротив, в тех редких случаях, когда в деревне два-три молодых человека через комсомол вышли в деятельные партийные люди, я не раз слышал от стариков одобрение им и некоторое примирительное отношение к современности: «Ничего, – говорят они, – в нашей деревне кое-кто проскочил в люди».

Выход из этого положения двойной: 1) поглощение их фабрикой, 2) войной. Последний, пессимистический, выход и является господствующим в сознании «отцов».

Мне думается, в отношении современного крестьянского вопроса всякие попытки идеологического подхода (в том числе и мера борьбы с пьянством) являются или недомыслием или лицемерием. Все решается двумя словами: «давай войну» или «давай фабрику».

<*На полях*> В «Золотой луговине» надо непременно трансформировать любовь к Ине по линии «Прекрасной Дамы», чтобы под все искания Бога и <*1 нрзб.*> подвести эротический импульс. (Впрочем, как это и есть.)

Горький продолжает меня тревожить своей оценкой современности «по-хорошему». Я, может быть, и сам бы занял эту позицию, если бы разрешалось прикидывать мысль по-плохому. А так это напоминает мне время натаски молодой собаки в период, когда нельзя охотиться: в это время учитываешь дело именно по-хорошему, считая, что ко времени охоты дело

натаски так подвинется вперед, что хорошее возобладает. Верней всего, у Горького (я тоже сужу его «по-хорошему») за границей наметилось такое будущее вроде 1-го Августа у нас, охотников, когда хорошее возобладает. Несомненно, это будущая мировая война с победой пролетариата. В свете этой катастрофы он и смотрит на всю советскую натаску русского народа «по-хорошему».

Что же в этом так волнует меня как-то не по-хорошему?

Прежде всего у меня в душе есть от близости к бедствиям людей во время революции травма, которая не дает мне возможность смотреть на общественную жизнь по-хорошему. Очень возможно, что я могу за деревьями не увидеть леса – вот почему беспокоит меня это второе пришествие Горького.

Свою «травму» я побеждаю только целебным процессом художественного творчества, который, однако, только уравновешивает мою личность и дает ей только возможность существования. Этот сладостный путь лечения своей травмы, однако, не дает мне права на голос в общественных делах. Я и желал бы выйти за пределы своей травмы и боюсь выйти за пределы своего назначения (призвания), боюсь сверхчеловека, Блоковского «Христа», Горьковского публичного деятеля.

С другой стороны, какой-то голос (и опыт) мне подсказывает возможность выхода из этого радостного подполья каким-то естественным путем внутреннего роста, достижения путем творчества ясного факта своего бытия, утверждающего тем самым и лучшее бытие других. На этом мучительном пути путь Горького является мне каким-то срывом. Мне даже приходит в голову иногда оценка его как лукавого авантюриста, легкомысленного в старости. Каждый раз, однако, дойдя до этого, я запрещаю себе это думать и даже обвиняю себя в низости.

Лекарство, которым я лечу себя самого, годится и для многих людей, больных избытком чувства совести и сознания, в этом и состоит моя гражданственность, готовить это лекарство для других, как для себя. Но не все же люди больны, знакомы с сердечной тоской, дрожат всем телом от накопления мыслей. Здоровым людям не нужно никакого иного художества, кроме – для отдыха и развлечения, их общность естественная, возникающая из сотрудничества в добывании средств существования. Смешно и грустно, когда в наше время со всей государственной важностью эту этику, сопровождающую добывание средств существования среднего, вполне нормального человека, хотят насильно привить художникам...

Свои выстрелы. Когда собака подводит к дичи, то от самых отдаленных, едва слышных выстрелов она вздрагивает, а иногда и подпрыгивает, но когда цель достигнута, птица взле-

тела, она так вошла в свое дело, что не обращает никакого внимания на последующие над самой ее головой выстрелы: это свои деловые выстрелы.

Животный страх. Бывает такая мертвая тишина, в которой всем людям и животным становится жутко и по-малейшему поводу представляется какой-то «невообразимый ужас».

Я возвращался темной ночью домой с охоты в такой тишине. Мои нервы были до того расстроены, что меня стал брать страх: «вот ружье возьмет и само в меня выстрелит». Страх овладел мной, себя самого я испугался, вынул патроны и положил их в сумку. В это время послышалось тарахтение телеги, медленно едущей по мостовой. Мне показалось странным приближение этой телеги, я бы непременно стал за деревом, но дорога была обрыта канавами, наполненными водой. Я решил идти вперед, хотя знал, что непременно случится что-то недоброе. Показалась голова лошади, и ей показалась моя белая собака.

Белая собака!

Лошадь остановилась, вгляделась. Я пошел вперед.

Белая собака!

И в один миг ни лошади, ни телеги, ни человека, сидящего на ней, не стало на дороге: все это бултыхалось в канаве.

19 <Августа>. Из нашего близкого выводка взял с Кентой двух петухов. Ходил к «американскому жителю». Ему так непонятно было, что Горький свой журнал хочет назвать «Наши достижения», что мне пришлось стать на точку зрения Горького. Я увлекся и свел весь воинствующий социализм к вопросу о войне.

– Две силы, – сказал я, – берут на себя труд продумать вопрос о войне до конца: католическая церковь и наш социализм. Вот скажите искренне, положа руку на сердце, думали вы о войне или просто не думали?

– Думал, – ответил американский житель, – я так думал, что войны теперь долго не будет: она невыгодна теперь капиталистам.

Возвращаясь домой, я оставил точку зрения Горького, и вдруг чрезвычайно ясно вопрос о войне представился мне делом внутреннего строительства мира, не внешнего, как у нас.

Появление Пети. Бледный, с проваленными глазами. Бабушка сказала: «Какой ты томленый». Он рассказывал, что человечек, срезавший его по обществоведению, вел себя нехорошо: несмотря на то, что на все вопросы ему был дан ответ и он их одобрил, он поставил неудовл. отметку. И прямо после него пропустил девицу, отвечавшую много хуже. Петя подошел к нему и сказал: «Подлец!» Он притворился, что не слышит. Петя повторил. Он ответил, что он может жаловаться в

комиссию. Идет в комиссию. Старичок-профессор долго мялся и, наконец, показал циркуляр экзаменаторам, что подход должен быть индивидуальным при экзамене, и отметка, удовлетворительная при одном социальном происхождении, может быть неудовлетворительной при другом.

– Главное, – сказал Петя, – было обидно, что экзаменатор вел себя по-хамски. Например, спрашивает меня, в это время приходит другой такой же экзаменатор, и между ними дружеский разговор: «Ты сколько отделал? – Я двадцать. – А я пятьдесят. – Ну, я так не могу» и т. д.

После рассказа Пети я спрашиваю:

– Почему же ты, сильный человек, не взял этого человечка за шиворот и не отдул его по щекам? Ну, немного бы посидел, тебя бы судили, я бы вступился, заварили бы кашу, и помогло бы другим.

– Нельзя, папа, – ответил Петя, – он еврей, и непременно бы из этого сделали антисемитизм.

Пришлось согласиться.

Переживаю мучительное чувство бессильной злобы. Часто возвращаюсь мыслью к Горькому и думаю о нем нехорошо.

20 <Августа>. Солнечно и прохладно. Росисто. Березы зажелтели. Как будто на заре токовал петух.

Мы с Петей нашли партию глухарей 6 и 3, в прогалине видели, как они, огромные, пролетали один за одним, одинаковые и ровные, как вагоны. Я стрелял по одному *<1 нрзб.>* и ранил.

Взяли 4 тетеревей и дупеля.

Теплые места. Когда мокрая, холодная Нерль возвращается с охоты, мать ее Кента вперед порыкивает, знает, что она, мокрая, непременно приблизится к ней, угревшейся на теплом матрасике. А когда разляжется Нерль и мокрая возвращается Кента, непременно Нерль, желая поскорее узнать, что я убил, вскакивает, и Кента занимает ее теплое место. Случается, я не иду на охоту, я захожу только проведать собак. Обе они тогда вскакивают, навязываясь: «Меня возьми, меня возьми!» Я отвечаю: «На место!» И они ложатся на свои матрасики, но непременно Кента на месте Нерли и эта на место матери. Так каждой собаке кажется, что место, занятое ее соседкой, теплее.

Экскаватор утонул. Серега Тяпкин был и после долгого сидения сказал:

– Вчера в чайной Бог знает что говорили, будто экскаватор перевернулся: лопнул канат.

Я чуть не вздрогнул:

– Затонул?

– Ну да, говорят, утонул.

Я потому испугался, что механик говорил мне о единственной серьезной опасности: если экскаватор утонет, тогда вытащить его будет невозможно.

Серега передавал, будто в чайной приняли это как злое действие: привыкли мужиков обманывать, вот и опять: дело не выходит, вот взяли, да и затопили.

Скверно, что разговор мой с механиком слышал Лахин, догадка может только скользнуть по нем, чтобы этот <*1 нрзб.*> о ней разболтал везде, потом сам этому вверился и повторял за правду, и опять выпрыгнет этот «старик с шарами».

У Лахина азиатские глаза. Он живет, как кочевник в степи-пустыне, где по длинному уху передаются всякие новости.

21 Августа. Прохладное серое утро, потом солнце, в полдень слепой дождь, после обеда прохладное солнце.

Мы ходили с Нерлью по всей Журавлихе, нашли только выводок с двухнедельными бекасятами. Бекасов нет вовсе.

При первом намеке света стоял на крыльце и чувствовал всем своим трепещущим существом, что любовь к человеку может явиться только со стороны, что всякая любовь со стороны: т. е. любят «во имя кого-то».

Я клялся себе: впредь как можно меньше болтать с «младшими».

Мужики. Огромная масса мужиков говорит о революции, что это обман. Кто обманул? Вожди. Например, говорили: «леса будут ваши», а вот теперь тронь их, ответят: «не ваши, а государственные».

Был момент, когда леса были в распоряжении мужиков. Смоленские леса, вероятно, до сих пор помнят этот страшный погром. То же самое: «интеллигенция ваша». «Наше» – это значит у мужиков, что каждый может брать из общего себе, сколько только он может. Вследствие этого от общего «государственного» «леса» «интеллигенции» ничего не остается. (Нет ничего и никаких.)

«Дать волю» мужику – это значит дать волю все разрушить.

При всей темноте туземец чрезвычайно хитер и теперь отлично учитывает политику. Напр., дер. Скорнино несколько лет тому назад перешла на отруба. Но, услышав о перемене курса на колхозы, вернулась (из страха, что отберут собственность) к прежнему общинному хозяйству, переменив, однако, трехполку на восьмиполье (факт надо проверить).

22 Августа. Солнечно-прохладный день. Ранним утром уже бормочет осенний тетерев. Мы в Серкове с Петей взяли старого самца-глухаря, молодую глухарку, вальдшнепа и рябчика.

О тех глухарях-вагонах сомнение, не молодые ли это от ранних выводков. Не отбиваются ли у глухарей молодые самцы от выводка раньше, чем у тетеревей, почему и создается впечатление, что в глухариных выводках большинство самочек (?)

Когда взрывались глухари, между ними попал вальдшнеп и пролетел мимо нас. Мы и не думали стрелять по нем, а только заметили, что летел он почему-то с раскрытым носом.

Вечером постучался в окно Хренов и передал новость: на Грибановской Дубне на самом глубоком месте утонул экскаватор. «Виден только флажок». Приехали будто бы какие-то всесведущие матросы и будут машину частями доставать. Надеются через месяц опять машину пустить.

Мысль Хренова об осушении: состоится постановление Сергиевского Исполкома, и ВИК заставит мужиков копать канавы; сами никогда не начнут, если и найдется какой «адеалист и будет копать, ведь ему голову отжуют».

Туземцы. Виснут у нас на окнах по вечерам и наблюдают, как мы едим: если кто-нибудь из нас засмеется, там внимательный учитывающий глаз: «значит, и они смеются». Я лег в кровать, поставил лампу на стол и начал читать. Слышу шепот... (шепчутся удивленные, что я лег без подштанников).

Низшими людьми я называю тех, кто в своих суждениях и делах относительно Бога и человека руководствуются личным интересом.

<*На полях*> Адеалист – голову отжуют.
Флажок.
Туземцы.

23 Августа. Натаска Нерли. С Нерлью убил тетерева и двух бекасов. Она делает стойку, если подберется к дичи вплотную, и она не летит. Эту стойку, потому что дичь нельзя схватить и дальше наступать нельзя – делает, когда чует по ветру: это потому, что чует, а не знает, где же она именно, куда дальше идти. Третий вид стойки по мертвой дичи опять-таки для того, чтобы определить место, где она находится. Во всех случаях, когда она чует по следу, стойки не бывает, хотя потяжка бывает очень медленная, ползет на карачках. Просто не знаю, что делать. Чутье свое она не раз доказала, а когда идет по следу, кажется, нет чутья, потому что так увлекается следом, что не догадывается поднять голову и схватить запах самой дичи. Это называется нижним чутьем. Я думаю, что собака не должна работать исключительно верхним или нижним чутьем, то и другое необходимо. Но опытная собака, когда идет нижним чутьем, все время бывает наготове поднять голову и оторвать-

ся от следа. Буду в этом году ходить с Нерлью больше в ветер по открытым болотам...

Бекасов нет. Нашел матку, молодые еще с желтыми головками.

Серково

24 Августа. Всю ночь дождь. Утро серое. Поет ли еще иволга? Но во всяком случае неделю тому назад еще пела. Рожь в овинах.

Вчера Петя ходил в Вишняки, осмотрел болото «Циба», нашел немного бекасов, дупелей нет. По-видимому, рассчитывать на болотную охоту можно только по пролетной птице, с 12-го Сентября. Будем охотиться пока на тетеревей, глухарей и вальдшнепов.

<*На полях*> Письмо из Московского Полесья.

1. Рублевик

Туземцы. Рублевики

Все пять окон моего дома вечером я закрываю газетами, и все-таки на всех окнах виснут ребята: одни находят какую-нибудь щелку смотреть, другие удовлетворяются долетающими до них отрывочными разговорами. Они при этом ведут себя так тихо, что забываешь о наблюдателях своей жизни. Только бывает, какому-нибудь очень скучно станет висеть на окне, ничего не видя и не слыша, он решается похулиганить и сухим пальцем по влажному стеклу проводит с таким резким звуком, что мы вскакиваем, в тот момент он рушится, со всех окон все рушатся и бегут в темноте.

И это не маленькие, это незанятые парни около двенадцати лет от роду. Их много в каждой деревне теперь, потому что земледелие в Московском Полесье (и западной части центр. пром. обл.) маленькое, раньше такие парни в отходе учились ремеслу, теперь традиция порвалась, отцовское ремесло заброшено, фабрика не забирает, и они на бабьем положении, т. е. занимаются земледелием, которым раньше занимались одни женщины, продолжая им свое домашнее хозяйство. Глядя на этих парней, я часто вспоминаю и тех, висящих бесполезно на отцовских шеях ребят, которые год готовятся в Вуз и осенью возвращаются «срезанными» к отцам, возмущенными до крайности: экзамен выдержали, а места не нашлось (в этот сезон в Политехническом из 100 человек принималось два).

Все эти деревенские ребята мне хорошо знакомы по стрельбе в цель. Когда я выхожу стрелять из своей винтовки, они все идут за мной, большие в надежде, что я дам им стрельнуть, поменьше – подобрать пустые капсулы. Самые маленькие распределяются в капустниках, затаиваются там от больших,

в решительный момент вылетают оттуда и захватывают добычу (капсюль) раньше больших.

Охотники-рублевики главным образом вербуются из этих ребят. Покупается дешевенькая, стреляющая на 20 шагов берданка, платится рубль, и охотник имеет все права, не зная не только законов об охоте, но совсем даже не умея обращаться с оружием. В редкой деревне не было «несчастного случая»: там убили девушку, там парня. В нашей деревне тоже были жертвы и в прошлую зиму и в эту. И не мудрено. Вот, например, как они забавляются. Один мальчуган изображает зайца и бежит, другой тюкает в него из берданки с заложенным в нее старинно-осечным патроном. Натешились. Сели. Кто-то взял берданку, тюкнул от нечего делать, и вдруг мертвый патрон ожил, да как ахнет! Просто счастливый случай спас жизнь бедного «зайца».

Я взял одного из таких «рублевиков», очень милого парня, с собой на охоту, только с условием, чтобы стрелять из ружья моего по очереди, мне хотелось навсегда поразить его прелестью культурной охоты и поселить в нем желание совершенствоваться. Собака моя скоро нашла след и повела. Я догадался: она вела по глухариному выводку. Здесь довольно глухарей и рядом заказник, в котором, по моему расчету, не менее 50 выводков. Поэтому я себе позволил взять из выводка пару молодых и приготовился к стрельбе. Но в то время как поднимались молодые в 20 шагах, матка поднялась в десяти от меня и закрыла молодых, из-за нее мне не удалось стрельнуть в молодых. Мой спутник был изумлен. Я объяснил ему положение: матка заслонила молодых, матку стрелять запрещено.

– Кто же нас тут видит? – спросил рублевик.

Я повел длинную речь и, как теперь понимаю, смешную о происхождении и цели закона об охране природы. Он ничего не понимал и упрямо ссылался на лес: в лесу нет закона.

Я вспомнил свою юность. У рублевика лес, у меня был свой лес в голове. Я браконьерствовал с иной, но подобной аргументацией. Мне представлялось так, что по какому-то внутреннему большому закону живое нельзя убивать и, если мы убиваем, то за это когда-то придется расплачиваться. «Ну и что же, – говорил я себе, – покаюсь, в старости все раскаиваются, получают прощение». И вот при таком понимании закон, охраняющий дичь, для того, чтобы потом ее можно было больше стрелять, больше совершать таких преступлений, мне казался чудовищным. Подобное, мне кажется, было и в голове рублевика: лес – это свобода, охота, потому и охота, что все можно. Какая это охота, если нельзя, если закон, какая страсть, если…

Словом, я могу сказать, что рублевик не так прост, чтобы удовлетвориться ссылкой на закон, культуру, науку. Чтобы говорить ему об этих вещах, надо вспомнить себя…

Поговорите с любителем кровного собаководства, скажите ему: «Ваши собаки очень хороши, но они скорее похожи на призовых лошадей, призы возьмете, а на охоте убьете мало при таком широком и безумно скором поиске». Любитель ответит вам: «А для чего надо много убивать, какая-нибудь парочка бекасов, на которых, как придешь домой, затреплешь, противно смотреть».

Я это понимаю: это артист-собаковод. Но попробуйте объяснить это рублевику. Я не специалист ни по собакам, ни по стрельбе, я просто охотник, для которого надо убить дичь, но постоянно стоит вопрос: «как убить». Вне закона внутреннего и внешнего мне не существует охоты. Для меня закон – это мера, то же, что музыканту ритм…

Как объясню я все это рублевику?

Ищу материал для убеждения. Вспоминаю из своей жизни момент, резко разделяющий меня, дикаря, от артиста. Вот как это было. Я встретился с одним отличным охотником, который позвал меня к себе и попросил помочь ему набивать патроны. Очень возможно, он не без умысла пригласил. Меня все поразило: весы, и ни одной порошинки вне веса, дробина упала на пол, он ее нашел и сказал: «Терпеть не могу неряшливости». Но больше всего и уж окончательно меня взяла в плен машинка с каучуковыми цифрами для обозначения на дробовом пыже номера дроби.

После того мне открылся путь культивирования моей страсти. Теперь уже не она мною владеет, а я сам в седле и направляю ее к делу охраны природы и верю, что только понимающий и любящий природу охотник является верховным ее охранителем. Но нет, нет… я чувствую, что взял прицел несколько выше сознания «рублевика». Да притом их так много, нас так мало. Необходима система. Прежде всего, при получении права охотиться необходимо <*1 нрзб.*> знание законов, охраняющих дичь. Это сделать очень легко. Второе – необходимы егерские школы, третье… Впрочем, ни второго, ни третьего, я буду стоять на одном: при получении права охоты рублевик должен понимать обращение с огнестрельным оружием. Мы должны это сделать, мы высчитываем, сколько истребляют волки животных, мы кричим о борьбе с серым помещиком. Посчитайте, сколько жизней человеческих уносит ежегодное разрешение охотиться всем за один рубль. Мы должны требовать от желающих охотиться точных знаний сроков охоты и внутренних сроков, когда дичь можно стрелять и когда нельзя.

25 Августа. Туман. Потом серое небо. И солнце. Жарко. После обеда принялся брызгать дождик.

Нет желтых берез и красных осин, но по дороге по грязи постоянно попадаются и золотые монеты березок и кровавая

печать иудина дерева. По утрам бормочут тетерева, потом стучат цепы: прилетели гуськи – дубовые носки.

На Селковской низине мы не нашли дупелей, но от Чумакова получено известие, что у них на Мергусовой бели высыпали. Мы взяли четырех тетеревей, двух вальдшнепов и бекаса.

Читаю Воронского «За живой и мертвой водой». Неожиданно нашел себе очень ценную книгу. Она, как и моя «Кащеева цепь», является редкой (не считая Цепь, единственной) попыткой освещения истоков русской революции путем «интроспективным», притом без – pro и contra*, а как фактора русской культуры. Лучшая глава «Две жизни», где автор sub specie acternitatis** смотрит на свой отчий дом. После возвращения его из отчего дома к образу жизни сынов-революционеров поражает нищета сынов, полное отсутствие у них духовных и материальных средств для постройки жизни иной. (Как известно, вслед за крушением революции <19>05 года следует взрыв личного в литературе и потом попытка не материальным, а духовным путем построить новую общественность. Эта попытка дает самый блестящий период русского искусства, если и не достигающей, может быть, вершин периода литературы Белинского, зато неизмеримо превосходящей его числом средних дарований и распространением литературной грамотности.)

Так представляю себе: на одной стороне самоуничтожение во имя коллектива («Наши собрания, – ответил В., – оформляют жизнь коллектива и отбрасывают все узко личное. Коллектив должен подчинить себе личность, иначе не побеждают» Вор. стр. 199).

В ответ на эту диктатуру гражданственности в литературе и произошла революция личности вплоть до утверждения: «Я – бог», и последующее движение вспять Мережковского к общественности, к революции (вспоминаю слова Тернавцева: «Они неизбежно вернутся к нам (правосл. церкви)». Так не удалась на одной стороне революция, на другой реформация.

В последующую катастрофическую гибель царства погибла и сопровождавшая его интеллигенция. В хаосе революции процесс творчества определился как борьба личности с диктатурой коллектива, т. е. те же самые бывшие раньше творческие силы обнаружились в области государственного строительства, стали на место царя. По-иному это: из области кружковой мечты перешло в жизнь.

---

* за и против (*лат.*).

** с точки зрения вечности (*лат.*).

Наше время характерно исканием ворот, в которые бы могла выйти творческая личность из государственно-коллективистической петли для универсального творчества.

Творчество, это, во-первых, личный процесс, чисто «духовный», это процесс материализации духа – личность. По пути материализации личности, во-первых, встречается другая личность, во-первых, жена: процесс единения эротический: семья. Уже здесь ставится вопрос о роли разума, т. к. есть уродливые браки «логические», есть «по расчету» и т. д. Религиозная общественность соответствует браку по любви. Разумная – по расчету...

<*На полях*> Из книги Воронского можно еще видеть, что такое напряжение людей в истории народа бывает один раз.

Смерть идеала. Цаппи, как описывают, был в трех теплых брюках, а у Мариано одни разорванные, потому нога у него отмерзла, и ее пришлось ампутировать.

Вообще, экспедиция Нобиле – это гибель Северного полюса, я думаю о том Северном полюсе, который своей недостижимостью и тайной манил к себе избранных людей, по великой цели отбирались и великие характеры. С изобретением аэроплана достижение полюса стало делом спорта. Следующий этап, экспедиция Нобиле сбросила с полюса последние покровы романтики, и мы увидели там ничтожных повседневных людей, хуже всяких животных.

То же самое было на глазах у нас при падении самодержавия. Сколько удивительных людей прошло у нас в могилу по пути к счастью народа и человека, зажатому стеной самодержавия! Рушилась стена, и там оказалось, нет ничего, как на Северном полюсе. Герои-мученики, наши Бранды, мечтавшие дать людям третье царство милосердия, воплощения в людях Deus caritatis*, на самом деле были отцами легиона чиновников. Наиболее удивительно было видеть, как последние из героев, став победителями, достигнув, казалось бы, осуществления этого царства caritatis, захотели «жить»: побросали старых жен, взяли молодых, увлеклись хорошими винами, отрастили животики, утешались устройством себе самим юбилеев.

Искусство падает у всех на глазах, цель искусства в сознании масс до того совпадает с «отдыхом», что для иного какого-нибудь толкования его нужно много слов. Одно искусство больше не в силах теперь служить идеалам, воспитывать характеры.

Остается некоторый налет возвышенных достижений в области науки, но с каждым днем видим мы распростране-

* Бога милосердного (*лат.*).

ние взгляда на науку, подобно как на искусство: искусство для отдыха, наука для техники.

Я увлекаюсь теперь синтезом искусства и науки в деле познания жизни: наука строит берега для искусства... но... я иногда думаю, что это является во мне за счет наивных остатков религии (детства), которые охраняю я с необычайной последовательностью и жестокостью к другим сторонам жизни (да есть ли они?). Правда, все говорят и вздыхают о своем детстве, и никто не хочет истратить силы своего характера на достижение этого лучшего. Сильные люди, вздохнув, отбрасывают свое детство и со злобой обращаются к «делу», исполнив которое, истратив себя на него, они думают в будущем открыть другим людям ворота к счастью. Люди слабые, хорошие сами «впадают в детство».

Нам нужно овладеть творчеством науки и искусства для творчества жизни.

У Мережковского была речь о творчестве Бога (теургия), но я не слыхал там о творчестве жизни (Алпатов: – Друг мой, я хочу вам сказать в этот раз свою заветную мысль о творчестве жизни: что идеалы наши рождаются по тем же самым законам, как рождаются шипящие, прыгающие шарики, когда брызнешь водой на раскаленное докрасна железо, как эти прыгающие шарики, рождаются из крови живые мальчики и девочки и так же рождаются из нашей собственной крови, нашего огня, нашей воды и железа и наши идеалы. В час раздумья вскройте, чего вы хотели вчера, намереваетесь делать это завтра, вы увидите непременно в тайнике ваших дел смешной идеал, верьте мне: все идеалы наши, в которых все наше лучшее, наивны, как дети, всмотритесь в них: это дети любви такой же, как физическая, но только бесконечно более сложная... Среди этих детей царит такая же смертность, но некоторые, в сравнении с физическими детьми, имеют такую продолжительную жизнь, что кажутся нам даже бессмертными, вечными. Всякий идеал, с другой стороны, есть наше же на долгие сроки закрепленное детство. Ребенком входишь в атмосферу этого идеала и отдаешь ему на охрану свое детство и так живешь до старости, возвращаясь в идеале к своему детству. Но я уже говорил вам, что идеалы смертны, случается в короткий срок нашей жизни быть свидетелем смерти идеала, вскормившего в течение нескольких сот лет тысячи тысяч детей. Так во время моей жизни умер идеал Северного полюса: он был открыт. Сколько великих характеров сложилось по этому идеалу! И какими ничтожными существами оказались люди, поехавшие туда на дирижабле без идеала, когда полюс уже был открыт. Смертью идеала на Севере было его достижение... Я не могу больше ничего читать о Северном полюсе после того, как двое товарищей оставили умирать во льдах третьего, а из этих двух один, присоединив к своим двум тре-

тьи брюки оставленного, допустил рядом с собой замерзнуть товарищу в его единственных рваных штанах).

Так же точно погиб мой идеал человечности, бывший за пределами самодержавия; когда рухнула царская стена, за ней оказалось, нет ничего. Всю ночь солдаты из внутренних стен штыками выбивали золотые украшения, а утром при свете золото оказалось грудой изуродованной бронзы. Чхеидзе, уверявший солдат, что подсвечники у царя из чистого золота, оказался не прав: и подсвечники были медные.

Так оказывается, что среди идеалистов есть с очень короткой жизнью, но так же, как и у детей, есть зверски жестокие. Нет никакого сомнения, что эти существа составляют общество, поверженное тем же порокам, как и наше...

<*На полях*> Р. кашляет на охоте: бекасенок и Ефр. Пав. Дупелиное время для меня, как весна: беспокойство. Жировка тетерева. Рожь, стадо, лампа: дупель во тьме и роса. Вчера с утиной тяги. <*1 нрзб.*> и пошло! Табунки ласточек, турухтанов. Поражение утки.

И вот я освобождаюсь от власти идеалистов и делаюсь сам творцом своего идеала. Мне кажется, я-то не сделаю ошибки, я-то учту все причины смерти моих идеалов, создам непорочный, бессмертный.

26 Августа.

Утки

Дождь. Вечером ходил на утиный перелет. Если утка после выстрела не перевернулась задом наперед, не полетели по ветру перья, не упала она сразу камнем, а несколько наискось, сохранила в напряженности форму своей бутылки с носом, то спеши вторым выстрелом поразить ее, пока она еще в воздухе. Подстреленная в осоке в полумраке удерет. По-моему, из всех стреляных уток <*1 нрзб.*> остается подранков. Я вчера одну взял, другую упустил.

Ремизов

Преудивительная личность содержатель трактира на Зимняке Алексей Никитич Ремизов: о нем нет пересудов в народе, единогласно весь край от Углича до Сергиева и от Переславля до Дмитрова и до Кимр и дальше по верховьям Волги до Рыбинска скажет: «Первый человек Алексей Никитич!»

Что это? Не раз я всматривался в его черные толстые, похохлацки свешенные усы, закрывающие тайну его губ, в его глаза, черным блеском скрывающие внутренний их загад, вслушивался в точную, сдержанную речь и по-разному догадывался о причинах его успеха в народе: и мне кажется, это делает точный, доведенный до законченности художественной формы расчет. Спросишь людей, одни скажут: «Трезвость великая, за всю жизнь, скажи, выпил бутылку, много будет, такому можно довериться». – «Можно ли довериться А. Н-чу ?» – спросят другие. «А вот как можно, – отвечают, – раз почтальон загулял и почту положил под прилавок, в ней было сколько-то тысяч денег. Неделю искали почтальона и почту. А. Н. никому не сказал, а когда почтальон явился, то и не спрашивался, сам взял из-под прилавка и даже «спасибо» не сказал».

Спросить можно и самого А. Н-ча о причинах успеха его в народе, и он сам скажет: «Потому все знают, что трактир при современном налоге – невыгодное дело и что у меня есть хорошее хозяйство, трактир мне в убыток, а бросить не могу: я с людьми вырос, днем и ночью с людьми, на людях и помру».

Я пил чай в трактире этой весной, в той самой отдельной комнате, где пили чай когда-то у того же Ремизова и знатные охотники, великие князья, просто князья, миллионер-фабрикант, а потом Ленин, Троцкий и все пролетарские вожди, охотники, из тех же стаканов пили, тот же вид был передо мной в другую, собственную комнату хозяина, где стояло ампирное кресло, счеты лежали рядом с букетом сирени и в окно виднелась колоннада огромного постоялого двора, подпирающая бесконечно сложенные опоры соломенной крыши, уходящие нижними концами в бездну навоза...

Я думал, завистливо вглядываясь в таинственные усы: «Вот бы знать об этом крае одну тысячную того, что знает он, вот бы выслушать одну тысячную всех признаний... и похоронить, как тайну, под своими усами, чтобы никого никогда не поссорить». Я много раздумывал и, наконец, сказал моему соседу-охотнику:

– Завидная личность Алексей Никитич!

Охотник ответил:

– Одно нехорошо...

Я насторожился, готовый по человеческой слабости услышать первое недоброе мнение.

Охотник продолжал:

– Нехорошо одно: кашляет на облавах.

И рассказал мне, как шел волк в тростниках, всем было видно, шел прямо на Ремизова, ближе, ближе. Сказать бы, но тут шевельнуться нельзя, а не только сказать, все видят, только он и не знает, какое счастье попало на него. Оставалось 20 шагов, и вдруг А. Н. тихонько кашлянул. Волк сразу назад и прорвался через загонщиков. А он и не знал. Мы после сказали. Нехорошо: кашляет.

<*На полях*> Колоннада, сирень.

Бекасята. Охотники, по наблюдению Л. Толстого, не любят маленьких детей. Я думал об этом, мне кажется, это потому, что бессознательно они видят в них конкурента: охотник сам ребенок, и вот еще один появился…

Их называют в охотничьих книжках уродливыми, какие-то почти черные тараканы с длинными носами и ногами. Но раз на охоте была со мной женщина-мать. Собака нашла гнездо только что вылупившихся бекасов, рядом на кочке лежала теплая скорлупа. Один бекасенок хотел удрать от нас, но осока была очень густая, встречный пучок былины задержал его и чуть-чуть наклонился от его тяжести, и он полез на былинку, она гнулась сильнее, он лез, добрался до половины. Тут женщина-мать осторожно взяла его в руки, принялась его целовать и говорила:

– Миленький мой, хорошенький мой, красавец ты мой!

Эта же самая женщина-мать, когда однажды я писал, принесла мне в комнату от хозяев новорожденного, отвратительного, на мой взгляд, ребенка и говорила: «Посмотри, какая красавица девочка!»

27 Августа. Рожь молотят. Со всех сторон слухи: дупеля показались, там видели одного, там двух…

Это значит, наступила собственно охотничья осенняя пора (Успенье!). В отношении дупеля я испытываю такое же трепетное состояние, как весной, но только в этой тревоге есть большая разница: тогда боишься, что не только вся весна, а вся жизнь, собранная в эту весну, мимо пройдет, и мечешься из стороны в сторону, хватаясь за все: как бы не упустить, как бы не упустить! А час упустишь, – не <*1 нрзб.*> себе, в том и беда весенней тревоги: не знаешь, за что ухватиться. При начале осени, напротив, предмет тревоги точно определен, боишься только, как бы не прозевать дупелей! А все остальное в начале осени является, как достижение, как момент усиленного раздумья после трудов.

Мне дорог в это время новый заутренний час, я счастлив, что до рассвета теперь могу час провести с лампой в ожидании утра. Но особенно дорог утренний полумрак возле болота. На темнозорьке я стою, прислонившись к пряслу, отделяющему ржаное сжатое поле от болотного, кочковатого луга и время от времени прикидываю ружьем на небо и землю, проверяя, видно ли мушку. Я знаю по опыту, что на рассвете больше найдешь дупелей, мне представляется, будто они на рассвете рождаются из тьмы и росы. Вот я пускаю собаку и начинаю действовать, мне больше некогда предаваться созерцанию: вот пастух заиграл, через час, много через два выйдут коровы. Конечно, я слышу очень хорошо, что бормочет осен-

ний тетерев, что розовый свет и голубой свет и зеленый свет вокруг меня и показывается красное солнце, и что кричат журавли, и летят надо мной. Я всей душой чувствую нежное, и бодрое, и раздумчивое, и умное утро, но я действую, я сам только что родился из тьмы и росы, я действую! Мне надо спешить, вот ревут коровы, вот впереди показывается подпасок, за ним коричневые коровы, потом черные, потом бурые, – много коров, много овец, а сзади старый пастух с огромной трубой. Идите, идите, луг очищен мной. Я сажусь на кочку, отдыхаю и закуриваю. Сегодня я загонял себя до полного изнеможения, но дупелей не нашел. Убил одного только бекаса. Все очень строгие <*1 нрзб.*> за пятнадцать шагов.

Петя едет завтра в Москву:

1. Среда 12 час. Дом печати к Морозову: написать письмо.
2. В «Охотник» к Каверзневу и Бутурлину узнать о начале занятий в Охот. школе.
3. Доверенность и гонорар к Новикову.
4. «Новый Мир» к Смирнову.

28 Августа. Утро солнечное, потом наволочь и дождь. После обеда ливень и не гроза, а один-единственный страшный удар.

Ходил с Нерлью и открыл возле Скорынина дупелиное болото, взял двух дупелей, двух бекасов и молодого тетерева.

Нерль по обыкновению делала великолепные стойки только по убитым птицам, к живым подкрадывалась без стоек, но к тетеревам подвела отлично верхним чутьем и довольно издалека. К сожалению, подбитый тетерев бойко побежал по скошенному лугу, и Нерль его схватила. Первый раз я наказал ее так, что это останется ей в памяти и, думаю, она в другой раз не захочет ловить.

<*На полях*> Вместо «с Богом» он говорил «с Марксом». Ступай, скажет, с Марксом. И он вместо «Бог с тобой» скажет «Маркс с тобой». Но иногда примешивалось что-то другое и говорил: «Иди к Марксу!»

Думаю, что теперь ни Новая Гвинея, ни Центральная Африка, ни джунгли на меня не произвели бы никакого впечатления, потому что условия достижения этих, когда-то таинственных девственных мест поглотят всю возможность радостной встречи с незнакомой природой. Но в мире привычном где-нибудь в Московском Полесье, среди мужиков на пойме, мною завоеван бесконечный поток впечатлений, когда на моих глазах проходит смена явлений природы. Тут я буду ребенком до старости и надеюсь на мгновенье очнуться в последнюю минуту смерти, если рядом скажут: «дупеля прилетели!» Сам дупель – это почти не птица, это просто комок

жира в двойной кулак, едва поднимается, едва летит. Правда, он очень вкусен, я не знаю ничего вкуснее дупеля, запеченного во французской булке, но не в этом же дело, не этого хочется, когда переломится лето и березы еще зеленые, но на грязи увидишь золотой лист, осины зеленые, но на грязи заметишь кровавое пятно иудина дерева, и вдруг прислали с оказией записочку: дупеля показались, вчера взял двух, третий улетел в крепь. Не есть дупеля хочется, а действовать, вот как действовать страстно в мире, где нет повседневных забот, где ни желтенькие осины, ни золотеющие березы, ни туманы, ни роса, ни журавли, ни даже солнце – само солнце! кажется не на стороне отдельно, а вместе с тобой одновременно действуют, чтобы добыть дупеля.

На странице 86 «Искусство видеть мир» Воронского говорится, что религия убила художников в Толстом, в Гоголе… Я сам думал раньше приблизительно так же легко, но теперь думаю, что не художника убивает религия, а то надменное самолюбивое гордое существо, которое вырастает в человеке, питаясь его общественной славой художника. Художник остается, но ему невозможно бывает творить в искусстве такого, раньше не замечаемого «черта», и сила его устремляется не на творчество «художественной болтовни», а на борьбу с чертом. Если бы художник начинал свое дело в согласии с Богом и постоянно озирался на свое поведение в жизни, то и создавал бы без встречи с чертом, как создавали эллины свои статуи богов и христиане свою литургию в картинах.

Воронский, сам семинарист, не свободен от поповского понимания религии, он бунтует против отцов своих, но не против религии, попы – это правда, первые гонители искусства, да, пожалуй, и самой религии. Ведь весь пафос правды Добролюбова, Чернышевского и всех наших литературных семинаристов и весь их социализм выхвачен из церкви. Мы теперь это ясно видим в молодом поколении, прервавшем богоборческую традицию интеллигенции, не осталось и следа нашего социализма, у них социализм выродился в бюрократизм, а материализм – в механистическое понимание человека и общества.

Я, впрочем, не думаю брать под свою защиту Бога, я вообще оставляю религию в стороне, потому что мне это не по силам… если есть, однако, Царство Небесное, то я надеюсь попасть в него не человеком, я просто жуком перескачу незаметно, без Суда. И я не знаю, почему такой путь менее достоин, чем мучительный путь человеческий. У нас самое ложное сложилось понятие, что будто бы крест обязателен для всех: вот это, вероятно, больше всего породило несчастий, обмана, это отравило жизнь и вызвало бунт против Бога.

Гоголь, Толстой, Блок распинают в себе художника ввиду создаваемого в себе, наросшего за жизнь параллельно своему

творчеству черта. Дело Черткова, отца Матвея и других – было делом исполнения распятия добровольно и правильно осудивших себя людей. Эти люди, истинные последователи Христа, и надо же наконец нам возвеличить их крестный путь и поставить его не ниже, а выше их художества. Но это основное преступление – навязывать их мучительное спасение тем, кому не от чего спасаться... кто не горд по природе, или постоянным вниманием к себе самому, отвык при успехе накоплять в себе гордость и устанавливать свое особенное значение.

У меня такое понимание религии и Бога и я боюсь произносить это всуе, чтобы не разбудить дремлющего в себе сверхчеловека, который и есть виновник, левый разбойник...

29 Августа. Всю-то ночь лил дождь. Утро хмурое, ветреное, холодное. Только после обеда разгулялось, и к вечеру воробьи огромным табунком давали у нас в палисаднике свой осенний концерт. Мне почему-то под пение воробьев вспомнились мужики, с которыми я в нашей усадьбе рос, как родня или, вернее, как фон моей родни, вроде воробьев на акации, и как потом они превратились в «граждан»... и распахали усадьбу по-своему. Какие следы нашей усадьбы сохранились на том месте, где сложилась моя жизнь? Ничего, но воробьи поют о ней на всем свете, да есть ли место на свете, где не собирались бы под осень воробьи большими деревнями?

С Кентой ходил на Скорынинское болото, где взял вчера двух дупелей, никого не нашел и возвратился с тремя бекасами.

Остожие. В кучке молодых березок одна была высокая. Мужик обрубил на ней сучья и сделал стожар. Вокруг стожара он согнул и надломил молодые березки на пол-аршина от земли и все повел и наклонил к стожару и привязал к нему. Так вокруг стожара на сыром лугу стало вроде помоста – это остожие, на остожии сено улеглось вокруг стожара и под сеном его кончик торчал. (Это годится для «Щавелька»: забрался под остожие.)

Приметы. Я приметил одну безголовую ель, вокруг нее были низкорослые березы, под березами большие кочки с черной водой между ними, на кочках росла осока и редкие тростники (разработать тему «примет» для описания леса).

<*На полях*> Перед этим описание обыкновенных остожий: из века в век на том же месте зимой прутья. Но родился мужик на земле, который вздумал сделать по-своему.

Эту тему развивать, напр., описать Скорынинскую тропу (через Попов Рог в коровьих растопах среди черной ольхи по трестнице до первой березы переход через канавы).

Бесы. Жизнь писателя ничем не отличается от жизни подвижника: те же бесы вокруг, от гордых сверхчеловеков, как у Гоголя и Толстого, до маленьких «купринских» пьяно-богемных (вспоминаю какую-то драку в ресторане приверженцев Куприна и Леонида Андреева). Но у подвижников религии есть сложная система борьбы с бесами, а писатель среди них, как ребенок…

<*На полях*> Лермонтов.

Есть бес гордыни, но и в смирении есть тоже бес, хотя по существу он тот же самый: этот очень осторожный. Я его вижу («Кукарин»).

У Мережковского, Разумника, Блока, Ремизова и др. несомненно жизнь проходит с бесами, но о Максиме Горьком почему-то не скажешь этого, не потому ли, что он авантюрист?

<*На полях*> Пусть в романе граф Бобринский писал научную работу: роль коровьих растопов в образовании болотных кочек.

Сегодня я с таким волнением возвратился к «Брачному полету» Алпатова, мне вспомнилось, когда я невесте своей сказал: «Погоди ж, я тебе за все отомщу». – «Как, чем?» – удивилась она. Я ответил: «Своей любовью». Она довольно улыбнулась. Ни она, ни я не знали в то время, что местью моей будет этот роман. Как тонко в нем загримирована эта «месть любовью» и как поучительно она превосходит офицерскую месть Лермонтова своей Сушковой.

Ветер был на меня и я услышал…

<*На полях*> (Разговор с собакой.)

30 Августа. Ночь лунная. Встал в 2 ч., в 3 утра вышел в тьме с Кентой проверять дупелей на Селковскую низину.

По пути рассветало. Мне в этот раз так было, что и ночь, и утро, и день сходились в одно: ночь разделась, это называется утро, а утро оденется – день. Когда ночь разделась, стало холодно, и потом все умылось росой и одевалось в голубое и красное, забормотал тетерев. Солнце показалось, закричали журавли.

Я дупелей не нашел. Надо подождать жатвы овса. Бекасы были у пруда пачкой, одного убил, все разлетелись. Появление бекасов пачками я заметил уже с неделю тому назад. Сгонишь эту пачку, на другой день воротятся не все. Главный бекас еще в кусту: в Серковских крепях постоянно встречаются.

В Серкове встретил две кучки штук по пяти чернышей, на выстрел не допускали, – вероятно, уже начинают табуниться.

Всего я убил сегодня только двух бекасов и вальдшнепа, а путался в невылазных местах до 12. Дождик помочил. Местами не узнаешь, где раньше была тропа, там река.

<*На полях*> Князья, купцы, крестьяне, рабочие – все устраивают свою жизнь согласно своим вкусам, почему же бы и художнику не устроить свой быт согласно главному стимулу искусства – свободе?

<*На полях*> Дупелей ищут возле капустников по коровьим растопам. Серых куропаток по оржаницам утром и вечером, днем в картофельниках.

Не вспомнишь того, что передумал поутру. Больше всего вертелась мысль у «реликта». Этот реликт мне хочется сделать «тайной творчества». Алпатов хочет постигнуть реликт путем книжным, но каждый раз при этом охлаждается, однако при новом взрыве мыслей это годится (борьба разума с чувством). Из всего этого рождается работа, которую художники считают наукой, ученые – искусством. «Реликт» открывает и человеческие перспективы (археология, неолит и т. п.).

<*Приписка на полях*> Тема для диссертации: «К вопросу происхождения болотных кочек: доминантное значение коровьих растопов в их формировании».

Начало романа:

Друг мой, согласимся с вами назвать просто народом тех людей, которым нет ничего легче сойтись с особой другого пола и воспроизвести с ней существо себе подобное – пусть это будет простой народ. И назовем интеллигенцией тех, для кого создание живого себе подобного существа самое трудное в жизни.

Простите за такую необычайную классификацию общества, но мне так свободней думать о людях и писать свой роман. Моя личная жизнь сложилась столь причудливо, что в ней стерлись все сословия и классовые границы. Сколько я знаю лично мужиков и рабочих, которые целиком попадают в категорию той высшей интеллигенции, о которой я только что говорил, и наоборот, сколько встречалось мне князей и ученых и богачей в вопросе великом воспроизведения жизни, целиком падающих в безликую массу простого народа.

31 <Августа>. Последний день Августа. Последний день охоты на серых тетеревей. День серый, но теплый. Упражнял спозаранку Нерль на бекасах. Убил одного.

<*Приписка на полях*> А то был у меня день этим летом, вот так денек: вроде как бы заговорила меня бабушка: чудеса и чудеса! Вышла у меня из рук первопольная Нерль.

Догадка

Натаска собаки – одно из самых мучительных и рискованных дел. Можно, конечно, взять несколько собак и выбрать легкую – это легко, но если попадется собака трудная, то натаска мучительна. По-моему, и поговорка: «он на своем деле собаку съел» пошла от егерей: съел собаку, значит, покорил ее. Для натаски от дрессировщика требуется непременно характер, большая любовь к делу и, главное, способность вовремя догадываться. При натаске каждой трудной собаки бывает случай, который ни в какой книжке не найдешь, и непременно нужно самому догадаться.

Нерль вышла из рук. Не слушает свистка, если почует. Потяжка по следу кончается взлетом бекаса без стойки. Едва успеваю добежать, это не легко по топкому болоту. Делаю промах за промахом и опять спешу, не успевая даже вынуть из волос вечно жужжащую пчелу или осу. Наконец, беру Нерль к ноге, снимаю шляпу, взъерошиваю волосы, встряхиваюсь, как мокрая собака, и докучливый звук прекращается.

<*На полях*> Не люблю писать о муках натаски, но приходится...

Пускаю Нерль. Она бросается в карьер и скоро в можжевельниках начинает опять свои эволюции по следу бекаса. Бегу к ней, попал ногой в коровий растоп, вытягиваю ногу осторожно, постепенно, чтобы не утопить другую, и вижу, как Нерль подбирается к бекасу, а в волосах опять пчела жужжит и жужжит. «Чирк!» – бекас. Не успел даже вскинуть ружье. А какой был хороший, Нерль, подшивая следы, подобралась почти к самому и все-таки стойки не сделала. Вдруг мне послышалось, будто опять чиркнул бекас, но не взлетел. Но так не бывает. Я удивленно смотрю по сторонам. «Чирк!» сзади. Обертываюсь. Опять нет. Прислушиваюсь: жужжит пчела в волосах, стрекочет сорока. Догадываюсь: это на ходу при волнении отдаленное стрекотание сороки так переделывается воображением на звук взлетающего бекаса. И вдруг: «чирк!», и сорока сама собой, и бекаса в воздухе нет.

Приходит такая глупость в голову, о которой совестно даже сказать: сегодня бабушка, не имеющая понятия о том, что охотнику надо желать «ни пуха ни пера», пожелала мне побольше убить: «Пошли тебе Господи!» – сказала она. Так вот это все, и что Нерль вышла из рук на поиске и не делала стоек,

и что пчела жужжит в волосах и чиркают без взлета бекасы, – все это колдовство от бабушки.

<*На полях*> и тут опять новая загадка: в этом лесу был <*2 нрзб.*>

Измученный, вошел я в лес на суходол, сел на заготовленные жерди, снял шляпу, хорошо перебрал волосы: пчелы не было, звук прекратился.

Мало-помалу силы мои стали восстанавливаться, и вместе с тем возвращалась обычная моя уверенность, что догадкой можно преодолеть всякую неприятность с собакой. Я стал вспоминать свой опыт, а также все прочитанное о натаске собак, ставя вопрос: что нужно делать, если собака, имея (неоценимое-?) чутье, шьется в следах и не делает стойки. Книжные советы пришлось все отбросить, да это и бесполезно: книга не может ответить на всё, непременно бывают случаи новые, и это естественно: ведь и мой характер в своем роде единственный и собака эта моя Нерль – не отпечаток другой, а тоже в своем роде небывалая, вот и небывалый случай, вот и необходимость догадки своей собственной…

А между тем Нерли было неловко лежать на том месте, где я ее уложил. Робко оглядываясь, она перешла на другое место, но и там не понравилось. Встала и тихонечко сделала круг, что-то причуяла на земле, взглянула на меня и, тихо ступая, сделала кружок побольше и еще побольше, дальше и дальше. Я тихонечко сказал ей: «Что сказано?» Она стала приближаться не прямо, а тоже кругами и не дошла, опять удалилась, и опять я сказал: «Что сказано?» Я заметил при этом, что Нерль, сдержанная в поиске, старалась как можно выше задрать нос и так заменяла себе невозможное теперь (копаройство) в следах потяжкой по воздуху… Тогда мне вдруг мелькнула догадка: «Надо пока бросить с ней этот поиск в карьер, довольно, она это знает, и к этому ее всегда можно будет вернуть; я буду держать ее по шагу, приговаривая в случае ее волнения и удаленности: «Что сказано?» Энергия, затрачиваемая на передвижение, непреклонно заставит ее думать над материалом, поступающим в нас… а кроме того, вблизи-то я ее всегда могу задержать и, наконец, стрелять без волнения…

Вот догадка!

Отдохнув, с новым притоком жизненных сил, надежд я встаю, тихонечко говорю: «Что сказано?», иду вперед, и она идет в десяти шагах от меня на пружинках, высоко задрав вверх нос, играя ноздрями. Так мы подходим к кусту. Она останавливается. Вылетает черныш. Блестящий результат моей догадки был так очевиден, так меня это обрадовало, что я не пожалел даже об упущенном черныше. Я возвращаюсь опять на болото. Нерль идет на пружинках, шагом, десять шагов в

одну сторону, десять в другую, да и не меньше как на десять туда и сюда она чует: всего мы захватываем полосу в сорок шагов. Вот начинает причуивать след, начинает на нем волноваться. Но ведь ей искать только полу-разрешено, по самому тихому моему «Что сказано?» она останавливается, поднимает нос, втягивает воздух и замирает, стоит, потом и лапу поджала, сначала заднюю – не понравилось, поджала переднюю, и с передней лапы стала капать в лужу вода...

Я убил этого бекаса, потом убил другого. Так вот простой догадкой я снял с себя колдовство бабушки. Да, я еще забыл сказать о других догадках, снявших колдовство с того утра: пчела-то, оказалось, не в волосах запуталась, а застряла в ленте шляпы, а слышимое мной бекасиное «чирк!» было в моем носу от бесполезной беготни и сильного волнения.

<*На полях*> «Юный охотник», пусть Петя напишет.

Стойка. Бывает два рода стоек, одну собака делает потому, что чует насиженное птицей место, но не знает, где находится сама птица. Эта стойка у собаки знак вопроса, из ряда последующих типов стоек складывается то, что мы называем потяжкой. Другого рода стойка бывает, потому что собака определила местонахождение птицы, не знает, как дальше с ней быть...

Начало романа

Скандинавский ледник, спускаясь к нам, рыл, холмил нашу землю, не считаясь с жизнью будущих людей.

Мне в голову приходит сейчас сравнить это движение ледника с движением нашей всемирной цивилизации: она тоже роет и холмит примитивные народности, не загадывая о счастье их. Задумайтесь, друг мой, цивилизация стихийна, как ледник, и еще не родился на земле такой многоум, кто мог бы обнять весь его пройденный путь и всякий, кто это сделает, ломает себе шею просто потому, что движение не кончено и отдельная жизнь меньше, короче его.

Уже много тысяч лет тому назад окончился в Европе ледниковый период, но мы и до сих пор не овладели вполне материалами, заготовленными для нас шествием ледника. Он, конечно, шел, не считаясь с жизнью, и все переменял в ней без плана: шел сам по себе. Но у нас в центре России он рыл и холмил неплохо для будущих людей. На оставленных им извилистых холмах вышли леса, в рытвинах легли озера. К тому времени, когда человек обжил леса и распахал на холмах песчаный верх морены, озера внизу заросли и стали болотами с мощными залежами торфа. Да, ледник рыл и холмил, конечно, не думая

о людях, но в общем плане его творчество расположило материалы недурно и для творческой жизни людей: ведь стоит только из болот, в которые погружен холм, вывести торф на песок, и земля станет необыкновенно и надолго плодородной. И вот, друг мой, я вам приведу «разительный» пример неправоты нашего скороспелого суда над цивилизацией: что можем говорить мы об этом неоконченном процессе, если множество людей живет у нас в России, не умеющих использовать для себя материал давным-давно законченного ледникового дела. На этих моренных холмах сидят теперь люди, мужики, не думая о заготовленном для удобрения торфе, так долго и нелепо сидят, что песчаный верх морены от них самих с животными мало-помалу начинает удобряться и немного темнеть... Но, как бы там ни было, люди прибавили многое к ландшафту ледников.

(Пейзаж. Церкви. Сухие ветлы. Долина. Блеск озера: раз в год вспыхивает огонь: это озеро блестит.)

1 Сентября. Весь день дождь. И я вижу и другие говорят, что встречают много бекасов в лесных крепях. Вероятно, это потому, что луга залиты водой. Однако, кое-где все-таки встречаются и непременно пачками штук по десять: потому что рассыпаться некуда.

Я ходил на Скорынинскую трестницу применить свою догадку о натаске Нерли. Умерив ее поиск, я достиг возможности успеть подойти, когда она начинает причуивать, и удачно стрелять: убил пять бекасов подряд. Но всех бекасов я спугивал сам в то время, когда она путалась в следах. Однако убитого бекаса причуяла по ветру за 10 шагов и стояла долго, остальных убитых плохо причуивала. Повела раз верхом по вальдшнепу в кусты, учуяв его издалека, но тоже стойки не сделала. Раз выразила удивление перед кустом, и вслед за тем вырвался черныш.

Таким образом, остается объяснить плохую работу влиянием погоды (дождь) или слабостью чутья, или неуменьем пользоваться чутьем.

Надо найти место, где много бекасов, или подождать, когда они явятся, взять с собой помощника и длинную (чок-корду аршин 15 – 20). После охотничьего сезона, если не будет перемены в лучшую сторону, обдумать весь опыт и установить, остается ли надежда на перемену в следующем сезоне.

2 Сентября. Все небо закрыто полупрозрачными облаками, только на востоке узкая полоска чистой зари. Деревенские петушки хорошими и скверными голосами, но всегда очень смешно, учатся у старых кричать ку-ка-реку.

Вчера в Скорынино я сел на снопы у овина переждать дождь, приехал с возом новых снопов лядащий молодой

хозяин, с ним была молодая бабенка, огненная и открытая, как солнце. Я с восторгом смотрел, как она таскала к овину снопы. Несколько раз замечал, что в деревнях у сильных выразительных женщин бывают слабые мужья (по-Тургеневски). Вижу, задорная дикарка продолжает меня пленять. Ночью в кошмарном сне эта же самая женщина явилась ко мне в хорошее общество какой-то не то <курсисткой-?>, не то проституткой.

Юный охотник

Петра Пришвина с предисловием Михаила Пришвина
Школа любительской охоты на птиц

I. Дошкольный период: Как и где находить дичь:

1. Общие правила следопытства (по Формозову: растворить книгу Формозова в своем опыте).

2. Краткое описание образа жизни охотничьих птиц с точки зрения их местонахождения.

Степные птицы: дрофа, стрепет, серая куропатка и друг.

Водяные: утки, гуси, лебеди.

Болотные – гаршнеп, бекас, дупель, кроншнеп.

Лесные: вальдшнеп, белые куропатки, тетерева, глухари, рябчики.

II. Школа натаски собак.

III. Школа стрельбы птиц.

1. Когда можно стрелять (законы). 2. Когда надо охотиться: а) обращение с ружьем, б) охота на всех вышеназванных птиц.

Книга в два листа. С рассказами пять.

Такое было прохладно-росистое настоящее крепкое охотничье утро, но я вышел, безучастно походил возле деревни и пасмурный вернулся назад. Так иногда бывает с охотничьей собакой, даешь самую любимую пищу, и не ест...

Верней всего после вчерашней ужасно утомительной охоты я переутомился писанием на ночь, нет ничего хуже, когда на мускульное утомление ляжет умственное. Только к самому вечеру жизнь стала мало-помалу возвращаться ко мне, я обратил внимание на большую вечернюю зарю, и очень мне захотелось подобрать какую-нибудь мелодию на своем рожке. Он сделан из волчьего дерева, тростника и коровьего рога, простейший инструмент. На волчьей палочке просверлено пять дырочек без всякой мысли о гамме. Но, конечно, дырочки расположены не зря, верней всего, они сделаны так, чтобы удобней было играть коровьи мелодии. Люблю я эти мелодии больше всякой музыки. Многое множество людей надо перебрать, чтобы найти такого, кто променял бы концерты Бетховена на мелодию пастуше-

чьего рожка в лесу на утренней росе. Но я готов отвечать чем угодно, что сегодняшнего пастуха до солнышка пришел бы послушать сам Бетховен, он сказал бы: «Это лучше, это больше меня!»

Я сегодня на вечерней заре взял рожок, и вдруг тайная прелесть этой музыки для меня открылась, простейшая грустная мелодия с последующей вариацией, изображающей веселье и радость коровьего шага, – вот и все искусство. Тут все в простоте, чтобы деревня была, коровы, лес, солнце, и звук выходил из коровьего рога, волчьего дерева и тростника. У открытого моего окна собрались ребята, женщины, я спросил одну:

– Милая, как будто у меня выходит не хуже, чем у пастуха?

Она мне серьезно и убежденно ответила:

– Лучше!

Я осмелел, и когда догорела заря, вышел на простор и стал играть. Показался на дороге целый воз чужих мужиков, ехали, свесив ноги, покуривали. Я был уверен, что они сейчас будут хохотать надо мной, издеваться. Но, к моему удивлению, они остановили лошадь и слушали серьезно меня, лысого, с седеющей бородой, играющего на свирели из волчьего дерева и коровьего рога! Я удивился, потому что забыл, что за два месяца моей жизни вид мой приходился уже к рожку...

Окончив мелодию, я быстро повернул и вошел в дом. Окно оставалось открытым. Я слышал: чужие мужики говорили между собой, один спросил:

– Чей это дом?

Другой ответил:

– Сафонова Николая Василича.

– Николая Василича! – подивился первый мужик, – так оно и есть, Николаю Василичу есть чем пастуха угостить: каши наелся и заиграл.

Первый мужик на это заметил:

– А хоть бы и не у Николая Василича, последний мужик по череду пастуха накормит, сам не поест, а пастуху все отдаст. Вот он и свистит, нет, брат, на пустое брюхо не заиграешь.

Из этого разговора я понял, что жизнь пастуха не плохая и, в крайнем случае, можно поступить в пастухи.

Трое. Они жили вдвоем, вместе радовались, вместе скучали и так мало-помалу они двое стали как одно существо, и когда пришел к ним третий, то он не был третий вначале; они были одно, пришел не третий, а другой...

Откуда берется наглость у молодых писателей? Вот откуда, если смотреть по-хорошему: мечта у него великая, но жить нечем, беден. Значит, давай денег, давай возможность жить, а потом я сумею. Такая психология и у всех революционеров.

<На полях>

Убитая дичь:

Август.
1 – 1 тетерев
2 – 3 бекаса
3 – 1 тетерев
6 – 1 гаршнеп
3 бекаса
1 кряква
11 –5 тетеревей
1 витютень
1 бекас
12 –3 тетерева
1 бекас
13 –1 дупель
1 гаршнеп
15 –1 глухарь
17 –2 бекаса
18 –1 тетерев
1 вальдшнеп
19 –2 тетерева
20 –4 тетерева
1 дупель.

3 Сентября. Всю ночь и весь день, круглые сутки, беспрерывный дождь. Серо и мутно. Сошлось в природе и у меня на душе. Надел я фуфайку, вязаные чулки и стал я сразу стариком в 90 лет, потому что у меня не было никаких желаний и полное равнодушие было ко всем живущим.

Прочитал «Поэт и чернь» Ценского (пересказ всего известного о дуэли Лермонтова). Автор с помощью маленькой хитрости («чернью» назвал «свет», окружавший поэта) отвел душу... из-за этого все и написано.

4 Сентября. Солнечно-холодно, сильный ветер, нанесло облако, брызнул дождь, и опять светло, но холодно.

Обошел много места (закраек трестницы, Морозовку, Веригино, Журавлиху, Рудачиху) и убил только двух бекасов, а всех на этом огромном пространстве видел только пять. Исчезли даже и те бекасы, которые раньше встречались постоянно. Видимо, они подались в крепи.

Почему бекас выходит из крепи и рассыпается по лугам? Вероятно потому, что в крепях становится им сухо, летят к сырым местам. Но если сырые луга обратились почти что в озера, то зачем они выходят из более удобного места.

<На полях> Считается потому, что из крепей их выбивают дожди.

5 Сентября. Дождь весь день.

Вчера Петя опять появился. С Сахалина Лева денег просит.

Думал о правде художественного творчества у Льва Толстого.

Правду я понимаю, как уверенность в том, что в наших человеческих отношениях возможно установить наше желанное, наше лучшее. Бывает правда, которая «глаза колет», бывает, напротив, правда-награда человеку, отличающая его перед теми, кому правда колка.

В художественной литературе в огромном большинстве случаев воплощение правды считается необязательным, напротив, желанный мир – это недостижимый идеал и возможный лишь в вымысле, осуществление этого мира в человеческих отношениях возможно лишь чудом. Поэтому считается крайне наивным и вульгарным вопрос к писателю: было ли это так, о ком вы написали? Роман – это иллюзия. Произведения Толстого стремятся к правде. Каждая строчка Толстого выражает уверенность, что правда живет среди нас и может быть художественно найдена, как исследователем, напр., железная руда.

Актеры действуют на сцене, и в передних рядах люди сидят спокойно, потому что знают: это театр, а не действительность. А на галерке иногда волнуются, там наивные люди принимают это за жизнь. Может быть, люди на галерке более правы: почему, правда, «представление» тоже не жизнь?

У Толстого отношение к своему искусству такое, как на галерке: он верит, и нас заражает своей верой: это жизнь, это так бывает, так было.

Толстой – наивный реалист, сила его в том, что он удивляется воспринимаемому миру, как ребенок, как «дикарь», о которых говорят наши путешественники, но которых, вероятно, уже не осталось на земле. Современный дикарь, оставаясь дикарем в образе своей жизни, лишился удивления, как набалованное игрушками дитя. Я видел наших крестьян, когда начали летать аэропланы, никакого впечатления: «ученые все могут выдумать», и Ленину не удивлялись: «Ленин в университете учился».

Мне хочется подвести это рассуждение к возможности записывать этнографически точно, как былины и сказки, рассказы людей. Я не скрываю от себя того, что записывающий должен обладать большим художественным вкусом и очень возможно, что и мастерством художника. Вкус нужен, чтобы возможно было на таком рассказе остановиться и мгновенно определить его художественную значимость. Кроме того, нужно большое мастерство, чтобы, выслушав рассказ, записать его. Устная речь одна, а литературная другое. Нельзя такой рассказ записать как былину, как сказку, бесстрастно. Пусть все так, я хочу только сказать, что рассказ Василия Ивановн-

ча трактирщика мастером слова может быть записан и с точностью передан не условно, а по всей правде. Что в нашем народе господствует устная словесность (положение артистов), что посвятить себя записыванию этих легенд и оставаться большим художником слова – у нас вполне возможно.

Плавунчик круглоносый. Вчера на золотом лугу увидел маленькую белую, как бы сахарную, птичку, плавающую в осоке по лужам, головка ее с круглым, как шило, носиком была очень наивна, мила чрезвычайно, спинка ее была как бы прикрыта темным с коричневым пятном-одеяльцем. Она была чрезвычайно доверчива и не хотела улетать от меня, пока я не решился схватить рукой. Тогда она полетела бойко и села от меня в 50 шагах. На таком расстоянии я мог ее взять из ружья для чучела. Выстрелил. После того откуда ни возьмись еще пять штук таких и прямо ко мне, сели на лужи в пяти шагах и смотрели, что я делаю с их убитым товарищем. Их доверчивость, их белоснежные зобики и что они такие маленькие, а плавают, как большие, – все это перевело меня в детский сказочный мир…

6 Сентября. С утра полумрак, из тумана показывается небо совершенно серое. Потоп.

Давайте, друг мой, думать о пережитом, чтобы оставить потомству картину жизни наших современников.

906-7-8 и т. д. – года.

Богоискательство.

Христос Мережковского.

(Умный был человек «красивый брюнет» (Тернавцев). Он сказал: «Церкви о них нечего беспокоиться, они вернутся»).

Мережковский: два пути к Христу, церковь или путь красоты.

О. Александр Устьинский (о. Спиридон) дает поручение Алпатову к Мережковскому, Розанову – о соединении Англ. Церкви с православной… Вокруг Устьинского Капернаум: Молочников, Кукарин. Общее Мережковского, Розанова, Блока, Разумника, Ремизова и, я думаю, всех, всех: искание путей к «народу» (славянофильство).

Журавли
Охота возле Скорынина

С утра полумрак, из тумана показывается небо совсем серое, всюду блестит потоп. Но мало-помалу из этого складывается робко-задумчивый день. Прекрасна бывает пойма в освещении – таком глубоком, что кажется, еще чуть-чуть, и увидел бы скирды кругом и с той, невидимой стороны. Скошенные места поймы поросли молодой свежезеленой осокой и на ней

кажется, что роса так густо лежит, а это паутина. Голова собаки от нее в несколько минут становится совсем седая. Как странно, что я никогда не задался вопросом, откуда в одну ночь является эта паутина, покрывающая ровным слоем всю траву лугов, может быть, на десятки и более верст. Бывает, на такую паутину ложится осенняя густая роса, и при первом свете солнца луг блестит, как лед, так что легко можно вообразить себе, будто находишься где-то на Новой Земле.

<*Приписка на полях*> 2 петуха, 12 бекасов, 1 дупель. На Скор. болоте до сих пор взято около 20 бекасов, замечено улетевших 17. Бекас прибыл из кустов значительно.

На Скорынинском болоте бекасов значительно прибавилось.

Когда Петя хотел стрелять в своей очереди бекаса и подходил к стоящей Кенте, он заметил у края болота возле деревни стоявшего в валенках мужика и внимательно глядевшего. Петя злился на него и ворчал. Я его понимаю, при стрельбе бекасов мешает не только человеческий глаз, но мне даже и лошадиный, конечно, потому что за лошадьми и коровами всегда скрывается наблюдающий пастух. Петя одного бекаса убил. Мужик в валенках что-то крикнул и хотел двинуться. Мы махнули ему рукой: не ходить, потому что Кента сделала новую стойку. Петя успел мне сказать в большом удивлении: «А ведь он в валенках!» Удивление понятно: мы стояли по колено в воде. Бекас вылетел дальше, но я стрельнул на счастье, и, вероятно, только одна дробинка попала в него: Петя крикнул: «У него висит нога!» Он после выстрела забрал высоко вверх и камнем свалился. Вот случай. Но что из него сделает восхищенный свидетель перед каждым встречным человеком с ружьем, он будет творить из этой случайности образ идеального охотника, который на сто шагов без промаха бьет бекасов… И действительно мужик не выдержал и в волнении прямо полез к бекасу. Мы тоже подошли. Он стоял по колено в валенках. Он меня назвал знаменитым охотником, говорил, что выстрел был чуть ли не на 100 шагов, что сюда ходит доктор, но тот ничего не может и только распугивает. Долго мы не могли понять, для чего же он лез к нам и губил свои валенки. Только под самый конец объяснилось: он попросил папироску, сказав, что сутки целые не курил. Я дал ему папиросы «Аллегро», но, конечно, и о папиросе он будет иметь восхищенное мнение. Во все время охоты небо редко было свободно от больших стай журавлей. Я думал о них: вот они родились в наших болотах и полетят по всему свету. Восхищенные, увидят новые страны… Журавли сулят, журавлиная родина…

7 Сентября. Какая мне радость в факте прогресса цивилизации? Ведь это чисто естественный, физиологический процесс

всякого общества, если оно только здорово. Голова человека, с нашей интимной точки зрения даже и совершенно пустая, все-таки самая тяжелая часть человека, и чтобы нести ее, он должен непременно двигать ногами вперед, а не назад. Какая же мне радость, какое удовлетворение может быть в том, что пустая голова движется и прогрессирует! Между тем, к этой идее «прогресса» наши дети и отцы присоединили и нашу этику и нашу личность. Вот почему от реформ государственных, напр., чтобы жить без царя, или от научных изобретений, вроде аэроплана, мы всегда ожидаем того, чего они по природе своей не могут нам дать. Наше время, вероятно, и есть время просветления нас, дикарей... утверждения ясного взгляда.

Взять эволюцию понятия «коммуна» в эпоху военного коммунизма и нынешнего, скажем, производственного – какой прогресс в смысле освобождения нашей совести.

<*На полях*> Бытие. Сознание. «Эк. ма-зм».

Сват, сват. сват. Старый кот. Догадка о Дубце. «Хмарь»: нет постоянства. Белый – сознание. Воронский – бытие (семинаристы, евреи).

Бывают дни, когда солнце светит трагически: кажется, вот-вот что-то случится и лучше не надо ходить далеко.

Все было в этот день: ясно и хмарь, гроза, буря, дождь.

Сват

Моя собака в березовой рубашке с колокольчиком в глухомарных местах сообщает бабам, собирающим грибы и ягоды, панический страх. Сегодня в лесу мы сели отдохнуть и свистнули Кенту. А может быть, какая-нибудь бабенка не собаки, а просто свистка испугалась и крикнула: «сват!» В ответ ей со всех сторон послышалось: «сват, сват, сват!» Баб оказалось очень много, и что все они кричали «сват!» было понятно, бабы хотели дать знать врагу, что они тут не одни, с ними их сват. Я, желая успокоить испуганных баб, крикнул голосом: «Кента!» Но бабы еще более испугались, и опять везде послышалось: «сват, сват, сват!» Вдруг кусты можжевельника около нас затрещали, мы увидели: опоясанная ремнем, с подобранной юбкой, в мужицких сапогах, с вытаращенными неподвижными глазами и огромной корягой в руке старуха лезла прямо на нас. Она еще не могла нас видеть, и мне показалось, если мы вдруг открылись ей на поляне, она может умереть. Я крикнул: «Бабушка, это мы, охотники, бабушка, не бойся!» Но она не слышала меня и, видя нас, не видела, если бы не подвинулись, она бы прямо по нам прошла, не одни мы, а везде внизу сейчас

перед ней была нечистая сила, она лезла на нее с отчаянной храбростью, и полумертвые губы ее шептали молитву. Безумствуя, все бабы кричали в это время на нас как на волка «сват, сват, сват!», а бабушка явственно твердила: «свят, свят, свят!»

Появление Дубца

Выйдя на большую дорогу, мы увидели вдали нищего, босого, с котомкой старика, который вел Дубца. Мы догнали его, оказалось, нищий вел Дубца к нам от Даувальдера. Несчастный латыш писал, что он не решается застрелить Дубца, возвращает его мне и в простоте своей, забывая, что он даже не уплатил мне половины небольшой назначенной за него платы, предлагал мне подарить Дубца кому-нибудь «от его имени».

Стали пробовать Дубца. У него оказался прекрасный, спокойный, но энергичный поиск. Скоро он разыскал в кустах тетеревиный выводок, побежал было за мной, но скоро вернулся. Пошли в болото. На ветер он издали причуял верного бекаса, потом, подобравшись, закопался в следу и вытурил. Ко второму бекасу, поняв его манеру, мы подошли и убили. После выстрела он за ним бросился. Видно, что Д., убитый отсутствием у него стойки, совсем не работал над ним. Подстреленного в крепи бекаса мы посадили в кочку. Дубец, причуяв его, подтянулся к нему близко и, поняв, что это тот самый бекас, отошел.

Вот была загадка: почему же он не сделал на нем стойки, хотя бы накоротке?

Чутье хорошее, потяжка длинная и страстная, но почему же нет стойки?

Разгадку, как это всегда бывает, если напряженно думаешь, дает само дело. Откачнувшись от знакомого бекаса, Дубец стал разбирать в траве какой-то след и увлекся им. Петя пошел за Дубцом, а я переместил бекаса в другое место. После долгих напрасных розысков Дубец вернулся. За это время, увлеченный розыском новой птицы, он забыл о старой и, когда вдруг наткнулся на нее, стал, хотя и накоротке, но все-таки стал и очень крепко. Я вспомнил, как рассказывал мне Даувальдер, что он набирал целую шапку молодых чибисят и заставлял по ним работать Дубца. Теперь мне было понятно, почему он по ним не работал: чибисята были ему знакомые, и все было не всерьез. Поручаю Пете всерьез охотиться на бекасов с Дубцом, разыскивать их непременно на ветер, подводить и к убитым и подстреленным осторожно на веревочке и при первом причуивании удерживать и укреплять на стойке.

Можно верить в успех, потому что с Кентой было то же самое, Нерль сейчас тоже недалеко ушла от Дубца.

Последний семинарист Воронский по поводу А. Белого опять поднимает вопрос 30-х годов о примате бытия или сознания. Что значит «бытие?» Это жизнь на земле растений и животных, в том числе и человека как высшего животного с вечной заботой о средствах существования для воспроизведения себе подобных. Сознание как способность предусматривать будущее и тем сокращать заботы о существовании присуще всему бытию в большей или меньшей степени. Человек выделяется из мира животных в этом отношении только количеством (степенью) сознания, которое накопляется у него разделением общества на два обширных класса: «народ», занятый главным образом вопросом «бытия», и другой незначительный класс – «интеллигенция», которая накопляет сознание в ущерб своему бытию. Эти полу- или целиком девственники, собирая в себе мало-помалу власть сознания, объявляют господство его над «бытием». С другой стороны, «бытие», из которого мало-помалу выбирается присущее ему (как всей природе) сознание, становится, склоняясь во враждебное (мстящее) отношение к овладевающему им классу, властителем сознания.

<*На полях*> Христос – это верховный властелин сознания. Церковь в отношении Христа – то же самое, что техника в отношении науки. Отсюда понятно, почему социализм занят «бытием»: соц-м идет на смену церкви. Как церковь кончается теократией, так соц-м кончается технократией.

Вот откуда вышли у нас вопросы социализма, и понятно, почему ими занимались у нас, во-первых, семинаристы, во вторых, евреи. Чрезвычайно характерно, что Белый, сын профессора, притом физический импотент, а Воронский, сын священника, женатый на еврейке.

Опрокидываю все это на Алпатова. «Старец» (о. Ал. Устьинский), с ним неразрывно связан трактир Капернаум. Устьинский был учителем Розанова (он вмещает идеи Розанова: ведь Розанов из Устьинского, из разложения православия). По наказу старца едет Алпатов отстаивать «сознание» рыбаков и пр. низших людей.

Можно допустить, что Алпатов остается «экономическим материалистом», но никуда с этим не может попасть: ни в бытие (к революционерам), ни в сознание (Мережковский).

<*На полях*> «Диалектический материализм – это система ловких выходов из трагического положения».

Творчество – это реализация вопросов бытия и сознания.

Всякий большой писатель в России делается мало-помалу «властелином сознания», таким образом, его деятельность,

исходя из игры (как всякое творчество)... нет, скажем <*1 нрзб.*> бытием (имманентным бытию), перемещает его в класс монополистов сознания. Стремление поэтов 900-х годов было вернуть творчество бытию (вот истоки этого второго хождения в народ).

<*На полях*> NB. Жизнь писателей того времени в отношении размножения была до крайности болезненная:
1. Белый – импотент.
2. Блок – попытка духовного брака.
3. Гиппиус – вагизм.
4. Философов – педераст.
5. Ремизов – как семьянин, жертва.
6. Розанов – философ пола.
7. Карташов – монах.
8. Кузмин – педераст.
9. Сологуб...

Такой очаг творчества. Рядом революционеры: Маслов, Семашко и друг. (вероятно, все).

Платон Каратаев

Образы нашего художественного сознания имеют в бытии свои первообразы, т. е. живые существа. И Платон Каратаев был (как у меня был «Гусек»). Но Платон Каратаев живой не имел влияния на людей, он стал влиять, когда был сопоставлен у Толстого как положительное начало жизни с отрицательным, присущим самому Толстому, гордым властелином сознания. Итак: Пл. Каратаев – это воплощение желанного человеком, погибающим от бремени власти сознания. (Все видно и по себе: сейчас на одной стороне у меня – роман (я боюсь в нем накопления своей власти), на другой – детские рассказы (Каратаев).)

8 Сентября. С утра дождь. Вечером прояснело.

Пропотеешь на охоте и высохнешь, дождик польет, высохнешь, опять пропотеешь и так густо, что вот, кажется, уже пахнет не потом человека, а слоном, как в зверинце, и через рубашку трава проросла, и по траве своей паутина легла, и в строгое холодное утро паутина покрылась мельчайшими каплями росы и засверкала. Тогда все книжное, начитанное, надуманное исчезает и, если приходит в голову мысль – верь ей! Это своя мысль, проросшая из своей головы, как мох из пенька.

Я послал по телеграфу Леве денег на Сахалин, мужики, вероятно, подумали, что он туда сослан. Вчера подходит Ка-

чалов: «А где ваш второй сынок?» – «На Сахалине, дикарей изучает». – «Да есть ли еще дикари?» – «Настоящих едва ли много, вроде наших».

Чтобы научиться «этнографически» верно записывать рассказ крестьян, рабочих, вообще «народа», надо, прежде всего, научиться свою же устную речь делать литературной. Литератор – это мастер, который может писаными словами изображать устную речь. Для этого, прежде всего, надо обладать музыкальным слухом и музыкальной памятью. При помощи музыкальной памяти можно воспроизводить речь из себя самого. Но возможно, конечно, и непосредственно, слушая рассказы, при помощи музыкального слуха схватить устный рассказ и целиком воспроизвести на бумаге. Постоянная привычка «записывать» себя и других уничтожает в сознании разницу между устной и литературной речью, кажется, «записать» очень легко. И только тогда обнаружится вся сложность мастерства и таланта литератора, если один и тот же рассказ запишут двое, опытный мастер, обладающий музыкальным слухом, и человек литературно грамотный, но не музыкальный. Обыкновенно литератору нужен только обрывочек речи, чтобы на нем построить свой собственный рассказ. «Записи» речи делаются чрезвычайно редко наивными людьми, которые, не смея сами сочинять, записывают, воображая, что они делают это точно со слов (я знаю одну такую книгу: Федорченко «Народ на войне»). Вначале я пробовал тоже записывать сказки, но вскоре поймал себя на сочинительстве как своем органическом, без которого я не могу даже принудить себя к вниманию. Через много лет упражнения в записывании себя самого я возвращаюсь к записыванию устных рассказов, и, мне кажется, это делать очень легко. Однако, если способность писать из себя, воспроизведя своей музыкальной памятью и другими средствами накопленный жизнью материал, то зачем искать чего-то на стороне. Я теперь почти не в силах принудить себя к этому. Только уж косвенным путем, увлекаясь, напр., охотой, я невольно попадаю в положение слушателя рассказов местных людей. И когда где-нибудь в трактире на отдыхе услышу интересное и сделаю из этого рассказ, то получаю огромное удовлетворение и жалею о прошедших годах моего жадного внимания к великому миру и думаю: эх, если бы у меня тогда было все мое нынешнее мастерство записывать устную речь!

Со скорбью смотрю я на молодежь, которая пыжится писать тенденциозные романы из «рабоче-крестьянской» жизни. Зачем она берется за невозможное, киснет в схемах, идеях, пропуская живую жизнь через головное решето? Иногда берешься читать такой роман, заботливо выписанные картины

захватывают воображение, вот, кажется, и обрадовался. Но вдруг замечаешь, что весь роман написан замаскированным гекзаметром. Читаешь:

«Ранним утром, по темнозорьке с большой корзиной в руке Семен Прокофьевич пошел за грибами, оставляя на седой росе широкий свой след».

Читая, вдруг вспоминаешь классическую гимназию:

«Гектор стремительно из дому вышел прежней дорогой назад...»

И с отвращением закрываешь роман, возмущенный провинциальной глупостью автора.

Мне пришлось одного крупного литератора спросить, не из жизни ли он берет свои рассказы: «Было это или нет?» – спросил я. Он почти что обиделся: «Конечно, не было».

Впрочем, народническое хождение в народ и славянофильские записи речи так набили оскомину, что отвращение писателя современного к «натурализму» очень понятно. Вдумаешься, однако, в вопрос: чем взяли все крупные русские писатели? И отвечаешь: только уменьем свои огромные запасы русской устной словесности перевести на литературный, всему миру понятный язык.

<*На полях*> Шалдурино, Грибково, Шудолобы.

Сердца охотничьи, как порох, взрываются и вдруг сгорают, не оставляя ничего.

Два класса

Интеллигенция – это разум и совесть, это сознание жизни, народ – это для рода, род на род – вот народ.

Для человека из народа нет ничего проще, как воспроизвести себе подобного, для интеллигента это самое трудное, самый мучительный вопрос жизни.

Интеллигенция – это певчие на клиросе, поют, а народ молится и рождает.

Проповедь интеллигенции в народе может иметь две цели: одна простая, достижимая, – выбрать из народа все, что не прочно в нем держится и готово перейти из своего природного класса в интеллигентный. Другая цель – сообщить народу до некоторой степени свои вкусы, вызвать потребности и, таким образом, взять под свое влияние. Так делала церковь и так хочет сделать теперь социализм.

<*На полях*> Разум совершенствуется за счет инстинктов жизни – вот почему «народ» размножается больше «интеллигенции».

9 Сентября. Дождь с малыми перерывами весь день. Даже собаки зевают. Они умеют и чихать, и улыбаться, и зевать совершенно с тем же значением, как люди. Но что значит у них взрывание задними ногами земли и броски ее в направлении своего кала или же кувыркание на мертвячине с явной целью обмазаться ею, – мы уже не понимаем, мы ушли от этого.

Вышли в дождь за поля. Нашли тетеревей и одного черныша убили. В дождь на тетеревей отлично охотиться, сидят в кусту и не бегут.

По легкому ветру в перерыв от дождя Кента на лесной поляне схватила запах, провела поляну и потеряла запах у лесной ширмы, вернулась, опять схватила, опять потеряла, в третий раз, потеряв, не вернулась и прошла через ширму кустов и тут уверенно повела к двум бекасам. Расстояние было не менее 200 шагов, но главное, что оно было разделено ширмой кустов и деревьев. Рассказать, никто не поверит. Откуда уверенность, что Нерль и Дубец будут собаками.

<*На полях*> Красиво желтеют пожилые березы. Распятая осина. Лес то сходится, то расходится. Излучины.

Стойка на тот берег (ее переправа) по плавающим бревнам.
Прямая дорога. Улита. В обход. В лесу вода двигалась. Спасение девушек из Грибова.

10 Сентября. Разведка по Сухманке до Лохани.

Моросит. Улита пожирает озимь. Красиво желтеют пожилые березы, но у молодых листья грязные… Багровая, распятая осина.

Мы приехали во Власово и спросили дорогу на Грибово.

– Держитесь правой руки, – указывая правой рукой налево, сказал мужик.

Мы поняли, что ошибка его происходит, потому что он указывает правой рукой и от правой руки называет левую сторону правой. Это постоянная ошибка крестьян, вековечная, вероятно потому, что право и лево меняются в зависимости от направления идущего. Поправив крестьянина, мы спросили его, нет ли по пути других дорог в стороне. «Есть, – сказал он, – но вы держитесь все прямо». Мы не раз испытали это «прямо»: он знает дорогу, положим, на Грибово, и потому все дороги вправо и влево ему представляются уклонением от прямого пути в Грибово. И он говорит это «прямо» человеку, не знающему пути, потому что не способен вообразить себя самого не знающим прямого пути. Вероятно, между туземцами это «прямо» понимается не графически, а служит выражением душевного желания пешеходу пройти прямо. Недаром же это «прямо» всегда говорится с соответствующим жестом

уверенности, указывающий вроде как бы великим топором рассечет горизонт, и тогда все другие мужики хором повторят, каждый свое:

– Одна дорога!

– Прямая дорога!

– Иди, никуда не сворачивай!

Графически все это полная бессмыслица, неопытный человек и полверсты не пройдет, как увидит развилок двух одинаковых дорог, потом еще, еще и так без конца. Мы же отлично знаем, что все эти указания означают искреннейшее, душевное пожелание прямо пройти, и потому подробно расспросили приметы: остается ли пруд в правой руке или в левой, тут же указывая право и лево, где дорога идет лесом, где по заполью, где по за болотом, по за канавою. Вот когда, усвоив себе «прямую дорогу» как идеальное пожелание, начали расспрашивать о приметах – дают настоящие, даже образные и незабываемые на всю жизнь указания.

Собрав таким образом материал, мы дошли до хутора Грибово и большим лесом пришли к Сухманке. Речка бесчисленными излучинами рассекает сырой луг, на лугу бесконечные стога, заболоченный большой лес по той и другой стороне то сходится, то расходится, и там, в этом непроходимом лесу, слышатся изредка только <*1 нрзб.*> сойки и дятел. До Малой Лохани мы нашли только в одном месте немного бекасов, которых Кента причуяла по ветру в долине на огромное расстояние. Чтобы добраться до них, ей нужно было несколько раз переплывать речку, а нам искать брод и захватывать в сапоги много воды. Наконец, мы пришли к Малой Лохани, где было по рассказам много бекасов, к сожалению, мы не знали, что перед нами была уже Лохань, и не удержали Кенту от переправы. Бревна моста держались на воде плавающей бесформенной грудой. Кента ставила лапы на одно бревно, оно опускалось, быстро хваталась за другое, а зад застревал между двумя бревнами. Ей было бы во много раз проще переплыть речку, но она не догадывалась и долго мучилась с бревнами. Мы посмеялись и, занятые своей переправой, совершенно забыли о ней, а между тем потому она и переправлялась по мосту, что через него до нее доносилась струя ветра от массы бекасов. Мы перебирались в том месте речки, где она сильно поросла кустами. Это было очень нелегко. У каждого куста приходилось сочинять целый план, прыгать с риском нырнуть с головой. И когда, наконец, мы перебрались, то сразу увидели перед собой Лохань, наполовину скошенную трясину небольшого умершего озера. Кента стояла на середине скошенного зеленого пространства. Не весь же час переправы она стояла над бекасом. Постоит, наверно, подвинется, – бекас улетит, она по-другому станет, и так вот продвинулась до половины. Мы бросились к ней и по пути, в свою очередь,

спугнули много бекасов и когда ее достигли и я стрельнул по ее бекасу, десятки поднялись и разлетелись в леса. Так, разогнав всех, мы успели убить только трех и тяжелой топкой трясиной перешли в Большую Лохань, в большое круглое умершее озеро.

Дождик моросил невидимыми каплями, как будто мы были внутри облака. Но с высоты одного, окруженного черной водой стога, мы в этой мгле могли все-таки рассмотреть всю картину этой мрачной пустыни. Вокруг большой трясины в 200 или больше десятин с редкими кустиками березы в серой мгле чернели большие леса, совершенно непроходимые, погруженные в черную воду. Каждый стог, оседая, выжимал из болота кольцо черной воды. И весь покос тут был клочками между кустиками берез. По рассказам крестьян мне было известно, что сено это остается здесь до самых сильных морозов. Тогда болото покрывается тонким льдом, под которым торфяная вода не замерзает. Крестьяне отправляются сначала всем миром пешком, разбивают лед, вода выступает и на сильном морозе замерзает, так образуется прочная дорога, по которой и приезжают за сеном.

Мы выбрали себе по ямке в стогу, укрылись от моросящего дождика. В этой мрачной пустыне на дне умершего озера, на десяток верст окруженного непроходимыми болотными лесами, простая деревня с коровами, овцами, скворечниками, керосиновым освещением казалась столицей. Вот откуда надо смотреть на деревню, чтобы понимать ее, а не из настоящей столицы!

<*Приписка на полях*> Образование кочек: <*1 нрзб.*> мох, убрать его, оказалось березовое полено, оно и давало выпуклость.

На обратном пути, недалеко уже от бора, окружающего Грибово, мы вздумали пройти до него немного не лугами, а лесом, подобным всем лесам, окружающим умершее озеро. Вокруг нас была между стволами деревьев черная вода, которая к удивлению и страху нашему не стояла, а двигалась. Тут были гигантские выворотни, гниющие, еле видные под водой стволы, прутья, кочки. В этом воистину чертовом логове, чтобы не провалиться в глубокую грязь, надо было скакать с пня на кочку, с кочки, нащупав одной ногой под водой что-то твердое, к дереву, обняв одно дерево, схватиться за сук другого, подвеситься и на руках через ометы перекинуться к другому. Поработав некоторое время таким образом, мы уже не захотели возвращаться на луг, мы рассчитывали, что пытке скоро будет конец и начнется сухой бор. Но мы ошиблись, до сухого бора нам пришлось еще много скакать и подвешиваться в чертовом логове. Выбрав по компасу направление в сухом бору, мы пришли к дороге и на горе наше приняли, что

это наша дорога, и пошли по ней в Грибово. Загибая незаметно все вправо, мы спохватились: дорога шла не на запад, а на север к тем самым местам, из которых мы вышли, вернее всего, к каким-нибудь <*1 нрзб.*> лугам. Мы вернулись назад, шли долго, очень долго и вдруг застали себя в совсем незнакомой местности. Времени оставалось до вечера немного, еще одна ошибка, и пришлось бы голодными, измученными ночевать в лесу. Мы поняли: эта дорога не наша. В нашем <*1 нрзб.*> направлении была перед нами коровья тропа. Свежий кал показывал нам, что пастух только что прогнал по ней скотину. Носики копыт были обращены в нашу сторону, хотя другие носики были обращены и назад. Мы так решили, что пастух утром прогнал скот на Сухманку, а вечером вернул его в деревню. Кроме того, впереди нас слышались женские голоса. Мы подумали, что это аукаются бабы, собирающие бруснику. И мы приняли последнее решение идти по коровьей тропе к голосам. Казалось, все было так ясно, как вдруг из одной тропы сделалось две, из двух четыре, пять, шесть, множество, и все тропы болотные <*1 нрзб.*> рассеялись по болоту. Казалось, все было кончено, времени перед темнотой нам оставалось только на выбор сухого места для ночлега и сбор суши для костра. Как вдруг совсем недалеко от нас в болоте раздались отчаянные женские голоса. Оказалось, что деревенские женщины, услышав мужские голоса, притаились, я попросил Петю ответить им женским голосом, а сами быстро стали подаваться туда <*1 нрзб.*> по болоту. Скоро мы увидели: в грязи, совершенно мокрые, издрогшие стояли две девушки. Они искали овец и заблудились. Они так обрадовались нам, они были уверены, что мы знаем путь. Но мы сказали им, что мы нездешние и тоже заблудились. Стали вместе обдумывать. Они пошли, как и мы, по коровьей тропе, желая сократить путь, но потеряли ее и теперь не могут найти ее, чтобы обратно вернуться к дороге. Мы спросили девушек, были ли они за болотом. Они сказали, что были. Не собираются ли там тропы в одну. Нет, не собираются, потому что пастух покормил коров в болоте и обратно <*1 нрзб.*>. Так объяснилось, почему носики копыт были вперед и назад, а тропа не приводила в деревню.

Мы приближались к озимому полю своего Переславища уже почти в темноте. Вдруг на одной полосе перед нами сверкнул огонек. Мы приблизились и увидели – молодой человек в куртке с зелеными кантами, в форменной – не то лесной, не то агрономической фуражке и с ним молодая женщина на камне поджаривала улитку. Вследствие страшной сырости этой осени на озимь навалилась «улита» и начисто все поедает. Как спасти поля? Кто-то сказал, что надо окуривать дымом. И вот инструктор делает опыт: спичкой на камне окуривает улиту. Но каждый раз, как он к ней приближает спичку, улита сбрасывает шкурку и вылезает.

–Три шкурки сбросила, – сказал агроном, – и все жива, а они думают ее уморить дымом.

Я сказал:

– Улитка погибает от медного купороса, разве нет у нас купороса?

Агроном ответил:

– Купоросу-то много, а опрыскивателя всего два на уезд.

Возвращаясь домой, мы думали о грандиозной осушке болот на Дубне, обещающей через полсотни лет крестьянину рай… «Улита едет, когда-то будет!» А вот она, улита действительная, реальная приехала, пожирает поля, а у нас нет для этого простых жестяных ящичков с носиками, в которые наливают купорос для опрыскивания.

NB. Девушки рассказывали, что они в лесу почуяли запах моей папиросы и подумали на лесничего. Это объясняется мглой (дым лежит) и чутьем деревенских девок.

<*На полях*> Всего проходили с отдыхом в разное время до часу 13 часов.

11 Сентября. Ночью дождь. Хмурое утро перешло к удивлению нашему в солнечный день, и так было до ночи.

День был посвящен записи вчерашнего и отдыху. Завтра день дупелиного пролета, предполагаем идти в Селковскую низину, осмотрев ее, зайти в К… к Чумакову и потом на Мергусову бель и через Константиновское болото попасть часам к 2-м в Александровку. Утро 13-го посвятим осмотру Ясниковского болота. После обеда на лошади едем в Сковородино, оттуда на лодке в Замошье.

Поэзия

Есть поэзия образов – «поэзия», есть поэзия понятий – философия, есть поэзия рабочего труда – социализм. К сожалению, социализм собственно к природе своей «поэзии рабочего труда» не может добраться и топит ее в хозяйстве и политике. Надо к социализму добавить еще «поэзию машинного труда», потому что рабочий труд крестьянина и кустаря давно уж был предметом поэзии.

Источник поэзии – чувство ритма жизни, который воспринимается как смысл ее, как то, из-за чего стоит жить, трудиться и достигать. Ранним утром сверкающие капельки росы на всходах овса, на таком молоденьком листике, что удивляешься, как они не гнутся под тяжестью тяжелой капли росы – это удивление вдруг может дать радость труда и понимание его смысла. Что же в машине?

Аэроплан, паровоз, пароход легко себе представить с «каплей росы» (в отношении к космосу), но как внутренность фабрики? Только машина и человек (одно чувствует производитель и совершенно другое потребитель: летчик и пассажир, радиотехник и радиослушатель, – вот, кажется, где истоки разделения поэзии «мещанской» и ... (не знаю, как назвать ее: желанной, что ли).

12 Сентября и 13 Сентября. Мы с Петей совершили дупелиное путешествие, осмотрели Селковскую низину, взяли тут двух бекасов, на Мергусовой бели – 1-го дупеля, 1 коростеля, 6 бекасов, перешли Константиновское болото низами по за Микульским и Ясниковским, в 5 ч. вечера (вышли в 4 у.) добрались до Александровки. На другой день с 4 у. до 10 осматривали Ясниковское и Александровское болота, убили 1-го дупеля. В ½ 11-го д. приехали в Сковородино к дяде Максиму, на лодке перевезли нас в Замошье, прошли Калошино, на Скорынинском болоте убили 2 бекасов и в 6 в. вернулись домой.

12-го – нас несколько раз мочил дождь, 13-го – утро туманное и до вечера солнечный день.

<*На полях*> 2 дупеля, 1 коростель, 8 бекасов.

В лесах начался сильный запах умирающих листьев. Умирают листья в славе.

Осина в мочливую осень разукрашивается с особенной силой. Овес запоздал. На горах только жнут, а в <*1 нрзб.*> местах стоит зеленый, как лук.

Константиновский растоп. Константиновские луга залило, сено подтопило, крестьяне остались без корма скотине и теперь дешево продают ее: за 20 пуд. клеверного сена отдают годовалую телушку. Болотом идти невозможно, выше колена. Везде на свете говорят: «тут можно пройти только в болотных сапогах», здесь говорят: «в сапогах не пройти», это значит: «можно пройти только голышу». Пробовали, измученные, дорогой идти, но и здесь было выше колена, притом замазка грязи пообветрела, под тяжестью тела ноги вмазывались в коровий растоп, а вынимать сапог было до крайности трудно. На своих тоненьких ногах 20-пудовые коровьи туши проходили по пузо в грязи довольно легко. Но особенно позавидовали мы отличному коню, на котором без седла ехал мальчик: конь своими тонкими ногами пропахивал замазку, как шилом, и вытаскивал ноги без всякого затруднения, почти грациозно. Вдали прямо по болоту, пересекая его по прямой линии, следуя примеру животных, девица, загнув юбку, шла полуголая и тоже завидно легко вытаскивала из грязи голые ноги. Нас

поливал дождь, а на другом конце луга в стадо опустился конец яркой радуги и осветил его все на зелени такое огромное и прекрасное. С сапогами, полными грязи, не имея в течение нескольких минут сил вытащить их и снова впустить в замазку, я любовался радугой в огромной долине, стадами, ногами коня, <*1 нрзб.*> и естественным переходом девушки с поднятой юбкой. Но не было у меня в этом любовании и тени того обычного разделения мира на грязь и радугу, когда бессильный человек с горечью утешает себя иллюзией прекрасного, будучи сам в грязи. Почему непременно иллюзия, а не желанная цель на грязном и трудном пути? Созерцая прекрасное, я набирал в себя силы для дальнейшего продвижения. В моем прекрасном таились большие силы, радуга ручалась за то, что потопа больше не будет.

Пастух. В Александровке нам встретился знакомый пастух в неузнаваемом виде: в брезентовом пальто, в кожаном картузе и сапогах, – совершенно приличное существо. Мы были в крайнем удивлении, потому что этот пастух всегда раньше ходил оборванный, босиком. Между тем, ему платили очень хорошо, и он был отличный пастух и любил стадо. Я знаю, например, что он где-то украл пуд соли, сделал по непроходимому болоту соляную дорогу и этой солью перегонял скотину на Остров, где она отлично наедалась. Летом до глубокой осени он жил со скотиной, сам как зверь. Потом получал расчет и эти большие деньги непременно в тот же самый день проигрывал в карты. Зимой он жил в разных городах. Трудно понять, как и чем он жил. Мне также это непонятно, как жизнь лося зимой в наших <*1 нрзб.*> болотах... Весной опять появлялся и пас. Вот почему, зная жизнь его из года в год, мы так удивились, встретив его в таком приличнейшем виде. Вот как с горечью и злобой объяснили нам это в Александровке. В этом году общество, желая добра своему отличному пастуху, вздумало постепенно в течение лета из денег за выпас обрядить его: купили сапоги, брюки, картуз, рубашки. В первый раз в жизни, может быть, он почувствовал себя человеком и очень обрадовался. Но скотину вдруг разлюбил и стал пасти очень плохо: то потеряет, то потравит поля.

Гать в Замошье

Нет, кажется, путаницы в Дубне больше, чем между Заболотским озером, Замошьем и Сковородиным. Замошье стоит на <*1 нрзб.*> острове. Рассказывают, когда-то поселился тут лесной сторож и размножился. Одному – ладно, а всем земли не хватало и скотину пасти негде. Нарезали земли конечно-то много, да поди, достань: ездили на лодках на новую землю,

сам на лодке, а скотина плывет. Для сокращения пути изрезали пойму канавами, бороздами, и эти борозды так перепутались с протоками Дубны, что человек со стороны не скоро поймет, где борозда, где проток: все покрыто одинаковыми извилистыми островками.

Только всего несколько лет тому назад в Замошье через болото сделали дорогу: теперь хоть не насквозь, как везде, хоть не проехать по дороге, но въехать можно в Замошье на лошади. Раньше она была на острове, и крестьянин на поле ехал на лодке, а скот плыл за ним сзади. Гать сделана отлично, с мостами, с прочной насыпью, прямая на версту, как стрела: инженер делал.

Рассказов тут всяких хоть отбавляй, но всех лучше рассказывает рыбак дядя Михаил Трусов. Было это, когда о гати и не думали, а между тем началась торговля: платили за карася по миллиону. Приехал к Трусову спекулянт, просит перевезти его. В это время как раз щучий бой. Дядя Михаил поехал на бой, а спекулянта перевезти взялась девочка на другом челноке. И только выбрался дядя Михаил по своему протоку на плес, слышит, благим матом кричит его девочка на соседней протоке, и спекулянтов голос тоже слышно – басит. Что делать? Убрал острогу и скорей туда. Видит, рядом две головы, одна его девочки, другая спекулянтова, за кусты держатся и кричат, а челнок утонул. Кто местную природу знает, тому все понятно: берега Дубны хуже воды, жидкие берега, выбраться невозможно. Стал подъезжать дядя Михаил <*1 нрзб.*>, спекулянт рукой к борту, хватит за край, и челнок непременно хватит воды и затонет. Поднял весло над лысой макушкой, говорит: «Пока девочку не усажу, ты не шевелись, шевельнешься, получишь по лысине».

И осторожно усадил девочку. А потом спас и спекулянта. Приехали домой, стал греть девочку, а спекулянт веревочек попросил и натянул по всей избе в разные стороны веревочки и на них стал развешивать мокрые миллионы и миллиарды, красненькие, синенькие и зелененькие.

Вот, наверно, было событие, когда впервые открылась дорога и по ней погнали скот. Какой это был праздник в Замошье, какие светлые лица были у женщин, как радостно ревел скот! Много, много столетий тому назад у других людей начались шоссейные дороги, потом прошли дороги железные, на реках загудели пароходы, в воздухе поднялись аэропланы, банкиры, летая, по беспроволочному телеграфу давали сигналы и делали распоряжения в свои конторы. Так много стало всего, что способность удивляться покинула мир и радости от полетов было так мало, в кабинах так сильно укачивает! В это время цивилизация достигла замошцев, они получили гать и как ей обрадовались, как заревела скотина!

Туман (к рассказу о дупелях)

Деревенские женщины считают охотничью страсть подобной пьянству: почти все охотники никуда не годные хозяева. Я это понимаю: охота на дупелей у меня, как у алкоголика. И были бы дупеля! (и т. д.) Дупеля родятся из тьмы и росы. Ревность. У забора. Туман. Собака ушла в туман. Потерял. Свищу. Не идет, значит, на стойке. Туман не расходится. Мечусь в тумане. Не идет на свисток, значит, стоит. Вижу огромный монумент на холме (родниковое болото). (От дождей запоздалый покос. Когда солнце взошло, значки из бабьих платков, сверкание кос, толстая радуга, как сытая гусеница.) С лугов на кочкарник, с той стороны кочкарника наступает стадо. Я захватил на кочках.

<*На полях*> Туман на бороде, в волосах, на ружьях – хоть выжми, как дождь. И на солнце все засверкало.

Начало: Мой приятель народный судья Яловецкий с вечера отправился в болота на уток и остался там у реки до утреннего перелета птиц на плесы. С вечера ему удалось сделать один только выстрел по крякве, потому что дым лег на воду и все закрыл.

Потом густой туман побежал с берегов и закрыл народного судью. Для него туман этот был, как для нас дым облака, закрывающего солнце. Для нас, живущих на холмах, в эту ночь ярко сверкали все звезды и луна. И то, что для народного судьи было небом, для нас всюду на лугах лежало белым одеялом. Перед самым рассветом, когда начинается первый холод, народный судья озяб и проснулся. Но не сразу он решился подняться, потому что ему казалось, что один бок его, обращенный к его низкому небу, озяб, а другой лежит в теплом сене: не стоит вставать и студить теплый бок. Но когда забрезжило и стало еще холодней, он сделал усилие, поднялся и тут понял, что теплый бок его лежал не на сене, а в воде, и тепло ему было потому, что вода была гораздо теплее воздуха. При первом свете он поднялся, и мокрый бок быстро стал озябать…

В то самое время я проходил с собакой по холму на дупелиное болото. Звезды еще все сияли на небе, светила луна, но восток загорелся. Подо мной лежало густое белое небо тумана. И я думал о незавидной участи лежащего там где-то под ним народного судьи.

Папаня. До сих пор, когда я собирался уезжать из Александровки от Карповых, в момент отъезда папаня куда-то исчезал: деньги я отдавал Анисье Ефимовне, а вез меня Сережа. Все было понятно нам: папаня устранялся, потому что в город

с деньгами послать было его опасно: пропьет. Очень возможно, что папаня, зная себя, и сам уходил. А может быть он, деликатнейший человек, не хотел обнаружить нам свое семейное положение, если сын погорячится, вцепится в деньги, скажет какую-нибудь грубость или жена вдруг заплачет... В этот раз, когда мы перед отъездом пришли обедать, к удивлению нашему в избе был один папаня. Он сам доставал нам из печи горшки, ставил на стол, носил тарелки, ложки, резал хлеб. Потом сам лошадь запряг и повез нас сам. Анисья Ефимовна не показалась. Сережа поклонился нам издали. Что это? Неужели папаня исправился и овладел властью в семье? Или унижение его дошло до крайности, он вдруг взбунтовался и всех разогнал? Исправился или взбунтовался? Он исправился. Я узнал об этом в зеркале. Когда я дал ему пять рублей, то смотрел в зеркало, будто причесываюсь, и видел, как он вынул ящичек, из ящичка большой кошелек, там были деньги, и он туда положил.

Коллектив. Против коллективного хозяйства Н. Ф. нам говорил свое главное и обыкновенное мужицкое, что сельское хозяйство – не фабрика и в нем по звонку нельзя работать и сравнять всех в труде. Он говорил, что в такой нужде, в такой нищете единственным утешением остается сладость труда для себя, что если я как-нибудь постараюсь, воспользуюсь каким-нибудь случаем, что-нибудь выдумаю, то, может быть, как-нибудь и будет хорошо.

На это я возразил ему тем, что помещичье хозяйство до некоторой степени было близко к коллективу и фабрике: работали по звонку, кто плохо работал – наказывали, хорошо – поощряли; что в имении зерно производилось для города. И если бы они теперь по примеру помещичьего хозяйства выбрали себе на год хозяина, который бы управлял жизнью коллектива... «Это было бы хорошо, – ответил Н. Ф., – да разве дадут выбрать своего хозяина, приставят комсомольца. А если и дадут, то все равно, когда дело пойдет, отберут, и мы станем просто рабочими. Нет, хоть нищета, хоть голод, да я все-таки теперь сам хозяин себе и в ловушку не дам себя поймать. И мы все до одного понимаем, коллектив – это не общее дело, это ловушка».

Быстрица. Быстрина – подозреваю в этом нарицательные имена вроде рукава.

Корамора. Вчера летела паутина великой силой и на лугу было необычайное количество вислоногого комара (корамора).

Пение птиц. По поводу заметки И. К. «Пение птиц», напечатанной в № «Охотника», я вернулся к своим старым по-

желаниям, о которых все как-то не соберусь написать. Эти пожелания состоят в том, чтобы ученые-натуралисты, работающие над своими темами, систематически задавали бы нам, охотникам, разного рода вопросы для проверки их в нашем охотничьем опыте. В каждом, даже самом глухом городке, есть охотники с высшим образованием, учителя, художники, инженеры, наконец, люди и без образования, но с чрезвычайно тонким чувством природы, следопыты, жаждущие общения с природой не для того, чтобы ее разрушить, а обогащать своим участием в ее творчестве. Почему бы ученым-натуралистам не занять эти свободные силы и, во-первых, для добывания ценных материалов для науки, во-вторых, чтобы дать возможность множеству любознательных людей перейти от охоты – жестокого спорта к охоте-исследованию. Я хорошо знаю, что каждый творческий ум в науке чрезвычайно дорожит людьми неучеными, но способными непосредственно умом и чувством, скажем, инстинктом добывать материалы. Один замечательный ученый-археолог, гордость нашей науки сказал мне, что при раскопках южных курганов он за одного следопыта из народа не взял бы и трех порядочных ученых.

Заметки из жизни птиц и зверей, помещаемые иногда в «Охотнике», по моим наблюдениям, читаются охотниками с громадным интересом. Сколько раз во время моих охотничьих странствований где-нибудь в деревенских трактирах мне приходилось принимать участие в оживленном споре по поводу какой-нибудь такой заметки. И я уверен, что последняя заметка о пении птиц вызовет множество таких споров. Решаюсь высказать здесь то, что и мне, как, наверное, множеству охотников, пришлось передумать, читая эту статью.

Признаюсь, мне бы тяжело было понимание всеми людьми во все времена, начиная от «Песни песней» Соломона, кончая *<1 нрзб.>* поэтом, принять за предрассудок мнение о пении птиц как не о любовном действии, а объяснить все это пение вроде того, как объясняется пение петуха перистальтикой кишок.

Во время моих многолетних наблюдений (не научных) тетеревиных токов сотни раз приходила мне в голову мысль, что обычное представление о токе неверно, что процесс спаривания имеет к токам отдаленное отношение, и я наблюдал, когда это пение и половые действия отрицают друг друга. Так тема эта стала передо мной очень давно, но вы знаете, в книгах ответа не получишь, времени для систематического исследования нет. Что же делать? Я стал догадываться по себе. Сколько раз на охоте, когда долго не находишь дичи, я заставал и себя и собаку свою зевающими совершенно одинаково, и я догадался по себе, что собаке моей скучно. Так и о значении пения птиц на токах я догадываюсь по той песне, кото-

рую сам пою в своей жизни: эта песня не служит мне средством привлечения женщин, но, может быть, я ею что-то заменяю себе? Я беру в руку ландыш, и нюхаю, и вспоминаю: когда это было у меня с ландышем? Запах человеческого пота мне до крайности неприятен, если я нюхаю ландыш, но… между тем и другим запахом есть отрицательная связь. Так давно уже доказано, что самый лютый женофоб в тайне своей есть женолюб. Так и песня моя, пожалуй, отрицательна к полу. Очень возможно, что исследователь типа исследователя жизни зяблика найдет и у меня во время пения <*1 нрзб.*> действие пола. И все-таки я скажу о себе, как о зевающем животном, что мое пение происходит если не от пола, то все-таки от переживания чувства любви (эроса) (в том широком понимании, что отдельные составные части его – эрос и пол могут друг друга отрицать).

Через себя как животного я догадываюсь и о пении тетеревей на токах. Сотни раз мне скрадывание отдельно токующих косачей не удавалось только потому, что на песню вместе со мной бежала тетерка и где-нибудь на полянке мы с ним встречались, она взлетала и сейчас же взлетал петух. Иногда я доползал по кустам к полю и видел его поющим, и видел рядом со мной сидящих тетерок. Случалось заставать его в кустах на полянке, он действовал, пел, прыгал, они, штук пять-шесть, сидели вокруг. Для меня не было никакого сомнения, что весь процесс эротического происхождения, но никогда не случалось мне видеть, что сам певец спаривался. Не раз мне приходилось догадываться о спаривании по возне и шуму в траве, по одновременному взлету петуха и тетерки, но никогда не приходилось наблюдать непосредственный переход от пения к спариванию. Я охотно допускаю мысль, что у поющих птиц есть даже какой-нибудь дефект в половых органах, как у многих и многих поэтов.

Автор статьи «о пении птиц» с пренебрежением говорит о тех, кто приписывает человеческое животным и на этом делает скорые выводы. Автор совершенно прав: нет ничего глупее этого, потому что понятие «человек» до крайности неопределенно. Но я думаю, что прав и тот, кто, хорошо чувствуя себя как животное, по тому самому чувству догадывается о недоступных нашему человеческому разуму чувствах животных.

И вот почему я считаю чрезвычайно плодотворным делом, если ученые будут ставить нам, охотникам, систематически вопросы: на многие из них мы можем ответить только потому, что мы более близки к природе, человек во время охоты мало чем и отличается от животного.

14 Сентября. И еще один день прошел без дождя. Ночь холодная, звездная. Перед самым рассветом звезды закрылись, и настал прохладно-серый задумчивый день.

15 Сентября. Вчера мы хватились ласточек: кто видел? Дня два-три их уже никто из нас не видел. Сегодня проверили: нет. Улетели.

Серая действительность. Помню, учительница из Торжка обиделась на меня, что я, называя себя реалистом, вымолвил слова: «серая действительность».

Очень возможно, что она и права: «серая действительность» не действительна, она продукт нашей усталости, в своем роде тоже иллюзия. Но… как назвать это бескрылое – да, уже и назвали: это «недотыкомка серая» – раньше «передоновщина», теперь «общественные обязанности», специальность (учителя или техники). Да, конечно, семинарская правда русского социализма – это единственная какая-то подвальная дверь из серой действительности, все остальное «романтизм» (в смысле иллюзорности). Но люди семинарской правды выходят из подполья слепыми, одичалыми существами (вроде сектантов). Все то же самое, и недотыкомку и выход из нее (все более и более с примесью лжи) можно видеть и теперь. Не хочу говорить о каком-нибудь «пакте», мне довольно того чувства, которое бывает у меня на дороге при встрече с любым мужиком, поговори с ним, и он будет ныть и жаловаться, пройди мимо, он проворчит ругательство (потому что он ест только хлеб с квасом, приправляя его луком, и дожидался приправить огурцом, но огурцы не родились…) Вот это «мужицкое» и порождает «серую действительность», недотыкомку интеллигента и семинарскую (национальную) правду.

В последнем жесте всеобщего разоружения таится нечто специфически национальное.

16 Сентября. День едва простоял, но к вечеру скисло и чуть моросило. У нас в лесу нашли молодого человека, сидел в шалашике, мхом обложился, строгал палочки и на палочках поджаривал грибки. Молодые ребята в сарае в карты играли, услышали про это, обложили бродягу, взяли и привели. Оказался какой-то бежавший из приюта, Его отправили ночевать в <*1 нрзб.*> дом, дали знать милиции. Конечно, милиция бы только к утру явилась, а он бы ночью утек. Но на горе бродяги прикатила в деревню на запыленном коне баба и рассказала, что за ней сейчас двое гнались… Настроение сгустилось. Чем все кончится?

<*На полях*> 2 бекаса, коростель.

Сегодня на Скорын. трестнице натаскивали молодых собак. Нерль остается в прежнем положении, далеко причуяв бекаса, быстро ведет, делает коротенькую стойку, подползает и стуривает. При ее быстром и довольно широком поиске даже

с длинной чок-кордой довольно трудно поспеть на выстрел. Напротив, Дубец вдруг пошел: причуяв бекаса, он не спешит к нему, как Нерль, а тихо идет и потом делает прочную стойку. Конечно, Д-р неумный, но все-таки, я думаю, Дубец пошел не потому, что в руки попал, а главным образом, что время пришло. Немного, неделю бы всего подождать, и у Даувальдера была бы прекрасная собака, а он чуть не застрелил ее. В линии немецких легавых, которая у нас в Москве идет от Нормы Чебыкина, я теперь уже установил опытом натаски четырех собак, что трагический момент натаски, когда дрессировщик, измученный, расправляется с собакой выстрелом в нее или просто возвращает ее хозяину как негодную, этот момент чрезвычайно выразителен. В рассказе «Собачья память», напечатанном и в «Охотнике» и в других журналах, я передавал действительный случай со мной: моя собака, дочь Нормы Чебыкина Кента (Китти, Кэт – ее другие клички) в течение двух месяцев июля и августа совершенно не чуяла дичи и <*1 нрзб.*> следы бекасов, как гончая, вытуривала их без малейших признаков стойки. Я, измученный натаской, бросил собаку, но когда раз совершенно случайно вышел с нею в поле, она вдруг пошла, чутье проявилось вдруг очень большое, и я в ту же осень охотился и по бекасам, и по строгим тетеревам, и даже по вальдшнепам. Натаска сына Кенты, Ромки (от пойнтера), носила почти тот же характер. Нынешним летом мне предстояло натаскивать дочь ее Нерль и сына Дубца (от немца Тома Подбережного). Случилось перед началом натаски (1-го июля) так, что мне по разным обстоятельствам нельзя было возиться с двумя собаками. Я оставил себе Нерль, а Дубца почти что даром отдал одному охотнику, который жил недалеко от меня. Я потому отдал Дубца дешево соседу, что мог получать у него сведения о ходе натаски, а эти сведения для меня самое главное. На первых порах Нерль пошла, мне казалось, очень быстро, но потом дело остановилось. Вот уже теперь улетели ласточки, а Нерль, отлично причуивая бекасов, быстро идет, делает коротенькую стойку и потом, подползая на брюхе, стуривает бекаса. Таким образом, я подстрелил с ней уже почти сотню бекасов и каждый раз к убитому подводил ее на чок-корде, задерживая короткую стойку. Много раз удавалось подхватить чок-корду, во время потяжки установить собаку, загипнотизировать ее, вызвать продолжительную мертвую стойку с поднятой ногой с каплями, медленно падающими с ноги и булькающими по луже. И все-таки до сих пор при самостоятельной работе, без исправления <*1 нрзб.*>, сокращения поиска и улавливания чок-кордой, Нерль не делает стоек. При ее широком и быстром поиске почти невозможно поспеть к ее <*1 нрзб.*>. Но я не отчаиваюсь, хотя сезон подходит к концу: я знаю, я уверен, что в будущем сезоне это будет превосходная собака. Я это знаю, потому что

знаю мать. Никакого значения своему мастерству я не придаю: оно вообще очень просто. Но я отличаюсь от простых егерей тем, что способен к методической работе и к догадке, а самое главное, что они натаскивают собак каких попало, не считаясь с последствиями, а я, натаскивая дочь, все время думаю о матери и вспоминаю... Мне давно приходит в голову догадка, что собака, у которой чутье приходит позднее, эта мучительная собака должна быть лучшей. Правда, чутье состоит из той первичной способности, которой обладают и дворовые собаки и нажитый себе легавой *<1 нрзб.>* человеческой культурой интеллект. Момент схождения инстинкта с интеллектом и есть тот момент, когда мы говорим: «и вдруг собака пошла». Тут я прошу прощения у точных исследователей, я догадываюсь о собаке по себе: чем больше у меня бывает борьба разума с природным влечением, тем ценнее бывают достижения... Не говорю прямо «да», но очень возможно, что и собаки самые трудные в процессе схождения интеллекта и чутья – самые лучшие. И если это правда, то самые лучшие собаки при спросе на скорую выучку погибают. Я бы не говорил этого, если бы сам не пережил трагедию с Кентой: ведь я эту замечательную собаку чуть не погубил...

Вот и с Дубцом вышло то же самое. Его новый хозяин писал мне: «Ношу картузом чибисят и бекасят, прячу в траву, подвожу, – она подходит к ним и отвертывается». Даю совет: «Втравите собаку, ведите в лес, пусть носится за тетеревами, убейте одного тетеревенка». Он отвечает: «В семье не без урода, собака никуда не годится, тетеревенка убил: он был равнодушен». Сезон охоты наступил. Я ответил: «Вытуривайте бекасов, стреляйте больше, втравляйте». Вот пошли дупеля и улетели ласточки. Мне приводят Дубца с письмом: «Дубец спихивает бекасов, по убитым подстреленным стоек не делает. Я хотел его застрелить, но пожалел. Подарите его кому-нибудь как дворовую от моего имени».

Между тем и той маленькой назначенной суммы он не выплатил. Какое же право имеет он стрелять ее и дарить от своего имени. Я послал его к черту и загорелся (Закончить «Догадкой» – см. выше).

17 Сентября. С утра дождь. Последнюю неделю, если не бывает дождя, собаки с поиска в траве являются покрытыми такой густой вуалью паутины, что, вероятно, едва ли видят свет. Они снимают лапами вуаль, отправляются вновь на поиск и снова приходят с вуалью

Продолжал думать о пении птиц (№8 «Охотник» 1928 г.). Есть два рода иллюзорных представлений, которые мы обретаем себе при наблюдении природы. Одни представления «поэтического» происхождения являются нам вследствие нашего родства с природой. Взять, например, дом человека и гнездо

птицы: так это близко, так хочется одно сделать образом другого. Крестьяне, моряки, звероловы по моим наблюдениям наблюдают природу исключительно через себя. Народные песни, причитанья, сказ дают нам громадное полотно такой очеловеченной природы. За десятки тысяч лет созерцая луну таким образом, мы создали из нее для себя иллюзию, без которой трудно себе представить какой-нибудь человеческий быт. Луна поэтическая и луна астрономическая между собой ничего не имеет общего.

Другого рода иллюзорность имеет происхождение научное. Вот пример. В. Клерк («Охотн.» № 8 «Пение птиц») пишет: «Принимаем здесь то, что так хорошо установлено по отношению к ночному и предрассветному пению домашнего петуха: он поет не потому, что чувствует особый прилив полового возбуждения, а потому, что его врожденная способность петь, реагировать криком на разные раздражения, проявляется здесь с большой точностью под влиянием перистальтики кишок».

Это пример иллюзорности научного характера, свойственный, впрочем, и любознательным детям: игрушечная уточка крякает, ребенок ломает игрушку и узнает, что уточка крякает от пружинки: ребенок узнает причину, но для него исчезла реальность игрушки, которая состоит в возбуждаемом ею веселье. Известно, что склонность людей к такого рода иллюзорности подала Диккенсу повод создать бессмертные его записки «Пиквикского клуба».

Поэтическая иллюзорность, исходящая из чувства родства с природой, конечно, более раннего происхождения, чем научная утеха причинами. В борьбе с этой иллюзорностью до сих пор наука казалась нам мишенью Давида, мечущим в Голиафа «суеверий» камешки. Вот почему мы мало замечаем иллюзорность представлений, создаваемых наукой. Однако последствия такого рода иллюзорности мало-помалу начинают давать о себе знать. Взять, например, живую природу. Возьмите любую птицу, скажем, журавля. Тысячи ученых передержали в руках все его косточки и препарировали все его мускулы и сосчитали все его перья. Но самая жизнь журавля неизвестна почти совершенно.

В столице совершается жестокая бесчеловечная борьба юношей за место в лаборатории, в лабораториях и кабинетах ученые юноши кишат, как муравьи, считая журавлиные косточки, но вы не увидите их на полях и болотах в те дни, когда из отдельных семей журавлей, раскинутых в болотах, складывается стая, когда решается тайна перехода от индивидуальной жизни к общественной. И так о всякой птице, о всяком животном и растении в направлении поиска причины. <*1 нрзб.*> в библиотеках столько материала, что для подвоза его в больших библиотеках существуют особые вагонетки. Но простейшие явления в живой природе, с кото-

рыми на каждом шагу встречаются запросы человеческого сердца, родственного животным, и усилия ума, присущего человеку, не находят ответа. В настоящее время мы переживаем эпоху победы мальчика Давида над Голиафом: поэзия природы, порождающая чувство родства с ней, уступила место механизации ее... Так одна иллюзорность сменяет другую.

Но можно заметить и признаки грядущей эпохи реализма, т. е. синтеза наших творческих способностей, чувства, разума и воли в деле преобразования мира. Изредка появляются как поэтические, так и научные произведения, которые вдруг сбивают людей с их проторенного пути. Все такие творения имеют одну общую черту схождения поэтической мысли с научной посредством чего-то, лежащего в нас, глубже того и другого. Такого рода творения похожи на реку, берега которой сложены волей разума, а самое движение воды (первопричина) предоставлено сердцу...

Надо признать, что творчество природы окружает творчество человека: новый мир является актом воскрешения старого посредством мертвой воды науки (анализа) и живой воды искусства (синтеза).

Охота. Утром в дождь ходили на своих тетеревей (в расчете, что в дождь они подпустят), но на месте выводка увидели стадо коров.

После обеда ходили на утиный перелет на Журавлиху. Ничего не убили.

Точеное небо. Ночью дождь. Под серым небом без солнца, без звезд становится тяжело: весна пропала, и лето, и осень. Бывает осенью не солнечный, но светлый и крепкий день, небо кажется выточенным на токарном станке из алюминия с такими явными аппетитными круговыми следами стамески... Таким чувствуешь себя бодрым и сильным, что хочется ногой развертеть колесо и наждачной бумажкой пустить по кругам небесного свода. Я когда-то работал на токарном станке, удивительное мастерство: все получается круглым.

Свистульки. Приехал человек с глиняными свистульками, остановился среди деревни и стал насвистывать мелодии на голубках, на петушках. Бросились покупать их детям, но человек на деньги не продавал, а менял на тряпье. Потащили тряпье деревенское, тот страшный хлам, который, видя иногда где-нибудь в поле или на дороге в грязи, боишься – не человек ли это утонул в грязи и, наоборот, примешь за тряпье, и вдруг в них человек шевелится. Мне кажется, когда вынесли это тряпье, в избах стало много

чище и всюду дети весело играли на голубках, петушках и жаворонках. Подумаешь, как немного надо, чтобы украсилась деревенская жизнь.

Сон в дороге. Петя рассказывал:

– Иду по дороге, грязь и грязь, а то и целое озеро, обхожу стороной. Вижу, едет навстречу телега с возом, на возу мужик. Шагов через пятьдесят другая телега, без возчика. Подумал: вторая телега того же хозяина и лошадь сама идет. Прошел с версту, взглянул, в грязи ничком человек лежит. Взял ружье наизготовку, стал с осторожностью подходить: мало ли какие люди бывают! Решил даже на первый раз обойти сторонкой. Обошел, разглядел: человек спит, и в руке кнут. Подумал: «Надо его разбудить» и вернулся. В это время увидел, еще одна подвода идет. Наждал ее, сказал: «Окоротись, тут человек лежит». Мужик остановил лошадь, слез, подошел, посмотрел и вдруг говорит: «Иван! Иван! Мать твою...» Спящий в грязи вскочил, оглянулся вокруг ничего не понимающими глазами. «Догоняй, догоняй, мать твою...» – закричал на него мужик. И тот с кнутом в руке, повторяя «мать, мать!», бросился догонять свой воз.

Вот как спят мужики на заре в дороге, что съехал с воза и, не замечая остановки движения, продолжал спать в грязи.

Разгадка. Пойманный мужиками бродяга при полном свете оказался юношей лет 18-ти. Он окончил школу беспризорников и был определен на фабрику. Но житье на фабрике ему не понравилось, он бросил ее и стал ходить по лесу, вытесывать палочки, эти палочки он обделывал ножом и продавал в Сергиеве по 10 к., получив денег за палочки, покупал хлеба и опять отправлялся в лес. И на всех палочках ножом выписывал свое имя: Григорий Иванович Ершов. Милиция отнеслась вдумчиво к беспризорному и, признав имя на палочке подлинным, равнозначащим с паспортом, отпустила Григория Ершова, а мужикам дала нагоняй: они не имели никакого права забирать беспризорника.

<*На полях*> Начало: лесная деревня, радиус полей ½ версты.

NB. Сюда описание облавы и сходки, на которой два говорителя, верховой мужик и <в> заключение под вечер речь Громкоговорителя.

К облаве: дегенеративные девицы в туфлях. Ребята в сарае в карты.

Мастерство. Выучиваясь мастерству, мы забываем, как оно трудно давалось и что себе легко стало, часто думаем, будто оно и всем... <*Зачеркнуто*>: Так есть мастерство политичес-

кой мечты, которое в совершенстве изучила русская интеллигенция. В первые годы революции это и создало обман...

К Алпатову

Н. Н. Киселев. Инженер. Бросил технику, стал писателем. Связался с богемой. Во время революции его заставили строить мост. Его мост провалился, подавил рабочих. Чуть не расстреляли. Писательство так забыл, что не мог найти нигде книг, написанных им самим. Стал учителем. Схватил плеврит. Делали операцию, сломали в его теле зонд. Развился туберкулез. Он не любит меня как писателя. Мне тоже в его присутствии как-то неловко, все как будто боишься сказать в доме, где лежит больной, сказать о радости жизни. Да, конечно, если бы я сам был таким неудачником... и все-таки нашел бы силу говорить о радости жизни... Вот слабость! Да разве я-то сам не преодолел свою неудачу: чем же психоз лучше туберкулеза... Нельзя, однако, говорить начисто: «я преодолел», преодолевают неудачу, доставая запасы силы, собранные не самим собой, если там нет запаса (в натуре), то не преодолеть неудачу никакой волей, никаким характером. Что говорить о смирении... Смирение – это сбрасывание балласта, когда воздушный шар опускается.

Каждый из нас пущен в жизнь с таким огромным весом балласта, что если экономно смиряться, можно всю жизнь продержаться в воздухе. Сильные люди – это те, кто имеет много балласта. Слабому смирение не поможет: непременно опустится. «Ясно! Факт!» Смирение не что иное, как хозяйство и бухгалтерия сильного. Смиренный это значит – ведущий счетоводную книгу сознания. Были такие смиренники, что самое тело свое постепенно сбрасывали, как балласт, и так, высыхая, поднимались до звезд. Их высохшим косточкам, мощам, до сих пор поклоняются массы... Можно и не постепенно, а сразу сбросить весь балласт (отдать себя на распятие: героизм) и так создать себе «вознесение» («смертью смерть поправ» – значит, и тело свое пустил как балласт: оно полетело вниз, а шар поднимается выше, и шар падает, а газ все поднимается и распределяется в мире...)

Такой удивительный полет породил метод полета, рекомендованный церковью для всех, он состоит в принципе разделения существа человека на тело (балласт) и дух. Такой обман породил все обманы с ужасающими последствиями для всего человечества. (Вот откуда и у меня оглядка на бедного Николая Николаевича Киселева.)

Нет, надо признать, что балласт, который сбрасывает «смиренный» для полета, есть тоже сила, одаренность, притом не своя личная, а наследственный запас вроде торфа, сжигая

который мы берем себе лучи солнца, подаваемые на землю тысячи лет тому назад.

Надо признать, во-первых, что есть люди, которым нечего сбрасывать в полете и они должны падать, во-вторых, нет воли, нет характера без материала...

(А материал – это сохраненная для нашего пользования воля – жизнь наших предков.)

Итак, Ник. Ник. Киселев, человек без наследственного балласта, неминуемо должен падать. Нельзя требовать от него смирения и любви. Само собой понятно, что падающие могут иметь огромные личные качества, что дает им возможность падать, как метеоры – это не потомственные, а личные граждане. Устрашающий блеск. Демон, черт, бес, мелкий бес... грех... подполье... декаданс... гордость...

Рябчики. Редко случается, рябчик выдержит стойку собаки, обыкновенно ведет она, ведет, и вдруг где-то в кустах пр-пр-пр! порхнет, и конец: рябчик где-нибудь растянулся на сучке в глухой елке, и ты его никак не заметишь, а он смотрит на тебя, выжидает и, когда враг очень близко, опять пр-пр-пр! только и слышишь...

Рябчик – чисто лесная птица, как глухари, там, где есть глухари, обыкновенно вблизи где-нибудь водятся и рябчики. Раз мы пошли на глухариные выводки. Собака причуяла и повела. Долго мы ходили за ней, и когда она останавливалась, обходили куст с разных сторон, чтобы по тому или другому взлетевшая птица показалась и можно было бы стрельнуть. Так в глухом лесу, в густом можжевельнике на кочках, волнуясь от каждого шороха, перекликаясь потихоньку, чтобы знать, где товарищ и не стрелять в пустоту, мы скоро измучились. Собака же бросила подводку и стала удивленно носиться кругами по следам, спрашивая лес всеми своими способностями о птицах, – куда они делись. И мы тоже думали о глухарях, что, вероятно, скот забрался сюда и перепугнул, а может быть, где-нибудь на полянке оглядел их ястреб, бросился и распугал. Мы думали о глухарях, а это были рябчики. Заслышав далеко нашу собаку, они неслышные вспорхнули на елки, и когда мы ходили под елками по следам, принимая за глухарей, смотрели на нас сверху все время.

Как ночуют в лесах. Мы рано утром вышли в лес на охоту. Вдруг небо стало темнеть и пошел дождь, сначала мелкий, а потом и сильней. Дело было поздней осенью, мокнуть в это время опасно. Мы поспешили на елань, – так называются в наших болотных местах лесные поляны. На болотной елани был целый город из стогов сена. Эти стога осокового сена тут остаются до сильных морозов, когда бо-

лото замерзнет и можно бывает из деревни проехать на лошади. Подошли мы к одному стогу и взялись себе делать от дождя зонтики. Делается это очень просто: надо как можно глубже запустить руки в сено и приподнять его вверх крышей над собой. Перестояв дождь под крышей, опускают ее и прихлопывают ладонями, чтобы дождь по прежнему гладкому боку скатывался и не проникал в сено. Если же надо укрыться надолго, провести в тепле холодную ночь, то из-под крышки надо сено выбирать столько, чтобы можно было самому залезть в нору и уснуть, как в постели. После это выбранное сено опять впихивают внутрь и бок непременно оглаживают. Моя собака так привыкла к моим пережиданиям дождя, что, когда я подхожу к стогу, мгновенно вскакивает на самый верх стога и там дожидается, когда я сделаю крышу для себя и для нее. В этот раз Кента не вскочила на стог, а, напротив, сделала стойку, и шерсть у нее поднялась, как по зверю. Я тронул стог. Она зарычала. Вспоминается мне один случай. Мужик поехал зимой в лес за сеном, ткнул в него вилами, а из стога барсук: это бывает, барсук иногда на зиму забирается в сено. Теперь время осени было позднее, барсуки ушли в норы.

«Уж не барсук ли в стогу?» – подумал я.

Взял я ружье наизготовку. Крикнул:

– Ну, барсук, вылезай!

И со всего маху ударил по стогу ногой. Вдруг после моего удара весь стог, как живой, ходуном заходил, сено зашумело внутри его и...

Я направил ружье в то место, где сено зашевелилось. Показалась голова. Человеческая была голова. Человек вылез из сена. Там он ночевал.

Так часто ночуют в лесах.

18 Сентября. С утра дождь. Мы натаскивали Дубца и Нерль.

1) Бекас. Дубец спихнул по ветру.

2) Два бекаса. Дубец потянул и после трех стоек подвел. По убитому твердо стоял.

3) Нерль потянула и после короткой стойки подвела и сняла. По перемещенному стала накоротке намертво. Бекас вновь переместился, и вновь она стала по нем накоротке. Это был бекас, по всей вероятности, пролетный, потому что очень плотно залегал, не как здешние, все уже пуганые.

4) На трестнице Нерль потянула, сделала издали короткую стойку, которую я хотел задержать веревкой, но бекас очень <*1 нрзб.*> вылетел от нас шагов на 50.

5) Нерль скакнула на ходу, не причуяв.

6) Нерль вела по следу и, не причуяв верхом, спихнула.

7) По перемещенному Нерль повела, сделала свою короткую стойку, я схватился за веревку, бекас вылетел.

8) Нерль долго вела прямо на ветер, но бекас не выдержал стойки и вылетел на 65 шагов.

9) Нерль заметалась по следу в кустах, вдруг причуяв самого, подняла голову, и в тот же момент бекас вылетел.

Что делать?

Дубец. Определенно подводит со стойками. Не слушает свистка. Необходимы упражнения в поле со свистком.

Нерль продолжает стойки только накоротке. На большое расстояние стоек не делает. Разбираясь в следах, не догадывается вовремя поднимать голову и причуять верхом. Необходима работа над задержкой стойки. Веревочный способ не всегда применяем. Упражнять дома над пищей, чтобы по крику «тубо» – не двигалась дальше и ложилась по крику «лежать» и с поднятой рукой.

А ласточки улетели не все: сегодня видели трех в поле. Вероятно, это пролетные. Тоже и бекасы стали показываться пролетные. Нашли одного гаршнепа. На плесы навалились, в <*1 нрзб.*> пролетел черныш.

<*На полях*> 1 бекас. Дубец спихнул по ветру 2-го бекаса на <*1 нрзб.*>. Дубец потянул и сделал мертвую стойку, после 3-й стойки подвел. Убиты 2 бекаса.

Кручихин говорит, что высыпали местные вальдшнепы.

19 сентября. Творчество. Всякое творчество похоже на поиски голоса в радиоприемнике: когда находят согласную волну, слышится голос; так и творящий человек лично ему только данную волну т<алант> приводит в согласие с одной из волн, существующих вне его, исходящих из неизвестного мира, похожего на большую радиостанцию; это согласие является одним как ритм, другим как смысл и мера всему, но тем и другим при этом слышится голос извне, как при согласной волне слышится голос с радиостанции.

Хаосом называют множество голосов, несогласных между собой, долетающих к нам, когда своя волна не нашла еще созвучия с другою волной...

Эренбург. Хулио.

Еврейское остроумие в большой дозе невыносимо. Евреи – это те же цыгане; цыгане живут воровством лошадей, евреи работают в торговле, политике и журналистике, те и другие кочевники. Но цыгане веселые, евреи мрачные. Цыгане кочуют, потому что не знали оседлости, евреи кочуют, потому что утратили ее...

<*Приписка на полях*> Евреи кочевники, они там, где движение: журналистика, политика, торговля, спекуляция.

Тема: Громкоговоритель и его ругань, происхождение ругани.

Всем золотом, всем румянцем улыбнулся нам сегодня осенний день. Я видел под ногой румяный лист осины, покрытый каплями холодной росы. Вспомнил грушу, бергамот, переспелую, румяную, упала в росистую траву и треснула... Сильный аромат осени в лесу перенес меня в помещичьи усадьбы.

Охота. Бекасы по-прежнему попадаются в лесу. Вальдшнепы стали выдерживать стойку и немного начали жиреть. Выводки бегут, но стрелять еще хорошо можно. Даже старый черныш подпустил.

<*На полях*> 1 бекас, 1 рябчик, 3 вальдшнепа, 3 черныша.

20 Сентября. С вечера хорошо определилась ясная ночь и крепкое росистое утро. Ночью (в 2 ч.), отправив Петю на уток, остался на крыльце, под звездами. Разве я верю, что это «ангельские души»? Не верю, конечно, и в ангелов. Но мне об этом в детстве говорили хорошие люди, и потому пусть звезды будут ангельскими душами, я им оставлю это значение, потому что в нем сохраняется творческая сила моего детства. Я не настаиваю на том, чтобы современные дети связывали сияние звезд с небесными живыми существами. Но какое-то хорошее значение они должны иметь и для них... пусть Большая Медведица называется Маркс, а Малая – Ленин и всем другим созвездиям будут присвоены имена пролетарских вождей. Если в молодом поколении с этими людьми связывается готовность на самое лучшее, то пусть оно будет прикреплено к самому вечному, к звездам... Я только против замены творчества стиля жизни всем существом человека одной только потребностью разума знать причины явлений. Поэтическое и религиозное творчество создает лицо жизни, научное дает нам только знание причины. Астрономическая звезда все равно что отпрепарированный и заключенный под стекло труп для школьных занятий по анатомии.

Надо признать раз навсегда, что разум есть только наше орудие, что не он открывает, а мы открываем посредством него причины явлений с целью лучшего переустройства природы. Удовлетворение себя знанием причины вместо лица – «рационализирование» – есть одна из тяжких болезней нашего времени...

Каждый, прикоснувшийся к творчеству, узнает для себя новые возможности, которые он раньше и не подозревал в

себе: в нем рождается как бы новый человек. И когда другие люди начинают давать свою оценку этому новому человеку, то часто эти лавры «творец» надевает не на себя творца, а на себя ветхого. Только такой глупой смертью, конечно, погибают маленькие таланты…

Садясь за стол обедать, Громкоговоритель в лучшем случае изрекает жене «Гуменница!», а бабушке: «Носатый черт!», обыкновенно жене он говорит одно короткое слово, которым выражается то, что до него она имела двух детей от разных отцов. Бабушку просто кроет по-матерному. В тоне Громкоговорителя есть что-то абсолютное, когда он произносит в семье матерные слова, это как бы необходимые гвозди его власти, говорит, как будто молотком гвоздь заколачивает. У старого хорошего хозяина этих слов не услышишь, они говорятся только в самом крайнем случае. Женщины почти никогда не ругаются по-матерному. А потом я думаю, что смысл этих слов коренится в патриархальном быту, и размножаются эти слова до постепенного и бессмысленного употребления вместе с падением патриархальной власти. В семье Громкоговорителя она еще действует, как действует гвоздь, скрепляя треснувшую доску. Невыносимо. Жена моя потребовала сокращения «гвоздей» и пригрозилась: «а то мы уедем». Громкоговоритель перестал ругаться. Я еще придумал средство избавляться от невыносимого его говорения, напр., меня начинает мутить, я беру рожок и начинаю играть. Он скоро понял мой прием и стал замолкать. «Умный! – сказала мне раз Е. П., – а потом и честный: и так мало-помалу я преодолел хаос, и у нас установился приятный стиль жизни, «быт».

Натаска Нерли. По бекасу в защищенном от ветра месте, по обыкновению, добралась по следу и спихнула. По тетереву, причуяв у моей ноги, повела верхом, потом, когда он отбежал быстро, накоротке устремилась к нему, хлюпая носом по следу, и спихнула.

Смеясь над Даувальдером, что не дождался работы Дубца, а вот теперь самому не лучше. Надо бросить водить собаку по бекасам. Надо просто ждать случая и естественного роста сознания. По гаршнепам надо поводить и по куропаткам. В особенности по куропаткам, как было с Кентой.

Надо заметить, что отодрать собаку от земли и заставить вести верхом на бекасе так же трудно, как и на тетеревах. Очень возможно, что куропатка самая лучшая дичь.

По неподвижной дичи-то она сделает стойку, да поди найди такую, да и на что это нужно: сколько же было стоек по мертвой или подстреленной дичи. Собаку горячит след, – как сделать, чтобы она верхом и тихо по следу шла?

Пришел Андрюша из лагерей допризывной подготовки, загорел, поздоровел. Рассказал о маневрах, что стреляли боевыми снарядами в воздух. Я спросил его: «Весело было?» Он ответил: «Нет, дисциплина тяжела, очень утомительно, все стремились поскорей отделаться». И еще он сказал, что вся эта «государственная игра» чрезвычайно дорого стоит. «Вас бы направить к мужикам, – сказал я, – дороги чинить, хозяйство налаживать, просвещать их, украшать их жизнь. Едва ли кто-нибудь посмел <бы> напасть на нас, если бы мы героически бросились все в творчество мирной жизни». Петя на это ответил: «Это утопический социализм».

Вот чем и ужасна эта политграмота, что в ней есть ответы на все, ничем уже сверх нее нельзя удивить, ничем завлечь. Надо спросить их сегодня: «Мы для государства или государство для нас? И если для нас, то мы для кого?» Возможно, они скажут: не знаем, учитель, скажи! Я-то скажу! Я скажу: «Мы живем в природе и между людьми для согласия». Возможно, они скажут: «А для чего согласие?» Я отвечу: «Для музыкального преображения мира».

<На полях> Пазуха плеса. Остров плавучий заслонил плес.

Говорят, что будет голод. Но я думаю, что городская жизнь окрепла и для горожан голод не будет чувствителен, все равно как мало чувствительна относительная нищета деревенского люда и в не голодное время.

<На полях> Благовещенск. Краснофлотская, 7. Филот Николаевич Чиликин.

Убирают картошку, а овес стоит некошенный и местами зеленый, «аки лук».

Мелькает мысль для писания забраться на месяц в Царское Село.

Завтра идем искать куропаток на полях между Пустым Рождеством и Вонятиным по речке Крестнице и притоке ее «Вздерни ножка!».

21 <Сентября>. Рождество Богородицы.

До полудня был дождь, потом солнце. Мы ходили в Пустое Рождество и вернулись почти пустыми.

Хулио. Бросил эту претенциозную и малограмотную книгу. Заметил в ней пафос механического движения и человеческой диктатуры. Думается, что не случайно сошлось: бессмыслица движения поправляется неподвижностью.

К Алпатову.

Революционное движение (интеллигенции) в России несомненно отразило в себе характерные черты народного расколо-сектантского движения.

Начиная от раскола, кончая сектой «Нового Израиля», эти народно-религиозные порывы все одинаково испытывают одну трагическую судьбу: свою местную правду они выдают за универсальную истину и погибают в борьбе с универсальной истиной, омраченной частной неправдой. Все кончается омирщением «согласия» раскола или секты.

В интеллигенции сложились такие же секты, из которых каждая имела претензию на универсальную истину. Победившая всех их секта большевиков до сих пор борется за универсальность (интернационал) и на наших глазах постепенно омирщается.

Надо продумать. 1) Русский быт, разлагающийся на быт религиозного народа и безбожной интеллигенции, очень возможно, что «интеллигенция» тогда явится как одна из сект народной жизни. Итак, тема: русская интеллигенция как одна из сект народного религиозного движения. 2) Если для каждой из сект основным вопросом существования является борьба за универсальность, то в секте интеллигенции этот мотив доходит до крайности ради универсального, все бытие объявляется мещанством, как нечто местное (ничего у себя, дома и все в интернационале).

Секта «Новый Израиль» пусть будет последним звеном разложения православия, еще один шаг, и она будет сектой не народа, а интеллигенции. В чем этот шаг? Легкобытов – гений секты. С другой стороны, Блок как законный охранитель и обладатель универсально-творческой идеи (Христос Мережковского: «во плоти»). «Реакционность» богоискателей состояла в том, что они искали «плоти» (что значило: церкви), в то время как революционная интеллигенция (Базаров и др.) продолжала отталкиваться от всего местного (плоть, церковь) в стремительном движении к Интернационалу.

Два Блока: Христос – это я, Блок, поэт (т. е. это культура, это Христова культура и значит Христос живет в стихах Блока).

Друг мой, верьте мне, что не из тщеславия и не от избытка сознания стал я летописцем. Нет у меня никакого стремления к славе: вот именно потому я и стал летописцем, а не погиб в творческом действии, что не было у меня в то время ясного сознания для действия. Мне нужно было пережить, продолжиться, подрасти, как дерево, чтобы в новых условиях начать понемногу догадываться о значении минувшего, скажу яснее: в настоящем из прошлого догадываться о будущем. Стал бессильным у порога к действию, в то время я довольно винил

себя и достаточно был наказан. Теперь я понимаю так ясно, что винить себя мне было не за что: я должен был сохраниться для догадок о прошлом. Так все равно любой хороший отец бережет своего сына и отдает для него свою жизнь, сам того не зная, чтобы сын продолжил его самого и впоследствии догадался о том, что непонятно было отцу.

Жатва. Как я люблю теперь смотреть на спелую рожь, когда колос, наполненный зерном, гнет родимую соломинку. Мне зерно тогда представляется смыслом, сознанием ржи. Я переношу это в человеческий мир и говорю себе: наше сознание тоже спеет. И вся разница, как я теперь понимаю, что у них, например, в нашем краю для всех есть одна Казанская, день 8 июля, около которого приблизительно всякие ржинки становятся сознательней. У нас в человеческом поле для среднего человека тоже, конечно, есть своя Казанская, но кроме того безмерное и <*1 нрзб.*> в природе значение приобретают отдельные существа, у которых сознание спеет или значительно раньше, или, как у меня из прошлого, значительно позже. Теперь удивительно и смешно вспоминать, из-за чего приходилось прежде много страдать. Так был я мальчиком слаб на волос, и уже в четвертом классе гимназии выросли у меня усы. С этими усами меня до того довели, что я чуть не избил учителя, когда он мне сказал: «Усы выросли, а задачу не можешь решить». Но с сознанием было у меня обратно: на волос слаб, на это тяжел. Не говорю уж о больших нравственных вопросах, скажу о простой арифметике, бывало, глядишь на первых учеников с задней скамейки: глупые ребята, а по арифметике первые, я же ворочаю мозгами, как жерновами, и простой задачи не умел решить. После же, когда выгнали из гимназии и пришлось экстерном сдавать, вдруг всю арифметику понял и в неделю взял как пустяк. Это значит, что арифметический колос во мне совершенно поспел. И так во всем из-за этой разности в поспевании до того много приходилось страдать, что теперь способен в этом видеть все отличие человеческого общества от естественного. Нет никакого сомнения для меня теперь, что как рожь для зерна, так и человек продолжается для творческого сознания, которое когда-нибудь преобразит мир и сделает его от начала до конца согласным.

Природа и движение. Городской человек, встречаясь с природой только на даче, стал понимать ее как созерцательный покой, а постоянное живое движение жизни в действительной природе заменил себе искусственным механизированным движением города, его улиц, трамваев, паровозов... Оно и правда так непременно покажется сном и покоем в деревне, если сравнивать жизнь тех и других людей, измеряя ее по тому же самому признаку. Но если войти в природу и забыть эту меру

повседневной суеты, то движение улицы, станции покажется игрушечным в сравнении с постоянной всесторонней переменой в природе, где нет секунды, в которую не умирали бы и не рождались, никогда не повторяясь, новые существа...

<*На полях*> Красный мак.

Так не на «лоно природы» бросился инженер Алпатов, а вошел в этот великий поток жизни, столь великодушной и щедрой в своей огромности, что ему ничего не стоит дать и отдых какому-нибудь десятку или сотне тысяч дачников, и курорт для больных, и «вечное успение» для умирающих. Нет! Алпатов не дачником, не больным, не умирающим явился в природу.

Друг мой, скажу решительно: я, простой летописец, не властен тронуть их покрывало и описать этот великий акт природы, питающий наше сознание. Вы оглянитесь сами на множество людей, встреченных вами в жизни. Вы согласитесь со мной, что всех их можно разделить по одному признаку на два класса, назовем их старыми словами – интеллигенция и народ. Но отбросим все внешнее в них, будем называть народом всю массу, для которой величайший акт природы, которым человек продолжает себя, является сам собой в своей диктующей необходимости и выполняется крайне легко, недаром и слово для них на-род вызывает у нас в представлении обилие в росте, разрастание. Напротив, в другом классе разумная часть нашего творческого сознания, интеллект, сопротивляется диктатуре акта природы. Назовем интеллигенцией тех, для кого решение на чувственную судорогу является самым трудным, самым мучительным и определяющим актом. Конечно, тут все в интеллекте, и потому название интеллигенция для этих людей так удивительно подходит. Но, мне кажется, и наше обычное понимание русской интеллигенции, людей, ради требований того же интеллекта разорвавших все связи с бытом, не исключается нашим условием. Тут не поможет ни церковь своими обрядами, ни родственники своим сочувствием, ни свахи своим выбором. И вот мы <*1 нрзб.*> на «лоне природы» перед лицом диктатора мира...

22 Сентября. Весь день нависала все сильней и сильней серая мгла, осаждая не капли, а бесформенную сырость на шляпу, на плечи. День провели как бы в облаке. На всей Журавлихе Петя нашел только одного бекаса, по которому Дубец сделал отличную стойку. Я нашел вблизи дома трех, которых Нерль спихнула по своему обыкновению. Я пришел к убеждению, что уразумение ею необходимости стойки необходимо ей в поле с разбега почуять дичь, куропатку или перепела.

Бывает, мох темно-красный большими глыбами лежит, на глыбах березки и на красной подкладке зелень брусники, облитая осенней росой, блестит литым серебром.

23 Сентября. Задумчивый день с появлением солнца. Охота в Серкове. Убиты 2 мол. петуха.

Видели дичь: три глухаря, два из них в 7 утра на деревьях, по-видимому, токовали, 3 вальдшнепа в крепи, около 20 бекасов в сильной крепи почти вместе, один выводок, 4 черныша.

Предки. Четыре стены темных елей, багряных осинок и золотых березок сами собой расположились в тот особенный порядок, как часто располагаются скалы на горах, облака, а также пятна времени по обоям в комнатах и особенно волнистые линии вокруг сучков на стенах деревянных: фигуры, возникающие в облаках, в скалах, в лесах, в комнатах из пятен и сучков часто дают нам образы давно умерших полузабытых людей.

Раз месяц с облаками был в таком сочетании, что показалось лицо моего двоюродного брата и так выразительно, что я в первый раз в жизни понял истинный смысл бытия этого умершего.

Теперь у стены темных елей и разукрашенных берез и осин сложилось сказочное благоухающее кладбище моих предков – елецких купцов, в действительности спящих вечным сном под капустниками коммунаров, отобравших монастырские здания для своего общежития.

Есть воспоминания, образы которых могут выходить сами собой в облаках, из тумана, из гор и лесов, но при малейшей попытке подойти к ним поближе рассеиваются и почти всегда оставляют в душе какой-то неприятный осадок. Большей частью это приближение бывает приближением к себе самому, являешься сам себе в какой-нибудь некрасивой роли, и все воздушные чистые, прекрасные воспоминания разбиваются на множество смешных или отвратительных фигур. Так, наверно, и жизнь елецких купцов, моих предков, если бы мог я пойти на их кладбище с великолепными памятниками на закупленных у монахов местах, верней всего напомнило бы мне мое поведение, и общество предков распалось бы на пьяниц, картежников, угрюмых нелюдимов, ростовщиков, попрошаек. К счастью, действительно памятники разбиты, предки мои лежат незримые под капустниками коммунаров, и в осенних лесах из багряных осин и золотых берез складывается фантастическое благоухающее кладбище прекрасных людей. Кого только ни вспоминаю я, всякая жизнь является мне ненапрасной, над всякой мыслью, свободно возникающей теперь в моей голове, кажется мне, трудились эти предки-купцы, погребенные ныне в капустниках коммунаров.

24 Сентября. Светлое утро, седая холодная роса. Можжевельники, обтянутые паутиной, седые, на паутине седая роса, от куста к кусту тонкие нити, и все похожие на сложную ткацкую работу.

Дубец. В его воспитании были допущены две ошибки, одна была, когда я учил его стоять над кусочком хлеба: он сунулся, я его стегнул, чтобы в другой раз не совался, это его так напугало, что потом, когда я его пускал разыскивать хлеб и он его причуивал, то не стоял над ним, а отходил. Другая ошибка, допущенная мной по незнанию его робкого характера, была в том, что когда он поймал и растерзал соседскую курицу, я подвел его к своей и, допустив его сунуться к ней, сильно наказал. Вследствие двух этих ошибок Дубец потом, причуяв дичь, не тянулся к ней и не стоял, а отходил. Даувальдер так и не мог приучить его к стойке, вероятно, обращаясь с ним слишком сурово. А когда мы встретили его особенно ласково и стали всеми мерами поощрять его потяжку к дичи, он вдруг пошел, стал подводить и делать очень крепкие стойки. К сожалению, так и не удалось уловить этот переход его к сотрудничеству с человеком, это произошло вдруг.

Натаска Нерли. Надо добиться от нее того, что теперь есть у Дубца: после того как причует след, не метаться по нем, причуивая нижним чутьем, а тихонечко скрадывать, отнимая нос от следа и проверяя по воздуху, не покажется ли дичь сама по себе.

Я сегодня много думал, как бы мне и выучить Нерль и проследить переход ее к сознанию, чтобы оно не явилось для меня внезапно, как у Дубца, вдруг.

Думал о собачьем уме, это ум психологический, известный под презрительным названием «бабьей логики». Психологический ум видит непосредственно то, что происходит внутри другого человека, и согласно с этим, обходя логику, делает вывод. У собак почти вовсе нет ума логического. Так, напр., когда ведешь собаку на поводке, привязанном на палец, и по пути встречаешь дерево, которое, упираясь в поводок, задержит движение собаки, то она никогда не догадается вернуться назад и обойти его стороной хозяина, она натягивает поводок до тех пор, пока он не затрещит от натуги. Какой же тут ум! Напротив, всех нас поражает тот ум собаки, которым она догадывается о настроении хозяина. Можно подобрать много примеров такой «бабьей логики» в собаке, которые покажут, что иная собака догадывается гораздо скорей нечуткого человека. Вот этим «умом» и надо пользоваться исключительно при натаске собаки и заставить себя отучаться требовать от нее того, что дается только умом логическим.

Из этого выходит, что если культура предков, передающая собаке потяжку, стойку и подводку, в отношении к Нерли оказалось слабой, то надо воздействовать на ее психологический ум и опираться в натаске не на ее наследственные дарования, а прямо на практику сотрудничества с хозяином. Так, если она не имеет склонности подкрадывания к дичи, а, причуяв, напирает на нее до взлета, то заставить ее подкрадываться вместе, пусть она смотрит, как я сам подкрадываюсь, и с этого берет себе пример. Сламываю толстый прутик и заставляю им следовать Нерль у самой моей ноги. Так мы бродим с ней по лесу, пока она не начинает шить носом по тетеревиному следу. Я иду, не обращая внимания на след, ей приходится его бросить, потому что я не могу знать, где след, и веду не туда. Но ей жалко следа, она поднимает голову и смотрит в ту сторону, где мы оставили след. Я останавливаюсь и любуюсь ее стойкой по следу. Потом увожу ее дальше, делаю круг. Она схватывает след более свежий, забывает мою хворостину и ползет по нем. Ну, это туда-сюда, пусть ползет, я посмотрю, чем это кончится. Она ползет скорей и скорей бежит, я за ней не успеваю, а потому кричу ей «лежать!», дохожу до нее, показываю хворостину и ухожу в сторону. С неудовольствием она идет ко мне и опять оглядывается, опять делает стойку. Я после продолжительной стойки делаю ей уважение, иду в ее сторону, она идет рядом со мной с высоко поднятым носом. Вот вижу свежую копну и в ней два черных пера. Где-то далеко впереди взлетает отбежавший петух. По линии, проведенной от копны до взлета, я иду очень медленно, заставляя Нерль идти со мной шаг в шаг...

Сегодня я проделал это по трем петухам. К сожалению, не нашел ни одного бекаса. В следующий раз, когда она причует след бекаса, заставлю ее тоже подкрадываться, пусть вслепую, как-нибудь кругами, раз скажу, два скажу, но наконец она почует у меня его носом поверху, и тогда-то уж я ее получу на стойке. Случается, бекас недалеко пересядет, тогда будет легко подвести.

Пройдя значительное пространство, убедившись, что на нем нет больше дела, я повернул назад и пустил Нерль бегать свободно во весь дух для того, чтобы она не забывала своего природного поиска, который я ей навсегда возвращу, когда она научится тихо скрадывать дичь и стоять.

Отдых в бору. Трудно о том говорить, что бывает во сне, но, случалось и наяву, вдруг прорежет где-то на сердце воспоминание: боль совершенно физическая, и вслед за тем является небольшая догадка о пережитом. Одно из таких жгучих возвращений к прошлому с последующей догадкой было у инженера Алпатова при воспоминании того момента его странной любви, когда он один раз взглянул на свою невесту без этого

чувства любви, а просто как на Ину Ростовцеву, обыкновенную девушку, не очень красивую и, главное, вовсе не такую недоступную, как представлялось. Мелькнуло тогда на мгновение: «в ней же нет ничего!» В следующее мгновение началась опять «любовь» и то обнажение закрылось. Теперь постоянно во сне, а иногда и наяву, он чаще и чаще возвращался к тому голому мгновению и то, о чем он после того догадывался, было страшно ему для окончательного вывода. Он догадывался, что вся его недоступная Ина создана его самолюбием из ничего… А в снах, которые виделись ему постоянно, никогда не являлась Ина в своем виде, то это была старуха, внутри которой, по догадке, находилась Ина, то – виделась каменная баба, из которой слышался музыкальный голос невесты. Случалось, снится самая обыденная жизнь за столом, за обедом, какая-нибудь обыкновенная женщина подает ему тарелку, вилку, наливает суп, и только после, в момент пробуждения, по особому смутному чувству он догадывался, что эта обыкновенная женщина была его невеста Ина Ростовцева, ему недоступная. Так и сны, и догадки после обжога воспоминаний чаще и чаще приводили его к тому, о чем думать до конца и стыдно и страшно, как будто за отсутствием Бога он сам бы его себе выдумал и одновременно поверил в свою выдумку. Алпатов со стыдом и страхом и болью возвращался иногда ночью, иногда и днем к тому своему душевному миру, не зная, что он играет огромную роль в его жизни действительной… Конечно, если взять аршин и проложить им по воздуху двести раз и по земле двести, будет одинаково и на воздухе и на земле двести аршин. Но двести аршин воздуха и двести земли не одно и то же. Вот почему, возвращаясь от сновидений о каменной бабе с музыкальным голосом невесты к действительной жизни бессознательно для себя ту же музыкальную меру, тот же аршин прикладывая по земле, Алпатов с изумлением встречал везде чудеса. Ему не было теперь, когда он из далеких столиц попал в деревню, ничего обыкновенного, как у Чехова, серого в мужиках… (Явление ритма.)

А если весь этот отрывок начать так:

Конечно, если взять меру двести раз по воздуху и двести раз по земле, то все равно в том и другом случае остается двести аршин счета, по двести аршин воздуха и двести аршин земли – не одно и то же, потому что счет – не то, что ритм. Так одна и та же музыкальная мера, проходящая в сновидении или наяву, в творческом действии человека разные вещи…

Или так:

Друг мой, постепенно теряя в жизни унаследованные от предков страх перед наказанием в будущей жизни, веру в чертей и адский огонь, я обретал иные ужасы, всегда возможные

не где-нибудь там, после, а здесь в завтрашнем дне и до конца. Я больше всего боюсь, что с завтрашнего дня в каком-нибудь учреждении посадят меня за стол с двумя-тремя товарищами навсегда по гроб жизни и заставят что-нибудь вычислять полезное для людей. Такой постоянный счет в обществе одних и тех же людей в определенные часы за одним и тем же столом мне и представляется бесконечным мученьем. Читаю теперь иногда в газетах или слышу от друзей признание и хвалу за тот или иной мой труд, я не получаю в этом всего, потому что на все это я истратил сил очень немного сравнительно с тем, чтобы сделать все эти труды свободными. Я говорю о свободном труде, конечно, не в смысле будто бы «свободной» профессии, а в смысле той присущей творческому труду музыкальной мере, которая увлекает тебя в преодоление трудностей до того, что опьяняешься и не можешь жить без труда и отдых себе находишь только в большей или меньшей степени приближения к форме, предустановленной музыкальной мерой труда. Вот, когда достиг в жизни этого бытия, в котором работа невозможна без ритма, возвращаются детские страхи геенны огненной со скрежетом зубов без конца: эту геенну, переводя на свою жизнь, я считаю принудительным трудом, если бы меня посадили за стол с двумя-тремя товарищами и заставили бы считать без конца: это страшная вечность.

<Приписка на полях> 1 совка ржаная.

Наконец-то после всего и утро, и день, и вечер удались...

Картошку выкопали, но овес только желтеет, нарушая своим видом общую картину осени. Некоторые деревья, в большинстве деревенские ивы, стоят густые, зеленые совсем, почти нетронутые, другие пожелтели, покраснели, третьи уже так сильно тронуты листопадом, что очень похожи на яблони и груши в урожайный год, когда в золотистых и красноватых плодах исчезает листва. В теплый вечер пропоет комар, иногда напомнит о себе, запутавшись в траве, шмель, но даже запоздалую ласточку больше не встретишь в поле, и что-то больше я уже не слышу по утрам крика моих журавлей... Вот, вот пролетят мимо нас на юг с севера гуси. Зато наши здешние тетерева росистым крепким утром задают свои великолепные концерты, и озимь ярко-зеленая все крепнет и крепнет. Еще несколько дней, и скосят овес, тогда сгладится совершенно разлад этого лета и все подгонится ритму смены времен.

Продолжение «работа и ритм». Земледельческий труд потому привлекал маниакально многих людей, что в нем ритм обеспечен самой природой. В этом труде нет обязательства к личному творчеству для создания ритма: природа сама по себе ритмична. Усталому хочется снять с себя обязанность сохра-

нять условия ритма в труде, ему кажется, что там все личное можно отбросить, что все личное там исчерпывается заповедью: «в поте лица обрабатывай землю».

Вот эта высшая ритмичность в природе, заранее обеспеченная и независимая от воли людей, создали понятие Бога (северный охотник: «день хожу – ничего, два – ничего, неделю, месяц, – все даром, а час Божий придет, и за все ответишь»).

Безбожник – это человек, который не считается с ходом Божественного ритма.

(Происхождение ренты объясняется деятельностью ритма природы.)

Личное творчество человека (талант, гений) равнозначит с похищением божественного огня, хотя словами «одаренный» (Божьей милостью) выражают согласованность личности с Богом. Но бывает и похищение ритма, сила которого направлена против общего ритма природы.

Подчиняясь ритму смены времен года, дня и ночи, сопровождающему вращение земли, и времени года и повторению годовых кругов движения вокруг солнца, зеленеют старинные *<1 нрзб.>*.

К Алпатову.

«Ина» – это явление ритма в личности, «жизнь» вследствие этого видится прямо в своем ритме, свое малое торжествует в большом («открытия» Алпатова).

Процесс душевный при переходе ритма из природы в личность – это и есть «рождение человека» (сознания) – болезненно. Это есть и явление смысла.

Не бессмысленно наше существование, потому что есть законы смены времен, поколений, только... где ритм, там и смысл. Люди во власти ритма (их быт), кто овладел ритмом, тот овладел и *<1 нрзб.>*.

25 Сентября. Вчера и сегодня летят гуси. Слишком вчера было неестественно тепло, при ветре странно было чистое небо и нехорошо косился своей половинкой месяц. Так продержалось и утро, но после обеда опять задождило.

Натаска Нерли

Мы занимались с ней вдвоем в Скорынинской трестнице и всесторонне проверили ее работу. Много раз мы задерживали ее стойку по бекасам и гаршнепу, случалось, и она сама делала стойки настолько продолжительные, что удавалось издалека подойти. Раз, подводя к бекасу, она оглянулась на нас. По убитым и подстреленным бекасам она делала стойки в расстоянии до 10 шагов. Причуивает по ветру далеко. Но нет ника-

кого постоянства в ее работе, нет уверенности, что она выдержит стойку, нельзя ручаться, что не пойдет после стойки слишком скоро. Словом, после двухмесячной работы Нерль остановилась и застряла на достижениях первых двух недель. Однако, несомненно, что это будет хорошая собака. Мы еще в эту осень сделаем опять подводки к домашнему тетереву, а если удастся около Сергиева найти куропаток, то и по ним. В следующем поле ее можно будет взять на охоту прямо 1-го Августа, проделав перед этим небольшие упражнения.

<*На полях*> Думал, в сене лежу, а оказалось, боком в воде: тепло в воде, потому что холодная роса.

26 Сентября. Ночью дождь. Утром воет сильный ветер.
<*На полях*> Альфред Викентьевич Катынский приехал искать волков (вчера вечером).

Творчество – это воля к ритмическому преображению хаоса.

Книга Бытия точно иллюстрирует эту мысль. Но в ней нет лица творческого преобразователя хаоса, и единственное место «почил» – неудачно.

Истоки творчества? У поэта любовь.

Неужели я ошибаюсь, и моя сокровенная мысль, взлелеянная мною всей жизнью как бы под ритмические удары кузнецов, обитающих в моей крови, или неверная, или слабое отражение давно уже высказанной мысли какого-то великого человека? Нет, я не боюсь ошибки, потому что вслед за сильной ошибкой моей непременно явится другой человек, который скажет: «То неверно, а вот надо как». Я не боюсь повторения чужой мысли, потому что нет мысли новой, не повторенной кем-нибудь, и новизна каждой мысли состоит лишь в новизне воспроизводящей ее формы в согласии с движением жизни.

Хорошие люди – как часы неслышны.

Есть люди такие хорошие, что все вопросы любви и брака, отношений индивидуальности к обществу лично их совершенно минуют, исчезая в их умном и добром управлении самими собой. Они проходят в жизни малозаметно, как неслышное тикание маятника и бой часов: надо нарочно прислушиваться. Есть несомненно значительное число таких достойных ритмических жизней, влияние которых в многомиллионных массах простого безымянного народа столь же велико, как собрание культурных ценностей, сотворенных гениальными личностями в высшем так называемом интеллигентном обществе. Если

бы не было такого ритма в безымянной жизни, соответствующего ритму, заключенному в культурных ценностях, то каким бы образом иногда люди высокой культуры и простейшие, даже неграмотные труженики, понимали и уважали друг друга?

<*На полях*> Люди тактичные или порядочные – это значит недалекие люди, до слуха которых доходят мерные удары очень отдаленного от них творческого действия жизни и они внешнюю свою жизнь складывают, воспринимая ритм жизни не сами, а через подражание другим. Такие были у нас «кадеты», которые подражали «европейцам».

Буря с дождем. Холод.

Нашли в Поповом Роге 7 вальдшнепов, из которых убили 2-х. Видели двух ласточек.

<*На полях*> 2 вальдшнепа.

О Легкобытове. Он искал возвращения сокровищ, взятых из жизни человека во имя Божие. Он обращался к хранителям этих сокровищ, поэтам, ученым, предлагая им броситься в «чан» (жизнь) и воскреснуть там вождями народа.

Легкобытов пусть возникнет в Новгороде, где был и Алпатов, Щетинина сделать из Кукарина и вмешать сюда о. Спиридона.

27 Сентября. Хватил сильный мороз. Под сараем сосульки висели до полудня. Солнечный ветреный день. Два каравана журавлей сильно спешили один за другим.

Послали двух петухов к лавочнику Мухотову с запиской, чтобы передал их Тарасихе. Но Кручихин петухов передал Мухотову, а записку забыл. Лавочник был обрадован любезностью и в благодарность прислал нам арбуз.

Лида прислала обстоятельное письмо о ремонте дома, очень хорошо запаковала арбуз, а главное, заметил я, что мясо арбуза на маленьком треугольничке, который вырезал на нем лавочник, было в полной сохранности, не отгрызено, как было бы у каждой прислуги. Я удивился и сказал: «Вот простая смоленская баба, а прямо не подумаешь, что деревенская». Услыхав «смоленская», Е. П. встрепенулась: своих смоленских она никогда не даст в обиду. Она ответила: «Какая же она простая баба! Она жила в сторожке у церковного сторожа, мать служила господам: вот откуда у нее верность!» На это я сказал: «Так ты думаешь, верность у нее от церкви и от господ, но разве в хорошей крестьянской семье, где труд выполняется охотно и в согласии не может зародиться верность

сама собой без всяких господ и церкви?» Ефросиния П-а ответила: «Конечно, может, да теперь уж и мало осталось таких, везде разлад».

После того я пытался изложить Пете свою теорию труда, называя собственно трудом ритмическую творческую деятельность человека, а работой – подневольную рабскую «повинность». В процессе беседы явилась настоятельная потребность рассмотрения взаимоотношений интеллигенции и народа, культуры и быта. При этом, во-первых, сразу же надо принять во внимание, что культура и «безымянная жизнь» (интеллигенция и народ) нигде, кроме России, не разграничены так резко. И еще надо помнить одну необходимую поправку: возможно, что я говорю уже о прошлом, что после революции из народа вышло такое множество полукультурных людей, а интеллигенция так поубавилась, что резкое разграничение между тем и другим исчезло. Очень возможно, что самое возникновение в памяти такого разграничения вызывается лишь погремушками Пролеткульта, МАПа, ВАПа и т. п., в действительности же наша пролетарская революция разрешает давно разрешенную в Европе и Америке демократизацию каст (крестьянство наше в значительной степени и до сих пор является кастой: фактически земледелец у нас земледелец только потому, что ему нет выхода в другую область занятий).

Еще одно замечание: нынешнее состояние массы крестьянской только внешним образом подобно дореволюционному, только по нищете, пьянству и хулиганству, изнутри она очень подготовлена к движению из своей касты: с оживлением индустрии в нее ринется целая лавина рабочих из крестьян. (Пример подвижности дер. Скорынино, которая перешла на отруба, но, почуяв перемену положения на коллектив, вернулась к общине.)

Сфероидальное состояние. Из всей физики я больше всего через себя понимаю главу о сфероидальном состоянии жидкостей. Правда, есть на свете против тебя, как против жидкости, раскаленное железо – такие странные вещи есть, что свертываешься от них, как вода при встрече с раскаленным железом, шариком, окруженным и защищенным от огня частью себя самого, обращенного в пар. Вспоминаю один случай и объясняю возможность своего существования после него только сфероидальным состоянием себя самого.

Теперь железо остыло, и моя отдельная жизнь, как частица живой воды, нашла свое место и, сливаясь с другими жизнями, спокойно течет общей рекой в океан. Но воспоминание о встрече с раскаленным железом не оставило меня, и хотя кажется, река течет прочно, внутреннюю истинную природу всего живущего я понимаю в сфероидальном состоянии, расплавленной и защищенной оболочкой из газов.

28 Сентября. Звездная ночь была ни теплая, ни холодная, но мы вперед знали, что при восходе солнца будет сильный мороз.

Мы вышли ровно в 3 ч. у. в Серково выслушать осенний ток глухарей.

Час до рассвета самый тяжелый для человека. Представляются таежные охотники, которые не по охоте, а по нужде встают в этот час. За час до петухов человеку вообще ничего «не хочется».

Нас оживил непонятный крик в лесу. Он не повторился, мы не могли разгадать, и думаю, едва ли кто разгадает. Пусть явится в лес ученый-разученый, знающий песенку каждой птички, все равно он не будет знать, как та птичка или тот зверь будут кричать в свой предсмертный миг, когда другой хитрый зверь во время сна в предрассветный час схватит его за ногу или за горло.

Первый свет. Все думают, будто рассветает, белея на востоке, но это неверно: белеет значительно позднее того, как восток стал отделяться от всего неба. Догадываешься о ночных переменах только потому, что ждешь и постоянно сравниваешь небо на востоке со всем небом. Все нет и нет, наконец, заметил, что там отличается, как бы рыжеет: небо на востоке напоминает то небо, которое ночью заметишь в пути и подумаешь: «не в этой ли стороне город». Рыжее электрическое небо, постоянно висящее над городом, происходит от слабости света, потому и на востоке, освещенном самыми отдаленными лучами солнца, рыжеет... Но в природе нет никаких перемен, все еще глухая ночь, тишина. Я приставил к ушным раковинам своим ладони, как делают охотники, расслушивая отдаленную песню глухаря, и услышал трепетание листьев.

– Ты слышишь? – спросил я Петю.

– Где-то осина трепещет, – ответил он.

Но напрасно старались мы разглядеть осину в массе черного бора.

Вдруг пикнула та самая птичка, по которой узнают весной охотники приближение глухариного часа: весной она поет, теперь только один раз пикнула. На востоке рыжая яма переместилась и стала белеть. Трепет осины стал заметен без напряжения слуха, и где-то очень, очень далеко и коротко пробормотал черныш.

Глухари в это утро так и не запели.

Перед выходом солнца явился такой сильный мороз, что даже и болотные лужи затянуло льдом. Трава при восходе была совершенно белая, дыхание листьев широких трав на каждой их стороне было остановлено слоем льда. Мороз все пощупал, и когда солнце согрело довольно и мороз на траве, листьях и цветах обдался водой, это была не живая роса, а мертвая, теперь быстро погонит лист, увянет, желтея, трава,

поникнут, чернея, цветы. В сиянии солнца стыдливо очнулась природа: всю, всю ее перебрал, перещупал мороз. Только лиловые колокольчики на своих высоких бессочных соломинках были совершенно свежие, как будто им мороз был нипочем. Петя мне с удивлением подал один, но когда вся природа винилась морозу, жизнь колокольчика, как будто бессмертного, мне показалась немного неприятно бесстыдной.

Ранним утром тетерева и глухари были на деревьях, бекасы расположились внутри кустов, но вальдшнепы на опушках ходили по морозу. Мы взяли трех, выгнали бекасов из кустов и тоже взяли трех. Больше ничего не могли достать и вернулись во втором часу (с трех до часу – 10 часов ходили!).

Рассказ о дедушке (Овчинник).

Как это ни странно покажется, но верно: охота в русских огромных пустынных пространствах гораздо менее добычлива, чем в перенаселенной Европе. Отчасти это потому, что у нас мало занимаются охотой и разведением дичи, но главная причина – огромность пространства лесов и болот, места для дичи довольно и она распределяется пятнами, как бы селами, разделенными большими пустыми местами. Впрочем, такая же у нас и жизнь человека: редкие села, и все жалуются с испокон веков на недостаток земли. Но я люблю нашу охоту с редкой дичью и за границей, где ее много, не стал бы охотиться. Меня прельщает чувство свободы, безмерная задача в пустыне обнять любовью и понять вселенную со всеми звездами, луной и солнцами, невозможное желание привести к себе самому, что я заключаю в себе вселенную, и тогда я смотрю внутрь долго-долго на ходу и когда вдруг встречусь с чем-нибудь из себя, то и то, как я, и так мне оно бывает дорого, особенно счастлив бываю, когда покажется человек, как человек-туземец переживающий зарю своего сознания. Ландшафт лесной или болотной пустыни, в которых редкая встреча с птицами или зверем является всегда нечаянной радостью и венчается иногда удивительными беседами с человеками, переживающими как бы первую зарю своего сознания.

Прошлой осенью, очень усталый, я возвращался с большой охоты лесами по шоссейной дороге, пересекаемой почти непроходимыми озерами грязи. При своей усталости я, приученный постоянной тренировкой к легкой ходьбе, шел быстро и даже любовался цветом грязи на солнце: цвет ее при осеннем солнце был похож на блестящий каменный уголь, когда товарный поезд открыто катит его на солнце. Мало-помалу, однако, леса меня задавили, и до боли хотелось встречи хоть с каким-нибудь человеком. Мое желание скоро осуществилось, человек показался вдали, и я быстро его настигал. С сожалением, однако, настигая его, я заметил, что старик шел очень

тихо той равномерной походкой, которая позволяет проходить пешком сотни верст без усталости. Поравнявшись с ним, я сказал: «Здравствуйте, дедушка». Он ответил: «Здравствуй, отец!» Обгоняя его, я спросил на ходу: «Куда идешь?» Он ответил: «В Калужскую губернию».

А мы были в Московской. Ответ меня удивил. Я сократил шаг, сравнялся с ним и спросил, зачем он идет в Калужскую губернию. «Мы, овчинники, – ответил он, – я сюда приходил рядиться на работу, иду назад, а к Покрову вернусь. Мы, овчинники, так постоянно. У нас все овчинники».

Ровный, спокойный голос старика, согласный с его походкой, его приветливость пленили меня, я перестроился с быстрой ходьбы на спокойную, и захотелось, не торопясь, идти с ним рядом. Достав папиросы, я предложил спутнику. Он почти испугался...

<На полях> Мне приходилось часто выслушивать легенды о себе самом.

Пастух барин.

29 Сентября. Потеплело, день мешался, но дождя не было. Проверил с Нерлью около дома дичь, показывались новые бекасы, очень жирные, двух мы взяли с Петей и еще тетерева. Нерль ходила на свободе и стоек не делала, но – подводка ее очень осторожная, это новое, эта осторожность приведет ее к необходимости стойки.

Весь день провели в сборах к переезду в Сергиев. План переезда: Е. П-а едет на подводе с Громкоговорителем. Мы идем охотой до Зимняка. Там берем Ченцовского ямщика и догоняем Павловну.

30 Сентября. Дождь накрапывал весь день, к вечеру раздождилось. Мы с Петей вышли в 5 у. в Серково, спустились в Селковскую низину, прошли Мергусову бель и в 2 д. достигли Зимняка, где сидела в ожидании нас, пила чай Е. П-а. За 9 часов тяжелой ходьбы в болотах на голенищах вконец стоптанных сапог мы убили только вальдшнепа, 3 бекасов и 1 гаршнепа. На Мергус. бели врасплох застали гусей.

Ченцовский ямщик взялся нас в 4 часа доставить в Сергиев, и мы рассчитывали в К... догнать Е. П-ну. Но приехал он только в ½ 5-го, и Павловну догнали мы только за Деулиным, обогнали, чтобы заказать для нее дома поскорей самовар. Но в Сергиеве ямщик привез нас к постоялому двору и сказал: «Вылезайте!» Шел дождь, у нас 3 собаки, вещи. Мы подумали, не сошел ли он с ума. Но он грубо требовал и говорил, что это не его дело развозить по домам жителей. После долгих препирательств, ругательств и т. п. я отправил Петю за милиционером. Петя, конечно, отошел в сторону и наблюдал, что будет.

Дождь поливал, время проходило. Он лез на меня, как медведь, и когда, наконец, крайняя усталость, дождь, грязь на дороге, грязь на душе от бесконечного множества встреченных пьяных доконали меня, я сделал последнее усилие и поставил медведю рогатину. Я сказал ему, чтобы он успокоился: «Сейчас придет милиционер». – «Я милиционеров не боюсь», – кричал он. «И не надо бояться, – ответил я, – мы составим протокол, а потом будем судиться». Это судиться и было рогатиной. Русский человек всегда боялся суда. Он вдруг стал тише и тише, попросил у меня папиросу, предлагал довезти. Я не сдавался. Он позвал извозчика, говорит: «Вот поезжайте, деньги, рубль, вычтите из моих». Это значило, что струсил он до последней степени, добиваясь только, чтобы я уехал до прихода милиционера, хотя сам бы теперь повез с наслаждением. В этот момент выступил из темноты Петя и сказал: «Сейчас придет». – «Не надо, – ответил я, – садись». И мы поехали, потеряв под дождик часа полтора времени.

Пьяные. По случаю базарного дня – воскресенье! – мужики ехали из города пьяные, самое наибольшое скопление пьяных было в Иудине, где все кормят лошадей. Войти в чайную с собаками мы не решились и сидели в темноте под дождем, спустив ноги с телеги, в ожидании, когда, наконец, наш ямщик напьется чаю. Время от времени в дверях на фоне освещенного пространства чайной показывались качающиеся фигуры. Один, заметив наших собак, подкачнулся к нам и заорал во все горло: «Убью! Товарищ, почему я не могу убить? Ты можешь, а я не могу? Убь-ю-ю! Потому что ты человек и я тоже человек...»

Ямщик не задержал нас долго. Мы поехали вперед, сворачивая перед каждой лошадью, потому что хозяева их спали мертвым сном в телегах под брезентом и открыто: дождь поливал всех одинаково. Два раза мы встретили музыкальные телеги, битком набитые публикой, лошади мчались вскачь, гармонья ревела, голоса орали что-то вроде песни, прерываемой руганью «мать, мать, мать!». Странно, что обе музыкальные телеги одинаково в разное время при встрече с нами, не видимыми ими в темноте лично, обрывали музыку, пуская в нас ураганный огонь ругательств. Один раз встретилась лошадь с пустой телегой, выросла из темноты и опять погрузилась. Мы между собой сказали:

– Ты видишь? Кажется, на телеге никого не было.

– Да, я хорошо видел: никого.

Ямщик обернулся.

– А в телеге-то, кажется, пусто.

– Пусто, – ответили мы.

В Деулине я опять обратил внимание на школу, которая была поставлена окнами назад, на дорогу отхожими местами,

три узких окошечка были на дорогу и одно было прикрыто изнутри газетой (вероятно, принадлежало учительнице и запиралось на ключ). Каждый раз, проезжая мимо этой школы, я старался догадаться о происхождении такой величайшей дерзости архитектора: поставить здание народной школы нужником к народу.

Смертобожие. Вопрос Горького: «и смертобожие знаете?» и одна скользкая фраза его в статье о физике, вроде того, что человек должен преодолеть «свою физику» и проч., открывает мне, что «смертобожие» проникло уже в его увлекающуюся голову. Весьма возможно, что разложение большевизма, с одной стороны, а с другой возрастающая потребность в духовной жизни воздымут наверх учение Федорова, как волю к бессмертию тела, и большевизм попадет таким образом в руки попов. (Не забыть сцену у Тарасихи. Говорили о покойнике. Т. перекрестилась и, вздохнув, сказала: «Все там будем». Вдруг явственным шепотом послышались слова: «Все ли?»)

Федоров – большевик православия. В книгу о творчестве надо непременно среди богоискателей поставить ученика Федорова и сознательного последователя (Г-о) и бессознательного (Легкобытова). Однако надо иметь в виду, что и «святая плоть» Мережковского и «язычество» имеют те же мотивы (даже и «материализм» большевиков).

Друг мой, признаюсь вам, что в одно время революции, очень короткое, у нас почти исчезло печатное слово и голод властно указал словесному творчеству путь в непристойное место, я струсил: мне показалось, что я не в силах буду справиться с внешней силой и подойти к ней изнутри. Некоторое время я был подавлен и очнулся только, когда услыхал от одного учителя, что на рабфаке он преподает детям рабочих Тургенева. Смеясь, рассказывал учитель, что знаменитые тургеневские образы девушек рабочие именуют девчонками и шмарами... Слушая учителя, я не смеялся, потому что в этот миг я вдруг понял, что осилю новую эпоху: пусть под кличками шмар и девчонок войдут в сознание рабочих тургеневские, пушкинские, толстовские женщины, все равно, вслед за этим и все войдет, чем жили мы, и дальнейшие этапы революции будут состоять в усвоении самих культурных ценностей. Вместе с тем явился мне во всей возможности мой скромный удел обходить всякую внешнюю силу и рассматривать ее изнутри, не торопясь. Вместе с тем второй раз в жизни я испытал на себе незримую передачу культурой энергии. Если бы возможно было рассказать просто, как случилось это со мной в первый раз, то, конечно, я так бы и сделал, но я лишен возможности рассказать, как было со мной, потому что личный мой круг жизни очень ограниченный и неинтересный. Я вынужден сочинять роман, чтобы продолжить в другом лице себя самого.

Вот похожее на мое было с инженером Алпатовым в эпоху первой революции, когда он, казалось ему, только вследствие цепи причин своей единственной неповторимой личной истории из Парижа, Берлина, Лейпцига и Петербурга попал в болотную глушь к мужикам. Но мы знаем теперь, что только страстная форма переживаний эпохи была его особенностью, что то же самое «язычество», похожее на искание бессмертия тела, было и в проповеди Мережковского о «святой плоти» и в первых стихах Вячеслава Иванова, в «Будем как Солнце» Бальмонта, в возвращении к роду В. Розанова, во всей кутерьме декадентства и <*1 нрзб.*>, богоискательства безмерная была тяга к народным низам, к земле... Да и что такое революционный материализм? Разве и в нем, столь враждебном к мистике, не то же стремление к бессмертию плоти?

Я хочу сказать, что бывают эпохи общественной жизни, когда невозможно никому отделаться от назначения, которое только самому представляется личным, а через десяток лет оказывается это не личным делом, в редком случае остается даже памятник в виде надписи, имени автора и деятеля. Потому для Алпатова неминуемо было...

Теперь так ясно видно, что волей или неволей стремились к разрушению царства и даже те, кто стремился больше всех к его утверждению.

Каляевка. (Непостоянство зла.)

Устранили пьяницу Шуплева, обратили внимание, и все переменилось в Каляевке. Теперь она уже не ад, и очень хорошо, что я не остановился на ней для своих размышлений. Во всей современности у нас нет иллюзии «незыблемых основ», а потому и не хочется взяться ни за их посрамление, ни за их прославление. Все сводится «к счетам» (там Шуплев виноват, там другой...) и это называется «самокритикой».

Предисловие к «Рыбьим тропам».

Благодарю Вас, уважаемый редактор «Рыбьих троп», за предложение написать предисловие к сборнику. Но только немногие совмещают в себе темперамент охотника и рыбака, мне очень трудно написать: я только охотник. Приведу Вам пример из охотничьей практики: случается иногда, на бекасиной охоте бьешь одного за другим быстрых бекасов с их хитроумным полетом, вдруг поднимается медленная на полете коростель, и в эту тряпку после бекасов промахиваешься. Это происходит потому, что при стрельбе бекасов весь организм охотника вошел в одну меру жизни и не успевает перестроиться на другую. Точно так же мгновенная стрельба навскидку из дробовика часто недоступна меткому стрелку пулей и наобо-

рот: мне кажется, у меня даже немного начинает ныть зуб, когда мне, постоянному стрелку, из дробовика приходится перейти к сложному прицелу из винтовки.

Точно так же много раз я брался за соблазняющую меня рыбную ловлю и ничего у меня не выходило. Из моих опытов я понял одно, что смотреть на поплавок не значит «созерцать» природу, а что это тоже сложное действие, подобное прицелу из винтовки. У меня есть один знакомый, страстный любитель рыболовства. Во время революции он до того расстроил свои нервы, что теперь уже не в силах больше следить за поплавком. Я лично утомляюсь тоже очень скоро, задумываюсь над чем-нибудь, не относящимся к действию извлечения рыбы, и «вдруг» оказывается, поплавок мой нырнул… На охоте роль поплавка играет собака, за которой надо постоянно следить. Но там гораздо меньше свободы «мечтать», там надо постоянно идти, то насвистывать, то покрикивать, то подумать о плетке, то ободрить собаку ласковым уговором, стрелять и радоваться, стрелять и на всю жизнь вспоминать пятна позорных промахов. Темперамент или ритм действия охотника совсем другой, чем рыбака, и я не стал бы писать этого предисловия, если бы не рассчитывал воспользоваться вашей любезностью для того, чтобы высказать несколько пожеланий, одинаковых и для охотников и рыбаков.

Начну немного издалека, от радиолюбительства, распространенного теперь не менее, чем охота и рыбная ловля. Вы наверно наблюдали, с какой ехидной улыбочкой радиолюбитель, прославленный переговорами с Америкой на короткой волне, говорил о «радиопотребителях», которые ничего не изобретают, а просто слушают лекции и концерты из любознательности или для отдыха. Радиолюбителю вовсе не интересно, что он слышит, ему важно, как он слышит. Психологически это два враждебных класса, объективно создающих одно и то же культурное действие. В нашей охоте тоже есть эти два класса производителей и потребителей, но расхождение этих классов в охоте безмерно более широко, чем в радиолюбительстве, и с ужасными разрушительными последствиями. Кое-что до меня, охотника, долетает из сложной области рыболовства, взять хотя бы красивейшее, могучее озеро центрально-промышленной области, Плещеево озеро, – какие в нем жалкие уловы этой знаменитой переславской сельди, какая мизерная жизнь рыбаков столетия <*1 нрзб.*> приемов рыболовства, ничего от человека на помощь природе и все для «потребления». И только на днях я услыхал радостную весть, что под влиянием ученых-лимнологов, работавших на том озере, наконец-то пустили в это озеро мальков сига. И поистине жуткая картина бедности от невежества раскрывается нам, если мы сравним улов в наших бассейнах с уловом в соответствующих бассейнах Европы.

Я начал с того, что и охоту и рыбную ловлю определил как действие. Позвольте мне теперь немного продолжить анализ этого действия. Ведь как бы ни смеялись радиопотребители над радиопроизводителями, которые не обращают внимания на то, что им придется слушать, но все-таки бытие радиопотребителя целиком обусловлено производителем. Так и в нашем охотничьем и рыболовном любительстве благополучие «созерцателей» природы зависит от тех лиц, в которых сосредоточено действие, преобразующее природу. Чем больше таких лиц, тем большее будет наслаждение для тех, кто смотрит на охоту и рыбную ловлю, как на спорт, отдых и развлечение, тем больше будут доходы тех, кому они служат источником существования. Никому я так не завидую, как радиолюбителям! Нет у них этого наследства, как в охоте – тысячелетних упражнений в разделении охоты на забаву праздных людей и промышленников. У них даже владелец пятирублевого аппарата с «камушком» все-таки что-то знает, что-то слушает и, значит, действует, и времяпрепровождение за трубкой телефона, во всяком случае, никому не приносит вреда. Так в каждом глухом городишке есть изобретатель, которому в этом открылся «смысл жизни», есть и радиопотребитель, которого от неизбежного пьянства и карт спасло его любительство.

Интерес к радио в массе людей начался от мысли, и очень недавно это любительское чисто интеллектуальное <*10 нрзб.*> в ущерб <*2 нрзб.*> природы <*1 нрзб.*> приходилось встречать ребят, которые прямо из мастерской слесаря переходят в свои крохотные радиомастерские и продолжают в ней испытания <*1 нрзб.*> воздух, как природа для этих людей. Интерес к природе начался с древних времен и вначале чисто животный. С большой мучительной борьбой входит <*1 нрзб.*> разум в это дело, спотыкаясь в своей односторонности. Правда, каждому охотнику, каждому рыболову приходилось, заметив какое-нибудь явление в жизни рыб, или зверей, или птиц, доискиваться в книгах объяснения, и объяснения не находить. Мало того, стоит немного только понаблюдать жизнь природы <*4 нрзб.*> из жизни бекаса в это лето, и он непременно сделает «открытие». Это потому, что в естествознании господствует лабораторное исследование. Орнитолог Мензбир хорошо знает каждую мельчайшую косточку бекаса и все его сосуды, но если ему нужно описать жизнь бекаса, он обращается к наблюдениям охотников.

Вот осень, все семьи журавлей давно <*1 нрзб.*>, мало-помалу из этих семей на глазах у нас складывается общественная жизнь, и громадная стая перемещается на юг. Каждую осень вы найдете в зоологических лабораториях множество студентов, работающих, между прочим, и над журавлем. Но вы их очень мало найдете в той лаборатории, где не режут птиц на

части, а создают вновь, где складывается новая жизнь вновь созданных, и они вместе со старыми в большом обществе летят.

Разгадка этого поразительного явления, что за сотни лет существования точной науки так мало исследована жизнь природы, думается, объясняется недостатком метода…

1 и 2 Октября – забойные дожди. Дни устройства на зимнюю работу.

Видел во сне себя в Париже. Будто бы происходит «братание». Ремизов намеками упрекает меня за какие-то «18 дней», и я по боли в себе о них догадываюсь. Но только проснувшись, понимаю, что «18 дней» означают 18-й год и упрек относится к неопределенности моего сознания в то время.

Рыбьи тропы.

…сентиментально-жестокое отношение к природе.

Рыба в сентиментальном обществе считается как бы полуживой тварью («рыбья кровь»), православная церковь допускает есть ее в такие дни, когда употреблять в пищу мясо строго запрещено. Рыбак очень редко может услышать упрек в жестокости. Но охотник, это «притча во языцех»: «Как можно убивать птицу!» – слышишь в городе на каждом шагу, от тех же самых людей, которые, не соблюдая никаких постов, едят мясо во все дни. Происхождение такого нездорового состояния чувства коренится в установившемся в обществе взгляде на охоту как на забаву. Сами охотники, ломаясь в таком обществе, часто говорят, что убитой дичи они не едят. Все это фокусы, для меня нет ничего вкуснее убиваемой мной дичи, чем она к осени больше жиреет, тем с большей страстью я ее достигаю. Но, конечно, моя страсть не исчерпывается поеданием добываемой дичи. Я уже сказал, что и охота и рыбная ловля не созерцание природы, а действие. Я культивирую это действие себе на радость, людям на пользу. Любитель-охотник все равно как радиолюбитель. Без сомнения, вы наблюдали этих удивительных людей, которые после трудового дня за столом в учреждении, или за токарным станком, или за тисками, бывает, проводят бессонную ночь с целью поймать Америку на короткой волне. Ему почти безразлично, о чем говорит Америка, ему только бы поймать волну. И когда он поймает волну и установит возможность хорошего слышания, пользование своим достижением он передает лицам, которых с улыбкой называет «радипотребителями». Так и в промышленной охоте и рыболовстве в современных условиях почти уже и невозможно обходиться без лиц, которые определяют свое отношение к природе преображающим действием.

Скорый успех радиолюбительства объясняется тем, что оно лабораторно по своему существу: оно родится от чистой мыс-

ли и продолжает размножаться как мысль. Охота и рыболовство родилось в темной утробе первобытного человека, мысль только очень медленно завоевывает свои позиции, здесь хищнический инстинкт преобразуется в хозяйственную деятельность. Было бы, однако, неверным представление преобразующего действия в охоте и рыболовстве по образу торжественного шествия лабораторно-научной мысли. В темной утробе, породившей охотничий и рыболовный инстинкты человека, таится не одна разрушительная сила, ведь из потребностей той же утробы явились навыки приручения животных и способность ухаживать за животными, любить его, чувствовать в нем личность явились тоже оттуда. Вот эта чудесная способность чувствовать природу лично, оглядываться вокруг себя с родственным вниманием отличает хорошего охотника и рыбака. Горделивое шествие научно-лабораторной мысли, которая все узнает, разрезая животное, как бы спотыкается, встречая на пути своем синтетическое чувство природы простого человека. Я сказал «спотыкается», потому что множество научных книг о природе животных написано учеными только при помощи простых охотников. Типичный пример такого сотрудничества лабораторного ученого с дикарями-охотниками представляет всем известная большая книга орнитолога Мензбира «Охотничьи и промысловые птицы России». Несколько механическое сочетание лабораторных знаний с охотничьим опытом является недостатком книги, но я выбрал ее как типичный пример коллективной работы ученого с простыми охотниками. Можно бы указать много примеров внутреннего сотрудничества даже лиц известных, которые из простых охотников делались первоклассными учеными (Пржевальский). Охотничья страсть часто пленяет мыслящего человека так, что он уже в зрелом возрасте меняет свое назначение. Мне известно, что орнитолог Бутурлин, один из наиболее замечательных практических деятелей в охоте наших дней, юрист по своему образованию, из-за охоты бросил свою юриспруденцию.

Словом, я хочу сказать, что зло разрушения, свидетелями которого являемся мы в наши дни, носит непостоянный характер: зло это в упадке. С другой стороны, встает заря совершенно нового понимания охоты и рыболовства как источника внутреннего личного понимания природы с соответствующим сознательно преобразующим действием.

В этом сборнике читатель найдет несколько образцов такого понимания природы, по которым, если и все будет разрушено, будущий человек с помощью естественных сил земли, воды, воздуха создаст лучшее.

3 Октября. Холодный ветер. Летят белые мухи. Вечером холодное желтое солнце.

Непостоянство добра и зла – это характерная особенность нашего времени. Добру не верится, нет подъема рассердиться на зло: зачем расходовать мне себя, зачем рисковать собой сегодня, если зло это завтра так проявит себя, что обратит на себя внимание, и с ним разделаются в ударном порядке. Нет Бога в этом добре, нет дьявола в этом зле, потому что с именем Бога и дьявола соединяется идея вечности. Николай Фадеич верно сказал: «В Советской власти нет вечности».

Завтра еду с Петей в Москву. Цель: переговорить с Полонским и с Ангарским («Недра». Старая площадь, д. 10, пом. 3-16. Тел. 5-82-18). Приехать к 11 и начать с Охотн. газеты (спросить о пристрельщике Свенцицком).

<*Приписка на полях*> Жизнь состоит в постоянной перемене вечного. Революция – одна из таких больших перемен в человеческом обществе. Революционеры, однако, выдают эту перемену за вечное. Вот отчего у нас теперь и является это состояние непостоянства добра и зла, в котором всякий труд совершается на скорую руку.

4 Октября. Ездили с Петей в Москву. К Дунечке не попали, потому что перед нами в Мытищах произошла катастрофа с товарным поездом, и мы запоздали. В какие-нибудь час-два-три задержки движения скопилось много поездов, и публика металась из поезда в поезд, угадывая, какой раньше пойдет. Чуть не задавили мальчика. Это напомнило нам время, когда не по одной линии, а на всех, и не на час-два, а на год-два-три остановилось действие всего механизма. Вспомнилось и стало понятным, почему теперь все так покорны власти и никто не хочет в этом «шутить».

Начали дела охотников. Принимают меня, как Максима Горького, только без фальши. Петю устроили на курсы.

В издательстве «Недра» говорил с Леонтьевым. Буду иметь их в виду. В «Новом Мире» виделся с Полонским, Замошкиным, Смирновым. Из всех собранных сведений вижу, что Горький у нас вовсе кончается, и ему остается поблистать только за границей. Есть самая слабая надежда на взрыв одной из тех чудесных сил, которые таятся в этом удивительном человеке. Все как-то не хочется верить, чтобы такая жизнь окончилась в такой пустоте.

<*Приписка на полях*> Петя сдал отлично конкурс в Лесной, но срезался под самый конец на политграмоте. Когда все мои знакомые спрашивают: «Да как же это он срезался?», я выдумал всем отвечать одно и то же: «Представьте себе, на чем срезался: не мог ответить, что значат буквы «ос» в слове ос-авиа-хим». Признаюсь, что и я сам не знал, догадывался –

«союз обществ», но не тверд был в догадке, потому что в таком случае должно бы быть не ос-авиа-хим, а со-авиа-хим. Я решил про себя, что «с» на «о» переменились местами для благозвучия, чтобы не было подряд двух гласных. Но я был нетверд в этом и рассчитывал, что знакомые мне объяснят. Но когда я отвечал им на вопрос о Пете этим вопросом, они возмущались экзаменом, пожимали плечами и сами смущались: сами не знали. Так было, пока я не попал в редакцию «Нового Мира» и не сказал об этом Вере Константиновне Белоконь: она все знает. Она, наконец, мне объяснила, что «ос» означает не «союз обществ», как я понимал, а «объединение союзов».

Сегодня утром был второй основательный мороз, но к вечеру уже опять моросил дождь.

Роман-исследование

Родники Берендея Журавлиная родина
Записки фенолога

Часть 2-я

Тот промежуток времени, межень, промежуток между концом весны и началом осени, неуловим для меня. Никогда я не отмечаю в это время движение природы в своих тетрадях, мне кажется, мир в это время останавливается, я затворяюсь в комнате и спускаю на окна занавески из сурового деревенского полотна до тех пор, пока не покажутся на деревьях первые желтые листики. Это бывает, когда никто не подозревает осени, около 1 июля. В это время я отправляюсь в болото собак натаскивать… Темный инстинкт охоты.

<*Приписка на полях*> Грозовые разряды в моем ламповом радиоприемнике страшные, слушаешь больше из уважения к Сергею Александровичу Тийону, тому, который смастерил для меня этот радиоприемник.

«Я»

В тот момент, когда на фоне давно знакомого мне волнения вырисовывается какая-то форма, которую могу я записать, и я беру бумагу, – это Я, от которого я обыкновенно пишу, по правде говоря, уже я сотворенное, это Мы. Мне не совестно этого Я: его пороки не лично мои, а всех нас, его добродетели возможны для всех. Теперь я очень хорошо понимаю, что это превращение Я в Мы выражает собой сущность всего творческого процесса и, с одной стороны, бесконечно просто, с другой – бесконечно сложно.

Раньше, когда я писал, не углубляясь в себя, мне казалось дело писания таким простым, я был так наивен, что думал, это возможно для всех, и каждого можно этому научить. После многих глупейших моих опытов учить оказалось, что чувствовать себя, как Мы, во время писания очень трудно и дано немногим. Но хорошо, не всем же писать. Всякий создающий вещь какую бы то ни было, новую, лучшую вещь превращает свое маленькое Я в Мы. Есть несколько детских и охотничьих, написанных мной, маленьких рассказов, которые по моему сознанию и множества понимающих искусство людей совершенны. Вот и довольно: я – творец, как все равно и один мой приятель башмачник, создавший небывалой красоты башмаки. Есть ли какой-нибудь «смысл» жизни другой, кроме творчества, значит этого превращения Я в Мы? Для меня нет: детей своих я люблю, но они тоже мое творчество, пусть они будут потом плохими, я скажу: не удались. А мало ли мне тоже не удалось в детских рассказах, из которых только один-два я могу назвать совершенными?

Из всего этого моего разбора теперь получается, что если я сумею описать все эти превращения Я в Мы, то опишу весь процесс творчества. Могу ли я это сделать? Могу, потому что я создал в детской литературе рассказ «Еж» и в охотничьей «Смертный пробег».

Начинаю думать об этапах: женщина, которую потерял я и нашел безграничное стремление к свободе…

Пусть окна мои завешены, все-таки я встаю до солнца и пишу, когда пробуждаются птицы: я работаю вместе с ними. Форма романа о творчестве у меня готова: это продолжение «Кащеевой цепи», 1-я книга – Детство, вторая – Любовь, третья – Творчество. Алпатов – герой моего романа, в конце второй книги из шумного города попадает в природу к полудиким людям, мужикам, и переживает восторг встречи с природой. Это описано у многих, например, у Толстого в «Казаках», у Лермонтова в «Герое нашего времени» и т. д. Но у всех авторов герой почему-то непременно негоден в природе и возвращается в город. У меня Алпатов потому и сделан инженером, что является в нее с возможностью преобразующего действия. Дикарка Паша, которую он встречает, делается его женой не временно, а настоящей со всеми обязательствами. Я сделал его болотным инженером для того, чтоб он мог людям, живущим в болотах, помочь. Пусть все эти болота явились последствием засорения русла какой-нибудь реки и у людей осталось воспоминание в виде легенды о золотой луговине, когда тут жилось всем хорошо. В этих глухих диких болотах гнездятся журавли, это их родина. Роман о творчестве будет называться «Журавлиная родина». Как хорошо, молодец

Михаил Пришвин! Ведь журавли родятся в грязных болотах, а летят по всему свету. А <*2 нрзб.*> грязная Россия разве с испокон веков не была родиной летящих по всему свету журавлей: наше искусство, наука... Легенда о золотой луговине тоже родилась в болотах. А инженер Алпатов, плененный легендой, мало-помалу забывает на Журавлиной родине свое маленькое «я», в тот момент ему приходит на помощь знание, он находит причину засорения реки, спускает гнилое озеро, и вся местность превращается в золотую луговину.

Межень – это рай дачников. И к нам в Сергиев их наехало довольно. Но я выхожу гулять, когда они засыпают. Бог с ними. Может быть, они лучше меня отдыхают. Я отдыхаю только за трудом, если же я падаю и мне нужен отдых физический, мне стыдно, я затаиваюсь, понимая этот отдых вроде быть в отхожем месте. Они «отдыхают» открыто и любуются «природой». Всегда найдутся часы, когда и на улице и в лесу нет никого. Мой сын, студент МГУ, уехал для встречи с девственной природой и взял в «Известиях» аванс. Я посмеиваюсь: молодость! Охота трястись за 16 тыс. верст, когда девственная природа в тех самых и...

Так я вот думаю и о пошлой форме романа, навязанной автором романа этим дачникам, над которым издевались все лучшие русские романисты, начиная с автора «Евгения Онегина». Один мой знакомый философ Г. объяснил мне происхождение этого странного явления. Пошлость европейского романа происходит, по его словам, от его иллюзорности: непременно там надо обмануть читателя, чтобы он «отдохнул» от действительности, как дачник. Наша горячая литература идет против этой пошлости. Она хочет создать действительность. Я это очень понимаю. Ну, так что же! Могу же я в дачной местности находить часы совершенно уединенного общения с природой? Почему же я не могу и создать свою собственную форму романа? Не глупо сделано в первой книге «Кащеевой цепи» детство Алпатова, где автор перекликается с самим собой маленьким. Во второй книге форма эта мне уже прискучила, автор превращается в летописца своей юношеской любви, благодаря чему современная жизнь советской России перекликается с императорской Россией и так же, как в «Онегине», читатель развлекается и отдыхает на мелочах повседневности.

А что, если я в новом романе о творчестве возьмусь быть еще посмелей? Пусть болота моего романа будут Сергиевские болота, те болота будут перекликаться с Сергиевскими, инженер Алпатов с местными, а я, летописец, стану ежедневно, как фенолог, записывать события в движении природы, согласно с развитием мыслей о творчестве...

Солнце всегда девственно, смотри на него под Москвой ежедневно и не надо ехать на Дальний Восток.

Я понимаю трудность такого предприятия: мысль обгонит действительность, раздробит ее на мельчайшие куски, и получится не роман, а каша. Мне предстоит борьба с забеганием мысли. Но вот что я думаю: у меня есть всепоглощающая страсть к охоте и учению собак. Я отдался всецело тому инстинкту, вышедшему из темной утробы первобытного человека, и для мысли остается места немного. Я ничем не рискую, в крайнем случае из этой книги у меня выйдет замечательная книга о натаске собак, об охоте, – и то дай сюда!. А сколько соберу я таким образом материалов для детских рассказов, которые могут быть гораздо ценнее всей моей «Кащеевой цепи». Вот вижу первые желтые листики на березе возле моего окна… Пора! Решено: с Алпатовым и его творчеством в болотах броситься в действительные болота Сергиевского уезда.

План осушения Дубны.

Пожелтело несколько листиков на березах, это не значит, началась настоящая осень. Какое там осень, самая середина лета для дачников, земля еще не поспела, полный расцвет трав. Но уже чувствую в том расцвете начало конца, и мне хочется захватить жизнь и себя: природа будет упускать, а я подбирать и свое создавать, – так я объясняю себе источник неудержимого моего стремления с первым желтым листком на березах вести дневник фенологических событий в природе и вместе с тем событий в себе самом. Сегодня я отправляюсь в болото, переполненный бурными бродящими мыслями о творчестве Алпатова с прослойками чувства спокойного родственного внимания к окружающему. Это родственное внимание порождает <*1 нрзб.*> маленьких устных рассказов, которые дают мне такое же успокоение, как пирамидон во время головной боли. Словом, я как бы заряжен и дальнейшее будет происходить и являться как бы чудом, по велению и щучьему хотению. Час исполнился. Занавес открывается для вхождения чудес. Я внимаю.

Вот начинается. Ко мне позвонили. Вошел бледный нервный человек с тяжелым портфелем и рекомендовался мне: Ф., культуртехник из местного Земотдела. Буква «Ф» – это первая буква его нерусской фамилии. Я буду на протяжении всего моего романа-исследования обозначать так лиц, имеющих в нем эпизодическое значение. Полные действительные имена получают у меня люди, которым я не могу повредить этим, вымышленные имена – моих злых гениев. Я бы, конечно, мог переменить и все имена, но боюсь, что вслед за этим начнется и подделка всей действительности, а я так не хочу, потому что весь загад моего романа состоит в том, чтобы действительность по моей вере и воле выдавала мне свою сердцевину, родственную моей собственной.

Культуртехник Ф. вынул из портфеля большой труд, на заглавной странице которого было написано: «План осуше-

ния болот реки Дубны в Сергиевом уезде». Ф. просил меня просмотреть проект и, если понравится, помочь устроить его в печать. Мне пришлось остаться на один день для прочтения рукописи. Так по моей воле и вере действительность начала высылать мне своих гениев в помощь работе моей о творчестве.

<*На полях*> Когда мне в голодное время пришлось быть учителем, никто у меня в классе не играл в перышки. Малейшая заминка сознания в каком-нибудь углу класса мне передавалась, я шел туда <*1 нрзб.*> и урок свой говорил в лицо игравшему в перышки. <*7 нрзб.*> из всех моих учителей мы не обманывали только одного. Читатель, верьте мне, я ничего не придумываю, слушайте, не играйте в перышки, все так серьезно: культуртехник Ф., живой человек, сидит за столом в Исполкоме, где раньше помещался монастырский госпиталь Троице-Сергиевской Лавры.

План орошения Дубны. Работа культуртехника Ф. компилятивная, и никакого загада в ней совершенно нет. Но я читал ее с большим интересом, потому что пропускал все сообщаемые факты через героя своего романа о творчестве инженера Алпатова. По временам мне даже становилось страшно от совершенно точного совпадения действительности с моим сюжетом: не только болота, как я представлял их себе, точно так же расположились луговиной, как я себе представлял, но и легенда о Золотой луговине была налицо. Культуртехник Ф. понял, что между другими причинами засорения реки Дубны и вследствие этого заболочения местности большую роль играли практикуемые у нас всюду рыбные <*1 нрзб.*>. Вместе с этим он намекал на то, что засорение совершилось сравнительно очень недавно и, значит, до тех пор тут кипела жизнь совсем иная. А разве это не та же самая легенда о Золотой луговине. В Дубне теперь находят множество громадных дубов, которые некогда росли тут, в Золотой луговине, широко и роскошно. Впрочем, о дубах надо проверить, возможно, они сохранились еще от атлантического периода ледниковой эпохи... Но самое главное совпадение, что одна из впадающих в Дубну рек Сулоть, тоже как и Дубна, засоренная в своем течении, образовала большое теперь зарастающее озеро Заболотское.

7 Октября. Третьего дня вечером (3-го в среду) писал в этот дневник обычный свой набросок, и вот из этого завязалось писание «Журавлиной родины». Мысль о такой форме, впрочем, мелькала у меня в болотах. Что будет? Не знаю, но, кажется, я в седле.

Читал фельетон Горького «Механическим гражданам», в котором он самоопределяется окончательно с большевиками против интеллигенции.

Я допускаю, что все мы (и я в том числе) ворчим на власть или ругаем ее, исходя от точки своего личного поражения, что власть эта порождена нами же, и если она плоха, то виноваты мы сами. Вследствие этого считаю своим долгом терпеливо переносить все личные невзгоды, как можно лучше, больше работать и бунтовать не против существа этой власти, а против условий моего труда. Чувствую, что нас, таких честных людей, довольно. В этой атмосфере пристойного молчания о власти, являющейся нашей собственной болезнью, голос Горького, восхваляющий власть, очень неприятен... кому он хвалит ее, кому втирает очки «достижениями»? С кем говорит он, когда ссылается на перемену всего нравственного мира с переменой «экономики»?

Давно ли в личной беседе он ратовал за критику против «самокритики» и обещал даже критическую газету? А вот прошло четыре месяца, и он уже забыл критику и восхваляет «самокритику».

Но Бог с ним, с этим талантливым, хитрым, но неумным человеком. Горько, что с Горьким теряется надежда на твердую руку, поддерживающую нас, «последних из могикан», в своей молчаливой работе.

8 Октября. Пришла в голову счастливая мысль, что «Журавлиная родина» будет лишь звеном всей книги о творчестве; это: Алпатов на Журавлиной родине. А после того, естественно, он попадает в Петербург, и можно будет взять эпоху богоискательства. Что же касается «Журавлиной родины», то в ней можно будет использовать целиком материал этого лета.

Был якут, читал ему начало Ж. Р. И конечно, ему было очень близко, что при переходе с *Я* к Он что-то утрачивается. Решительно все, кто начинает писать, спотыкаются на этом. Надо понимать эту утрату вследствие отвлечения, но это самое первое начало его, сколько же утратило жизни отвлеченное мышление!

9 Октября. Были у меня зав. Серг. музеем Свирин и с ним Арсеньев (Владим. Клавдиев.), автор «В дебрях Уссурийского края», чрезвычайно подвижный, энергичный человек (57 л.). Быстро и много говорит. Я не мог оторвать его рассказ от Усс. края. Говорили о тиграх, о пятнистых оленях, о лотосах, о винограде, обвивающем ели и сосны, – что все эти лотосы и тигры – реликты не ледниковой эпохи, как у нас Claudophora, а третичной. Согласно с этим и человек ведет себя, как зверь: никогда не пересечет в лесу полянку, а обойдет ее, на речном

повороте выглянет. Там охотой на лебедей называют охоту на корейцев, на фазанов, кажется, на китайцев и т. д. Много раз я пытался намекнуть на чувство пустоты этой жизни без культуры, но Арсеньев понимал мой намек, как на темные стороны края, напр., что мошкара разъедает эпидермис. Только в передней, когда из открытого кабинета со стены выглянул ангел Троицы Рублева, Свирин сказал: «Вот чего там нет совершенно, пустота!»

Арсеньев, между прочим, рассказал мне, как он написал свою книгу. Она вышла из дневников, которые вел он в экспедициях. Это книга, можно сказать, первобытного литератора, своего рода тоже реликт. Ее движение есть движение самой природы, и она снова наводит меня на мысль, что поэзия рождается в ритмическом движении природы, вращении солнц и земель и является на свет тем же самым чутьем, которым животные и люди в тайге определяют без компаса, в какой стороне находится дом.

По словам Арсеньева, как будто в этих нравах нет особенного отличия охоты на лебедей-птиц и лебедей-корейцев (одетых в белое). Да оно и понятно: само собой выходит из промысла, как на войне. Кроме того, вообще воровское и разбойничье дело, сопряженное с огромным риском, вероятно и самое интересное, такое интересное, что раз испытавший его – я очень понимаю – никогда не помирится с тягучей мещанской жизнью. Да, я это так понимаю, что не раз приходило ко мне удивление, – почему такое огромное большинство людей, наших крестьян, начиная с лука, дожидается огурца, с огорода капусты, с капусты новины, а если не родилась рожь, все-таки и совершенно голодные не выходят целыми деревнями на грабеж, а отдельные люди, очень немногие, становятся проф. ворами и разбойниками.

Верней всего, страх «мирных» людей перед хищниками заставляет их соединяться против нападений дерзких личностей (остатки этой первобытной защиты живут и сейчас среди крестьян, ведь каждого поразит, как оглядывают его при встрече, как рассматривают, как следят друг за другом, бесплатно по вдохновению шпионя).

Итак, вот моя социология: неудержимо стремится на земле всякая тварь к размножению, – рождается дитя, и мать его защищает от хищников; у некоторых животных все это дело добывания корма, укрывания и прямой защиты ложится на мать, у других отцы принимают равное, а иногда и большее участие. Из этих разбросанных летом в лесах, болотах и озерах семей у некоторых видов к осени складывается общество.

Журавли еще задолго до стадения, сидя на яйцах, по зорям перекликаются. Люди в общественной жизни так далеко ушли, что наряду с пчелами выделяют из общества особый класс,

интеллигенцию, которая на пользу общества занимается всякого рода искусством, науками, техникой в ущерб, в явное отмирание основного инстинкта жизни на земле – размножения. За счет инстинкта размножения процветают искусства и науки и вообще то неестественно быстрое дело, которое называется творчеством.

Среди творцов, особенно поэтов, есть много непонимающих своего назначения служить развитию общественного сознания, они рисуются индивидуалистами, демонами и даже разбойниками. Но это не что иное, как выражение естественной боли, сопровождающей перемену в первоначальном, простом желании жить для себя, значит, размножаться. Сознательные поэты, напротив, возводят женщину в недоступный идеал, в Богородицу и акт размножения заменяют «непорочном зачатием». Их сила жизни трансформируется, и своих «духовных детей» они стремятся «воплотить», значит, сделать такими же реальными, как живые дети земли. И они достигают: трансформируя свою физическую энергию из чувства индивидуального «я» в социальное «мы», они создают существа-образы, поглощающие сознание людей природы и направляющие течение жизни.

Конечно, это не значит, что все ученые, поэты и художники не размножаются физически, напротив, у многих из них складывается трогательная семейная жизнь. Но только это «одна сторона» их бытия, не существенная, это у них от избытка жизни, не поглощаемой всепожирающим творческим процессом. И так же, как индивидуалисты бросаются к образам демонов разбойников, так эти, напротив, склонны иногда восхищаться патриархальной библейской жизнью. Но какие бы ни были образы их скитаний, все равно, как в животной борьбе индивидуумов социальная жизнь неизменно втягивает всех в свое строительство, так же и согласно скорейшим ритмам нового бытия в безмерно скорейшее время всякий индивидуальный порыв здесь делается социальным, потому что поэты, ученые, вся интеллигенция в самом акте своего происхождения социальны: человек рождается для себя, – ребенок это «я», которое должно умереть только в размножении, они же, не размножаясь, прямо перекидываются, прямо в «Мы», за что иногда от общества получают титул «бессмертных». Человеческое «я» умирает, оставляя детей, которые говорят: мы наследники... Человек размножается.

Поэт умирает в своих творениях...

<*На полях*> Жить для себя в простом народе значит размножаться. В интеллигенции если живут для себя, то размножаются в меру своей возможности, значит, живут для себя в смысле своего удовольствия.

Андрюша, студент и добрый комсомолец, только что вышел из допризывного лагерного военного обучения, спросил моего сына, когда мы возвращались домой с охоты по большой дороге с телеграфными столбами:

– А по телеграфным чашечкам из ГЕКа (малокалиберная винтовка) не пробовали?

Я ответил:

– Как тебе Андрюша, это в голову пришло: это мальчишки делают, а ты, можно сказать, теперь государственный человек, студент, комсомолец.

– Ну, что ж, – засмеялся он, – да уж очень дело-то соблазнительное.

– Еще более соблазнительно, – сказал я, – ограбить когонибудь в поезде, с револьвером в руке приказать кондуктору остановить поезд, спокойно выйти и скрыться в лесах. Сколько тут риску, так, пожалуй, трудней, интересней, чем вылазка на тигра. Почему бы не заняться? Как это соблазнительно!

Все мальчишки хищники. Ребенок – это «я», который криком заявляет о себе, только о себе с такой силой, что все вокруг взрослые в первый момент немного теряются и как бы отступают и спрашивают: «Что делать?» Повитуха, однако, все знает и является в среду растерянных, как диктатор, берет власть и устремляется против новорожденного хищника. Вскоре спохватываются родители и начинают любовью и злобой ежедневное приручение хищника.

После огромной работы всех общественных сил только редкий выдерживает их натиск и выходит разбойником-грабителем на больших дорогах, большинство становятся средними людьми, т. е. общественниками с постоянной готовностью, если явится подходящий, безнаказанный момент, воспользоваться общественным добром для себя, и небольшая часть, все-таки, вероятно, значительно большая числа явных разбойников, становится проводником социальных инстинктов. Потому я говорю, значительно большая, что иначе непременно все бы разрушилось. (Иллюстрации: «Рождение человека» в деревне и «Беспризорник».)

На искусство в своем происхождении, поэзию, а также на чистую науку я смотрю так, что «вдохновение» при творчестве их происходит от облегченного в человеческих условиях ритма, которым сопровождается работа в природе. Там этот ритм – условие вращения тяжких миров, у нас – ритмический ход образов и мыслей. Если делать ежедневные записи движения в природе, то можно добиться слышания этого внутреннего природного ритма. По-моему, гений человека не огонь похитил с неба, а музыку, и направил ее вначале к облегчению труда, а потом и самый труд сделал через это наслаждением: потому заниматься искусством, наукой и всяким трудом, на

который более или менее распространяется ее ритм, стало делом более или менее приятным.

Так говорил отец Спиридон, соборный протоиерей.

11 Октября. Ясный день.

Выслушал у С. биографию Арсеньева. Узнал, что Параскеву Пятницу разрушили, потому что один из ученых, который мог ее отстоять в Малом Совнаркоме, захворал и не явился. Свирин уходит из Музея, потому что работать невозможно: одолели безбожники. Таким образом, во всех областях творчества есть своя Claudophora (то, что мужик назвал «вечностью»: «в советской власти нет вечности).

Покойник Ст.-Скворцов, говорят, был одним из таких разрушителей при всех своих добрых человеческих качествах. Такая была вся револ. русская интеллигенция, которая ничему не училась, кроме делания революции, в этом была ее «вечность». Семашко в некрологе пишет о «чуткости» всех старых большевиков. Значит, у новых нет даже этого единственного, чем обладали революционеры: чуткости к человеческой боли.

N. предвидит полное разрушение русской культуры и превращение страны в колонию Европы и Америки. Я же не могу себе представить этого по чувству языка многомиллионного народа, который находится еще в состоянии «устной словесности».

Культурный работник – это человек, который в труде своем использует рабочую ценность идеи вечности.

Утята и ребята

Мне оставалось до полей пройти только кузницу, и я…

Последний дом в деревне была кузница. Тут на дороге в пыли я увидел деревенских ребят, которые бросали во что-то шапками. Когда я к ним подошел, возня была кончена, и у ребят в руках было по утенку. Я узнал от них, что это дикая утка чирок-свистунок переводила утят своих через дорогу из болотистого леса в поля, очевидно, намереваясь пробраться полями к плесам озера Полубарского. Путешествие семьи было очень понятно: весной, когда совершалась кладка яиц, озеро далеко разливалось, и прочное место для гнезда можно было найти версты за три от озера на кочке в лесных болотах. А когда утята вывелись, подросли, стали способны для перехода к озеру, оно оказалось от леса в расстоянии трех верст. В местах, закрытых от человека, зверя и ястреба, мать шла впереди, утята, посвистывая, позади. В опасных местах мать пускала детей вперед и сама шла назади, чтобы не упускать утят из виду во время всегда возможного нападения. И около куз-

ницы, переходя дорогу, она, конечно, их пустила вперед. Ребята увидели и зашвыряли их шапками. Все время, пока они их ловили, мать чирок-свистунок или бегала за ними с раскрытым клювом, или перелетала на несколько шагов в разные стороны. Ребята легко могли бы и мать сбить шапкой и схватить.

– Что вы будете с ними делать? – спросил я ребят строго.

Они струсили и ответили:

– Пустим!

– Вот «пустим!» – сказал я, – зачем же было ловить. Где теперь мать?

– А вот сидит! – хором крикнули ребята.

И все указали мне на близкий холмик парового поля: наверху его действительно сидела уточка с раскрытым от волнения клювом.

– Живо! – приказал я ребятам, – идите к ней и возвратите утят.

Они как будто даже обрадовались и бросились с утятами на холмик. Мать отлетела на несколько шагов, и когда ребята оставили утят и вернулись на дорогу, бросилась к ним. По-своему она им что-то быстро сказала и побежала к овсяному полю, за ней побежали утята, пять штук. И так по овсяному полю семья продолжала свой путь к озеру.

Радостный снял я шляпу и, помахав ею, крикнул:

– Счастливый путь!

Ребята засмеялись.

– Что вы, глупые, смеетесь, – сказал я ребятам, – думаете, легко провести утят в озеро. Снимайте шапки живо, кричите: «до свидания!»

И те же самые шапки, которые только что били утят, поднялись в воздух, и закричали все разом ребята:

– До свидания, до свидания, утята!

12 Октября. Вчера видел гусей. Петя на днях журавлей. Летят.

Помню щипцы, я спрашивал: «Что такое?», мне отвечали: «Это щипцы для сальных свечей, снимают нагар». Щипцы очень хорошо помню, вид их вроде ножниц с кубиком на конце, а сальных свечей в хороших домах уже не было, свечи были уже стеариновые. Еще помню серники, спички с красной головкой на желтом: красное – это фосфор для зажигания, желтое – сера для разжигания. Чиркнешь во мраке по стене головкой, остается светлая волнующая полоса, а на спичке в это время загорается сера мало светящим голубым огоньком, и если не отвернешься от него, так ужасно в нос шибанет, что долго в себя не придешь.

Пендрие – яркий осколок твердокаменного фундамента европейской цивилизации, с такого типа людьми и будет встречаться средний гражданин, а также рабочий, крестьянин, если Россия будет колонией.

Еще немец, лесничий Обрехт, охотник, врет на героя (он и медведь) с глупейшим самолюбием (рассказ Трубецкого: сидели, выпивали, гончие зайца гоняли. Т-й один вышел к собакам, убил зайца и возвращается. Обрехт был поражен. Но, быстро сообразив, посмотрел внимательно на зайца и сказал: «И это тот самый, он был возле меня и сидел так близко, что я пожалел его стрелять»).

Иностранцы в России проглядываются насквозь в своей типичности вплоть до анекдота, для всех них совершенно одинакового. Но там на месте почему-то нет анекдота, и ко всему народу относишься благоговейно.

Описание дня животных:

Журавли еще на гнездах, разбросанных в глухих лесных болотах, далеко друг от друга по зорям между собой перекликались, вроде как у нас по утрам говорят: «здравствуйте!». А когда дети выросли, они все между собой сошлись и стали вместе летать на поля кормиться.

Бекасы по вечерам сходились у болотного пруда, берега которого сильно растоптала скотина. Но они прилетели сюда, не сговариваясь, каждый знал себя и прилетал вечером для поиска червей в растопах. Их соединяла грязь…

Перемены у животных совершаются в отношении человеческой жизни так медленно! Мы со своей жизнью короткой и сильной проносимся, как на улице легковой автомобиль мимо воза: эти возы с автомобиля кажутся неподвижными, так и жизнь видов птиц, зверей и растений представляется одинаковой: как пел соловей нашим дедам, так и нам поет, соловей и соловей. А еще потому не замечаем мы в них перемен, что далеко от них, все равно как далекие от нас японцы – люди! и то кажутся при первой встрече так похожи друг на друга, что нет возможности отличить гражданина Хи-ку-яна от гражданина Си-ку-яна. Мы, люди, посредством своего сознания оборвали множество передаточных ремней на колеса природы, отчего наши собственные колеса завертелись с величайшей скоростью. В нашей воле, однако, осталась возможность снова надеть ремень на себя и двигаться почти так же медленно, как и в природе. Только редко находятся люди, которые сами на себя надевают ремни, обыкновенно одни люди надевают ремни на других и тот, кто надевает, – это свободные люди, и на кого надевают, теперь рабочие, раньше назывались рабы. От совместного дела выдумки свободных и труда рабочих получается некоторое накопление силы, которая постепенно сообщает относительную скорость ритма жизни и рабочим, так что и они даже в земледельческом труде не в состоянии больше замечать ни перемен в движении природы, ни различать их особи при собственном скором движении.

Даже наиболее чутким из них к своим родственникам, поэтам, удается на скором ходу разглядеть какие-то светлые и темные пятна, называемые днями и ночами... все попытки их приблизиться безуспешны: жизнь коротка. Попытки ученых вникнуть в природу все кончаются добыванием новой скорости, которая сообщает им новое движение.

Уверяю вас, друг мой, что если бы и не было вечности, то ее нам необходимо пришлось бы выдумать для повседневного обихода в нашем труде, потому что в этой идее заключается величайшая рабочая ценность и только благодаря ей создаваемые нами вещи обладают прочностью достаточной, чтобы связать два-три поколения, дедов и отцов наших, надеждой на счастье потомков, а нас отблагодарить их за любовь.

Тоже вечность.

Свирин рассказывал, что императорское правительство завлекало чиновников на службу в Амурско-Уссур. краю сильно повышенным жалованьем и скорой, через 15 лет службы, амурской пенсией. Многие уезжали с целью скопить денег, потом купить домик где-нибудь под Москвой. Были и такие, что семью оставляли в России «до скорого свидания». И потом через десятки лет тоскливой жизни только немногие возвращались, седые, измученные и, конечно, никакого счастья в этом домике под Москвой им не было, потому что «домик» был идеалом независимой жизни, а жизнь прошла, домик достигался без жизни.

Так жили-томились многие люди с идеалом подмосковного домика среди субтропической реликтовой природы третичной эпохи, среди населения, в котором немало было, кто зарабатывал себе существование охотой на «лебедей» (лебеди-корейцы, одетые в белое) и «фазанов»-китайцев.

<*На полях*> Мой портрет, написанный художником П., чрезвычайно похож на меня, притом похож он вообще на ученого, писателя, может быть, на художника. Но моей индивидуальности в нем совершенно нет. Жена моя очень хорошо это чувствует, но не мастерица в оценке искусства, свое недовольство выражает просто: «портрет непохож». Мы долго спорили, я говорил, похож, она, непохож. Я говорил, очень похож, она, совсем непохож. Вдруг, как в нашем городе это часто бывает, погасло электричество, портрет исчез, и спор наш сам собой прекратился.

Любимые мной в русской литературе вещи казались письменной реализацией безграничных запасов устной словесности многомиллионного неграмотного русского народа. Никогда я не был и не хотел быть «народником», но устная русская речь пленила меня и заставила слушать народ. Я и сейчас

думаю, слушая двойную речь мужика – одну для городского обихода, другую для деревенского: запасы устной словесности, не тронутые литературой, так же велики, как Земля <*1 нрзб.*> от Солнца, что все остается по-прежнему. Ликвидировать неграмотность народа в глубоком смысле, как, например, это достигнуто во Франции, можно не внешним обучением грамоте, а использованием устной словесности до конца, чтобы словесное творчество <*1 нрзб.*> в стране сначала письменно, а не устно. Надо сделать, чтобы газетные литераторы не уродовали речь, а вникали в строй устного слова и писали согласно с ним. Тогда люди словесного творчества соблазнились бы литературой и мало-помалу захотели ликвидировать свою неграмотность. Теперь они просто говорят двумя языками, для городского обихода языком ни на что не похожим, и для своего, трудового. Согласно с этим жизнь раскололась: в данный момент у нас празднуют в городах вторники, в деревнях воскресенья, есть два Рождества, две Пасхи, масленица разумная с <*1 нрзб.*> борется с масленицей безумной, с пьянством, блинами. Свою деятельность литератора я считаю деятельностью истинного ликвидатора неграмотности потому, что стремлюсь создать нечто более прочное и чистое, чем хаотическое устное творчество, где все смешано.

Сейчас на Дубне один разговор, что Ремизов Алексей Никитич чайную при своем постоялом дворе закрывает. Услыхав это в первый раз, я подумал, его налоги одолели и хотел предложить ему помочь со своей стороны, написать в местную газету о значении трактира Ремизова для края, сходить к фининспектору, попросить отсрочить налог. Все напрасно: Алексей Никитич сказал, что довольно, поработал полвека и больше не в силах. Теперь уже факт совершился. В этом Октябре в сырой дождливый день мы в последний раз заказывали «две пары», полкило баранок и столько же колбасы.

– Но, – сказал Алексей Никитич, придерживая пальцами свою вечную трубку в спущенных толстых усах, – никто не запретит мне поставить самовар для охотников и напоить их чаем там.

Он указал рукой на внутренние комнаты трактира. Как во всяком большом хорошем трактире, у Ремизова рядом с большой комнатой для всех была небольшая комната почище для избранных, в особенности для охотников, приезжающих в Заболотское озеро. Бывало, спросишь себе туда «пару» и наслаждаешься музыкой <*4 нрзб.*> – я так называю устную словесность многомиллионного русского народа. Что делать! У нас не Франция, где народная устная словесность давно уже выпита литераторами и народ сам в своей устной практике питается уже литературною речью. Любимое мной в русской литературе мне всегда казалось только письменной реализацией безграничного запаса устной словесности многомилли-

онного неграмотного русского народа. Ликвидацию неграмотности я понимаю по-своему: по-настоящему грамотным народ будет только тогда, когда не литература будет питаться устной словесностью, а как во Франции эта <*1 нрзб.*> словесность литературой. И роль свою русского литератора я понимаю просто как ликвидатора неграмотности: перекладывать на слова устную речь. Эх, молодость! Бывало, записываешь былины, сказки, частушки и думаешь, в этом и цель, а на самую речь, на повседневное словесное творчество не обращаешь никакого внимания. Теперь спохватился, да уж поздно, за целую жизнь столько накопилось в себе, что уже и не слушаешь со стороны. Но охота молодит, и трактир Ремизова так силен устной словесностью, что каждый раз, слушая в средней комнате разговоры, я вынимаю свою книжку, удаляюсь в третью комнату и там, сидя в ампирном кресле, записываю какой-нибудь рассказ Московского Полесья. Горько мне думать, что теперь это последний рассказ, записанный у Ремизова: сегодня последний день существования чайной, усы у хозяина как-то особенно низко опущены и на валенках, носимых им летом и зимой одинаково, заметно выступили заплаты. Мне кажется, придет когда-нибудь время, Алексей Никитич, наконец, вынет трубку изо рта и расскажет <*1 нрзб.*> историю своего трактира.

15 Октября. Дня три я хвораю, насморк и кашель немного. Вчера собрались у меня Пяст, Щеголев (молодой поэт) и выдержавшая экзамен в МГУ Елена Евг. Локтева, моя поклонница – дитя времени.

Сегодня отправляю Петю на курсы в Москву.

Пяст читал свои воспоминания из времени, предшествующего богоискательству.

Коровы паслись и стояли грудой возле болота. Ванька, подпасок, лежал на кочке дугой. Если бы не знать, ни за что бы не догадаться, почему вышла дуга: он лег на кочку головой, но пока спал, кочка умялась, и голова опустилась, наверху живот, а все, как дуга. Я стал будить его, он открыл глаз, запустил руку за пазуху, вынул немного начатую полбутылку, молча протянул мне, а глаз закрыл. Я стал хохотать и трясти его.

– Пей, – сказал он, – вчера на празднике захватил тебе.

Когда он совсем пришел в себя, опохмелился, я вынул из кармана последний номер журнала «Охотник» с моим рассказом и дал ему:

– Почитай, Ваня, это я написал.

Он принялся читать. Я закурил папиросу. У меня крутится папироса 15 минут. Я решил эти минуты дать ему на прочте-

ние маленького охотничьего рассказа и занялся своей записной книжкой. Когда кончилась папироса, я перебил его:

– Много прочел?

Он указал пальцем место: за четверть часа он прочел две с половиной строки, а всех было триста. Я сказал:

– Дай сюда журнал, не стоит читать.

Он отдал и согласился:

– Не стоит.

– А что? – удивился я.

– Что… – ответил, – если бы это по правде… писал, а ты наверно, все выдумал.

– А как же по правде?

– Я-то бы написал.

– Что же ты бы написал по правде?

Он задумался.

– Я бы про ночь написал. Ночь. Значит, ночь. Куст большой-большой у речки, и я сижу у куста, а утята свись-свись-свись.

Он замолчал и задумался. Я подождал и спросил:

– А дальше что?

Он встрепенулся.

– Да ведь я же сказал. Куст большой-пребольшой, я сижу на берегу, а утята свись-свись-свись.

– Хорошо! – сказал я.

– Неуж плохо! – ответил он уверенно. – Зеленый куст большущий, и всю-то ночь утята: свись-свись-свись. Неуж плохо!

Посидев еще немного молча, он спросил:

– А знаешь, есть кулик такой длинноносый?

– Их много, – ответил я, – большой?

– Самый большой, серый и кричит: «ви-жу! ви-жу!»

Я узнал и ответил:

– Это кроншнеп.

Он рассказал:

– Ночь прошла. Рассветает. Куст зеленый-зеленый, большой-большой. А за кустом кричит он: «ви-жу, ви-жу!» А хочу посмотреть на него, нельзя: куст большой-большой, зеленый, густой-густой. «Вижу, вижу!» – кричит он. Терпел я, терпел и кричу ему: «Ты-то видишь, а я не вижу». Терпел я, терпел и кричу: «Ты-то, сукин сын, меня видишь, я тебя не вижу».

– А дальше?

– Ничего

– Хорошо.

– Неуж плохо. Вот бы тебе так написать!

16 Октября. По швам железных листов, составляющих крышу, за ночь набились снежинки, и серая крыша на рассвете явилась украшенной белыми полосками. Так уж было один раз дня три-четыре тому назад, это второй уже маленький зазимок.

<*На полях*> Было яркое солнце до обеда, но в лесу колеи болотных дорог не растаяли, и кое-где так и остались белые пятна пороши. А после обеда все небо затянулось облаками при морозе: если пойдет дождь, то будет снег. В эту ночь мы ожидаем порошу.

Я сделал первый выход после болезни в лес с собакой, но вальдшнепов не нашел.

Труднее всего помириться с мыслью, что простое дерево, молодая береза или пролетающий ворон, срок жизни которого много больше человеческого, при всей умственной и нравственной простоте и ужасной зависимости имеют преимущество перед человеком в продолжение жизни, что эта береза перед моим окном будет равнодушным свидетелем позорных конвульсий при конце моей жизни, что ворон, пролетая над похоронной процессией, почует меня, как падаль, и присядет на крышу. С этим нельзя помириться, если еще при жизни своей не почуять в другом человеке жизнь как свое продолжение. Вот почему нет на земле силы больше кровной любви, и кому не дано продолжиться кровно, любви творческой, преобразующей природу для лучшего будущего, где не будет ни позорных конвульсий конца (ни воздыханий), ни болезни, ни смерти, но жизнь бесконечная.

Только чувство своей личности, не повторяемой ни в каких мирах, чувство, известное по себе в близких людях, и по догадке или вдохновению творческой работы в животных и даже растениях, определяет так называемое человеческое сознание как творческую высшую силу. Отбросим переходящее бунтарско-кичливое самомнение наших ближайших предков, присвоивших это сознание к имени человека, и назовем это сознание свободы высшей творческой силой природы.

Я буду вспоминать Алпатова

Натаска собаки – напоминание. Вот она воспоминает и я вспоминаю…

<*На полях*> Какая же это любовь явилась Алпатову, когда он встретил Ину Ростовцеву? В глухие минуты полночных сновидений, когда мир как будто остановился, внезапно очнувшись человеком вне себя, он с удивлением и отчасти со страхом видел в себе, как в постороннем ему человеке сокровенное отталкивание себя от нее, как жены. И вся эта мучительная любовь в направлении брака развивалась как бы преднамеренно с целью оскорбления ее существа брачного. Еще ясно при этом вспомнился один момент любви (см. выше).

Все так удивительно просто <*3 нрзб.*>.

Сюда: любовь во имя (Паша во имя Ины). Месть любви.

Друг мой, что бы ни было, жить надо! Я помню боль в себе такую сильную и унижение мое этой болью такое, что не мог людям и в глаза посмотреть. Десятки лет эта боль оставалась, не уменьшаясь сама по себе, я жил, однако, только потому, что привыкал к ней, как к неизбежному – неизлечимой болезни. Мало-помалу создалась вокруг этого провала другая жизнь со своими обыкновенными общими всем прекрасными маленькими радостями и печалями. Года все шли, и вот я застаю сам себя переполненным мыслями и образами. Желая узнать, откуда это явилось опять во мне, я проверял для того всего себя, по привычке я заглянул в то место, где была боль, и я с трудом бы нашел ее – так все там изменилось. И в то же самое время я, прикоснувшись к месту старой боли, обогащенной мыслями, и понял все: эта боль, наслаиваясь, перегнивая, как в болоте растения при малой температуре и слабом доступе воздуха, была болотом моей души. Деревья на моем болоте так слабо росли, потому что вся сила солнца моей жизни оставалась нетронутой и отлагалась слой на слой годами. С удивлением смотрю теперь на естественное спелое болото с огромным запасом горючего торфа, способным сотни лет двигать большим городом. Так точно совершилось со мной, боль перестала – мой торф поспел. Вот почему, друг мой, как бы вам ни было плохо, жить надо: когда-нибудь и у вас, как у меня, поспеет ваш торф, и вы в свое свободное распоряжение получите огонь солнечного происхождения, и вы тогда узнаете и скажете так же, как я: из-за этого стоило жить и терпеть.

17 Октября. Предрассветный час. Крепнет мороз. Звезды горят.

Петя окончательно уезжает на курсы. Маросейка, Златоустинский пер., д. Крестьянина.

Елена хорошего рода (Евгеньевна). Природа приложила все усилия, чтобы унизить ее (еще бы ½ вершка пониже и карлица, глаза – точки, лицо желтое и одна только выпуклость ноздри на носу, всегда розовая, и то одной ноздри, а другая, как все лицо, желтая). Со своей стороны она делает все, чтобы как можно скорей навязать себя. Стриженая блоха, а ручонки с кулаками поминутно бросает вверх и кричит: «В общем и целом мы еще поборемся с Голубым, посмотрим, кто кого!»

Я замечаю ей, что «начнем борьбу с общего и целого», это выражение ей надо бросить. Один мужик, когда я говорил «вообще», прибавлял: «и по преимуществу». Так и я буду.

Начинается бой. Она поминутно: «В общем и целом!» А я: «И по преимуществу».

Чуть не забыл сюжет Яловецкого о спекулянте с мокрыми керенками.

18 Октября. Мороз продолжается и порошит ночью понемногу.

Вчера посетили меня сестры Розановы.

Конная 5. Самаряне

Как странно, что невеста моя снится мне всегда в каком-то сомнительном обществе. В этот раз я видел ее в доме, похожем на ресторан огромной гостиницы. Мне ее назвали вдовой, лежала в гамаке и так была похожа на себя, что в действительности мне бы ее так ни за что не вспомнить. Почему же я не приблизился к ней? Я прошел в другую комнату с целью одуматься и сейчас же к ней вернуться. Но меня задержали какие-то знакомые разговором, и я долго лгал, чтобы отделаться от них и вернуться к гамаку. После долгих мучительных отговорок я вырываюсь, – а ее уже там нет, гамак пустой. Но потом, когда я прохожу, вижу, она сидит одна и обедает, а я прохожу. А еще раз она в толпе встречается со мной почти в упор, видно, она заметила, она знает, кто я, она как бы вздрогнула в ожидании меня и потупила глаза. Но непонятная сила отводит меня. После того я, чтобы иметь надежду на встречу с ней в будущем, справляюсь у распорядителей, что это за дом такой и где он находится. Распорядитель отвечает: «Мы самаряне, Конная 5».

Приходилось видеть умерших во сне, но разговаривать там с ними не удавалось. Не потому ли и с невестой не удается говорить, что она у меня на положении мертвых. Или это отражение действительности, – что я так и не мог с ней опять встретиться?

Мужчина должен быть властелином своего чувства, женщина должна отдаться, – на этом построена вся человеческая жизнь.

Говорят, что Флоренского совсем замучили ссылкой и обысками. В наше время каждый большой работник в области науки или искусства должен чувствовать себя одним из последних: если он свалится, то может все дело его погибнуть, однако, возможно, он успеет все-таки пронести свою идею на ту сторону, и там впоследствии все опять зацветет.

19 Октября. Предполагаю следующую неделю провести в Москве. Быть у Воронского. У Дунечки и Игнатовых. Замошкину и Зарудину книги. Салищеву Гюйо.

От Левы телеграмма только из Хабаровска, значит, явится только через 12 дней.

Читаю Клычкова «Князь мира» и восхищаюсь его языком, юмором, народной мудростью, акварельными пейзажами. Мне кажется, он несколько от меня начинает свою прозу, и это было мне раньше неприятно, но теперь он вывертывает из себя такие богатства языка и так привыкает держаться определенного тона и меры, что неприятное это исчезает и становится даже радостным, что мои трудолюбивые гравюрки вызвали из него такие богатства. К сожалению, человечек-то он... опасно даже сказать ему.

Клычков, Дуня и Лахин происходят от одного отца, имя которому Трепло.

Тайна
Легенда Московского Полесья

Река Дубна не вся выливается в Волгу. В какие-то времена отчего-то русло ее в пределах нынешних новых уездов Сергиевского и Ленинского засорилось. Гидрологи говорят, что много способствовали засорению так называемые езы, сооружения рыбаков для ловли рыбы. Отчего бы там ни было, но теперь получилось так, что если бы Дубна всю свою воду вынесла в Волгу, то пришлось бы Волге бежать вверх. Огромные поймы образовались от застоя воды с такими зарослями, так во многих местах человеку пролезть невозможно. Этот край, чрезвычайно оригинальный, носит название Московское Полесье. Все эти знаменитые охотничьи угодья раньше снимали самые богатые люди. Среди них был англичанин Мерилиз. В одном деревенском трактире за чаем после удачной охоты я записал с большой точностью один рассказ о богаче Мерилизе и бедном мужике Прохоре. Мало меня интересуют мужицкие гармонизованные противоречия жизни богатого и бедного. Меня обрадовал в нем факт народного творчества и возможность записывать с большой пользой из «устной народной словесности» не только надоевшие всем частушки и обломки старины, но просто рассказ и повесть, которые сделали бы честь любому мастеру-литератору. Вот почитайте.

Папаня. Десять, пятнадцать, бывает, и двадцать рублей, которые оставляю я на охоте в семье К., в крестьянстве у них большое подспорье. За мной ухаживают, но люди они очень хорошие, все помогают, чтобы скрыть свой интерес. Перед самым отъездом моим, когда я расплачиваюсь, папаня непременно исчезнет, и деньги я отдаю Анисье Ефимовне. Всегда

отказывается от лишнего, потом и возьмет. А везет меня Сережа, их сын, 20-ти летний паренек, еще у них есть девочка Шура, 15 лет, такая милая. Я прощаюсь по-родственному, но папаня при этом никогда не бывает. Раз, два, три, и все стало понятно. Папаню нельзя в город пустить, нельзя ему деньги дать в руки. Вся семья дружно оберегает отца от беды, и он сознает, но, конечно, перед мной совестно, будь он при моем отъезде, конечно, мне пришлось бы деньги отдать ему, старшему хозяину. Притом, он, конечно, знает, что я догадываюсь, почему не он везет меня, а Сережа. Может случиться, я пожелаю с ним ехать, выскажу это, а ему нельзя, или я отдам ему деньги, и вдруг сын грубо вцепится, жена заплачет. И он прячется, когда я уезжаю. Так было множество раз. Но вот случилось, в последнюю мою поездку я пришел к обеду, все куда-то попрятались, и обед подавал папаня, сам вынимал из печи горшки, тарелки нес, резал хлеб, потом после обеда запряг лошадь, оделся для поездки со мной в город.

Мне спросить нельзя, чувствую, нельзя, разгадываю надвое: или папаня взбунтовался и разогнал семью, или исправился, и все спрятались, чтобы я не передал деньги Анисье Ефимовне и тем его не обидел.

«Взбунтовался или исправился? – думал я. – Если исправился и поедет со мной, то надо деньги теперь же отдать, чтобы избавить его от искушения в городе: он, конечно, в последнем случае оставит их здесь. А что, если он не исправился, а взбунтовался?»

Я оделся. Никто не показывался. Я решил, что деньги надо платить и, передав их папане, стал смотреть в зеркало, будто оправляясь. Мне было видно в зеркале, как папаня открыл ящик комода, вынул оттуда большой кожаный кошелек и, когда открывал кошелек и опускал туда мои деньги, мне было видно, что там еще были деньги, и довольно много, верно, все деньги семьи. Потом папаня запер комод.

Я был очень рад (так это редко бывает на свете): папаня исправился.

22 <Октября>. 20-го отпраздновали именины Григорьева. 21-го были Петя с Андрюшей. Сегодня привели Чока обратно. Со вчерашнего дня погода стала опять мягкая и все следы мороза с порошей (очень еще слабой) исчезли.

Завтра в Москву.

Посетить Дунечку, Тальникова, Воронского, Замошкина, Петины курсы, Моск. Охотник (ружье), Игнатовых, Карасевых – и еще: Ивана Острого, Мозо, Россолимо, Городцова, Замошкина (книги), Руднева, Федерацию (Тихонова) Полонского. Строгое руководство правилом: больше узнавать, чем давать. Извлечь Печать – Революц. Хорошо бы найти Горского.

Разговор с Т. – о ритме в искусстве.

Одна из тем «цивилизации» – что русский крестьянин раб земли, москов. крестьянин – (и вся русская буржуазия) трагическая встреча с цивилизацией.

Секретарь ячейки и деревня Скорынино: алло! и обратно.

23 Октября.

Был у Замошкина, у Тальникова, Игнатовых. Разговоры о «правом уклоне» и особенно горячо об «измене» Горького.

«Сувенир» – Елены Михайловны Челноковой.

24 Октября.

Был у Дунечки и Софьи Яковлевны (трамв. 10 до Серпуховской площади, пешком до Калужской).

Продолжал слушать о правом уклоне. Говорят, что Сталин гонит всех правых, а потом сделает все ихнее сам. Правильно поступает, потому что народ сейчас до того обозлен, что до нового хорошего урожая необходимо все держать в кулаке.

Софья Яковлевна говорила об одной исступленной старухе большевичке (в доме ветеранов), что когда у нее умер муж, она сначала села на пол (по еврейским обычаям), а потом в крематории говорила речь и смотрела в окошечко на сгорающий труп.

Вас. Д. Ульрих, разбитый параличом, слабоумный старик, – когда-то мой бог! не узнал меня, но о Пришвине-писателе сказал: «Некоторые очень хвалят, принципиально пишет».

Дунечка говорила не только об отчужденности людей в этом раю стариков, но даже и о взаимной ненависти их.

Провел длиннющую болтовню у Полонского и целый вечер читал Тальникову свои рассказы. Говорили с Полонским о Клычкове. Между прочим, он сказал о «новой деревне» и я спросил: «Да есть ли она?» Он стал говорить о европейской деревне, что при свете электрической лампочки исчезает демонология. Вместе с тем получалось у Полонского хуже, чем у Клычкова: у того плач о погибающей русалке, у этого радость о лампочке и тракторе самих по себе. Обычная ссылка на Европу, что вот-де там было и то же будет у нас. Упускается из вида, что – смерть русалки, все равно как и смерть человека, бывает разная: христианская кончина или повешение… В Европе и демоны умирали по-христиански, у нас с ними расправляются по-свойски.

Тальников, сделавшись критиком «Кр. Нови», по-видимому, потерял прежний свой глубокий интерес ко мне. Я ему весь вечер читал и говорил, рассчитывая на его особенное

внимание, а его не было, и все было впустую. Вышло скверно и с таким опустошением, что приходит в голову мысль, писание книги о творчестве Алпатова отложить и взяться за охотничьи рассказы.

25 Октября. 16 час. – Охотник – в 11-1 ч. дня осмотр Дома крестьянина с курсами. Позвонить к Воронскому, Федерацию, Дынник.

Утром пришел Петя, и пошли в Охот. Союз. Вечером зашел за мной Бор. Алекс. Губер, и я был свидетелем боя перевальцев с напостовцами.

Тальников…

26 Октября. Беседа с Ив. Ив. Острым: Магнит. Около 12 встреча с Зарудиным, вечером с Воронским, который убеждал меня писать роман о творчестве («нарасхват»).

<*Приписка на полях*> Бушмен.

Совлечение покрова с действительности. Главный покров от денежного обращения с фетишизмом товаров, уничтожить денежное обращение, и откроется действительность разумная, в которой объект совпадает с субъектом, и дело художника будет подобно копировке, взять кальку и срисовать. Пример искусства у бушменов.

Доклад Горбова о несравненной Галатее, смысл его тот, что художник сквозь камень видит Галатею и строит действительность немедленно, согласно прозреваемому идеалу.

Глава из Маркса о товарном фетишизме против несравненной Галатеи. Жизнь в разумной действительности по Либединскому: это логическая, причинная жизнь.

Из этого спора просвечивает, почему искусство было враждебно революции. Семинарист в Ельце: долой Шекспира и его Отелло: раз не будет денежного обращения, не будет и ревности. Просвечивает и их гонение на искусство теперь (разрушение памятников) и становится понятным, почему писатели не питаются устной словесностью народа.

Конец Горького несомненный, я был прав, что уход Толстого и приход Горького значили конец того и другого, но у Толстого кончина христианская (сознательная), у Горького глупая. Я очень боюсь, что этот хитрый человек почуял катастрофу и удрал, что вообще его конец означает близость катастрофы…

Рассказ Воронского о Нарбуте наводит на размышление о направлении творчества: вот оно у Нарбута тоже творчество (половое сладострастие) и, между тем, оно создает новые об-

маны... (Нарбут и обман). Вот почему и являются пастыри на свой пост и стерегут овец от блужданий по неразумной действительности. В искусстве принуждение во имя добра и пользы, хотя бы той же разумной действительности, является следствием распущенности, или уклонения творчества отдельных лиц в сторону от линии согласованного (назовем так) творческого процесса бытия в природе, сознания человечества и направляющей воли личности.

Творчество я представляю себе как жизнь, пробивающую себе путь к вечности. Оно очень похоже на поток, размывающий себе путь в океан.

Смотрю на каплю дождя, пребывающую на внешней стороне моего окна, и думаю: «Эта капля получила свое назначение в мировом творчестве жизни попасть в луч моего сознания, эта капля среди других гениальна, потому что является точкой соприкосновения и согласования творчества природы и человека. Я слежу за жизнью этой гениальной капли дождя, как за своей. Вот другая повисла над ней и побежала, обе капли слились, скользнули по стеклу на подоконник, упали на землю, просочились к потоку. Я понимаю этот поток, как сообщество агентов жизни, размывающий себе путь к вечности.

Некоторые, сидя на береговых скатах, склонны думать, что они определяют направление потока. Это неверно, если скат мешает жизни потока, через миллион лет он будет размыт: берега рек меняются.

Так в потоке творческого сознания людей несомненно есть берега, властно стоящие на пути, они созданы нами, они – те же мы в конечном счете, но временно они получают назначение высоко стоять над потоком и давать ему направление.

<*На полях*> Россолимо. Знаю, что и океан имеет границы, но я говорю относительно: безграничная даль океана. Так называю скопление вещей согласованного человеческого творческого труда, нашу культуру вечной, она так же безгранична в отношении меня, творческого ее агента, как океан сравнительно с каплей дождевой воды.

<*Приписка на полях*> Покров – тело.

Дорогие граждане, та «разумная действительность», которую превозносите вы, я докажу вам, – имеет начало свое в нашей косности, в нашей готовности властвовать и сходиться в берега потока жизни. Я отбрасываю все хитроумные соображения товарищей, вооруженных призрачным знанием, и обращаюсь к словам простеца, определившего искусство в те времена, когда не будет <*1 нрзб.*> денежного обращения и откроется разумная действительность: в те времена, по его

словам, художнику достаточно будет вооружиться калькой, наложить ее на разумную действительность и пунктиром нанести очертания. Каждому ясно истинное стремление этого простеца сократить творческий процесс до простого копирования. Но не все мы даем себе труд приблизиться к сокровенным побуждениям таких простецов. Я их назову: эти побуждения заключаются в естественном <*1 нрзб.*> материи земли, и камни становятся на пути потока.

<*Приписка на полях*> Пете: Мозо. от мелкор. гидротехн. Садовая Триумф., 10, т. 4.92.29. Торфяная станция Наркомзема. 4.84.12. Андрюше: купить археологию Городцова.

Россолимо, завед. гидротехнической станцией где-то под Москвой.

Совлечение покровов с действительности, друзья мои, имеет предел в последнем покрове, который определяет наше лицо: если вы снимаете это последнее покрывало, то кровь наша выливается и тело обращается в труп.

А потому не будем трогать этого покрывала, оно есть наше искусство, наша способность заключать все живущее в форму и каждому творческому агенту придавать свое лицо, свой смысл.

Если мы, наблюдатели русские, возьмем японцев для сравнения с нами, то нам покажется, что оттенков в их облике гораздо меньше, чем у своих земляков. Это потому, что японцы нам мало знакомы и мы не привыкли еще их раз-личать. А если взять даже близкую нам родную природу, то способность видеть лица у диких животных и растений оказывается очень слабой, присущей только очень немногим. И если вернуться к способности понимать лица людей даже в своем народе, то эта способность окажется чрезвычайно ограниченной, свойственной немногим художникам. Таким образом, под-солнечный мир представляет нам сам по себе неограниченный материал для различия, требующий себе для этого тесного приближения с родственным вниманием. Вот эта способность раз-личать в под-солнечном мире и есть главная основа «искусства видеть мир».

Каждому человеку…

<*На полях*> Старые люди. Бульварное искусство и <*1 нрзб.*> удушливых газов.

Каждому человеку в большей или меньшей степени дана способность видеть мир, и каждый человек с детства спешит воспользоваться этой способностью и мало-помалу наполнить себя тем запасом образов знакомых и родственных лиц, с которым он начнет свою жизнь.

Юношу с полным запасом сил, готового каждого встречного принять за родственника, поражает, с какой цепкостью пожилые люди держатся за образы пережитого, ему непонятны эти рассказы их о судьбе какой-нибудь двоюродной тетки или свояченицы, с которой они встречались десятки лет тому назад и потом разошлись. Непонятны юноше вообще пределы родственного внимания к миру. Способность художника видеть мир означает бесконечное расширение обычной способности всех людей к родственному вниманию.

Пределы этого родственного внимания бесконечно расширяются посредством искусства, этой способности особо одаренных людей, художников, видеть мир с лица.

С другой стороны, нам присуща способность стирать различия для того, чтобы понимать причины, приводящие в движение всех «без-различно» и строить на основании этого законы для управления жизнью. С этой точки зрения мир, данный нам в бесконечном разнообразии лиц (формы), является как бы в покрывалах, совлекая которые мы и можем только приблизиться к «разумной действительности», т. е. понять механические причины, приводящие его в движение. Проделав опыт совлечения в своей мнимой лаборатории, мы на основании добытых законов можем начать и совлечение покровов со всей жизни для узнавания или строения разумной действительности. Однако мы должны помнить при этом, что совлечение покровов с действительности имеет пределы в последнем покрове, который определяет наше лицо: если вы снимете это последнее покрывало, то кровь наша выльется и тело обратится в труп. А потому не будем трогать этого покрывала, оно есть наше искусство как способность заключать все живущее в форму и каждому творческому агенту придавать свое лицо, являющееся сосудом смысла всякой отдельной твари в под-солнечном мире.

<*Зачеркнуто*> Творческий акт человека, согласный с творчеством всей жизни на земле, заключается в способности его останавливать пролетающие мгновения жизненного потока.

Источники творчества заключаются в самом бытии, которое даже у животных требует для своего продолжения некоторого отказа от пожирания добычи сегодня, чтобы обеспечить им свое завтра, точно такого же ограничения своей <*1 нрзб.*> жизнедеятельности в интересах выхаживания своих детей. Собака, зарывающая избыток своей пищи в землю про запас, шестинедельный строгий «великий» пост курицы, высиживающей свои яйца, – вот начало процесса, из которого рождается сознательное методическое творчество человека.

Ehret die Frauen – женщина уважаемая. Женщина почитаемая нами за то, что ей свойственно предпочитать любовь самому акту размножения: в этом она более свободна, чем

мужчина. И если доходит любовь до брака, женщина остается более сильной в самоограничении, необходимом для выращивания и воспитания младенца. Эти лучшие свойства женщины в творчестве бытия переходят к мужчине в сознательном творческом акте, и вообще можно сказать, что женщина занимает первое место в бытии, мужчина – в сознании.

Творческий акт человека заключается в способности жертвовать частью своего бытия и строить из него законы и формы.

<*На полях*> Спасать мир надо не гордостью человека своим сознанием перед миром низших существ, а согласованием творчества своего сознания с творчеством бытия в единый мировой творческий акт.

<Вырезки из газет>
«М. Горький – О наших достижениях
М. Горький – Письма друзьям
Охот. вест. Сев. Кавказа 1926 №4 – Охота по дрофам.
– « – 1924 №4 – Охота по выводкам.
– « – 1925 №12 – О бекасиных яйцах.
М. М. Пришвин – Наследственность».

29 Октября. Стоят (почему «стоят», а не идут? «стояла погода»)... Проходят одинаковые теплые, сухие дни под серым небом. Вчера мы ходили с Петей по зайцам. Нагрянуло множество охотников. Никаких впечатлений, вспоминаются только липы в Параклите совершенно черные и через них, очень похожих на ранне-весенние, перекидываешься желанием к весне.

Сувенир. Елена Мих. (Челнокова) ухаживала за В. Н. Гординым не то как жена, не то как сестра милосердия 15 лет. Наташа и Таня рассказывали мне, что он перед ними становился на колени и вспомнил восемь своих подруг, которым он пытался объясниться в любви. Я вспомнил такие же рассказы еще нескольких дам и девушек. Наши говорили об этом с гадливым чувством и жалели Ел. Мих., удивляясь странности ее чувства к этому «сувениру». Но когда я рассказал о перерождении Вари Розановой под влиянием чувств к нему и поставил даже под вопрос возможность половых отношений этого уже разбитого параличом старика, обе мои дамы задумались (ведь возможно, что они его не понимали).

<*На полях*>*«Esprit de l'escalier»* «Ум лестницы» – говорится о человеке, ненаходчивом в споре, которому подлин. возражения приходят после, «на лестнице».

Приход Горького некоторые сравнивали по трагизму с уходом Толстого – то было раннею весной. Теперь сравнива-

ют только в смысле возможной высоты человека и его низости. Воронский сказал: «Теперь ему выбраться будет очень трудно». Человек небольшого ума, но чрезвычайно хитрый, Горький, по всей вероятности, не рассмотрел скрытого влияния интеллигенции на весь ход нашей жизни. <*Позднейшая приписка*> (Напротив, как и А. Толстой, хорошо рассмотрел, а это я дурак, держался «заветов» наших отцов–разночинцев. Они-то смекнули!) А может быть, и видел, но понял, что явного значения она не будет иметь до последнего конца своего и потому возиться с ней во всех отношениях невыгодно. Очень возможно также, что просто был сбит с толку, запутался, струсил, и давай Бог ноги! Я чувствую себя обманутым и, конечно, предпочту теперь общество Леопольда Авербаха и даже Гроссмана-Рощина этому «босяку». Ефрос. Пав. сказала: «Вспомни, ведь ты никогда его не уважал как писателя». Я ответил: «Как писателя да, но человеку-Горькому я всегда удивлялся… хотя, по правде говоря, никогда не любил».

30 Октября. Очень тепло и дождь на весь день. Вломился финагент, оскорбил прислугу и целый час описывал имущество за недоимку в 8 р. 50 коп. Мы с ним чуть не задрались, соприкоснувшись душевными травмами 18–19 гг.: он был деятелем с револьвером в руках, я гражданином, пораженным не только в правах, но и в основах этики, теперь его дела понизились, мои повысились.

Вечером был у Т. и слушал, как люди собираются переживать трудный год: Евдок. Тарасовна солит телушку, Ефр. Павл. целую свинью. Мне опять навязывалась мысль о происхождении творчества (законов и формы) из хозяйствен. деятельности, т. е. из расчета: потерпеть сегодня для сохранения завтра. «Свобода» искусства – дитя аскетизма, колыбель его – тюрьма и келья, гроб его – польза. Аскетизм явился из необходимости сохранения жизни. Творческая способность – сохраненная жизнь. Польза искусства за счет расходования запаса жизни на текущие потребности.

31 Октября. Реальность в мире одна – это творческая личность (творческое неделимое).

Трактор, хотя и пашет землю, все-таки не есть основная реальность, потому что за ним открывается творческая личность человека.

Вот загадка. Почему так случилось, что наши коммунисты, признающие экономический материализм как догмат веры, на практике являются идеалистами, совершенно ничего не видящими у себя под носом? Например, хотя бы это последнее навязывание мужикам коллектива в то самое время, когда улитка поедает их зеленя, и во всем уезде есть только три

опрыскивателя. Или взять спор напостовцев с перевальцами, – что напостовцы, совлекая иллюзорные одежды с жизни, хотят найти причину ее и потом, согласно причинам, направить новую жизнь, в которой искусство будет только копировать разумную действительность.

Зло, которое возникло от слепоты к живой человеческой личности (вот еще пример: Каляевка – т. е. кормление без обязательств к труду инвалидов, равнозначащее их развращению, – обходится столько же, сколько содержание всех школ в уезде), закрывает нам глаза на идеальные истоки поступков нашей власти.

Метаморфоза экономического материализма в воинствующий идеализм (донкихотство). Напр., если сказать, что такая-то машина заменяет в производстве 10 человек и…

Непосильное требование к человеку, чтобы он забыл свою личность и отдался коллективу…

Но ведь это скачок через творческую личность человека, через бытие его…

Горький обладает именно такой головой, и я очень понимаю Сергеева-Ценского, сказавшему кому-то после первого свидания с Горьким, что «я еще не встречал в жизни такого классового человека, как Горький».

<*На полях*> Пирамидон, нагреватель, чай, сахар, чайник, стакан, блюдечко.

Мельница Дон Кихота.

Когда я читаю о Рыцаре Печального Образа, как он с копьем наперевес мчится, я всегда вхожу в положение мельницы: ведь это случайность, каприз автора пустить ее в ход как раз в то время, когда мчался на нее Дон Кихот; что, если бы дело происходило в безветренный день, то ведь, очень возможно, рыцарь поломал бы ей крылья и лишил бы на некоторое время население возможности обмолоть свое зерно. Я живо вхожу в положение мирной, беззащитной, всем необходимой мельницы и всей душой ненавижу рыцаря, наделенного всеми хорошими качествами и только смешного, но не страшного. А он страшен…

<*На полях*> Александр Яковлевич Вигалок, ред. Раб. просвещения – Воздвиженка, 10.

Завком типографии в Лавре: среда, пятница. Профсоюз.

Классовый человек – новая формация чиновников.

<Позднейшая приписка: NB 1950 г.> Никогда не понимал и не понимаю, что это «классовый человек».

Вероятней всего, мы «спец-люди» не понимаем «парт-человека», что он совсем пропускает личность как творческую

единицу, ее неповторимость, у них личности повторяются. У старых революционеров-марксистов дань личности отдавалась в практическом плане (подвиге), теперь подвиг заменен службой в учреждении, и личность как утюгом сгладили.

1 Ноября. Был в Москве. Вечер у ВАПовцев. Заседание Правления Федерации РАППовцев. В пивной с Замошкиным на углу Кузнецкого и Неглинного (там же ВАП). Сегодня во время моего отсутствия Лева явился.

Мне было при споре Перевала с РАППом, как будто я перенесся лет за 35 назад к мальчикам, которые во что бы то ни стало хотели рационализировать все вопросы бытия. Ничего не изменилось, тот же Плеханов, Белинский, Чернышевский, Маркс, Энгельс. Та же самая надутая самоуверенность в познании вечной истины, разве только с прибавкой аргументов Чеки. Перевальская Галатея в этом собрании как горох от стены отлетала. И нужно сказать, что Воронский, Горбов и другие перевальцы очень наивны. Смутно почуяв веяние творчества в себе самих, они думают увлечь за собой и тех, кто сидит на литературном посту и следит за каждым из них, чтобы его творчество не пришло в столкновение с политграмотой. Как живо вспоминается мне то время 35 лет тому назад, когда я за свою Галатею вступил в борьбу с ребятами кружка Вас. Дан. Ульриха.

После некоторых болезненных попыток разбить их я сам более их страстно отдался марксизму и тоже стал все рационализировать. Хотелось бы разобрать теперь, во-первых, какие обстоятельства подготовили мое уверование, во-вторых, – что я мог бы сказать теперь тем, кто стоит теперь на литературном посту, о мотивах, сделавших меня равнодушным к марксизму и даже враждебным, если он лезет ко мне. Последнее настолько важно, что если хорошенько продумать свой опыт, то у меня в руках будет ключ к будущему молодежи и четкому пониманию действительности.

<*На полях*> Поверил от неверия…

Новое: явление чиновника-марксиста. Маркс был знаменем личного подвига, теперь он знамя благополучия.

Разбираю первое, – как я отдался идее. Перед моими глазами на вечере ВАПа в темном уголке стоят два молодых поэта из перевальцев и робко объясняют Замошкину мотивы своего перехода к ВАПовцам. Они говорят, что <перед ними> стоит вопрос, – печататься, значит, быть «на посту», не печататься – быть у перевальцев. И говорят: «Назовите хоть одного писателя, чтобы работал теперь, не входя в компромисс». Замошкин горячо протестовал, но, конечно, безуспешно. После он характеризовал все это «полнейшим разложением».

Вспоминаю свое время, там было совсем иначе: я вступал в нашу боевую группу не для того, чтобы устроиться. Я верил, но эта вера рождалась, ясно вижу, из неверия моего: я не имел сил быть с самим собой, передо мной была пропасть и, как хорошо помню, пропасть эта <*1 нрзб.*> моя потребность в женщине и удовлетворение ее с публичными женщинами. Другая потребность моя была в отце-учителе: я страстно ждал такого отца-друга, который научил бы меня всему, что делает людей людьми настоящими. И вот, когда борьба с марксистами за какую-то свою Галатею заставила меня познакомиться с Марксом и Бебелем, то, не имея отца-учителя, я нашел это в Марксе, а женщина будущего у Бебеля заменила мне мою Галатею, – эта женщина будущего уничтожила мои падения с проститутками и это она, конечно, сделала из моих вчерашних врагов товарищей, которые заменили мне вполне то естественное счастье, которое дает хорошо организованная большая семья. Разница была только в том, что в бытовой семье и общественности вопросы сознания входили малыми дозами, решение их раскладывалось на годы естественного роста вплоть до седых волос. Здесь, в нашей семье, в нашей общественности, возглавляемой Данилычем (Вас. Дан. Ульрих), все эти вопросы были готовы и оставался один вопрос действия: надо было совлечь с действительности, открытой нам Марксом и Бебелем, покрывала и фетиши, закрывающие ее от других.

Сила марксизма состоит в том же самом, что было в религии: входить в сознание необразованных масс общества. Но религия входила в сознание на основе прирожденных способностей человека в несчастии – искать Утешителя, в счастии – благодарить высшего Хозяина жизни. Идеи социализма овладевают сознанием масс через посредство их повседневных интересов здесь на земле...

Только вера в Бога или...

<*На полях*> Сикушка.

Две женщины между собой говорили о всем понемножку, одна рассказала, что у них умерла учительница.

– Кто же теперь у нас учит? – спросила вторая женщина.

Первая ответила:

– Сикушку прислали.

Я спросил, – что это значит, сикушка. Она сказала:

– Вроде обезьянки.

За столом сидел молодой человек, совершенно лысый не в ущерб лицу: высокий лоб его необыкновенно правильный, чистый, глаза юношеские, улыбка лукавая. Это был знаменитый начетчик марксизма, большевистский священник Леопольд

Авербах. Рядом с ним сидел дьякон марксизма, юноша Ермилов, сын журналиста. Лицо его чисто русское, румяное, пузырем. В деревянном его голосе была отталкивающая надменность, чванство, самоуверенность. Казалось, он мог стать ногами на живого человека и, помахивая кадилом, бормотать в отходную вслед за попом что-нибудь из Плеханова или Перевезнева. Часа два, рассматривая доклад Горбова, сличая слова его об искусстве с текстом Плеханова, Чернышевского, Белинского, они отпевали заступника нимфы Галатеи...

Религия, стремящаяся переместить блаженство будущего человечества на том свете в этот земной мир, неплоха, потому что если нет загробного мира, то надо воспользоваться коротким бытием и провести его лучше. И если бы случилось, что все-таки и загробный мир существует, то хорошая жизнь на земле не помешает той, потому что в хорошей жизни люди меньше грешат. Мне кажется, мужики охотно перешли бы в религию социализма, если бы не...

В чем тут дело?

Если не ошибаюсь, то вся трагедия современности не относится к существу новой веры, а к личности Ленина, который взял на себя государственную власть... отсюда все пошло и потому именно не расцветает искусство у этих самоуверенных поэтов на государственном бюджете.

Новая порода людей с Горьким во главе своеобразна тем, что совсем не считается с реальностью творческой личности... Нам это сознание представляется каким-то голым, какие-то голыши.

<*На полях*> Голые люди. (Горький и <*1 нрзб.*>)

<*На полях*> Рассуждение Ефросиньи Павловны, подобное Санчо Пансо.

Старик идет с двумя мальчиками на охоту и рассказывает им:

– Для скорости ружье на плечи и поехал на велосипеде. По дороге снег начинается, дальше больше, и навалило... ети-т твою ма-ать! Ночью стало морозить, на заре озеро замерзло и утки улетели к х...

4 Ноября. Вчера беседовал с техником о спуске озера. Я ему говорил в защиту Claudophor'ы, что реликт драгоценный, между тем как весь грандиозный план осушения стоит не на твердой почве, возможно, что экскаватор уже опять утонул. На это он ответил:

– Да, верно, только ведь вся советская работа ничем не лучше, кредиты отпущены, деньги поступают, мы должны работать.

Продолжение о ВАПе.

Все крупные русские романисты, начиная с Пушкина, иронически относятся к роману как иллюзии, каждый из них, создавая свой роман, рассчитывает дать в нем больше, чем может дать роман, и это стремление к действительности против иллюзорности делает русскую литературу значительной, а писатель служение искусству кончает проповедью (религиозного характера). Кратко сказать, поэт у нас в самой поэзии не находит себе почвы, стремится сделаться учителем и пророком. Мне просится сейчас желание продолжить это неустойчивое состояние искусства в общее творчество жизни, которое называется «делом»: что «дело» тоже неустойчиво у нас исстари и до самого последнего дня разлагалось на учительство в каком-либо виде (изобретатели, открыватели, <*1 нрзб.*> руководители и т. п.) и обывательство людей подножного корма.

В наше время партия стремится совлечь с жизни покровы буржуазного идеализма и тем обнажить действительность разумного созидательного труда человека. Это «партийное дело» в условиях нашей жизни претерпевает судьбу всякого дела, порождая на одной стороне бюрократию, на другой – людей подножного корма.

Как все это понять?

Одно понимание. Весь мир заблудился в иллюзиях. Партия большевиков в России, согласно со всем прошлым страны, прозрела действительность и строит будущее разумно, согласно найденной истине. Неудача в творчестве вещей, удовлетворяющих нормальное бытие человека, явление временное и объясняется вражеским окружением СССР. В свете партийного устремления к разумной действительности делается понятным и стремление творцов русского искусства не удовлетворяться обманом искусства, а сделать его средством познания и утверждения истинной действительности. Естественно, что и писатели, стоящие на литературном посту, всеми доступными им средствами стремятся вовлечь литературное творчество на путь раскрытия и познания разумной действительности.

Другое понимание.

Партия большевиков не является концентратом мирового сознания разумной действительности, а представляет собой одну из революционных сект религиозного движения современности, направленного против христианского дуализма для утверждения Бога в вещах, создаваемых только трудом человека. Выполняя лишь одну из боевых задач всей современности, непостигаемой в целости, партия (pars) выдает часть за целое (pars quo toto). Вследствие такого состояния является в отношении творческого труда, создающего вещи, гипертрофия разума, предопределение всякого поступка частных лиц, уничтожение творческой инициативы и вместе с тем творческой личности. Если от партии обернуться к величайшим дея-

телям нашего искусства слова (Пушкину, Гоголю, Толстому и Достоевскому), то мы видим, что и их творчество вещей прекращается в тот момент, когда они пытаются выдать свое искусство (часть) за целое (религию).

<*На полях*> Неинтересно творить, если творчество предопределено логическим выводом.

Заключение.

Второе понимание органически усвоено мной и как «органическое» требует проработки высшего сознания. Что могу я предположить относительно нашего ближайшего будущего на основании моего опыта пока без помощи «высшего сознания»? Во-первых, я думаю, сейчас должно происходить обмирщение секты, <*1 нрзб.*> отдельных членов ее и обращение их к творчеству вещей по общим органическим законам творчества без оглядки на директивы партии. Всякие организации живого творчества, обращаемые в теоретических обоснованиях к партии, в наших условиях должны гибнуть, питая собой сектантство, т. е. утверждение части против целого. (Так гибнет на наших глазах организация «Перевал».) То само собой понятно: отступая от сектантского миропонимания к органически-творческому, каждая личность как бы бросается с доверием в жизнь. Такая личность может аргументировать только создаваемыми ею вещами, влияя тем самым на творчество своего соседа. При малейшей попытке таких лиц найти аргументацию за свободное творчество вне самого творчества их сознания являются тем же самым утверждением *pars quo toto,* но только более бледным, малокровным, как бы второй отраженной радугой. Вот почему и перевальская организация, несмотря на талантливость своих членов, рассеивается при попытке убедить мальчиков из напостовцев, совершенно необразованных и не тронутых стихией творчества, но убежденных. Аргументация перевальцев творчеством в обществе Авербаха, Ермилова, Либединского и т. п. очень похожа на беспомощное положение человека, потерявшего самого близкого человека и принужденного аргументировать этим свой отказ от участия, напр., в штыковой атаке: по-человечески так все понятно, и все-таки человечество наградит позором и презрением за такой аргумент.

<*На полях*> Последнее сопоставление очень хорошо: есть множество положений, когда...

<*Зачеркнуто*> Пораженный ответом мальчугана, я спросил:

– Что ты хочешь сказать?

Он ответил <*1 нрзб.*>:

– Казаки делают, что им прикажут.

«Поход на Москву» Деникина изд. Федерация.

При чтении о том, что было у них, совсем по-иному выступает в сознании то, что было у нас. Трогательным является идеализм разутой армии красных на фоне морального разложения белых. И как я тогда не мог этого понять! Что бы ни говорили, но замечательна была история Иловайского: до того она прочно засела, что я, прошедший горнило рев. интеллигенции, марксизма и т. д., при появлении казаков с <*1 нрзб.*> в Ельце увидел в них героев Иловайского и сказал своему 13-летнему сыну: «Лева, ты знаешь, у меня душа казацкая!» Я это сказал! А казаки – герои, подъехав к аптеке напротив нашего дома, ударили в стекла ее пиками и стали искать там спирт. В это мгновение Иловайский выскочил у меня из головы навсегда, а Лева <*2 нрзб.*>, раздумывая о моих словах: «у меня душа казацкая» и восхищаясь разгромом аптеки, сказал: «Нет, папа, я думаю, что не у тебя казацкая душа, а у казаков твоя…»

Когда-то при описании фактов в дневнике я имел целью сохранить их как аргумент против будущей легенды, которая непременно прославит красных и очернит белых. Теперь эти же самые факты, написанные против красных, в моем сознании восстают против белых, и я по ним сам творю легенду, прославляющую красную армию! Мало того, я, тогдашний несомненный контрреволюционер в сознании, теперь могу с такой силой заступиться за красных, что все написанное до сих пор о геройстве красных померкнет и покажется наивным и глупейшим самохвальством. Для этого только надо бы еще лет 50 прожить, потому что «победа» красных к тому времени может оказаться поражением страны, т. е. победа части за счет целого.

6 Ноября. Хвосты длинные, злые, а елки на праздник все везут и везут. Старик подошел к хвосту и ну хохотать:

– Вот мы не стояли в хвостах!

Ездил в Москву. Виделся с Рябининым и согласился дать рассказ в новый журнал «Изобретатель». Вечером сошлись у Ашукина с Соболевым и Замошкиным. Читали «Легенды московские» Баранова.

7 Ноября. Выехал на вокзал в ½ 10 у. Под красным флагом шла маленькая ячейка рабочих с худыми женщинами. Потом стали такие попадаться чаще и чаще, а на площади у вокзалов с трудом в объезд кое-как добрались.

8 Ноября. Сергиев. Дождь, хмарь, туман, невылазная грязь. Как можно что-нибудь праздновать в такие дни в нашем климате! Пришел из деревни Егор, отправляется в Москву искать хлеб. Там где-нибудь в очереди за хлебом прикурнет на каменных ступеньках этот туземец. Жуть! Лева и Петя дома.

9 Ноября. Оканчиваю «Живые деньги» – будет здорово!

Со славой надо обходиться очень расчетливо: то, что по заслугам – принимать с достоинством, а что сверх дается – возвращать с усмешкой. Никогда не быть «растроганным».

Рассказ «Сыр» и ненапечатанный «Змея» обнажают во мне нечто мужицкое, вроде стихийного коммунизма. Я поймал это в себе случайно и теперь буду постепенно брать в руки. Еще это есть в причащении самогонкой (рассказ «Барон Кыш»). Очень возможно происхождение этого от «со страхом Божиим и верою приступите». Я понимаю «взять в свои руки» так, что поставить это свое чувство как специфическое и показать возможность совсем другого отношения к «миру».

Небо такое ровно серое, что видишь на фоне его только шесты от антенны, такое низкое небо, что галки, сидящие на антеннах, едва виднеются в тумане. А грачи давно улетели, и давно уже должен бы веселый белый снег прикрыть, успокоить намученную произрастанием землю. Так все расквасилось, что даже по шоссе, на камушках, нога вязнет по щиколотку и на проселочной дороге, бывает, в колее нога погружается и по колено. Воздух пахнет живыми черными раками, земля – открытая могила, вспоминаешь, как стоял где-то у края с горстью глины в руке, бросил вместе с другими вниз, и там стукнуло о крышку гроба, и все время пахло из ямы, как теперь сырыми черными живыми раками. В такие страшные дни в ноябре у нас празднуют Октябрьскую революцию…

Когда лодки нашей экспедиции завернули из Нерли в Кубрю и пошли против течения, среди молодежи стало часто повторяться слово «Наташа». На привале отец Филимон, нанятый нами как гребец и проводник, подкладывал дрова в костер и говорил тихонько студенту: «Проведу!» – «Самогонка непременно будет», – уверял студент. «Сказал, проведу, и кончено», – ответил отец Филимон.

Вечером старшие члены экспедиции расположились ночевать в сторожке, младшие сотрудники разбили палатку. Под тем предлогом, что в сторожке мне душно, я отправился ночевать к ребятам и тоже сделался участником ночного заговора. Где-то в этих малопроходимых лесах угнездился одичалый барин, или прежний фабрикант, и жил только охотой на белок, куниц и лисиц. Его дочка Наташа училась на курсах, ребята на Кубре о ней вспомнили. Отец Филимон семнадцать лет тому назад Наташу крестил.

Стали мы совещаться и назначили выход экспедиции к Наташе в ту минуту, когда потухнет огонек в сторожке. Возвратиться решили непременно на восходе солнца, когда начальство спит особенно крепко.

Огонек скоро погас. Мы тихо вышли гуськом за отцом Филимоном по тропе на запад, где слабым светом догорала заря. Тропа спускалась в болото, и там мы ее потеряли. На суходоле рассыпались в поисках тропы, скоро кто-то наткнулся, мы скричались и пошли дальше с пением. Заря догорела, мы опять спустились в болото, покрытое мелким кустарником, и тут окончательно и безнадежно потеряли тропу. Прошло много времени. Наконец <*1 нрзб.*> как магнитные опилки собрались возле двух полюсов, возле «Рыжего», как звали мы студента Ларионова, и отца Филимона: филимоновские звали к себе – у них тропа, рыжие к себе – они тоже тропу нашли. Долго препирались, наконец, отец Филимон крикнул: «Погодите, я вам дам, черти!» И, оставив свой народ на месте, полез к рыжим. Мы ему показали тропу очень твердую и на соснах вырубленные топором заметки – крестики. Отец Филимон осмотрел крестики, плюнул и сказал: «По этой тропе послезавтраго вы придете в деревню». И повел нас к себе. К удивлению нашему, тропа была совершенно как наша и даже шла приблизительно в нашем же направлении. Когда же мы стали сомневаться и послышались <*1 нрзб.*> голоса: «Мы не бараны!» – отец Филимон ответил: «Бараны!» – вытер спичку и показал нам стрелки на соснах.

– Видите стрелки? – сказал он. – На этой тропе поставлены стрелки, а на той крестики.

Мы ничего не понимали.

– А еще говорите, не бараны, – сказал отец Филимон, – неужели вы не понимаете: крестами метил мужик, человек темный, а стрелку темный человек не поставит, стрелками метит человек образованный.

И, оказалось, правда: по стрелкам мы скоро пришли на место, где угнездился охотник с Наташей, и пировали всю ночь, прославляя сметливость отца Филимона.

Путешествие с Горьким по Руси оказывается мне во всех отношениях невыгодным: интеллигенция бранится за то, что я пишу лучше Горького, а он пишет о мне предисловие, «народ», глядя на Горького, разглядит нечто, мимо чего он прошел бы, не обратив внимания. Это «нечто» – тщательно скрываемая мной ненависть к «публичности», к среднему читателю. Я предназначаю свои книги друзьям, которых немного теперь, в надежде, что когда-нибудь их будет больше, а с Горьким я прямо попаду в лапы врагов своих.

<*Вырезка из газеты*> («Известия» № 260 – 1928 г.).

<*С иллюстрацией*> Мне рассказывали любопытный случай, характеризующий самостоятельность этих суждений и литературных вкусов.

– Ну, пущай ему Пришвин нравится, а вот нам сам Горький нравится, а Пришвин – нет.

Не понравился как-то коммуне писатель М. Пришвин: ему вынесли суровый приговор. Когда крестьянам указали, что сам Горький хвалит Пришвина, они ответили:

– Ну, пущай ему Пришвин нравится, а вот нам сам Горький нравится, а Пришвин – нет…

Следующая вырезка из того же номера газеты показывает, как зорко следит за писателями некий синклит и как точно распределяет их по ступеням революционной лестницы: я, например, оказываюсь в левом центре правого крыла значительной группы квалифицированной интеллигенции, отчасти старой, отчасти новой, живущей преимущественно интересами своего ремесла. Вот эта вырезка.

Иногда небесполезно на все это обратить внимание, чтобы знать свое место и не совать нос, куда не следует.

<Вырезка из газеты>

Далее остаются так называемые «попутчики» – разношерстная группа, нуждающаяся в дифференциации. Если мы отделим в ней «левые элементы» от «правых» и «центра», то и здесь станет ясным, что термин «попутчик» обманывает наше зрение, затушевывая истинное положение дел. Никакого «попутничества», в сущности, уже не существует. Но есть смешанная группа писателей, из которых одна часть, революционная, тяготеет к пролетариату, другая часть – либо тяготеет к крестьянству (мелкобуржуазное крыло), либо представляет самостоятельное буржуазное направление, отражающее духовный лик частью сохранившейся дореволюционной буржуазии, частью народившейся новой, нэповской. И, наконец, самая значительная группа представляет литературу квалифицированной интеллигенции, отчасти старой, отчасти новой, живущей преимущественно интересами своего ремесла в зависимости от внешних условий, тяготеющей то влево, то вправо. Здесь можно говорить о левом центре и центре правом.

К левому крылу литературы революционной интеллигенции мы отнесем Маяковского, Асеева, Третьякова, Пастернака, Сельвинского и конструктивистов, писателей «Перевала» (за исключением его крестьянских писателей, о которых говорилось выше), Бабеля, Сейфуллину, Н. Тихонова. К правому – Е. Замятина, М. Булгакова, М. Зощенко, А. Белого. В левом центре оказываются Ю. Тынянов, Б. Пильняк, Л. Леонов, Константин Федин, М. Пришвин, М. Шагинян, Н. Огнев. В правом – А. Толстой, В. Вересаев, Вс. Иванов последнего периода, Глеб Алексеев, С. Сергеев-Ценский, Н. Никандров, О. Мандельштам.

Все это очень условно, разумеется. Писатель не стоит на месте – он движется и под влиянием процессов, происходящих вовне, и внутренних процессов сознания. Границы, намечен-

ные нами, – условны, это следует помнить. С такими условными подразделениями приходится мириться. Надо только смотреть на них, как на «рабочую гипотезу», которую не следует превращать в раз навсегда данную и застывшую схему.

Замошье

Всего только два часа от Москвы по железной дороге и по шоссе на извозчике три, будет Дубна, та самая река, на берегах которой в наше время индустриальных планов один замечательнейший поэт современности увидел русалок, леших и чертей всех пород. Бедный я человек, нет у меня ни такой фантазии, ни такого волшебного языка. Но много, много я потрудился в поисках таких мест на Дубне, где не ступала еще нога человека. И я достиг своего, я знаю такие места и, признаюсь, у меня сжимается сердце от злости, когда кто-нибудь начинает хвалиться Центральной Африкой, Новой Гвинеей и всякими джунглями. Нет таких мест там, чтобы никто не бывал, и невозможно бы было пройти, а у нас я укажу: и не бывал никто и пока пройти невозможно. Не раз я, конечно, задумывался о причинах моего тяготения к таким необычайно диким местам. Что, разве не вижу я там жалкого человека, и чем глуше, тем хуже, что, разве могу я совсем выбросить из головы цивилизацию и поселиться тут? Нет, конечно, и вот именно в этом-то и есть для меня вся прелесть таких мест, что захочу, и в тот же день иду по Кузнецкому мосту, захочу – на Кузнецком поутру, а вечером перескакиваю окнища в заросшей черной ольхой трясине с постоянной опаской попасть головой в естественную петлю из хмеля и так повеситься, – такое с иными бывало! Нет, я не вижу причин отстаивать такие места, кроме как для себя самого: уж очень тут хорошо думается и чувство рождается такой силы, что в каждой зверушке свою родню узнаешь.

Сидишь в челноке где-нибудь под кустом на плесе, из-под воды торчит телорез, на воде белые лилии, под водой сабли тростников и черные шашки вроде снарядов, и утята свистят, – чего-чего нет! И вот приходит в голову, что все это было в себе, что все это я сам в своем происхождении. В науке остатки животных и растений из какой-нибудь отдаленнейшей эпохи, продолжающие жить и в наше время, называются реликтами. А я себе тут, на плесах Дубны, придумал, что и все эти животные и растения реликты меня самого, что все это я сам, раскрытый в своем происхождении. Придет ли такое чувство на Кузнецком мосту! А между тем, если прямо с плеса явиться на Кузнецкий, то и лицо толпы раскрывается как реликты постоянного творчества какого-то высшего существа, и от этого вроде как бы любить начинаешь людей. Затем вот и

пробиваюсь к местам, где не бывала нога человека, а конечно, если так поставить вопрос, что или Кузнецкий, или русалки, вздор получается совершенный: хороших и дурных людей везде поровну, а живется в диких местах человеку иначе, так плохо, что хуже и некуда.

Недалеко ходить, вот деревушка Замошье на Дубне, к ней сейчас по гати можно из Заболотья пробраться сухой ногой.

Неудачники

Бывают неудачники от внешних причин, многих, например, война искалечила, а другие из-за войны не могли изучить до конца избранное по склонности дело и тому подобное. Такие неудачи, не зависящие от себя самого, беда поправимая, потому что от внешних причин неудача не бывает личная, если остался слепым, то есть много слепых: без рук, без ног, опять есть безрукие и безногие, всякому из них есть общество свое и своя пара найдется даже, привычка до того залечивает внешнюю рану, что безногий человек может до того преодолеть свою неудачу, что сделается гораздо счастливей быстроходного.

Настоящий неудачник предопределен в своей неудаче, и если бы можно было его вывернуть изнутри и рассмотреть совершенно, то оказалось бы, что хитрец притворялся, он жил тоже недурно, отталкивая сам от себя бытие и создавая себе свой собственный мир «высший», в отношении которого обыкновенное всеобщее бытие есть срам и стыд. Конечно, как и везде, тут все в степени, есть отрицатели демонические, – какие это неудачники! Есть отрицатели бытия, мнящие себя спасителями мира или, по крайней мере, его реформаторами. Настоящий неудачник, входя в сферу отрицания, одним глазом смотрит на бытие и постоянно скорбит о себе, что он не такой (втайне: высший), он даже по страху к полному отрицанию пробует вроде как бы исправиться, хватается за дело, и вот тут получается странное явление: человеку этому умному, развитому гораздо больше других, ничего не удается. И все потому, что он работал не весь в деле, а только наполовину, другая часть его отсутствует, и эта часть в его сознании «лучшая». Таких людей в Петербурге было великое множество, в самом простейшем виде это разделение было на службу и кофейни.

<*На полях*> Л. Толстой о Тургеневе: не любит, а любит любить.

13 Ноября. Ровно четыре утра, сию минуту погаснет электричество, и я останусь с рыженьким светом керосиновой лам-

пы. Вчера весь день сидел дома, ничего не писал, читал стихи и согревал флюс. Дожди угробили.

<*На полях*> Плохо, друг!
Здоровьишко неважное.
Так себе идут дела.
Очередь за хлебом.
Плохо!

Летом Сталин погрозил коллективизмом, и хлеб спрятался. Так, видно, надо, а то сейчас чуть бы воли немного гражданам, дали бы они знать, где раки зимуют. Далеко ходить незачем, чтобы определиться в настроениях. Вот я три месяца бездельничал, на глазах крестьян ежедневно стрелял, охотился с прекрасными собаками. После всего разговорился душевно с одним мужичком и сказал ему: «За кого меня принимают, за богатого бездельника какого-нибудь, наверно?» – «Нет, – ответил мужик, – вас многие жалеют: вот этот, говорят, жил когда-то человеком, этот пожил! А теперь вспоминает, постреливает, только и осталось всего. Многие сильно жалеют».

В темноте чуть попорошило и мелкие лужи замерзли, но к 10 у. только грязи прибавилось. Пьяный сторож идет по улице с мешком собранных корок хлеба на спине и проклинает советскую власть, предавая анафеме коллектив:

– Хотели соединить в одно, у, проклятые!

Полная свобода слова, далеко можно слышать этого громкоговорителя:

– Коммунисты проклятые!

Вот по пути его очередь. Он останавливается и хохочет, как Мефистофель.

– Чего ты хохочешь?

– На вас смеюсь, так вам и надо: мы не стояли.

– Ха-ха-ха! Шлепали, шлепали и дошлепались, а мы не стояли!

Выходит на площадь. Там красный командир учит свою роту. Нищий становится напротив строя и начинает все точно проделывать, что велит командир. Красноармейцы долго борются с собой, но не в силах держаться, вдруг все залпом хохочут. Командир оглядывается. Подходит милиционер. Пьяный сопротивляется: он ничего плохого не делает, он сотрудник красной армии. Милиционер уводит «сотрудника»...

Я обогнал женщину, она мельком взглянула на меня, верно, ей довольно было, что я пожилой, она стала в спину мне жаловаться:

– До чего довели...

И так далее.

Чтоб на земные рубежи
Глядели люди без опаски,
Чтоб просто можно было жить
Без палача и подлой маски.

В. Кирилов

<*На полях*> Очередной сюжет: беспризорник в лесу.

Рассказ о беспризорном в лесу.

Ребята пели «во субботу день ненастный, нельзя в поле работать». Песня приходилась: была суббота, и дождик шел, и ребята весь день дулись в карты у нас на огороде в сенном сарае и пели «во субботу день ненастный»… Я сидел тоже по случаю дождя со своими книжечками и тетрадками. Вдруг вижу и глазам не верю: все ребята валят в лес и с ними одна девица расфранченная в короткой городской юбке и белых чулках. Все пели, смеялись, острили, очень похоже было, как если бы деревня собралась в лес на гулянье, вроде как в Троицу. Я открыл окно и спросил хозяина, – по какому случаю народ валит в лес.

Он подошел к окну и начал тихонько бормотать, я ничего не понял, по обыкновению. У хозяина моего от рождения поврежден язык, и понимать его можно только, если он говорит громко, выходит совершенно точно как по радио громкоговоритель. Другой крестьянин, сидевший на лавочке, Калачев Абрам Иваныч, голова всей деревне, моргнул мне в сторону леса, подошел и шепотом сообщил:

– Это гулянье для видимости. Пошли человечка ловить.

<*На полях*> Европа много помнит, Америка действует и тянет к своему делу европейское прошлое в чаянии, что Эллада воскреснет в Америке.

Читал речь нового президента США Кулиджа, в которой он американскую цивилизацию ставит против европейской, чтобы сдержать войну, и рекомендует Европе для ее процветания усвоить себе американские порядки, цель которых – дать возможность проявления «индивидуальной инициативы». Вот, значит, как можно определять капиталистический строй: п о р я д о к, обеспечивающий наибольшее проявление индивидуальной инициативы. Напротив, соц. строй можно определить как гос. порядок, защищающий интересы трудящегося большинства от господства индивидуальных интересов. Определение идеального государства: «Порядок, обеспечивающий наибольшее проявление индивидуальной инициативы в интересах трудящегося большинства». Под этим определением одинаково подпишутся и социалисты и капиталисты, хотя, впрочем, должен выйти большой спор при рас-

крытии понятия «трудящегося большинства». Дело в том, что труд разделяется на деятельность, подчиненную воле другого (работа) и самовольную (инициатива). Работа по своей инициативе, вот настоящий достойный человека творческий труд.

Исходя из этого, сделаем новое определение идеального государственного строя: «порядок, обеспечивающий всем трудящимся наибольшее проявление личной инициативы».

И опять под этим определением подпишутся одинаково социалисты и капиталисты. Американский капиталист скажет, что нигде в мире не обеспечена возможность рабочему сделаться инициатором, как в Америке. Социалисты русские тоже ответят, что в СССР и кухарка может управлять государством.

Разберем:

Америка. Раб откладывает сбережения, посредством их делается сам инициатором. Следовательно, каждому способному предоставляется возможность выбиться из рабского состояния и сделаться господином раба. Достигаемая этим порядком наибольшая производительность ценностей изменяет к лучшему и положение тех, кто не способен проявить инициативу. Впрочем, за исключением идиотов, безнадежно больных и дегенератов едва ли у многих в какой-либо области не найдется личной инициативы.

СССР.

СССР против самого разделения во времени элементов творческого труда (подчинения и господства) данной личности (т. е. сначала одно: я – рабочий, потом другое: я – инициатор). Все одновременно, и рабочие и «инициаторы», различаясь между собой в разнице оплаты разноклассифицированного, но однородного по существу труда, являются господами производства ценностей, так как эти ценности накопляются для сознательного их распределения. «Каждая кухарка управляет государством» – сказано в том смысле, что личность, обреченная своими способностями на самый неинтересный и простой труд, сознает себя в целом, в частном деле своем видит целое. Американский рабочий, достигая мастерства в работе с целью личного благополучия только в ритме труда (бессознательно), может догадываться, что, достигая совершенства в труде, делаясь его господином, он в конце концов работает на общее благо. На известной ступени утомления и накопления ценностей, попадающих в его личное пользование, такой человек утрачивает чувство ритма творческого труда, и дальнейшее поведение его определяют сами находящиеся в руках его ценности. (Банкир, перелетая Ла-Манш, что-то вспомнил деловое, сказал по радио, потом ему захотелось в сортир, он открыл не ту дверь и полетел в Ла-Манш.)

Кратко: личная инициатива кончается избыточным накоплением ценностей, которые разлагают первоначальное есте-

ственное творчество их создателя и отдают его личность во власть самих денег. СССР эти избытки ценностей направляет в коммуну и освобождает сознание их владельца для участия в управлении распределением их на общую пользу.

Ответ Америки

Существует подоходный налог, посредством которого государство удовлетворяет коммунальные нужды. Вместе с накоплением ценностей и улучшением уровня личного благосостояния граждан растут их потребности в общественности и сознание в распределении ценностей. Американский капитал мало-помалу организует производство во всем мире и устраняет войну интересами самого производства. Недостатки социализма заключаются в том, что он, маскируясь интересами производства, вносит в них элементы морали, чуждые успеху самого производства, и тем делает его невозможным. Эти чуждые элементы заключаются в переоценке значения разумного сознания человека на данной ступени развития масс. Нельзя <требовать>от масс, находящихся целиком еще во власти инстинкта размножения и необходимости родового обеспечения жизненными средствами, чтобы они могли пожертвовать этим для осознания высшего назначения на земле человека.

Процесс творчества:

Всякий личный успех в любой отрасли труда сопровождается чувством общественным, кажется мне хорошо, значит должно быть и всем хорошо.

Один ли я начинатель – я причина ли своего делания? Нет, мое дело – это ответ. Знаю, что на многое могу ответить, если спросят меня, и если я молчу, то, значит, меня не спрашивают. Вначале бывает вопрос – «божественный глагол» – слово, вопрос, и потом я отвечаю своим делом.

И вы тоже, друг мой, оставьте сомнения о себе: вас не спрашивают, и потому вы молчите. Вы не думайте только, что родились вы уродом, нет, – вы молчите, скорее всего до вас черед не дошел. Но это, помните, не значит, что вы можете сидеть сложа руки: ваше великое дело в том, чтобы всегда быть готовым к ответу.

Не всегда, но бывает, я чувствую в себе готовность ответить на всякий вопрос даже из математики, к которой я не способен, если бы меня спросили в эту минуту, я чувствую, дал бы ответ, как из уст в уста, минуя необходимость математики. И так мне еще представляется, что если бы в такую минуту чувство готовности быть способным вместить для ответа весь вопрос, то был бы пожар моей жизни, и я бы, как

я, исчез в этом навсегда. Но об этом надо особо подумать: или такой полный вопрос обходит меня, или я не готов к нему и потому я не исчезаю в деле, а появляюсь и продолжаюсь в делах. Если бы я был в состоянии дать полный ответ, я был бы провидец и все, что я сказал бы <*1 нрзб.*> истину. А я так не могу, малыми делами отвечаю согласно с прошлым, <*1 нрзб.*> в ожидании рассвета из нынешнего дня как-то хозяйственно отрываю, часть назавтра сберегаю, и это хозяйственное сбережение составляет мое земное делание, я не пророк, а хозяйственно расходую себя для связи дней человеческой жизни.

В моих словах этих ничего нет загадочного, каждый, кто что-нибудь делает, если посмотрит внутрь себя и спросит себя, как у него все выходило, легко поймет меня. Даже умная собака не обжирается до отвала, а часто недоест и зароет в землю кусок, и завтра придет на это место, откопает и съест. Так и наше творчество я понимаю из хозяйства: чем более тревога за будущее, тем больше спешишь делать запас. Творчество законов – наука и творчество форм – искусство в моем понимании создаются тревогой за очень далекое будущее и потому требуют от личности почти полной готовности отказаться от настоящего для заготовки на будущее.

План поездки в Москву и Питер.

В Москве посоветоваться с Тихоновым об издании соб. сочинений. Захватить договор. В Питере уяснить с Гизом и установить денежн. отношения. С Разумн. потолковать о своей работе. (Захватить рассказы, детские тоже.) Побывать в Питере в Эрмитаже, Этнограф. музее. Адрес гостиницы в Питере.

Взять голубую кружку, нагревалку взять, чайник японский, чай, сахар.

15 Ноября. Заседал в Правлении Федерации. Наладил с Т. издание «собрания» в Москве. Купил «Кащееву цепь», оба тома. Вечером с молодежью (Лева, Андрюша, Миша, Алик, Галя Рогова) пировали у Коноплянцевых. Миша тоже сделался путешественником под моим влиянием. Сколько я их таких свободолюбцев наделал. А когда, помню, я сказал Маше (Марья Моревна), что это я через нее таким сделался, она мне ответила: «В Италии тоже сколько я таких наделала!» Все от Марьи Моревны.

Тихонов рассказывал подробности Горьковской авантюры с журналом. По-видимому, дело вышло таким образом: Горький вел переговоры с правыми (Рыков и др.); а пока переговаривались, эти правые были объявлены «правым уклоном», Горький удрал, и вся его авантюра тяжкой виной легла на Базарова. Лучшие друзья Горького теперь уже не в состоянии его отстаивать.

О Горьком. Много бегал по свету этот человек, поселяя иллюзии среди простецов, и, наконец, был привлечен к самому делу. Этого бегуна поставили лицом к лицу с последней реальностью, со смертью, а нас всех привлекли свидетелями. И он публично перед всеми оказался трусом и убежал (до весны!).

Доигрался!

Это всем нам, пишущим и не пишущим, пример возможности для каждого из нас страшного вопроса, чего-то вроде единовременного предъявления всех векселей или Страшного суда. Вот почему так боимся мы смерти, это значит, мы не самой смерти, физического конца, боимся, а смутно сознаем этот последний вопрос при свидетелях.

Допрыгался человек!

Сказать Халатову: с Ленгизом у меня договор о собрании сочинений на 2½ года. Первые две книги <*1 нрзб.*> срок договора 1 августа. ГИЗ имеет право.

17 Ноября. Утром приехал в Питер. Дождь. Знаменская гостиница №70. Окно, пробитое 5-ю пулями.

В Ленинград я ехал в жестком вагоне курьерского поезда. «Ляля и папа» (Крестный папа). Как он ухаживал за дочкой. Догадка пассажиров: он вдовец. Он делал то, что делают все женщины, но так как он был мужчиной и молодой, всем бросалась в глаза его заботливость, нежность. И так это было трогательно, все обратили внимание: это бывает ежедневно и между тем не бывает. Конечно, тут в матери дело, вероятно, это молодой вдовец и перенес любовь к дочери. Поезд подходит.

– Мама!

Как мама?! Мама отсутствует (т. е. я хочу сказать, ну, вы понимаете… Да, вероятно, артистка).

Дела в ГИЗе
Дома 1500 р.
Долг ГИЗа на 15-е Ноября – 2390.

Всего около 4 тысяч р., которых должно хватить на 8 месяцев, т. е. до 1-го августа 1929.

Новый договор на 7 томов в 90 листов, а 12 листов из расчета 40 руб. за тысячу – 40 × 5 = 200 р. за лист; 2200 р. за том = 15 400 руб.

В Ленингр. отд. Гос. издательства заявление.

1-го августа 1929 года истекает срок договора моего с Ленгизом относительно 1-го и 2-го тома изданных ГИЗом моего Собрания сочинений. Вследствие того, что названный 1-й том «Собрания» совершенно распродан и от 2-го имеется незначительный остаток, прошу немедленно приступить ко 2-му изда-

нию названных томов, а вместе с тем заключить со мной договор относительно издания и всех остальных томов. К этому сообщаю следующее: 2-е издание «Сочинений» я намерен издавать в новом распределении материалов с добавлением вновь написанного и старого, по разным причинам не вошедших в 1-е издание. Ввиду этого я считаю нецелесообразным в течение оставшегося срока действия договора печатание «сочинений» в том виде, как они вошли в 1-е издание. Принимая во внимание также и то обстоятельство, что по выходе нового закона договоры должны будут быть переписаны, прошу Г. И-во заключить со мной в настоящее время новый договор на 2-е издание «Собрания» с учетом всех изменений в действующем законодательстве.

18 Ноября.

6 утра.

Бывает, молодой отец, видать где-нибудь...

Люблю ночевать в открытых купе, чтобы и плацкарту брать без всякого уговора и подбора соседей, чтобы читать жизнь было интересно.

Люблю брать плацкарту без уговора и подбора соседей, ночевать в открытом купе с незнакомыми. Устраиваясь спать, все люди часто выдают свою внутреннюю жизнь, и тогда читаешь ее как книгу бесстрашно: в конце концов знаешь ведь, что книга только книга и бояться в ней нечего, так и в купе не настоящие люди, а пассажиры, поезд придет, и мы раскланяемся, чтобы больше никогда не встречаться. В этот раз я был среди женщин и только... догадка дам... вдовец: «ее нет». И вдруг «мама». Все равно: «ее нет». Увидел: чудесная дама. Случилось, муж, встречающий жену, знал ее и рассказал: она изучает орган.

Случается, видишь, как молодой мужчина ухаживает ночью за своей девочкой и так нежно и так заботливо. Сразу поймешь, что этот навык ходить за маленьким человеком не дешево ему дался, что мамы нет, и потому папа сделался мамой. Вот удивительно, на каждом шагу видишь, как женщины ухаживают за детьми, и не обращаешь на них никакого внимания, но когда это же самое увидишь, как делает мужчина, то вдруг вскрывается весь огромный запас нежности в природе человека и так начинаешь любить и уважать человека.

Так еще в большом городе бывает на площади, так тяжело среди множества людей, как около машин на дне парохода: видишь машину и не знаешь, в каких плывешь берегах. И вот в заутренний час проходишь один той же площадью, нет никого, одни фонари, и свет одиноких фонарей в темноте на пустой площади вдруг является светом человеческой жизни, и тут все понимаешь.

Вчера был в ГИЗе в отделе «Современная русская литература» и удивился, сколько тут управляющих, сколько их кормится около современной литературы и какая кутерьма в погоне за этим счастьем: люди сменяются, как в киноленте.

В редакции «Ежа» сидят какие-то мальчишки. Стало понятно, что не стоит возиться с детской литературой, ничего не сделаешь. Надо детскую литературу проводить через общую.

Творчество.

С тех пор, как я взялся писать, хорошо ли у меня выходило, или так, что стыдно теперь вспомнить, – все равно! Люди находились возле меня и хвалили. А я слушал, конечно, больше тех, кто хвалил. Так бывает со всеми творцами чудес, девять раз не удалось, и это забыто, а десятое удачное «чудо» делает славу, и сам чудотворец, благодаря десятому чуду, начинает верить в себя и, наконец, находит <*1 нрзб.*> секрет. Сначала все было у себя в комнате, потом вышло на улицу, и мое существование стало зависеть исключительно от широты круга людей, одобряющих мои книги. Смотрю на товарищей – сколько бездарностей! а живут не хуже меня. И сколько талантов бессмысленных, пишут о всем, что угодно – эти живут лучше меня. В годовых отчетах нахожу свое имя Пришвина рядом с бездарностями, и хорошо еще, если с талантами бессмысленными. В конце концов, это расположение своего имени на лествице учитывается чисто коммерчески, а реальность написанного видишь только там, где я был сам по себе и писал для себя самого, пел, как птица, ревел, как зверь. Но и пение мое и рев...

Был у Разумника весь день. Много о Горьком говорили. Между прочим, Екат. Павл. будто бы сказала о нем: «Я все ему рассказала, да что же поделаешь, он стал на своем, не разубедишь».

Возвращаясь в 9 часу, около Надеждинской встретил Замятина, Шишкова, Федина, которые увезли меня в Юсуповский дворец на Толстовский вечер. Мне пришлось сказать о Толстом «умеренно контр-рев. речь».

19 Ноября. В ГИЗе обещались через две-три недели переписать договор на условие 160 р. при 4000 тир. и нового материала 250 р., притом Араба и Родники берут для дешевой серии с оплатой по особому договору.

В детском отделе раздражающее число редакторов. Смехотворно!

Вечером явилась Коза, у нее туберкулез. Узнал от нее, что и мать ее, и брат, и все уверены, что она моя любовница. Вот пример нелепости суда по «гласу народа».

На Лиговке сплошь пьяные. Мы вспомнили с Козой, как шла под флагами в 17-м году, и сказала: «Ничего не вышло!»

<*На полях*> Отд. издание Араб, Башмаки, Родники. Собаки.

20 Ноября. Билет на завтра – Эрмитаж. Звонок к Разумнику. Книги.

Бывает, пелена спадает с глаз, и жизнь открывается только потому, что совершился перебой в ее естественном и привычном для нас ритме. У птиц я не раз это видел, когда убьют самку, и самец начинает ухаживать за маленькими. Неисчерпаемы запасы нежности в природе <*из прежней тетрадки*>. Случилось также недавно встретить мне молодого отца возле девочки. Мы ехали...

Ольга Форш от некоторого успеха на старости лет в Советской России как бы раздулась и несет сама себя. Это же надо сказать и о С. Д. Мстиславском.

Прекрасно держится Е. И. Замятин, с народом просто и почти задушевно, кажется, вот он и весь тут, и ничего такого особенного нет, и вообще, есть ли у людей что-нибудь особенное? А между тем, конечно, эта простота условная. Так держатся очень культурные англичане, это у него от них.

Тяжело смотреть на жилище Разумника с оборванным звонком. Он один не оправился после голода.

– Вот я борюсь, так борюсь! – сказала К<оза>, – я выдерживаю постоянную геройскую борьбу.

– За себя борешься, – ответил я, – за свое существование.

– Кто знает... – вздохнула она, – может быть, кому-нибудь это и нужно.

21 Ноября. Прогулка по Неве. Вечер в Царском у Толстого. В 11½ с курьерским в Москву. Ночью снег. Утром мороз и пороша.

У Толстого были: Разумники, Замятины, Булгаков и какой-то адвокат с женой (адвокат пресмешного вида, потому что нос попугайчиком на очень широком лице). Я читал рассказ «Журавлиная родина», Толстой пьесу «Петр». Шампанское рекой. Толстой в год проживает 40 тысяч. Есть ли сейчас еще кто-нибудь такой?

22 Ноября. Мороз. Первая пороша; недостаточная для гона. Халатов просил написать ему в форме докладной записки об отношениях автора, читателя и писателя... о желательных в настоящее время условиях лит. творчества с точки зрения более тесного общения автора, издателя и читателя.

О мерах.

Уважаемый тов. Халатов,

на Ваше предложение высказать свои соображения относительно условий литературного творчества, наиболее благоприятных для сближения автора, издателя и читателя, я в настоящее время могу ответить, поскольку литература является одним из видов хозяйственной деятельности и, как таковая, подлежит учету наравне с другими производствами. Становясь на эту точку зрения, я характеризую литературную деятельность как явление <*1 нрзб.*> заботы о существовании, охватывающей планы столь отдаленного будущего, что в отношении настоящего может быть «бескорыстным». Объективно искусство есть хозяйственное обеспечение, субъективно – оно всегда самоограничение.

Ни для кого не тайна, что общее хозяйственное творчество в стране закупоривается явлением бюрократизма. Последствием этого бедствия в литературном производстве является безжизненность, и, следовательно, внутренняя разобщенность автора, издателя и читателя. Не имея в виду высказываться ни о причинах названного бюрократизма, ни о борьбе с ним, я остановлюсь только на том факте, что, несмотря на все чудовищные препятствия, какие ставит бюрократизм литературному производству, все-таки в наше время пишется некоторое число красивых и полезных книг. Таким образом, я все же считаю обязанностью высказаться об условиях литературного производства, потому что накопление литературных ценностей все-таки происходит, несмотря на все чудовищные препятствия. Итак, я выскажусь о борьбе с литературным бюрократизмом исключительно только посредством самой естественной силы гения, жизненностью своей разбивающего, в конце концов, все препятствия.

Разделяю творческий процесс в литературе, как принято, на формальную и литературную стороны. Со стороны формы в настоящее время господствует роман, который писать, как известно всем беллетристам, несравненно легче и выгоднее, чем рассказ-миниатюру и новеллу. Каждый совершенно бездарный человек может писать роман. Размножение пухлого романа и повести молодыми беллетристами есть бытовое явление, тесно примыкающее к господству бюрократизма. Роман пишется в комнате, корреспонденции, письма, наброски и рассказ-миниатюра могу быть написаны в поле и у станка в перерыв между работами. Прежде чем браться за роман, старые романисты- классики постоянно развивали свою мускулатуру на многих вещах, не брезгуя часто и корреспонденцией в газету. Дневники Льва Толстого свидетельствуют о почти ежедневных его упражнениях. Было бы чрезвычайно желательно в настоящее время поощрение писания всякого рода миниатюр высокохудожественных для больших журна-

лов и заостренных на злобу дня сатир и т. п. в газетах. Не мешало бы еще объявить конкурс на краткость и силу рассказа, новеллы и т. п.

Переходя от формы к содержанию, я обращаю внимание Ваше на господствующую тенденциозность, идеализм, заказной оптимизм всякого рода произведений современности. В конце концов, огромное большинство произведений не имеют в себе материала как такового, содержанием литературных произведений является идеал, редко свой, наивный, но больше всего примыкающий к казенному оптимизму. Как борьба с <*1 нрзб.*> пухлых романов посредством живых, острых рассказов и новелл является борьбой с бюрократизмом, точно так же исследовательское устремление молодых авторов в жизнь за материалами было бы другого рода борьбой с тем же бюрократизмом.

Я не хочу сказать, что искусство во все времена должно непременно гоняться за жизнью, что исследование должно заменить придумку, я хочу сказать, что в наше время погоня за жизненным материалом необходима как противоядие мертвящей силе бюрократизма, устраняющего внимание к действительности. Чисто формальное, бюрократическое отношение к материалам жизни прежде всего сказалось на языке. В эпоху государственного устремления к интересам трудящихся, рабочих и крестьян мы совершенно утратили восприятие устного словесного творчества многомиллионных народов Союза. Огромная отсталость в творчестве материальных вещей цивилизации <*3 нрзб.*> устного словесного творчества для себя самих, для своего обихода. В словесной силе народов сказалась вся их сила, все их лучшее. Однако, такое бедственное положение нищих народов, обреченных на устное словесное творчество, создало в нашей стране исключительно благоприятные условия для проявления особенной силы литературного слова. Мы это легко поймем, если возвратимся к принятому нами определению искусства как нашей заботы о будущем. Сила русского слова является за счет отказа от всяких материальных ценностей. Это хорошо понимали все гении русского слова, и благодаря этому пониманию создавались ценности такой силы, что заставили слушать себя все народы мира.

Почему же в наше время, когда открылись взоры трудящемуся человеку, язык его на страницах газет и журналов явился в таком обезображенном виде, что часто даже и непонятен народу? Однажды я дал деревенскому мальчику свой рассказ о еже и собаке, написанный для пятилетних. Рассказ походил на сказку и там был прочитан с большим успехом. Я потом спросил одного умного крестьянина, почему так понравилось, и он ответил: «По-русски написано».

Масса устремленных в краеведение сил селькоров и рабкоров никак не может понять, что сила их убеждения заключа-

ется в силе слова, что единственное их и страшное оружие – слово и что слово это нужно достать у самого трудящегося человека во время его производства.

Изучив условия производства башмачников в Кимрском районе… Краеведение…

Итак, я заключаю: поощрение краткой формы выражения, накопление ее впредь до тех пор, когда <*3 нрзб.*> сама собой потребует большой формы романа (это не значит, что если явится гениальный автор с большим романом)…

Пример рабочего: однажды я ехал в вагоне с рабочим Иваново-Вознес. ф-ки. У всех были в руках газеты, наполненные сообщениями о празднестве в честь Горького. Один из рабочих сказал мне: «Моя жизнь не менее занимательна и поучительна, чем Максима Горького». – «Расскажите», – попросил я. Он начал рассказ о своем раннем детстве, когда заботу о существовании они делили с отцом поровну: три дня отец собирал, и в эти дни мальчик сидел где-нибудь в углу, играл, потом отец напивался до бесчувствия, и три дня не двигался, в эти дни мальчик собирал для отца.

Рассказав мне множество подобных фактов, рабочий спросил меня: «Вы согласны, что жизнь моя не менее занимательна, чем Максима Горького?» – «Друг мой, – ответил я, – всякая жизнь интересна. Максим Горький замечателен тем, что он мог о ней написать. Почему вы не напишете?» – «Сознательно не пишу, – ответил рабочий, – меня интересует производство, я хочу оставаться в производстве».

И рассказал мне, что уже два раза по настоянию товарищей пробовал брать на себя обязанности фабзавкома. И каждый раз, пробыв на службе по месяцу, он сбегал в производство. Рабочий чрезвычайно ярко изобразил мне необходимость бюрократизации человека, раз он сделался фабзавкомом, как даже дети его стали играть с детьми инженера и жена, образованная хорошим обществом, стала их одевать по-господски.

– Понимаю, – ответил я, – вы спасались обратным побегом в производство, но скажите, там, в производстве, что же вас интересовало больше, техника?

– Нет, – ответил рабочий, – я люблю наблюдать за человеком.

– Для каких-нибудь целей?

– Нет, так, для себя: работать, наблюдать и думать.

– Вот бы вам написать о всем?

– Ничего бы не было хорошего, я стал бы в лучшем <случае> интеллигентным, несвободным человеком… и скорее всего бюрократом.

Ни вид этого рабочего, ни биографические факты не говорили о нем как о погруженном в себя мечтателе. Нет никакого сомнения, что «наблюдения» его в производстве реализовались огромным влиянием его на спайку общества.

Мне повезло. Несомненно я видел одного из величайших врагов бюрократизма, истинно творческую, живую личность, самоопределяющую себя в призвании работать и «наблюдать». И несомненно встреча наша была не случайна, мы встретились потому, что я сам в свое время резко отказался от бюрократической карьеры и предпочел остаться в своем производстве и «наблюдать».

Возвращаюсь к поставленному Вами, т. Халатов, вопросу о наилучших условиях согласованья интересов издателя, автора и читателя. Ввиду того, что, во-первых, в моем понимании автор не ловит читателя по родству интересов, вроде как этот рабочий, автор своей жизни, нашел во мне своего читателя, автора подобной жизни, я не нахожу необходимости разделять между собой читателя и автора: их интересы общие. Остается издатель. Но так как издание книг в настоящее время является монополией государства, то Ваш сложный вопрос упрощается: вопрос о согласовании интересов государства с интересами авторов литературных произведений.

23 Ноября. Начиная с той ночи, когда я возвращался из Питера, морозы в 7–10 гр. при бесснежье, только припорошило крыши.

Очень раздумываю о письме к Халатову, об участии в сборниках Круга с декларациями и т. д. Все это выдвигает не по заслугам и, в конце концов, делает «публичным мужчиной», прибавить юбилей – и будет фигура. К черту все! Помнить всегда, что раз тебе дано писать по призванию, нечего прыгать через себя.

Надо подумать, отчего он сплющивается, встречаясь с широкими людьми (Горький, Толстой, Анзимиров, Наст. Алекс. и друг.). Это «определенно».

24 Ноября. Мороз при бесснежье.

Очередная работа. I) Том 1-й «Сочинений». II) Все «собрание». III) «Журавлиная родина». Материал: 1) Описание Дубны. 2) Я – исследователь. 3) Алпатов – творец. 4) Новеллы.

Вот надо решить: печатать рассказы по мере их написания, или выждать, когда напишется книга «Журавлиная родина»?

Решение: долой книгу о творчестве! Я напишу ее иначе; теперь соберу все свои простейшие маленькие рассказы, расположу календарно, и пусть это будет «Журавлиная родина».

Москва.

Москва так набита людьми, такая кишит злоба в этих квартирных коридорах со множеством шипящих и коптящих примусов, такая убийственная необходимость все-таки жить: я знаю, муж с ребенком, жена с любовником живут в одной комнате! Когда идешь по улицам, то кажется, это лишь обли-

чье осталось прежней Тверской, Арбата... Вспоминается мышиный год во время великой войны, когда после дождей осенью в колеях осталось много неубранной ржи. Помню, подошел к копне и хотел на ней отдохнуть. И только тронул солому, вдруг вся копна рассыпалась, исчезла, и вместо нее показалась темная груда мышей и разбежалась. Так в Москве, кажется, если кто-нибудь тронет – и Арбат, Тверская, Кузнецкий, все разбежится мышами.

Реликт.

Слышал от Раз., что Толстой проживает до сорока тысяч в год! Был я у него, обедал. Я могу пересчитать те случаи, когда до революции мне приходилось в Москве поглощать такие обеды, пить столько шампанского. Но это не видимость хорошего прежнего, а самое настоящее: хозяин роскошен в своем добродушии, хозяйка очень добра, мальчики свободны и воспитанны, на стенах не дурные копии, а подлинники всяких мастеров, ковры, драгоценная мебель, посуда из вкусного стекла... Стоит съездить к Толстому, вероятно, это единственный в стране реликт московского барского быта... До того удивительно, что в голову ни на мгновение не приходит мысль, что я тоже писатель и пишу, может быть, не хуже Толстого, что и я мог бы... Нет! Напротив, когда Алексей вызвался приехать ко мне в Сергиев, я почувствовал себя как бы виноватым в своей бедности. Тут не в деньгах и не в таланте, тут в характере счастья. Мое счастье в пустынности... Толстой счастлив на счастье близости вплотную к человеку. Мои гости, невидимые мне, читают где-то мои книги. Толстовские гости наедаются вместе и напиваются.

Екатерина Павловна о Горьком.

Уже давно сложилось в обществе, что 1-я жена Горького, Екатерина Павловна, человек замечательной совести. Мне очень хотелось знать ее мнение о поведении у нас Максима. Вот что мне передали. Екат. Павл. будто бы сказала: «Его нельзя разубедить, он остановился на известной точке зрения, и ему представляется именно таким, как он об этом пишет»...

25 Ноября. Ночью вдруг потеплело и немного побелило землю, но для охоты недостаточно. Мы до обеда были в лесу и стреляли из винтовки. Вечером подбирал материал для книги «Журавлиная родина». Таким образом, книга о творчестве Алпатова откладывается.

26–27–28 Ноября, 29 – дождик.

Работа над книгой «Журавлиная родина».

29 <Ноября> ночью (четверг на пятницу) выпала славная пороша (первая).

30 <Ноября>. Ногу разбил и не ходил потому, кстати, порошило всю ночь, и зайцы наверно не вышли. Очень тепло, тает. В ночь на субботу пошел опять снег.

<Приписка на полях> Поэмы и новеллы.

«Журавлиная родина» сильно движется. Остается вот какая трудность. Книгу в 150 рассказиков трудно прочесть, если не дать материалу общее движение. Предполагается дать движение, включив их в движение года. Но возникает новая трудность компоновки лирики и эпоса, напр. «Астрономия в любви» и «Тайна». Решаю так: не загадывая, писать и писать маленькие рассказы, они, когда будут в большом числе, сами покажут ход.

1 Декабря. Ночью выпал снег вершка на четыре, деревья покрыты инеем, полная тишина, дым тоже белый, но живой принимает деятельное участие в устройстве этого удивительного утра.

Курица во время своего великого шестинедельного поста сидит на яйцах, потому что знает, веря, что пост ее непременно кончится созданием новых живых существ. И человек, художник, создавая свою вещь, во-первых, непременно должен знать свою цель, веря, как курица, а во-вторых, он может добиться некоторой свободы в выборе цели. Если вернуться к курице, она может сама по себе высидеть только цыплят, а галчат только с помощью человека. Художник сам без посторонней помощи может создать галчат вместо цыплят. Перемену целей делает его разум, но сам по себе разум не может выдумать вещь; цыплят или галчат, все равно, художник должен высиживать их так же, как курица.

Под этими великолепными снежными березами шел, припрыгивая, калека из Каляевки, остановился, поссал, не обращая ни на кого внимания, оправился и запел отвратительно. Я его не люблю, потому что он нескромен, не просит, а требует прав. «Почему же он должен просить, ведь он не виноват, что калека, вот именно калека-то и должен требовать, верно?» Да, кажется, верно. И все-таки… он отвратительный, его невозможно любить. Я уступаю, пусть не просит, а требует права и берет их. Я его поймаю после, когда он возьмет права, тогда я потребую, чтобы он не ссал у всех на виду и вообще убирался бы со своим безобразием и не мешал жить другим… Итак, мой друг, ты неверно определил…

Послал Чуковскому свои «Рассказы егеря» и получил от него чрезвычайно лестный отзыв, он, как и Горький, рассказы мои называет «гравюрами на меди» и т. п. Мне было приятно.

После обеда, лежа в постели, я представил себя, как Толстого в Астапове: лежу я и слышу, как вокруг меня славословят. И вот ничего, ничего во мне от этого не происходит, потому что этим сыт. Как все равно если вволю хлеба наесться, то хоть завали хлебом, никакого удовольствия, так есть и предел вкушения славы. Под конец захочется чего-нибудь более вкусного, чем слава художника, захочется быть пророком и дальше, кончая Богом…

2 Декабря. Марахин возил нас (Трубецкой и Петя) в Бобошино. За Дерюзиным пустили Соловья на заячий след. Через ½ ч. Петя убил беляка совсем белого, и только на голове его была рыжая полоса. Второй заяц был из ученых, утек. Потом гоняли лисицу. Петя неудачно стрельнул ее, и она ушла и увела собаку. Соловей вернулся домой.

Граждане очень недовольны электричеством в нашем городе, правда, какое это электричество, если все равно ежедневно приходится заправлять керосиновую лампу. Первое, лампа керосиновая необходима в часы кинопредставлений, когда свет настолько убавляется, что читать при нем, значит, портить зрение, второе ужасно, – это в заутренние часы, и до дневного света электричество совсем погасает. И потому стоит только кому-нибудь ругнуть электричество, как другой вслед за этим начинает ругать потребилку, третий булки, четвертый вспомнит, как хорошо жилось в старое время, когда об электричестве и не думали. Но я не думаю, что вполне искренни и правы люди, вспоминающие старое время, – кто же им не велит вовсе отказаться от электричества и пользоваться одной керосиновой лампой? Конечно, есть какое-то достижение в этом неверном, но все-таки некоптящем свете. Особенно чувствуешь мощь этого нового света, когда в зимнее время по белой дороге темными лесами подъезжаешь к городу. Издали, еще верст за десять, в стороне города как бы начинается рассвет, и мало-помалу въезжаешь под рыжее небо: рыжее, оно все так светится: зато назади белая дорога уходит в такую чернильную тьму, что смотреть туда и не вызывать в себе ужасающих воспоминаний невозможно.

– Нет, друзья, – сказал я товарищам, – бросьте ворчать, ведь это не мысли у нас рождаются, это старые раны болят.

<*На полях*> Есть люди с неприступным сердцем.

С этим все согласились и один за другим, поглядывая в чернильную тьму назади, стали рассказывать о своих больных местах. (Рассказ Марахина Тимофея о прапорщике Иннокентии Иннокентьевиче Попове – комическое повторение: «Марахин, дай мне орешков» и т. п. Трагическое: «Марахин, сди-

рай погоны!» Личность идеального, умеренного скромного офицера в представлении Марахина). Как взводный разделил офицера и вестового, снаряд попал в него, а офицер и вестовой живы остались, и если не вестовой... и т. д.

Гора. Мы выходим. К нам присоединяются сзади Агафон, и его рассказ о шинелях. Марахин может комментировать, ловить его на словах и доказать, что он убил.

(Расспросить Марахина про полковника и его дочь.)

Материалы к изображению переворота вестовым Марахиным. По ту сторону Дуная в рупор крикнули: «Керенского сменили, братушки, к новому году война кончится». Вечером в блиндаже у нас позвонили: «Керенского сменили». Поручик Соколовский поссорился с конными разведчиками: у него земля была, а разведчики ему высказали, что землю у него отнимут и погоны сдерут. Он пришел к нам, говорит: «Сейчас я пойду в офицер. собрание, <*5 нрзб.*> с револьвером, потом взял его, отошел к стене и раз себе в сердце, только сказал: «ой, батюшки, помираю» и упал, а пуля ударилась в стену и в другую ударилась, нашли ее: в лепешку!»

А полковник переоделся и на корабль. Жену взял под руку и вестовому велел под руку дочь взять. Вестовой-то был хреновый, рябенький. Совестно ему было, страсть! – ведь она была в шляпе!.. но взял и пошел женихом. А прощаться велел так: когда он сядет на корабль, то крикнет ему: «До свидания, товарищ!» Так и сделали, полковник сел на корабль, а вестовой ему: «До свидания, товарищ!»

Иннокентий Иннокентьевич 8-ми лет после отца и матери остался и 2-х лет до инженера не дошел, взяли на войну.

Никогда не гулял, не пил, не курил, только любил очень семечки и орехи. Вот, бывало, накуплю ему и в сундук, чтобы никто не видел, ведь расхватают! А когда все уйдут, достану ему орехов: «Ваше благородие, говорю, вот я вам принес». Он ест орехи, смотрит на меня: «А ты чего, Марахин, такой невеселый, не тужи, как-нибудь выберемся, увидишь своих».

<*На полях*> Не тужи, Марахин!

Принесу ему суп из Собрания: «Марахин, садись со мной есть!» Отказываюсь. А он: «Марахин, я тебе говорю, ешь, ты не будешь, и я так не могу один, садись!» Ну, сижу и из одной тарелки едим.

<*На полях*> Гравюра.

Лежали в окопе, прапорщик и я рядом: вместе, говорит, помрем. Взводный приходит и говорит мне: «Подвинься». Я

подвинулся, и он лег между нами. Вдруг ударило – раз! Землю перед ним вскинуло! В другой раз ударило, посыпался горох сзади нас. В третий раз как ударило, как подымется земля, оглушило меня. Пришел в себя, поднимаюсь, начальник, слышу: «Марахин, ты жив?» – «Жив, – говорю, – ваше благородие». А взводный лежит, и шинель у него сверху изорвана. «Марахин, – говорит начальник, – вот как вышло-то: а не разлучи он нас, обоим бы нам досталось, как ему».

<*На полях*> Командир Марахин! Нечего делать, сдирай погоны.

Еще случай: атака, ударило, память отшибло. Поднялся ночью, прихожу. «Марахин! – ты жив?»

Марахина изображать, как беззаветно преданного и любящего, но не забыть, что деньги свои этот ротный отдавал ему на хранение, и под конец они как-то остались у Марахина, и он их положил на книжку, а потом книжку аннулировали. (Агафон может попрекнуть Марахина, это он украл деньги. А Марахин, что он убил командира); вот в этом и будет правда: Марахины готовы жизнь отдать за командира, а денежки его припасут и, припертый, он может ответить: «Ну что ж, если и так, взял, так это что, деньги тьфу! Живой о живом думает, у него только сестра, а у меня восемь человек».

Агафон сумрачный, туповатый, лысина у него во всю голову, и от этого похож на Сократа и еще умней даже: лоб выше, прямой башней подымается. Какие-нибудь примеры тупости и упрямства, какой-нибудь спор и, хотя явно глупо, Агафон настаивает и остается при своем мнении (напр., о погоде, или электричестве, или что на облаках не от паровоза отсвет, а северное сияние и т. п.). Весь как бочонок сбит с лишним обручем, чтобы во веки веков не рассохся.

Трудная жизнь: три года на действительной, четыре на войне германской и два в красной армии. Его рассказ: сначала объявили, что Н. отказался от царства. Потом объявили, что царем будет Михаил. В третий раз выстроили и объявили, что солдаты и офицеры на равном положении и все товарищи. После того полковник сломал шпагу. Стали догадываться, веселеть, разговоры пошли. Одного понять не могли, для чего полковник шпагу сломал. Но вскоре приехали делегаты и все объяснили. Тогда солдаты согласились и «перемундировали полк». «Что значит?» – «Перестреляли офицеров». – «Всех?» – «Всех». – «А полковник?» – «Его закололи. Ему пуля в правую руку попала, он взял и левой рукой перекрестился. Тут подошли и штыком прикололи... обмерз, поставили, папиросу в рот дали».

– Всех закололи, как это понять, за что же?

– Отмщение, мучили нас. Были в Карпатах, сидели в шинелях всю зиму и мерзли, а у них, оказалось, полушубки лежали.

– Почему их не выдали?

– Потому что нас мучить хотели. А когда пришла весна, полушубки выдали.

– Зачем?

– Чтобы нас мучить, чтобы носили в теплое время.

(Может быть, сделать его просто глупо-тупо-злым-серым – с большим лбом – *<1 нрзб.>* и что он то же самое зол и на большевиков: напр., проездом в городе, а в деревне в другое время, чтобы мучить и показать «они» и «мы»). Об остальном в тетрадке «26–27 год». Сергиев (5 Января).

Трубецкой хорошо понимает тончайшие поэтические произведения, но когда Петя вчера ему сказал, что он проходит анатомию животных на своих охотничьих курсах, спросил: «Зачем это охотнику слушать профессоров?» И когда Петя объяснил, и я объяснял долго, не мог понять и все повторял: «Известно, что профессора все врут, так зачем же их слушать». Притом все это без толстовства, а по исключительному своему офицерскому невежеству. Много бывает таких женщин, но с них не спрашивается, а у мужчины с очень тонкой душой так поражает дикое отношение к науке. Это остаток аристократического воспитания с презрением к науке.

Все решительно, даже те, кто боролся в революцию против привилегированного сословия с яростью, называют Трубецкого «князем». Он высказывался, что принимает титул в смысле «барона» из «Дна» Максима Горького. Но это неправда, его называют по чувству симпатии и его необычайной простоте, выражая этим: «Хотя у нас и нет князей, а вот тебя за твою простоту будем называть князем».

Мастер создает вещи и так объясняется со множеством людей, потому что хотя и немного, но каждый почти в силу своего разума и вкуса в них что-нибудь понимает. Но есть люди, которые пытаются объясниться с другими не посредством сотворенных вещей, а прямо «по духу». Все такого рода попытки кончаются или словесным блудом, или бессловесным радением.

Стыд.

Мастер-творец, кажется, потому и создает вещи, что ему стыдно и невозможно выйти к людям, стать рассказчиком: десять поймут и девяносто загогочут. Создавая же вещь, мастер ею закрывается от непосвященных, а те, кому даны уши – слышать – и очи – видеть, все равно целиком узнают мастера по его вещам. Таким образом, создаваемая вещь должна быть непременно целомудренной, являться заповедником, сберега-

ющим от неразвитых людей до срока тайну творца. С другой стороны, всякая вещь, создаваемая одним человеком, обязывает другого к личному усилию для ее постижения и, значит, продолжения.

Меня лично природная стыдливость спасла от мистики, хотя я не в меньшей степени и враг тех глупых людей, которые борются с мистикой тем, что хотят совлечь покровы, сопровождающие «тайну» создания вещей. Я хорошо знаю, что после бесплодных попыток именно они-то и расплывутся в мистике и кончат свое поприще словесным блудом или радением.

К мистическим запросам лучше всего относиться, как к тем непрошеным побуждениям противообщественного характера, которыми каждый богат и «скрепя сердце», скрывая от всех, вынашивает в себе, сознавая даже их иногда, как порок. Очень возможно, что именно это «необъяснимое», сдержанное в личности, главным образом побуждает к созданию вещей как посредник между личным побуждением и общественным делом.

Я бы определил мистику как утробу, наполненную зародышами жизни, а мистиков ex officio* как аборт-акушеров, и ее отрицающих как ребят, вскрывающих эту утробу для постижения причины жизни. Против этих безумных попыток вскрытий утробы или непозволительных выкидышей надо объявить единственно верным путем объяснения в людях всего сущего только посредством создаваемых каждым по силе своего дарования вещей, все более и более совершенных. Кто против этого? Если нет никого, не будем спорить о мистике, а займемся разбором материалов для творчества, я не говорю о «разборе» в смысле анализа, а как в магазине люди берут товары, каждый по своей потребности, также и мы для творчества каждого возьмем материалы, согласуясь с личными средствами или, как говорят, просто любовью.

Я лично любил в молодости неизвестные страны с простейшими, верными себе людьми и животными. По своей наивности я вначале ходил за ними далеко, а после узнал, что это совсем недалеко, совсем возле себя. Теперь мое занятие открывать неизвестные страны возле себя самого. Но должен сказать, что еще робею совсем вплотную подойти к себе. Я как охотник подкрадываюсь к себе, как к зверю, тренируясь, упражняясь где-нибудь от себя по соседству. Неизвестное в себе, к чему я теперь не осмеливаюсь подкрасться, я ищу в ближайшей от меня природе, людях, и очень много дают мне мои охотничьи животные. И оттого, что я стремлюсь к неизвестному в себе через создание вещей, куда только ни брошу свой взгляд, все это для людей оказывается до сих пор неизвест-

* по долгу службы (*лат.*).

ным, вернее, забытым, или умершим, но воскресшим. Я в этом совершенно уверился по отзывам моих новых друзей. Не скрою, что это общество новых друзей, которое появляется постепенно по мере создания скромных моих вещей, меня очень радует. С замиранием сердца я собираю свои пироги на стол и приглашаю гостей кушать мою «Журавлиную родину». Хорошие хозяйки поймут, как я волнуюсь, ведь малейший недосмотр на кухне, и все пропадет, ничем не докажешь, ничем не оправдаешься, если блюда невкусны, будет стыдно и все. Не скрываю, дорогие гости, я буду счастлив, если вы будете со вкусом есть мои пироги, потому что живу я по общей беде моей почти пустынником, в мечтах моих «пир на весь мир», стол преогромный большой от востока до запада под открытым небом, и я не бегаю в суете, как живу, а сижу хозяином во главе стола и угощаю: «Кушайте, кушайте, дорогие гости!»

Читал вечером в рукописи «Записки» Садовского. Надо рецензию дать.

В той части «Записок», где автор говорит о предках, он довольно искусно стилизует их материалы под старые годы. Но все новое, современных Белого, Блока, Брюсова, Бальмонта, В. Иванова описывает очень слабо в лит. отношении и до крайности бессодержательно. Также нет никаких фактов, исторического свидетеля двух войн и двух революций, как будто их вовсе и не было. Почти цинично и вполне бездарно не касается их совершенно, выдвигая на первый план кутежи, а после растраты жизни болезнь свою.

5 Декабря. Видел в кошмарном сне сестру Лидию. Боюсь, что заболеваю.

Деятельные старики.

Деятельный старик делом в памяти держится, а как только умрет, и напишут об этом в газетах, и торжественно похоронят, вдруг его как бы отбросит назад за несколько десятков лишних прожитых им лет. Никакие дела и заслуги не помогают: вдруг в несколько дней старика забывают. Так, помню, было с Брюсовым и Гершензоном.

Многоследица.

Люблю, когда в заваленном снегом лесу при совершенно тихой погоде снег идет, и он, кажется, в этом мертвом, недвижном царстве как бы живет. Но еще лучше, когда в морозный день с горы в лесах увидишь – какая-нибудь неведомая деревушка поставила из всех труб своих дымы на высоту: чей выше поднимется! Дым белый взволнованный зимой в тихую погоду поутру – это самое живое и хорошее, что только может быть. А вечером тоже хорошо вернуться из леса и обрадовать-

ся огням в замерзших окнах: кажется, до того там в тепле должны быть счастливы люди! Пусть тут же и вспомнишь всю эту бедную жизнь, но и то ничего, подумаешь: это потому, что они не знают, как жизнь хороша!

<*На полях*> Не вплести ли в рассказ «Лесные загадки» рассказ о Нерли – «одумка»? Начало: бабушка пожелала счастья, потом пчела в шляпе и еще что-то, и когда вхожу в лес, то образование кочек и самое последнее – дятел. Начиная с дятла, все отправления:

1) Дятел. 2) Полено. 3) Нерль. 4) Пчела.

Три ночи звери ходили по снегу, и оттого понять что-нибудь по следам было трудно. Была многоследица. Но, конечно, это множество следов только с виду было бессмысленно. Но каждый из этих следов подходил к лежке.

Соловей неудачно выбрал себе заячий след трехдневный и стал добирать, взлаивая время от времени. Так он делает постоянно, и я держусь его лая, а если он молчит, я потрубливаю, он прислушивается, придерживается, и мы не теряем друг друга. Он очень неудачно взял след именно самый старый. Упрямый старик, изредка взлаивая, долго шел по нему, не обращая внимания на другие следы, и мало-помалу добрался до лежки, она, конечно, была пустая, заяц спал тут третьего дня. Переспав день, заяц, конечно, пошел опять жировать, и вот по этой жировке Соловей продолжал добирать. Легко ли пройти по всем следам, оставленным зайцем в длинную зимнюю морозную ночь. Но Соловей все разобрал и тихо подобрался к новой лежке, которая тоже, конечно, была пустая. Но теперь по новой жировке разбираться ему было легче, она была свежая, и после разобранных двух жировок глаз его наметался, эту жировку он легко отличал от пересекающих ее старых жировок и так скоро добрался к месту нынешней лежки. О, великое горе! Вместо зайца на месте лежки была кровь и обглоданный до кости череп его. Белый зимний снег, равнодушный свидетель кровавого дела, предал зайца лисице, но также равнодушно выдавал нам теперь разбойника: свежий лисий след продолжался от места гибели зайца, Соловей взял его и уверенно погнал во весь дух. Лисица так объелась зайца, что едва могла бегать, и через несколько кругов я увидел ее против себя, еле бегущую с разинутым ртом, на хвосте у нее шел Соловей.

«Что же дальше было?» – спросите вы. Я ничего не скажу. Не верят охотникам, скажу: «Я убил», и – «Врет!» – скажут. А если я промахнулся и лисица, сбитая с круга, махнула и где-то в глубине лесов испарилась, – легко ли эту свою рану вскрывать охотнику? И потому я лучше скажу, как после этого дела я вышел на опушку (дым, жизнь хороша).

Вечером читал в техникуме.

Один учитель дал тему: современное сознание ставит на такую высоту человека с его достижениями, что жизнь природы ему представляется чем-то несущественным; без этого можно обойтись: это все реликты. Против этого я сказал, что истоки счастья человека в смысле творчества качества находятся в природе, без этого корректива наружное равновесие и делание человека приводят к самоистреблению (не потому ли и происходят теперь такие жестокие войны?).

Рассказ о разбитом романе

(Тема: задумал написать роман о творчестве, но предпочел самое творчество, и роман разбился).

Раньше я никогда сам себя не называл писателем или поэтом, потому что высокое положение в словесном творчестве претенциозно выделяло меня из множества.

6 Декабря. Легонькая пороша. Ходил к Параклиту и гонял лисицу, которая около 12 д. покорилась. Поспав после обеда, принялся писать «Журавлиную родину», и что делает охота! Весь вечер пролетел, как десять минут.

Сегодня день уборки: электричество уплатить, пригласить машинистку, <*1 нрзб.*> Жданова, баня, купить бумаги и что еще? может быть, денег взять.

Вспомнил сон. На ночь мы с Ефр. Павл. говорили о смерти, что как ни старайся, а скверная штука. «Впрочем, – сказал я под конец, – неприятность эта не больше, чем серьезная операция в больнице: я очень, очень боюсь больницы». – «И я тоже», – ответила, засыпая, Павловна.

<*На полях*> А еще на ночь говорили о скверном отношении в деревне к старикам, потерявшим работоспособность. Я сказал: «Пожалуй, хуже, чем в природе». – «Нет, – ответила Павловна, – у них как раз, как в природе».

Мне приснилось, что дв. сестра Маша-покойница, Марья Моревна и еще какая-то прекрасная девушка убирают труп неизвестного мне человека. Сколько-то дней он лежал, и они были возле него. Потом зачем-то положили его под навес на солому и ушли. Вдруг я вижу, рука мертвеца сделала движение, я подумал: «так бывает у холерных, – это ничего», а мертвец сразу, как резиновый, поднялся себе и сел. Я опять подумал: «и это бывает у холерных, просто судорога». Через мгновение мертвец открыл прекрасные голубые огромные глаза, встал и пошел. Я узнал тогда: это был Христос. Но, подумав, что это Христос, я, вероятно, оставил себе какую-то

возможность понаблюдать за ним, проверить его действия. Между тем Христос пошел прямо на меня. Еще оставалась надежда, что он мимо пройдет, но нет, он смотрел в упор на меня и шел. Тогда я бросился перед ним лицом к земле и хотел крикнуть «Верую, Господи, помоги моему неверию», но судорога сжала горло, и я, вздрагивая всем телом, не мог выговорить слова.

Этим все и кончилось. Но вскоре после пробуждения мне пришло в голову: «Мы умираем оттого, что убиваем друг друга».

Встретился доктор Кочерыгин на улице, по обыкновению, стал критиковать начальство и, боясь, чтобы кто-нибудь не подслушал, вертел презабавно головой, ну, совершенно, как птица.

Александровский – Долгодмитровская, 50 – ружейный мастер. д. Моисеева против Кузнецк. <*2 нрзб.*>

Женщина везла салазки, на них вверх дном стояла новая, купленная на базаре кадушка, на кадушке сидела девочка. Вдруг почему-то кадушка с девочкой упали, кадушка в одну сторону, девочка в другую. Девочка не ушиблась, но когда мать подошла и спросила: «Ты ушиблась?» – она, конечно, заплакала не от ушиба, а от обиды на кадушку, плакала и показывала на нее рукой. Мать догадалась, подошла к кадушке, наказала ее рукой, и девочка засмеялась.

<*Зачеркнуто*> Старуха Екатерина Михайловна решила сдать комнату, ей нашли жильца, но шепнули между прочим, что он онанист. Екатерина Михайловна не знала, что это значит, но как-то не посмела спросить, а когда он пришел, испугалась и отказала. После того она пришла к нам и спросила жену мою и ужаснулась, когда узнала.

– Слава тебе, Господи, что отказала, – сказала она и перекрестилась.

Наказ детям: чем люди занимаются.

Екатерина Михайловна получала пенсию за 40-летнюю государственную службу ее покойного мужа. Пенсия была 9 руб., и ей было довольно, вот какая скромная старушка. Была она бездетная, муж очень любил канареек и занимался ими страстно. В квартире его было до 50–60 клеток, и за всеми гнездами 40 лет ходила Екатерина Михайловна, в этом занятии и вся ее жизнь прошла. И вдруг какой-то злодей рассказал, что покойник служил в канцелярии московского оберполицмейстера. Старушку лишили пенсии. Чтобы как-нибудь существовать, она стала подыскивать жильца. Ей указали на кого-то. Екатерина Михайловна пришла к Ефросин. Пав. и рассказала ей, что жилец «наклюнулся». «Служащий?» – спроси-

ла Е. П. «Нет, дома занимается». – «Чем же он занимается?» – «Да вот чем занимается, как-то не пойму хорошо, пришла с вами посоветоваться. Тихий человек, скромный, никогда из дому не выходит, не служит». – «Чем же занимается?» – спросила Ефр. Павл. «А занимается, сказали мне, – ответила Ек. Мих., – занимается он будто бы онанизмом».

Полонский.

В гостинице «Маяк» есть парикмахер из евреев. Я пришел к нему поправить бороду и начал объяснять: так надо и так. Он оборвал меня: «Прошу вас не указывать мне: я парикмахер и знаю лучше вас, какая нужна вам борода». Полонский очень похож на этого парикмахера.

9 Декабря. Стоят мягкие дни – около 1 гр.

Вчера в течение часа порошило. Мы с Яловецким и Петей ездили в Бобошино. Там было множество охотников, их собаки не дали гонять Соловью, и мы вечером явились пустые.

Приходил С. Т. Григорьев, человек очень неглупый, но из всех сил старается перемудрить себя самого.

В лесу все думал о Claudophora. Можно себе представить, какая смута в головах у мужиков пошла, когда из-за этих шаров был поставлен вопрос о прекращении осушки болот.

<*На полях*> «Кащееву цепь» Андрюше и Дунечке.

Узнать в Огоньке: 1) Острый, 2) Новый рассказ.

Писать можно о всем не потому, что все на свете неважно по существу, и дело лишь в мастере и как он напишет, нет, это распространенное мнение – путь к болтовне, я высказался об этом в том смысле, что о всем писать можно, что на свете все одинаково важно и достойно мастера слова.

Писать можно о всем не потому, что все на свете неважно, был бы мастер слова, а потому надо писать о всем, что все одинаково важно. У каждого мастера, однако, в материалах есть своя «суженая», и вне этой родственной связи с предметом описания писатель не художник, а беллетрист. И это, конечно, от удачных и талантливых беллетристов пошло такое циничное суждение: «неважно, о чем, а важно, как написать». Вот и пишут о всем безразлично, вводя в заблуждение начинающих. Отсюда, по всей вероятности, и началась эта жалкая беднота претендентов на творчество, представляющих себе словесное делание писателей каким-то жреческим заговором молчания о тайнах творчества, и если раскрыть этот заговор, то для всех, не имеющих таланта, откроется путь творчества.

Взгляните на жизнь бессловесных, прислушивайтесь к перекличке журавлей, улетающих в теплые страны: по одному

нечленораздельному звуку вожака вся стая повертывает, какая сила в том звуке, каким он кажется нам прекрасным!

Так неужели же мне становиться на колени перед журавлями и просить:

– Журавли, раскройте мне тайну своего творчества!

Зачем спрашивать, мне и так видно: для вожака звук сам собой родился из необходимости действовать. Зато и знобит от восторга, когда слышишь этот повелительный крик. А как тоже по-иному оледенеешь, когда в темном лесу в тишине около полуночи услышишь крик какого-то схваченного живого существа, последний предсмертный крик. Или вот в заутренний предрассветный час вы услышите самый нежный детский лепет трепещущих листьев осины и от этого чудесного звука обернетесь к востоку и замечаете, что как будто там чуть-чуть побелело. Неплохо, если случится, поэту прислушаться к предрассветному трепету осины и написать свою зорю в городе, но невозможно методическое выслушивание осин на восходе.

14 Декабря. Клубника.

Вчера в 4 д. выехал, сосед прислал лошадь, повез его сын, молодой парень Жорж, в Хомяково. Он спросил меня:

– Что это, хомяки, это что ли, жили там, называется Хомяково?

– Был писатель Хомяков из помещиков – ответил я.

– Знаю, – сказал он – так что по фамилии писателя Хомяково названо?

Я очень удивился ответу извозчика и спросил его, как он может знать Хомякова. Он отвечал, что окончил 2-ю ступень, и у них был учитель хороший, все это проходили, даже славянофилов: Аксакова тоже знает.

– Почему же, – спросил я, – вы не учились дальше?

– За грехи отцов, – сказал он, – не приняли в местную школу, даже к экзаменам не допустили, и никуда мне ходу нет: у отца лавка была.

– А если бы пролетаризироваться? – сказал я.

– Научите, как?

– Оставьте отца и мать свою, уходите в другое место.

– А в паспорте сказано.

– Бросьте паспорт, вы молодой человек.

– Сам думал не раз: сесть в тюрьму, да вот осенью соблазнился мыслью, купил 1000 корней клубники и посадил. Это не от отца и матери: сам выдумал, и жалко бросать клубнику.

Мы поговорили с ним о клубнике, и дело оказалось ясным: на глине яблоки и груши не растут, а клубника растет прекрасно, и у прежних огородников много давала доходу.

– Это выходит по-американски, – сказал я, – может быть, и не надо пролетаризироваться?

– Вот и не знаю, – сказал он, – страшно пролетаризироваться и по-американски тоже не хватает, если по-американ-

ски, то надо со всей душой в клубнику. Тоже не могу… Русский человек, известно, чего-то дожидается и не берется за дело со всей душой, пока в слабое место жареный петух не <клюнет>.

В заключение сказал я:

– Видно, правда, что легче верблюду сквозь игольное ушко пролезть, чем богатому в Царство небесное.

Жорж посмеялся и сказал:

– Клубника только и удерживает от Царства небесного.

Хомяково. Пом. лесничего Альфред Викентьевич Катынский и Наталья Дмитриевна (ей 20 лет, ребенок 2-х лет, Дима). Обои оборваны собаками, полы немытые, собаки воняют. 75 р. жалованья, работа по канцелярии, в лесу и общественная безмерны. Лесничий получает 100 р. И все-таки работают, да как!

Пороша, – тяжело ходить.

В среду шел снег, и у меня на чердаке впервые затоковал тетерев. В четверг не было снега, тетерева еще сильней токовали, и в ночь на пятницу и на всю пятницу забушевала настоящая зимняя метель.

Вот надо заметить: первый рассвет после ночного снега, показываются засыпанные снегом леса… нежно… ребенок... девственность…

Всю ночь порошило, но так слабо, что заметки, сделанные вечером, были видны отчетливо, и тем не менее зайцы совсем не поднимались. Две причины: 1) что зайцы вообще во время и слабой пороши не поднимаются, 2) что это было предчувствие метели.

До 11 д. ходили, искали следы. Потом Соловей спугнул, заяц сделал один круг возле лежки и пустился прямым ходом за 4½ версты, возле дер. Алферьево кружил до ночи. Мы подоспели поздно, все было смешано. Никак не могли оторвать Соловья ни трубой, ни стрельбой. Едва дошел от усталости, иногда не верил, что и дойду. Соловей не пришел ни в Хомяково, ни в Сергиев. Вся надежда, что Катынский с лесниками найдут.

Александров помирает. Завтра зайти к ним. И в союз о Соловье.

Домашний скандал. После углубленного раздумья явился к ней и сказал спокойно: «Объясни причину твоей злобы». Она объяснила: 1) что я чаю не дал ей, больной, 2) что напрасно обвинял ее, не она заперла ворота, а прислуга. После этого я долго молчал и потом сказал: «Я виноват в том, что принимаю тебя за взрослую, мне суждено всю жизнь пробыть в детской». После того все и кончилось. Очень, очень глупо.

Ночью вспомнил историю одной любви дамы бальзаковского возраста и противопоставил ей любовь девическую, образную. И тогда вернулся к жизни с «Фросей»: много было радостей здоровых, красивых, и ясно стало, что именно она была моя «суженая», значит, и нельзя теперь с ней дико порывать. Записываю каждый раз, но, в конце концов, забываю, что гигиена наших отношений в более частых моих отлучках. Мне надо постоянно держать в уме, что засиживаться в своем доме чрезвычайно вредно.

Культура и натура.

Культура непременно совершается за счет натуры, но, вероятно, только на первых порах, потом культурные навыки становятся второй природой, более устойчивой (пример интеллигентных женщин в борьбе с голодом и общим несчастьем жизни, и еще в экспедициях большее сопротивление бедствиям образованного сословия и совершенно необходимой для охраны природы от саморазложения. Формула «натура за счет культуры» невозможна.

Это настоящее бедствие (как у нас в России), что накопление культурных ценностей совершается целиком за счет натуры и быта масс, но еще большее бедствие, если натура расцветает за счет культуры, потому что это означает смерть человека (человек умирает, и вместо него бурьян, черви, бабочки и т. д.).

16 Декабря. Зима! Непрерывная метель, в лесу, говорят, теперь снегу немного не до колена.

Найти выражение чувству при первом рассвете после метели, когда показываются занесенные снегом леса (метель улеглась до полуночи... Или: С вечера и до полудня снег очень крупный и частый падал... Чистота, тишина, запах, дыхание, как пьешь...)

Описать зиму (напр., дорога исчезающая и телеграфные столбы: мы их искали и не могли найти. Извозчик сказал: «Поедемте без них, пускай они теперь нас поищут». Встретились возчики леса, указали нам дорогу, мы по ней проехали, и появились столбы. «Вот я вам говорил, что они нас найдут») (вернее будет, или сделать, что дорога то приближается к столбам, то удаляется).

Пожить в трактире Ремизова. Написать Громкоговорителю. Он знал, что умирает, и скрывал от нее, она думала, что он не знает, и скрывала от него. Прятали друг от друга смерть: себе ничего, за другого страшно. Она сидела, книгу читала и заметила, как он вынул руку из-под одеяла и благословляет ее.

Вчера с Трубецким были у Александровых. Старик (Анат. Алекс.) умирает, она рассказывала нам 1½ часа ход болезни.

Любовь: подорвалась, поднимая его, велели лечь в другой комнате, за 46 лет одну ночь не с ним спала и все дрожала, что он без нее умрет. Он хочет встать и писать, но не встать ему и если встанет – умрет, а потому его удерживают, и в этом весь труд. Он дошел до того, что обещался жене «в морду дать» (за 46 лет один раз так сказал). Подкладной таз. Кальсоны. Кровь. «Толечка, не умирай». Касьян Никитич. Смерть со стороны любви (т. е. не тому страшна смерть, кто умирает, а тому, кто любит). Рыдания и смех. И вдруг просит совета: в мундире положить его или как он ходил, в поддевочке. «Мундир это гимназический?» – «И профессорский». И где хоронить. И просьба ко всем (быть на похоронах). Ее уговаривали быть у него только с веселым лицом. Она протестовала: «не могу». – «Можете, сделайте умело, как вы, женщины, это делаете» (Соф. Яковлевна и большевистский паек). Две разные картины смерти: муж хоронит жену, или жена мужа: старые помещики, смерть Ивана Ильича.

<*На полях*> Вот что еще надо заметить: Тарасиха тщательно скрывает от старика, что он умирает, а сама постарается умереть в сознании. А чтобы не обманывать старика и дать ему «христианскую (сознательную) кончину». Этот обман происходит от материнства, он для нее, как ребенок маленький, которого приходится обманывать.

17 Декабря. Близко Никола, крепнет мороз. Сверкающий день.

Вчера послано в ЗИФ: три рассказа (Жалейка, Старухина тропа, Змея). Сегодня посылаю в Лит. газету «Клубника». Привел Катынский Соловья. Проект лесного жития в сторожке во время Пет. каникул (с 15 января по 3-е февраля). До того при первой оттепели побывать у Ремизова на Дубне.

Психика Соловья: после охоты в сенях спит не только потому, что устал, а главное, спокоен душой, знает, что ему не надо замечать дорогу. На охоту едем, стоит и наблюдает, чтобы в случае чего самому вернуться по этой дороге. Смотришь на него и отгадываешь, как должен ему представляться лес (очертания на фоне неба и снега дают фигуру, возможно, это одна какая-нибудь фигура, вроде как у нас картина дает или книга (в след. раз продумать ночную линию леса и неба).

18 Декабря. Мороз поме́нел, но не ослабел. Иней. Встреча с материалом у художника всегда бывает нечаянная, и он большей частью не знает, что потом с ним будет жить, он берет его небрежно, думая: «кажется, это на что-то годится». Так вот сейчас беру я себе и записываю следующее. Пом. Констан. лесничего Катынский во время отдыха на даче одного из московских заведующих натаскал ему собаку. В благодарность заведующий подарил Катынскому 2000 кумачовых

флажков, отслуживших свою украшательную роль, вероятно, в дни Октябрьских торжеств с изображением на каждом мавзолея Ленина. Из этих флажков, связав их веревочкой, Кат-ий сделал флажки для оклада лисиц и волков в две версты и намотал их на двух огромных катушках. После этой большой работы его взяло сомнение, допустимо ли пользоваться флажками с изображением мавзолея для облавы зверей, и он спросил в Укоме. Там подумали и решили неглупо, придерживаясь хозяйственной точки зрения, что раз флажки уже одно дело свое сделали, то почему бы не использовать их с другой стороны. Уком имел в виду, конечно, не охоту на зверей, а что небесполезно будет, если массы крестьян, живущих в глухих лесах, познакомятся с мавзолеем Ленина хотя бы по этим охотничьим флажкам. Уком не ошибся. В одной местной школе учительница на днях читала детям повесть Пушкина Дубровский, где известно есть персонаж «мадемуазель Мари». И вот когда учительница, прочитав повесть, просила детей рассказать ее своими словами, то все дети этот персонаж мадемуазель Мари называли «Мавзолей Мари».

<*На полях*> Купить лиловых сухих чернил.

Упросить Катынского продать мне флажки с мавзолеем.

В Конст. лесничестве. Чудовищна эксплуатация интеллиг. труда (лесничий за великое счастье почел бы служить <*1 нрзб.*>), но несмотря на это работают отлично. Стонут, а работают. Коммунисты при этом сознают, что помочь материально себе нечем: у государства нет средств. Не коммунисты шипят на государство, полагая, что оно могло бы устроить иначе. Так, если пересмотреть все производство в стране, то можно понять происхождение новой позиции Горького в отношении к интеллигенции.

Надо обдумать следующую тему: рабочая ценность русского рев. сознания, представленного от Чернышевского до Ленина, только ли заключается в деле свержении монарха, или она является также фактом новой культуры. Я хочу сказать: местное ли только значение имеет русск. революция, или всемирное. Я хочу сказать о значении не в смысле политическом, а культурном, т. е... Не то. Я хочу сказать, напр., о своем Алпатове или Воронском и всяком коммунисте, – что он, выйдя из сферы разрушительного революционного действия на путь созидательный, может ли привнести из своего революционного действия какой-нибудь новый фактор в творчестве законов жизни и форм, или же он, встречаясь впервые с фактором творчества, действовавшим во все времена, будет взят ими целиком и станет обыкновенным деятелем с отличием за борьбу с царизмом.

Ответ из-под рук. Огромное большинство утонет, растеряется в безличии, и все так долго будут идти безлично, пока не явится лицо, которое в формальную идею социальной революции не вольет кровь наших отцов, не откроет питание для идеи в дремлющих силах нашего прошлого. (Учение Федорова прямо просится в революцию.)

<*На полях*> В адресном столе найти Горского.

19 Декабря. Никола – 17°. Мороз. Иней до того загустел, что даже солнце сквозь пробилось белое, как будто и оно тоже посыпано инеем. Обыкновенные вороны в глубине сказочных берез и то казались маркизами в кружевах. Вечером при электричестве белые пути телеграфно-телефонных проводов. Звезды. Новые дома трещали.

20 Декабря. Еще один морозно-солнечный с инеем. В лес не ходил, но влияние роскошного дня было и в комнате. Решили с Левой отпраздновать Солнцеворот, начало весны света, созвать из Москвы писателей.

Вечером был Кожевников. Он творит легенду, что вокруг моего лика – гениальное безумие (Розанов, помню, тоже сказал: «в глазах огонек гениального безумия»). Мое безумие, хотя бы и гениальное, не очень нравится – «не от мира сего», я люблю людей умных с родственным вниманием в глазах, А. М. Ремизов мне очень нравился. Гениальное безумие холодно и устремляется не на всех, а только на избранных.

Поручаю Леве собрать гонорар с 1) Рыбьи тропы – 25, 2) Учит. газета – 30, 3) Веч. Москва – 20, 4) Известия – 50, 5) Красная Новь – 200, 6) ЗИФ – 300 = 625.

Солнцеворот расстроился: Е. П. не то хворает, не то капризничает.

21 Декабря. С вечера вчера еле заметно стало теплеть, потом мороз сдал и подсырело немного.

Написал главу «День в Нюренберге». Лева уехал в Москву. Боюсь, не захворал бы. Я вчера здорово распекал его за хаотичность и неуменье работать, а сегодня жалко: он ведь много, много работает все-таки. Мне почему-то его до боли жалко. Очень хороший. Тихонову телеграмму о Разумнике. Готовиться к выезду в Питер после Солнцеворота. (Послать поздравление Разумнику), прочитать Кальколова, потом Кожевникова, ответ Алтаеву, Коте.

Победа смерти должна быть заранее подготовлена упражнением в постоянной борьбе с собой. Страх смерти – это может быть неуверенность в себе.

Произвольно возникающие «сцены», в которых не владеешь собой – это похоже на смерть. Всякая борьба (с врагом)

есть борьба со смертью. И если последний проблеск сознания перед смертью будет израсходован на связь людей, на согласование, то это и будет победа.

Солнцеворот

25 Декабря. После Николиных морозов стоят ровные мягкие дни с инеем.

Болезнь Пети.

В субботу 22-го Дек. приехал из Москвы, ни на что не жаловался, но после заболевания говорил, что еще в Москве чувствовал себя не совсем хорошо. В воскресенье 23-го после обеда бегал на лыжах и по возвращении сказал: «Что значит тренировка: долго не бегал, вот и устал». Вечером почувствовал жар, – оказалось 38,5. Утром 24-го темп. понизились до 37,8, но в 11 дня начала подыматься и вечером была – 39,5. Все время жалуется на глухую боль в животе в области кишечника. Даем аспирин.

Софья Львовна, сестра мил. Красн. Креста, среди медицинского персонала делала доклад о Курымушке. Вот куда проникает наша книга! Но что же С. Л-а понимает в литературе! А критика наверху такая жалкая. Меня вывозит почти исключительно охотничий рассказ, собаки.

Познакомился с доктором, завед. Красн. Крестом, и весь вечер беседовал с ним: я критиковал «достижения», он защищал! Чтобы понимать защитников современности, надо представлять себе Леву, который не знает прошлого, а жить очень хочет. Молодость и незнание прошлого обеспечивают «здоровый» оптимизм. И действительно, со временем они дойдут.

Многие коммунисты потому только являются защитниками «достижений» и не осмеливаются критиковать действительность, что опасаются сойти с позиции и провалиться в неведомую и страшную область самостоятельного суждения.

Самокритика и наши достижения.

Семен Прокофьич завел длинную песню о наших недостатках. Я был в дурном настроении и стал перечить ему. Вдруг неожиданно С. П. перебил меня и сказал:

– Позвольте мне тоже сказать о достижениях.

Я ему уступил позицию с радостью.

– У вас много собак, – сказал он, – вы, конечно, обратили внимание, что в последние три-четыре года блохи пропали.

Я изумился. Каждое лето я раньше много возился с блохами, а в последние годы на собаках блох не замечал.

– Не то удивительно, – сказал я, – что блохи пропали, а что я, постоянно с ними имеющий дело, не заметил этого.

Семен Прокофьич очень обрадовался и ответил:

– И правильно! Вот вы здоровы и тоже не замечаете этого, а заболей… Так и с блохами, нет их, и нет разговора, а вот клопов стало очень много, и все говорят о клопах.

26 Декабря. Вечером легкая метель с порошкой. Кажется, Петя меня заразил инфлюэнцией.

И. Вас. Жилкин, оказывается, недолюбливает меня, он сказал Григорьеву: «Пришвин – старик, шамкает и никому не дает говорить». А может быть, это сам Григорьев выдумал, чтобы по-своему «пошутить». Вообще Григорьев в этом году осмелел в отношениях со мной и распоясывается. Придется держаться от него подальше, а то если я вздумаю «пошутить», едва ли он выдержит. Гр., в конце концов, неудачник, строит из себя мудреца, очень завистливый и злой. И «анархистом» себя называет, потому что вообще он определяется с «а». Прошлое – богема и скандал. Ему очень не терпится, чтобы поскорей оскорбить меня. Так, придет ко мне, Лева его о чем-нибудь спросит, а он: «Рядом с нами сидит такой признанный мастер» и т. д. Я со своей стороны уже много раз доказал ему и свою готовность, и «простоту». Определенно, надо подальше. Его «мудрость» из «а», – это, значит, обман.

Если представить себе социализм, одну из форм претензий на власть, то анархист в отношении к власти, как неудачник в отношении к женщине: частную свою неудачу в бабьих делах скрывает общим своим отрицанием женщины: откуда психологи сделали заключение, что всякий женофоб – скрытый женолюб. И мы сделаем свой вывод об анархистах, что анархист есть скрытый монархист.

Можно себе представить власть благодетельной, если понимать ее, как власть творца над своими материалами. И тоже власть является злом, если она есть господство вещей над волей творца.

Применительно к рассуждению о роли революционной интеллигенции в русской истории следует сказать, что рабочая ценность и социализма и анархизма состояли только в борьбе с царским правительством, <*3 нрзб.*>, а не миросозерцание.

30 Декабря.

Моя болезнь

Какие пороши-то (две) пропали!

27-го утром встать не мог. Ночью подошло к 40°. 28-го днем после чрезвычайно утомительной ночи слабость и дремота, вечером температура стало было подниматься, но остановилась и спала. 29-го (суббота) темп. нормальная, слабость,

кашель, хожу по комнате, начал курить. Петя выходит, но заметно, очень тронут болезнью и плохо поправляется.

Из опыта этой болезни:

При температуре за 40° не питай надежды на «христианскую» (сознательную) кончину живота. А главное, не надо забывать, что и сознательное действие больного в такие минуты является не полным выражением личности в данный момент, а лишь автоматическим последствием предшествующего сознания. Возможны взрывы нежности к близким… но и тут не надо мерить сознание больных по своему, здоровому, как обыкновенно делают окружающие.

В предчувствии своего смертного часа мне, случается, выйдет как бы край, самый краешек земли, и тут страсть какое одиночество: ни-ко-го! И Бога нет, и так я умираю.

NB. К этому предчувствию физиологическая поправка: если и будет мниться такое умирающему, то в действительности это не страшно, потому что в бредовом состоянии этот страх одиночества лишь полустрах, силу его чувствовать остается в жизни. Я, когда вернулся к чувству жизни после высокой температуры, в этот раз отчетливо видел, что, уходя из мира, оставил там сумку не с одними радостями, там оставались и горести и все, что дает жизни как бы рельеф…

Нет, я не смею рассчитывать на помощь личного друга в мою предсмертную минуту, – как мне на это рассчитывать, если в такую минуту свидетель смерти страдает гораздо больше, чем сам умирающий. Нет, перед концом я хотел бы (как ни странно желать этого!) как бы оторваться от всех – не в том, однако, смысле, что меня забыли, обидели… – я представляю, как в путешествии я оторвался бы от близких и не могу к ним: умираю. И вот в эту минуту кто-то неведомый, невидимый, притом самый простой и простейшую мне помощь оказывает, вроде как бы на холодеющую ногу свой валенок надевает, и оттого теплота у меня к сердцу, и я в этом движении какого-то неизвестного мне существа узнаю вдруг хорошо известное мне по догадкам, но скрытое в человеческих отношениях, запрятанное на недосягаемую глубину, непостижимое в длящейся жизни, являемое в самом конце.

Физиологич. дополнение. Вполне возможна такая кончина и физиологическая, потому что даже при короткой схватке (угрозе смерти), когда делается получше, близкие люди вдруг отпечатываются где-то у себя, слабого, особенно милыми.

1-й раз прочитал Горького о Толстом, – вот как это хорошо! Главное, сам Горький-то выходит уж очень хорош. Нет, все не так просто в его конце (юбилее), тут что-то в самом веровании Горького.

…«сказал так же (я – Горький), что люблю людей активных, которые желают противиться злу жизни всеми способами, даже насилием». – «А насилие – главное зло!» – воскликнул он, взяв меня за руку. «Как же вы выйдете из этого противоречия, сочинитель?» (Горький. «Лев Толстой». Заметки.)

Ряд мыслителей разделяют цивилизацию и культуру, относя первую к делу насильников, хищников.

31 Декабря. Уфо: зем. рента. Явиться 4-го января. Сделано. Сухие чернила в аптеке и уксус. Алтаеву рукопись послать.

В наше время человек прославленный значит в то же самое время и ославленный («Цемент» Гладкова, Демьян Бедный, юбилей Горького).

У меня в ящике долго валялся 5-ти копеечный циркуль совершенно новый. Раз я попробовал его иголкой стронуть застрявший в винтовке патрон, сломал иголку и циркуль забросил. Случилось однажды, пришла мне в голову мысль вычертить совершенно особенную мишенку для пристрелки винтовки, необходимо было сделать правильный 3-х дюйм. кружок на бумаге. Я вспомнил о циркуле. Взял обыкновенную иголку и примотал ее ниткой к ножке очень крепко и вылечил сломанный циркуль, кружок вышел отличный. Что же вы скажете! Этот леченый циркуль, цена которому и в новом-то виде всего 5 копеек, теперь занимает почетное место среди охраняемых мной вещей и вообще очень мне симпатичен. Есть у меня одно старое кресло, еле дышит, а служит, и еще клеенка на столе, не раз штопаная, любимые очки, тоже вылеченные мной домашним способом. Вглядитесь в собственную жизнь, и вы увидите, что весь уют ее и счастье обеспечиваются старыми слугами.

Петя читает Горького о Толстом. «Обратил ты внимание, – спросил я, – что Толстой в беседе с Горьким употребляет много непристойных слов?» – «Мне это не нравится, – ответил Петя, – что это он в угоду Горькому, или сам по себе?» – «Не хочу думать, что в угоду Горькому, – ответил я, – возможно, и сам по себе, у аристократов это было принято». – «Как это отвратительно!» – воскликнул Петя.

Как Петя, скажет и каждый крестьянин, получивший охоту к чтению. Но разговор о Толстом у нас продолжался и дальше по этой линии. В таком новом свете толстовские женщины все как-то показались бабами, единственная одухотворенная Мари Болконская была старой девой… Женщин у Толстого нет, почему так?

Худ. воспроизведение мира у Толстого похоже на то состояние Алпатова («Живая ночь»), которое явилось у него «взамен» Ины. Делаю предположение, что у Толстого был какой-то неизвестный нам роман, определивший его отношение к «бабам». Вот бы добраться до этой «тайны» и найти в романтизме исток даже и толстовского реализма.

Цыгане.

Никогда раньше не случалось мне в зимнее время видеть в поле цыганские палатки, предполагаю, что цыгане зимой квартировали у оседлых жителей деревень и городских предместий. Нынче же, очевидно по причине жилищной нехватки, цыгане зимой раскинулись табором в лесу под Сергиевым. В Николу мороз был в 17° с большим инеем. У цыган горели неугасимые костры перед палатками. Прохожие видели, как женщины выливали из котла горячую воду в таз, как доставали из палатки ребенка и мыли его в горячей воде на морозе. В городе, в теплых домиках разные люди с разных сторон удивлялись цыганской жизни, одни их жалели, другие завидовали и ставили в пример их закалку здоровья. Дошло до начальства, и там приняли по-своему: «Сколько леса нужно сжечь, чтобы жить человеку с семьей в лесу на открытом воздухе при 20 градусах?» Подсчитали и предложили цыганам переселяться: слишком много леса изведут. На это цыгане ответили, что если по советским законам хозяин с большим трудом и лишь с большими основаниями может выселить занявшего в его доме комнату чужого человека, то как же возможно выселить человека из леса.

Вероятно, начальство устыдилось цыганского ответа и оставило их в покое, потому что и сейчас (в день Рождества) костры у цыган горят и мальчишки босиком выбегают на дорогу.

Встреча Нового Года

Лева желает:

Папе:

Победить снова возникшую Кащееву Цепь – написать «Журавлиную Родину».

Оживить Елецкие дела белых и красных, преобразив их в пьесу.

Убить тигра совместно со своими сыновьями.

Веселой, здоровой жизни Берендея.

Маме:

Съездить благополучно к родным в Дорогобуж.

Спокойно царствовать в Берендеевском Дворце, повелевая всей живностью: людьми, звездами и птицами.

Пете:

Окончить Охотничьи курсы, поступить на службу, но все же удержаться от склонности к женитьбе. Хоть борода у тебя и велика, а рано еще.

Андрею:

Увлечься чем-нибудь, хоть археологией, да съездить на практику.

Если женишься на милой, круглой девушке, пожалуй, будет хорошо.

Себе, т. е. Льву:

Во-первых, влюбиться в дело так же горячо, как и в женщину.

Заложить фундамент и возвести хотя бы стены науки и знания в строительстве <*1 нрзб.*>.

Культурная революция «я».

Целевая и идеологическая установка.

Взять Камчатку, Уссурийский Край или проехать по пашням и фабрикам Республики, написать очерки.

Написать книгу о Сахалине.

Папа желает маме:

Благополучно съездить на родину и по совету доктора Кочерыгина спустить жирок около сердца.

Леве:

Хорошо сдать все зачеты, забыть дурной модернизм, просто и дельно написать о Сахалине и получить валюту на Лейку.

Пете, негодяю, который меняет семью на путешествие к разным девам с целью поиграть в камушки и перышки, остановиться на одной какой-нибудь, хотя бы Ксюше Изюмовой. Желаю также убить ворону.

Себе:

Издать 2-е изд. Собр. Сочинений, написать «Журавлиную родину» и съездить на Дон или к Арсеньеву.

М.М.ПРИШВИН

ДНЕВНИКИ

1929

2 Января. Каждый день летят пороши, леса, наверное, уже очень засыпаны.

4 Января. Завтра Павловна уезжает от меня в Дорогобуж на две недели.

Многие за последнее время простые люди привыкли газеты читать, и им легко вспомнить, как странно казалось им в газете при первоначальном неумении выбирать нужное, встречать один за другим разнородные, несвязанные между собой факты. Так и в лес войти, чтобы понимать его, нужна своя особая грамота и навыки.

Одна из глав: писать хорошо о людях – плохого и нет.

9 Января. Читаю «Бродяги» Гамсуна. Так хорошо, что плохо думается о наших писателях: меня брало сомнение, не отстал ли я вообще от чтения, а теперь вижу, нет, значит, пишут плохо. Но непременно достать последнюю книгу Вс. Иванова.

Люди, едущие на базар, давно заметили меня, и еще я целое лето жил при большой дороге. Теперь, пожалуй, можно сказать, что я на учете в уезде… Что же, я скажу, это, в некоторой степени, положение.

Есть два отношения к людям, личное – это когда при встрече взвешивается весь человек, и массовое: личность стирается, как нечто мешающее делу, и все отношения машинальные, вроде того, как на почте, я пишу «заказное», чиновник хлопает по нем печатью – и все. Первое – это общество, второе – государство.

Люди не только не виноваты, но даже и вовсе не плохи, если вникнуть в каждого. Плохое у них получается от бедности и безработицы.

Мужчина ищет единства и, если приходится ему быть вдвойне, то он за то и не считает себя тогда человеком. Женщина, если раздвоится, то часто не чувствует в этом никакого греха

и, будучи в двух лицах, внутри себя это как-то оправдывает, благодаря чему каждое лицо в отдельности бывает искренним. Ложь – это порок, слабость мужчины или просто женская практика.

10 Января. Вчера только после полуночи начал стихать ветер, показались звезды. В расчете на короткие следы мы с Трубецким вышли на охоту в княжеские места. Мы упустили из виду, что зайцы две ночи из-за метели не выходили и, когда стихло и стало морозить, все разом бросились на корм. С полночи до свету они так натоптали, что было хуже трехдневной многоследицы. У князя вышла осечка. Ничего не убили.

Мы заметим этот денек как первый день весны света: при довольно сильном морозе солнце пригревало щеку.

Нечто вроде позиции. Простейшие рассказы, к которым влечет меня, – это я понимаю, как стремление к делу не для денег или <*1 нрзб.*> для славы, и еще в этом есть тоже и, вероятно самое главное, желание оберечь себя от иллюзорности литературного дела. У наших романистов, начиная с Пушкина, это было в традиции, сочиняя роман, посмеяться вообще над романом, как иллюзией, вероятно, в тайной надежде, что вот мой-то роман, мое слово будет значить как действительная жизнь. По всей вероятности, так и раскрывается понятие «простота», о которой у нас все сверху и донизу всегда говорят, как о чем-то самом хорошем.

Однако, у некоторых наших величайших писателей это стремление в искусстве к «простоте» кончалось разрывом с искусством и побегом в религию, искусство они объявляли «художественной болтовней» или искушением черта. Я привык объяснять себе (может быть, ошибаюсь), что такой побег объясняется не действительной немочью искусства, а крушением личности художника, не сумевшего побороть в себе искушение дать больше, чем может дать искусство, все как бы сводится у них к неудаче в обожествлении созданного ими образа. Я сильно подозреваю, что Христос в поэме Блока «Двенадцать», грациозный, легкий, украшенный розами, есть обожествленный сам поэт Блок, вождь пролетариев. Эту свою догадку я очень подтверждаю себе наблюдениями мистическо-хлыстовской среды, окружавшей поэта. Ведь было даже время незадолго перед этим, когда самый маленький петербургский поэт не только где-нибудь в «Аполлоне» или «Золотом руне», а просто в «Копейке» или «Биржевке» говорил: я – бог.

Я привык думать – может быть, я ошибаюсь, – что в русской литературе наметились две линии, пушкинская, в которой поэт, творец формы, остается верным до конца своему служению, и другая, в которой он не удовлетворяется служением и выходит из сферы искусства, балансируя между смеш-

ным и великим. Кажется, нелюбимый у нас «эстетизм», служение искусству для искусства, является из второй «нескромной» линии.

Для меня лично дело как-то не дошло до такой заостренности и такого большого размаха. С первых дней занятие литературой сделалось моим ремеслом, и если что и получилось сверх съеденного мной за труд хлеба, то вышло нечаянно, по усердию и ревности. А стремление к простоте детского рассказа явилось из моего убеждения, что писать нужно хорошо не потому, что на свете все неважно, был бы мастер слова, а как раз наоборот: писать надо о всем, потому что на свете все важно. Эта формула мне годится для борьбы с эстетами, я скажу им на их слова «мастер может о всем написать все неважно, был бы мастер»: «Все важно, а я выберу из всего этого то, что мне милей». С другой стороны, если придут плохие мастера с важными вопросами, я скажу им: «Бросьте грандио-манию, пишите хорошо о малых вещах, потому что на свете все важно».

16 Января. Метели. Лес завален. Вчера ездили с Петей в Москву. Купили винтовку Savage. Разумник начнет дело с договором о втором издании. На той неделе в понед., вторн. надо ехать в Питер.

О простеце. Думаю о происхождении у нас культа «простеца». Религиозные корни. Православие. Обожествление простеца («народ – богоносец»). Разложение простеца.

Пошли пристреливать «Savage». Предвидели большую работу по сооружению из снега опоры для точной стрельбы. А когда пришли, там все было сделано по всем правилам военной техники. На этом месте учили стрелять красноармейцев, опоры сделаны были солдатами для себя, но нам пришлись так, даром, что казалось, будто какая-то благодетельная сила служила нам. Отсюда открылось мне, что может быть, если удается в деле и кажется, будто какая-то неведомая сила несет тебя на руках и так чудесно помогает тебе, то это значит – до тебя тут допрежь много поработали другие люди и тебе так легко, потому что все материалы приготовлены и дожидаются твоей мастерской руки. Я заключаю на свой талант, что, может быть, он и есть наиболее яркое выражение той энергии, которая освобождается при сотрудничестве. Как государственного деятеля отличает исключительно от других способность к выбору сотрудников, так и художником делает любовное родственное прикосновение его к материалам, которые ожидают своего волшебника: «приди и возьми!»

Очень возможно, что эта снежная траншея с насыпями делалась охотно здоровыми солдатами, возможно, это был труд

подневольный. В том и другом случае он был… в отношении моего гениального выстрела, труд бессознательный, и только я даю лицевое выражение всему этому безымянному труду, я – вольный стрелок.

17 <Января>. Гоняли с Петей русака вокруг Ильинки, Соловей ходил шагом, и в снегах была видна только его голова. Ничего сделать не могли и уморились до крайности. От лазанья в снегах было жарко, это была какая-то снежная война. Утром было тепло, к вечеру сильный мороз. Лес совершенно завален снегом, и так это красиво!

18 <Января>. Ночью опять выпал снег и утром стало тепло, почти до капели. Петя поехал в Москву за винтовкой Holland.

Начинается жизнь радостью и кончается унынием смерти. Есть люди, которые нарочно мучают себя всю жизнь, чтобы достигнуть смерти как радости избавления от мучений жизни. Вот ужас!

В моей душе вечная тревога, в которой радость постоянно меняется местом с печалью, и эта печаль тоже вспоминается как радость, если спускаешься до тупого безразличия, а последняя ступень – головная боль и бездействие. И вот как ясно иногда бывает, что вся эта смена жизнеощущения непременно кончится последним падением, унизительной смертью, что нет возможности, отдаваясь радостям жизни со всей страстью, сделать конец свой осмысленным, что это закон всей жизни, она начинается радостью и должна кончиться унынием смерти. Вспоминаются люди, которые нарочно мучают себя всю жизнь, чтобы достигнуть смерти, как радостного избавления от сознательно принятых на себя мучений. Вот до какого ужаса и уже окончательной бессмыслицы жизни доводит сопротивление человека смерти, стремление его к управлению жизнью. Да не будет же сего у меня! Есть не умирающая победная радость творчества самой жизни вокруг себя.

Вот уже несколько дней я хожу счастливым от письма Дунички, которая говорит, что надпись моя на одной книге довела ее до радостных слез. А я только и написал то, что она была моей первой учительницей и за свою литературу я должен благодарить, прежде всего, ее.

22 <Января>. День смерти Ленина. Совещались, как быть с флагом, с чердака из слухового окошка нельзя в этом году спустить – улетит Терентий. Решили повесить на воротах.

В четверг 24-го еду заключать договор о втором издании Собрания. Предстоит трудная серия дружеских вечеринок в Царском Селе. В четверг выехать в 7 у. В 10 ч. по ружейным делам. В 11 ч. – «Охотник». В 12 ч. – Федерация – разговор о Разумнике, о «простоте». Обед. К Леве.

Сегодня после чая к Ломакину за советом. Завтра подать заявление о постройке, о вступлении в Союз печати, послать книги Коте, купить одеколон, разменять 100 руб.

Собрание:	1) «Охота за счастьем»	– 12 лист.
	2) «Колобок»	– 10
	3) «От земли»	– 12
	4) «В краю непуганых птиц»	– 10
	5) «Родники» 9 л., добавить 7 лист.	

1) Итак. «В краю непуган. птиц»	– 6 листов
2) «Родники Берендея»	– 9 листов
3) «Колобок»	– 10 листов
4) «Охота за счастьем»	– 12
5) «От земли»	– 12
6) «Кащеева цепь»	– 12
7) «Кащеева цепь»	– 12
8) «Журавлиная родина»	– 12
	85 листов

Всего 17 600 руб. по 500 в месяц с января 1929 г. = 35 мес. = 3 года, т. е. до 1932 г. – мне будет тогда 59 лет, если жив буду.

Сочинения 1-е издание 6 томов.

Всего 68 листов.

Сочинения 2-е издание 8 томов.

Из «Родников» выпадет – 4¾ листа, остается 9 листов.

В «Краю непуганых птиц» – выпавшие из «Родников» 4¾ + 1¼ = 6 листов + 3 листа иллюстраций = 9 листов.

Из «Колобка» выпадет 1 лист и переходит в новый том «Журав. родины».

«Журавлиная родина» – 13¾.

План 2-го издания.

1-й том – «Охота за счастьем» остается по-прежнему.

2-й том – «В Краю непуганых птиц» с иллюстрациями 9 листов.

Для 2-го издания это новая книга в целом, но часть ее 4¾ листа берется из тома «Родники Берендея». Иллюстрации должны быть сделаны художником по фотографиям. Рамки, заставки и концовки удалить.

3-й том – «Колобок», из него удаляется последний лист «Детские рассказы» и переходит в последний 8-й том «Журавлиная родина».

4-й том – «Родники Берендея», из его 13¾ лист. 4¾ со стр. 153-й (шмуцтитул «В краю непуган. птиц») – по 324 стр. (включительно) переносятся в том 2-й «В Краю непуган. птиц». Остается 9 листов.

5-й том – «От земли и городов» остается по-прежнему.

6-й и 7-й – «Кащеева цепь» – по-прежнему.

8-й т. – «Журавлиная родина» – новая книга, 13 или 14 листов.

Библиография из 6-го тома 1-го издания переносится в 8-й в дополненном виде.

Все книги, за исключением «Журавлиной родины», представляются в готовом для издания виде. «Журавлиная родина» может быть доставлена к 1-му Апреля.

Число листов 2-го издания от 83 до 85.

31 Января. Вчера вернулся из Питера. Вот что я там сделал. Пятница: заказал у Разумника телескоп для «Savage», заключил договор на второе издание Собрания. Вечер у Шишкова, слушал его пьесу. Суббота: утром был занят в Гизе, вечером читал у Разумника «Журавлиную родину». Воскресенье провел у Разумника, вечером у Толстого слушал его пьесу «Петр». Понедельник: посетил Виктора Сергеевича Миролюбова, вечером от скуки попал в кино Титан. Вторник: обедал у Груздева и выехал вечером домой.

Морозы ужасные! Послать книги Миролюбову и Разумнику для Пушкин. дома. Книги достать у Сабашникова.

Замятин открыл в моем писании «обнажение приема», а потом сказал: «Это недурной прием, я сам лет пять тому назад пробовал написать один рассказ этим приемом». Пришлось познакомиться с учением Шкловского, – очень интересно. Уж очень вышло странно: я думал, пишу авторскую исповедь, а они признали в этом форму обнажения приема, по Шкловскому притом.

Обнажение приема. Написав эту книгу, я прочел ее первые главы в кругу литераторов. Два часа терпеливые товарищи слушали мое чтение, после того один из них сказал: «Это обнажение приема». Кроме одной книжки Шкловского о Льве Толстом, я из его сочинений ничего не читал и никакого не имел ясного представления о формальном методе. Я хотел написать авторские признания, изложить свои домыслы о творчестве с иллюстрациями, чтобы этим ответить на обращенные ко мне запросы: «раскрыть тайны творчества». Меня очень смущала при этой работе возможность выйти за пределы искусства и претенциозно высунуться учителем молодого поколения. Вот почему я в этой работе свои мысли высказывал не абсолютно, а только относительно их рабочей ценности в своем собственном литературном производ-

стве, вроде как это сделано у Станиславского в его книге «Жизнь в искусстве». Конечно, меня брал задор и в этом случае остаться художником слова и найти в процессе признания такой прием, чтобы эта исповедь сделалась не скучным вступлением к роману. И вот первые услышанные мною слова от опытного литератора были:

– Это обнажение приема по Шкловскому.

После того, пораженный и уязвленный, сказал я:

– Честное слово, я не читал Шкловского и писал без приема.

– Четного слова нет у художника, – ответил формалист, – вернее, оно есть, но тоже как прием. И чего вы волнуетесь, обнажение приема – недурно, лет пять тому назад я сам пробовал этим приемом написать одну повесть...

Я был уязвлен до конца. Мне казалось это небывалым в литературе, чтобы автор, сочиняя свою повесть, в то же время не исчез в ней, а сохранился отдельным лицом или обывателем со своей домашней философией. И вот оказалось, что и я сам со своей бородой, лысиной, слабыми руками, стальными ногами и каким-то зеркальцем под ложечкой, где непрерывно сменяются острая боль и яркая радость, я – сам без остатка ни больше ни меньше существую как «прием».

Я был подавлен и не мог найтись в защите себя: ведь я не имел никакого понятия о формальном методе!

Ко всему этому один блестящий драматург, бывший среди слушателей и тоже, как и я, не имевший *<1 нрзб.>* дела с формальным методом, сказал:

– Я признаю твою вещь очень хорошей, но только с тех страниц, когда начинается действие, а эти все предшествующие рассуждения о творчестве, ей-Богу, неинтересны.

Тогда выступили друзья в защиту меня. Один привел в пример «Бесы» Достоевского, где в начале тоже есть скучные страницы. Мало того! Он говорил, что скучное вступление необходимо, тогда получается гуще, значительней. Мало того! Он говорил, что за эти скучные страницы авторских признаний он готов отдать много талантливых и даже гениальных строк.

– Ведь только тут, – говорил он, – автору есть время немного пожить как человеку, потом он неминуемо должен исчезнуть.

В заключение один добрый приятель посоветовал:

– Тебе надо весь твой груз как-нибудь переслоить.

Потом очень хвалили мои боковые сцены, высказали множество комплиментов, и сам формалист тоже обласкал меня такими словами:

– Я теперь понял вас: прием родился у вас бессознательно, и этим вы отличаетесь от тех, кто пользуется им как рецептом. Вы не с Шкловским в родстве, а с Т..., автором комедии «Кот в сапогах». В этой комедии обнажение приема представлено во всем блеске, у вас немного неуклюже, по-русски...

– Я тоже думаю, – сказал Вячеслав Шишков, – надо немного переслоить пустоту.

Начало «Журавлиной родины».

Неизвестные птички. Вот я что заметил в себе, если скажут: «ваше произведение блестящее, но пустое, в нем нет содержания», – это не так уязвит, если скажут: «очень глубоко, но трудно слушается». Словом, сочинителю лучше быть талантливым дураком, чем разумнейшей и человечнейшей бездарностью. И потому «густота» меня больше задела, я внял совету друзей и решился как-нибудь ее растворить. Мне пришло в голову, что для этого надо только вспомнить побольше жизненных подробностей, сопровождающих возникновение повести, изложить все по правде, как было в действительности и, если я художник, то рано или поздно вся моя «действительность» останется «формой» безукоризненной, как будто с одной стороны я все делал строго по Шкловскому, но с другой, только я, единственный во всем мире, мог так сказать, потому что ведь я же единственный могу сказать правдиво о той смене горя и радости, которая происходит у меня под ложечкой… Кто там был? Только я. Вся действительность там – это моя уверенность в ней. Никаким честным словом я, художник, не могу уверить других, и «прием» необходим мне совершенно для создания формы своей уверенности, доказательной и для других.

Началось с того, что я задумал богатые впечатления, которые дает мне каждая весна, в этот раз выразить посредством простейших детских рассказов и целиком посвятить себя на некоторое время этому делу. В это время разогнали московскую организацию.

1 Февраля. Весна света. Морозы не слабеют при вседневном блеске солнца. В полдень очень приятно гулять, солнце ласкает, и снег при солнце особенно пахнет.

Сегодня Лида снимала белье на чердаке и так напугала Терентия, что он ударился в стекло, разбил и улетел. Он как пуля летел в прямом направлении с версту. Петя нашел его в кустах на снегу и схватил. После этого путешествия он захворал, будет ли жив? Если бы он выжил, то дал бы нам весной послушать свое токование, а потом мы бы отдали его в зоопарк, и там бы ему было все: и пища, и уход, и, может быть, самка… Можно бы легко и теперь написать об этом рассказ, но я предпочитаю выждать и писать на основании опыта.

Сегодня сразу четыре ястреба бросились на стаю белых голубей у соседей, один даже схватил было двух, но мальчик выстрелил и одного ястреб выпустил. Четырех унесли, четыре улетели неизвестно куда и два – «монах» с голубкой от ястре-

ба сразу бросились вниз под балкон и тем спаслись. От всей стаи в 10 штук остались «монах» с голубкой. Явление сразу четырех ястребов объясняется особенным блеском солнца, отчего белые голуби, вероятно, были далеко заметны. Мальчики сказали нам, что голуби темного цвета, «галки», ценятся дороже белых именно за то, что их не так бьют ястребы. Можно догадаться, почему альбиносы в природе так редки… «Монахами» называют белых голубей с черной головой. Еще есть названия «сороки». На мои слова в утешение мальчикам о том, что от «монаха» с голубкой они разведут себе скоро много голубей новых, они ответили, что в лучшем случае через год будет только два новых, что выход молодых у голубей – дело капризное, и все зависит от того, насколько пара подходит друг к другу и дружно живет. Так обыкновенно у них самец и самка сменяют друг друга во время насиживания, а то был случай, она сидит хорошо, а он посидит немного, бросит и к голубям, это заметила самка, и тут же у гнезда стерегла: как он сойдет, она сядет и оттого вовсе изверелась, и ничего хорошего у этой пары не вышло.

Некто (табачный торговец) рассказывал мне в пути: «Я в плену у своей жены, потому что могу только с ней. Мне нужно по крайней мере год, чтобы я мог привыкнуть к другой женщине и у меня бы с ней что-нибудь вышло. Я пробовал: год. Пробовал ускорить – не мог, и было гадко потом. С проституткой никак не могу. И без этого я делаюсь на себя непохож, болею, работать не могу правильно. Так я живу тайным рабом своей жены. Бывает, бунтую, ненавижу ее, но, в конце концов, непременно смиряюсь: безвыходное положение!».

6 Февраля. Вчера фыкнул мороз в 35°, а я ходил проверить лисицу. Это было уже третье утро, как мы ее зафлажили. Ко второму утру она из норы не вышла. Вчера набродила в оконце и вернулась в нору. Ошибка в том, что «затылочный» флаг поставлен далековато от норы, в темноте она его не рассмотрела и ушла. По следам можно было видеть, как осторожно она подходила и останавливалась каждый раз, как видела флаг. А вероятно уже начинается течка. Рассказ для детей: жизнь лисицы по следам. Ее женихи сидят за флагами и дожидаются. Один вошел ночью в воротца – флаги повалились, и вывел ее, голодную. Описать эти морозы, – что мы не могли идти на облаву.

<Приписка на полях> Цветы на обоях и другие разные фигуры, повторенные множество раз, совершенно бессмысленны и их не замечают, тем не менее, перемени обои, и будет…

Луначарский, присоединяясь к разгрому Академии, говорит, что «всякая наука вне марксизма есть полунаука». Воз-

мущение охватывает от этих слов, когда собираешь в себе свой естественный разум: отбросив даже теоретическую науку, трудно человека, работающего над туберкулезной бациллой, обязать марксизмом. Но понимать надо все эти фразы с ключом: Лун. хочет сказать, конечно, что половина работы ученых в капиталист. условиях попадает на войну и роскошь, тогда как в условиях осуществленного марксизма вся наука целиком будет помогать людям жить. Такое упование, и ему должна подчиняться наука. Но с точки зрения ученого «марксизм» такая же наука, как, напр., «геология». И ему непонятно, почему же одна дисциплина должна подчиняться другой, столь несродной. А если признать марксизм верой, то тем более понятно, что наука не хочет повторять давно пережитое в средних веках. Самое же главное сопротивление является из самого процесса творчества ученого: дерзновение на открытие нового питается непременно чувством личной свободы с обладанием абсолютной истины. Пусть разум ученого говорит об относительности всех истин и незначительной роли личности в истории, но гипотеза необходима, а гипотеза есть уже не коллективная, а личная догадка, и смелость для этой догадки питается силой, которую понять невозможно, потому что эта сила – мы сами, и мы не имеем возможности где-нибудь установиться, чтобы это исследовать, как землю не можем сдвинуть только потому, что не имеем опоры для рычага.

Развитие наук в истории связано вернее всего не с оскудением веры в Бога, а с бременем постижения его лично. Ученый часто говорит «нет Бога!», но это значит: нет Бога, в котором насильственно должна исчезнуть его личность. Такого рабовладельца он отвергает и занимается «законами» в тайном уповании, что и тут все – Бог. Ученый извне, «политически», атеист, а в творчестве непременно теист. Словом, ученый осуществляет свою веру методом, а не догматом. «Марксизм» же свой догмат выдает за научный метод, «закон» и тем самым вечно ищет в своем догматическом единстве овладеть творческим разнообразием жизни. Вот истоки столкновения коммунистов с Академией наук. Луначарский прав, печатая статью «С огнем не шутят». На огонь обыкновенно льют воду. И ученый, желая отстоять свою дисциплину, должен влить на огонь некоторое количество воды политграмоты. Все льют и заливают, «достижения» идут вопреки всему, это чисто органические достижения, на которых паразитирует «погремушка», а старики-академики только подливают масла в огонь. Луначарский уже опоздал, ссылаясь на мужиков, как на враждебную силу. Мужики теперь поняли свою ошибку и скоро все, как некогда шкрабы, пойдут в коллективы: им тогда и луг прирежут и трактор дадут. Есть расчет! Так жизнь постепенно рассосет, обмирщит догматику марксизма и ком-

мунизма, от всего останется разумное и полезное для личного органического творчества жизни, так, уже сейчас намечается у крестьян возвращение к старой «гамазее», т. е. общественной ссыпке семян. Прав Луначарский: не шутят с огнем, академики, лейте больше воды!

<*На полях*> «у них вечности нет».

К «Журавлиной родине». Я хочу написать о том, что вокруг происходит, разобрать идейно и психологически столкновение ученых, заступившихся за водоросль, с коммунистами, которые уничтожают вечно ценное и под предлогом защиты человеческой массовой жизни создают «погремушку». Найти материал для изображения секретаря ячейки. Мужики сопротивляются, как «академики». Секретарь умный, сам мужик, завлекает их выгодой не играть огнем, а лить на него воду. Избрать центральным «академиком» Николая Фадеича, потому что он, городской, может больше рассуждать и высказываться (напр., что «в советской власти нет вечности»). У Яловецкого узнать: чем может соблазнить мужика секретарь и чем должны поступиться мужики. В этом компромиссе отразить и вскрыть борьбу творческих сил в создании хлеба насущного. Секретарь побеждает или мужики – оставить в неясности. Как на войне: никто ничего не знает. Правда секретаря, вероятно, в том, что он смутно для себя в образе казенного оптимизма отстаивает общегосударственные интересы, а мужики в образе частных интересов – творческую личность в труде.

«Погремушка», т. е. осушение, происходит на периферии сознания деревни, и к этому деревня индифферентна, пока не расчухает, что магистраль-то проведена государством, а канавы придется рыть им.

«Погремушка» – это как государство – агитка, а жизнь деревни – это вся наша общественность.

Сходить сегодня в Исполком: Яловецкого и Жданова.

<*Газетная вырезка*> Известия № 9. Луначарский о марксизме:

«Ведь совершенно ясно, что буржуазная наука, т. е. западная наука, отпрыском которой была и наша, была искалечена, была искажена в угоду интересам буржуазии, ибо она отвергала такой выход из всего развития подлинной научной мысли, как марксизм, вывод, являющийся не только краеугольным камнем в построении нового обществоведения, но и приводивший к новому миросозерцанию, дававший для всех наук новый гносеологический подход. Для нашего времени наука без марксизма – это все равно, что

церковное миросозерцание в эпоху отвергнутого Галилея. Это попросту полунаука».

<*Вырезка*> Луначарский о крестьянстве:

«Борьба наша с этими элементами происходит в обстановке, когда имеется еще и третий враг, – самый дух темноты, косности, мещанства, безлико рассеянный по всей нашей стране. Сами носители этого духа очень часто не являются сознательными врагами; они представляют собой как бы пассивный объект, на который вздеваются, с одной стороны, новые пролетарские мысли, а с другой – старые, обывательско-собственнические. В этой среде, конечно, происходит расслоение. Из нее постепенно выделяется значительный массив, который уже более или менее сильно освещен лучами социалистической зари, дальше идет то, еще не дифференцировавшееся «болото», которое спит или медленно колеблется своими тяжелыми волнами то в одну, то в другую сторону. А еще дальше – мещанин, определенно злобный мещанин, тяготеющий к нэпману и кулаку.

Это относится, конечно, в первую очередь именно к индивидуалистическому крестьянскому хозяйству. Эти процессы ввиду массовости деревни, ее исключительной роли в общем нашем хозяйстве, имеют для нас особый интерес. Борьба происходит напряженная. Каждый раз, как мы встречаемся с обострением трудностей, обостряется и эта борьба. В нынешний момент, когда громаднейшие и труднейшие задачи борьбы за урожайность, связанные с социалистической реконструкцией деревенского хозяйства, встали перед нами грозно, мы замечаем оживление среди наших классовых врагов, попытки использовать эти трудности в своих целях и дать энергичный бой, который сорвал бы наше продвижение в деревне».

Не надо пугаться ни такого марксизма, ни такого крестьянства. Все гораздо проще. Формировка государства истощает граждан, и они вопят. Идеи бессильны. Вопрос о хлебе. Зло крестьянства: их местные интересы. Уступить – все разберут, города вымрут. Прижимать – останутся без хлеба. Уступить идею Ленина – все уступить.

12 Февраля. Свирепый мороз сегодня сломался. Тихо, не холодно, и снег идет.

Очень люблю быть в лесу, когда идет снег, и слушать беззвучный, интимный разговор прикосновениями белых снежинок и темно-зеленых хвой. Только бы не было ветра, а то тихое падание снега имеет и в открытом поле свою прелесть: так много падает впереди, оглянешься – и направо много и налево много, везде много и везде там, где не видишь, чувствуешь новые великие массы.

Лисица уже 9 суток в норе. Сегодня ее выкапывают. Но едва ли удастся, в <*1 нрзб.*> норе много отнорков. Палкой расщепленной лисью шерсть достают, обнюхивают. В отнорках множество зимующих комаров и тепло: пар идет.

14 Февраля. Был у прекрасного зубного врача и выслушал обычную жалобу порабощенной творческой силы.

За две недели от приезда из Питера написаны след. главы: 1) «Ночная красавица» (3 т.), 2) «Маралово» (6 т.), 3) «Ток» (2) – 11 тыс., набросано: 4) «Замошье». 8 т. (сюда: «Экскаватор»), 5) «Заболотье» (6 т.).

1) «Замошье». 2) Не написано: по Дубне – «Экскаватор». 3) «Заболотье» (Клад.). 4) «Ночная красавица». 5) «Маралово». 6) «Ток». 7) «Коллектив». 8) «Берендеево царство». 9) «Утро свободы» и другие рассказы вместе с творчеством Алпатова. 10) «Фокус действия». 11) «Маленький человек». 12) Не написано: фенология осени с нарастанием слухов об экскаваторе. 13) «Похороны озера». 14) «Утонул».

15 Февраля. Спит разум, но сердце работает днем и ночью без отдыха, ни воля, ни разум, одно только сердце создает сновидение. Бессмысленны все «толкователи» снов. В этих извилистых тропинках своего сердца только я один сам для себя что-то понимаю и могу разбираться и никого не могу взять с собой на прогулку и, наконец, не могу об этом сказать, потому что спит разум, нет слов. Но сердце продолжает ночную работу и днем, когда разум встает, умывается. В эти минуты готовности разума снисходительно думать о том, что делало бессмысленное сердце во сне, в этот предрассветный час я берусь за перо и стараюсь записать эти редкие моменты дружбы разума, воли и сердца. Влияние ли такой согласной работы в предрассветное время или, может быть, такой порядок существует и вне меня, но весь заутренний час и восход солнца являются мне, как подтверждение моей работы и великое распространение меня во всем и всего мира во мне.

Жутко думать о том мальчишеском времени, когда, поймав воробья, зажимал я его головку между средним и указательным пальцем, делал рукой сильное движение, и голова птицы падала к моим ногам, а тело отлетало, падало и прыгало без головы. И сейчас огромное большинство деревенских мальчишек делают так, редкому «натура не дозволяет», но в большинстве случаев такой мальчик потом или не жилец, а если выживет, то не делец. Можно, конечно, повлиять на мальчишек, остановить, воспитать, они не будут рвать зря птицам головы. Но не в том, так в другом эта потребность возникнет,

мы можем обезвредить ее, но истребить невозможно: Deus caritatus* является с годами, после большого организованного труда, и мне гораздо понятней все, если этого бога мило-сердия, называть богом у-сердия, т. е. что человек тогда начинает щадить все живое, когда разум его согласовался с деятельностью сердца и человек стал у-сердным, значит, весь поступающий в его голову материал вгнездился в сердце, усердился. На этом основано «раскаяние» преступников, с одной стороны, и существование милосердных законов, отменяющих казнь и дающих преступнику время одуматься.

Марахин и «полковник» – нельзя ли их вгнездить в обоз? Прочитать тетрадку этой зимы.

К главе: я в ловушке, я – тип. С далеких гимназических времен, когда мы писали сочинения о «типах» Гоголя и когда, встречая на улице в Ельце смешного человека, нахала, или очевидного дурака, говорили: «Вот тип»! – не было мне ничего страшнее этого слова, и если бы я хотел себя видеть окончательно уничтоженным, то представлял себе, что кто-нибудь о мне самом скажет: «Вот тоже тип!» О, как я понимаю семьи старых елецких купцов, что когда звонился к ним неизвестный, лучше их одетый и с *<2 нрзб.>* человек вроде Чичикова – они *<2 нрзб.>* и разбегались по комнатам, а сам хозяин открывал форточку и ругался:

– Николка, сукин сын, спусти кобеля!

Я понимаю, лесные народы, не имевшие личины, боялись глазу, боялись в типы попасть. И вот я теперь тип несомненный.

Председателю Сергиевского Союза Охотников
Михаила Михайловича Пришвина
Заявление

В мае прошлого года П. Д. упросил меня уступить ему за 50 р. моего годового щенка Дубца. Я дал согласие и сдержал свое слово, несмотря на то, что в промежутках времени от переговоров в *<1 нрзб.>* и прибытием Д-а за собакой, покупатель из Москвы, о котором может засвидетельствовать зав. кровным собаководством А. Чумаков, давал мне 100 руб., т. Даувальдер взял собаку и дал мне 25 руб., обещаясь в течение лета отдать остальную сумму. Вместо этого в конце охот. сезона, в Сентябре, он прислал мне собаку с письмом, в котором писал, что собака никуда не годная и я могу ее или застрелить, или подарить кому-либо «от его (Д-а) имени».

Проверив собаку, я убедился, что она запугана жестоким обращением и плохим питанием. Усилив питание и применив исключительно ласковое отношение в остаток охотничьего

* Бог милосердный (*лат.*).

времени, я добился того, что Дубец отлично пошел по бекасу, проявляя необыкновенное чутье и очень вежливый поиск.

Т. Даувальдер, услыхав через знакомых о моей удачной натаске, в Январе с. г. обратился с письменной просьбой возвратить ему 25 р. денег, аргументируя тем, что я «ничего не потеряю». Возмущенный поведением Д-а, я ничего ему не ответил. Тогда он прислал еще письмо, с требованием денег и обратным аргументом: «Собака была мной продана никуда не годная». Я опять не ответил. Он прислал посыльного. Я сказал: «Ответа не будет». После этого Д. прислал письмо, в котором угрожает мне «административным взысканием».

К названным фактам, которые могу подтвердить как письмами Д., так и свидетельством т. Чумакова (о предложении мне 100 р. за щенка), равно как восторженными письмами покупателей братьев и сестер (экземпляры того же семейства) Дубца, считаю нужным сообщить следующее: вследствие моей уступки собаки т. Д-у я, во-первых, получил вместо 100 р. всего 25 р., во-вторых, потерял время для натаски ненужной мне собаки и при невозможности продать ее с окончания сезона шестой месяц уже ее содержу. Согласитесь, что молчание мое было самым милостивым ответом лицу, столь мало понимающему в натаске собак и элементарных человеческих отношениях.

Будучи сам лично глубоко возмущенным, я не в состоянии вести переговоры с т. Д. и обращаюсь к Вам с просьбой, если возможно, убедить его отказаться от своих требований или предложить ему третейский суд.

18 Февраля. Сегодня за вечерним чаем получил телеграмму от председателя Моск. Союза охотников Параск...: «имеем две берлоги». Телеграфировал согласие. В пятницу 22-го едем. Е. П-на уже начала собирать меня. С этого часу в моем литературном уединении поселился медведь. Думы с разных сторон, и что очень хочется взять ответственное место при стрельбе, но и неловко, никогда не стрелял медведя, могу не уложить и все испортить. И еще думается, необходимо дать телеграмму Рябинину, просить фотографа. Удовольствие небольшое появиться в «Охотнике» с медведем, но в этот раз проболтался в редакции, обещал, и отказать неловко. А еще вспоминается торжественное описание охоты Александра II на медведя, замечательное тем, что описание ведется в торжественно-почтительном тоне, а между тем все устраивают, всем распоряжаются два помещика Дудин и Прокудин, повторение этих имен всегда рядом при почтительно серьезном, почти подобострастном описании производит гораздо более комичное впечатление, чем у Гоголя Добчинский и Бобчинский. Попрошу Рябинина прислать двух фотографов. Дудин и Прокудин совершенно необходимы, потому что в

век экспрессных штуцеров нет возможности описать охоту на медведя совершенно серьезно. Избираю себе оружие гладкоствольную двадцатку Лебо с пулей Жокана. Есть винтовка, но телескопическая, а навскидку с <*1 нрзб.*> стрелять не упражнялся.

Пристрелка винтовки grellfeld'a*.

	Число пуль
1) 200 шагов прицел 300	3
2) Если ниже, то поднять прицел слишком высоко или тогда еще з<атвор> и добиться попадания в центр	3 Возможно, выйдет или все еще низко,
3) Тот же <*1 нрзб.*> на 100 шагов, но целиться под яблоко.	
4) Тот же прицел на 250 шагов, но целиться в верх яблока.	3
5) Тот же прицел на 50 шагов, узнать, насколько брать ниже	3 пули

Итого 15 пуль. Будет достигнута возможность одним прицелом сделать от 50 до 250 шагов.

19 Февраля. По этой программе выпущена 21 пуля, и результаты следующие:

Прицел 300 годится для стрельбы от 100 шагов до 300, причем на 100 шагов надо целиться под яблоко с пропуском белой полоски, т. е. на 2½ вершка, а на 300 в макушку яблока, т. е. на 2½ вершка выше цели. Центр попадания находится (прямой выстрел) между 200 и 250 (в первом немного выше, <во> втором – ниже).

<*1 нрзб.*> от вершка до двух.

Следующий опыт.

Найти прицел от 300 шагов до 500.

1) Поднять прицел на сектор, равный от 100 до 300, и ударить под яблоко на 300 шагов, потом на 400 в центр и на 500 в макушку яблока.

2) Стрельба с прицелом 100: на 50 под яблоко, на 100–150 – в яблоко и на 200 в макушку.

20 Февраля. Вчера просверкал золотой день весны света, морозило на солнце – борьба, и в полдень капель. Ночью луна яркая, и сегодня рассветает уже в шестом часу.

Если все благополучно сложится, завтра выезжаю в Вологду на медведя.

---

* Название немецкой фирмы.

Вчера вечером распутывал историю, совершенно непонятную без предварительных объяснений, действующие лица: старообрядка Рогожского кладбища (Елизавета Васильевна Соколова) – жена сосланного станового пристава, княгиня Трубецкая, какая-то старая генеральша, сын мой Петя и прекрасная Зоя. Хуже всего, что всю эту историю за тонкой стеной подслушивали два еврейчика.

Все вышло из-за того, что старуха погорячилась и хотела ускорить естественный ход событий, подослала княгиню: «Надо выяснить». Мой разговор с Петей: «Ты можешь иметь много женщин, но для хорошей девушки бывает один: ты ее смутишь и уйдешь, а ее жизнь будет загублена – это девичья трагедия». – «У нее так и будет», – сказал Петя. «Как же ты, уже зная это, ходишь в их дом, зачем ты ходишь?» – «Я не буду ходить». Но сам так устроил, что теперь его просят ходить.

С Петей у нас охотничьи отношения, а где-то в сокровенной глубине его, я чувствую, таится почти враждебная мне индивидуальность… С Левой он тоже не близок. Только мать. (Тайна Пети.)

Лева становится истинным графоманом. Приезжает раз в две недели. Несколько минут с приезду просидит и начинает читать. Потом идет спать. В охотничьем деле нас разлучил с ним первый убитый им вальдшнеп: убил, вообразил себя охотником и перестал меня слушать, хотя охотником не сделался. Боюсь, что теперь приближается то же и в литературе: напечатает один рассказ, возомнит, и конец.

Сегодня в ½11-го пломбировка зуба.
В 11 часов звонить о медведе. Взять 100 рублей. Бутылку коньяку. Ветчины.

23 Ф<евраля>. Сегодня в 10.30 выезжаем из Москвы на медведей. Чуни вместо рукавиц.

<*На полях*> Все путешествие за медведями 5½ суток.

1 Марта. Сегодня с поездом 8 ут. возвратился с медвежьей охоты, которая была исполнена так: выехали в 10½ вечера из Москвы, приехали на ст. Вандош в воскресенье 24-го вечером и поехали к Павлу Васильевичу Григорьеву за 7 верст в <*1 нрзб.*> (лунная ночь). В понедельник 25-го был убит первый медведь, во вторник 26-го – второй, в среду 27-го вскрытие медведя, расчет и проч. В четверг 28-го в ½6-го утра отъезд со станции Вандош и в пятницу 1-го Марта в 8 часов утра триумфальный въезд в Сергиев.

Проезд по ж. д.	– 13 руб.
Берлоги	– 146 р. (9 р. пуд.)
Подводы 3 по 3 р.	– 9 р.
5x4	– 20 р.
7x2	– 16 р.
1x3	– 3 р.
	– 194 р.
6 руб. женщинам.	– 200 р.

<*Приписка на полях*> Завтра: 1) Почта. 2) Судебное дело. 3) Камушек. 4) Медвежья тетрадь.

Завед. фотоотделом Мосторга Румянцев.

Зампред охотсоюза Вологда Александр Александрович Василевский – выписать план Каргопольского уезда, копию Нименской дачи, сумку.

2 Марта. Чем счастлив бывает иногда человек: Гоголя не читал и вдруг сделал открытие: Гоголь великий писатель! У нас в СССР много таких граждан. А я в своей специальности, охоте, ни разу в жизни не стоял у берлоги, и вот теперь, пожилой человек, испытав эту охоту, могу рассказывать о ней с таким же пылом, как некто, открывший Гоголя.

Одни говорят, будто первое впечатление всегда обманчиво, и проверяют его яркость, обращая яркое впечатление в серый факт. Другие, напротив, отдаются первым впечатлениям как единственно верным источникам познания. Я принадлежу ко вторым и верно могу говорить только о том, что впервые увидел своими глазами и удивился. Весь вопрос для меня только в том, чтобы увидеть именно своими глазами. Сколько раз я видел и в зоологическом парке и на улицах медведя, видел и не видел, потому что зверь был в плену, в унижении, как говорят: сам не свой.

Весна света.

Окна в полдень оттаяли, а к вечеру вновь закрылись, но такими тонкими узорами, что сразу по ним запрыгало сердце: опять, опять еще одна приходит весна!

По Московской улице сваты везли сундук с приданым и постель новобрачной в дом жениха. На сундуке сваха и сват, выпившие, притворяясь вовсе пьяными, давали свое представление. Прохожий старик, заметив, что я улыбался, тихо спросил меня: «А дозволяется?»

7 Марта. Лева едет в Питер в субботу 9-го (10-го пристрелка – Разумник, понедельник – вторник – среда). Четверг

Лева утром возвратится, у него на квартире встреча с Петей, Андрюшей и позже к Дуничке.

Наказ Леве.

1) Телеграфировать Дуничке.

2) Телеграфировать Охотн. газету в 12 ч. дн. <*1 нрзб.*> Борису Михайловичу.

3) «Огонек» 12 ч.

Весь очерк 1 печ. лист – разделяет на 2 части по ½ листа. С А...М... по 300. Показать снимки и отдать их Пете в тот же день. «Право перевода». Сокращать нельзя, если хотят, то известить, сделаю сам. Вторая часть – четверг. Выяснить о книжке.

4) Замошкину: воскресные блины.

<*Приписка на полях*> 1) Телеграфировать Дуничке.
2) Телеграмма Разумнику.

9 Марта. Закончены «Медведи».

Итак, ровно неделя охоты и столько же дней описание.

В среду Петя отдает в Огонек 2-ю часть, в четверг (14) еду поздравлять Дуничку и узнаю...

С 15-го (пятница) сажусь за «Родину».

12 Марта. «Будьте как дети!»
(брат Саша, мужики, купцы, веселье и боль).

13 Марта. Весь день мокрый снег. На деревьях висят капли воды. Возможно, это первая за зиму оттепель станет весною воды.

Клад – шары: игрушка. Тайна творчества – это тайна игрушки.

Помню очень хорошо тот день в Петербурге, когда мы увидели на Дворцовой набережной первый автомобиль, и за городом, где-то за Новой Деревней, встречаем первый аэроплан. Теперь аэроплан – это почта или государственная оборона, тогда для всех нас он был игрушкой. Мы все стали как дети, удивлялись, забавлялись, восхищались, напирали радостно, давили беззлобно друг друга, чтобы протиснуться поближе к машине, мечтали вслух, незнакомые друг другу, о душевных переменах людей, когда все они будут летать. Итак, вспомните: все новое из личных рук его создателя переходит в руки общества непременно в форме игрушки, а когда оно применяется потом для действительной пользы, то сливается с нашими буднями, и мы перестаем ему удивляться и замечать.

Творец создает, играя, новую вещь и непременно передает ее обществу в форме игрушки. И если общество хочет быть

само, как творец, оно непременно должно заниматься своими делами, играя. Оглянитесь, друг мой, вокруг себя на серьезных людей, разберите их жизнь до конца, и вы увидите, что если серьезный человек не совершенно забит и не туп, как обух, тайная пружина его жизни непременно игрушка. Наши деды и отцы строили очень серьезные мины труда и забот только для того, чтобы нас, детей, подготовить к возможным слезам на пути к великой игре взрослых, потому что в жизни непременно, как во всякой игре, будут первые и последние. Раскрывая себе секрет серьезных *мин* наших дедов и отцов, подумаем и о наших ребятах. Не будем запугивать их, как делали наши отцы, скажем им откровенно: счастье человеческой жизни, смысл и дело ее не в труде, а в игре, надо устроить жизнь свою так, чтобы весь повседневный труд был направлен к игре и через это стал легким. Мы воспитаем внимание у детей-победителей к слабым, горбатым, слепым, убогим, чтобы они не завидовали нам, а в потаенных уголках определенной им жизни восхищались игрушками и тоже были как дети.

Моя мать – ребенок, и рядом с ней ее дочь, которая всегда говорит ей: «Ты ребенок!» Я и вокруг меня неудачники: Миша Герасимов, Киселев, Коноплянцев, Григорьев и особенно Рязановский.

Ошибка неудачника в том, что себя он считает обиженным, тогда как другим доставалось как будто даром, а между тем настоящий творец был сам когда-то тоже в унижении и преодолел его.

Движение весны.

Накануне Евдокии (1-14 марта) оттепель и в четверг 14-го летел снег, и на деревьях висели капли воды. В пятницу вечером схватил сильный мороз.

15 Марта. Это был один из последних вечеров весны света, когда в тишине при морозе и полных, нетронутых снегах светит вечерняя заря, и молодой рог месяца со своею вечерней звездой до того показно является на небе, что даже в самом тяжелом состоянии духа я не мог от них отказаться. Правда, месяц с весенней зарей и звездой не постоянно были у меня на виду, они то показывались, то исчезали. Они показывались мне, однако, без внутреннего своего значения, а чисто графически, рожок и блестящая пуговица. Их появление на фоне моего помраченного сознания сопровождалось каким-то почти неприятным чувством, и я передал бы его так: «Все было и прошло, зачем же мертвые появляетесь вы и просите чувств, которых нет больше ни у вас, ни у меня». Мне было очень плохо на душе, и там на небе перестало являться мое лучшее.

Но когда я поздно ночью возвращался домой несколько успокоенный, небо, при самом всесильном морозе переполненное звездами, радовало меня, и я с обычным глубоким вниманием поглядел на рожок месяца, теперь очень низкий, и отметил невидимую раньше мне особенность: в этот раз рожок не был, как всегда, серебряным, а красным, мне казалось всегда, что красным является нам месяц только старый и полный, а вот что совсем молодой и красный, этого я никогда не видал. «Жив, жив!» – сказал я себе, очень обрадованный. И так было мне понятно, что жизнь моя вполне связана с ними, и что все силы надо устремить к тому, чтобы не потерять с ними связь.

Особенность характера Павловны.

Я был потрясен грабительской бумажкой фининспектора, расстроен до последней степени. И Павловна знала об этом. Собираясь к защитнику, я стал одеваться и попросил у нее необходимый мне шнурочек. Это был красный крученый поясок, когда-то купленный ею для меня за 30 коп. Сегодня я прицепил его к ружью, и она, заметив это, потихоньку от меня его отвязала и спрятала: по ее мнению, нельзя было расходовать его на поганый ремень. Теперь он совершенно был мне необходим, чтобы одеться. Я просил ее, она молчала. Я начал требовать. Молчит. В моем полном душевном расстройстве от бумаг фининспектора и прерванной работы эта мелочь врезалась мне, как нож в сердце. Я начинал бесноваться… Так было множество раз раньше, бывало, я доходил в припадке до того, что бросал вещи, колотился о стену, схватывал ружье. Но она оставалась неколебимой. Теперь, зная по опыту, что она не уступит, я затих и вышел на улицу, удрученный такою страшной жестокостью, непонятно живущей в добром и любящем человеке. Неужели же она не знала, что я безумно работаю и все отдаю им на житье, что я сейчас бумажкой фининспектора расстроен до последней степени. И вот все-таки она поставила на своем и сохранила поясок.

Я могу поманить ее, она поедет со мной на Камчатку, а дом бросит. Я вообще могу лаской убедить ее выйти из дома, в чем есть, и все бросить за собой. Но я ничего не могу с ней сделать, если ей вздумалось поясок в 30 к. ценой поберечь и не дать мне. Вспоминаю сцены, из-за таких пустяков довольно опасные: она могла бы серьезно потерять меня. Она именно этим самым сделала когда-то, что я не был с ней два года. И все-таки…

Все объясняется соединением женской «мелочной» природы, поддержанной деревенским воспитанием. Эти пустяки – корки того мира, который большевики хотят разрушить, применяя к жизни учение Карла Маркса.

Семейная драма Толстого объясняется вовсе не <тем>, любят они друг друга или не любят, а вот этой борьбой двух

миров. У меня поясок, а там, очень возможно, какие-нибудь отруби: Софья Андреевна заметила исчезновение отрубей и стала сама их выдавать, в то время Толстой писал о любви к людям, и она за это его возненавидела. Это чувство ненависти воплотилось в отруби, а Толстой однажды, зная, сколько он зарабатывает, улыбнулся, когда графиня пошла сама выдавать отруби, из-за чего она чуть не отравилась, а он… Но бывают же разумные женщины, которые преодолевают в себе это «мещанство»? Ошибусь ли, если скажу, что они преодолевают вместе с тем в себе и женщину – так что отношения полов при этом бывают ослабленными и невыразительными (драма Толстого, как обнажение пола).

В этой привязанности к мелочам сказывается сила материнства, это выражение власти матери. Посредством отрубей Софья Андреевна выражает свое господство матери, и Лев Николаевич в это время для нее просто ребенок, его творчество – его игрушка или самое большое «дело», т. е. с женско-материнской точки зрения, то, чем занимается каждый мужчина, что является его обязанностью (это дело в понимании женщины то самое, о чем говорят: «не в этом дело»). А настоящее дело в том, что она ему теперь уже не только мать его детей, а и мать его самого со всеми его игрушками – делами.

Так иногда пустяк, какие-то отруби или поясок в 30 к. противопоставляются в значимости всей творческой личности, и она перед этим пасует.

15 марта мне была представлена книжка на уплату подоходного налога в тот же день 2407 р. 50 к., начисленного на доход с 14 180 р. с надбавкой налога на местные средства в 50%.

Сувенир	– 1
Приход Горького	– 1
Происхождение искусства	– 2
	1
Мельница Дон Кихота	3-3
	1
Анализ марксизма	4-5-6
Сикушки	6
Павловна о марксизме	7
Речь охотника (х..)	8-11
Анализ марксизма	8-11
Казацкая душа	11
О рассказах «Сыр» и «Змея»	13
Пейзаж праздника 7 ноября	13

Неудачник	18
До чего довели	21
Пошли человека ловить (начало рассказа)	21

Приходится бороться. Моя аргументация.

Недоразумение происходит от непонимания фининспекцией на местах условий литературного производства, исключительных в отношении производственных издержек, на основании чего центральным правительством признано отнести труд литератора к категории рабочих и служащих.

Мне известно, что в инструкции о взимании подоходного налога с писателей есть пункты, на основании которых производственные издержки исчисляются до 25 % дохода. Мои производственные издержки превышают во много издержки огромного большинства литераторов, потому что известно, что я беру свои материалы из живой природы и делаю за свой счет сложные опыты: содержу питомник собак, езжу *<1 нрзб.>* на полгода для исследований и т. д.

В центре, где понимают условия моего производства, по одной книге моей понимают, чего она стоила, на месте я более двух часов агенту финотдела объяснял это и все-таки остался непонятым. Все полученные мной деньги я пускаю немедленно в оборот, расширяя свои опыты. Я уверен, что ¾ своих доходов, а может быть и больше, я расходую для квалификации своего производства. Я не могу этого доказать цифрами, *<3 нрзб.>* книг и потому могу настаивать лишь на устранении от обложения ¼ дохода.

Тем самым непониманием литературного производства объясняется и обложение меня местным налогом в 50 % наравне с торговцами.

Всякая просвещенная власть должна дорожить, что в их краю живет советский писатель и черпает материалы их местной жизни. Здесь же в Сергиеве мне ставят условия, в которых я должен продать дом, разорить все с большим трудом налаженное производство и спасаться в Москве, где уже и без того жизнь перегружена.

К этому считаю необходимым отметить обстоятельства, *<3 нрзб.>* Сергиевского финаппарата при взимании налогов. Ко мне является агент, подробно исследующий условия моего труда. Я ему все открываю и в заключение спрашиваю, может ли он мне определить приблизительно затем размер суммы, которую я должен приготовить. Он мне отвечает определенно: около 800 руб.

Приходит срок платежа. 15-го марта мне вручают повестку с окладом не в 800 руб., а в 2407 р. 50 к., причем последний срок первого платежа назначается в этот же самый день вручения повестки.

На основании изложенного я прошу исключить от обложения, во-первых, ½ дохода валового, во-вторых, имея в виду мою деятельность по просвещению местного края, взять с меня минимальную надбавку на местные средства.

В СЕРГИЕВСКУЮ НАЛОГОВУЮ КОМИССИЮ

Плательщика подоходного налога
Михаила Михайловича Пришвина.
Сергиев, Комсомольская, 85, платежная книжка № 7.

Заявление

Заявляю, что вследствие особенностей литературного труда вообще, и в частности моего личного, произошло недоразумение при обложении меня налогом, вследствие чего не были приняты во внимание мои производственные расходы.

Занимаясь 25 лет литературным трудом, материалами которому главным образом служат краеведческие исследования, я на путешествия и разного рода опыты трачу средств гораздо больше, чем литератор, имеющий дело не с живой природой, а только с библиотеками. В начале моей литературной деятельности эти расходы брала на себя Академия Наук, Географическое общество, крупные газеты и журналы. В эпоху революции меня поддерживало Организационное бюро Госплана при исследовании кустарных промыслов, потом Рабочая газета при исследовании производства торфа и друг<ие>. Три года тому назад Государственное издательство приняло на себя задачу издания собрания моих сочинений с ежемесячной выплатой мне 500 р. в месяц. Получая, таким образом, нечто вроде ренты за 25 лет труда, я получил возможность делать свои исследования независимо от научных учреждений, а также газет и журналов.

Лучшая возможность проявления инициативы в своем деле быстро повысила мою производительность и привлекла к моему имени все существующие органы. Получая от них заработок, я обращал большую часть его на новые исследовательские опыты, почти совсем не изменяя личного образа жизни. Вот это обстоятельство, т. е. неизмененный образ жизни, привело меня к большой ошибке, которую я допустил при составлении последней декларации. Книги доходов и расходов я не веду, неустанно работаю, получаю деньги от разных журналов в разное время, сейчас же пускаю их в оборот, имея в виду исключительно создание чего-либо нового. Для любого литературного эксперта при исследовании любого моего расхода очевидна огромная затрата денег и времени для добывания материалов.

Беру для примера мой последний очерк «Медведи» в «Огоньке». Чтобы написать его, я истратил три недели време-

ни: одна неделя на поездку в Каргопольский уезд для охоты на медведя, вторая неделя на писание очерка, третья на отдых после такого опыта, имевшего в этот раз характер серьезной опасности для жизни.

Я получаю за труд 600 руб. Издержки производства: 1) Берлог. 65 р., 2) билет до ст. Зав... туда и назад 26 р., подвода за 30 верст от села по таежному бездорожному лесу, труд по извлечению убитого медведя из леса и другие местные расходы 25 р. – всего 116 руб. К этому я должен прибавить расходы на содержание хорошего оружия, а также и то обстоятельство, что написать рассказ о медведе гораздо труднее, чем убить его, что, может быть, из четырех подобных опытов один даст мне возможность написать рассказ.

Точно такую же калькуляцию я мог бы сделать относительно всех моих известных рассказов о собаках, для наблюдения над которыми я содержу за свой счет целый питомник и для натаски их провожу в болоте все время. Повторяю, что такого рода труд возможен только 1) или при поддержке государственных учреждений, как было до революции, 2) при ренте с сочинений, написанных за 25 лет литературного труда.

Если бы я вел книги с учетом содержания каждой собаки, расходов по каждому добытому мной зверю или птице, которых я описываю, каждой поездки для изучения быта людей и т. п., то такого рода работа лишила бы общество не одной моей книги.

Я составил настоящую декларацию, руководствуясь суммой обложения моего за прошлый год от 700 до 800 рублей и расходы мои на производство составил так, что они приблизительно составили 25%. Я сделал крупную ошибку в показаниях дохода, главным образом, потому, что перепутал год печатания романа «Кащеева цепь». После того как следователь финотдела сообщил мне большое расхождение моего показания доходов с имеющимися у него сведениями, я дал в декларации объяснение, почему так вышло, прибавив к этому, что производственные расходы мною были также сильно преуменьшены. А после того как запрошенный мною о возможной сумме налога следователь назвал мне сумму 800 руб., я не стал прописывать о расходах.

Неожиданное для меня обложение в 2400 руб., притом в такое время, когда литературный сезон кончается и силы для нового литературн... *<1 нрзб.>* израсходованы, ставит меня в необходимость продать дом, который служит мне мастерской для моего производства. Вместе с тем я должен буду уехать из Сергиевского уезда, сократить свое производство, может быть, совсем прекратить обслуживание периодической прессы и довольствоваться рентой от собрания сочинений. Я думаю, это будет невыгодно для государства, в частности, и для Сергиевского финотдела.

Сознавая свою оплошность при составлении декларации, я в свое извинение могу указать, в свою очередь, оплошность даже и таких по идее своей точных учреждений, как Финотдел: утром 15-го марта вручается повестка о налоге, причем последним сроком внесения этого налога назначается то же самое 15-е марта, а 16-го марта с меня берут пени в два рубля. Такого же рода оплошностью я считаю невнимательное отношение следователя при опросе меня, полное пренебрежение к особенностям литературного труда, равно как и его легкомысленное объяснение о <*1 нрзб.*> мне сумме налога.

Мною даны фининспектору сведения о минимальных моих расходах на произведения, составляющих 25% моего дохода, на самом деле они составляют по всей вероятности процентов 50.

Вследствие всего изложенного, прошу исключить от обложения 25% моего дохода.

17 Марта. Мороз. Пламенный восход. Весна света продолжается. Алпатову стукнуло 56 лет, а он ранней весной всегда непременно видел во сне Ину Ростовцеву. Во время этого сна его сердце бывало совершенно как струнный музыкальный инструмент: это больно, <а> если по чувствительным струнам водят смычком с канифолью, то и удивительно, волшебно прекрасно... Виделись какие-то комнаты, в них была мебель и какая-то человеческая жизнь. Она приходила сюда и уходила без слов. Встречались и не смели ничего сказать друг другу. Наконец раз он, ожидая ее, поставил у зеркала ее портрет того далекого времени, когда она была его невестой. Вот идет она. А портрет с зеркала куда-то исчез. Он подходит к ней. И вдруг откуда-то брат Коля с ее портретом в руке, и так все выходит, что портрет сразу раскрывает им друг друга. «Сегодня вечером, – говорит она, – я буду в Серкове». Алпатов отвечает: «Я приду туда, мы будем гулять». После того с планом Москвы в руке Алпатов ищет Серково, находит, отправляется туда и с таким невыразимо радостным трепетом повторяет слова, которые он скажет ей. Он скажет ей, что долгие годы он ждал ее, пока встреча стала возможной только лишь чудом, и вот это настоящее, единственное чудо совершилось...

Сон. В действительности таким чудом является, конечно, моя поэма о любви Григория Отрепьева, его письмо к Пресвятой Деве Марии с подписью Ваш будущий Григорий. Чудо совершилось.

В буднях сердца людей утомляются, стареют, и даже самые лучшие отношения, похожие на перекличку через стены глухих голосов... Но случается, встречается человек и стены рушатся. Как же сделать жизнь, чтобы сердце не заплывало жиром и всегда было начеку... Все эти посты в православной церкви, перемены в <*1 нрзб.*> и возникли согласно с перемена-

ми в природе, направлены к тому, чтобы сделать сердце настороженным, создать чуткие будни у человека.

Фининспектор не обязан быть знаком с поэзией.

«Кащеева цепь» т. I – 9 книг.
« » т. II – 9
«Охота за счастьем» – 9
«От земли и городов» – 9
«Колобок» – 7
«Родники Берендея» – 17

Оптический прицел
Влево – вертеть на себя.
Вправо – от себя.
Лонг – до 70 шагов чуть выше.
Боевой us- – левый ус: прострелено на 70 шаг.
Купить: 1) конверты, 2) тетрадь, 3) щетки, 4) Жданов. Семейная жизнь Толстого, 5) сапоги заказать.

Многоуважаемый Леонид Сергеевич, по уговору с фотографом, он должен был в понедельник прислать все свои снимки, чтобы, глядя на них, я мог строить свой рассказ и слить их содержание с литературным текстом. Между тем вот уже вторник проходит, а фотографий нет. Я <*1 нрзб.*> написать эту вещь одним духом и все кончу в конце недели, а без фотографий может случиться, что моя работа примет форму, неподходящую для иллюстрированного журнала. Примите меры к скорейшей присылке или предупредите, если снимки не удались. В конце недели я работу закончу. Выяснилось, что вся она займет приблизительно один печатный лист и будет состоять из двух очерков по ½ листа, которые можно читать в двух разных журналах, но, конечно, лучше в одном с продолжением.

21 Марта. Снег еще не тронут. Ночью морозы. Но изо дня в день все ярче солнце. И сегодня стало жарко на снегу, невыносимо сразу после стужи и мрака такой свет, такое тепло. Еще немного, и северная кровь для такого солнца будет бессильной, нужны огромные красные губы, черное тело и глаза – блестящие угли на белых тарелочках.

Раевский, в 32 года совершенно седой и старый, рассказывал, что на войне его доконала, главным образом, неожиданная ему жестокость образованных людей. Раньше он верил в образованных и благоговел перед каждым с университетским значком.

Тоже на войне видел он, как образованный велел встать человеку с простреленным животом и смотреть в воду, а сам

сзади дал в затылок ему из нагана. Где это было, когда – в императорской войне, или гражданской, кто был «образованный», офицер или большевик, Раевский забыл сказать.

22 Марта. Москва. (9-е – Сороки). Как и вчера солнечное утро после мороза, и потом раскисло. С обеда солнце закрылось. С крыш льет. Видел первого грача.

Пристрелка лонгами Саведжа.

1) До 100 шагов, правый рожок против Е – Е, причем, если целиться в птицу, то целиться выше точки попадания, но не выходить за пределы птицы (тетерева). Вероятно, до 50 шагов, наоборот, брать чуть пониже. Последнее надо проверить.

1) При 150 шагах прицел на S: нижний правый рожок против правой стороны S: попадет чуть выше и чуть влево. Значит, если, напр., 120 шагов, то если на Е, то надо брать значительно выше, а если на S, то порядочно ниже.

2) На 200 шагов можно бить на S, если целиться повыше приблизительно на целую птицу.

Неудачная стрельба боевыми патронами. Прошлый раз несло вправо, сегодня почему-то влево. Из этого следует, что телескопа не переставлять по горизонтали до тех пор, пока не будет достигнуто постоянство попадания сначала на 100 шагов, а потом и на 200. И лучше всего, найдя постоянство попадания, научиться при том же телескопе попадать, целясь вправо или влево, чтобы на охоте не вертеть ключом.

Если завтра в Москву, то нужно сделать следующее:

<*На полях*> Сделано. 1) В 10 у. к Сатинскому заказать иностран. лонги, поговорить о патронах Саведж, о Белозере: т. е. взять адрес человека, которому я сделаю запрос.

<*На полях*> Нет, 2) В 11 у. «Моск. Охотник», 1) о «Медведях», 2) о весне, о тройнике.

3) Сапоги заказать, калоши купить.

Если останется время, то позвониться к Замошкину и повидаться с Полонским.

23 Марта. Ночью легкий мороз. Днем подул теплый ветер, небо закрылось, и до ночи заморосил дождик. Я видел из вагона, какая-то небольшая речка обозначилась на снегу снегом же, но нежнейшего цвета аквамарина. Дороги очень резко обозначились на белом. В городах дороги стали навозом, и на горах крестьяне мучат лошадей. За один день почти весь снег с крыш сошел. Я вернулся из Москвы засветло и очень обрадовался, увидав свой домик в летнем виде, без снега на крыше.

Писатели-«попутчики» собираются идти к Сталину жаловаться на пролетарских писателей: Вересаев, Иванов, Пильняк, словом, все. И меня приглашают. Тихонов говорит, что

если так оставить, то пролетарии уничтожат остатки литературы. Так, стали уже запрещать имена, замечательное исследование о Щедрине Иванова-Разумника запретили, не читая его, только за имя. Клычков запрещен. И в самом деле, завтра кто-нибудь «раскроет» меня, и тоже запретят. По-видимому, надо идти, хотя лучше бы отдаться на волю судьбы. Дело в том, что у писателей храбрость явилась не без основания: по некоторым признакам, Сталин расходится с пролетариями в оценке литературы. Так, напр., на требование украинских писателей снять пьесу Булгакова он ответил: «Зачем снимать, Булгаков показывает такое, что и нам полезно знать». А что Сталин все может, видно на примере Всеволода Иванова, которого уже начинали сильно травить. Он поставил плохонькую пьесу, но Сталину понравилось, и во всех газетах протрубили, что пьеса превосходная.

Такое жалкое положение: литература припадает к стопам диктатора. Надо крепко подумать, – надо ли это. Завтра его не будет, и кому пойдет жаловаться литература? Можно выступить в защиту, напр., книги Иванова-Разумника – это можно.

Решение: перед походом к Сталину уговорить писателей действовать в отношении определенных фактов и представить Сталину, что если нет – все мы отказываемся обслуживать периодическую современную прессу, и будем стоять на своем, если бы даже пришлось и голодать.

<*На полях*> Пете наказ: 1) Чайник, 2) к Соловьеву, 3) письмо Леве, 4) книги Федерации.

Финансы

Аппарат Лейка	700 р.	В Моск. газете:	
	400 дано	1) Книжечка	– 150
	<*1 нрзб.*>	2) Рассказ	100
		3) Медведи	100
			350

Финотдел: 1800 р.
Рабоч. газета 600 р.
2400 руб., а если скинут – 1400 руб.

Сроки платежа: Рабоч. газета		Итого:	
Июнь	– 200	Май 15-го	– 600
Июль	– 200	Июня	– 800
Август	– 200	Июля	– 800
		Августа	– 200
Май	– 600		
Июнь	– 600		
Июль	– 600		

Перевал	– 300 руб.
Звезда	– 200
Огонек	– 300
Новый мир	– 900
	1700
Красная Новь	– 150 руб.
Рыбьи тропы	– 50
	1900 руб.

Не хватает – 500 руб., т. е. 2-х листов, которые надо написать за Апрель, Май, Июнь. Имеются на книжке…

Апрель, Май, Июнь – закончить «Журавл. родину» и приготовить том для ГИЗа.

Приготовлю еще 3 листа «Ж. р.» и получу за них 1000 руб., на которые и поеду на Север. Предупредить Полонского, что в начале Апреля сдаю 3 листа и нужны 1000 руб. и что в Июне 2-я тысяча.

24 Марта. Дождь, потом до самого низу туман. Но снега еще не тронуты. Тишина в лесу «гробовая», только где-то в тумане натуживается ворона. Так золотые, ослепительные дни весны света удивительно незаметно, как-то с полден перешли в серые, и началась весна воды: как-то вышло с полден, утром оставался <*1 нрзб.*> мороз, сверкало солнце, в полдень подул теплый ветер, небо закрылось, и вечером уже моросил дождь.

Читаю «Медведей» учителям, и после чтения разболтался с ними. Когда говорил им, что медведя убить можно при условии последующего творчества, одна дама воскликнула: «Личное творчество обеспечит нам коммунизм!» На эти слова я завернул такую финтифлюшку, что и сам теперь не сумею повторить. Очень убого было и остался скверный осадок.

25 Марта. Мороз, а небо серое.

Семейная сцена.

Собрался на стрельбу. Мишенки не было на месте. «Ты не убирала мишень?» – «Почем я знаю». Ищу и не могу найти. Зову прислугу. Нет ее. Опять к Павловне. «Не видала мою мишенку?» – «Отстань!» – «А Лида где?» – «Не знаю». Является Лида. «Ты не убирала мишенку?» – «Нет». – «Ищи». Находит. «Кто ее спрятал?» – «Павловна». Я, пробегав раз десять вниз и вверх, взбешен и к Павловне: «Ты убрала мишень, почему ты не могла сказать?» – «Я не убирала». – «Нет, убирала, Лида по твоим следам поняла». Она бросается к Лиде и что у них там, в кухне, происходит, не знаю. Лида ревет.

Полное расстройство. Стрельба плохая. По возвращении вижу, в комнате моей все убрано. Это значит, она виновата. Но Лиды в кухне нет, и я боюсь, что она пошла

жаловаться, и этим объясняется, что Павловна винится. Очень боюсь.

В субботу 23 марта после моего чтения с Петей на жел. дор. линии. (Время, когда в лесах начинает филин гукать и зайцы кричать, в городах на крышах орут коты и на дворах петухи забывают часы и поют беспорядочно.) Мы шли по железнодорожному пути, налево от нас по обеим сторонам речки через мглу оттепели светились бесчисленные городские огоньки, направо по чувству весны мы догадывались о лесе, где теперь начинают зайцы кричать и гукать филины. Люди уже спали, и было очень тихо в городе, только раздирались от страсти на крышах коты, и петухи на дворах, чуя весенний дождь, забыли о своих часах и пели везде беспорядочно. Мы насторожились в сторону леса, чтобы услышать филина или зайца. Вдруг крик раздался в тишине, такой страшный, что если не знать бы до точности русскую жизнь, можно бы с ума сойти или броситься куда попало бежать. Но мы знали, это был голос обезумевшего от ярости пьяницы, догоняющего другого, чтобы его покарать, истребить, разнести в пух и прах. Он бежал и орал на весь город, хрипел, давился, взрывался, проклинал мать своего врага, бога, его веру...

Под фонарем мелькнула тень убегавшего, потом вслед за ним тень настигавшего. Мы остановились.

Догонит или не догонит?

Ужасный голос удалялся быстро, но не смягчался и вдали казался еще страшнее и господствовал над всем спящим городом.

В той стороне, куда бежали пьяные, с особенной силой кричали все петухи. Мало-помалу, удаляясь, крик бегущего закрылся петушиным пением.

– Не догнал! – сказал мой спутник.

– Ну и слава богу, – ответил я, – теперь давай послушаем лес.

Мы были очень счастливы, нашему привычному уху сначала по догадке, потом все ясней и ясней послышалось...

– Заяц! – сказал я.

– А там филин, – ответил спутник, – слышишь?

– Да, слышу.

– А это? – обернулся он в сторону города, – слышишь?

– Петухи?

– Нет, среди петухов, послушай лучше, очень похоже, почти сливается.

Да, это было, я разобрал, голос человека кричащего в тон петухов.

– Ка-ра-ул, по-ми-ра-ю!

– Слышу, – сказал я, – человек.

Мой спутник сначала ничего не сказал мне, вслушивался, вместе с тем как бы вдумываясь, наконец, ему все стало ясно, и он вывел из всего.

– Значит, догнал.

<*На полях*> Учащие. Они молчали, а некоторые потихоньку уходили. Им казалось, что не только говорить им нельзя, но, может быть, даже и слушать опасно. Все про себя дивились, что вот есть же где-то такие смелые люди.

Мне пришлось читать и потом говорить в собрании последних рабов жизни, у таких забитых людей, что им не только мне возражать, но даже брала опаска, не будет ли им чего-нибудь худого лишь за то, что слушают. Все дивились на мою личную свободу и явление мое понимали как чудо. И когда я стал говорить, что в творчестве нет великих и малых, все равны: поэт и столяр, учитель и домашняя хозяйка, если только они создают в избранной области что-нибудь новое и лучшее, все одинаковые творцы, потому что и стих, и быт, и труд по добыванию пищи подчинен одному и тому же ритму, мере, – и кто это сознает и действует согласно.

26 марта. Стрельба.

1) Боевыми с открытым прицелом пять пуль, чтобы сравнить с телескопом: мушка <*1 нрзб.*>, результатов нет.

2) Боевыми с телескопом на 100 шагов 7 пуль. После каждого выстрела вынимал телескоп из гнезда и возвращал для того, чтобы возвратить на место, если от выстрела телескоп был сдвинут. По вертикали отлично, по горизонтали почти удовлетворительно.

3) Стрельба лонгами на 100 шагов долго не удавалась, все несло вправо, пока я не догадался, что на 100 шагов и лонгами надо стрелять при том же винте, как боевыми. Явилась догадка, что при стрельбе и боевыми и лонгами по горизонтали (винту) телескоп одинаковый, а расхождение происходит потому, что на 60–70 шагах при лонгах отклонение пули вправо не сказывается. Опыт стрельбы на 70 шагов подтверждал предположение: и боевыми и лонгами прицел по горизонтали тот же самый.

Следующий опыт:

1) боевыми на 200 шагов, чтобы окончательно установить винт, потому что на 100 шагах расхождение может быть незаметно.

2) Лонгами на 200 шагов в точно такой же круг.

Кожевников, Лебедев (эскимос): открытие книг Лосева.

27 Марта.

Окончательная пристрелка.

Лонгами до 70 шагов на Е

Лонгами на 200 шагов (около 200) – чуть выше рубчика после А (на 150, перепустив S).

Боевыми: обе верхние черты углами, перепустив движущуюся черту.

Что касается горизонтали, то лонги идут несколько влево, а боевые вправо, так что если стрелять лонгами, то надо возвратить телескоп поворотом на себя к прежней черте, а если боевыми, то немного от себя.

Из беседы с Лебедевым выяснил себе: два вида аскетизма. *<1 нрзб.>* 1-й «творческое самоограничение». Это значит выбор из себя и утверждение того, что годится для многих. Чувство утраты при этом своего «счастья» поправляется радованием в творчестве, половое удовлетворение заменяется эротическим.

2-й вид аскетизма истребляет в индивидуальности всю самость с полом и эросом, от человека остается «дух» бесплотный и мертвящий творчество жизни.

Ночью был значительный мороз. Днем таяло только от солнца. Сильный наст, иди по снегу куда хочешь. Воды еще нет. Рыба стала подниматься вверх. На Вифанском пруду в прорубях ловят наметками.

28 Марта. При сумрачном небе морозное утро. Ветер. Днем стало сильно сдавать и, кажется, вообще повернуло на более теплый уступ.

Вероятно, было где-то очень хорошо, но мне было не до весны, я шел, думая о своей необходимой работе, и в то же время старался осторожней ступать, а то на улице предательский, закрытый навозом лед постоянно чередовался с лужами навозной жижи, и так можно было ухнуть, что встал бы весь рыжий. Чтобы свободней можно было думать о своей работе, я догнал какую-то женщину и пошел за ней след в след. На голове у нее был вязаный, серый шерстяной платок, пальто наверно было зеленое и выгорело до цвета навозной лужи, а по бокам пальто врезаны были по-модному косяки с ярко-желтыми на синем полосками, ноги были обуты в валенки, обшитые кожей, заплаты на старых валенках были тоже из кожи, в правой руке у нее был бидон из-под машинного масла, как можно было догадаться, для керосина, в другой руке обыкновенная плетеная сумочка для провизии, как у всех, обшитая сверху мешком. Впереди виднелись открытые двери кооператива, куда наверно и шла эта женщина: вчера объявили выдачу чая по четверти на книжку, по два кило сахара, соли и еще чего-то: у нас в доме женщины тоже собирались за выдачкой. Все это стало до того привычно, до того обыкновенно и серо, и женщина в рыжем была мне серой будничной судьбой, я бы никогда о ней не вспомнил и наверно, утратив ее возле С. №11-й, пошел бы за другой такой же в №12-й. Ступая шаг в шаг за своей серой судьбой, я отлич-

но сочинял свою повесть, как вдруг эта женщина вздрогнула и сказала одна громко на всю улицу:

– Фу ты, батюшки, забыла, будь-те прокл...

И повернулась на меня.

– Что забыла? – спросил я.

– Книжку забыла, будь-те прокл...

Вот именно проклятие кончалось на букве «л» и расплывалось без окончания.

– Кого же ты проклинаешь? – спросил я.

– Сволочи, – сказала она.

И пошла, повторяя вслух жалобы и ругательства.

29 Марта. Ночью в доме было, как осенью в ноябре: ревела буря, и стегал дождь по крыше. Утром на рассвете открылось, что так ринулась весна воды.

У Розановых опять схватка: в этот раз Варя даже укусила Таню. И это дочери человека, посвятившего всю жизнь свою поэзии семейной жизни. То же и у Разумника с его <*1 нрзб.*>. Вот поистине где: «это от меня не зависит». Но от кого же? Разве может влюбленный считаться с генетикой, он скажет: «к черту!» И разве может мыслящий человек допустить свободный брак, без оглядки на евгенику? Мы управляем породами собак, почему же люди должны быть без породы, все «дворные». Деревня живет и дает нам здоровых людей только потому, что там до мельчайших подробностей, зорким глазом следят за породой... (Если поеду весной в деревню, то надо с этой точки разобрать ее.)

Вот где-то тут, в чувстве рока, свершающего свой суд надо мной, надо искать Розанова. Я знаю это в себе: страх и ужас от борьбы крови моей матери с отравленной кровью отца: «тут ничего не поделаешь!» Есть какой-то Христос, для которого необязателен род и быт. Не все ли равно, подлинный он или только извращенный церковью: это реальная сила, которая может последнего в роду, над которым уже занесен меч рока, поставить на высокую ступень самоутверждения в духе и огромного влияния на людей. Но в моем состоянии тогда было так, что «Ина» как женщина недоступная, и я весь тут в своей самости, уничтоженный, раздавленный – скажи мне тут о Христе! Я хочу женщину, а не Христа!

Потому Розанов до того страстно боролся с этим Христом, что похож на легендарного богоборца, полубога...

Уединенное. Есть живое чувство греха в онанизме, но не у всех: одному он вреден (грех), другому при известных условиях полезен. Рюмка водки. Выпью вечером один в тоске и на другой день не могу работать. Придет кто-нибудь, и в радостной беседе разопью целую бутылку, на другой день отлично. Пройду час в лесу, и утомлен, с ружьем на охоте весь день, и все ничего.

Вот так и Христово тело и кровь: «пейте от нея вси». Нет, как «вси-то»? Одному это отрава, другому в руки губительная власть, третьему, да, может быть и спасение. Надо подобраться к этому вину поближе. И путь к этому не мысль о самом вине, а то расположение духа, с которым его принимают («со страхом Божиим и верою»).

В Лавре, в растреллиевской колокольне у нас теперь винный склад. Вино остается и в кабаке и в колокольне вино: это реальность. Так и Христос: был, есть и будет. К вину можно чувствовать отвращение. Розанов чувствовал это к Христу. Мы судим не Христа, а Розанова.

Конечно, глупости, что все началось в нем от затруднений в разводе. Все началось от чувства предельной самости: ее, этой родовой земли в себе только-только, чтобы самому прокормиться, удержаться, не сойти с ума; необходима жестокая экономия, защита, война: все внимание, весь дух бойца, устремленный в обладание, через это накал в себе белый. И вот Голубой соблазняет все бросить. Так происходит знаменитый розановский + и – : родовое с плюсом, противуродовое с минусом, отражение земли, пола. А что глазу видно? Победоносцев, бесполый, но почему-то сильный, Мережковский – «говорящие штаны», «Зинка» Гиппиус, женщина-поэт, физически не способная рожать, бесчисленная бюрократия, паразитирующая на мужиках...

Розанов добрался и до «сладчайшего Иисуса», который является нам в творчестве, и увидел там, что «сладчайший» (радость творчества) обретается за счет того же пола, что весь «эрос» находится внутри пола, и христианская культура – это культура по существу эротическая, но направленная против самого рождения человека, она как бы паразитирует на поле, собирает лучи его и защищается духами от пота и вони.

Вот и добрался в Розанове до того, чем и сам живу.

30 Марта. Вполне хороший зимний день. Даже незаметно весну на дороге. Так обозначилось в природе следующее:

После очень строгой без оттепелей зимы открылась такая же ровная блестящая солнечная весна света. Якут узнал свою якутскую всегда блестящую весну света. В Марте стали прорываться оттепели, но они сейчас же, на другой, третий день опять закрывались морозами. В последний раз уже готова была ринуться весна воды, но дождь перешел в снежный буран и потом опять все заковал мороз.

Сегодня заметил сильное уменьшение, почти исчезновение в городе ворон и сорок.

<*На полях*> За эту неделю взято 100 р., из них: расчет прислуге: 13 руб., набивание ледника 20 руб., хозяйство 9 рублей.

31 Марта. Нашел книжку на поддержку себе: Лосев «Диалектика античного космоса и современная наука». Это поход против формальной логики и натурализма. Многое мне станет понятным в себе самом, если я сумею представить себе античный космос и сопоставить его с современным научным. Имея то и другое в виду, интересно явиться к «запечатленному лику» своего родного народа. Хорошо при этом взять для разработки простейшую тему, чтобы из этого получился «Робинзон». Полагаю, что ребенок в лесу (как рассказал объездчик Иван Григорьевич) достаточный сюжет.

Итак, план такой. Достать для направления художественной мысли те две-три книжки. Окончив «Журавлиную родину», уехать в Белозерский край и пересмотреть лес глазами ребенка.

«Полученные четыре смежные области космоса должны пребывать в движении. Они должны пространственно перемещаться. Но как же им можно покоиться, если они должны перемещаться? Тут начинается та великая диалектика античности, которую не понимает и никогда не понимала европейская наука, погрязшая в растлении формальной логики и натурализма. Покоиться в движении можно только тогда, когда движение не выходит за однажды положенные пределы» (Лосев. Античный космос, стр. 225).

<*На полях*> Чудо благовещенское!

К «Журавлиной родине»: показать бессилие ученых в деле спасения Claudophor´ы. В то же время отчаяние меня, художника, от бессилия ученых («найдите русалку»). Но я не могу удовлетвориться русалкой, я не верю в нее, не верю в этот шар. Рисовать и рисовать Лахина. Пессимизм Россолимо.

2 Апреля. Морозы. Вполне зима.

У меня есть что-то деревенско-семейное в том довольно сложном хозяйстве, где Я мое, как литератора, занимает самое видное место. Талант или гений литератора в этом деревенском хозяйстве не то, что стоит под вопросом, но едва ли даже имеет какое-нибудь преимущественное значение перед другим существом, напр., меня как охотника, отца, друга. Конечно, очень важно, как думают другие о мне как писателе, но для себя этот талант, как в деревне, или в семье, такой «свой человек» с такими слабостями и буднями, что удивления к «гению» нет в семье нисколько: смотрят в моей семье на это, как на «дело»: деловой человек и больше ничего, и какой же ты был бы мужчина без дела. При всем этом какого-нибудь раболепства вообще перед гениями в этом хозяйстве нет ни малейшего, горизонт моего дела может быть узким, влия-

ние на людей ничтожно в сравнении с признанным гением, но пятка моя упирается в землю и макушка стремится ввысь с такой же силой, как и подлинного гения и в характере этого напряжения я, как и он тоже, единственный в своем роде, и буду улыбаться на глупенького литературного критика, который измеряет талант аршином, я буду драться и безобразничать, если опять созовут литературную комиссию как в 20-м году, и поставят меня в отношении академического пайка во вторую или даже в третью категорию. Буду раздавать все, как Максим Горький, если поставят «вне категорий», или пропивать, как Есенин, или закрою глаза на глупость людей, как Лев Толстой, и переведу все на жену.

Должен, однако, сказать, что такое самоутверждение себя имеет значение только к обществу, где судят по «больше и меньше». Но в себе самом о себе совершается тоже какой-то суд по возможностям. Так, если бы мне пришло в голову спросить себя: «А что если я докачусь до того, что буду значить, как Лев Толстой?» На это был бы ответ равнодушный: «У меня есть детские и охотничьи рассказы не хуже даже толстовских, есть свое «детство и отрочество», чем черт не шутит, не махнуть ли эпопею гибели купеческого города Ельца в 19-м году?» Очень возможно, что стоит мне взять в руки книгу Толстого, и все это самомнение окажется глупостью, я только к тому говорю это, что, возможно, мелькает в голове. Но если спросят меня: «А можешь ли ты как Гоголь?» И тут нет меня, от всего меня как писателя ничего не остается, я только читатель с почтительным трепетом, с готовностью не только стать в последнюю категорию, но и как-нибудь потихоньку переслать ему свой паек.

Из всего этого выходит вовсе не то, что Гоголь выше Толстого, но что Толстой ближе мне. Не то, что я в самом деле себя равняю с Толстым, а что я сосед его, привык и как себя самого сужу по соседству, по-родственному. Напротив, Гоголь постигает мир по-иному, мне его постижение недоступно, я смертный, он – бог. В этом нет раболепства, а очень хорошее и нужное всем удивление. Вначале, пока я не расписался и не обрел себе среди писателей друзей, соседей, вообще не *<1 нрзб.>* в своем хозяйстве, я даже никогда *<1 нрзб.>* себя...

Ответ М. М. Пришвина Д. Л. Тальникову:

Дорогой Давид Лазаревич,

Мой рассказ «Медведи» поразил Вас своей поэтически неоправданной жестокостью потому, что в «Огоньке» Вы прочли только часть его. Во второй его части, где описывается весьма рискованное мое положение в борьбе со вторым медведем, оправдывается «расстройство» от первой части тем, что читатель вводится в цикл тех самых идей, которые воз-

никли у Вас при чтении. Первая часть – это, в своем роде, «обнажение приема», предпринятое с тем, чтобы читатель с разбегу мог переварить серьезный материал второй части. Мне самому неудобно защищаться в художественной независимости рассказа от «эгоистических побуждений». Вы это сами увидите. Рассказ целиком будет печататься в ближайшем очередном сборнике «Перевала» и в «Охотничьей газете» Московского Союза.

Вы согласитесь со мной, что раз я обещаюсь Вам второй частью рассказа дать цельное художественное произведение, которое должно преодолеть и просветлить жестокость жизни, тем самым я даю Вам исчерпывающий ответ, потому что к жестокости мы приводимся своими страстями, и я лично не вижу иного средства борьбы с ними, как отдаваться им с тем, чтобы преобразить их изнутри и просветлить.

Вы говорите о Гамсуне, что он не жесток в своих произведениях, но Вы же отлично знаете по всем моим охотничьим и детским рассказам о животных, что и я не жесток. Охота вообще из страсти кажется наименее жестокой. Возьмите, например, любовь, которую так отлично описывает Кнут Гамсун. Какая это любовь без жестокости? И сколько несчастных детей, жертв нашей страсти, живет на земле исключительно только «грех наших ради». Вы доктор, Вам знакома генетика, и Вы знаете, что никакие законы наследственности наших пороков не останавливают людей от страсти любви и размножения.

Охота исчезающе маленькая, почти игрушечная страсть среди наших безумных страстей. Я лично являюсь врагом тех моралистов-аскетов, которые стоят за насильственное их прекращение. В моем понимании страсть является очагом нашей творческой преобразующей деятельности. Так семья с нежной, самозабвенной заботливостью родителей о детях является творческим преображением любви. То же самое делает своей жестокой страстью любви и поэт, вместо живых детей он дает нам свои нежные, написанные собственной кровью поэмы.

Скажите, что же делать мне со своей охотничьей страстью? Вот Вы, заступник животных, наверно даже и не знаете, что к этой весне мы, охотники, огромными многолетними усилиями так нажали на правительство, что оно запретило весеннюю охоту во всей стране. Мы, охотники, переживая свою страсть, как это ни странно, являемся в то же время и единственными, активными охранителями природы.

Миллионы людей в нашей стране сами собственными руками режут свою скотину, и только незначительная часть городской интеллигенции, воистину жестоких людей, освобождена от этой тяжкой обязанности, получая мясо из лавки. Я Вам скажу больше, не будь у нас в стране вдумчивых охотни-

ков-хозяев, вы бы, городские милые прекраснодушные люди, незаметно для себя всю природу съели бы в ресторанах.

<*На полях*> К следующей субботе заказать комнату.

4 Апреля. Продолжается чудесная весна света с легкими ночными морозами и солнечными днями. На избранных деревьях ночуют вместе грачи с галками. Грачи рано умолкают и спят, а галочки все разговаривают.

Трубецкой 5 лет играл в кино на виолончели и кормился этим. Он все пять лет был в профсоюзе, хотя все пять лет был лишен избирательного голоса. Теперь как лишенца его исключили из профсоюза, и тем самым он не может играть в кино. Все пять лет игравшие с ним музыканты, пианист и скрипач, отказались играть без Трубецкого, и трио, пять лет веселившее город, распалось.

Политическая атмосфера сгущается до крайности.

Стрельба лонгами
На 108 шагов в 3" круг. Две зоны поражения, верхняя и нижняя, разделение приблизительно диаметром круга в 3".

<*На полях*> Опыт назавтра. Продержать ружье сухим до завтра. Стрелять по 2 пули, каждый раз прочищая очень сильно сухой марлей.

Предполагаю влияние масла. Делаю многие опыты, большинство показывало на влияние масла. Установил было (мишень №1), что по мере сжигания масла пули затруднялись нагаром спускаться. Против этого опыт на мишени № 2. После чистки с маслом и плохого его стирания пули с прицелом под самое яблоко, все 5 в яблоко. После того стираю нагар чисто-начисто без масла, пули идут в верхнюю зону.

5 Апреля. На восходе очень сильный мороз в тишине, но солнце выходит такое сильное, что непременно днем подкиснет дорога. А снег лежит нетронутый, наст скипелся, путь, как по асфальту.

Мой тетерев на восходе волнуется и копается, токовать начинает после восхода.

Кента по обыкновению своему переживает мартовское воображаемое материнство, только в этот раз в сильнейшей степени. Задние сосцы у нее очень заметно припухли. Со двора сейчас же просится домой, ноет, бросается в свою корзину и ложится. В доме, когда позовешь ее из кухни, ноет, ищет щенят под кроватями и диваном.

В общественной жизни готовимся к серьезному посту. В кооперативах теперь уже нет ничего, нельзя купить без книжки калоши и чулки, а по книжке дают на 5 человек одну пару калош. Где-то в глухих подпольях неистребимые торговцы ведут свою работу, наверно, предусматривая весь опыт прошлого. Вероятно, жизнь тут уже чисто волчья: злость, ловкость, внешний страх и внутренняя ночная отвага. Почему я не занимаюсь ими? Еще надо сходить в Параклитский коллектив.

Кончилась «передышка» Ленина. Начинается сталинское наступление.

Комсомольцы в Сергиеве объявили весеннюю организацию в посевной кампании с начальником штаба и т. п. С одной стороны, вспоминается федоровское применение военных сил в борьбе с природой, с другой – аракчеевские военные поселения.

Обнажение приема. На этом месте работа моя по восстановлению пережитого на Дубне в поисках раскрытия очень волнующего меня смысла существования реликта ледниковой эпохи, этой необыкновенной Клавдофоры, внезапно оборвалась: меня вызвали для заключения договора на второе издание собрания моих сочинений. Я воспользовался случаем, собрал крупнейших писателей и прочитал им всю «Журавлиную родину» главу за главой от юбилея Максима Горького до плеса Ленина. Чтение заняло почти три часа, но слушали меня очень внимательно. Мне хорошо читалось, и я уже начал было про себя понимать это внимание в пользу моей работы, как вдруг что-то случилось в то время, когда я от глав, посвященных самоисследованию в творчестве, перешел к движению своей экспедиции для исследования края, и шарообразная изумрудно-зеленая таинственная Клавдофора напомнила всем книгу сказочного моего путешествия по Северу за колобком. Начиная с главы «Константиновская долина» читать мне стало не только легко, а волшебно приятно, как будто после езды на недурной, впрочем, телеге с железным ходом и по недурному шоссе я сел в мягкую кабину аэроплана и полетел. В этот момент я понял, что вниманием к тем длинным, предшествующим действию главам я обязан был исключительной культурности писательского общества. Червячок сомнения, конечно, гложет меня и относительно успеха второй части; показалось, конечно, гораздо лучше, чем есть, потому что сравнительное облегчение чтения всем напомнило близость всегда отличного ужина в доме нашего хозяина, тоже как Заболотское озеро свою Клавдофору, сохранившего в реликтовом порядке все очарование древнерусского простодушного и щедрого гостеприимства.

Когда чтение кончилось, милая женщина, соединившая чудесным образом в себе даровитого поэта, заботливую мать и отличную хозяйку, пригласила нас в столовую. И вот, когда мы утолили голод и жажду, один очень опытный литератор (создавший некогда влиятельный кружок «Серапионовы братья») высказал первую мысль о моей работе:

– Это обнажение приема.

Я был уязвлен и поражен. Моим побуждением к работе были непорядки в творчестве родной страны, жестокая обида за обвинение в жречестве и заговоре молчания, мною руководил отличный задор превратить свою защитительную речь в художественное произведение. И после всего этого, оказывается, я только поработал для формального метода! Я был так наивен, что сказал формалисту:

– Честное слово, я не читал Шкловского и работал своими собственными приемами!

– Честного слова нет у художника, – ответил формалист, очень умело скрывая тончайшую улыбку, – вернее, оно есть, но тоже, как прием. И что вы волнуетесь, у вас вышло очень недурно, после живых рассуждений о творчестве, так теперь всех интересующих, этой доли современности, обрыв в Константиновскую долину с этим озером и Клавдофорой, в гущу народа, в трактир, вышел прямо блестящим. Несомненно, так удалось благодаря обнажению приема. Лет пять тому назад я сам пробовал использовать этот превосходный прием в одной повести…

Пришло время и мне подумать о своих усах, чтобы не очень дрогнули от улыбки: насколько я все-таки понимал формальный метод, чтобы его раскрытие приемов ценить за невозможность их использования, за стимул искания своего, совершенно нового.

После формалиста сказал блестящий драматург, благодаря своему большому свободному таланту наверно никогда не думавший о приемах:

– Я признаю твою вещь очень хорошей, но только с тех страниц, когда начинается действие, а все эти рассуждения о творчестве… это не искусство.

<*На полях*> Эта неделя: прислуга 14 р., хозяйство 16 руб., хозяйство 10 руб. <*2 нрзб.*> 30. Поездка в Москву 10 р.

7 Апреля. Благовещение.

С утра субботы и до утра Благовещенья валил валом снег небывалой за зиму силы, крутила метель. Думали все: вот это переворот, завтра после метели пойдет дружно вода. А вышло, после метели жиганул мороз, и в Благовещенье солнце просияло над такими свежими, нетронутыми снегами, что смотреть вокруг себя не было возможности…

Скопленная сила гневной ярости у меня так велика, что если упереться пяткой во что-нибудь и брехнуть, так от одного бреха враги полетели <бы>, как дым от дыхания, но пятке моей не во что упереться – скользко! и от силы своей я сам еду по грязи назад.

В Москве провел равнодействующую провинциальной злобы и столичной «разумной действительности», получилось убеждение в незыблемых основах бытия нашего. Больше всех успокоил меня П., объяснивший все как обычный «зигзаг»: «мы зигзагами движемся».

До того ясно стало положение, что можно его сформулировать. Наша творческая слабость получается от стирания особенностей всякого таланта, инициативы, позиций личности, добытых любовью и усердием к труду. Из всего этого, однако, получается как бы желатин для питания положительных бактерий…

Трио. Скрипач, пианист и виолончелист Трубецкой, выступая в кино постоянно и часто на всяких вечерах, за пять лет завоевали сердца Сергиевской публики. Даже старушки приходили послушать трио и, роняя слезы при нежных мелодиях, говорили о Трубецком: «Самому царю князь играл, а теперь кому?» На простой дудочке князь Трубецкой с аккомпанементом пианиста и второй скрипки играл так очаровательно, что раз даже начальник милиции не выдержал, послал музыкантам записку, и Трубецкой объявил свой номер: «По требованию начальника милиции будет исполнено «Не искушай!».

Все пять лет Трубецкой был за происхождение («з.п.» зепе) лишен избирательного голоса, но по простоте начальства состоял членом профессионального союза работников искусств. В нынешнем году его как лишенца разъяснили и уволили из членов Всерабиса. Вместе с этим, как не состоящий в союзе, он автоматически был уволен из кино. Скрипачу и пианисту предложили взять себе сотрудника из Москвы, но по сочувствию к Трубецкому, по любви к своему искусству они отказались играть с неизвестным московским музыкантом, и «трио» распалось.

Вот эта безумная уверенность, что всякого работника, со всякого места в любое время можно снять и заменить совершенно таким же со стороны качества труда, и разрушает всякое творчество жизни. Самое худшее, что тут не в логике дело, не в разуме, а в такой же, как в Бога вере в арифметическое правило: «от перемены мест производителей произведение не меняется». При этом еще замечательно, что если случай, подобный «трио», дойдет до сведения любого коммуниста, то всякий из них непременно скажет одно и то же слово: «головотяпство», так что зло, расстройство жизни с их точки зре-

ния происходит не от их хорошей, прекрасной веры, а от остатков предрассудков самодержавия.

Молодежь всегда жестокая, беднота в массе всегда завистливая и злобная, даже и понятия не имея в арифметике, легко усваивает себе веру в формулу «от перемены мест» и, считая себя по невежеству лучшим производителем, становится на место тех опытных работников, под строгим руководством которых они бы только и могли работать.

Естественный путь самого творчества требует учителя, и потому тот из молодых, кто в силу своего таланта вступил на творческий путь, непременно теряет и веру в разрушительную формулу. В искусстве это все видно насквозь и уже понято и приняты суровые цензурные меры.

Сейчас склонны все понимать то, что я называю «верой», просто выгодой для сидящих у власти, но, конечно, это они следствия принимают за причину.

Надо на очередь: проследить со всей добросовестностью и уважением эту веру и добраться до первоисточников.

Первый материал: самодержавие породило бюрократию, революция разбила бюрократию и вместо чиновника и традиции поставила запрос на живую личность. Отсюда заградительные отряды для «волка в овечьей шкуре». С этой точки <зрения> наше время надо понимать как запрос на действительную, живую личность, могущую преодолеть все рогатки. Притом учтен опыт Бонапарта и многое другое.

<*На полях*> Вернадский – Биосфера.
Олеша – Зависть.

Сегодня мне стало до крайности ясно, что и необходимо, и могу я взять себя в руки как в отношении: 1) строгой экономии в расходовании своей рабочей силы, 2) так и в неуклонном внимании к своему домашнему хозяйству, 3) установлению личины для дураков и 4) предусмотрительной охране себя при независящих обстоятельствах, напр., головной боли, внезапных вторжениях всякого рода «врагов».

Меня остановила от решения такого одна мысль, что с чего-то начать надо совершенно материального, чувствительного, напр., бросить курить и, что раз я этого не могу, то и ничего не могу, и все только блажь.

Что же, в чем дело?

Хорошо, решаюсь. Вместо куренья буду стрелять: 10 руб. в месяц на куренье = 200 <*1 нрзб.*> патрон, т. е. в день 7 штук. Возня с патронами, их набивкой, стрельбой, уходом за винтовкой наполнит пустоту.

Начать с того, чтобы 1) истребить в доме все запасы папирос и табаку, 2) ни в коем случае дома не говорить об этом, пусть заметят сами, что не курит, 3) немедленно после истреб-

ления пойти пострелять из винтовки, потом идти в город за конфетками разными: ландрин, мятные лепешки. При работе так считать, что пока первая работа состоит в отучении себя от табаку и, если не будет писаться, немедленно выходить на воздух, бродить. Даю себе срок до 8 часов, ровно в 8 закуриваю последнюю и тем кончаю.

8 часов, все истреблено, даже коробочки египетские, привезенные Левой с Сахалина, полетели в сортир. Закурена последняя. Прощай, друг мой, табак, навсегда, подписан договор с самим Господом Богом! Благодарю тебя, табак, за школу смирения и милостивого отношения к человеческим слабостям, принимаю завет твой и оговариваю его в договоре с Господом никогда никого не учить своей личной моралью, словами без дел. Папироса кончается, втыкаю окурок в пепельницу. Конец! Ключ и Замок.

7 вечера. Скоро 12 часов пройдет с тех пор, как я бросил курить. На улице встретился доктор Кочерыгин, говорит, что раз он месяц не курил и думал, ломать будет, а ничего, дня через два и забыл. «Зачем же, – спрашиваю, – теперь курите?» – «А жизнь-то какая? – отвечает он, – я не пью, весь день работаю, чем мне побаловаться, а так без всего, как рабочая скотина, жить невозможно».

Правда, бросить гораздо легче, чем кажется. Но, конечно, вначале легкость объясняется некоторым подъемом, в сущности, постоянно о папиросе думаешь, и недостаток компенсируется сознанием чего-то необходимо нужного, чего достигаешь по собственной воле. Мало-помалу нравственная сторона отпадает, и во время работы будет прямо тянуть. Сегодня работать остерегаюсь, но беллетристика отлично читается.

От Полонского телеграмма о «Журавлиной родине»: «рукопись наборе». Посланный попросил папиросу. Я сказал: «Нету». – «Как, нету? – бросилась Павловна, – как ты мог все покурить». Я растерялся было, но успел справиться и потихоньку сказал: «Не дам, а то разболтается, так скорей уйдет». Чрезвычайно интересно, когда же она догадается, что я не курю. Постоянно жаловалась на табак, видела меня только с папиросой, и вот не курю, а она рядом со мной и не знает.

<*На полях*> Гиз: Март	– 500 р.	Долги 1800 – налог	
«Жур. Родина»	– 1000 р.	«Раб. газ.»	600
«Огонек»	– 300 р.		2400 руб.
«Звезда»	– 200 р.	Итак, я в долгу: 300 руб.	
«Нива»	– 100 р.		
	2100 р.		

С 20-го Апреля по 20 Мая:

Билет на 3-х	100 руб.
	+ 100
Весь месяц	300

Деньги

Налог	1800 руб.
Долг «Раб. газ.»:	600 руб.
	2400 руб.

Взамен налога	15 Мая – 600 – 200 = 800
	15 Июля – 600 – «Раб. газ.» 200 = 800
	15 Июля – 600 – 200 = 800
	Август – 200 = 200

До 1-го Августа с Марта от
Гиза 2500 руб., т. е. все это и нужно
На жизнь – «Жур. Родина» – 1000 р. 4 месяца
<1 нрзб.> – 500
1500

От «Звезды» получено	200 р.
Выдано на хозяйство	20 р.
Антенна	3 р.
Марки, спешные письма	3 р.
Леве за квартиру	–

<1 нрзб.>

Телеск. Между Е и К – т. е. правый рожок делит дугу пополам. Это на верхнюю зону: из 5 пуль после чистки 3 в цель, 2 последние спустились.

10 Апреля. Вчерашний день с утра до ночи шел снег. Сегодня мороз и солнце встает во всей славе.

Труден был вчера день без курения! Сегодня встал гораздо более бодрым, в эту ночь, хотя и не совсем нормально, а все-таки спал. Пробую даже работать. В этом все и есть: научиться работать без табаку.

11 Апреля. Вчера Ефрос. Павловна сказала: «Что это, собака тут была, или опять папиросы такие вонючие?» – «Скорей всего, папиросы», – ответил я, очень обрадованный, что она все еще не замечает. Так и пройдет мое мученье незаметно для нее, как иной раз обои в комнате: проводишь дни и ночи в своей комнате, а спроси, что на обоях изображено, – не скажешь. Видеть человека постоянно перед собой, значит, и не видеть его. «Старик еще жив?» – «Должно жив: показывается».

Тетерев токует ровно в полдень и по-самому настоящему. Я сегодня долго разглядывал, звук – «круты перья» получается при закрытом клюве, потом он открывает рот, набирает воздух и тогда при закрытом клюве издает самый сильный звук. Я очень долго наблюдал, Ефрос. Павловна мне крикнула снизу: «Захвати себе папиросу».

Я сегодня сказал, что очень сильно закуриваюсь, хочу немного меньше курить и вместо папирос есть соленые сухарики. Она мне сделала сухарики, и с ними стало много легче. Вообще сегодня полегчало, реже вспоминается и не так больно, работаю почти нормально.

Бывает, мелькнет: «Вот сейчас разденусь, сяду отдохнуть, покурю» и прямо вспомнишь с болью, что никогда больше не покуришь. Очень мне это напоминает время влюбленности, когда убедился, что не любит она меня и нужно все бросить. Так вот было тогда тоже, чуть забудешься от боли, но всегда затем острейшей силой возвращается: «Никогда!», то, что у всех есть, каждому дано, как доступная всем радость, тебе – нет, и не будет никогда!

Доклад о журнале.

1) Литературно-краеведческий отдел. Очерк.

2) Жестокость, в которой обвиняют охотников со стороны, присуща не охоте как таковой, а возрасту охотника.

В наше время –

3) Существуют журналы – среднее учебное заведение, а нужен ВУЗ.

12 Апреля. Продолжается весна света с нетронутыми снегами.

Сегодня я убедился, что вполне могу отвыкнуть курить, потому что отлично работал, если же работа идет, то все остальное мало-помалу и <*1 нрзб.*>, согласно работе. Уже сегодня при воспоминании о куреве я не чувствую той острой утраты «никогда», как вчера, вспомнишь, съешь соленый сухарик, и ничего. Сказать, что очень расстроены нервы, не могу, но мало сплю, и явилось никогда не бывалое: проспишь 5–10 минут, вдруг просыпаешься, кажется, долго спал и вовсе выспался, глянешь на часы, не поверишь, пощупаешь их – идут! посмотришь стенные – то же самое. Это чуть-чуть беспокоит.

Ружье, как обыкновенно, вычищенное, пронесло две пули в цель, а потом спустило и стало бить ниже вправо (нижнюю зону). Я вычистил его без масла – било по-прежнему, вычистил с маслом – било по-прежнему. Но у меня установлено, что бьет вверх непременно после прочистки. Вспомнилось, что прочистка дома обыкновенно бывает с отнятием ствола. Я отнял ствол, – ружье ударило вверх, когда спустило, я опять отнял – не повлияло; потом отнял и прочистил – взяло опять

вверх. Удивительно, как это раньше мне не приходило в голову. Почти нет сомнения, что перемена происходит не от чистки, а от разбора ружья.

15 Апреля. В ночь с субботы на воскресенье мороза не было, и за вчерашний день сильно продвинулась весна. Сегодня серое утро после ночного дождя, по-видимому, приходит последний конец весны света.

Субботу я провел в Москве и ночевал у Б. М. Новикова. Полонский наговорил много хорошего о «Журавлиной родине». Начали охотничий журнал.

<На полях> Борис Николаевич Скворцов 2.10.15. Б. Афанасьевский, 15, кв. 6 (военный – пристрелка Саведж). Труд. = давление жизни. Если я строю здание и вдруг дерево падает, и я говорю: «поддержи» – это его работа считается за «труд», а у меня что?

16 Апреля. Вчера мороз подхватил, и опять остановилась весна. В лесу снег и не тронут... В поле наст, и можно идти без лыж во все стороны.

Сон не возвращается. Просыпаюсь в 3 у., днем хорошо, если удается соснуть час. Нервы расстроены. Не работается. Вероятно, все сошлось вместе, и влияние раннего света, как было всегда, и самолишение табаку. Но надо иметь в виду, что при всяком расстройстве вина будет ложиться на табак.

Накопление темы: лес, медведь и ребенок.

Читаю с большой пользой «Биосферу» Вернадского. «Эмпирическое обобщение» (система элементов Менделеева) – это значит найти факт, установить и ничего не говорить за него, так сделать, чтобы открыть и не говорить, а чтобы само открытие о себе говорило. Это будет самая чистая вера и святой подвиг...

<На полях> Не кризис, а *<1 нрзб.>*. Раскрыть: творец играл и забыл игрушку *<1 нрзб.>*, а «в поте лица»...

Лес в Завондошье: в Сергиеве.

40 руб. Петя увез. Взял из кассы 100 р. 22 руб. на дрова, 20 руб. керосинка.

17 <Апреля>. Солнечно-морозный тихий день. Прекрасная прогулка по линии: сухо, тепло, а по сторонам горы снега.

18 <Апреля>. Солнечно – морозно – ветрено.

19 <Апреля>. Весь день летит мокрый снег.

<На полях> На третью ночь «так» *<5 строк нрзб.>*.

Глава «Утро свободы». Как человек я завоевал себе свободу быта: я могу жить одинаково в хижине и дворце, с головной болью, при переходе от одного к другому не более как в течение двух-трех дней. Но это пустое завоевание, главная тревога и настоящее мученье в моей молодости было, что я живу в духовно низшей среде с суконными рылами, а где-то есть калачный ряд, и мне с моим суконным рылом в калачный ряд никогда не пролезть. И мое главное завоевание теперь состоит в глубоком убеждении, что калачный ряд, хотя и существует, но совершенно не зависит ни от класса, ни от образования, богатства, бедности: как новые биологи утверждают всюдность жизни, так и я убежден, что близкие мне люди находятся почти в равном числе во всякой среде. Не робеть во дворце после хижины, не стесняться хижины после дворца – это все пустяки. Но быть убежденным во всюдности жизни, в том, что нигде ты не будешь один, везде одинаково явится к тебе равный человек, – это завоевание, это счастье человеческое, и я им обладаю.

Как писатель я отличаюсь от многих писателей только тем, что завоевал себе свободу в отношении к материалам: мне совсем не нужно ни книг, ни быта, все это приходит само собой в помощь к чему-то главному. Быт и книги в моем понимании – это ответы, а ценное – это рождающиеся в себе вопросы, большие, с которыми постоянно живешь, и бесчисленные малые. Вот это сознание, что никакая книга, никакой мудрец, никакая среда не прибавят тебе ничего, если внутри тебя не поставлен вопрос и если есть вопрос, убеждение, что на всяком месте можешь ты найти ответ. Так мало-помалу я стал вместо библиотеки посещать поле и лес, и оказалось, что там читать можно так же, как и в библиотеке.

Лесные догадки и после них.

Одну книжку, однако, я с собой всегда беру, но отношусь к ней особенно: я читаю ее постоянно все лето. В нынешнем году такая книга у меня «Биосфера» Вернадского. В ней говорится такое, о чем все мы, обладающие чувством природы и поэзии, сами знаем, и до нас знали египтяне, и до них тоже наверно это знание сопровождало всех и навсегда. Это знание до того много раз повторялось, долбилось в стихах бесчисленных поэтов, в учебниках, хрестоматиях, что перестало нас дивить, мы встречаем его как азбучную истину и сами не думаем. Это знание состоит в том, что мы – дети солнца. Вернадский в своей книге доказывает это, как он говорит, путем эмпирических обобщений и, благодаря этому, непривычному подходу, избитое в поэзии место становится новым: чувство новым бурным потоком мчится в берегах, созданных знанием. С этой мыслью брожу я среди цветов, что-то вспоминаю и думаю. Я не смел бы никогда признаться, как я думал о сол-

нце, если бы не книга ученого, он доказывает это «эмпирически», я же хочу доказать по себе…

Начало предшествующей главы:

То прекрасное, доброе и полезное, что создано революцией, находится не на всяком месте и доступно не всякому глазу. Может ли мой глаз это видеть? Я думаю, может, но только не здесь, не в этом болотном краю. Я, напрягая всего себя, чтобы увидеть новое лучшее, готовлюсь стоять за него, воевать, но древний крестьянин, осужденный в поте лица обрабатывать землю, и крестьянин-ребенок, дитя с удивленными глазами… встают передо мной и в этом краю совсем заслоняют то, во что я всматриваюсь…

20 Апреля. Теплое и серое утро, потом дождь на весь день и первая гроза.

23 Апреля. День 20-го оказался случайным. 21-го шел мокрый снег, 22-го замерзло, и сегодня утром опять «весна света» – морозное ярко-солнечное утро.

«Море лесов» – это не плохо, только немного обидно за лес: море морем, а лес сам по себе не хуже, по мне, так и лучше моря. Я не могу долго созерцать море и лес и если не вправду разгуляться, то хотя бы вообразить, поласкать себя возможностью принять личное участие в этой великой картине. Но море мне недоступно, корабль – это большая сложность, да притом еще держится на поверхности. А лес, такой же большой, как и море, вон там внизу начинается, и ты можешь спуститься туда без всего, прямо идти по компасу, сколько лишь ноги выдержать могут. Лес меньше обманывает, чем море, а между тем, если смотреть с высоты на великие уймы леса до самого горизонта, заманивают они к себе не меньше, чем море. Острова и елани, *<1 нрзб.>*, поляны, болотная проредь в низинах и еловая густель в нагорьях издали сливаются в сплошной темный лес, и он уходит, синея все больше и больше вдаль. А там далеко где-нибудь есть же холмы выше наших? Непременно есть такие большие разбросанные холмы. Вдали они как бы сходятся, и оттого за нашей первой темно синеющей грядой где-то далеко возвышается другая легкая лиловая гряда. А в хороший прозрачный день случается, за лиловой грядой видишь еще, но какая она, невозможно сказать, какая хорошая, самая любимая моя даль.

Чуть голубеет окно с намерзлыми, сходящими за день веточками утренника. Но голубым кажется мне, обрадованному, отблеск красной зари, но тут же я вспоминаю, что окно мое выходит на запад, и понимаю: это на голубое, расшитое

кружевами окно падают лучи уличного электрического фонаря. Пока в другой комнате вскипает для чая вода, я убираюсь, одеваюсь и умываюсь. Чай настоялся. Наливаю, ищу глазами по столу – нет молока. Тихонечко спрашиваю мать, и она приученная детьми слышать во сне, отвечает: «Сегодня нет молока». Все переменилось. Рассчитывая на чай с молоком, я хотел напиться в столовой и затем идти в кабинет писать свою большую тяжелую вещь. Но чай без молока я несу прямо в кабинет, пью <*2 нрзб.*>, изредка прихлебывая, и начинаю рабочий день легкими записями в свой <*1 нрзб.*> дневник.

Из научных книг интересны те, которые отвергают что-нибудь общепризнанное, так если, например, в книге отлично будет доказываться вращение Земли вокруг Солнца, – мы не только не станем читать ее, но от одного вида такой книги явится позыв на тошноту; если же в книге будет сухо, скучно и пусть даже совсем непонятно доказываться обратное, вращение Солнца вокруг Земли, мы с наслаждением станем читать эту книгу.

<*На полях*> За сапоги доплачено 40 руб. Леве сегодня 3 р. Сегодня Павловне на хозяйство 30 руб.

25 Апреля. Замошкину:
до 5-го Мая новый материал представить не могу, пусть разделят и <*1 нрзб.*> май – июнь. К первому июля будет дано 4 листа.

<*На полях*> Дано Пете на билеты и проч. 50 руб.
Паспорт в милиции.

То ясно, то пасмурно, и морозы непременно каждую ночь. Поверх льда в малых речках бежит черная вода, а берега белые, даже на южных склонах очень мало проталин. Леса попрежнему завалены снегом. Вчера утром мы услышали жаворонка и потом скоро его рассмотрели: он не вился над землей, а пролетал, может быть, он откуда-то с юга всю ночь летел – трудился, и утром ему стало хорошо на солнце: «все равно, – сказал он себе, – хотя и снега внизу, и мне, может быть, еще долго лететь, за <*1 нрзб.*> попробую». И так он с песней летел над снегами, пролетая <*2 нрзб.*> пел и пел…
Потом с той же стороны показалась стайка чаек, они летели низко над нашими грязными задворками и так прекрасны были, что соседка Дуня вскрикнула, а ее работники стояли некоторое время с раскрытыми ртами. Вечером я слышал трескотню дроздов-рябинников.

26 Апреля. Утренник был, но день вышел серый, после обеда был дождь маленький, вечером расчистило, чтобы назавтра опять дать место утреннему морозу.

Коршуна видел, он, как и все улетающие птицы, не парил, а пролетал дальше в тревоге, что привычные его места лежат под снегом.

Эта весна, столь медленная, тем хороша, что не обманывала нас. Бывали дни с мокрой метелью, промозгло сырые, но мало, большинство были солнечные, морозные дни с хорошим угревом среди дня. И все время было нам так: что не сегодня-завтра должна прорваться вода, и так изо дня в день все шло и оттягивалось.

28 Апреля. Очень медленно весна движется, но необидно, как будто живем только севернее. Мне даже нравится эта задержка.

Собираемся ехать в Завондошье.

29-го в 7 в. в Москву, в 10½ в. в Вологду.

1-го Мая утром в 4 выезжаю в Вологду.

Я считаю сегодняшний день замечательным и решительным в определении хода весны. Это один из множества прошедших солнечно-морозных дней весны света. Мы ждали, что эти морозно-солнечные дни оборвутся внезапными дождями и туманами. Но в этом году случилось, что сами эти дни, сверкая, изжили мороз. Так вот, ночью вчера был мороз и утром, но за день солнце такого наделало, что вечером Трубецкой пошел в лес проведать, не тянут ли первые вальдшнепы.

29 Апреля. Смерть Кенты.

Тепло, дождь. От первого света токует наш Терентий. Вот, кажется, весна и загудела!

Весенний разрыв.

Целую неделю почти собирался, укладывался, и вот все готово, билеты куплены, телеграмма дана о высылке лошадей. Вот все сложено, увязано. Зову к себе Кенту и вожусь с ней, как обыкновенно, и она как будто весело проделывает все свои фокусы. В 7 у. даю ей кусочек черного хлеба с маслом, первую <половину> сам съел, вторую половину ей дал и отправил в кухню. Вдруг она опрокинулась и начала корчиться, как отравленная. Мы подумали, она подавилась, и стали освобождать дыхание. Павловна <*2 нрзб.*>, требовала, чтобы она встала. И, как всегда, Кента, она такая: есть не хочет, но если приказать, съест. Кента встала и даже пошла, но это была не Кента, <*1 нрзб.*>, глаза какие-то проваленные. Сделав несколько шагов, она упала, вытянулась и умерла.

Вначале все шло, как и раньше. Кто-то сказал: «А может, не ехать?» Я ответил: «Вот именно теперь-то и ехать надо». Через полчаса только стало действовать горе, и я заплакал, а Е. П. сказала: «Нет, едва ли надо ехать, в лесу на охоте тебе хуже будет вспоминаться». До 5 веч. мое решение менялось, как иногда весной, я измучился. Лева приехал. Я его встретил

слезами, и вдруг как-то всем стало ясно: надо остаться. Лева был на вскрытии. Ветеринар установил скрытое бешенство. А когда Лева сказал: «Неоткуда взяться». – «А крысы есть?» – «Есть». – «От крыс все». Потом оказалось, нам надо делать прививки. И вот все, что осталось от мечты ехать на Алтай, потом на Север. Никуда!

Все разорвалось во мне, а на воле ринулась весна света.

Вспоминаю, каждую весну такой разрыв бывает и редко исполняется то, о чем задумал.

<*На полях*> К самому вечеру дождь перестал. Я вдруг вспомнил зарок свой: при всякой беде вон из дома под небо. И стал надевать сапоги. «С кем теперь осенью охотиться!» – сказал я. Мне ответили: «Ну, об этом можно думать меньше всего, у тебя столько друзей, тебе собаку приведут <*1 нрзб.*> с медалями».

И тут только, когда сказали о чужой собаке, я вспомнил, что после Кенты остались <*1 нрзб.*> Нерль и Дубец. Я взял их с собой на прогулку. 3 зяблика распевали, дрозды <*3 нрзб.*> как все.

Решение: никогда чужую собаку, только свои... И вспомнилась мне Черная Слобода...

<*Газетная вырезка*> Альберт Эйнштейн.

«Трагизм европейца со времен Возрождения заключается в чрезмерном подчеркивании своего «я», осужденного рано или поздно на угасание, – в том отрыве индивидуума от коллектива, который чужд античному миру или восточным народам. Анархия в хозяйстве, в первую очередь, превращает товарища во врага, разрывает узы доверия и готовности к помощи и вызывает в человеке тот страх, который убивает сострадание и сорадование. К этому же приводят – преклонение перед властью и роскошью, которое может достигать мнимых благ лишь путем угнетения других людей, а также и воспитание на основе развития честолюбия.

Стремление индивидуумов выйти из темницы своего «я» и стремление ставящих себе определенные цели коллективов выйти из темницы нашего «мы» воодушевляет лучших людей нашей культуры. Средства, с помощью которых неуклонно стремится к цели здоровый коллектив, у вас отчасти иные, нежели у нас. Но цель, к которой мы горячо стремимся, та же. Освобождение может быть достигнуто только путем сверхличных усилий, прилагаемых объединенными вокруг них индивидуумами. Любовь к коллективу и его оформлению, к исследованию сущего и формированию прекрасного – вот освобождающие силы, но сумеет ли наше время пробудить их в достаточной степени?

Мы этого не знаем. Но не надеяться на это, значит, предать себя отчаянию.

А. Эйнштейн».

<*Газетная вырезка*> Р. Роллан – Федерации писателей.
«Дорогие мои друзья!

Я присоединяюсь к вам в этот день всеобщего братства человеческого труда. Пусть никогда не будет у вас сомнения в самой тесной моей близости к России! Что бы ни случилось в будущем, живой или мертвый, я хочу, чтобы мое имя осталось записанным среди непоколебимых соратников новой России! Возьмите его, как один из боевых флажков, с собой, в ваши битвы за создание более справедливого и лучшего мира!

Вам, советские писатели, я должен в особенности сказать следующее:

– Никогда не уставайте любить жизнь – жизнь действительную, жизнь вашего народа, жизнь наших братьев – людей! Погружайте в нее корни вашего искусства, и пусть ваш разум будет всегда озарен добротой! Гоните от себя низменный эстетизм той лже-аристократии ума, которая в сегодняшней Европе высокомерно избегает социальной действительности, ее страданий и ее битв, тщеславно забавляясь своими бесплодными играми! Горе сухим ветвям, отрывающим себя от живого ствола человечества! Будем вмещать в себя все радости и муки всех людей! Они принадлежат нам. Мы принадлежим им. Пусть же в наших венах течет красный поток единой и всеобщей жизни!

Ваш французский брат

Ромен Роллан

Вильнев, 23 апр. 1929 г.».

К этим людям, подобно Роллану и Горькому и т. п., у меня начинает пробуждаться незнакомое мне чувство «классовой» ненависти, а вернее, того самого, что испытывали мужики в прежнее время, слушая слова прекраснодушных господ. Является вообще сомнение в давно уже принятом на веру закате Европы. Может быть, говорят об этом не столько чуткие, сколько «сытые», т. е. перекультуренные люди и в то же время слабые.

<Газетная *вырезка*> Истрати о Горьком.

«Этими литературными откровениями по существу ограничиваются мысли Истрати о современной советской литературе, если не считать уже совершенной непристойности, которую себе позволил этот человек по отношению к Горькому: на вопрос бойкого французского интервьюера, верно ли, будто рабочие на фабриках переименовали Горького в «Сладкого», Панаит Истрати фарисейски-сокрушенно ответил: «Увы, это правда! Это, пожалуй, не вина Горького, но всегда так бывает, когда власть, будь она даже революционная, вмешивается: люди, даже наиболее искренние, вынуждаются отказаться от лучшей части своего я».

«При нынешнем советском режиме, – уверяет Истрати своего собеседника, – художник не может творить по своему вдохновению (á la fantaisie), и пролетарский шаблон так же тяжел, как и всякий другой.

Это одна из тех проблем, которые меня беспокоят больше всего, особенно после того, как я констатировал, с какой развязностью поощряют всех так называемых «творцов», которые соглашаются быть «в линии».

Весенний разрыв.

(Начало рассказа): Если бы читатели моих весенних путешествий знали, какою ценою даются весной мне мои путешествия, какой убийственный разрыв совершается в моей душе, пока я решусь куда-нибудь ехать. Жизнь моя весной вроде весеннего потока – столько препятствий, и столько перемен!

Описать ход весны, встречу с Зазубриным и проч.

NB. Мысль об этих шариках была, конечно, у каждого в голове, но так далеко назади, что достать ее не было никакой возможности. И как не клюнуть этой мысли по сердцу десятки, может быть, даже сотни раз, если на коробочке с шариками было крупно напечатано: «Верная смерть» и мелко: «Крысам, мышам и всем грызунам». Никто из нас, однако, не позволял себе «допустить» эту мысль, потому что коробочка с ядом для крыс была накануне смерти Кенты предоставлена в распоряжение жены, и было бы слишком тяжело для нее...

– Ты о чем думаешь? – спросила меня она.

Я прямо ответил:

– О шариках.

– Не думай, – сказала она.

<*На полях*> Выход из класса.

Большинство, если не все научные книги, которые берешься читать, потому что о них шумят и как-то неловко не знать о них, я заметил, производят сильное впечатление только тем, что отвергают все предшествующие гипотезы о предмете, даже и ту, с которой родился и в первых классах заучил как «азбучную истину». Через это разрушение привычных берегов сознания является готовность и доверчивое расположение к новой гипотезе.

В беллетристике есть прием, в детстве и юности всегда меня удивлявший. Ну вот, просто сказать, заведомый негодяй этот герой, но автор так заинтересует читателя, что с замиранием сердца следишь, как бы этого негодяя не поймали.

История научной мысли вся состоит из таких героев-Гипотез, которые появляются, шумят, их ловят, за ними охотятся, но безуспешно, потому что герой-Гипотеза появляется только

потому, что старые герои изжиты. Новый герой господствует над умами до тех пор, пока не израсходует себя, после чего появляется новейшая гипотеза, в корень отвергающая предшествующую.

И все-таки наука движется. Только движется она совсем по-другому, чем представляется тем, кто приступает к чтению научной книги «со страхом Божиим и верою» или с наивным «хочу все знать». В нашей стране это полусознание, эта догма, выдаваемая за метод, господствует, заполняя всю середину – от первобытных людей до людей, владеющих научной методикой. Господство этого «полусознания» будет продолжаться до тех пор, пока новые возможности действия в жизни не дадут новое понимание этим массам науки со стороны ее «полезности». Американизм – единственное средство спасения от догм, облеченных в форму научного метода.

С пользой для себя читаю только те научные книги, в которых нахожу подтверждение, а чаще расширенное, более умное понимание и раскрытие моих собственных догадок. Как много я думал о ритме моего труда, отвечающего ритму смены времен года.

Много раз я даже пробовал создать свой календарь, начиная с «весны света». Но в конце концов я все это бросил, понимая в природе только два времени года, отвечающих ритму моего собственного дыхания: планета, весь мир дышит совершенно так же, как я, вдыхание – одно время года нашей планеты, весеннее, выдыхание – другое, осеннее. Все дело во времени: планета раз дохнет и выдохнет – это год; быть может, существуют мельчайшие организмы, так зависящие от моей собственной жизни, что один мой вдох для них все равно, что для меня годовой вдох планеты.

Я всегда чувствовал смутно вне себя эту ритмику мирового дыхания, и потому научная книга Вернадского «Биосфера», где моя догадка передается как «эмпирическое обобщение», читалась мной теперь, как в детстве авантюрный роман. И мне теперь стало гораздо смелее догадаться о творчестве так, что, может быть, эта необходимая для творчества «вечность» и есть чувство не своего человеческого, а иного, планетного времени, что, может быть, эта способность посредством внутренней ритмики соприкасаться с иными временами, с иными сроками и следует назвать собственно творчеством?

В прежней русской интеллигенции было особенное, тоже сверх-временное чувство цельности человеческой жизни, это чувство увлекало к действию и создавало для всякого такого человека необходимость Голгофы в тюрьме и Сибири. Было ли на этом пути заключено все творчество народа? Едва ли: планета дышала, не считаясь с устремлением русской интеллигенции, и люди разными путями подходили к постижению

иного времени. Все революционеры, начиная от декабристов, смотрели сквозь пальцы на художников: поэты и художники, начиная с Пушкина, были вольноотпущенниками революции.

И вот Алпатов, соприкоснувшийся через любовь к женщине в природе, с этой сферой вне человеческого времени, иных сроков дыхания и ритма, пока еще в методах не отрешился от гражданского своего воспитания. Вдохновенная «Золотая луговина» вернее всего поэма, или, как всякая действенная мечта, грандиозный план. Так и надо бы Алпатову удовлетвориться только планом...

1 Мая. Ход весны.

В день гибели Кенты 29-го Апреля в понедельник с раннего утра токовал Терентий, потому что было очень мягко и потом стал даже моросить дождь. Вечером разъяснело и начался мороз. 30-го во вторник был последний золотой день весны света. Я любовался водопадом на Вифанской мельнице: вода гремела среди сталактитов зимы, собаки лаяли, но только рот открывали: лая не было слышно. Утро света среди зябликов, белых берез – последнее. Кто покрасил прошлым летом крыши, как они благодарили теперь! Весь день, однако, Терентий молчал, и я говорил своим: «Смотрите, завтра будет перемена».

1-го Мая с утра на весь день сильный теплый дождь, вечером после дождя поднялся от земли большой туман. Мы ходили на княжеские места слушать вальдшнепов. Лесная поляна с четырьмя соснами. Сооружение моста. Снег крупитчатый, но в лесу очень глубокий. Протянул вальдшнеп с цоканьем без хорканья в без 7 минут восемь. Засветло перебрались. Речка затопила лес. Гул воды. Туман. Поверх тумана. Зажглась звезда. Сотворение мира. (...вдруг свисток паровоза).

Зреет рассказ «Весенний разрыв». Начало из Вернадского: вздох планеты. Два времени года. Мой праздник: Солнцеворот. Я считаю необходимым праздновать этот день. Ведь как хотите, и со стороны религиозно-философских систем и новейших эмпирических обобщений, все равно мы – дети Солнца. Посмотрите, даже зеленые и красные крыши весной благодарят солнце за свое существование и за жизнь всего города...

Вскоре после Солнцеворота исчезновение весны света...

2 Мая. С утра до вечера дождь.

3 Мая. Утром мороз и потом чисто – солнечный день.

В 3 часа выходил послушать ток. Вернулся в 6 у., прилег и уснул. Мне снилось, будто я убил на току одного, другого, потом Петя подходит и говорит: «Слышишь?» Я услыхал, и мы стали подкрадываться, ближе, ближе, к третьему. «Да это

же Терентий!» – говорит Петя. Тут я просыпаюсь и слышу, вот как бормочет наш Терентий.

После обеда солнечный день закрылся легкими облаками, и к вечеру стало парно. Таких вечеров для тяги вальдшнепов бывает одни-два за весну. Мы с Петей, прихватив с собою Зою Соколову, ходили к Ляпуновскому заводу. На тяге было все: и тетерев токовал, и бекас, и вальдшнепы хоркали, но лучше всего было пение воды. В лесу настоящее «Сорочье царство».

Начало рассказа: Весенний разрыв.

Моя охотничья рубашка стала привлекать внимание и в не охотничьих, чисто литературных кругах, летом, здороваясь, спрашивают: «Ну, как облава?», зимой: «Удачно собаку натаскиваете?» На вечере у А. Н. Толстого, за ужином, дама обратилась ко мне с вопросом: «Весна света, как вы называете, теперь началась?» – «Давно уже, – ответил я. – Весна света начинается с Солнцеворота, 25-го декабря». – «А весна воды?» – «Это когда охотники говорят: «медведь пробку бросил». Тогда дама стала спрашивать меня, какая у медведя пробка. К счастью, среди гостей был настоящий сибирский охотник З. Я указал на него и сказал: «Вот настоящий медвежий охотник, он скажет, а я лично медвежьей весенней пробки никогда не видал».

На другой день я уезжал из Детского Села к себе в Сергиев, случилось, З. уезжал в том же вагоне к себе в Новосибирск. Яркий луч весны света через окно попал на меня, когда З. восторженно говорил об Алтае: там цветы необыкновенных размеров, а в большой траве скрывается с головой всадник. «Еду!» – сказал я. И мы сговорились с З.: я приеду с первым пароходом, а он купит мне лошадь и двух лаек таких, чтобы и по рябчику лаяли и могли заняться медведем.

В Москве я скупил все, что мог достать про Алтай, и в Сергиеве стал читать и готовиться к путешествию.

Когда что-нибудь становится недоступным простому жизненному пониманию, делают усилие и тоже добывают особенное волевое – разумное знание: система таких разумных устремлений к познанию мира называется наукой. Мало-помалу это «рациональное» понимание вытесняет целостно-жизненное и становится господствующим.

Искусство, напротив, сохраняет нам возможность непосредственного, целостного соприкосновения с миром и через это его прямого постижения.

Литературный «критик» – промежуточное явление, но, во всяком случае, он должен понимать автора так же, как сам автор воспринимает свой материал.

Проклятие всех наших «материалистов» в том, что они рациональны еще более идеалистов и чувства самой материи лишены совершенно.

4 Мая. Мороза не было ночью. В болотных лужицах начала прокалываться трава. Слышали первую кукушку. Ходили на княжеские места, видели 7 вальдшнепов. Вечером стало морозить. Летели гуси, по крику низкие, но в темноте не видные и только потому, что от нас закрывались звезды, мы догадались, как их было много. (Князь говорит, что гуси еще в среду летели.)

Итак, Страстная неделя в понедельник началась смертью Кенты при пасмурной погоде. На другой день подморозило, солнечный день немного только подвинул дело весны. В среду и в четверг дождь, и после того сразу явились все птицы, и началась жизнь в природе.

Пасхальная ночь. Весь комсомол мобилизовался безобразничать возле церквей. Женщины густой толпой шли по улице с узелками в руках пасхи святить. Сторонкой тихо выезжала из города телега на рессорах, в ней сидел молодой человек в военной форме с целевой мелкокалиберной винтовкой, рядом с ним, похожий, видно, брат сидел с огромной гармоньей, третий брат рядом с кучером держал наготове фотографический аппарат, а кучером был тоже брат, четвертый, у него в руке был только кнутик, он жил наверно дома при отце, работал в хозяйстве.

И так было ясно, что та же самая сила, которая влекла женщин в церковь святить пасхи, она же собрала этих братьев с фотографией, винтовкой, гармоньей, кнутиком и влекла их на праздник в родовое гнездо.

Наши марксисты признают, что высшему человеку нельзя руководствоваться исключительно интересами своей нации; непременно надо преодолеть в себе свою национальность, чтобы *<1 нрзб.>* разговаривать со всем миром. Почему же марксисты не говорят, что надо выйти и за пределы своего класса. Наше время – классовый шовинизм.

Народники деревню представляли себе как мир сотворенный, где у каждого… на самом деле это мир не сотворенный, в каждой деревне можно наблюдать происхождение человека (старухи – галки, звери все хороши, но в людях сходство со зверьми…).

Видел ли кто-нибудь белую радугу?

Верная смерть.
(Письмо в редакцию)

Утром 29-го Апреля погибла лучшая моя собака континентальная сука «Китти» (от Норы Чебыкина и Бора Орло-

ва), известная моим читателям под кличкою Кэт и Кента. Несчастие вышло вследствие моей оплошности, которая, в свою очередь, объясняется недостаточностью моих практических знаний. Но, с другой стороны, разве можно знать все на свете? Как мог я думать, что ужасающей силы яд стрихнин и мышьяк можно купить в Москве без всякого особого разрешения под видом шариков для отравления крыс? Я поручил купить в Москве безопасный «мышиный тиф». Мне доставили коробочку с надписью «Верная смерть» и с рекомендацией всех наркомов вплоть до Наркомпроса. Шарики были спущены в щелки под пол. Но гнездо крыс находилось не у нас, а у соседа, к нам крысы ходили только за пищей. Одна из них наверно тащила шарик через двор в гнездо, встретила кого-нибудь, обронила, и выпущенная утром на прогулку Кента его взяла. Так бывает не только с собаками, но и с людьми.

На днях мне рассказывал врач из Воронежа, что у них отравилась одна сиделка сушеной грушей из склада сухих овощей Губпродкома. Выяснилось, что яд в грушу попал от крыс, для которых были разложены шарики с ядом. От того же врача я узнал, что «тиф», безопасный для нас и губительный для грызунов, можно заказать во всякой аптеке. И еще я прочитал в учебнике ветеринара Михайлова, что собака часто «рикошетом» отравляется ядом для отравления крыс. Сопоставляя все эти факты, я прошу редакцию собрать сведения об истреблении крыс и объяснить, для чего наряду с безопасным и решительным средством уничтожения крыс «тифом» существует отрава стрихнин и мышьяк. Если окажется, что «тиф» – средство не решительное и отрава необходима, то почему не делается это упорядоченным способом через специалистов и всякий желающий может пользоваться этим страшным ядом и приобретать его в любом количестве.

При сем прилагаю коробочку «Верная смерть» с оставшимися шариками.

Михаил Пришвин

<*На полях*> 7 Мая Павловне 30 р.

<*На полях*> Ягудин из Саратов. губ. Масса отзывов.

9 Мая. Так и стоят без перерыву на редкость светлые и тихие теплые дни, что многие ходят в рубашках. Вчера началось позеленение лужаек. На Вифанском пруду сдвинулась в сторону дорога, собака было пошла по ней, но когда по льду хотела, то едва не утонула: лед труха. Вода сбежала, речка вошла в берега. Цветет ольха и орешник…

10 Мая. Вчера пруды покрывал синевато-грязный талый снег, сегодня все пруды очистились, вот вынуть изо рта на

солнце обсосанный леденец, как он заблестит, засветится, так же по тихой погоде сегодня пруды лежат. Среди шоколадных берез ярко желтеет цветущая верба, на ней уже работают пчелы. Носики будущих зеленых листочков в шоколадных почках берез уже наклюнулись. Над большим Вифанским прудом кувыркаются два ворона, и почему-то это не понравилось вороне, она тоже кувыркается то на одного, то на другого и так делает невозможной игру.

11 Мая. Все почки наклюнулись, и все похожи на тех смешных жучков, которые, желая взлететь, из-под крыльев выпустили кончики своих летательных пленок, но взлететь не решаются. Вблизи эти треснувшие почки все с зелеными хвостиками, но издали еще весь лиственный лес шоколадный. Ранние деревья просвечивают, теперь почки так раздулись, что лес не просвечивает – сколько же их! И на всем этом шоколадном море древесных почек там и тут желто-зеленые легкие как дым сплошные безлиственные букеты ранних ив, душистых и звенящих от первой работы пчел и шмелей.

Когда цветет ранняя ива, я всегда наблюдал, на земле бывают анемоны и волчье лыко. В нынешнем году ни анемоны, ни волчье лыко еще не цветут, потому что весна была очень дружная, воздух скорее прогрелся, чем земля, и над землей раньше зацвело, чем на земле. Первый цветок все-таки показался и без помехи других, более сложных, цветов, он показался чудесным: правда, не чудо ли, что первый цветок матери-земли удался в отца до смешного похожим: с золотой пупочкой посередине и вокруг золотые лучи. Почти нет еще травы, но роса уже есть везде, особенно хороша она в складочках свежего листа какого-то до того знакомого растения, что и не хочется вспоминать его имя, и так все его знают: складочки листа расходятся от середины звездой, и роса мало-помалу скатывается большими каплями книзу так, что образуется зеленая розетка, украшенная бриллиантами. Я не знаю, что лучше, что краше и нежнее. Много раз пробовал сорвать и сохранить все капли росы, никогда не удавалось.

12 Мая. После обеда легкий гром и дождь огромными каплями с пузырями на земле. Береза зеленеет.

14 Мая. В природе блаженные дни.

Остается переписать работу и написать заключительную главу. Всего 3½ листа = 78 страниц, по 7 в день – 10 дней. К половине июня все сдать. Том «Журавлиная родина».

15 Мая. Вчера выгнали коров. Муки любви: трудное токование Терентия...

Когда распустятся березы и утром на траве уже собирается роса и звон от птиц в лиственном лесу, я люблю забраться в темный ельник, где нет ничего: на земле мертвые иглы, стволы серые, из птиц только невесело дятел стучит, – я люблю из ельника слушать гомон птиц в лиственном лесу, соединять с этим гомоном чудеса пережитых мной весен и догадываться о грядущей весне, когда все люди поймут, что лучше этой красоты нет ничего.

Сегодняшний день для писания.

Вечером перед самым закатом солнца паровая мельница заканчивала, пыхая, свою дневную работу, свистел паровоз, Илья Пророк ударил ко всенощной, а тетерев, не обращая внимание ни на звон, ни на мельницу, ни на паровоз, прилетел, опустился недалеко от линии на лужайку, <*1 нрзб.*> свою лиру и начал токовать. Только поводом к воспоминанию о настоящих лесах было это жалкое токование. Так это бывает в такой тишине, когда в ушах должна кровь звенеть, так вот вместо звона крови начинаешь различать, как будто рокот воды по всему горизонту…

Конечно, не без того, чтобы день у человека остался без связи с его общей жизнью, потом забылся и вовсе на нет сошел в общем счете дней человеческой жизни. Но в глубине каждого живого, рабочего дня есть непременно связь в настоящем прошлого с будущим и потому, по-моему, писать можно о всем везде, и все вместе само собой свяжется и заинтересует своим движением всякого думающего о своей собственной жизни читателя: он узнает себя самого, а только это и нужно, чтобы книга была интересной…

Катынский говорил, что у них, если спросить мужика: «какой у вас лесничий?» – ответит: «очень хороший». И о помощниках так же отзовется, не похулит объездчиков, лесников, но лесничество в его сознании есть бюрократическое учреждение, смертельно враждебное мужику.

В эту весну Катынский принужден был идти на глухарей без ружья и говорит, что впервые только понял его песню, раньше цель была убить, и она мешала вникнуть в песню.

Лето мне интересно лесными лужайками с такой высокой травой, чтобы в ней могла спрятаться всякая птица и невидимо прошмыгнуть зверушка…

17 Мая. В 1¼ вышел, чуть белело на востоке. Пел соловей, аромат цветов, ранних ив и начинающего смолистого

березового листа наполняли воздух. Когда побелело и посвежело, певчие дрозды начали везде восклицать, как будто удивляясь пению соловья, пока, наконец, своими восклицаниями совсем не заглушили его. После того начался общий зеленый гомон. За Параклитом в поле служили свою обедню тетерева... На месте Торбеева озера лежал туман. Солнце показалось в 3¼. Это был в тумане красный круглый жетон, внутри которого помещались три черные елочки. Потом одна за другой елочки ушли влево, а солнце поднялось и засверкало. Туман снизился и разошелся. Передо мной по березе бегала красноголовая черная желна. Кричали чибисы. Натуживался витютень. Урчала горлинка, иволга пела. Березы распускаются, это далеко не значит, что другие деревья распустились. На траве от ног уже отличная роса. Потом я вернулся по Дерюзинской дороге и шел так легко, будто в сказке все было или во сне.

Восхищение мое бесконечно...

На стене висел тот портрет Маркса, где седой полукруг его бороды складывается с точно таким же полукругом волос на голове, под этим известным портретом большого размера крупными печатными буквами было написано: «Инспектор прямых налогов» («Страховой агент»).

19 Мая. Воскресенье. Утром июльская жара, после обеда стало прохладно, как осенью. Во всяком случае, с 1-го Мая это первая перегородка между золотыми брачными днями.

Последние главы «Журавлиной родины».

Поэзия жизни еще много чувствительней, чем жизнь...

Горе от ума невозможно в деревне, потому что не перед кем выставить свой ум: от образованного человека, напротив, в деревне требуется именно нечто большее, чем просто ум. Пусть моя защита Клавдофоры с неведомой простолюдинам стороны совпадает с их интересами. Как воззвать мне к уму просвещенного человека, если деревенский хитрец вперед от этого ума отказывается и всегда начинает: «мы люди темные»... И вот я оказываюсь беззащитным перед клеветой какого-то Вьюнка. Никогда бы моя статейка с латинским названием не имела такого успеха, не будь Вьюнка: ее никто не читал, но каждая баба знала о ней, всюду растрепал Вьюнок, что я подослан власть имущими охотниками мешать спуску озера, каждый встречный, никогда не видав меня, по собаке догадывается и часто, в особенности чуть-чуть подвыпивши, выругает.

Но поэзия еще много чувствительней нашей человеческой, так плохо защищенной жизни, бывает, одно только грубое

слово, косой взгляд, и весь рабочий день пропал, и никто об этом не пожалеет, и негде защиты искать, потому что и работа над поэмой невидима, и сама поэма, так уже сложилось все, должна сначала утвердиться в Москве, а потом уже с одобрения Главлита и содействия Наркомпроса войти в деревенскую школу.

Вчера вечером я слышал: по большой дороге прошло несколько автомобилей, и потом баба у меня под окном говорила:

– В озере у нас выросла трава, как за границей, едут смотреть.

То была комиссия гидрологов.

21 Мая. Литой лист берез сверкает. Осиновый коричневый молодой лист зеленеет. Сильный гуд насекомых. Цветет черемуха. Зеленые трубки ландышей.

Никак не могу расстаться с мыслью о Семашке как Дон Жуане! И так ведь почти все. Балерины, актрисы и машинистки разложили революцию.

Революционерам-большевикам, как женщинам бальзаковского возраста, вдруг жить захотелось! И все очень понятно и простительно, только смешно, когда сравнишь, чего хотел большевик и чем удовлетворился.

Страшный ящик.

Лева рассказывал, что в Университете висит ящик, в который каждый студент приглашается опустить на другого донос.

Приезжали молодые люди и согласно все говорили, что закрепление марксизма в новых областях, ранее ему недоступных, сопровождается соответствующим ростом числа оплачиваемых лиц государством и, само собой, уменьшением творчества.

26 Мая. На Красюковке вдруг загамели собаки и после того раздался крик не то раненой собаки, не то укушенного ребенка, как я ни прислушивался, понять было невозможно… Потом крик вдруг перестал: собаки кончились или взяли ребенка. Через некоторое время я сильнее прислушался и разобрал тот же самый заглушенный крик и понял, что ребенка, укушенного собаками, взяли в дом, и он там в стенах продолжал реветь тем же страшным голосом смертельно раненой собаки.

Из-за чего Пендрие бросил курить.

Я рассказал ему, какие последствия явились в результате моего воздержания от курения в течение двух месяцев, прежде всего я начал с легких, удивительно дышится,

второе – стал понимать наслаждение от расширения грудной клетки.

– Да что вы! – воскликнул Пендрие, – а как сердце?

– Сердце у меня вообще здоровое, – ответил я, – ничего особенного не замечаю, впрочем, эта прелесть дыхания, может быть, тоже и от сердца зависит.

– А желудок?

– Желудок, поверьте, никакого омоложения не могло произвести такое действие. Извините, – сказал я, моргнув в сторону Анны Петровны, – а между тем именно об этом и хотел бы больше всего рассказать.

– Аничка! – сказал хозяин, – принеси, голубка, из гостиной альбом, я хочу показать.

И когда Анна Петровна вышла, быстро обернулся ко мне.

– Ну, как?

– Желудок, – начал я.

– Бросьте желудок, Анна Петровна вышла, вы начали про омоложение: как в этом отношении?

Мне захотелось, чтобы мой хозяин бросил курить, и я сказал:

– Бог знает что делается!

В этот момент вошла Анна Петровна.

– Аничка, – радостно воскликнул Пендрие, – я бросаю курить.

– Не верю, – ответила Анна Петровна, – сколько раз пробовал бросить и не мог.

29 Мая. Воля моя – цель моя в будущее, но мало того, чтобы верно прицелиться и попасть, нужно еще, и это самое трудное, почти невозможное: узнать и понять то самое будущее, когда оно (после моего выстрела) моей же волей обернулось в мое настоящее.

Рассказ Пети о Егорыче: началось с того, что двое спорили между собой, можно ли, если один человек избивает другого, заступиться за него с оружием и в случае чего убить его. Петя ввязался и решительно заявил, что убить никак нельзя: «Как же убить, если тот, кто избивал другого, может быть, поделом его бил...» – «Нет, застрелить можно», – сказал Егорыч. И рассказал, как однажды шел он с охоты, а один пьяный стал ругать его коммунистом и советскую власть позорить, что 10 лет работал, и нет ничего... Сердце его не выдержало, он обернулся и выстрелил.

– Жаканом в шею попало, рана огромная!

Доказать ему можно, только если докажешь, он это доказательство принимает за хитрость: обошли его и он чего-то не досмотрел...

<*На полях*> Арбат, Серебряный пер., д. 1Б, к. 17, Александра Александровна Миловидова.

Пэрна – Ритм жизни и творчества. Белый Ритм, как *<1 нрзб.>*.

Иван.-Вознесенск. Николай Германович Ракутин – пред-сед. Губкаки. – Герасим Егорыч Гнедин – предс. Епо («мужик»). Колотилов Николай Николаевич, секрет. обл. комит. партии. Николай Евстафьевич Пирожков. Предс. Губсовнархоза (друг Воронского).

5 Июня. Сдал «Журавлиную родину», и схватила тоска: очень уж трудно работать без отклика, а об откликах умных и думать нечего, лишь бы только хулы не нажить.

Нельзя жить по этим жестоким и бессмысленным принципам коммунизма, но несомненно, благодаря им мы будем жить иначе, может быть, даже и лучше, чем жили.

Классовый подход к живой личности – самая ужасная пытка для людей и губительство всякого творчества: это все равно, что стрелять в Пушкина или Лермонтова.

6 Июня. Был опять в Москве по зубным делам. Без всякого повода предчувствую приближение к себе хулы, – вот награда писателю после того, как, проработав целый год, он закончил свой труд!

Делегат из Н. прислал в Союз охотников вроде жалобы на меня, что я дорого заплатил за берлогу, после чего вздорожали будто бы берлоги и хищники остались не истреблены. Злобный вздор, но очень типичный. Стало ясно, насколько «Зависть» Олеши сочиненная и какая она действительная: да, конечно, не интеллигент завидует коммунисту, а наоборот, в этом все…

Приступаю к составлению VIII тома Собрания сочинений

«Журавлиная родина»

т. VIII

I Журавлиная родина	6½ листа
II Журавлиные рассказы	
1) Одинокий журавль	1
2) Скорая любовь	2
3) Заутреня	8
4) Служба пана	
5) Нерль	14 т.
6) Лесные загадки	6 т.
Прилет зябликов Появление сморчков Девушка в березах Майский мороз	6 т.

Клубника	½
Белая собака	8
Аромат фиалок	10
Охота с биноклем	8
Сидень	10 т.
Медведи	40 т.
Лиловые сумерки	½
Следопыт	1 т.
Теплые места Двойной след Ночевка в лесу	8
Змея	8
Жалейка	1 т.
Охота с колокольчиком	1 т.
Предки	½ т.
Рябчики	3½ листа
Детские	

10 Июня. Идут дожди. Растут травы.

На прогулке с Нерлью видел летающие семьи скворцов. Дрозды-рябинники в том возрасте, когда их так удобно молодой собаке догнать и схватить на лету. Гнездо тетерева *(возле Зубачева)* 10 яиц. Гнездо рябчика 9 яиц. Бекас наверху елки сидит и непрерывно по-своему на-ка-чивает: «ка-чу, ка-чу!» – по-своему это он маленькому своему бекасенку говорит: приближается Великий истребитель в широкой шляпе с пестрой собакой, скорее спеши в куст, там есть кочка, лезь глубже, забивайся, забивайся-ка – чу-дак – ка-чу-дак – чу-ка-чу…

Мы только обрывочек слышали, и потому кажется нам, бекасиха кричит: ка-чу, ка-чу!

Нерль вонзилась глазами в кочку. Я вынул пенсне и разглядел маленького с длинным носом, а рядом с ним лежал футлярчик от пенсне: видно, кто-то другой только что смотрел, как я, в эту кочку и обронил футляр от пенсне. Значит, я ошибся, это не от меня села встревоженная мать бекаса на ель и сигнал подавала не этот, верней всего, она кричала: берегись-ка, другой подходит чудак, смотри-ка – чу-дак – чу-ка, не обронил бы пенсне – ка-чу-ка-чу…

<*На полях*> – Не очень берегись, это не Великий Истребитель идет, а лучше-ка, чудак, иди-ка к кочке, чу-дак-ка-чу-ка: а то, гляди, он тоже уронит пенсне.

Вдали где-то в пышных кустах еще сумел сыграть одно последнее колено соловей, свежим голосом одиноко в бору, иволги звонко перекликались. Тут же на маленьком болотце, зажатом яровыми полями, на единственной елке среди чахлых и редких березок, погруженных в осоку, единственная птица,

бекасиная мать, свесив нос, разговаривала на своем языке с маленьким птенцом (Начало).

Я забыл: еще попали маленькие желтые овсянки.

Новости:

1) ст. «Подсолнечная» убили охотники тигра (выскочил из поезда во время поездки в Германию).

2) Заведующий Сергиевским музеем в Лавре раскопал могилу кн. Трубецкого. Внук покойного Владимир Сергеевич явился к заведующему и сказал: «Мною подано заявление, могила не беспризорная. Вам это известно?» – «Известно», – ответил Заведующий. «Зачем же вы это сделали?» – «Интересно посмотреть могилу князя. Вы, кажется, беспокоитесь, там ничего не было, кости, сохранился эполет, все опять ссыпали с землей, а череп у меня в кабинете». – «Да как же вы смели это сделать?» – «А что, череп? Вы можете его взять, я сейчас принесу...»

Он не имел никакого понятия, что князю с черепом деда некуда деваться, что могила есть нечто организованное...

(Я думал сегодня о Леве, его естественном материализме и нигилизме еще в 12–13 лет: «правда ли, будто первобытные народы жили и верили в переселение душ, анимизм, фетишизм и т. п.». Вернее всего, все эти мечты, догадки приходили в головы отдельных людей, которые творили свои легенды, а другие обращали эти легенды в сети и ловили ими простаков, как рыбу. Нынешний дикарь прямо говорит: «Нет ничего!» и... NB. Продумать до конца, почему Лева чуть не в младенчестве стал большевиком.)

3) Монах продал корову, деньги увез на родину, а старик, который за коровой ходил, остался без гроша. Старик (Егор Николаевич) поступил пчеловодом в коллектив. Так, все нынешнее зло было и раньше, только теперь вышло наружу. Этим хороша революция (как переживание зла).

4) Писатель «Лесник» прислал в Охотничью газету злобное письмо, в котором за мое хорошее и скромное предисловие к «Рыбьим тропам» ругает ругательски, называет «знаменитостью», «богачом» и т. д. Это зависть.

Зависть в социальной революции чуть ли не на первом месте среди смертных грехов. Сейчас интересный момент полного социального разложения и обнажения: это надо видеть, на это надо смотреть. Что можно поставить рядом с завистью?

5) Отношение с мест о «великокняжеской охоте» – тоже зависть?

<*На полях*> В среду: Финотдел.

Речь тов. Михайлова:

При обсуждении вопроса о заготовке пушнины для экспорта все обратили внимание на высокую оплату заграницей

шкурок обыкновенных кошек, чуть ли не по семь рублей за штуку. Явились фантазеры, которые с фактами в руках статистически вывели огромную сумму дохода от кошек, проживающих в СССР. Товарищ Михайлов, вдумчиво вслушиваясь и, очевидно, отдыхая за папиросой, улыбаясь, попросил, наконец, слова и сказал:

– Товарищи, при подсчете дохода от кошек вы упустили одно маленькое обстоятельство, – каждая кошка имеет своего хозяина, который даром ее не отдаст и даже вообще, может быть, не даст.

Все были поражены <*1 нрзб.*> словами тов. и приуныли, но тов. Михайлов сказал:

– Не надо падать духом, предлагаю резолюцию: «По вопросу заготовки шкурок домашних кошек для экспорта собрание постановило: ввиду того, что у каждой домашней кошки есть хозяин, с которым Госторг обязан считаться, собрание уполномоченных постановило широко распубликовать среди хозяев кошек о значительной заготовительной цене».

14 Июня. Почему у нас ничего нет? Мне ответили: потому что наши рабочие не хотят работать. Это верно. У дворянина честь родовая, у рабочего трудовая честь должна быть как личное достоинство. Конечно, честь родилась в буржуазном обществе (трудовая честь), но едва ли в обществе рабочих должна она ослабеть.

Комсомолец Б., написавший роман, сказал, что он среди рабочих не может разыскать материал даже только для создания образа рабочего-коммуниста.

Положение с критикой невыносимое, чувствуешь себя заживо похороненным. Но несмотря ни на что молодые будут писать, из них явится и гениальный.

В каком-то большом «строе» все работают у своего станка, занятые, поглощенные трудом, и каждому его часть труда заслоняет целое. Но один на мгновение оставил работу, поднял голову и посмотрел на все вместе. Так писатель, чтобы увидеть мир и дать картину общего труда, должен выйти из общего трудового строя.

Сегодня закончу зубы. Через 2–3 дня ушлю «Журавлиную родину» и начну свободную жизнь.

<*Газетная вырезка*> «Вдохновляемая Никольской группа: дьякон Александровский с женой, церковный староста Капустин, попадья Аркадова, бывшая торговка и шинкарка Мраморная, – все скопом и поодиночке начинают позорить Лап-

шину на всех перекрестках и используют для этой цели все собрания и сходы».

<Газетная вырезка> «В Бурят-Монголии на 10 чел. взрослого населения приходится один лама, а на одного комсомольца – 7 лам».

<Газетная вырезка> «В станице сейчас нет ни одного неграмотного, все безбожники, введено всеобщее обучение. Станица шефствует над Адыгейской республикой».

<На полях> Четверг зайти (в Рождественскую церковь) подотдел благоустройства, техник Смирнов.

16 Июня. Гнездо тетерева. (Фотозапись).

Раньше июля обыкновенно я не начинаю учить собак, но в нынешнем году весной погибла моя надежная Кента и, опасаясь к сезону охоты остаться с плохо натасканными собаками, я повел в лес молодых в середине июня. А еще было мучительно трудно переживать весну без охоты. Надеялся заменить фотографией, но аппарат «Лейка», выписанный из Германии, запоздал, только в конце мая получил я его, пришлось две недели поучиться работать. Так прошла весна, и я вышел на охоту с фотографией 12-го Июня, прихватив с собой молодежь Дубца и Нерль. Еще пел соловей и токовал бекас, и молодые дрозды-рябинники уже летали тихонько и сильно дразнили собак. Приходилось зорко следить и при малейшей попытке собаки, поднимая вверх руку, останавливать ее грозным словом «лежать!».

– Тебя надо увековечить в этой позе, – сказал мне сын.

Мы вышли из леса на свет. Небо закрыто было, при светосиле 6,3 я выбрал скорость $^1/_{50}$ сек., передал аппарат сыну и, подняв руку, крикнул Нерли:

– Лежать!

Мы не зря заняли почти $^2/_3$ пленки кустами. Гуляя однажды в этом районе, я слышал квохтание тетерки и сильно заподозрил, что тут где-нибудь у нее есть гнездо. Возможность встречи с тетеревами подсказала мне захватить на пленку небольшие кусты, чтобы фотография потом передавала отчасти и условия жизни тетеревей. На фотографии видны небольшие кусты ивы, растущие по краю узкой, заболоченной низинки. Не знаю, всегда ли так бывает, но мне вспоминается, будто всегда я находил выводки вблизи болотинки или ручья. Ивовые кусты росли у края болотинки и переходили дальше в березовое редколесье с высокой травой. Зеленая, еле заметная тропинка шла между ивами и березовым суходолом. По этой тропинке мы пришли к замеченной мной порезом коры осине, вблизи которой в кустах ивы я слышал однажды квохтание

несущейся тетерки. Из осторожности, опасаясь, что молодые собаки могут сильно испугать тетерку, погнаться за ней, подавить яйца или молодых, мы решили сами поискать гнездо, а собак привязали возле замеченной осинки. Найдем мы гнездо или нет, на всякий случай я решил снять тетеревиный пейзаж с привязанными к осинке взволнованными нашим удалением собаками. Солнце показалось из-за облака, я поставил скорость $^1/_{50}$ и взял ту же диафрагму 6,3. Я немного ошибся, надо было взять..., а то негатив слишком жесткий.

Мы долго шарили с сыном в кустах, разглядывали бродки на росе, рассчитывая на молодых, а то нарочно шумели, чтобы спугнуть наседку, – нет! ничего не смогли найти в кустах ивы у болотинки и решили пустить сначала одну более вежливую Нерль. Выйдя из кустов, вдали мы увидели замеченную осину и под ней спокойно лежащих Кентиных детей.

Спущенная Нерль сразу причуяла гнездо, но, как молодая и с решительным характером собака, не сделала стойки вдали, а быстро пошла и скоро исчезла в кусту. Но по ее манере быстро, волчком вертеться в лесу вокруг меня, я ожидал ее выхода из куста, но она не вышла, и вдруг там, в том кусту раздалось хлопанье крыльев, потом видели мы, как испуганная, вероятно со страха, прямо вертикально над гнездом взлетела тетерка, запуталась крыльями в кусту. Конечно, это было одно мгновенье, и собака невежливая могла бы свободно тетерку в это мгновенье схватить. Я крикнул очень громко невидимой Нерли: «Лежать!» и бросился к кусту. Яйца без наседки теперь мне сразу бросились в глаза, одно было разбито, два выброшены, а Нерль лежала, не доходя до гнезда. Было ясно, что не она, упавшая по моему крику, расстроила гнездо, что сама тетерка так рассердилась, что не отбежала, как обыкновенно, а подпустила собаку и при взлете крыльями выбросила два яйца и одно раздавила. Оба выброшенных теплых яйца я уложил обратно в гнездо, надел на объектив линзу для снимания больших предметов, согнул прутья ивы, улегся на них животом прицелился в визирь и ласково сказал все еще лежащей в неестественной позе Нерли:

– Нерлюшка, встань, понюхай, но смотри...

Она встала и пошла на гнездо. Я построже сказал:

– Смотри, ос-то-рож-но!

Она остановилась, и я снял гнездо в кусту при самой большой диафрагме в 3,5 со скоростью в $^1/_{50}$ секунды.

<*На полях*> Охота с фотокамерой для меня всегда звучала чуть-чуть глуповато: за зверем охотиться, за птицей, за деньгами, за счастьем, – все понимаю, но за изображением... вот так охота! Но охота за дичью этой весной была запрещена, я выписывал себе карманный аппарат из Герма-

нии не для того, чтобы с ним охотиться, а попробовать ввести фотографии в свои рассказы и очерки как изобразительный прием.

Что делать? Для нас, охотников-любителей, наступило тревожное время испытания: именно мы, любители, в большинстве случаев более образованные и сознательные, чем промышленники, должны в это тяжелое время стать во главе управления охотничьим хозяйством страны. Что делать? Вот только миновало невозможно мучительное запрещение весной охоты, и уже приходится говорить о новом ограничении: до 1-го Июля, когда большинство <*1 нрзб.*> не вывелось, нельзя натаскивать собак без ущерба хозяйству...

Через несколько дней я очень осторожно, ползком подобрался к гнезду, рассчитывая снять саму хозяйку, но ее не было, а яйца лежали уже совершенно холодные. Кто мне объяснит причину расстройства? Я лично думаю, что именно разбитое яйцо отпугнуло тетерку. Мне осталось снимать не живую птицу, а только холодное мертвое гнездо.

18 Июня. Жарко и потом в 12 д. гроза и ливень. Записываю в грозу и ливень: одни редкую радость свою готовы считать лишь началом новой печали, другие даже горе принимают за начало какой-то новой неведомой радости. Я часто осенью, когда листья опадут, те же самые голые деревья вижу с весенними шоколадными почками. Мне бы очень хотелось добиться встречать всякое свое огорчение как обещание весны. И потому свои рассказы я начал с осени.

19 Июня. Не знаю, могу ли я предвидеть, сказать что-нибудь верно о будущем, но я наверно могу о многом, установленном в настоящем как бы на вечность, сказать: оно пройдет без следа и в будущем не останется даже в памяти.

Видел старого Голицына, ему 81 или 82 года. Он ученик проф. Шевелева (Шевелев давал ему уроки в Париже в возрасте 15 лет). Старейший (в Москве) студент Московского университета, 5-летним мальчиком <*1 нрзб.*> видел Николая I... Московский городской голова. Член партии мирного обновления.

Написать рассказ о весне с главой о табаке, начало этой главы: «Держу я себя в руках не ровно, а посредством бунтов, вдруг замечу, например, что я в плену формата бумаги и брошу этот формат или что привыкаю к мягкому креслу, и так без конца: жизнь моя – бунт. Так случилось, обратил я внимание, что нахожусь в полном плену папироски, и мысль блеснула – а почему бы не бросить?»

20 Июня. Внимание теперь устремлено исключительно на человека текущего, в котором, конечно, само собой, таится и творческая личность, создающая будущее.

Огромный монастырский пруд, ближайший к посаду, прорвало во время революции, мало-помалу по руслу маленькой Кончуры сбежало все лишнее, обнажилось песчаное дно, сильно удобренное илом. Быстро пошли расти по берегам речки богатейшие сладкие злаки, вся долина Кончуры стала роскошным заливным лугом, и в нынешнем году его сняла в аренду милиция. Сегодня я отдыхал на берегу маленькой речки в густой траве, создававшей при монахах озеро, в СССР – заливной луг, любовался текущей водой и думал о текущем человеке: что революция и последующее разорение поставили нас лицом к лицу с текущим человеком, и это многих заставило думать, что того сложного исторического человека, носители которого все мы более или менее, – нет и, может быть, не было.

– Житие Сераф. Саровского? – воскликнул мой спутник, – да это же по-нашему времени самое завидное, самое счастливое, если бы можно было уйти в пустыню, мы все бы ушли.
И правда, какое это было счастье знать, что от меня самого зависит уйти куда-то в безлюдье и там внутренним деланием влиять на все человечество.

Сегодня отсылаю работу к Разумнику и приступаю к сборам в отъезд.

Вы спрашиваете, почему я так много пишу о животных и так мало о человеке, я вам открою причину: сердца не хватает на человека... Я описал хорошо смерть собаки в рассказе Анчар, но, как умирал близкий мне человек, я не могу описать, хотя он даже не умер и живет теперь хорошо: мне было так тяжело, что описать это я не в состоянии. Пишу я о животных не потому, что их больше люблю, а что тут легче с собой справиться, выбиться из-под тяжести факта на волю, снова захотеть играть и рассказывать сказки.

21 <Июня>. Бывает, всякое доброе слово отскакивает от скверной жизни как от стены горох, и потом, когда скажется утомление – женщины узкозадые позеленели от абортов, вещи, созданные легкомысленным трудом, поломались – охота к прочной жизни является, как необходимость, без слов... Мы накануне, а может быть, уже и вступили в сферу той бессловесной добродетели, совершенно необходимой для роста органической жизни. «Чти отца своего!» нынешний человек еще, конечно, не скажет, но живет он уже согласно

этой заповеди органического роста, необходимой, вероятно, и для прозябания трав.

План. За июль <*1 нрзб.*> заказник, в процессе работы натаскать собак и собрать материалы для детской книжки о лесе (Щевелек). Немалую роль будет играть фотография.

С. А. Тиойн – радиотехник и служащий Красного Креста, вырос в срок жизни советской власти, не коммунист, но как беспартийный – отличный работник, это достижение свое соединяет с существом советской власти и стоит за нее больше, чем коммунист.

Много помогло ему в этом, что женился на еврейке и пошел против всей своей родни.

Токарь Розанов, радиолюбитель, изобретатель (выдумал в деревенском <*1 нрзб.*> самоваре устроить радио), чтит Ленина, полагая, что Ленин дал людям радио (а именно радио спасло токаря от пьянства).

Лева, сын мой, органически советский человек, беспартийный большевик с хорошей завистью к труду отца и уверенностью самому достигнуть того же.

А. И. Майоров из колонии Каляевка пишет бездарно, неграмотно до последней степени стихи, в которых ругает всех, от попа до редактора – чистая злоба! Но в прозе у него хороший язык, и как человек он тут совсем другой, внимательный к другому и добрый. Беспартийный, но за Советскую власть «готов умереть».

По-видимому, таким людям числа нет, воспринявшим Сов. власть органически, а не идейно, они будут вместе с ней эволюционировать и стоять за эту власть и когда она совсем переменится. Эта приверженность основана только на жажде жизни и какого-нибудь самоутверждения.

22 <Июня>. С худ. Пичугиным ходили в Каляевку. Зав. мастерскими Арк. Николаевич водил нас по мукам. Колония разделяется на безнадежных (пьяниц) и «молодежь», которую более или менее успешно исправляют. Нюша Ефимова, б. проститутка, ныне примерная замужняя женщина. Маленькая женщина без рук, умная, работает с Колей, – тот сильный, но если спросить: «Как тебя звать, Коля?» – ничего не сообразит. И, кажется, это (Лиза Черкасова – нет...) все делает, если ей создать иллюзию собственной инициативы и воли.

У бродяг это чувство свободы, как своеволие: хорошо это?.. едва ли: это слабые люди (алкоголь).

Поэт Майоров (из Каляевки) в стихах, совершенно бездарных и неграмотных до последнего, ругает всех от попа, крестившего его, и редактора, отказавшего ему в печатании стихов, но прозой маленькие вещи пишет на редкость хорошим

простым языком, видимо, очень талантлив и выступает, как человек с добрым сердцем и душевным вниманием.

Ужасно было под конец, когда этот Арк. Н., отличный работник, стал жаловаться на условия своей работы. Можно высказать как правило, характеризующее наше время, что каждый одаренный с успехом созидающий <*1 нрзб.*> работник окружен сетью шпионов, завистников. Это приводит к размышлению о недостатке социалистического строительства; основная ошибка – это теоретическая переоценка значения масс, которыми на практике может управлять небольшая организованная группа, отсюда презрение к строительству личному, без которого невозможен и творческий коллектив.

23 – 24 <*Июня*>. Троица.
Дожди.

25 Июня. Кое-где встречаются поспевающие ягоды земляники. Рожь давно выколосилась и пахнет хлебом. Я шел озорною тропой через поле. Василек смотрел на меня. Я протянул к нему руку, но в это время Нерль наступила лапой на стебель у корня, синий цветок покачнулся и утонул в нежной зеленоватого цвета морской глубине.

Лида стала «делегаткой» за красный платок.

Перестроился:
«Ведь речь идет» (пятилетка) не о строительстве вообще, а о социалистическом (подчеркнуто автором), т. е. о таком, которое укрепляет диктатуру пролетариата»... («Пятилетка борьбы». Керженцев. Литер. газета № 9).

На днях пришел ко мне молодой человек, назвался заместителем редактора местной газеты и предложил мне свою поэму о бедняке Смоленской губернии в его борьбе с кулаком. Я завел с ним разговор о литературной политике и, между прочим, сказал, что, по слухам, Сталин относится к литературе довольно либерально. Во время разговора мельком я просмотрел поэму, сразу понял, что она никуда не годится, и автор ни малейшего понятия не имеет ни о поэзии, ни о стихах. На прощанье, чтобы подготовить молодого человека к предстоящему в конце этой недели моему отрицательному ответу, я сказал:

– Имейте в виду, что к поэзии нынче присоединилась на помощь наука, что поэтов развелось очень много: все пишут! И конкуренция в журналах огромная. Я боюсь за вашу поэму...

– А Сталин? – воскликнул мол. автор. – Вы сказали, что он интересуется, мы пошлем к Сталину.

– Разве что к Сталину.

28 Июня. В коллективе «Параклит» ¾ ф. на день хлеба, похлебка и компот(!). Сцена с женщиной из-за Нерли. Большинство женщин бессмысленно держатся за старое, а если что-нибудь предпринимают, то становятся фанатичными. Завед. кол-вом по принуждению: или в коллектив, или вон из партии. Вероятно, и большая часть «передовой» деревни попала сюда таким образом (ссылка). Какая-то новая жизнь с компотом (финтифлюшки). И все-таки (на таком-то пайке!) весь день работают!

Сесть как-нибудь за столом и рассудить по своему внутреннему опыту наше дело.

Если в обществе есть люди, вполне достойные во всех отношениях, но утверждающие себя не в настоящем, а в прошлом, то это значит, прошлое это не прошло, а вызывает к себе на помощь, чтобы выбиться из-под обманов действительно прошедшего прошлого.

На обратном пути встретил Нину Ефимову с мужем.

Охота с фотографией увлекает меня. Снял девочку Полю Левину с <*1 нрзб.*> на клади у ручья. Она догоняет с братом. Я сказал, что истратил на нее три снимка и больше нет у меня. «А нельзя вернуть?» – спросила она.

Заячьи места летом.

<*На полях*> В столовой грудой лежал разобранный иконостас. На лавке в бочках стояли местные растения: елка, березка, лук болотный, травы и т. п. Я спросил, зачем это? Григор. Никол. указал почему-то на иконостас: «Раньше тут иконостас стоял, мы его разобрали». Понимаю: красота была, так вы на место вредной красоты хорошую красоту (проводите – ?).

Андрюша привез книгу о Египте, и в какой-нибудь час я, пересмотрев рисунки, понял, что искусству нашему египтянин не удивится, напротив, по всей вероятности, оно ему покажется жалким, но мой фотографический аппарат «Лейка», винтовка Саведжа, собрание моих сочинений не в отношении содержания, а красота внешняя книжек его поразит. А радио? Вот уже месяц оборванный конец антенны лежит у моего окна, и ровно 5 минут времени отнимет у меня восстановление провода, но я все не соберусь: так неинтересно стало это недавнее «чудо техники». Каждое новое изобретение волнует общество, возникают надежды, и каждое через некоторое время дает вещи только полезные или необходимые в борьбе за существование.

Да вот и все! Новые люди (пусть революционеры и т. п.) это деятельные сторонники того, чего не было в прошлом, все остальные непременно должны быть контрреволюционерами.

Работа аппаратом при моментальном снимке.
1) Пенсне надеть. (Должно быть на шнурке.)
2) Выдвинуть и закрепить.
3) Метр – 4.
4) Скорость.
5) f – движение безымянного пальца.
6) Взвод.
7) Сбросить пенсне.
8) Визирка и спуск.
9) Надеть пенсне.
10) Счет.
11) Записать f – , М, примечания.
12) На ∞.
13) f опус. движен. б. пальцем вниз.
14) Объектив влево.

Исходная съемки f 6,3 на 4: это значит снимать от 3 до 6 метр.
Неподвижное снимать, чтобы f 18 на 5 (2,5 – ∞).
Более светлая бесконечность f 9 на 10 met, снимает от 4,7.
f 12,5 на 7 = от 3, 25 – до ∞
f 18 на 5 = от 2,5.

2 Июля. Кое-где уже начали траву косить. Поспевает земляника.

Достаточно раз увидеть в египетском искусстве, каким нарядным ковром спустила свои крылья птица, обнимая ими шею фараона, чтобы решить о современном искусстве: во всяком случае вперед оно не ушло. Вперед ушли только средства борьбы за существование и в огромной степени размножились люди: нас стало много больше, и соответственно с этим увеличилось и производство.

Вчера Егор Николаевич рассказывал об уме и привязанности к человеку коров: бывало, он устанет и ляжет в лесу поспать, коровы тоже лягут плотно вокруг, и ни одна, ложась, не только не задавит, а даже и не учуешь во сне, когда они к тебе прилегли.

Левин счет:
Химич. – 9 р. 80 к.
Бумага – 14 р.
Гетры – 3 р. 50
Билет – 2
Книги – 2 р. 50
Пастила – 4 р. 70 к.
Банки – 5 р.

р. 50

Штатив – 30 р.
Химич. – 19
49
41

———————

90 р. 50 к.

3 Июля. Снимали с Левой уродов в Каляевке. Вечером простился с Левой: уезжает в Сибирь.

Поэт из Каляевки спросил меня о впечатлении, я ответил: «Умные люди». Он усмехнулся: «А как же глупый сюда попадает, все воры, да...»

У всех беспризорников есть особая чуткость на хорошего человека: они чувством всякого видят насквозь, и это на поверхности кажется «умом» («ум» в этом нечто очень маленькое, вот почему и улыбнулся «поэт»). Мне запомнились: Ира Соловьева (Яровой сноп, «Наша Ира маленька, ростом ниже валенка, в сапоги обуется и сама надуется»), Нюша Ефимова (спасенная проститутка), Цикат, Дуся (огородница), Абиссинский коммунист, Мухтар, Девушка с падучей.

...Сюда могли попасть только люди с трагическим прошлым.

<*На полях*> Рассказ Е. П. о встрече с Ирой: в траве голова и голос: «Ах, Иван Михайлович, как я вам рада!»

4 Июля. Утопленница. Разбойники возле Параклита. На огороде у Влад. Ивановича (Монах), Дуся (в кармане крест: стали носить кресты в карманах). «Чуткость».

Две черты, которыми я в своей личности писателя соприкасаюсь с типом беспризорника: первое, это повышенное чувство личной свободы, вплоть до полной невозможности писать по заказу, и второе, самое главное: особая, для многих непонятная, утрачиваемая современными деловыми людьми, чуткость к хорошему человеку.

<*На полях*> Скитский пруд: место трагических развязок (очень глубокий и обрывистый).

7 Июля. Раннее утро. Люди еще не вставали. Петух попробовал за курицей, и она от него, как обыкновенно у кур, побежала, но вдруг вышел большой конфуз в курином мире: петуху почему-то расхотелось, и он остановился, а курица долго еще бежала, воображая за собой петуха, и когда, наконец, поняла, что его сзади не было, остановилась, похоже было, в раскаянии: правда, если бы она, вопреки куриной повадке, не бежала от него, очень возможно, он бы ее потоптал.

Приглашает в компанию.
– Какая тебе компания, у меня в кармане вошь на аркане.
– Ничего, – говорит, – мои деньги, твоя голова.
Так мы с ним начали, и, кроме того, за границу ездили, там слышали в Венеции Шаляпина и Баттистини, сравнивали: куда до Шаляпина, сравнивать невозможно!

<На полях> У Иры ребенок 9 фунтов, так и валят! Яровой сноп. Трофим Ефимович Архаров, заведующий Каляевки.

Про бывалое мое, и про теперешнее.

12-го в 1 ч. дня быть на суде в колонии: разбирают убийство слепых.

Архаров показывал мне колонию. Беспризорные «улицы» не боятся (там их воля), но доходят до такого состояния, что попадают в колонию. (Изучить этот момент: прибытие новых.) Прожив некоторое время, они привыкают к теплу, к мягкой, готовой постели, отчасти к труду. Бывает, выказывая удаль, он бежит и вскоре возвращается, но такого большей частью уже не берут.
Любовь иногда излечивает. Нюша Ефимова сошлась и перестала пить (он на нее повлиял), теперь скоро выйдет на волю.
Ира хорошо себя чувствует, потому что вокруг уроды, такие же, как и она.
Изучить «круговую поруку» (смысл ее отдать принуждающую волю людям более близким исправляемому. Затея проводится не без коварства: сначала создается ячейка людей, верных администрации, они и забирают власть).
Алеша Ша. Его никакая ячейка забрать не может, неисправим. Нравственный вопрос начальства колонии: быть таким, как Алеша, или не быть.

10 Июля. Лева уехал в Сибирь.
В пятницу суд в колонии.
Дорожу своими воспоминаниями вовсе не из-за их сладости, дело не в этом, а в совершенно необходимом материале детства для художественного понимания текущей минуты жизни, потому что художник совершенно как мать рождает свое дитя, точнее сказать, он возрождает в своем творчестве себя, как ребенка, некогда физически рожденного живой матерью. Вчера вечером я думал об этом упорно, потому что услышал какой-то звук из раннего своего детства. Ночью я разгадал эти звуки: это мальчики свистели в стручки акации, это значит, что стручки эти поспели.

Назавтра: 1) Заказное в Союз писателей.

<*На полях*> Не желаете ли спросить? И кто-то спросил: с бутылкой знаком?

11 Июля. На чистке.

Это, конечно, исповедь, возвращенная обществу в форме чистки партии. Исповедь обыкновенная вспомнилась, как условное представление чего-то давно пережитого и для многих уже совершенно непонятного. Это исповедь грубая, но настоящая. Правда, едва ли все эти вопросы из публики могут прибавить что-нибудь к известному в ячейке и, вернее всего, эту публичную исповедь выдумали не так в интересах чистки, как для внедрения в среду простецов хорошего мнения о партии, но все-таки допрос публики для каждого партийца является очень мучительным.

При мне чистили милиционера, потом заведующего прачечной, потом повара. За столом судьи, в публике все возрасты от детей до старух. Мало-помалу вопрошатели определяются, один спрашивает всех одинаково: «с бутылкой знаком?», другой, мальчик из пионеров, предлагает всегда два вопроса: о партийной нагрузке и партийном взыскании. Бывают и каверзные вопросы, например:

– Ты говоришь, отец твой крестьянствует, а как же, говорят люди, он мясом торговал?

– Это не отец, это дядя...

12 Июля. Суд в Каляевке. «Слепыш» убил «слепуху», чтобы не платить алименты. Слепой Дон Жуан (100 руб. зарабатывал! А другие сидят на казенных 8 р. 25 к. в месяц).

13 Июля. В Москве по делам охотничьим и фотографическим. Жара.

14 Июля. Выводки курцхаров на ст. Ашукинской. Умирал от жары. Спящие охотники. Стерегущий пес. Искушение котлетой (слюни).

<*На полях*> По Б. Дмитровке направо Широкая улица, д. № 13, Дмитрий Алексеевич Алексеев. (Коровий комиссионер.)

15 Июля. Демонстрация возле памятника Ленину («все на плешь!»). Быть или не быть войне. Я на 20%, Ларион на 15. Я сказал: «Это если нас 100 человек, навели ружья на нас и сказали, что после залпа из нас упадут 15–20 человек. «Страшно стоять?» – «Страшно!» – ответили. А оно так! Кожевников – 90% за войну. Трубецкой – 90, что не будет. Привыкли к войнам, знаем, что никто ничего не знает и не может знать. Если война, то ехать в Переславище не надо, конечно, буду складываться все-таки, потому что 80% все-таки за то, что вой-

ны не будет. (Конечно, все от англичан, захотят – война, захотят – нажмут на Китай, и все успокоится.)

20 Июля. Вчера приехал Петя, окончивший охотничьи курсы. Подаем прошение о службе на Урал и в Сиб. край. Сегодня Лева прислал телеграмму из Иркутска, просит денег: его опять «обворовали». Верней всего, просто потерял. С этим мальчиком (23 года!) вечная тревога.

В понедельник решено отправиться с Петей.

<*На полях*> Мазь, ошейник? Замошкину. Художнику-изобретателю.

21 Июля. Сборы. I. Фотография: 1) Камера с кассетами. 2) Штатив. 3) Тем. комната. 4) Кюветки (3). 5) Для печатания: рамка, 5 патронов, ½ бут. 6) Проявление: после пробы на проявление цельной ленты взять 3 кор. Реч. (360 сним.), коробку проявителя.

II. Лебо, Саведж.

С. К. проснулась утром в юрте, у входа сидели два военных и разговаривали между собой. Она увидела именно то, что эти молодые люди были военные, а что они были большевики и разговаривали о политике, ей было мало интересно и даже совсем не приходило в голову: загорелые, сильные, молодые военные люди всего мира во все времена сидели у входа в юрту и вели разговор свой, как петухи, как <*1 нрзб.*>, как звери разные о своем тоже иногда что-то передают друг другу, о своих самьих делах, имеющих смысл для самок не в содержании, а только в форме.

Жизнь зайца. (Рассказ Пети по лекции Мантейфеля.)

Зайчиха носит 52 дня. Первый помет бывает в апреле и часто погибает от мороза. Лучший помет в мае, 5 штук. Первый рожденный зайчонок вслед за выходом в свет сразу присасывается и, пока рождаются другие, наливается молоком, раздувается шаром. После того он отбегает шагов на двести и залегает на пять дней, не обращая внимания на мать. Как может зайчонок пролежать 5 суток без пищи? Объясняется большой питательностью молока, в коровьем молоке жиру 3%, в заячьем 23%. Через пять суток зайчонок поднимается, и тут обыкновенно находит его какая-нибудь зайчиха, своя мать может быть только случайно, всякая, желающая освободиться от напирающего молока зайчиха на короткое время насыщения становится ему матерью. После того он опять залегает дня два-три, чтобы начать затем самостоятельную жизнь. Любовь у зайцев бывает очень коротенькая. Когда рождается последний зай-

чонок, стоит уже в ожидании самец. Через 6 часов зайчиха снова беременная.

В Кончуре аршин-два ширины, в самых глубоких местах до колена, а обыкновенно по щиколотку. Раньше монахи устраивали плотину и весной запирали реку, вода разливалась, и на луг мало-помалу оседали сначала тяжелые, вынесенные из города предметы, консервные банки, разная утварь, дырявые ночные горшки, потом навоз и мельчайшие взвешенные частички различных удобрительных веществ. Когда вода отстаивалась и делалась совершенно прозрачной, ее спускали в большой Вифанский пруд, а удобренный луг с каждым днем после того богател сладкими злаками. Теперь плотина стоит оборванная, свободная весенняя вода все приносит в Вифанский пруд, и только самые тяжелые предметы оседают на лугу вблизи города: консервные банки, эмалированная дырявая кухонная посуда и тому подобное. Местами нанесен песок, местами луг заболотился, но все-таки до сих пор по берегам Кончуры вырастают богатейшие травы – пырей и другие сладкие злаки. Я вздумал снять эту речку шириною в аршин с берегом в траве выше человеческого роста, и у меня получилась на фотографии почти Миссисипи и большая пустынность без признаков человеческой жизни, хотя я сам, снимая фотографию, стоял посередине реки, запачкав только подметки штиблет, а из воды высился голубой эмалированный ночной горшок с дыркой в дне. Фотографический аппарат вообще стремится к прекрасному так сильно, что мне постоянно приходится сдерживать его пыл.

В политике я постоянно ошибаюсь, потому что строю свои суждения по материалам, доставляемым мне больше сердцем, и мой разум при этом осмеливается выступать лишь в согласии с чувством. Потому суждения мои в политике всегда обывательские и неверные. Так, я очень уверился, что события на К. В. Д. на этот раз кончатся войной. Мне представлялось, что революционное правительство еще способно рискнуть и начать войну, чтобы зажечь «мировой пожар». Я это думал, потому что в корне своем сам большевик, а в жизни уже давно этого нет: я судил по себе, не считаясь с тем, что революция давно пережита и «пятилетки»...

22 Июля. Видел на березах первое желтое пятно, и в саду одна на ступеньках жалкой терраски сидела женщина, блеклая, неподвижная. Только аромат тления и золотистый цвет хороши в умирающих листьях, а больше в них самих для себя с надеждой, верой и любовью для нас нет ничего.

Картошка не цветет, хотя клубни и нарядные, но нам както совестно трогать до цвету кусты. А вот явился человек без

предрассудков, надергал себе картофеля и ест! Неприятно глядеть на него: какой-то голый, нахальный человек, а между тем и обидно за себя: чего же я совестился, почему до цветов никогда не трогаю картофеля.

Липы цветут, и наша аллея в «Дворянском гнезде» встает с торжественными именинными столами под липами... На заборе чирикает молодой воробей, совсем как тогда, а сколько разных воробьев с тех пор пришло и ушло!

Иванову-Разумнику.

«Нечто», делающее писателя художником, должно быть совершенно расплавлено в таланте и никак не торчать. Без этого «нечто» и я тоже не считаю беллетриста художником. Но, разбираясь в себе, я нахожу рядом с этим «нечто» совершенно такое же и не расплавляемое. У меня является сомнение, что «нечто» есть мой домысел, моя претензия философская или же, напротив, оно есть высшее художество, недоступное толпе. Вы можете себе представить, что для самоутверждения в таком состоянии не будет места. Но что если мое произведение, содержащее «нечто», расхвалит публика. Пусть она поймет в своем легком плане и пока не оценит моего «нечто», но я-то лично буду уверен, что мое произведение художественное, что лучи моего искусства пробились до самого последнего матового стекла уборной и даже там видны...

Наша республика похожа на фотографическую темную комнату, в которую не пропускают ни одного луча со стороны, а внутри все освещено красным фонариком.

23 Июля. Вышел в 4 у., за Мишутиным нагнала меня подвода. Разгар покоса. В Петрушине пережидали дождь под деревом. Извозчик говорил о коллективах – «хуже крепостного права». Туча была черная, и по ней вдали перебегали какие-то серые тени. Мы поехали, когда разъяснело, но из остатков тучи хватила молния и у нас на глазах расшвыряла 4 телеграфных столба. Мне было, будто по лицу ударило, извозчику «хватило горячим воздухом». Вечером устроились на краю деревни в новом доме.

24 Июля. Нашел выводок тетеревей и научил Нерль задерживать стайку. Вечером пришел Петя, принес аппарат с железной пружиной, который тут же и отказался работать. Я заметил, что с тех пор, как я завел фот. камеру и стал «фотографически думать», я перестал записывать свои мысли в тетрадку. Вчера Ник. Вас. при моих словах о молодежи просто засмеялся и сказал: «Она бунтует за счет накопленного трудом отцов, а как только становится на свои ноги, так

перестает». После того я думал о Черной слободе. Это большая гора была в Черной слободе при въезде в Елец, и мать моя должна была всю жизнь спускаться и подниматься по этой скверно вымощенной известковым булыжником огромной горе. Мне она казалась чем-то неминучим, определенным для моей матери, а я бунтовал. Черная слобода – это изнанка всякой революции. Смешна свобода жителю Черной слободы. Он хорошо знает, что Черная слобода – это неминучее, и если сроют ее и сравняют гору, то ее душа появится в гораздо большей очевидности, и люди, вспоминая прежнюю физическую Черную слободу, будут удивляться ее наивности и простоте в сравнении с безошибочной неминучестью новой...

25 Июля. Стойки по выводку. По бекасам «шьет». Ходил почти до Скорынина. Вечером ходил с Дубцом, по лесу очень плохо: нет контакта с охотниками в поиске; в болоте он хорош.

26 Июля. На восходе солнце дрожит, играет, как живая капля росы, и переливается всеми цветами. Я знаю, она в такое утро не может дрожать, это сердце мое дрожит и толкает меня, это я, живой, узнаю себя самого в дрожащей росе и через это весь мир утренний.

<*На полях*> Петя на вечер отправился за ружьем в Москву и чинить аппарат.

27 Июля. Вёдро.

Так было душно, что страшная гроза не могла сразу очистить воздух, на другой день опять парило и опять была гроза, на третий не парило, но дождик брызнул, вечером стало прохладно, полезли туманы к вёдру, и за эту одну ночь на отавах везде какие-то маленькие паучки в великом множестве расстелили свои салфеточки. Ведреным утром легла роса на паутину, и она стала белой... Солнце вышло из тумана, и месяц остался. Мы нашли выводок тетеревей по росе очень скоро, и я, по привычке мгновенно схватывать и запоминать место первого взлета птиц, в этот раз набрал в себя особенно много примет: сухая березка – за ней было солнце, напротив елка очень высокая, и над ней месяц, да, я серьезно месяц заметил, и через час, когда пришлось разыскивать это место, стал месяц на небе искать: его больше не было.

Зло создалось из ошибок наших отцов...

Я говорил сыну хозяина:

– Не знаю, зачем ссориться молодому со старым отцом, старый довольно поработал, и ему пора отдохнуть, а молодому надо начинать смелую жизнь. В чем же дело? Взял и без упрека и ссоры ушел от отца строить новую интересную жизнь...

– Нет, – ответил хозяин, – наша нынешняя деревенская молодежь уже неспособна что-нибудь начинать от себя. Он уйдет из дому, ему ничего не найти: темнота! К чему он способен, что может начать, куда его пустят? Дрова помочь кому-нибудь попилить? Не станет. Пропадет!

В деревне два смертельно-враждебных класса, беднота и середняки. (Вскрыть недра деревни, вспомнить «раздел Сафоновых» с рождением человека, историю снохача.)

28 Июля. Вёдро. Урожай. Роскошные овсы. Беднота зажинает неспелую рожь. В прежнее время бедный достал бы ржи у имущего и отдал новиной, теперь середняки и бедняки в смертельной вражде. И как не враждовать! Середняк работает, платит налоги за «бедного», а тот ничего не делает и притом «чванится» как «беднота». Молодежь, глядя на все это, разлагается.

Все переменилось за год в ВИКе, остался только Юдин, секретарь ячейки. Я сказал хозяину: «Мне кажется, он ничего». – «Ничего, – ответил хозяин, – только говорить не умеет, а любит. Я ему раз говорю: «Вот ты на нас учишься говорить, тебе хорошо, а мы глохнем». – «Где же, – говорит, – мне еще учиться, как не на практике?» А я ему на это: «Иди в лес и говори соснам, говори и говори, так легче карьеру сделаешь».

Можно написать повесть (фото) и потом сделать к ней фотографии, это очень легко. А я делаю сначала фотографии и к ним хочу присочинить повесть: это очень трудно; вернее, в 1-м случае трудно писать, зато легко фотографировать, а во втором наоборот. Дело не в слове и не в фотографии, а в расходе художественной энергии.

Во время отдыха на суде курцхаров один из судей задал мне какой-то вопрос относительно моего охотничьего рассказа. Я ответил ему немного с усмешкой, потому что мне представлялось, что судья не читал моего ничего, кроме охотничьего. Но судья, оказалось, читал «Кащееву цепь». Тогда я говорю: «Вот странно, вы читали «Кащееву цепь» и говорите о таких пустяках, охотничьих рассказах». – «Это не пустяки, – сказал судья, – то, что описано в «Цепи», переживают немногие, а что в рассказах, это всем знакомо».

30 Июля. Автомобиль.

Сестра моего хозяина, старая дева, страдает припадками бешенства, во время которых она ужасно ругается. Слышна ее ругань бывает очень далеко, и везде все это называют «молебном». Началось это, как говорят, со случая в лесу, кто-то напал на нее и пробовал изнасиловать. Кроме припадков бешенства

с ней стали повторяться еще и припадки умиления: всякий раз, когда она видит проезжающий автомобиль, она, заслышав издали машину, просветляется и говорит окружающим, что это секретарь ячейки Александров едет за ней.

Вчера хозяин, заслышав автомобиль, сказал:

– Пора, товарищи, бросить кататься, когда у людей рабочая пора, нехорошо, автомобили казенные, куплены на деньги народные.

А сестра, вся просияв, ответила:

– Это Александров едет за мной.

На днях я поймал тетеревенка и поместил его в подполье. Рано утром, до коров, когда хозяйка еще спит, тетеревенок начинает звать свою мать, я подсвистываю ему тетеревенком, он сильней... И каждый раз, когда тетеревенок после некоторой заминки начинает свое: «Фиу, фиу», значит, «Где ты, мама?» – хозяйка во сне, слышно, говорит: «Милый ты мой!»

Когда тетеревенок разыскал положенную ему малину, занялся ей, перестал, я тихонько посвистел:

– Фиу, фиу, где ты, мама?

И спящая хозяйка ответила мне:

– Милый ты мой!

«Принудиловка» – общее крестьянское название всех коллективов.

Сеславина гора. Был на Сеславиной горе. Там бор, подстеленный зеленым мохом, сосны в солнечном свете стоят золотые, мох внизу, как лунный свет. Тишина не такая, как в дачных борах: ведь и там в заутренний час тоже тихо, но тишина там искусственная и зависимая: то вдруг свистнет паровоз, то петух закричит, тут тишина самостоятельная, через окружающие болота никакие звуки со стороны невозможны. Я дошел до Власовских полей, мужики убирали луга. Я спросил, где тут мох, в смысле мох, где водятся птицы (у меня была Нерль). Мужик ответил вопросом: «Тебе много надо моха?»

Ручей перед Сеславиным называется Стрелецким, а перед Власовым не знаю, как называется: там лес огромной высоты сгрудился над мелким в низине и на опушке одну возле другой на равных расстояниях муравьи поставили свои непомерной высоты республики.

О Дубце. Поиск обманчиво широкий, на самом деле это до того бессмысленный бег, что собака теряет хозяина. Стойки почти нет, только потяжка, во всяком случае, добраться охотнику до птицы невозможно, слетит. Я попробовал поиск от 20 до 40 шагов и добился этого таким образом: отпустив, даю очень короткий свисток, если не слышит, кричу «назад!», не

слушается: «лежать!» Так добиваюсь, что он слышит коротенькие свистки и слова, которыми заставляю его ходить сначала рысью недалеко от себя, спустя полчаса он бегает в лесу галопом вокруг не далее 20 шагов. Собака до того робкая и послушная, что, пожалуй, можно охотиться, не забывая каждый раз устанавливать поиск и постоянно работать над укреплением стойки.

1 Августа. Охота.

Погода стоит переменчивая, то в жар, то в холод, гроза каждый день. Вчера вечером хоть печку топи, но утро солнечно-росистое, скорей поспевай, а то будет очень жарко, и собака вывесит язык. Мне удалось убить петуха и трех молодых тетеревей. Но особенно сильно понравились встреченные в заднем Серкове глухари. Их было шесть стариков, в 7 у., когда бор пронизывают широкие лучи солнца и сплошные листики черники как будто отлиты из металла, серебра, алюминия, они вышли из густых мокрых осин и разбрелись в бору. От моих шагов они поднимались, но не сразу все, а каждый, услыхав взлет соседа, сознавал, что необходимо взлетать, оставляя из уважения к своему глухариному достоинству одну или две секунды раздумья: «сознаю, мол, необходимость, но все-таки подумаю». Их особенный шум при взлете напоминал тот постоянный шум верхушек в бору, достойный пустыни и независимый...

Я был счастлив, что стал охотником...

<*На полях*> Сережа рассказывал, что он раз грибы собирал в Серкове, тихо шел, оглянулся и видит: на елке, на одном суку сидят тесно друг к другу 6 глухарей.

К этому мое: один за другим, как вагоны, 9 глухарей.

1) Вагоны.

2) Гуляют по чернике (один похож на автомобиль на прос. дороге спереди). Взлетают.

3) Сережа увидел на суку всех.

Принудиловка.

Василий Максимович Качалов считается кулаком, потому что умный, умеет работать и, главное, умел воспитать детей так, что они отлично устроились в Москве по красильному делу и ему помогают.

– Ну, как в деревне, – спросил я, – война?

– И не говорите, – ответил он, – утром глаза раскрою, вспомню все и опять закрою: для чего мне работать, если государство личное старание отвергает? Четыреста шестьдесят рублей налога! Прихожу, рассказываю, входят в положение и говорят: «Не может быть!» Справляются, так и есть: 460! «Видите, – говорю, – как вы это понимаете?» – «И

они мне говорят: «понимаем, как ан-диви-дуальный прием». – «Вот вам моя...»

Качалов хотел сказать: биография, но сказал: «моя география». И правильно сказал, потому что вырос из земли, и его жизнеописание вполне можно понять, как землеописание.

– А овсы все-таки радуют! – сказал он, показывая на нынешние, правда, удивительные овсы, – неужели и это у человека отнимут?

– Радость?

– Ну, да, – говорит, – через пять лет своего труда человек узнавать не будет, все будет коллективное, везде принудиловка.

Злое дело.

Тат. Вас. Розанова поселилась стеречь наш дом, всю комнату Ефр. П-ны она увешала образками, наверно, вполне отвела душу: в своей советской комнатке все свое богатство, наверно, ей развернуть неудобно. Все эти образки ее по своему письму столь убогие, что удивляешься, как развитое существо могло отказаться от инициативы в выборе. В том и ужас этого православия, что красоту его видеть и понимать могут люди, которые верить уже не могут. Я думаю, что «веру» Т. В-ны можно назвать усилием верить, а так как усилие вечно меняется в своем напряжении, то и она не живет, а как бы дрожит, часто даже, как дети, вместе и смеется и плачет. К сожалению, не моему, конечно, а ее, совершенно одной жить ей не удалось. С ней в нашем доме прислугой живет одна Маня, женщина уже лет под 50. У нее был муж, слесарь, такой хороший и умный человек, что и Маня долго казалась нам тоже очень неглупой. Он умер. Маня бросилась к нему в могилу. Насилу оттащили. Потом все молилась и просила у Бога смерти, чтобы встретиться с мужем. Вскоре после того умерла ее старуха мать, потом дочь, девушка, красавица 16 лет, и маленький сын, у всех были последствия чахотки. Маня все молилась и вдруг, года не прошло, вышла за одного вдовца замуж. В этом решении, может быть, играло роль и отчаяние, она молилась искренно, почти до кровавого пота, чтобы Бог взял ее к семье. Но если туда, оказалось, нельзя, то как же иначе жить: надо устраиваться по-крестьянски. Пошли неприятности, скандалы, побои. Мы взяли из жалости бедную женщину к себе в прислуги. Ей понравилось ее положение «прислуги», она стала входить в него, разбираться, посещать собрания. Скоро ее выбрали «делегаткой» и дали ей красный платок на голову, а дело ее было собирать сведения о положении прислуг в своем квартале. Теперь, когда Маня осталась в нашем доме без нас и увидела, как Тат. Вас. развесила образа, она сказала ей:

– Вот, Татьяна Васильевна, говорят, этого ничего нет, Бога и ничего, вы-то образованная и знаете, скажите мне...

– Я верующая, – ответила Тат. Вас. строго (вероятно, с большим, с чудовищным отвращением).

А Маня продолжала свое, что, по всей вероятности, так оно и есть, все обман и ничего нет.

Так живут теперь в нашем доме ex-атеистка, ныне образованная христианка, и ex-христианка, ныне делегатка.

Злое дело.

Дорогой Родион Васильевич,
считаю Вас виновником небольшого злого дела в моем доме: Вы отказались жить у меня летом, и мне пришлось для охраны пригласить Анну Васильевну; Вы ее знаете: ее призвание жить в пустых квартирах, она говорит, что пустые квартиры – это современная пустыня, где можно спасать свою душу. (Рассказ).

<На полях> «Деловой» (вор).

К рассказу «Автомобиль» *<см. 30/VII>*. Развить сюжет (Офелии) на фоне охоты на уток в Заболотье. Сюда: стадо сгрудилось у кладей, одна корова отошла прочь и весь час безобразий простояла незаметная по шею в тростинках, а когда все ушли, потихоньку вышла и пошла домой. Ко всему реву мат. ругань, напр., того охотника, который разделся и полез за лозняком, ружье оставил, а из лозняка 11 крякв: вот он ругался. Автомобиль можно пустить по гати. У кладей могут быть всякие люди (изобразить сцену бешенства женщины и стегание ремешком: и тут автомобиль).

Сережа 50 к. заплатил за полбилета в лесничество и стал охотником.

2 Августа. Ильин день.

Солнечное крепко росистое утро. Искал глухарей и не нашел.

Вальдшнепы. Суша была только возле самых берез обрывками, погруженными в жидкость чернильного цвета, из черного кое-где поднимались ослепительно зеленые листья мать-мачехи, а иногда с березовой зеленой подставки свисала над черным коралловая кисть самой *<2 нрзб.>* глухариной ягоды костяники. В этой лесной крепи раздался крик, вроде ням, ням, ням! Это была мать вальдшнепа, носилась возле самой Нерли, а между листьями мать-мачехи крепко вмазался в грязь молодой вальдшнеп величиной в кулак, еще с бледными перьями и коротеньким клювом, но большими вальдшнепиными глазами.

Взял трех тетеревят. Нерль имела отличную практику.

Встретился мужик из Власова и стал звать меня на тетеревиные и глухариные выводки. «Там заказник!» – сказал я.

«Бьют, – ответил он, – все бьют». – «Пусть! Я не буду: ведь я же и выдумал этот заказник». Мужик вдруг что-то понял. «Зять, – сказал он, – ко мне приезжал и тоже не бьет в заказнике, я удивлялся, а теперь тебя второго встречаю, значит, что-то есть!..» Вдруг встрепенулся и вспомнил: «Уй с ним, с заказником, у нас есть одна вырубка, Илюхина сторожка, приходи, там тетеревья!»

Послышался странный крик в высоте, и я увидел там очень высоко, как редко бывает, как я никогда не видел: три цапли летели. И я вспомнил свою заветную тетрадку, куда записываю самое любимое и самое главное, и мне захотелось вернуться туда, к себе в свой собственный мир и записать туда, что сегодня 2-го Августа на невидимой высоте три цапли летели...

Еще я видел сегодня в поле: молодые ласточки учились летать кругами в воздухе не очень высоко над рожью, и вот две молодые, тихо пролетая одна навстречу другой, вероятно, вспомнили, что из одного гнезда, и узнались, завернулись, встретились, вроде как бы обнялись, кувыркнулись весело почти до самой ржи и разлетелись продолжать свое необходимое для довольно теперь уже скорого перелета на юг.

Встречается вечерами очень много ежей совсем маленьких, пожалуй, меньше...

3 Августа. Ночью был дождь и гроза, вот почему вчера вечером (в 6 час. уже) казалось, что наступает затмение солнца: так оно тускло светило даже при безоблачном небе. Утро было теплое, я вышел в без 20 минут пять на Петрушинские угодья и через все Серково большою палью в 12 д. пришел домой. В чаще нашел три выводка тетеревей, но убить ничего не мог, отчасти потому, что не хотел возиться с Дубцом: не могу любить зараз двух собак, делать два дела и т. п.

Потешно было нападение семейного козодоя (полуночник) на Дубца: он летал возле самого его носа, кричал и, наконец, сел на сушину в двух метрах от нас, свесил крылья так, что они у него качались, болтались, как на мертвом, а сам открывал свой безобразный рот во всю голову и шипел. Он так близко летал возле моего лица, что я каждый раз инстинктивно закрывал ладонью глаза. После этого я шел, долго раздумывая о совершенной необходимости войны до тех пор, пока наша природа не будет переделана заново. Наш ужас состоит в том, что мы это время можем предвосхищать в

мечте, и потому нас не удовлетворяет естественное к нему приближение, как нам кажется, чрезвычайно медленное, почти неуловимое.

На большой пали с одной сухой березы слетела редкая у нас синяя птица сивоворона и пересела, пролетев шагов двести, на небольшую сосну, вершина которой представляла правильной формы шар. Эта птица чрезвычайно осторожная, два-три шага в ее направлении, и она перелетает дальше на засыхающую елку такого цвета, что я долго принимал ее издали за бурую корову. Кроме этих отдельных редких, в большинстве случаев несовершенных деревьев, встречаешь правильно круглые островки ольхи, эти курганы бледной зелени из центра правильно сходили на нет по окружности, потому что из года в год к старшим кустам присоединялись младшие...

Нравятся мне поля в лесных краях, потому что когда созреет рожь, то в лесу она, как на блюдце, и человеческий труд кажется в таком согласии с природой, много и птицам достается от этих полей, нигде нет столько птиц, как в таких лесах, окружающих поля. Лесные голуби с начала жатвы такие же неизменные свидетели человеческого труда, как кроншнепы во время покоса болот. Со времени жатвы витютни поселились у нас на соснах, ближайших к полям.

Сегодня я нашел подосиновик диам<етром> в две четверти, увидав внезапно такой огромный гриб ярко-рыжего цвета, Дубец шарахнулся от него и очень осторожно знакомился, пока, наконец, не решился понюхать...

Наши хозяева, солидные люди, сегодня зажали рожь (беднота жнет зеленую), и это надо считать началом жатвы.

4 Августа. Люди вернулись вчера от родных с годового праздника (Ильин день) и еще сегодня, в воскресенье, не могут прийти в себя, рожь прямо просится под серп, а они слоняются, как сонные мухи. Жутко подумать иногда, что наши крестьяне, многие миллионы людей, живут исключительно для себя, конечно, и все вообще живут для себя, но все-таки продукт производства <одних> людей попадает к другим, здесь все остается у себя, и только люди размножаются, создавая новую податную единицу и нового солдата: крестьянское население в полном смысле слова у нас опора трона.

(Когда ни глянешь в окно, на деревенской улице все петух занимается с курицей...)

Так упрощенно: человек отдает государству налог, отдает защитника-солдата, считая государство как бы завоевателем; глубоко презирает государство и смысл существования видит в своем личном существовании. Но... по глубокому существу так оно и есть все на свете: глубоко личное самочувствие наряду с готовностью воспроизводить человека...

На озере супротивники закона, запрещающего весеннюю охоту, объясняют уменьшение уток тем, что селезни перебили яйца. На самом деле причина в том, что по непонятным причинам в этом году вся птица, и водяная, и лесная, запоздала в развитии, и утка теперь далеко не вся на крыле.

Были с Петей вечером на Журавлихе. Петя убил крякву, разделся и поплыл за ней по телорезу, чуть не утонул в грязи и все тело себе изрезал...

Начало рассказа охотнич.: «Если человек с бронхитом, насморком и повышенной температурой станет купаться в Сентябре, то неминуемо сильнее простудится и, быть может, умрет, но если тот же самый захворавший человек убьет крякву и решится, не раздумывая, сплавать за ней по плесу, то ему ничего не будет в худшем случае, а в лучшем это купанье хворь как рукой снимет».

5 Августа. Снимал жатву.

6 Августа. Ходили с Петей через Власово и Могилевские хутора за Сухманку к Илюхиной сторожке, вышли в 3.40 у., вернулись чуть живые в 10 веч.

<*На полях*> Сухманка в плесы ударилась. Навстречу и в путь.

Утром, умываясь на крыльце перед самым восходом, я услышал жалейку, это был почти что птичий голос...

Лизе 6 лет, Поле 11. Сегодня я пошутил с ними, и дети вдруг как бы испортились, стали жеманничать и кокетничать. Это понятно, до моего баловства они видели во мне нечто высшее и стеснялись, но когда поняли, что я такой же, как все, утратили благоговейное чувство. Так простой народ теряет религиозное чувство.

Для фотографии нужен декоративный талант, т. е. способность показательно расстанавливать предметы.

1) Как ставить f, v и t при внезапных момент. снимках?

2) Знать самую близкую ∞, чтобы передний план был в фокусе и с ним все сзади.

Решение 1-го: самое употребительное f 6,3
M: $4\frac{3}{6}$ Если допустить свет f – 9 M $4\frac{2,8}{7,2}$

Решение 2-го:
f 18 M $5\frac{2,5}{\infty}$

f 12, 5 M $7\frac{3,25}{\infty}$

f 9 M $10\frac{4,7}{\infty}$

f 6,3 M $20\frac{7,5}{\infty}$

f 4,5 M $20\frac{9,2}{\infty}$

f 3,5 M $20\frac{10,5}{\infty}$

9 Августа. Стоят особенно жаркие дни, совершенно безоблачные. Но в нашей природе «безоблачный» день совсем не то, что «безоблачное» счастье. Летним днем мы до того привыкаем к кучевым облакам. Правда, очень редко мы обращаем внимание на эти громоздящиеся фигуры, но они совершенно необходимы для безмятежного чувства летнего дня. Безоблачное небо в полдень у нас не особенно синее даже в зените, по горизонту бывает мутно-белым и неопределенно угрожающим, гроза, не гроза, а кажется, вот-вот что-то произойдет и все распадется. Я знаю в себе от малых лет эту тревогу, что вот тебя поймают и осудят без вины, или ни за что, ни про что оскорбят, изругают. Вся жизнь прошла в борьбе с этими страхами.

Сегодня Лахин, «трепло», до солнца нес поросенка из Торгошина и сел отдохнуть против моего окна. Через короткое время я узнал от него, что ГПУ очень не нравится моя «Журавлиная родина». «Мало ли что им не нравится!» – ответил я болтуну. Но сам пошел на охоту в тревоге, которую хотел и не мог анализировать. Конечно, вспоминал последовательно страхи Курымушки – учителей клас. гимназии, жандармов и ГПУ. Странно! Все, что с детства учили презирать и ненавидеть, ныне учат уважать и любить!

Лахин сказал, что озеро значительно осохло, и «шары» открыто лежат на грязи, некоторые от солнца уже побелели, но инженер снял фотографию: на карточке незаметно.

Получено из Новосибирска согласие охотсоюза на Петино заявление о службе. Не проехаться ли с ним в Новосибирск, посмотреть на русскую Америку, а то, в сущности, я сижу на совсем гнилом месте.

Вчера охотились на глухарей удачно. Красив был удаляющийся по просеке глухарь.

12 Августа. Петр Ефимович Корнилов («снохач») водил меня в мох. Старик очень клюкву любит и лес. Вот какая клюква: придешь, повесишь одежду на сосну и на коленках полное ведро соберешь.

Мох прикрыт березняком высотою в одну четверть аршина, на березняке листики чуть побольше клюквы, и густой-прегустой, как трава, и выше никогда не вырастает.

Меня собака далеко завела, потом я скричался со стариком и нашел его уже в бору: там он в очках стоял у березы и что-то вырезал. Оказалось, буквы вокруг всего ствола: С, Д, Н, К, Г, Н, О. И буквы эти значили «сумма денег недалеко...» Солдат прочитал эти слова и нашел. Донесли. «Мечтал, мечтал», суд и постановил: деньги отобрать. Но в последнем слове подсудимый солдат предложил прочитать надпись с другой стороны, и оказалось, что «сумму денег кто нашел, тот и владей».

Вас. Ив. в награду прислал мне свой любимый синий граненый графин с вьюнком. Сам он часами любуется на вьюнка в графине, и когда рыбка высунет голову из горлышка, встречает ее: «га-га-га!» Вас. Ив-у моя жизнь представляется каким-то веселым занятием и теперь он к ней присоединяет и свою любимую игрушку.

Дерево Архип.

Отлично растут и разрастаются в деревнях лозинки, иная деревня вся исчезает в зелени. Столько тени дает дерево летом и ночью после жаркого дня, при ласковом ветре так любовно шепчет, но все-таки не считаешь это дерево настоящим: очень уж обидно легко оно размножается. Архип, лохматый мужик, в молодости своей возвращался с годового праздника и кол, которым он дрался на улице, принес с собой, воткнул его возле дома, уснул и все забыл... А из этого кола выросло великое широкое мохнатое дерево. В туманное утро это дерево всегда принимает форму лохматого мужика Архипа с колом в руке...

<*На полях*> Вас. Мих. Качалов: «уедчив».

Сегодня мы с Петей ходили снимать Клавдофору: она лежит во множестве на берегу, но много еще и под водой. Быков плес, ближайший к озеру, тоже совсем омелел, мы не могли по нем ехать.

15 Августа. Молотят. Лен берут. Чередуются жаркие дни с крепкими росистыми утрами и вечерами, когда на лугах поднимаются туманы и оранжевая заря сулит холодную ночь. Я иду в огород, сажусь на бревно и, как ребенок, открываю глаза на мир и удивляюсь, и тогда стрекоза, летающая на оранже-

вом небе, честное слово, рассказывает мне своим видом, что овес желтеет уже, что лен берут… и что ее мгновение жизни в ее счете времени ничем не меньше, чем наше… А я сам на свою жизнь смотрю, как стрекоза на себя: что она, ее мгновение вполне равняется вечности и, если оно проходит, то, значит, и вечность проходит…

Описать большую паль с журавлями и кромку болотного леса с глухарями (много перьев и следов по грязи оставляют журавли, выходя из ручьев по утрам на большую паль). Много следов на грязи по ручьям оставляли глухари и лисичка тоже... Вокруг можжевельников трава утоптана глухарями.

Глухарь, бросаясь на собаку, поднимает хвост, вытягивает шею и делается, как токующий. Мы уложили Нерль так, чтобы он ее видел, и он хвост не опустил перед собакой, голову опустил, но он стал, как у токующего.

Те дни (истомно-жаркие): молодой месяц вылез среди дня от жары.

Петя сказал: «Эта просека в конце себя расплывается». И мы шли этой просекой очень долго, потому что лес был болотный, и нога глубоко утопала. Это была кромка леса, направо болото, налево паль. Наконец, я увидел столб и сказал:

– Нет!

– Нет, – ответил Петя, – я ошибся – не эта просека расплывается, а следующая.

И мы пошли дальше. Вдруг с елки рядом сорвался глухарь и прогремел, другой снизу откуда-то, собака стала, повела, мы за ней через кусты, третий глухарь взвился *<1 нрзб.>* и свалился от наших выстрелов…

Мы пили чай. Ребята тесно в окнах смотрели на нас, не моргая, раскрыв рты, дышали слышно. Если мы смеялись, то они оставались серьезными, потому что даже наш смех был для них совсем посторонним, непохожим на их обыкновенный смех… Они рассматривали нас, как ученый в микроскоп инфузорий. Нельзя рассердиться на это, прогнать: это будет непонято.

Старику много лет, от него можно много узнать, но чтобы заговорил он, так много нужно усилий, что поглядишь на него и уйдешь. Бог с ним! Слишком долго он думает. Если с таким усердием ветер спросить, то он скорее ответит.

По убитому вчера тетереву мы знали, что сейчас они питаются брусникой и вот именно за ней выходят из тесных кустов

можжевельника, примыкающего к глухому болотному лесу, на большую паль с лиловым вереском, красной брусникой и очень редкими фигурными соснами. Когда собака прихватила в кустах можжевельника и потянула по какому-то следу, мы подумали, – это тетерева по раннему часу пробираются за брусникой на паль к журавлям. Мы уже представляли себе, как от выстрела на пали по тетеревам поднимутся в разных местах журавли, станут кружиться, кричать, выстраиваться в треугольники и опять, распадаясь на малые стаи и семьи, спустятся на паль. Но вдруг мы обратили внимание, что вокруг одного куста можжевельника правильным кольцом трава была притоптана, так же было у следующего куста, еще и еще. И на одном кусту ягоды были так высоки, что простому тетереву их бы никогда не достать. А еще мелькнула догадка: зачем же тетереву крутиться у можжевельника, если он не боится, прикрываясь лиловым вереском, пробраться за брусникой на открытую паль к журавлям? Нет, это не тетерева танцевали по траве вокруг можжевельников, это глухари выбрались из болотного леса и остались тут, не смея дальше подняться на открытую паль, где вереск никак их не может укрыть. Собака вела по глухарям и, значит, отрезав их от леса, мы гнали их к пали.

19 Августа. Князь (Глинка – генерал) + старый полковник (пусть он Глинке: «умру с буквой ять»). Форма человека (князь), над которой работало все сословие и с ним весь народ: этот, воспитанный человек и внутренний сам, у князя внутр. сам, возможно полное ничтожество, но тот человек-форма очень значительный.

Итак, раньше, когда эта форма человека-князя была общеобязательна в известном кругу, на нее не обращали внимания, а когда среда исчезла, то форма получила самостоятельную жизнь.

Вчера встречали журавлей на большой пали (ночуют на Дубне). Токовал тетерев. Прилетел (рекс на кекс!). По глухарям.

Эти ольховые курганы выросли не просто, или тут лошадь закопана, или лося свежевали, или, может быть, стояли цыгане?

20 Августа. Проходят, как бы сливаясь утренними сильными росами и вечерними луговыми туманами, роскошно солнечные летние дни, иногда совсем безоблачные, светло-голубые, иногда с кучевыми облаками, между которыми нежная бирюза нашего северного неба светится так приятно, что хочется поймать плавающее в ней белое пышное облако и съесть, как пирожное.

<*На полях*> «Безе» – пирожное, почти необходимое на столе дореволюционного буржуазного русского общества.

В революцию очень скоро спеет молодежь, потому что освобождаются ее силы от создания воспитанием того условного, воображаемого человека, который в обществе признается джентльменом. Молодежь, освобожденная от «буржуазных предрассудков», живет и становится «практической». Но я боюсь, что эта скорая жизнь приводит не к созиданию, а к собачьей старости. Я думаю, что технические навыки народа являются больше из его прошлого: рабочий немецких фабрик точных инструментов едва ли мыслим без преемственности с тем же немецким рабочим эпохи цехового ремесла. Мне думается, что лучшие рабочие силы у нас скрываются в кустарных производствах... что истинное творчество нашего времени заключается не в тракторах (фантастических, впрочем), а в незаметном создании образа нового джентльмена (пока научились только левую руку держать в кармане, как Ленин).

Лунная ночь. Я вышел из дома и сел на дрова, смотрел на спящие домики, слушал глубокую выразительную тишину, пахло сильно созревающим овсом. Над каждой хижиной склонялось дерево-Архип и при лунном свете, как облако, принимало такую форму, как тень воска на стене при святочных гаданиях: не очень отчетливая форма, но тем более интересная, что дает возможность самому догадываться и дополнять.

Сафонов Ник. Вас. и Качалов Васил. Мих. два основных типа: Сафонов живет, принимая во внимание жизнь сограждан. Возможно, он их вовсе не любит и добра им не желает, но он постоянно возится с ними, делает массу добра им. Возможно, что он властолюбив, и путь общественного работника для него есть личный путь к власти и славе. Качалов весь отдается чисто личной работе, он работает без памяти: уедчив. Как более способный и трудолюбивый, он возбуждает зависть у других и считается, в конце концов, «кулаком».

<*На полях*> Воображаемый человек у крестьян (разговор, наряды для фотографии). 5 Августа. Овсянниково – Кучка <*1 нрзб.*> теленок, кроншнеп 3 следа, телега высотой около метра.

25 Августа. На прошлой неделе мы с Петей были в Шепелеве. Там мох произвел на меня сильное впечатление, мох 14 в<ерст> до Ведомши. Приехали «доктора воды».

Инж. Власов сообщает, что 5-го Августа он с рабочими возле дер. Овсянниково видели лосенка... Лесничий, однако, говорит, что едва ли это местный теленок: трудно предположить, чтобы стойбище двух лосей осталось незамеченным. Только если в Вередне за Лоханью, там действительно люди не бывают.

Нет никакого сомнения, что множество художественно и научно одаренных людей, десятки лет усердно работавших над аппаратом, долженствующим по желанию человека давать точное изображение вещей, вложили в инструмент достаточно своего таланта, чтобы он сам по себе стал до некоторой степени художником. Только очень увлекающийся художник...

Новая тревога войны. Все толкователи событий по обыкновению своему ошиблись, упустив из виду одно обстоятельство. Они говорили, что не будет войны, потому что наши никогда на нее не решатся. В это и уперлись. Между тем ее начинают китайцы или кто-то там за их спиной...

Когда начинаешь раздумывать о «судьбах» России, то всегда неизбежно приходишь к мысли о большевиках. Так и в истории нашей большевизм неизбежность, необходимость, тут «все».

До революции иностранные вещи поступали без необходимости годы хлопотать о лицензии, их пришествие было незаметно, они были, как свои, и с ними страна казалась вполне цивилизованной. Теперь, когда все иностранное исчезло и мы остались лицом к лицу с отечественным производством, вдруг обнаружилась истинная Россия во всем своем техническом неуменье и чудовищной отсталости. Имя царя так же скрывало от нас полное равнодушие народа к судьбе своего государства. Теперь все обнажилось... Ничего и не было...

С китайцами мы равняемся: их огромное мертвое прошлое уравновешивается нашей чудовищной претензией на хозяйство будущего.

Вечер.

Сила солнечного жара сохранялась еще в вечерних лучах, на опушке бора, обращенной к западу, продолжалась дневная жизнь, женщины еще собирали бруснику и гонобобель, по сухой тропинке бегали очень быстро и ровно, как заведенные, молодые трясогузки. На западе от бора падала огромная черная тень на скошенный болотистый луг, тут не по минутам, а по секундам заводились, плотнели, стелились тугими простынями туманы, глухарь, озираясь назад, спешил из бора через

луг в заросли черной ольхи, все больше и <*1 нрзб.*> погружался в белый туман...

На пойме разом закричали все журавли: По-ра! По-ра, пора! Соби-рай-тесь! Они собирались, вероятно, лететь ночевать в родные места гнездований по Дубне.

Желна. Прошлый год этот бор возле самой деревни был нам вместо сада, когда нечего делать, в жару или если вдруг охватит широкое раздумье, бывало, прямо в чем есть, случалось, босым, без шляпы, в одной нижней рубашке идешь туда... Зимой мужички добились, наконец, под предлогом нехватки земли с обещанием корчевки разрешения свести этот лес местного значения. Лес разделили, кто победней, поспешил свою часть продать за бесценок. Никто не убирал за собой в лесу ничего, и к лету вместо нашего любимого бора тут была свежая вырубка с редкими маломерными или уродливыми деревьями, совершенно непроходимая, заваленная торчащими сучьями. В жару вырубку зажег «лиходей», – так его все называли, потому что дело это и запрещенное и опасное: бор прямо возле ржанища с копнами хлеба, и за рожью прямо деревня. С другой стороны, кому же охота очищать вырубку, предназначенную для корчевки, древний опыт славянина-колонизатора настойчиво требовал сжечь вырубку и тем безмерно сократить работу корчевания. И закон запрещал, и страх сгореть всей деревней не давал решимости поджечь вырубку, но душа просила «лиходея» и он явился: вырубка запылала в безветренный день.

Прошло уже много со времени пожара, давно уже свезли с полей рожь, перемолотили, едят новину, убирают лен и овес, но черная горелица с красными деревьями до сих пор за версту, а иногда при ветре и много дальше пахнет мне, когда вечером я с охоты направляюсь домой. И что меня удивляет каждый раз, когда я прохожу мимо горелицы: до пожара я на этой вырубке знал все птичье население, не было в ней желны, этого большого черного дятла с красной головой; теперь же, когда огонь красной головой пробежал по стволам и они стали черные, а листья красными, явилась сюда эта птица-флейта, черная, как уголь, с огненной головой, она перелетает с одного черного ствола к другому, стучит носом и жалобно стонет.

Тундровая березка, низенькая, как трава с мелкими листиками (betula...) в народе называется ерником.

Сеславинская гора. На Сеславинской горе высокий бор, тут пустынно, возвышенно и как-то удивительно все просто: был чистый песок, прошло время – выросли сосны, прошло еще время – нападали хвои и, прея, покрылись мхом лунного све-

та, еще немного – на тонком лунном ковре там и тут показались кустики красной ягоды брусники и голубой черники, а между ними на лунных моховых полянах стали каждую осень вырастать дорогие боровики. Проще ничего не могло быть: был голый песок, время проходило, и песок обрастал. Человек стал ходить и ездить на покос через Сеславинский бор в Красниково, и даже легкое прикосновение ног к такому моховому ковру оставляло следы на нем, примятое место покрывалось хвоями, и так ложились в густом бору такие хорошие сухие твердые дорожки, что, взглянув, не поверишь, кажется, в этом нарочно и долго старались садовники.

Там, где безводный осоковый ручей разделяет своими бочагами Сеславино от Красникова, против Сеславинского бора на другой стороне ручья по опушке Красниковского бора расположились одна возле другой шагах в 50 друг от друга гигантские муравьиные республики. Я давно хотел их снять, и, наконец, добрался. Фотографируя муравейник, я ножом вырезал мешающие мне прутья, травы, дело шло не так быстро в жару, я останавливался, отдыхал, погружался в размышления. Так вот пришла мне одна мысль относительно жития Серафима Саровского в такой же лесной пустыни. Представляя себе жизнь в Москве одного моего приятеля, я подумал: «Какое ложное представление создалось у нас о всяких трудностях лесного бытия, счастливым уделом представляется теперь каждому жизнь Саровского <*1 нрзб.*> в лесу в сравнении с жизнью моего приятеля в одной комнате с женой своей, которая изменила ему, сошлась с другим и за ширмой жила с этим другим». Я спросил себя: «Почему же мы составили себе такое неверное представление о жизни святых?»

Вдруг в это время из лесной чащи послышался голос:

– Разрешите, Михаил Михайлович, взять с муравейника две сыроежки.

Вышел Хренов. Я ему о муравьиной республике: СССР. Он стал ругать пчел (монархия), что пчелы блудники, класс богатых и бедных и т. д. – и все, чтобы сделать любезность мне, гражданину СССР.

Призвание Т. Розановой предупреждать людей об опасности, и это она делает так усердно, что всюду прослыла черным вороном. Так выдумала о войне с Китаем на основании маневров, запугала нас болезнью коровы. Так и все наше православие будто бы по любви к человеку сосредоточилось на мысли о смерти и предупреждении при всяком случае, удобном и неудобном.

Бывает, какая-нибудь мурава удивит, захватит, обрадует, хочется кому-нибудь сказать, вместе поохать и, может быть, даже воскликнуть: «Вот так мурава!» – воображая про себя,

что это вроде открытия, что такая мурава только у нас, только наша. Но приходит еврей, равнодушно рассматривает и небрежно говорит: «В Буэнос-Айресе сколько хочешь такой муравы и по всей Австралии ее хоть пруд пруди, для европейца в ней ничего нет удивительного».

28 Августа. (Успение). Внезапный холод и дождь.
Хорошая охота с Петей.

29 Августа. Солнечно, холодно.
Меня научила революция понимать значение «прогресса» и «цивилизации» без того сарказма, который вкладывают в это слово вольные и невольные последователи Толстого. Раньше я жил среди продуктов этой цивилизации как обжора среди пирогов, не думая даже, что все эти продукты первой необходимости в жизни не нашего производства, а иностранного: часы, очки, инструменты, электричество, наука в средствах исследования: микроскопы, бинокли, телескопы. Тогда можно было, как Толстой, относиться к этому по-барски, теперь душа тоскует по винтику к пенсне, по стеклышку и... Искусство наше? Встанет из пирамиды образованный египтянин и, рассмотрев наше искусство, все его узнает в египетском рисунке какого-нибудь спущенного хвоста птицы, охраняющей жизнь древнего фараона. Но тот же египтянин будет поражен, как ребенок, стеклышком Цейса, позволяющим видеть мельчайший мир и отдаленнейшую звезду.

31 Августа. Поехали в Ведомшу, приехали в Шепелево.
Убирают овес. Озимь вышла из краски и на восходе в росе белеет. Молодые ласточки облепили дерево с антенной. Значит, еще рано дупелям: когда ласточки в полях табунятся, – вот дупеля!
Кавалер Красн. Знамени Иван Петр. Елкин взялся проводить нас на уток, но вдруг явился автомобиль Томского и взял его: ни Красное Знамя, ни данное слово не могли остановить Ив. Петровича.
Вечером стояли в Чиренине. Уток мало летело. Раздумывал о «Сераф.»: что возвышенность (бор Сеславина) создает обман любви. Мысль о Козочке: думал, ее люблю, а когда прошло, оказалось, себя. Так и вся любовь пустынников: поэтическое счастье воплощается в любовь к ближнему. Еще один шаг к делу, и вот обман религ.-церковный. Действительная любовь: Руднев в одной комнате с женой из-за ребенка... и проч. Истинная любовь это (с хозяйств. точки зрения)... кратко сказать в смысле «хозрасчета», любовь это умноженная вместимость пространства земли и не пустыня, а муравейник современный. Московская квартира является коррективом любви СССР = муравейник в пустыне.

<На полях> Если это поэзия, то почему пустынная поэзия маскируется любовью к человеку?

Тут зарождается нежнейшее и самое обманчивое чувство, называемое любовью к человеку: величайший соблазн.

Начало рассказа. Знак Московского военно-охотничьего общества, пятиконечная красная звезда с черным ободком, окаймленная *<1 нрзб.>* серебряного лаврового венка с золотым рогом, золотой винтовкой и шлемом вороненой стали – очень красив, но с некоторого времени я избегаю носить его во время охот моих. Было это в Сеславине, куда я в закрытое для охот время отправился фотографировать муравейники и проч. Любовь пустынника Серафима. Явление Хренова и хула его пчелам, оказалось, за то, что пчелы – монархия, и все потому, что у меня на груди была красная звезда.

У меня в новом месте на Ярне очень закипело в душе, и особенно возбудил меня вид таинственного бора на закате. Но когда солнце село, и сосны-свечи потухли, и остался лишь черный силуэт, я вдруг узнал, что бор этот, Сеславино, место моих прошлогодних охот, и я сейчас не узнал его только потому, что мы заехали с другой стороны. И как только узнал я, что это Сеславино, вдруг я как с облаков спустился на землю. (Можно к рассказу) и вспомнил Ивана Яковлевича Хренова.

<На полях> Сеславино II. Начало.

1 Сентября. Бодаловская вырубка. Тропа влево, все влево выбирать, левые тропы выбирать до прямого хода на север до Бодаловской вырубки, перейти *<1 нрзб.>* лес, опять вырубки до Журавлиного болота и немного все той же Ширяевской тропой до р. Шусты. Эта речка впадает в б. Тугулянское озеро (дер. Туглинка, урочище Тугуляны).

Шли лосевыми жировками (остриженный ивняк).

Потеряли направление. Показались утки на небе. Мы пошли в направлении полета уток, и скоро открылась моховая пустыня, и между маленькими соснами на громадных клюквенных кочках блеснула вода.

Пионеры моховых пустынь.

Ботьковское озеро – водораздел: по эту сторону люди Москвой живут, по ту – моховыми болотами.

Мы были между Кубреею и Нерлью в 2½ верстах от Ширяйки.

Спать на сене ночью было холодно. Ефр. Павл. сегодня едет за вещами.

5 Сентября. Понед. 2-го вечером на бекасов в Чиренино и утиная тяга. Вторник 3-го ходил в Илемскую сторожку, на

Моховое болото, снимал баб, слушал куропатку в Чиренинском бору и переходил непереходимые бочаги Илемки. Среда 4-го по своим тетеревам и бекасам по Ярне.

Хозяйский овин сгорел.

Ударили в колокол. С улицы крикнули: «Овин горит!» Наша хозяйка с отчаянием: «Мой!» И тут же ее сестра вышла и сказала: «Твой!»

Солнце всходило, догорал овин (так бывает, потому что дед *<1 нрзб.>* овин до солнца и, затопив печь, отправляется по другим делам).

У Ефрос. Павл. врожденная страсть к приказанию, прислугу она обращает в рабыню, и такие все прислуги у нас, что этим рабством довольны. Я сказал Ефр. П-не сегодня за чаем: «Ты рождена большевичкой, только не сознаешь себя». Впрочем, так можно сказать о всех наших кулаках: капиталист, кулак – это организаторы производства, большевики тоже организаторы. Есть такой план, в котором люди разделяются на организаторов, т. е. людей власти, и рабов, тут кулаки и большевики в одном классе.

Евангельская любовь совсем не та, что любовь православная, там любовь как бы философски принципиальная, там не за именованного человека распинают себя, а за «идею» человека. Это церковь перерабатывает такую умственную любовь в любовь-жалость к близкому именованному человеку.

Пустыня – это мать отвлеченности, эстетики и вместе с тем личности как таковой (вне общества, рода и т. п.): личности «милостью Божией». В этом у нас с *<1 нрзб.>* социалистами и расхождение: они личность вне общества как самостоятельный творческий фактор не признают. Ищут «пролетарских» писателей, но творчество выше общества, само общество только фактор творчества, выходит pars quo toto* и потому нет творчества.

Домна Ивановна до того привыкла к охотникам и их словам о бекасах и дупелях, что когда соседский петух нападает на ее петуха, она гонит его со словами: «У, бекас проклятый, длинноносый, страшный!» (К рассказу «Терентий»).

Клюквенная семья в 4 челов., собирая клюкву в свободные дни, набирает в сезон, по словам Ивана Петровича, пудов 20. Продают по 2 р. пуд или меняют на хлеб в Спас-Закубежье. Кроме того, немногим меньше брусники.

---

* часть больше целого (*лат.*).

Далеко заходят во мхи бабы из Ведомши, мне приходилось встречать их верст за 5 и посылать записку охотникам.

Говорят, будто Туголянское озеро образовалось таким образом: был на его месте лес на мху, случился пожар, и лес провалился, а на его месте вышло озеро, сначала маленькое, потом больше и больше. Говорят, будто вода в Батаковском озере находится в какой-то зависимости от Туголянского: «подземный ход».

Молодой человек (комсомолец) вошел к нам как везущий нас на отцовской лошади в Переславище. Он внутри себя волновался, не знал, как ему себя вести, куда девать концы своих, казавшихся ему наверно очень длинными, рук, и, чтобы скрыть свое волнение, принялся пальцами щелкать. Презабавно было! Он волновался, трусил, а нам казался невероятным нахалом.

Воспоминание детей.

Ефр. Павл. любит парить дичь и на случай всегда возможной перепарки, когда у нежных дупелей, бекасов и вальдшнепов разъезжаются ножки, крылышки, она обматывает дичь нитками точно так же, как голубцы. Раз пришел к нам сторож моих охотничьих угодий (Михаил). Его посадили обедать и дали ему дупеля. Он положил его в рот целым, не развязав нитки, разжевал, проглотил, и потом потянул ножку изо рта...

Живопись в сравнении с литературой приблизительно так же несвободна, как фотография относительно живописи, но в этой несвободе живописи заключается ее значительность, точно так же, как ценность фотографии заключается в точной передаче образа мира, вследствие чего у нас получается убеждение в его существовании как бы совсем независимо от нашего восприятия. На самом же деле, конечно, все это можно понять иначе: действием Лейца, *<1 нрзб.>* Но все равно люди не помнят человеческое происхождение мира из творчества и думают, что аппарат дает нам мир сам по себе.

Я хочу воспользоваться этой особенностью фот. аппарата и доказывать светозаписью мои видения реального мира.

Стрелять бекаса на открытой пойме после тетеревиной охоты в кустах так же легко, как после бекасиной охоты стрелять по тарелочкам на стенде. В новом месте у меня закипает в душе.

Вечером в Чиренине мы стояли на утиной тяге, небо совершенно было закрыто тучами и, когда совсем потемнело, мы ушли. Но вдруг на небе что-то открылось, светлей, светлей и стала часть его, как светлое голубое сияющее море, а все ос-

тальное из тучи сложилось, как обрыв, и что особенно было хорошо и трогательно, это на светлом была единственная маленькая звезда: невозможным казалось, чтобы эта звезда была только просто светилом в холодном пространстве мира, нет! Нам верилось, что она была только небесным знаком каких-то существующих в наших земных человеческих сердцах отношений.

Сделать портрет Безродного как топографа. Он скептик и про себя хохочет над всеми охотниками, особенно, наверно, над автомобилем с нар. комиссарами, который поднимается и гремит его мостиком. Нам он рассказывал, надрываясь от смеха, об охоте на бекасов, как трое приехали с одной собакой и, когда она делала стойку, становились вокруг нее, а бекас улетал сзади.

Кто-то скажет: «Стараюсь не только не называть имени Бога, но даже и думать об этом как можно меньше, потому что имя Бога разделяет мир надвое: половина собирается возле Бога – ангелы, святые и разные угодные люди, половина возле Врага, его сторонники – дьяволы, бесы, черти, чертенята, и начинается война. Что же, раз есть из-за чего воевать и приходится неизбежно – пусть! Но чаще бывает, человек едва имеет времени для устройства мирских своих дел и совсем не склонен к войне и, главное, не из-за чего ему вовсе и воевать, а церковная настройка заставляет его тоже представлять себе мир разделенным на враждебные части...»

6 Сентября. Все мы ходили на Туголянское озеро. Нашли с Петей второе озеро, которое было немного меньше 1-го (большого), скажем, $^2/_3$, и было не круглое, а в виде пирога.

N – берег боровой, ближе к озеру бор молодой, несколько сот шагов от берега просека и за ней старый бор, по этой просеке и надо идти к озеру от тропы в д. Ширяйку, приблизительно с версту от р. Шусты. На месте сворота мы сделали на дереве четыре зареза.

Начались осенние медвяные запахи тлеющей листвы, показались там и тут багряные ветки молодой осины и под ногой лист березовый золотой и красный осиновый с каплями росы. Озими везде позеленели. Наша прогулка от 7 ут. и до 7 вечера. Вернулись с ягодами, грибами и тетеревами. Чудесное настроение было, но по возвращении узнал, что утонул охотник, учитель Фед. Степ. Автономов, мы полагаем, что он утонул, спасая московского (или сергиевского) гостя. Его нашли на плесе, под мышкой у него было весло, на которое он опирался, стараясь выбраться из тины, быстрик развевал его волосы в струйках... (вода во рту, а глаза видят).

Несколько дней тому назад я рассказывал И. П. Елкину о жизни одного охотника как примере свободы на земле для человека и в этой свободе возможности счастья. Это острое чувство свободы развивалось у меня всю жизнь и переросло зависимость свою от человеческих отношений. Гибель Фед. Ст-а (в тине, куда он медленно погружался, спасая другого охотника) открывает встречу моей свободы, переросшей человеческие отношения с тоже нечеловеческой необходимостью (смертью: тина). Второе в этой гибели – это страшное действие ее на живущих близких: жена учителя возвращается в родную деревню (Шепелево) как простая деревенская баба, вдова с маленькими детьми… Его последние минуты были наполнены борьбой – это не страдание, это жизнь, последний момент борьбы, крик «погибаю!», потом мгновение, равное вечности, оно не так страшно, я испытал его: легче и лучше так просто остаться, чем бороться: не стоит моей борьбы то, за что нам внушили бороться. Жизнь не стоит борьбы за нее – и после нескольких хлебков воды сознание исчезает. Все это: борьба, мгновение, равное вечности, потеря сознания безмерно легче удара слов у родных: «он утонул» с последующей жизнью духовного калеки. Так выходит, что лично для себя смерть пустяк, значащий не больше маленькой (неопасной) операции, но для других…

Вот еще: скоро год умирает Александров – ему почти ничего, что-то установилось, – жена извелась…

8 Сентября. Они утонули в предрассветный час 5-го Сентября, сегодня их похоронили.

<*1 нрзб.*> – Автономов.

<*На полях*> Начало: Слух о гибели Автономова.

Железная лодка. Начало: Московские думают об этих лодках как лодках: что на них можно спокойно сидеть, повертываться. А это не лодки, а скорее велосипеды: надо приучить себя к мысли о постоянном равновесии.

В Заболотье старые охотники постоянно спорили с теми, кто поддался моде и завел для утиных охот железные лодки. Говорили заступники старых долбленых челноков, что деревянная лодка опрокидывается, и за нее можно держаться, а железная, как ключ, на дно идет, железная лодка – могила. Заступники железных лодок говорили, что легче она, скользит по резуну, и вода в них никогда не сочится, сухо сидеть.

Чистый кол.

От отца я ушел к чистому колу.

Стрежень. Кладное плесо. На месте гибели человека утки, и где-то недалеко стреляли живые охотники. Что значат колы?

Мыс, плотик. Какой Давыдов? Стрежень 12 арш. глубины, а на месте гибели: волосы из воды. Страшная музыка.

Начались речи:

– Хотя охота считается забавой, но т. Автономов умер на своем посту и завещал нам соблюдать его дело.

– Сегодня тов. Автономов в последний раз уходит от нас навсегда и говорит нам: «Соблюдайте мое дело и проводите его в жизнь».

Мальчик стихами: «Умер и, утопая, не кричал».

<*На полях*> Красные бойцы. Московские не знают, как на этих лодках сидеть.

<*На полях*> В кусту слышал: не бойся, спасемся.

Спор о том, кто кричал «утопаем». Вернее всего, кто сидел в кусту, он же потом вместо крика стал стрелять (стрельба никого не призовет). Кто стоял на берегу, бросился в село, послали к Мореву, тот не поверил (сказал Иудину, Иудин сказал Сударкову и пошло...): «Вымокли и ушли в Морозово», но все-таки пошел, а там лодки нет, за лодкой пошел к озеру (сколько и какие плесы ему пришлось проплыть – понятие об озере, а также понятие о крае): шел из Сергиева, в Зимняке говорят: Авт. утонул, не поверил, вымок, он постоянно тонет, потом в Мергусове, в Копалове (Чумаков), в Смолине – все не верил, автомобиль Томского остановился: Томский не поверил, и с ним был красный командир Ив. П. Елкин: ерунда! описать и характер Автоном., и железные лодки, и охотников утиных.

<*На полях*> Изобразить охотника в чувстве свободы и смерть его как необходимость.

Красные похороны как неизбежное из сложившихся отношений: на одной стороне поповство, на другой большевизм... Мать провожала, жена рожала третьего, сестра с ума сошла.

<*На полях*> – Хорошо ли бьет ружье?
– Нет, когда вычищу хорошо.
– Часто ли чистишь?
– Нет.

<*На полях*> Говорили, что жена Автон. рожает, а это рожала жена Давыдова.

Телеграмма Раевского: «Организовать взвод охотников».

Что значит «правый фланг» (Елкина спросить).

Страшная музыка: музыканты все могут: их лица, их пальцы – все могут; встреча автомобиля народом. Звонок на фабр. непрерывен. Мих. Мих., на правый фланг! Красный командир великолепен, а когда кончилось, с трудом могли найти Ивана Петровича.

<*На полях*> Музыка не полная: всего 22 человека, а приехало 7.

Взяло. Иудин, ныряя, достал ружье Давыдова, торчком стояло. Ружье Автономова и сырые патроны, бельгийская бескурковка, недавно завел, патроны сырые – возьмет. Ушел. Взяло.

<*На полях*> Его ружье берет сильно.

Сменивший красного командира шут из Болеботина. Шапку на крест, зажмурится, пли! Все удивятся, а потом в разную. И опять ученье. И по крестам.

Красный командир, его жизнь в боях, в Карелии: так глухо, так дико, что мне показалось даже страшно умереть... «Вы не охотники, а бандиты!» – сказал И. П. в трактире, всем охотникам зараз. «Стреляйте куда хотите, верьте, во что хотите, а кресты нечего вам трогать, надо серьезно думать о красных похоронах и делать их, а кресты вас не касаются, не вами поставлены и вам не поручены, вы бандиты!»

<*На полях*> Говорили, что тело испортилось, что даже лопнул живот (того же происхождения, что: пьяные утонули), а он был такой свежий, что нельзя было принять за покойника.

Язычник (красн. похороны).

11 Сентября. Иван Постный. Крепкое утро. Небо, как точеное. Близко от села токует осенний тетерев. Стая голубей вздумала сесть на колокольню и спустилась на зеленый купол. Голуби не знали, что звонарь, черный человечек в пролете колокольни, уже раскачивал язык. Когда черная чугунная дубинка, наконец, дошла до медного края и ударила, голуби так и посыпались, но скоро одумались и, не обращая внимания на звон, спустились на колокольню.

Вечер вчера.

Облака еще по-летнему громоздились, но как-то очень уж сильно, так что солнцу не было места, и оно матово светило между спайками белых и синих громад. Только перед самым закатом, как лазурное плесо, очистилось на западе место, и лучи полились на болото, а облака расцветились, стали таки-

ми прекрасными, что если кто-нибудь, проходя, раз оторвался от себя, посмотрел на них, то уж редкий мог бы вернуться к своим заботам. Жук, вероятно, «майский», сбитый в болото вчерашним дождем, оправился, зашелестел осокой, загудел и стал подниматься вверх, все выше, выше. Я провожал его глазами, пока мог разглядеть и не вернулся, когда он исчез, – я увидел там, в высоте, себя самого лежащим на громадном синем облаке, я плыл, менялся в цветах, рос, но не расплывался <зачеркнуто: все осталось моим: и бесконечный мой лоб с дугами бровей, и борода, и нос попугайчиком>.

Был ли я там покойником? Нет! я был живой, но в великолепном покое плыл, раскинув синие и голубые свои мантии вполнеба, все обнимал я собой, черные леса внизу, и болота, и села, менялись цвета, но я не расплывался, оставаясь сам собой, кончаясь обыкновенным своим профилем: бесконечный лоб с дугами бровей, борода на груди и задорный нос попугайчиком. Так мало-помалу стемнело, я не расплылся, не исчез, я просто забылся.

Вдруг в невидимой высоте громко, совсем по-человечески крикнул голос на землю: «А!» Прошло как будто значительное время, человеческий крик, немного гортанный «А!», повторился еще подальше, и точно через такое же время еще подальше. Я провел через эти слуховые точки линию и стал определяться в странах света, выходил северо-запад, а не юг, как я думал, значит, это цапля не улетала от нас, а шла высотой вдоль плесов, может быть, выбирая себе самый удобный. А может быть, случайно завернула сюда, а общее направление имела на юг. Я каждую осень слышу этот таинственный звук, он поражает меня, но покамест я все не соберусь справиться в книгах, когда цапля от нас улетает на юг.

Ненастье или вёдро, все равно капли росы за весь день не могут обсохнуть на красных листьях осины, разбросанных по зеленой запущенной лесной дорожке, пахнет медом от этих листиков, а может быть, и от чего-нибудь еще, часто пахнет грибами так сильно, что станешь посматривать – нет ли где белых, пока не поймешь, что как медом пахнет не от меда, так и грибами не от грибов непременно: часто пахнет даже не сырыми, а сушеными белыми грибами.

Тетерева стали строгими, и уже больше нельзя рассчитывать, что если встретишь, то убьешь. Бекасы начинают жиреть. Попадается на сухих местах, в опушках лесов коростель совсем жирная. Ласточки табунками летают в полях. Завтра мы отправляемся в Ведомшу проверять дупелей.

Часто бывает, когда что-нибудь расскажешь или напишешь интересное, слушатель спрашивает: «Все выдумали, или, правда, что-нибудь было?» Растерянно внутри себя я останавлива-

юсь на этом вопросе, а слушателю улыбаюсь загадочно: «Догадайся сам, друг мой!» В этот раз я рассказ свой веду по фотографиям, сделанным мной, вы сами увидите, без всякой инсценировки, если не считать необходимые технические требования фотографии как декоративного искусства. Фотографический аппарат часто все идеализирует. Ничтожный ручей Кончуру в Сергиеве я снял с отличной травой, и получилась большая река вроде Миссисипи. В следующий раз в виде опыта я достану детский пароходик, зажгу в трубе его вату с керосином, пущу по этой речке, а на фотографии, надеюсь, сделается судоходной рекой тот самый ручей, посредине которого стоял я, из воды же торчали там и тут унесенные из города полой водой консервные банки, разная утварь и даже голубого цвета эмалированный продырявленный ночной горшок. С другой стороны, аппарат может передавать до того точно, что становится страшно: неужели действительность, в которой мы живем, так убийственно сера и скучна? Нет, конечно, и такой натурализм есть не меньшее искажение действительности, чем идеализм. Действительность, как я ее понимаю, это я сам, творящий ее совместно со множеством других творцов из прошлого через настоящее в будущее: действительность это не скачок из прошлого в будущее, не идеализм, это не регистрация факта, а усердное изменение настоящего. Есть всякие люди, поразившие нас силой своего творческого преображения, но мы все творцы и незаметно все по-своему преображаем – настоящее в будущее. Я, один из многих таких, избрал себе такое дело, чтобы свидетельствовать творческую перемену мира живыми существами. И вот у меня, *<1 нрзб.>* стремящегося, фотографический аппарат, я применю его для изображения действительности, в том смысле как и я сам, художник слова, существую для свидетельства. К моему несовершенному словесному искусству я прибавлю фотографически-изобразительное, чтобы на вопрос наивного слушателя «было это или нет?» не уверять его в действительности, а показать.

<На полях> Развить мысль: герой умер легко (не кричал), а остались на земле женщины. По телефону Раевскому: пенсия, умер на посту. Я не могу говорить, а вместо меня чепуху несут.

12 Сентября. Александр Невский.

К Ивану Постному 11-го Сент. прилетают к нам самые жирные птицы, дупеля и коростели.

Мы вышли в 5 у. в Ведомшу по тропе возле Ботаковского озера, считается восемь верст. Без отдыха прямо в болото, попали на высыпку коростелей, взяли 15 шт. + 5 бекасов, пришли в Ширяйку болотом в 3 ч., один час отдыхали за самоваром, в 4 вышли по Ширяевской тропе мимо Туголян-

ских озер и в 7½ были дома; итак, вроде 14 часов путешествия и 12 час. хода, по 3 версты, самое меньшее, около 40 верст.

На моховой тропе от ног людей обнажаются корни деревьев и очень мешают при ходьбе, от понижения горизонта на тропе осушаются несколько ближайших к ней кочек и вместо боговника на них вырастают какие-то злаки с очень худыми метелочками на тончайших высоких стеблях и бледно-зеленой травой, по этой бледной зелени среди серо-зеленого густого боговника и рыжих стволов сосен тропу издали можно заметить и безошибочно узнать. Я это с радостью заметил, выбрался и пошел по тропе. Скоро послышались в разных сторонах голоса клюквенниц, они окликались перед отходом домой. И люди с корзинками ягод, женщины и мужчины, здесь почему-то почти все с худыми зеленоватыми лицами, не загорающими даже и летом. Все это люди из села, которые до сих пор почти не опираются в жизни своей на Москву, а живут только лесом, его ягодами, его смолой, пнями, из которых гонят скипидар и деготь. Два-три года тому назад выдающиеся люди этого села с железным здоровьем и энергией еще владели небольшими заводами скипидара и дегтя, а ныне, задавленные налогами, они побросали свое производство, и их кирпичные сооружения стоят в запустении.

По всему болоту, от Ведомши до Ширяйки, теперь идут, и неплохо, осушительные работы с стоком по канавам болотной воды в р. Кубрю. Можно думать, что через немногие годы это село, имеющее сообщение с миром летом только через клюквенные тропы, как и другие, ближайшие к Москве селения, будет пользоваться «плодами цивилизации» и заживет, как другие: эта жизнь состоит в том, что более способные, энергичные люди пробиваются в Москву и, работая там, помогают родным.

Было время, когда лесная птица начала сбиваться на моховые ягодники, а в лиственном лесу в ямки муравьиных кочек, расчесанных их лапками, уже нападали золотые листья монетки берез и кровяные денежки осин... Бывает, охотничьим глазом посмотришь на кочки в лесу, как там, – нет ли вблизи выводка, а там в ямке увидишь не перья, а денежки и вспомнишь с грустью, что охота этого лета невозвратно прошла.

Осенью редко хорошая погода бывает прямо без труда от чистого неба, обыкновенно за нее на небе бывает весь день большая борьба, во время которой громады облаков то темнеющих, то светлеющих перемещаются, складываются, <*1 нрзб.*>, устраиваются, расстраиваются в каком-то согласии с такими же бесчисленными, как они, неподвижными стогами пойменного сена по <*1 нрзб.*> долине Кубри.

Ястреб-осоед, как это часто бывает с ним, до того увлекся уничтожением осиного гнезда, что допустил нас к своему кусту на три шага и вдруг в величайшем смятении бросился...

Муха укусила в болоте, тело пошло цветными пузырями – борьба с <*1 нрзб.*> Клавдии Степановны.

Вечер самодеятельности:

Когда красный командир отстранился, я спросил его: «А почему бы не поступить вам круто, по-военному и не остановить безобразие?» – «С нашими ребятами нельзя, – сказал К. К., – был у нас вечер самодеятельности, генеральная репетиция, я распорядился, никого кроме участников не пускать. Слышу, стучат, голоса на дворе, догадываюсь, пьяные, дальше больше, серьезно ломятся. У нас, говорю им через дверь, товарищи, готовится вечер самодеятельности, вход закрыт, уйдите лучше и не мешайте. «Отворяй!» – кричат, и опять ломать. Так несознательно поступать, говорю им, это значит идти против народного просвещения, я слышу по голосам, вы пьяные, вот я сейчас узнаю кто да кто, составлю список – будет вам! Тут, смотрю, один через окно и на меня. Я дал ему, он присел. Молод еще со мной драться, говорю. А тут другой в окно, я другому дал. Не успел с ними справиться, гляжу, девять человек на меня. Я вижу, плохо, и давай Бог ноги. Сижу вечером за чаем дома, вдруг милиционер стучится, что такое? А это как я ушел, другой взял власть и вызвал милицию. Допрашивает: «Били тебя?» Я говорю, никто не бил. «Нарушали?» – «Никто не нарушал». – «Зачем же ты ушел?» – «Да так, – говорю, – захотелось». На другой день стали ребят спрашивать: никто ничего не помнит. Так все и кончилось, а если бы я разозлил их, да пошел серьезно против, что бы тут было. Уловка необходима. На войне, бывало, ну вот свинцовый дождь, лежать, а кто встал – кончено! а ведь бывали и такие, гордые: встает! Вся жизнь – уловка. Махно. Канцелярия. Всех канцелярских перестрелял, я вышел на двор, пулемет стоит, лег и лежу. «Ты кто?» – «Пулеметчик». И спасся.

Взяли нас на позиции и стали мы там, как червяки...»

Ветер. Ястреб на лесной поляне большую птицу расшил, вместе с листвой, ветер поднял перья птицы... Слышу свист, потом выстрел и крик, сердце сжимается в предчувствии скорого неизбежного, вот, кажется, только ступлю на порог своего дома, и мне объявят о непоправимом несчастье. Крик опять повторяется. Да нет же! это не человеческий крик, это всегда чудится, если слушать ветер в лесу, и неверны все мои предчувствия: сколько раз они обманывали меня.

В Шепелеве есть пруд, мимо которого я каждый день проходил, он был такой обыкновенный, что я не замечал его и, если бы меня спросили, есть ли пруд в Шепелеве, я бы ответил, что не видел. На днях ночью мы с Петей возвращались с удачной охоты, совершив переход в день верст сорок. Радовались близости дома, вот и огонек сверкнул у нас в окошках. И вдруг перед моими глазами развернулось лоно воды, мягко освещенное молодым месяцем. Я, изумленный, спросил: «Что это?» – «Пруд», – ответил Петя. «Какой?» – «Вот чудак, обыкновенный, мы же каждый день мимо него ходим». Утром с интересом я пошел посмотреть и увидел такой обыкновенный пруд. Со мной так часто бывает, я не вижу обыкновенного и часто в нем блуждаю, не смея спросить людей в опасении, что будут смеяться. Мне нужно или что-нибудь особенное, если я иду, занимаясь своими мыслями, или же некоторое усилие внимания, и тогда, если я захочу, могу увидеть среди самого обыкновенного такое, чего другие вовсе не видят.

15 Сентября. Мы ездили с Елкиным по Березовке, вечером стояли на Погорелом плесе.

– Чертово угодье.

– Плёсо?

– Нет, поймо.

Плёса на пойме и бочаги на реке.

Зеленый бочаг на Березовке.

Березовый угол.

Ряска натянута на бочагах так туго, что после лодки на короткое время почернеет из-под нее вода, и опять все сплывется в туго-зеленую скатерть.

Вот на зеленом высунулась огромная, целый холм, темная кочка, на ней заросль лозы и посередине береза. Охотники вырезали из середины лозу, стал большой шалаш, можно пятерым врастяжку спать, и совсем сухо. Но если ветер наляжет на верх березы, то внизу это скажется, и даже если сам хорошенько по полу шалаша топнешь, то вся береза задрожит своими желтеющими листиками и некоторые полетят вниз.

С бочага в бочаг мы едем протоками, иногда это бывает между двумя владениями берез: человек застревает в двух березовых кочках, и тогда, кто веслом, кто руками или ногой работает, и пролезаем. Берега состоят из заводей в кочках, заросших кустарником лозы, тростинками, осиной, ольхой. В этот сухой год многие березовые заводи осохли, и там, на черной тине частый бледно-зеленый резун. Но это не значит, что за осохшей заводью дальше будет еще суше, нет! Там дальше будут непроходимые пойменные бочаги в непролазной заросли, и так по нескольку верст.

Змей очень много. Одна из них переплывала долгий зеленый бочаг, подняв голову, черная по зеленой ряске плыла, на мгновенье оставляя черный след: он сейчас же затягивался, и опять бочаг становился зеленым. Наша лодка под прямым углом должна была встретиться с ней, но змея сробела, свернулась кольцами между двумя листьями водяной лилии и голову положила на одно из колец. Я, когда лодка проходила возле двух листочков лилии, в черной воде увидел черное кольцо и, подумав на стебель лилии, молодую «батышку», потянулся к ней, чтобы схватить ее крепко и вырвать на ходу лодки...

У меня руки не хватило, лодка прошла, а Иван Петрович, заметив мое движение, посмотрел туда и сказал:

– Кто-то змею убил.

– Где?

– Да вот вы рукой потянулись туда: это убитая змея.

Я так дрогнул от мысли, что схватил бы вместо лилии мертвую змею, что вода плеснула в шейку лодки и, конечно, Иван Петрович сделал мне новое замечание. Что делать? Я не виноват, что унаследовал, может быть, от скифских степных кочевников ужас в прикосновении к змее, пауку и даже в сущности очень хорошенькую мышку боюсь, как женщина, холодею, когда она мелькнет в комнате, и не могу заснуть, если она где-то скребет. Почему все это – я не знаю.

Раздался выстрел. Мы удивились, что утки не взлетели, когда мы проезжали, и попали Пете под выстрел.

– Убил? – крикнул я, когда задняя лодка нас нагнала.

– Убил, – сказал Петя.

– Крякву?

– Нет, змею.

– Как змею: она же мертвая.

– Нет, она была живая, мы задели ее веслом, она поплыла и зашипела.

Я представил себе тогда, что вместо лилии крепко схватил бы змею: она бы мгновенно обвилась вокруг руки и ужалила.

Лодка опять покачнулась, черная вода с зеленой ряской побежала, Иван Петрович опять рассердился:

– Эх вы!

– Подумайте, – говорю, – что бы это было, если бы вместо лилии я схватил бы змею.

– Вы бы вздрогнули, качнулись, – ответил он – и мы бы, конечно, нырнули.

В Шепелеве, если стать лицом на восток, куда глядит алтарь церкви, то по правую руку к краю будет жилище священника, а по левую, как раз напротив, собственный дом красного командира Ивана Петровича Елкина, небольшой, в три окна, с антенной по левую руку и скворечником по правую.

18 Сентября. Мы сегодня возвратились в Сергиев. Утром в ½6-го я вышел пешком, подводы нагнали меня в Зимняке. Потом до полудня туман не расходился, очень сильно пахло осенью, тетерева токовали. На песчаной земле озимь зеленела светло, как свежая акварель. Вспомнилось: ехал сюда – рожь начинала желтеть, теперь ту рожь люди едят, и новая рожь опять зеленеет. На полянах стояли отдельные желтеющие деревья, так полагаю – летом на зеленом вовсе незаметные, теперь каждое за себя говорило. Такая вся осень в лесу: она раздевает массу деревьев не сразу, и почти каждому дереву оставляет немного времени показаться отдельно…

Жизнь, – я думал, – отличается от других сил природы тем, что сопровождается особым свечением, которое мы называем личным сознанием в творчестве мира.

Хозяин однажды сказал: «Не тужите, мы скоро и это изживем, вспомните, сколько всего изжили». Пережить или изжить, это значит жить, не вступая в прямую борьбу со злом, а рассчитывать только на самую жизнь, что она, ее естественное добро в конце концов переможет зло.

Легенда о явлении Автономова.

По Калошинской дороге (возле нее кладбище) показывается красный гроб, и вокруг него кошки бегают белые, черные, пестрые.

Голос слышится из воды: «Зять, отчего ты не спас меня?» Голова из воды показалась, и женщина по кладям – бежать назад. Ночевала в стогу.

Автон. сам лодку сделал по своему росту, ложился в нее и говорил: «Вот гроб себе сделал». В ней было меньше пуда, и носил он ее с плеса на плес на голове, как шляпу.

Дружба с пастухом. Громотушку заказал пастуху, и он принес ее к похоронам. Обучение шахматам. Не было жизни отдельной «про себя». Человек без кельи, в пустыне жил, как в муравейнике. Спросите в Заболотье маленького мальчишку в аршин от земли, и тот отзовется хорошо. Тонул десятки раз.

– Неужели же десять?

– Десятки…

Самый большой в моем кругозоре факт – это земля, по которой иду я и думаю: конечно, и я сам что-нибудь значу, но я – это не только не факт, а скорее наоборот: нечто очень переменное. Земля, конечно, тоже меняется, но в отношении меня перемены ее ничтожны. Земля – это факт в моем сознании самый большой… факт земля и cogito ergo sum*.

---

* мыслю – значит существую (*лат.*).

20 Сентября. Ясное утро. Первый мороз.

Вчера свиделись с Левой, – все такой же, спешит по самой поверхности. В дороге ему понадобилось денег 50 р., он телеграфировал мне: «обворовали, вышли 50 р.». Я очень испугался, что украли его аппарат и другие вещи, мучился долго. Теперь спрашиваю. «А ничего не было, – говорит он, – это я выдумал, чтобы ты скорей выслал». Ефрос. Павл., однако, думает, что 50 руб. он просто потерял.

«Толичка, не умирай!» – вскрикнула Евдокия Тарасовна, когда старик Александров упал в первом припадке. Ведь 40 лет вместе прожили! И все, казалось, хорошо пойдет, естественно, поплакав, меня она спрашивала, в чем его положить, в поддевочке или в сюртуке. «В каком сюртуке?» – «В профессорском». Между прочим, это был обыкновенный старинный учительский вицмундир. Просила не оставлять ее, в том смысле, чтобы вызвать на похороны писателей. Заказала даже Кожевникову некролог. Все шло чин чином, и вдруг оказалось, что Александров будет умирать долго, так долго, что, пожалуй, в тяжких хлопотах о нем раньше умрет сама Евд. Тарас. ... Прошел почти год, он теперь сумасшедший, лежит беспокойно. Т. Розанова думает, что Тарасиха его даже бьет.

Когда все ладится, то в этом хорошем я всегда чувствую точку опоры в будущем, возможно *<1 нрзб.>* плохом состоянии, кажется так, что все пройдет, а это останется для меня, и я за это ухвачусь и выплыву, когда буду тонуть. Но это все кажется так, а на самом деле, когда потеряешь себя, то обыкновенно уж и совсем: Бог, человек, земля, cogito ergo sum – все исчезает. Десятки лет создаешь себе любимое дело, семью, и вдруг нет ничего, и оказывается, мысль о будущем была только одним из бледных призраков, преломлением в каплях тумана, отражением в далеком пространстве радуги настоящего: прожито настоящее, и, отраженная в будущем, радуга тоже исчезла.

Говорят обыкновенно, что это усталость, переждешь немного, передохнешь, и опять в настоящем начнется чувство радостного скопления для будущего. Что же? Это верно, только все-таки каждый раз состояние такого утомления равнозначит с маленькой смертью, потому что ты сам, твое «cogito» исчезает, и ты хватаешься за врача, санаторий, слабительное, крепительное и т. п. И раз в маленькой смерти исчезает твое «cogito», кто поручится, что при настоящей большой смерти ты совершенно не забудешь о скопленном для такого случая богатстве.

Гибель биолога Давыдова и народного учителя Автономова на стрежне р. Сулоти 5 Сент.

Сулоть. Между дер. Власово, тяготеющей к гор. Сергиеву, и Ведомшей Переславского уезда, куда из Сергиева попасть можно только клюквенной тропой, есть Ольховое болото, родина замечательной реки Сулоти. В сущности, это не река, а система озер, называемых плесами. Ближайший к истоку плес называется Лоханью, вероятно, потому только, что на поверхности его нет совершенно воды, а под низом она наливается как бы в лохань. Это зыбкое поймо летом косят, и сено остается тут <до> самых лютых морозов. Собираются в такой мороз крестьяне целым обществом, идут в Лохань и *ломают* ногами тонкий лед-тощак, из-под него выступает вода и сейчас же застывает на сильном морозе. Так создается крепкая ледяная дорога, по которой крестьяне вывозят к себе в деревню из Лохани пойменное сено.

Старые крестьяне, очень недоверчивые к осушительным работам в низовьях Сулоти, рассказывают, будто Лохань очень глубокая, дно ее будто бы гораздо ниже Волжского, и потому спустить в Волгу местные воды никогда не удастся. Возможно, это неверно, однако, самая Дубна за <*3 нрзб.*> Кроме Сулоти из Ольхового болота в Лохань со стороны Вонятина и Пустого Рождества бежит Сухмань-река, Крестница, Вздерниножка и другие. Все эти реки только весной шумят, летом бочаги. Но все-таки Лохань признается больше за луг, чем за плесо Сулоти, точно так же как последнее громадное плесо Сулоти перед впадением в Дубну называется не плесом, а озером, это у села Заболотье, известное своими утиными охотами озеро Заболотское. Дно этого зарастающего озера ледникового происхождения покрыто редчайшей водорослью... Claudophora, имеющей вид зеленых шариков. Работающий на Дубне экскаватор мало-помалу в борьбе за каждый сантиметр горизонта все-таки спускает застоявшиеся пойменные воды Дубны в Волгу, верхние воды Заболотского озера увлекаются в Дубну, и так на берегах обнажается Claudophora.

Профессор, этим летом погибший в Заболотье, приехал, говорят, именно поглядеть на эту редчайшую водоросль, обреченную на погибель. Но как многие биологи профессор был охотником, и на Стрежень он попал, конечно, не за Клавдофорой, а за утками. Именно вот для этого мне и приходилось рассказывать о географии Сулотского края: не в озере Заболотском погиб профессор Давыдов, а на одном из плесов Сулоти, даже и не ближайшем к озеру. Место катастрофы называется Стрежень...

Красные похороны. Мы дожидались до двух часов у Морева, пили чай, Иван Петрович рассказывал о своих бесчисленных боях в Крыму у Перекопа, и на льду у Кронштадта, и в степях за Волгой, и в дикой Карелии: там за карельские дела он и получил орден Красного Знамени. Много всего удиви-

тельного успел пережить еше молодым. Но больше всего остановило мое внимание то место рассказа, когда Иван Петрович увидел свою часть, окруженную белыми, и наклонился к земле, чтобы вымазать себе лицо коровьим навозом. «Может быть, я и самый плохенький командир, а все-таки командир и это заметно, командира сразу узнают, вот и вымазал себе лицо». Это остановило мое внимание, что стоит только немного простому рядовому покомандовать, и лицо его получит видный отпечаток носителя власти. Иван Петрович подумал, я не тому удивился, и стал свой случай с коровьим навозом толковать по-иному: что вот именно такая находчивость, подчас смешная, даже глупая как будто, главным образом и спасает людей на войне. «А то разве мог бы я уцелеть после стольких боев!» – воскликнул он. И тут только обратил я внимание, какого удивительного политика и дипломата сделала жизнь из простого деревенского парня. Я спросил его о красных похоронах довольно наивно, почему же именно похороны непременно должны быть только красными, Автономов не был партийным. Трудно представить себе более тактичного ответа, чем то, что сказал мне Иван Петрович, он так ответил, что, будь я верующим, я бы остался доволен, и *<1 нрзб.>* я оставался безбожником – то же самое. «В силу сложившихся обстоятельств, – ответил Ив. Петр., – Автономов учил детей, что Бога нет, попы обманщики, а своим хорошим учением у всех детей заслужил любовь. Что же подумали бы дети, если бы увидели православное погребение».

25 Сентября. Петю проводили.

Два парня, один в картузе лесной сторож, пьяные, клялись в чем-то друг другу на всю улицу, лошадь стояла возле и ждала. Вдруг она по неизвестной причине бросилась бежать, ребята догнали ее, один схватил за вожжи, лошадь завернула и стала описывать по улице правильные круги, центром которых был парень в лесном картузе, державший вожжу. Другой парень держался за узду и описывал круги по окружности. На эту картину между прочими любопытными, улыбаясь, глядел мужчина средних лет, черноватый, загорелый, в резиновом пальто и хромовых сапогах, очень похожий на прежнего управляющего небольшими именьями. Он улыбался как-то особенно, я понимаю в том смысле, что вот сейчас ребята играют, а кончится худо. Между тем парень в зеленом картузе ухитрился вскочить на телегу и овладеть обеими вожжами, другой тоже вскочил. Лошадь стала бить задом. Ребята направили к тротуару, чтобы остановить лошадь, но тут она закинула заднюю ногу за оглоблю и остановилась. Оба парня соскочили, в зеленой фуражке – пусть он будет Зеленый – схватил лошадь за ногу, чтобы выправить, но вдруг она хватила, и он упал внутрь между оглоблями. В толпе кто-то ахнул, но еще заметней был

тот момент пустоты перед гибелью человека, все же видели сверкнувшую над виском Зеленого подкову – раз! и кончено, а потом, пока успеют собраться, лошадь успеет хватить десять раз по убитому. Все это видели и замерли в пустоте, только тот загорелый в хромовых сапогах и резиновом пальто вдруг перестал улыбаться, прыгнул, как тигр, в одно мгновение со страшной силой сунул сзади телегу на лошадь, подкова только чуть задела лицо Зеленого, потом лошадь опять попала ногой за оглоблю, и, как это бывает, завалилась на бок. Человек, спасший Зеленого, схватил топор и замахнулся, чтобы перерубить ремни на оглобле, но его остановил кто-то другой, вырвал топор и стал делать так, чтобы *<1 нрзб.>* ремни. Он действовал обухом, чтобы подвинуть к концу оглобли *<3 нрзб.>* ремни, но оказалось, так это сделать невозможно, выступил еще кто-то, и, поняв умную мысль второго, спасшего ремни, стал действовать как-то совсем по-иному. Через *<1 нрзб.>* минуты он уступил новому лицу, и дело стало налаживаться. Поднялся Зеленый, лицо его было все в крови, так и капало, но он работал вместе со всеми, не обращая на кровь внимания. Какой-то, конечно, тоже подвыпивший открыл, что лошадь казенная и что ее продали, а надо было застрелить, и что вот какое у нас государство. Он это развивал на все лады, неустанно, свирепо, даже стал требовать, чтобы лошадь тут же на месте убить.

Никто не возражал, никто не обращал внимания на человека в резиновом пальто, спасшего жизнь другого человека, и, видимо, он сам не придавал этому никакого значения и даже не помнил, стоял у стены, зорко вглядывался в работу и улыбался.

Я сказал ему:

– А ведь вы человеку жизнь спасли.

– Ну, что же? – спросил он.

– Так, – сказал я, – не будь вас, не подыми вы телегу, Зеленый бы погиб.

– Ломовское наше дело, – ответил он, – с малолетства привыкли, знаешь, как взяться, как поддержать, как поднять.

Да, не скажи я, он бы так и не вспомнил своего дела. «Батюшки мои! – *<1 нрзб.>* мне – если бы я умел, так и сделал, как бы сейчас у меня в груди все кричало!»

Между тем лошадь стояла готовая, дрожала, от нее валил пар, мало-помалу она приходила в себя. Зеленый куда-то исчез. Стали догадываться: один, что ушел за *<1 нрзб.>*, другие – мыться. Озлобленный человек продолжал ругать казну, что она продала лошадь на убийство людей. Улыбающийся спаситель человека тихо, чтобы не слыхал пьяный озлобленный, рассказал мне о лошадях: каждая умная лошадь имеет свой норов, и это надо знать умному человеку: лошади могут обижаться, могут помнить обиду очень долго, мстить за нее; так,

был у нас жеребец Тихий, самая смирная лошадь, делай что хочешь, только нельзя было плюнуть в нос, все это знали и не смели, а вот один пьяный парень вроде Зеленого плюнул, и Тихий тут же на месте же его растоптал <*6 нрзб.*>...

– Так вот и тут.

Я ушел радостный, что был свидетелем столь бескорыстного дела спасения жизни человеческой, но в то же время чуть-чуть меня грызло, что не будь того человека, я бы не мог спасти, я не умел ни поддержать, ни поднять, и я сам очень трусил. Но через некоторое время я понял, что все тут в специальности, что очень возможно в области своей литературной я какого-нибудь незнакомого для себя тоже спас, и не одного, что <*1 нрзб.*> постоянно все мы в гораздо сильнейшей степени спасаем друг друга, не знаем об этом и так, не зная, не получая за это никакой награды, отстаиваем на земле жизнь человека.

К этому рассказу продолжение: когда я сказал ломовику, что он спас человека, он сначала не понял значения факта, но мало-помалу стал понимать, повторять «а ведь если бы не я» и т. д.

28 Сентября. Последние дни были все морозы и порядочные. Я вчера ходил промять Соловья в Ильинку. Лист потек. В парках липы отряхают последние листы.

Сегодня теплое утро с маленьким, приятным дождиком. На рассвете я вывел Нерль в огород. Стог сена наш там стоял под липой, пахло возле него сильно и сеном и особенно опавшими листьями липы. Восторг животного существования охватил меня, и я вроде как бы и помолился: «Благословен стог сена, – говорил я, – помни, Михаил, благословен именно этот твой собственный стог, и смотри только не забывай о нем, но сделай так, чтобы вдруг спросить: «а кажется, у нас был стог», и тебе бы ответили: «да, был, его съела наша корова». Пусть ты литератор, могущий заработать, если захочется, тысячу рублей в месяц и купить целое поймо стогов – все это вздор! Вот этот стог один настоящий (не вылощенная идея?), требующий сейчас в данное мгновение определенного к себе отношения. И как стог, благословен мой сегодняшний наступивший день, он во мне и я в нем: я сам тут во всем своем существе секретном, скрытом от глаз, тут моя сила рядом со слабостью, тут моя любовь и ненависть, – весь я...»

Завтра в 1 ч. дня Петя будет уже в Новосибирске.

29 Сентября. Петя должен приехать в Новосибирск.

Гибель профессора Давыдова и учителя Автономова на утиной охоте 5-го Сентября.

Нынешним летом я до того увлекся фотографией, что на охоте дело снабжения моей семьи дичью передал Пете, а сам охотился больше с пленочным аппаратом Лейка, схватывая воду, лес, поля, луга, птиц, зверей, не забывая и человеческий труд. Идеалист – Кончура. В альбоме у меня теперь вся журавлиная родина и только нет самих журавлей. Раз я увидел на фоне громадного и сложного облака треугольник журавлей, схватился за аппарат, но он был не заряжен: журавли улетели. С тех пор я искал такого же случая, но летние кучевые облака сменялись осенними, снять журавлей в облаках мне как-то не удалось, и это, право, досадно, и даже в голову не приходит снимать журавлей на земле. Так в альбоме у меня теперь есть все, кроме самих журавлей. Впрочем, я не тужу, когда в моих материалах не хватает героя: пусть интересующиеся моими снимками и рассказами сами догадываются о нем и так открывают единство всех моих материалов на журавлиной родине. Обязательным считаю на карточке лицо героя, если дело идет о свадьбе, тут жених и невеста почему-то необходимы. Но если придется снимать похороны, то я даю совет начинающим фотографам никогда не снимать покойника в гробу, и опять не могу рассказать, в чем тут дело, какой-то внутренний такт подсказывает мне и даже прямо диктует, что вокруг снимать все дозволяется, *<5 нрзб.>*, но самого покойника в гробу с бумажным розами, с заостренным носом и закрытыми глазами не надо снимать, – это как-то все только для родных хорошо. Я это почувствовал, снимая красные похороны охотника, погибшего на утиной охоте 5-го Сентября в районе Заболотского озера. Мне хочется рассказать об этом действительном событии подробно, отчасти, чтобы найти применение своим фотографиям, и создать фактическое дополнение к своей книге «Журавлиная родина», но, главное, просто хочется, то ли это от одиночества, то ли от природного дарования внезапная гибель на утиной забаве профессора, сложного существа, в нашей пока очень бедной стране *<1 нрзб.>*, свобода которого поддержит фактом необходимости для сотен тысяч людей работать серпом и молотом – разве такую тему можно литератору без убытка себе самому обойти, закрывши глаза? И потому, когда председатель Шепелевского коллектива охотников красный командир Иван Петрович Елкин взялся для салюта на *<1 нрзб.>* собрать взвод охотников, я взял свой аппарат и отправился из Шепелева, где мы жили и охотились с Иваном Петровичем, в Заболотье, место гибели профессора Давыдова.

3 Октября. Продолжаются ясные, сухие дни с морозами-утренниками. Болота и речки все пересохли, ни одного нигде не находится вальдшнепа.

В Москве все по-прежнему. Воронский приехал вырезать appendix, говорит, что Горького видел и тот переменился; советует повидаться. Я ему сказал на это: большинство людей умнеет, когда их по затылку ударят, но есть такие, что их и не бьют, а они все понимают.

Среди множества сделанных мной фотографических снимков есть несколько настолько художественных, что я крепко задумался: правда, как редко бывает, каким трудом и опытом дается изображение посредством слова, а тут избрал что-нибудь, сообразил немного, навел, тронул спуск затвора, и картина готова, – кто ее сделал? Многих я спрашивал об этом, показывая свои картинки, большинство отвечали, что все дело во мне самом: это я увидел и навел туда аппарат. Неправда, 75 человек из 100 способны увидеть то же, а в настоящем искусстве хорошо, если на 1000 один видит, там все от себя, тут заранее подготовлено кем-то. Кем же? Отвечаю на это: всеми нами, от первичных элементов природы до Лейца, создателя моего аппарата.

5 Октября. После двух дней дождя, оборвавшего сухую, ясную с легкими утренниками осень, вчера вечером сильно распогодилось, и ночь простояла звездная. Но рано утром не было мороза. Только уже когда солнце поднялось и уже порядочно, вдруг начала трава немного белеть. Вскоре мороз обдался росой, и наступил опять роскошный осенний день.

Мне думалось о далеких краях, где нет нашего человека и, кажется, трудно без него, но тут же вспомнилось свое главное нажитое: что человек есть везде, нужна только способность узнавать его, и она у меня есть. В этом отношении моя жизнь везде одинакова, а если нет человека, я это самое нахожу в природе.

Заключил с Елкиным договор на ремонт дома.

6 Октября. Соловей оказался будто бы бешеным и взят в клетку. Кутерьма.

Явился Лебедев – эскимос. На Соловках и там же на Севере, вообще на каторжных работах, говорят, коммунистов вовсе нет, управляет коллектив ссыльных (круговая порука) и эта власть коллектива, выраженная в избираемых лицах, будто бы чудовищно жестокая.

Начало рассказа «Гуси-лебеди». С утра до вечера изо дня в день дожди, всех замучили. Слышал не раз от женщин, потерявших близких людей, что глаза у человека умирают раньше всего. А озеро, по-народному ведь это – глаза земли, вода раньше всего чувствует умирание света, и в то время, когда в

лесу только начинается красивая борьба за свет, кроны <*1 нрзб.*> деревьев вспыхивают пламенем и сами светят, вода лежит совершенно мертвая, и веет от нее могилой с холодными рыбами.

Дождь совсем измучил крестьян.

7 Октября. Окончен рассказ «Гуси-лебеди». Завтра посылаю Орлову.

Приходила жена худ. Ященко: он умирает от рака, хирург Розанов жене это сказал («через месяц»). Надо навестить.

8 Октября. Ходил вокруг Торбеева с Нерлью, не было ни одного вальдшнепа: очень сухо. Но зато слышал гусей, только не мог их разглядеть среди сплошных низких холодных облаков. Тем восхитительней было слышать, как невидимые любимые голоса удалялись на юг.

Больше меня ничего не растрогало и ничего я не придумал, только вспомнилась тень какой-то большой мысли (устанавливаю окончательно, что если какая-нибудь своя мысль приходила в голову и вдруг забылась – нечего вспоминать и жалеть, она непременно рано или поздно вернется). Эта мысль моя была о том, что сокровенный смысл всякого организма, его «герой» очень редко находится на переднем плане и потому огромная масса людей имеет некрасивый вид. Дело художника понять этого «героя», поставить его на передний план и через это сделать организм, каким он должен быть…

Крестьянская жизнь представляет собой большие или меньшие обломки какого-то огромного коллектива, в котором космос согласовался вполне с человеческим умом. Так, напр., все мы создали себе по Толстому и другим философам <из> жизни крестьянина образ гармоничной личности (Платон Каратаев), в которой его малое (материнское) вполне растворяется в большом мировом духовном. В действительной жизни крестьянина мы видим, наоборот, именно подчинение личности человека хозяйственно-материальному остатку некогда вероятно существовавшего коллектива. Сплошь и рядом видим мы у крестьянина, как человек губит свою жизнь или чужую, спасая лошадь или корову. При скудости, бедности это наивное бытие некоторых объевшихся плодами просвещения может умилять. Но когда крестьянину становится лучше и он индивидуально начинает пользоваться обрывками этой коллективной морали, то из человеческой личности выходит нечто чудовищное (это есть и у евреев).

Крестьянская женщина всегда имеет в себе обломки этой морали исчезнувшего коллектива, каждая крестьянская женщина представляет микрокосм государства. Вот «интеллигент-

ское сознание» с его культом «человека» и есть как раз обратное этому культу коровы, лошади, овцы, телеги и т. п. Но надо, конечно, знать, что устремление крестьянского общества к материальному за счет человеческой личности вовсе не исключает возможности проявления человеческих чувств, когда спадает власть хозяйства, и человек остается лицом к лицу с человеком (хозяин и работник). Тогда явление сострадания, милосердия и любви в грубой обстановке выступают особенно контрастно и особенно убеждают нас.

Вот это именно и привлекало к себе русскую интеллигенцию, об этом именно столько рассказывал сам Глеб Успенский и другие святые народники. Это удерживало меня возле Павловны, за это я столько лет прощал ей многое. С другой стороны, вопреки всему этому доброму и прекрасному, ее способность в хозяйстве просто забывать совсем о человеке, для которого оно и ведется – терзает ежедневно *<1 нрзб.>* и вызывает зависть к тем, кто устроился с культурными женами. Но обыкновенно, взвесив достоинства и недостатки тех и других, приняв во внимание излюбленный мой образ жизни, свой эгоизм в труде и увлечениях – остаюсь с восхищением при Павловне.

10 Октября. Моя «поэзия» происходит вся из врожденного религиозного чувства, которое при дурном уходе за ним со стороны семьи, школы и церкви обрушилось на собственные силы, и это в свою очередь привело к необходимости самоутверждения. Розанов и «невеста» были полюсами моей боли земной.

Служащий из Гиза рассказывал, что из-за «5-дневок» при «непрерывке» их комиссия по службе не может больше встретиться и собраться: «гуляют» ведь теперь в разное время. Все это было бы очень занятно, если бы отвечало какому-то органическому переустройству жизни, теперь же все очень похоже на «как ни садитесь»... и проч.

Раньше эпитет «государственный» в отношении ума чрезвычайно был сильным и, казалось, не было большего возвышения, если сказать «государственный ум». С тех пор как, однако, была объявлена перспектива о кухарке, управляющей государством, мало-помалу эпитет «государственный» потерял свое обаяние. Даже напротив. У нас в писчебумажном магазине развешаны громадные портреты наркомов и писателей. Сталин попал между Толстым и Гоголем и через это очень напоминает собой почему-то царя Николая 1-го: тоже такие откровенно-«государственные» глаза.

Виноградовых лишили электричества как лишенцев: вероятно, не хватило энергии на всех, и у всех лишенцев вык-

лючили ток. Между тем, Виноградова лишили голоса за мануфактурную лавочку, он же ее бросил и теперь с семьей работает игрушки: ему вечером свет необходим. Со стороны обидно: тебя лишили голоса, из этого никак не следует, что надо лишить тока. А Виноградов не обижается, не ругается, он доказывает, что до войны двадцать лет был служащим и только по великой нужде во время революции торговал мануфактурой...

15 Октября. Одна из самых жалких картин нашей жизни была показана в последние дни: «красные обозы», это обмен остатков крестьянского жалкого хозяйства на лохмоты «наших достижений». Пусть бы... но при этом все-таки речи у памятника Ленину и на каждой подводе красный лоскут: «Все для кооперации» и т. п.

В кооперативе нет ничего хозяйственного. Год начинается, как прошлый кончался. И точно так же, по всей вероятности, и в духовной области я не один чувствую упадок.

18 Октября.

1) Спешное Гиз: «сумма денег».

2) В Москве: Нов. Мир – «сумма».

3) В Москве: спецификация и профсоюз.

4) Фотографическое: 4 кювета «папье», гипосульф., поташ, резак (спрос. теле), две воронки, ступка.

19 Октября. Позавчера (17-го) был первый зазимок. Вчера утренник и солнечный день, к вечеру мороз. Плотники работают, на следующей неделе пристройка будет готова.

Сегодня я Леве сказал: «Вот ты хочешь фотографией зарабатывать, а между тем мой помощник (Коля Поляков) целый год учился ретушированию и еще очень мало постиг». – «Как ты, папа, не понимаешь, то настоящее, а то можно ускоренно, я ускоренно прохожу...»

Был К., разоренный человек, так называемый кулак, раздраженный, и все-таки признал, что больше ½ деревни довольных, потому что их к бедноте причислили и все дают. «Видите! – сказал я, – выходит, что больше половины довольных». – «Верно, – ответил он, – довольных много, я о будущем думаю: беднота ведь работать не может, если нас, работников, разорят, то кто же будет работать?»

Народное богатство – это «рабочие руки»... но именно в смысле не собственно рук, а организующей воли. Я беру себе помощника, чтобы он взял у меня то, о чем мне думать больше не надо, и так я организую... Теперь другая организация, потому людям прежнего строя кажется она безумием, что они остаются ни при чем... В деревнях вся нынешняя политика

представляется грабежом и систематической пауперизацией, в городах много разумного дела, вероятно, даже энтузиазма…

Получены сведения, что «могилу Автономова расцапали кошки». Из-за него много арестовано людей. Двойная игра. Липатовы. Двойная игра: он готовился быть священником, а пришлось из-за этого «греха» прислуживаться к коммунистам.

20 Октября. Ясный морозный день. Ходили пробовать собак Травку, Керзона, внука Травки и правнука Тигры. Керзон не годился, Травка пропала.

Это чудесное время перед самым снегом, деньки перепадают, сравнимые по глубине своей нежности только с ранневесенними.

О человеке, предчувствуя с тревогой и любовью его трагедию – никогда нельзя сказать, что не ошибаешься, что не кончится все при помощи его хитрости комедией, в природе этого «от великого до смешного один шаг» совсем нет. Между прочим, как это наполеоновское выражение вышло по-большевистски («ускоренно») и как это пусто в отношении человеческого содержания.

Милая Светлана,

Ваш рассказик хорош тем, что называют «наивностью», я бы назвал задушевностью. Конечно, в нем очень много литературной несвободы от неумения владеть пером. Нельзя, напр., называть такую вещь «В вагоне», потому что тысячи тысяч раз так называли уже описание дорожных впечатлений в газетах, а выражаться надо непременно по-своему. Гораздо лучше этого «В вагоне» Ваше письмо: оно прекрасное. Это потому вышло, что по моим книгам Вы создали себе образ Вашего лучшего друга и вошли с ним в живое общение. Отсюда можно сделать и заключение о том, следует Вам писать или не следует. Надо писать непременно и много писать, как Вы написали письмо: это о самом главном, что и является темой. В наше время литература бестемна, потому что тема извне навязана принудительно государством, а писатель это непременно «я – сам». <*Зачеркнуто:* Вы меня избрали своим писателем, потому что я не просто литератор в своих сочинениях, а человек и, скажу Вам, глубоко презираю «литераторов», беллетристов и т. п. Вот это, по-моему, и есть то, что надо: поставьте себе задачу внести в <*1 нрзб.*> литературную тему.>

Сейчас я не могу Вас пригласить к себе, потому что работает в моем доме плотник, и мы в тесноте. Но это к лучшему. Попробуйте написать мне то, о чем Вам хочется сказать: ведь это и будет литература «о самом главном», и тема родится изнутри себя, а не будет притянута извне. Зачем

вообще тянуться, насиловать себя, задумываться – писать или не писать? Я пишу Вам это, не раздумывая, нужно это или нет, а просто повинуясь радостному чувству, которое явилось во мне, и оттого что письмо Ваше прекрасное, и что Вам 17 лет, и что вы «Светлана» и вообще похожи на дочку мою, которой, к сожалению, у меня нет.

Душевно преданный Вам
Михаил Пришвин.

Человек явился с какой-то иной планеты на землю, все узнает, все объясняет, а иногда удивляется и никак не может понять. Так, рассматривая художественные вещи с экскурсией, он удивляется на частые вопросы земных людей своему руководителю: почему так написано, разве так бывает? или: скажите, а на самом-то деле как было? Человеку с той планеты до крайности удивительно, как можно, получив высокое удовлетворение от произведения искусства, спрашивать о какой-то еще большей действительности. Или вот еще бывает: умрет вдали человек-земляк, и труп его зловонный везут тысячу верст к родным, и для тех полуистлевшие черты о чем-то говорят, что-то значат: для них, кто прожил с ним большую долгую жизнь и сохранял в себе весь его полный действительный облик – для чего нужны эти <*1 нрзб.*> черты?

И все-таки это есть, не переделаешь людей, всегда сочиняя повесть, приходится быть готовым отвечать удовлетворительно на вопрос: «что это – было или наврал?»

– Вот посмотрите, – говорю я и показываю свои фотографии...

На пути в Параклит, несколько выступив из стены хвойного леса, отдельно стоит ель необыкновенной красоты, такая правильная, стройная, что нет человека, кто прошел бы путь и не заметил этой удивительной елочки. Она росла полсотни лет под охраной монахов. Не думаю, чтобы им прямо приходилось защищать эту ель: охрана выходила сама собой из общего строя жизни. Теперь в Параклите нет монахов, и устроили коллектив земледельцев. И вот каждый раз, проходя этим путем, видишь непременно: кто-нибудь издевался над прекрасным деревом, постепенно исчезают нижние ветви, ствол оголяется, по стволу удары топором, кто-то пробовал зажечь в смолистом месте, и получился черный уступ в дереве. Непременно это дерево погибнет вблизи коллектива, потому что оно отдельно стоит, немногим оно дорого своей красотой, избранным, а массу оно раздражает своей отделенностью, масса на это набрасывается.

В воскресенье граждане нашей улицы чистили пруд, я возвращался с охоты. Многие набросились на меня, называя «буржуем» и проч., хотя сами все были самые жестокие собствен-

ники. Только одна делегатка сказала: «Граждане, надо гордиться, что на нашей улице живет такой человек, он тоже по своему трудится и за себя здесь поставил работника...»

Там, где наша Комсомольская улица в помощь себе сбоку получает еловую аллейку и превращается просто в шоссе, не доходя до мостика Скитского пруда, направо в открытом кусту по ошибке или по глупости дрозд устроил себе весною гнездо. Теперь осенью мне показали тропинку, выбитую ногами только тех, кто ходил смотреть на это гнездо. И говорят, дроздиха благополучно вывела и выходила молодых, никто не тронул. Удивительно! Почему же елку-то? Вероятно, потому, что ель – это дерево просто красивое, а здесь все-таки живое, что-то чуть-чуть задевает себя...

В лесу стучал топор, и слышно было, убийственно стучал по большому дереву, и оно, как дерево, не знало, не чувствовало, что его рубят, оно было доверчиво и стояло до последнего момента, посылая великодушно вниз на все стороны солнечных зайчиков. И вдруг оно покачнулось и зашумело кроной своей: «Что же это такое?», и потом сразу все стало понятно: раздался в лесу чудовищный треск, словно крик на весь мир: «Погибаю!» Дерево грохнулось так, что забунчала земля. Потом все стихло, и вслед за тем топорик, легонько и деловито постукивая, стал с упавшего отсекать суки.

Где Бог, там и жрец. Его проводник у людей. Если не через жреца, то, значит, сам прирожденный жрец, и, если не хочешь быть жрецом, то убеждай делами своими, а о Боге никогда никому не говори и храни это в себе как величайшую тайну.

Когда совсем нечего было делать, взял «Красную Ниву» и прочитал там об одном замечательном авиаторе, который последовательно мог думать во время падения машины и т. п. Меня поразило сравнение с древним миром: какие там герои в сравнении с нашими, а между тем, наши для нас не герои, а просто квалифицированные специалисты, о которых человек другой специальности вовсе не обязан и знать. Отсюда наше расхождение с Горьким, с Левой и друг., – в этом нечто новое, «массовое».

28 Октября. По секрету сказали, что почтово-телеграфная контора завалена телеграммами женщин из деревень к мужьям в Москву: «Приезжай немедленно, хлеб отобрали».

Время быстрыми шагами приближается к положению 18–19 гг. и не потому, что недород, а потому, что граждане нынешние обираются в пользу будущих: если не через пять лет, то в следующую затем пятилетку, если не там, еще дальше, и так когда-нибудь хорошо будет жить.

Как можно быть против! Только безумный может стать под лавину и думать, что он ее остановит. Поставить на очередь: войти в среду, где строят и во что-нибудь верят.

Крестьяне продают лошадей, потому что с лошадью и коровой гражданин считается «середняком», а с одной коровой можно рассчитывать, что удастся пролезть в бедноту.

Если даже и существует накопление средств производства, тракторов и других машин, то все это происходит за счет пауперизации населения. Весь вопрос, что совершится раньше: машины осчастливят и сделают богатыми бедных людей или же бедные люди, доведенные до последнего отчаяния, уничтожат машины, дождутся или нет?

Между тем, как все говорят, церкви в Москве переполнены верующими из интеллигенции, что никогда и не была православная церковь на такой высоте. Именно потому не была, что не было верующей интеллигенции еще со времен раскола... Точно так же почти всё, что провозглашает революция: крупная индустрия, кооперация и т. д. – все это нужно нам и необходимо. В большинстве случаев у негодующего человека нет слов для возражений сколько-нибудь серьезных, и на вопрос: «А как бы ты поступил?» – он ничего не ответит.

Осенью пахнет преющей листвой, а ранней весной пахнет кора деревьев, но бывает, поздней осенью такой удастся теплый день, что тоже, как ранней весной, пахнет корой, и тогда, если только не помнишь, совсем невозможно бывает узнать, осень это поздняя, или ранняя весна.

Так было сегодня. Сквозь голый лес голубели перси небесной возлюбленной, и красный луч остановился на сосновой коре.

Я вспомнил свое бездушное чувство обыкновенной любви и тоску свою постоянную о том, что лишен был удовлетворения в любви какой-то настоящей, в которой та животная любовь проходит как-то само собой, где-то сзади. Мне думалось, что, может быть, это у меня от разделенности моего существа, что, может быть, я вроде душевного гермафродита, и та любовь, поверхностно чувственная, есть вообще мужская любовь, а другая моя неудовлетворенная голубая любовь – есть обыкновенное чувство женщины.

Итак, я думаю, что главная причина социального зла состоит в том, что люди отмечены природой, как высшие, священники, поэты, ученые посягают на господство над людскими массами: их жизнь должна быть отдана только творчеству, а между тем обыкновенно они этим не удовлетворяются и добиваются прямого непосредственного господства. (NB. вер-

нуться к этой мысли.) Натуральный человек французской революции ныне представлен массовым человеком... – Человек касты и человек массы.

31 Октября. Стоит совершенно теплая погода, как летом, не без туманов, конечно, и не без осенних дождей и русской обязательной грязи. Но все-таки для осени погода необычайно приятная, теплая, неотличимая от ранней весны. А в Москве говорят: «Какая осень гнилая!» Никогда не приходилось наблюдать такого яркого примера перенесения своего человеческого от человеческой беды настроения на ни в чем не повинную природу. А Москва действительно, в полном смысле слова, разлагается, гниет, смердит. Не остается никакого сомнения в том, что мы быстро идем к состоянию 18–19 гг., что очень скоро придется совершенно прекратить писание, рассчитывать только на свою корову и паек.

По пути в Сергиев познакомился со мной художник Георгий Эдуардович Бострем <*Сергиев, Полевая, 3*>.

Замятин подал прошение в Совнарком отпустить его за границу. Конечно, не отпустят. Радостно, что есть еще честные и мужественные люди.

У Горького началось кровохарканье, и он уехал за границу. Говорят, ни один писатель не провожал его, и что последние его три статьи отказались печатать «Известия» и «Правда». Так окончилась «хитрость», которой он мог хвалиться весной прошлого года, все кончилось для Максима Горького...

1 Ноября. Солнечный теплый-растеплый день. Фотографировал капли утреннего тумана, сгущенного на ветках березы в большие капли, такие блестящие на фоне темных елей.

Самое большое богатство на свете – это если встретится кто-нибудь, расскажет, и в его мыслях узнаешь свои собственные, которые долго таил в себе, не смея себе самому дать в них отчет в опасении встречи с своим безумием. И вот их, самые запретные мысли, встречаешь в другом и потому, что это уж верно, это как закон: если я думал и ты это самое сказал, то есть непременно третий, кто силою этого самого живет и растет.

Вчера художник сказал, что в скором времени непременно люди от машин бросятся в природу, потому что природа живет настоящим.

Иван Петр. вернулся из Шепелева весь забинтованный: под ним в телеге взорвало 10 кило пороху, как жив остался!

Священник в Шепелеве отказался и сдал церковь, на о. Семена в Заболотье наложили 100 п. ржи, а он не сеял; не стал платить, и его увезли и т. п. и т. п. Внешняя картина очень напоминает 18-й год, но тогда грабеж оправдывался революцией: «грабь награбленное», теперь социалистическим строительством будущего. Тогда на каждом месте был убежденный революционер, теперь только исполнительный чиновник, а убежденных вовсе нет.

<*Зачеркнуто:* Мир в своей истории видал всякого рода грабежи, но таких, чтобы всякий трудящийся был ограблен в пользу бездельничающей «бедноты» и бюрократии под слова «кто не работает»... Противно думать об этом.>

Надо приготовиться к тому, что некоторое время кормиться писанием будет невозможно.

Сталин хочет сделать то, перед чем отступил Ленин. Вот вам, милый Троцкий, ваш термидор!

3 Ноября. Начинаю все приводить в порядок и обещаюсь каждый день к установленному порядку что-нибудь еще добавлять. Если день прошел без добавки – в следующий добавлять вдвое. Это обещание такое же крепкое, как не курить.

Этот маленький порядок, основанный на дисциплине воли (опыт с табаком), является выражением основного внутреннего порядка, ритма (мои календарные записи).

Рвачи (нар. название: революционеры).

4 Ноября. Разные человеческие существа в незаметных положениях обыкновенно исчезают из сознания, видишь и не видишь, а если и обратишь внимание на какого-нибудь кассира или почтового служаку, то обыкновенно ничего не поймешь в нем. Я в таких случаях всегда увеличиваю лицо незаметного, беру в представление ученого, художника, литератора, вообще знаменитость, с этим смотрю на человека в незаметном положении, рисуя себе, что это он знаменитость. Тогда – конечно, если есть что в лице – лицо его преображается, становится занимательным, как бы проявляется и – самое замечательное! – остается потом навсегда в твоем сознании.

С мужиками я так постоянно делаю, превращая их в воображаемые положения и тем находя в них их истинную сущность.

5 Ноября. Первое трудное дело в жизни – это жениться счастливо, второе, еще более трудное – счастливо умереть.

Середа. – А Коля Звягин говорит, что у них Среда.
Лисичкин хлеб.
В животике. Проглотила.

Клад поэзии. Жизнь старухи Варвары.

Не сама Варвара, а один художник, который близко ее знал, рассказал мне ее жизнь, и мой рассказ только скелет скелета, потому что Варвара – поэт, а художник словом не владеет, и я по его неумелым словам и тоже неумело рассказываю.

Один барин, может быть, князь, получил сифилис и заразил жену. Вскоре он умер, и жена его умерла, а дети попали в другую семью и росли с другими детьми, утираясь, однако, из осторожности родителей новой семьи разными полотенцами.

Наследственность у Варвары сказалась в падучей, у мальчика слабоумием. Варвара вышла замуж за деревенского священника, и тот вскоре тоже получил где-то сифилис и заразил жену, уже раз пораженную в самом зачатии. Лечиться священник не хотел, надеялся, – пройдет по молитве… Нет, не прошло, и он умер, заразив <*3 нрзб.*>. А хищники из крестьян мало-помалу, пользуясь припадками падучей, все растащили, и Варвара, когда ничего не осталось, оттого-то взяли ее детей, а она стала странствовать. Подвиг. Если ей надо было послать письмо, напр., из Москвы в Харьков, она сама шла в Харьков и так жила, ночуя в дровах, в ямах. Вся покрылась струпом и насекомыми, а все жила! В таком виде встретил ее художник и, пораженный ее поэтическими рассказами, устроил ее в Каляевку. Что особенно поразило художника – это множество птичек в рассказах. Варвара, куда бы она ни шла, где бы ни ночевала, везде были и пели какие-то чудесные птички. Раз было, художник воскликнул: «Да это же воробьи!» – «Ну, что же, воробьи, а разве плохо воробьи разговаривают? Вот было это Великим Постом, я на бревнах прилегла, а мороз был большой, мне было очень холодно сначала, а потом стало очень хорошо и тепло. За бревном был куст, прилетели воробьи на куст и стали между собой нежно разговаривать, и как хорошо они говорили, так мило, так душевно. Вдруг пришел плотник и стал меня гонять, и когда я разогрелась, увел меня в избу: так и не дали мне умереть под разговор птичек».

– Каляевка – клад поэзии, – говорил художник, – вот куда вам надо.

– Почему же вы не достали там клад для своего художества? – спросил я.

– Мне тяжел пол, для таких тем надо кого-то любить. Вот бы вам…

– Любить… разве это можно любить…

Воробьи. Старуха выбилась из сил и, больная, легла в дрова умирать. Ее подобрали, унесли в больницу и выходили. После она нам рассказывала, как ей было тогда хорошо умирать в дровах: что будто бы множество каких-то птичек прилетело и расселось в дровах и стало между собой разговаривать, да так это хорошо, так это чудесно и нежно. Солнышко садилось, и лучи золотые легли на дрова, и птички все стали, как золотые. Такая тишина легла на землю, а они тихо чуть-чуть между собой.

– Миленькие! – шепчу я.

– Миленькая, – ответили они и все до одного по очереди: – Миленькая, миленькая…

– А ведь это воробьи были, – сказали мы, узнавая их: это бывает у них из <*1 нрзб.*> вечером в дровах.

– Воробьи? – удивилась старушка, – может быть воробьи: вам, <*1 нрзб.*> лучше знать.

Собрать сказочки: 1) «Муравьи», 2) «Пчела», 3) «Воробьи», 4) «Лисичкин хлеб».

Казенно-машинное мировоззрение («трактор наш приедет, трактор нас рассудит») носит трагический характер, конечно, каждый исповедующий Маркса может говорить: мы окружены со всех сторон врагом, напрягаем последние силы и т. п. Но субъективно это очень покойное мировоззрение, оптимистическое.

<*На полях*> За новое и за старое.

Середа.

– Мама, что у нас сегодня?

– Середа!

– Ну вот, я так и думала: у нас середа, а Коля Звягин говорит, что у них среда.

Проглотила.

– Мама, говорят, что я была у тебя в животике. Была?

– Ну, была.

– Расскажи мне, за что же это ты меня тогда проглотила?

Закат.

Солнце спать легло и облачком покрылось.

Родина машинно-казенного оптимизма это, конечно, очаги строительства, смотреть туда, и будет казаться, что все хорошо. С этой точки зрения, напротив, деревня представляется преувеличенно враждебной хорошему машинному будущему.

Лисичкин хлеб. Хлеба у нас довольно и девочка сыта. Но когда я прихожу с охоты, вынимаю дичь, и дело доходит до остатков хлеба, который беру я с собой, Зиночка говорит:

– А это что?

– Хлеб.

– Откуда же хлеб в лесу?

Я отвечаю:

– Это Лисичкин хлеб.

Тогда Зина берет этот хлеб и съедает, хотя сама очень сыта; она уверяет, что Лисичкин хлеб много вкусней.

В Москве: 1) Деньги (11 д.). 2) Объявление (вечерка). 3) Измеритель.

13 Ноября. Взять аванс 1000 руб. Купить камеры 370 + объект. Ross 325 = 700 руб. Ремонт камеры к 12 Дек. 55 руб.

15 Ноября. Ю. М. Соколов рассказывал нам, как отвратительно читать теперь лекции, смотришь, когда начинают записывать: это уж наверно записывают не лекцию, а «мысль» свою о словах, чтобы при случае швырнуть камень в профессора. А то было, после слов о Плеханове, что вот-де мысль об этом была у Александра Веселовского, но Плеханову не пришлось ею воспользоваться: послышался голос: «Александр Веселовский мог воспользоваться мыслью Плеханова, но не Плеханов Веселовским». – «В то время книга Веселовского еще не выходила», – ответил профессор.

Исток преступления – это соблазнительная мысль.

Хочу зла, но выходит добро – слова Мефистофеля. А кто устраивает так, что хочет добра, а выходит зло? Сейчас у нас 90% граждан ответит: государственный деятель.

16 Ноября. Так все и держится около точки замерзания. Напудрило ночью снегом чуть-чуть и осталось на грязи. Мы хоронили Камушка. До того привычно было это имя, что настоящее имя его оратор, излагавший нам у могилы его биографию, прочел по бумажке, и все про себя повторяли за ним с большим удивлением: Николай Алексеевич Петров. В этих похоронах с музыкой и салютом охотников вижу главное достижение советской власти, нигде в мире этот последний пьянчужка, наполнивший, как говорят, после смерти свое жилище запахом спирта, драч лошади, коров, собак, кошек и всякой скотины и пушнины не удостоился бы почетных, почти военных похорон. Его любили охотники.

Чистка. Дико звучит, когда редактор Полонский (тоже и другие) бросает мне вскользь, что вот «вы в стороне стоите»… Я в стороне! Я именно у самой жизни трудящегося человека,

а Полонский даже по нашей дороге пройти не сумеет, за один только нос его мальчишки задразнят. Однако, в его словах есть смысл, вот какой. Самое-самое трудное теперь для всех – «чистка» или публичный разбор жизни личной и общественной всякого гражданина. Смысл этой чистки, в конце концов, сводится к тому, чтобы каждая человеческая личность в государстве вошла в сферу действия коллективной воли. В этом все. Крестьянин, кустарь, всякого рода мастер, имеющий возможность существовать независимо от воли коллектива, является врагом республики. (Вот почему этот «кум» продал домик свой в Сергиеве и поступил в колхоз, – спокойно! А на работе в колхозе спины не сломаешь.)

Собственник может понять верующего коммуниста, только если сумеет представить себе замену всего личного государственным, у кулака собственный дом, у него дом – все государство (коллектив), это реализуется властью (советов). Таким образом, в этом случае власть государственная происходит путем трансформации чувства собственности. И это верно. Так заключенность в процесс личности, связанность ее вещами необходимостью, свойственная каждому ярому собственнику, отчетливо выступает в людях власти: те собственники просто купцы Божьей милостью, а эти князья мира сего. «Воля революции, воля партии» – это вместо воли Божией.

Вот в этом мы и расходимся: у них договор подписан с революцией и с партией, во всем мире они остаются как партлюди. У нас договор о личности в мире, поскольку партия и революция является в большом плане ценными – я с ними, нет, и я нет…

Они правы: я в стороне…

Раевский вчера неглупо сказал: оглянитесь вокруг себя, какое жестокое и холодное существование.

Психологически государственная власть является в личности, как трансформация чувства собственности. Наши кулаки, или купцы Божией милостью, слишком неразвиты, чтобы это понять, почувствовать сладость власти и вступить в ряды князей мира сего.

С государственной точки зрения надо охранять собственников, потому что собственность, иллюзия личного обладания вещами, и является орудием накопления и сбережения богатств.

Собственность – это нечто вроде игрушки для детей, маленьким игрушки достаточно, чтобы не плакали, а собственность взрослым, чтобы копили, берегли добро для других, представляя себе, будто хранят для себя, в этом все удовольствие. Забавность игрушки этой в том, что до того, кажется, для себя делают, что иногда даже становится совестно, и начинают немного помогать другим.

Раевский предлагал мне оглянуться холодно вокруг себя на людей в Сергиеве, чтобы увидеть их жизнь во всей наготе. Это будто бы жизнь очень жестокая, без малейших признаков думы о чем-нибудь другом, кроме своего самого жалкого существования.

Мысль с гвоздиком.

Часто бывает беспорядок и общее расстройство из-за какого-то гвоздика: лежит, напр., линейка с угольником и мешает, каждый день совал ее куда-нибудь, а вчера она <*1 нрзб.*> и утром снова мешала. Наконец, я собрался, нашел гвоздик, забил его в стену, и угольник с линейкой повесил, и перестала мешать навсегда: <*1 нрзб.*> как-то раз навсегда. Вот это нам надо теперь.

19 Ноября. Надо спросить кого-нибудь понимающего, почему же именно был взят левый курс, когда все были уверены, что наступил термидор и окончилась революция.

«Принудиловка», конечно, страшней, чем война, там всегда есть надежда, что когда-нибудь вернешься домой: тут самый дом исчезает. Не успел еще как следует определиться поток в колхозы, как уже началось то же самое, что было и до того: стали писать, что в колхозы прошли кулаки и разлагают их. Представим себе, что «благоразумный кум» предусмотрел колхозы, продал дома в городе (все равно отберут) и определился в колхоз: там, казалось ему, конец зависти, нет ничего, у всех поровну. И вот оказалось, он ошибся: стали говорить, что колхоз разлагается, потому что в него прошли кулаки, что надо в самом колхозе искать кулаков (Передовая в «Известиях»).

Теперь определяется линия, что разорять мужиков можно и работать в «Принудиловке» они будут (такой народ), все дело...

«За пряслами околицы, по загуменьям знакомым почерком прострочили надувы, путаная вязь русачьего <*1 нрзб.*>» (Дементьев. Уральский охотник).

20 Ноября. Сегодня моют полы в новом помещении, и будем начинать жить.

Вспоминаю Козочку с ее Сережей и тем, кто ее «изнасиловал». Сережа не мог ей простить, да и нельзя. Так она доигралась, не в ней дело. А вот кто насиловал, его психика, столь непохожая на Сережину (вроде вора?)

21 Ноября. Ночью чуть припорошило, тепло.

Женскому движению служит пределом естественная история материнства, едва ли можно считать достижением, если это движение происходит за счет сокращения жизни на земле.

<*На полях*> Женское движение.
Трактор.
Пионеры Америки.

Пятилетку надо поддерживать, потому что машина необходима нам. Едва ли что-нибудь выйдет, но все-таки возможно частично и удастся, быть может, даже ценою крушения данной политики.

Новая Америка начиналась так же, как и у нас, машиной и порабощением, даже истреблением сопротивляющихся туземцев. Но почему же создалось такое множество поэтических книг о туземцах – могиканах Америки, и ни одной замечательной о победителях? Мне это очень понятно, победители, буржуазия, это факт и говорит сам за себя, Америка и довольно. Но туземцы исчезают, а поэзия их восстанавливает: поэзия – это сила не становления, а восстановления. И нам теперь описывать надо не коммунистов, а интеллигентов – ученых, дворян и мужиков… (эту мысль надо развить).

Сюжет: «Кум» ищет покоя жизни, перебрать все от начала революции (напр., зарывал золото и проч.) и кончить колхозом, что все отдал и для спокойствия сел в колхоз (спину не сломаю на работе), но как раз тут-то и началось: «кулаки» прошли и в колхозы.

22 Ноября. В Лавре снимают колокола, и тот в 4000 пудов, единственный в мире, тоже пойдет в переливку. Чистое злодейство, и заступиться нельзя никому и как-то неприлично: слишком много жизней губят ежедневно, чтобы можно было отстаивать колокол…

23 Ноября. Сегодня приедет Зворыкин. Послать Леву в Финотдел.

Не выдержал

На районном собрании граждан нашей улицы кто-то высказался о перегрузке интеллигенции, на это одна «делегатка» сказала: «А на что нам интеллигенция, теперь мы сами подросли, мало-мало фамилию свою подписать можем и обойдемся без интеллигенции». – «Не обойдетесь!» – крикнула одна женщина. И пошла к выходу. За ней направился некто и потребовал, чтобы она назвала ему свое имя и адрес. Что, если она с грехом пополам только-только прошла в союз? Не выдержала, и как теперь будет мучиться!

Письмо к Светлане. Надо найти в себе хотя бы одну крупинку такого слова или дела, какого еще никогда никто не говорил и не делал. Потом надо взвесить это, оценить со всех сторон, увериться, что оно хорошо. И потом понемногу надо организовать свою повседневную, домашнюю, школьную или служебную жизнь так, чтобы чаще и чаще к этой найденной крупинке прибавлялась новая. Конечно, это применимо не только к словесному делу, потому что все разнообразие жизни (и вероятно) самое ее продолжение сводится к разнообразию творческих личностей. Да, конечно, это относится к творческому продолжению жизни. <*Зачеркнуто*> потому что если бы мы рождались современными, так какой бы смысл был в размножении, иначе незачем <...>

24 Ноября. Со вчерашнего дня лежит пороша очень легкая, в бору даже совсем и не видно следов. Ходил с князем к Красному мосту; убили беляка. Мороз крепнет, и совсем зима, если бы больше снега.

Каляевка.

Деловщина (деловые люди – воры).

По мокрому делу (убийцы).

По хаскам, хаску свернул (в клеть залез).

Нож – «перо».

«На малину сажать» – деловые люди с талантом дают сонных капель и обирают.

Карл Маркс – большой чудак, зимой купается, на ходулях ходит.

Дом трудового воспитания никого не воспитал, не исправил, – при чем труд? Если все рабочие люди, а которая девчонка из проституток изнеженная не хочет работать, ее моментально куда-то сплавляют. Воры – это совсем не значит, что они не умеют работать, так же как проститутки – не значит, что они любить не могут. Случается, встретит кого-нибудь проститутка, и замуж выйдет, и будет ему женой. Так же и много воров в Каляевке хорошо работают, потому что свой дом, девчата, весело.

Если бы не было женщин, то все бы разбежались. Один сошелся в Каляевке с девкой, очень ее любил, и работал отлично, и заслужил доверие, ему поручали денежные дела. Но случилось, она ему изменила, он рассорился. В это время администрация, не зная, что он рассорился, она считала, что он исправился, и доверила ему деньги. В этот раз он их украл.

В Каляевку являются «деловые люди» как бы на отпуск и, перебыв некоторое время, отправляются вновь на дела.

У охотников есть особая охотничья дружба, которую нельзя смешивать с жизнью: в жизни такой «друг» по охоте сплошь

да рядом бывает предателем. В Каляевке живут все «охотники»: сходятся на «охоте», всю остальную, скажем, буржуазную жизнь не признают. Это опять-таки не значит, что он <не> может быть вовлечен в исполнение человеческого долга, но только ему нужно личную свободную встречу.

Каляевец может быть безбожным хулителем попов и церкви, но всегда может лично встретиться с Богом и быть ему верным рабом. (Девушка носит в кармане крест, на шее увидят.)

Невидимые глухари поднимались в бору с их особенным гулом: это также бывает, когда в большой общественной бане вздумают париться и пару поддать, плеснет ведро кто-нибудь и промахнется раз, промахнется два и в третий раз, когда попадет, то пар с накаленных камней невидимо гуднет – точно с таким гулом взлетал в бору невидимый глухарь.

25 Ноября. Легкий морозец и тонкий слой снега с нависшей серой теплотой. Мы ходили с князем по многоследице в район Дерюзина, собака не могла разобраться в следах.

Вспоминаю лживую Веру Антоновну и Яловецкого. Вот где ад! Как бы там ни было, но жизнь вдвоем – это непременно плен одного, другой вопрос, хороший или плохой – вероятно, редко хороший – но все-таки плен.

Девятая елка. Каляевка – это хороший момент из жизни «деловых людей»; сюда они сходятся для передышки от своей жизни, очень рискованной, вполне похожей на трудную охоту первобытных людей, и некоторое время здесь многие из них ничем не отличаются от лучших граждан республики. Зная доходы от первобытной охоты в удачливый день, смешно думать, что заработок в мастерских дома трудового воспитания сколько-нибудь может удовлетворить «охотника». Никогда! И какая может быть речь о трудовом воспитании «деловых» людей, если они вообще труда никакого не боятся. Исправить проститутку? Все равно, что рожавшую женщину сделать женщиной. Но, конечно, если проститутке встретится человек по душе, то она с ним может жить неопределенно долгое время, как самая «честная» жена. Так и бывает. В Каляевке никто не исправляется, но это очень хороший момент из жизни проституток и деловых людей: тут на отдыхе от рискованной жизни проститутка встречает иногда человека по душе и надолго «исправляется», деловой человек, соблазненный веселым обществом с девицами, музыкой, кино и прочими удовольствиями, остается <*1 нрзб.*> надолго в доме трудового воспитания. Другие перебудут всего два-три студеных месяца. Свистнет вдали паровоз, и вот как захочется свистнуть куда-нибудь самому на крыше вагона. Сердце закричало.

Он идет к своей подруге, шепчется. Казенную одежду, белье собирает в тюк, прихватывает вещи с соседней койки доверчивого товарища, и прощай, Каляевка! Очень много таких. Каляевка живая, каждую осень встретишь тут новых людей, а старые куда-то исчезли. Так всегда. Весной видел я Иру Соловьеву – яровой сноп *<1 нрзб.>*, а осенью нет Иры: ее взял безрукий великан себе в жены и отправился с нею в Киев. Нет одноглазого цыгана, нет обиженного коммуниста. А вот был один заслуженный… доверяли… она его разлюбила, и он... Начальство не знало, что она его разлюбила, и деньги доверило. Начальство ошиблось. Нет в мире места, где бы связь полов такое имело решающее значение для общежития. Стоит только издать декрет о разделении женской Каляевки и мужской, как вся она рассыплется, и не останется в ней никого.

Начало главы. Сколько раз мне приходилось дивиться на охотников: какой это товарищ там на охоте, такое нежное близкое существо. Вспомнишь чудесные дни после не на охоте, а в обыкновенной жизни, встретишь приятеля-охотника и доверишься ему. И вот он же самый и предаст тебя, и оберет, и с грязью смешает… Напротив, есть люди, которым можно доверить самые нежные мгновения своего существа, которые в сером трудовом дне твоем будут блестеть, как алмазы в лавке, но там, где каждый *<3 нрзб.>* становится алмазом, и человек в увлечении своем забывает *<3 нрзб.>* с большим Голубым и Зеленым, эти люди ничего не понимают, ничего не могут. Так живут бок о бок две породы людей.

За кого стоять Насте *<2 нрзб.>* где каждая *<3 нрзб.>* становится алмазом, и человек в увлечении своем забывает свое тело, сливается с большим Голубым, – *<2 нрзб.>*, – это люди никто не понимает, понять не могут. За кого стоять? – за трудовых или охотников? Я ни за тех, ни за других. Я за полного человека, потому что с охотником нельзя никаких дел сделать, в люди не войдешь, а с трудовым нельзя выйти из рамок обычной жизни и, самое главное, что такой человек по недостатку простора в своей узкой *<1 нрзб.>* рано или поздно вырабатывает своего мелкого уедчивого человеческого бога и догмы потребительской жизни.

26 <Ноября>.

Стрепет и дрофа.

На юге нынче весной будут распахивать тракторами всю целинную степь. Куда же денутся стрепеты? Дрофы, те уже приспособились к полям, и можно себе легко представить, что они устроятся, правда, на неверное житье, но все-таки будет так: весной прилетят дрофы и останутся, их будут перегонять с места на место, всюду не в урочные часы будут местные люди встречать этих огромных птиц расстроенно перелетаю-

щими с одного поля на другое: придет, конечно, и им конец, как пришел конец нашим старикам купцам, получившим передышку во время новой экономической политики. Но стрепет как совсем вольная степная птица немыслим без ковыля, что с ним будет, когда, прилетев весной на древние места гнездований, с высоты он увидит и почует изрыгающую бензин колонну в сто тракторов и на зеленой целине ковыльной степи растущее чернильное пятно пахоты. Были ли в нашу революцию такие непокорные существа, подобные индейцам-могиканам, прославленные американскими поэтами в бесчисленных романах...

На переднем плане индейцы, а за ними глухое гордое наступление парохода и паровоза. Описывают погибающих индейцев, а получается изображение бесстрашно и неумолимо шествующей цивилизации. Как это вышло, разве в нашей стране индейцев таких, чтобы их жизнью затронулось сердце поэта, нет совершенно? Наступающий трактор – это становящийся факт, при чем тут поэзия? Дым в облаках... какая бессмыслица для художника, что-то вроде облака в облаке. Но дым паровоза на фоне леса дает нам картину: лес это древнее, дым паровоза новое, есть в картине передний план и воздух дали, но искусство, пользуясь становлением факта, восстанавливает древний лес, потому что дело искусства не становление, а восстановление готового быть утраченным родства нашего с предками... Что могут написать триста командированных крестьянских писателей, не менее трехсот пролетарских, тысячи рабкоров и селькоров, что может написать эта литературная саранча, если нет индейцев, а только одни бензиновые трактора шествуют по ковыльной степи.

Представляю себе так, что вся эта литературная саранча за отсутствием индейцев стала ненавидеть друг друга, потому что каждому хочется написать по-своему, а факт одинаковый: трактор. Тогда показался первый разведчик от стрепетов: стали изучать стрепетов и спорить между собой о них, догадываясь на все лады, что будет с птицами, столь связанными с ковылем, что немыслимо представить их на пашне.

Я догадаюсь, чем все это кончится. Стрепеты поглядят с высоты и вернутся назад. А куда же назад? Да, вот, куда? Часто перелетные птицы, улетев от нас, не возвращаются вовсе. В нынешнюю весну очень много уток, улетевших осенью, не возвратились совсем. Что с ними сталось? Натуралисты отвечают просто: погибли на зимовках. А простой народ об этом говорит, что там где-то есть птичье кладбище и там они остались.

Стрепеты, увидев распаханную целинную степь, улетят от нас на птичье кладбище. Некоторое время естественная па-

мять будет хранить этих диковинных птиц, потом останется в учебнике зоологии описание. Но возможно, какой-нибудь поэт в смысле становления факта, вполне понимающий необходимость тракторной колонны и рационализации, как добрый гражданин намерение правительства – этот поэт увлечется лично сам делом восстановления ковыльной степи... Я представляю себе, что поэт минует приспособляющуюся дрофу, а изберет героем своим стрепета.

Тогда для наших потомков останется от нашей эпохи какое-то наследство, надолго переживающее этап получения зерна от первой тракторной вспашки.

В Каляевке вчера гуляла с грудным своим ребенком слепая мать, совсем зеленая с лица, изможденная. Что, разве год тому назад она лучше была? Едва ли. Все объясняется, вероятно, тем, что и он был слепой, ничего не видел, с кем дело имел. А ребеночек вышел зрячий...

27-го Ноября.

Заметно начинают поддаваться все близлежащие (или сидящие) к Моск. центру обаянию спасительной пятилетки. Замошкин считает уже вполне возможным и естественным, что мужики пойдут на службу. Лидин хитро спросил меня: «А как, неужели возможно что-нибудь в этом плане?» Я ответил ему, что с долготерпением и, главное, с бесконечной потребительской эластичностью (до соломы, до коры) у нашего мужика все возможно. Почти радостно сказал он на это: «Да!» И рассказал, как англичане, рассчитывая одно производство на сколько-то тонн, сделали ошибку: не учли неприхотливость русского рабочего.

Редакция Литературного листка «Известий» состоит из порядочного, как говорят, идиота Васильевского, при нем некий Струвили и еще другой. Васил. вдребезги исчеркал мой рассказ, а когда я не пожелал в таком виде его печатать, то вдруг согласился на все. Тогда Струвили, обрадованный, сказал: «Никто не знает, каким трудом достается каждая порядочная вещь». В это время я понял Полонского, говорившего, что я стою в стороне: да, от этого «фронта» я стою в стороне. Теперь можно себе такого редактора представить, который никогда не видел рабочего и сотруднику, живущему среди рабочих, говорит: «Вы в стороне стоите». И в этом есть смысл...

Оказывается, то, что теперь происходит, это осуществление программы Троцкого. Как же теперь он себя чувствует в Турции? И как же это вышло гениально: Ваш план спасения государства пожалуйте, покорнейше вас благодарим, а сами вы аттанде-с! посидите в Турции.

На улице у нас в городе было: налетело сразу четыре ястреба на стаю турманов, четыре взяли и унесли, две «галочки» (черные) спаслись под сенями, остальные четыре «монаха» умчались неизвестно куда и не вернулись. Так от всей стаи турманов остались только две галочки.

Было это у нас, только к чему я это вспомнил и стал рассказывать? Вот тоже синичка прозвенела на липе в саду, и опять прозвенела она о том же самом, из-за чего вспомнилось нападение ястребов на голубей. А, вот! Бывает, очень далеко от голубей и синиц совсем в другой обстановке необычайно остро, трогательно покажутся образы давно прошедшего детства, это синичка или турманы.

В каком-то большом ресторане в Питере, помню, Шаляпин после своего концерта за шампанским вспоминал, как он гонял в Казани голубей: «Лучше ничего не было в жизни, – говорил он, – так вот взял, бросил бы все и полез на крышу с шестом». Невозможно для Шаляпина. И вообще это вспоминают, но никто не возвращается. А вот я – случилось же так! – вернулся к этому, ястребы действительно против самого моего окна разбили турманов, и синичка звенит для меня действительно на липе, как бы соединенная, и та поэтическая, для всех утраченная, и вновь увиденная мной в обстановке для всех, синица. И так же точно все другое, собаки мои – это воплощение моих в действительности утраченных в детстве, милых дорогих собак. И люди самые близкие *<2 нрзб.>* произошли этим путем восстановления утраченного родства. И теперь в тяжкое от быстрых перемен время, когда все любимые нажитые вещи изменились, все установленные понятия общежития распылились, теория относительности коснулась даже такого обязательного для всех нас с детства, что земля вертится вокруг солнца, одно только не изменяет мне, один источник остался не отравленным и бежит: это способность моя восстанавливать утраченное родство с миром любимых растений, животных и людей. Это не надо только смешивать с воспоминаниями всех стареющих людей: все воспоминания ограничены, вспомнил и кончено, и *<1 нрзб.>*. Я же свое вспоминаю, узнавая его в текущем мире, и моим таким воспоминаниям-воплощениям нет конца…

30 Ноября.

Сейчас у меня в доме доделывает и поправляет работу красного командира монах. Он очень правдивый, верующий и вообще цельный человек. Его очень удивляет злоба на улице против монахов, особенно у ребят в возрасте около 20-ти лет: ругают и часто бросают камни. «Думаю, что это сила дьявола, – сказал отец, – иначе как понять: все-таки монахи не желают им зла, даже самый последний монах, слабый, *<1 нрзб.>* все-таки не хуже их…»

После окончания ставен я осмотрел их и сказал: «Хорошо, очень хорошо!» Монах перекрестился и прошептал молитву.

– По какому поводу вы, отец, мой, молитесь? – спросил я.

– Это я, – ответил он мне, – Бога благодарю, что удостоил меня вам угодить.

Напечатан рассказ «Сеславино». Если буду его печатать в сборнике, то надо приписать следующее. В этом рассказе принято в основу обывательское понимание «пу́стыни» как тесного общения человека с природой. Представляется, что подвижник, как художник, созерцает красоту видимого мира, как друг животных приручает их и потому находится с космосом в постоянном живом общении. На самом деле подвижнику запрещается входить в тесную связь с живой природой, подвиг его состоит в отречении от всего живого, иногда он должен стоять неподвижно на камне столбом. И не трудность пустыни и монахов подвижников, а, напротив, ее легкость сравнительно с городом... Но если принять наше обыкновенное понимание пустыни чем-то вроде трудной дачи, то рассказ верно передает действительность: трудность современной городской жизни сделало всякую «дачу» легкой.

Конец Каляевки.

Так сложилось, что необходимо, чтобы из всех цветов солнечного спектра один только красный освещал. Белый луч – губительный цвет. Малейшие звездочки снежинки с белым светом <*4 нрзб.*> вымазывает черным асфальтовым лаком.

Долгая работа при красном свете в фотографической комнате настраивает как-то особенно, и оценка окружающих вещей в красном свете бывает иная. Среди проявленных мною лиц Каляевки неожиданно для меня в группе женщин, снятых моментально, показалась мне замеченная мною девушка <*3 нрзб.*> посещения мною Каляевки. В красном свете она показалась мне прекрасным лицом <*1 нрзб.*> французской революции. Я выделил это лицо, увеличил, положил проявлять отпечаток в закрепитель и через установленное время фотографию вынес на свет. Несколько секунд я наслаждался привлекательными для меня чертами незнакомой женщины, потом явилась тревога за <*4 нрзб.*> негатив, потому что показались возле губ неправильные линии. Бывает, не сразу поймешь и сообразишь, в чем дело, вдруг на прекрасном лице переломился нос, чудовищно вытянулись губы и брови, и идеал, все заключенное в красивых линиях, стал неожиданно, как в кривом зеркале. Через две-три секунды я понял физику этого явления: закрепитель прекратил свою силу, перестал действовать и белый свет испортил мой отпечаток.

И так удивительно все сошлось. На другой день почти то же самое случилось не в комнате, а в Каляевке. Я подошел к дому трудового воспитания и видел, как сторож отбирал пропуска у ворот, и каляевцы выходили по одному, по двое, группами. Большая часть их устремилась по дороге к городу, другие шли на прогулку в лес. И вот выходит та самая проститутка, которой занимался я у себя. Она вышла одна, дико озираясь вокруг себя, и остановилась у дерева, как будто не решаясь, куда идти: в лес или город. Мимо нее проходили две девушки и <*1 нрзб.*>. «Пойдем в город», – сказала одна. «Зачем я там?» – спросила она. Потом двое предложили идти в лес. Она ответила: «Не видела я кустов и травы». – «Так зачем же ты брала пропуск?» – «Не знаю, некуда мне идти...»

И осталась у дерева в раздумьи. Я подошел к ней с целью передать фотографическую <*3 нрзб.*>. И точно так же, как на свету отпечаток, живое лицо это стало на моих глазах в черных своих линиях и <*1 нрзб.*>. Первое, что бросилось мне, когда я к ней приблизился, это неравномерное распределение пятен синего и розового, потом опухоль очень маленькая под глазом, но такая красноречивая, и все лицо стало мне совершенно, как вчера: лицо конченого существа. Вынув портрет из кармана, я передал его ей и сказал:

– Узнаете, кто это?

Тут вот и случилось то, из-за чего я начал свой рассказ о Каляевке. Так что фотографический аппарат передает нам все страшно отвлеченно, он передает как бы первоначальные черты плана природы и оттого стремление идеализировать. Что такое речка Кончура, из которой фотография сделала Миссисипи, и здесь то же самое: портрет был прекрасной девушки, а сама она была, как разлагающийся труп. Что такое мелькнуло в ее бедной голове, когда она увидела свой идеальный портрет. Она вдруг, запинаясь, выругала меня скверными словами, высунула язык и <*1 нрзб.*> им: бу-бу-бу! бросилась бегом обратно в ворота Каляевки. Такая вышла у меня романтическая история с «незнакомкой», что я о ней ни за что бы не решился рассказать, если не была бы она в действительности.

В доме ученых, конечно, важен дом, а не отдельные личности ученых, для служащих там юноша, оставленный при университете, раз он член, все равно он, как Менделеев и, наоборот, Менделеев, как юноша, не имя важно, не заслуги, а номер его регистрационной карточки.

Написать и подобрать три детских рассказа: 1) «Гнездо тетерева», 2) «Терентий», 3) «Из жизни моего ежа».

4 Декабря. Последние три дня по ночам непременно порошит, а я простудился и высиживаю время. Хороши стали рассветы. Напротив только откроются ворота, тесовые, струганые, белые, и на них уже устраивается снег молодой. Через решетку наверху видны холмы с кустарником, теперь засыпанные снегом. А строил ворота торговец. Он и сейчас потихоньку торгует и так же, если придется «записаться» в коллектив, будет жить для себя, используя для этого государственную организацию.

5-го Декабря.

Вчера приходил Стромницын, садовник (41 г., влюблен в землю, неудачи). Чуть не женился, потому что мало-мальски устроился на участке и сад подрастает. Невеста 20 лет, молода, но зато крестьянка, небалованная и, значит, ничего бы. Но в последний момент она оказалась лишенкой и вся семья их – лишенцы. Садовник сказал: «Будь она интеллигентная женщина, я на все бы пошел, но жениться на лишенке из крестьянок, подвергать риску все достижения свои – нет!» И отказался.

Я объяснял этому чудаку, что всю нашу беду, включая коллективизм и коммуну, понимать надо из нашей отсталости в мире: пробил для нас такой час: или догнать весь мир (в технике), или отдать себя, как Китай, на эксплуатацию другим государствам. Мы решили догнать...

– Но зачем же коллектив? – спросил садовник.

– Чтобы разрушить современную деревню, – ответил я, – последствием этого разрушения будет армия рабочих для совхозов, с одной стороны, и, наконец, отделение от них людей, призванных обрабатывать землю, которым эта возможность будет предоставлена, потому что государству выгодно пользоваться их добровольным, самозабвенным трудом.

Садовник что-то понял из моих слов и, вдруг просияв, сказал:

– Значит, через коллектив к совхозу.

– Да, – ответил я, – к совхозу, с одной стороны, и к частному долголетнему пользованию землей, с другой...

Деревенский ужас можно понять двояко: 1) что эта каста не по любви, а по рождению крестьянина, 2) просмотреть условия жизни любого ребенка в деревне.

6 Декабря. Оттепель. Беда с Андрюшей, по-видимому, попался в блудных делах (любовь – самопогашение). Появление Симы.

Левый курс, думаю, будет до тех пор, пока мало-мальски не наладятся совхозы: когда вся деревенская беднота будет

организована, тогда возьмут курс направо, и часть «кулаков» займет административные места в этих совхозах, а часть на каких-нибудь условиях прочно сядет на землю.

7 Декабря.

Продолжается оттепель. Высиживаю простуду. Приходит к концу. В четверг 12-го вероятно сам поеду за аппаратом.

Пете написал, что глазами Москвы – «нет и не было в мире переворота грандиозней нашего», а глазами Сергиева: «нет и не было в мире большего унижения человека».

Потомок, природный наследник славянин-колонизатор нынешний русский мужик кончает свое бытие…

Читаю книгу Пяста «Встречи». Прекрасно, что сам, будучи неудачником, Пяст отдает свое восхищенное должное всем талантливым поэтам. Блок, будучи целиком взят эпохой, как творческая личность, наверное, не мог так талантливо сказать об этой эпохе, как не поглощенный ею, неудачливый Пяст.

<*Вырезка из газеты*> «П. Серегин (село Чумаково, Чистопольского кантона, Татреспублики) указывает, что явления природы не соответствуют великим праздникам Октябрьской революции и дню Интернационала (1 мая). В октябре обычно плохая погода, дожди, в деревне – непролазная грязь, так что «остается одно: запастись водкою и сидеть дома», а 1 мая совпадает с разгаром весеннего сева. Он предлагает поэтому согласовать новый календарь с календарем астрономическим. «Год, – пишет он, – будет начинаться со дня осеннего, а весна со дня весеннего равноденствия, причем первым месяцем года будет сентябрь. Год разделяется на 73 пятидневных недели. Прибавляющийся в високосном году один день не имеет числа, называется днем «уравнительным» и ставится между 30 ноября и 1 декабря. Празднование революционных дней вне чисел нежелательно».

Антирелигиозная пропаганда – в условиях запрещения религиозной пропаганды – имеет ту же силу, что и сила поощрения бедноты против так называемых «кулаков».

Леве было всего 12 лет, когда я пробовал убедить его, что в евангельском непорочном зачатии есть некоторый смысл. Он был тихий чистый мальчик тогда, просто удивительно, откуда он взял, как нажил себе убеждение – с громадной уверенностью после всех моих стараний он сказал: «Нет, все из пыски!»

Антропологи напичкали нас представлениями о первобытных людях, как естественных теургов с анимизмом, фетишизмом и т. п. На самом деле эти теурги были чрезвычайно редкими существами так же, как теперь самостоятельно религиозны творческие люди. Масса первобытных людей верила наивно, как дети, что «все из пыски».

12 Декабря.

Снега нет, но земля оледенелая.
Сильный ветер дует,
И ветка стучит по стеклу.
Так мое сердце где-то об острый край стучит.

Сейчас резко обозначаются два понимания жизни. Одни все в индустриализации страны, в пятилетке и тракторных колоннах, они глубоко уверены, что если удастся организовать крестьян в коллективы, добыть хлеб, а потом и все остальное, необходимое для жизни, то вот и все. И так, они этим живут, иногда же, когда вообразят себе, что нигде в свете не было такого великого коллектива, приходят прямо в восторг. Другие всему этому хлебно-тракторному коллективу не придают никакого значения, не дают себе труда даже вдуматься в суть дела. Их в содрогание приводит вид разбитой паперти у Троицы, сброшенного на землю колокола, кинотеатр в церкви и место отдыха, обязательное для всех граждан безбожие и вообще это высшее достижение, индустриальное извлечение хлеба из земли… Пусть бы! – думают они, по существу в <*4 нрзб.*>, но раз оно противопоставляется вызывающе любви (хлеб вместо любви), то становится и враждебным: что-то вроде искушения Сатаны…

25 Декабря. Солнцеворот.

Так вдруг – посмотрел на число в газете, и оказалось, что сегодня новое Рождество! Правда, новое Рождество плохо чтили и в прошлом году, но все-таки было что-то. Рождество! А в нашем расписании сегодня баня.

Петр Великий доказал, что церковь с разрешения государства совершенно безопасна. Вероятно, и наши скоро это поймут. Я думаю, когда совхозы укрепятся и государственное хозяйство будет обеспечивать страну зерном, разрешат и молиться, конечно, при условии, чтобы минимум одна молитва была за советскую власть.

В Евразии выдумали использовать силу коллектива не только на войне, на фабриках, как в капиталистических странах, а везде и во всем. Эта выдумка равняется открытию новой огромнейшей физической силы. Личность вне коллектива поте-

ряла всякий смысл... Гиганты духа пали, как пали цари, зато ничтожнейший бродяга, попав в коллектив, стал полезным гражданином, совершенные дураки, движимые силой коллективного ума, и с виду, и в делах перестали отличаться чем-нибудь от умных людей.

Письмо из Германии моей переводчицы открывает глаза на низменность современной немецкой литературы и очень возвышает тем самым наши литературные подвиги. Ведь и так в периодической литературе нет-нет и является что-нибудь, а главное, несомненно, пишется какая-то великая книга. У нас лучше! – вот неожиданный вывод.

Сила коллектива – не есть ли пример силы рода? (о какой мечтал Розанов).

Вдруг оказалось, что после почти двухмесячного беспроглядного мрака – нужно же! как раз в день Солнцеворота (новое Рождество) удался поворот без малейшего облачка весь день, и я с ½9-го (восхода) до ½3-го (заката) бродил, оставляя на снегу след триумфатора.

Пусть отменят Рождество, сколько хотят, мое Рождество вечное, потому что не я продажной мишурой убираю дерево, а мороз старается. На восходе березовые опушки, словно мороз щекой к солнцу стал, и оно стало ему разукрашивать: никакими словами не передать, как разукрасились березовые опушки, сколько блесток... мой след триумфатора.

О любви.

Если сказать «любите друг друга», то ведь это надо от своей действительной любви сказать, надо, чтобы душа моя переполнялась, и этот избыток вылился через край в виде слов: любите друг друга. Но писатели нашего времени говорят, руководимые хорошо еще если честолюбием, чаще всего просто сроком, к которому должна быть выполнена вещь по договору с издательством.

27 Декабря.

Весна света продолжается вот уже третий день после двух-то месяцев бессолнечных дней. По прежнему бы это считалось расположением к нам Божественной воли, теперь случайностью, потому что светила движутся не Бож<ьей> волей, а бесстрастным законом природы. В будущем совершенно то же будет и с человеческим обществом: вновь открытая в своем универсальном применении сила коллектива будет действовать так же точно и бесстрастно, как закон природы. Чувство сво-

боды будет удовлетворяться исключительно умением пользования силой коллектива.

Вчера ночью <*с 25-го на 26-е*>. Вечером первого дня весны света ощенилась Нерль («все семь Ромки»). Щенят заморозили. Нерль стала ныть и болеть. Я сказал, что причина ее – напирающее в сосцы молоко. Ефросинья Пав. набросилась на меня и назвала «жестоким чудовищем». «Не молоко, – говорила она, – а понимание утраты детей, всякая тварь страдает от утраты детей, воробьи и те...» Она права совершенно. Я же нечаянно отдал дань своим прежним шаблонным для всей молодежи, возглавляемой Максимом Горьким, обязательным взглядам.

КОММЕНТАРИИ

Публикация дневника Михаила Пришвина с очевидностью доказывает, что отношение к писателю как «певцу природы» и автору детских и охотничьих рассказов – результат не только идеологии, которая предпочитала так однобоко рассматривать его творчество. Дело еще и в том, что без дневника художественные произведения писателя действительно существуют в усеченном пространстве, оторгнутые от контекста. Корни художественных произведений уходят глубоко в текст дневника, причем не в том смысле, что в нем скрываются заготовки, черновики, материалы к произведениям и пр., хотя это тоже есть, а в том смысле, что в контексте дневника художественные произведения писателя получают иной статус: дневник выявляет в его произведениях иные акценты, идеи, скрытые смыслы. Надо сказать, что и читатели, и исследователи Пришвина всегда слышали в них этот подземный гул, чувствовали существование этой невидимой части айсберга, глубину, которая придает пришвинским произведениям что-то особенное: читаешь рассказ о собаке, а понимаешь, что это вообще обо всем...

В последнее десятилетие по мере публикации дневника миф о писателе – «певце природы» постепенно вытесняется мифом о писателе-философе, мыслителе и пр., но все же в настоящее время оба эти мифа существуют параллельно... И, пожалуй, эта ситуация более всего соответствует тому типу писателя, которым был Пришвин: писатель, воспроизводящий текст в разной форме – рассказы, в частности, детские и охотничьи, фенологические заметки, очерки, повести и романы, ежедневный дневник.

Все художественные произведения зарождаются в дневнике, но затем эти тексты начинают взаимодействовать: и если в контексте дневника художественные произведения углубляются, то нельзя не усмотреть и обратного: художественное произведение при сравнении с дневником соответствующего времени не только приоткрывает вход в творческую лабораторию писателя, но и демонстрирует его стратегию, степень его приспособления к господствующей идеологии, пределы, в которых он считает возможным, приспосабливаясь, сохраняться как писатель и как личность. Понять это крайне важно, поскольку совершенно не принадлежать своему времени писатель не может... (Кстати сказать, в советское время Пришвина (как и многих других) аннотировали как «русского советского писателя», не только сталки-

вая в этом определении культуры, которые очень сложно взаимодействовали друг с другом – традиция и преемственность как только не трактовались в XX веке, но и отмечая его сопричастность обеим).

Так или иначе, художественные произведения Пришвина присутствуют в пространстве официальной культуры, а дневник находится в пространстве контркультуры. В советской России постепенно идет формирование культурного айсберга, и Пришвин действует и стремится действовать в его обеих частях, видимой и невидимой, то есть одновременно присутствует как в официальной культуре, так и в культуре, которая впоследствии будет именоваться «писанием в стол», а еще позднее андеграундом (надо сказать, что к 1928 году кроме дневника у Пришвина «в столе» находится рассказ «Голубое знамя» 1918 года, один раз тогда же напечатанный в газете «Раннее утро» и с тех пор не публиковавшийся до 1980-х гг.), повесть «Мирская чаша» (1922), а также начатая и незаконченная книга очерков 1917 – 1918 годов «Цвет и крест»*. В послевоенные годы к этому добавятся все его последние произведения: «Повесть нашего времени» (1946), «Осударева дорога» (1948), «Корабельная чаща» (1953), рассказ «Василий Алексеевич» (1952?).

Если говорить о стратегии писателя, то она менялась и в отношении дневника. Ранний дневник (1905–1916) явно рассматривался им как материал для художественного произведения, а точнее – для романа «Начало века», который Пришвин задумал. Работая над романом, он изрезал текст дневника «на клочки», разложил эти «клочки» по темам – не разметил, не перепечатал, а уничтожил первозданный текст как ежедневный, хронологический, и превратил его в тематический, что, впрочем, оказалось очень интересным, поскольку сам писатель выделил важнейшие для него темы. Каждая папка получила свое условное название: «Любовь», «Начало века», «Новгород», «Крымский дневник» и др.

Пришвин так и не осуществил своего замысла, но постоянно возвращался к нему до конца жизни.

Целый ряд записей дневника следующих, революционных лет (1917–1918) публиковался в разных газетах в виде очерков, многие из которых писатель предполагал использовать для книги «Цвет и крест». Начало этой книги сохранилось в виде двух авторских редакций, однако, отношение к дневнику изменилось: начиная с 1917 года (трудно сказать, сыграла ли в этом роль революция), Пришвин уже никогда не будет разрушать хронологическую структуру дневника ради тематической – дневник становится самоценным текстом, которым он очень дорожит, летописный характер которого к 1928 году он сам осознает («не из тщеславия и не от избытка сознания стал я летописцем… Мне нужно было пережить, продолжиться, подрасти, как дерево, чтобы в новых условиях начать понемногу догадываться о значении минувшего, скажу яснее: в настоящем из прошлого догадываться о будущем»). Кроме того, вести дневник к этому времени уже стало насущной потребностью для Пришвина – это его «собственный мир»,

* Книга «Цвет и крест» в настоящее время готовится к изданию.

пространство, противостоящее реальному, куда можно «вернуться», где он абсолютно свободен и пишет о том, о чем не может не писать («Послышался странный крик в высоте, и я увидел там очень высоко, как редко бывает, как я никогда не видел: три цапли летели. И я вспомнил свою заветную тетрадку, куда записываю самое любимое и самое главное, и мне захотелось вернуться туда, к себе, в свой собственный мир и записать туда, что сегодня, 2-го Августа, на невидимой высоте три цапли летели...»). Если в прошлые годы Пришвин составляет уравнение природа = книга, то теперь можно говорить о новом уравнении: мир = текст.

Может быть, уникальность дневника Пришвина в том и заключается, что он его ежедневно в течение полувека писал. Создавая текст эпохи, в которой жил. И в этом мире существовал так же реально (или более реально), как в собственном доме. Феномен художественного сознания Пришвина заключается в необходимости все свои мысли записать – перевести из внутреннего мира во внешний.

Пришвин в своем дневнике не страшится банальностей, общих мест, не думает об оригинальности размышлений, выводов или суждений – он касается и высокого и низкого, повседневного и философского, охватывает пространство от сиюминутного до вечного. Он структурирует, организовывает жизнь словом, не оставляя, кажется, ни единого темного уголка и в то же время не разрушая удивительной связи, которую всегда чувствует в природе и собственной душе («ни желтенькие осины, ни золотистые березы, ни туманы, ни роса, ни журавли, ни даже солнце – само солнце! кажется, не на стороне отдельно, а вместе с тобой одновременно действуют»). Он такой писатель, он такой человек.

Пришвин в дневнике не просто констатирует, рассуждает, описывает, свидетельствует – текст диалогичен, открыт и вовлекает читателя в культурный дискурс; Пришвину удается писать так, что его мысль, живая, неоконченная, верная или спорная, провоцирует ответ, и потому дневник до сих пор сохраняет актуальность и напряжение – интеллектуальный ресурс этого текста еще далеко не исчерпан.

Кроме того, дневник писателя – экзистенциальный текст, который раскрывает его жизнь в эмпирической конкретности, демонстрирует саму личность художника, интерес к которой в культуре XX века становится почти необходимым условием понимания творчества. Сам дневник является в большой степени провокацией, потому что Пришвин в нем предельно открыт, он разрушает все возможные стереотипы относительно собственной личности и становится писателем XX века, срывающим одну за другой все личины с собственного образа писателя – то ли охотника, то ли философа и кого бы то ни было еще. Когда-то давно, начиная работать над своим автобиографическим романом «Кащеева цепь», Пришвин отмечает в дневнике, что ему важно понять, «какой хороший мальчик родился, и что из этого мальчика выйдет в бессмертие». Он пишет для себя или для читателя? Похоже, что это для него одно и то же...

А между тем таких людей очень много; это, может быть, и есть народ, люди органической жизни (от которых Пришвин себя никогда не отделяет), и один из них стал писателем, заговорил, причем в существе своем не изменился (сам стиль его жизни не писательский), отрефлектировал и выразил то, что, кажется, вообще не поддается вербализации. И оказалось, что человек органической жизни – это утонченное и сложное существо («записывать документы жизни, и это будет поэзия. Но где эти цельные люди, дети природы? Нет их, и смешно теперь устраивать пролеткульт по Руссо. На простоте далеко не уедешь теперь. Путь к наивному реализму, к простоте (к «жизни») лежит через добро мировой культуры, и только редкий человек не сломает себе шею на этом пути... Я сам считаю себя наивным реалистом и верю в подлинность своих документов, но разберите хорошенько, и вы увидите, что достижение этих документов предполагает сложнейшую личную жизнь»). Оказалось, что это не пережито в культуре, по крайней мере, остается явлением очень редким и не очень понятным: соединение здоровой органической жизни и тончайшей рефлексии. Оказалось, что такая жизнь заключает в себе огромный потенциал: это мужественно, интеллектуально, это жизнь всерьез, без дураков; в ней нет ни идеологии, ни экстремизма, но нет и ассоциальности, она не разрушает жизни, но противостоит ей и реально демонстрирует возможный – иной – образ поведения и мышления. В ней сложно соединяются универсальная и уникальная парадигмы жизненного поведения личности. В ней есть ошибки и находки, взлеты и падения; в ней охота, фотография, личная жизнь – все идет в дело: все становится образом поведения, необходимым писателю, чтобы творить, внешнее не отделяется от внутреннего, внутреннее не учит, не морализирует и не кичится собой; в ней одинаково важно то, как живет Пришвин, и что он сочиняет, и что сам может о себе – человеке и писателе, то есть о своей жизни и творчестве, сказать. Такую жизнь не сочинишь, не придумаешь, он живет и работает и, как каждый обычный человек, если он не мазохист, пытается жить хорошо, но не за счет смысла, не за счет совести... и как это все может в такое-то время прийти в голову и как эта жизнь ему удается, никто еще толком, кажется, не может понять...

До сих пор трудно себе представить, что создавался дневник в те годы, о которых, к примеру, во вступлении к первой книге Н. Мандельштам «Воспоминания» (М., 1999) Н. Панченко с уверенностью отмечает: «... дневников не было: опасно для жизни». Пришвин это понимал. Как и в предыдущем 1927 году, так и в дневнике 1928 года появляются записи об арестах. Одна из них уж точно касается его самого с его «тетрадками»: «Говорят, что Флоренского совсем замучили ссылкой и обыском. В наше время каждый большой работник в области науки или искусства должен чувствовать себя одним из последних: если он свалится, то может все дело его погибнуть, однако возможно он успеет все-таки пронести свою идею на ту сторону, и там впоследствии все опять зацветет». Он продолжает ежедневно

писать, по-видимому, думая о том, чтобы в случае чего успеть «пронести свою идею на ту сторону», где «впоследствии все опять зацветет»... Объяснить такое поведение трудно, потому что обычной логике это не поддается. Получается, что поведение писателя определяется только его писательством и более ничем, все остальное прикладывается; тут нет пафоса, скажем, служения или призвания («С первых дней занятие литературой сделалось моим ремеслом, и если что и получилось сверх съеденного мной за труд хлеба, то вышло нечаянно, по усердию и ревности»). Пафос как раз на противоположной стороне, а тут просто жизнь, организованная таким образом, чтобы она позволяла заниматься своим делом («устроить свой быт согласно главному стимулу искусства – свободе»).

В дневнике 1928 и особенно 1929 года появляются слова: враги, чистка, лишенцы, донос, диктатор... Причем, все выглядит как-то обыденно: Пришвин по-прежнему живет в Сергиевом Посаде, охотится и потому много бывает в деревнях, где его хорошо знают, то есть живет в самой гуще народной. В такой жизни происходит естественное остранение революционной утопии – в Москве или Ленинграде труднее найти такие островки жизни спустя 12 лет после революции... Дневник писателя, да и не только дневник («что в рассказах, это всем знакомо»), воссоздает жизнь целого ряда «маленьких людей», живущих до сих пор еще не какой-то «особенной» советской жизнью, а жизнью обыкновенной, реальной, хотя новое внедряется агрессивно и неотвратимо, даже становится обыденным («Арест лиц, на которых пало подозрение в деле о выстреле, настроило старух на самые высокие тона уличного творчества. Слышишь всюду, арестован такой-то, а поглядишь, вот он идет навстречу и говорит: «Батюшки, кого я вижу, а все говорят, будто вас взяли»), и с каждым днем это новое внедряется в жизнь все больше и больше («похороны непременно должны быть только красными»), а со свертыванием кооперации (нэпа) постепенно к концу 1929 года доходит до каждого...

Кроме того, Пришвин сам то и дело оказывается в городском советском пространстве – как только выступает в роли писателя (а не охотника). Он понимает, что государство и тот самый «маленький человек», во имя которого совершалась революция, находятся на разных полюсах жизни, но все же стремится понять логику обеих сторон. Пришвин чувствует ситуацию очень остро и... независимо, даже когда она касается его самого. («Чистка. Дико звучит, когда редактор Полонский (тоже и другие) бросает мне вскользь, что вот «вы в стороне стоите...» Я в стороне! Я именно у самой жизни трудящего человека... Крестьянин, кустарь, всякого рода мастер, имеющий возможность существовать независимо от воли коллектива, является врагом республики», «как зорко следит за писателями некий синклит и как точно распределяет их по ступеням революционной лестницы... Иногда небесполезно на все это обратить внимание, чтобы знать свое место и не совать нос куда не следует»). В это же время он отмечает настроение, которое царит в народной среде и соответствует его собственному умонастроению, – оно прямо противоположно

революционной парадигме противостояния и борьбы («Поведение народа – нет возмущения, что это? Способ выживания, потому что если бы возмутился, то, скорее всего, его бы... как лишенца... Неосознанно, но инстинктивно верно...»). Надо сказать, что такое поведение всегда соответствовало стилю его взаимоотношений с властью («опыт доказал мне в себе полное отсутствие политических и дипломатических способностей. Я могу быть полезным обществу только на расстоянии от него в углубленном раздумье», «мой скромный удел обходить всякую внешнюю силу и рассматривать ее изнутри, не торопясь»), но никак и никогда не относилось к его личным отношениям с людьми*.

В 1928 году Пришвин рассматривает революцию в свете развития русского революционного сознания («рабочая ценность русского революционного сознания, представленного от Чернышевского до Ленина, только ли заключается в деле свержения монарха, или она является также фактом новой культуры») – писатель восстанавливает преемственность исторического развития России, вводит революцию в культурный контекст: жизнь, какой бы она ни была, продолжается. Пришвин нагружает новую власть самыми что ни на есть прагматичными задачами, которые, по его мнению, являются первоочередными. К примеру, он считает, что главной задачей является не борьба за идеал бесклассового общества, а задача просвещения и образования народа («Невский теперь «малограмотный». Я думал на Невском, что образование более разделяет людей, чем классы экономические. Внеклассовое общество – это значит господство образованных людей»). Он обнаруживает в современной жизни процессы, указывающие на преодоление культурного шока и даже развитие культуры и цивилизации («все говорят, церкви в Москве переполнены верующими из интеллигенции... никогда и не была православная церковь на такой высоте. Именно потому не была, что не было верующей интеллигенции еще со времен раскола... Точно так же почти все, что провозглашает революция: крупная индустрия, кооперация и т. д. – все это нужно нам и неизбежно». «Страна наша в настоящее время жаждет труда для улучшения своего бытия. Из этой жажды делать свое дело вытекают великие последствия обновления страны. Вероятно, в этом и есть благодетельный сдвиг революции: не отдельные люди, а все хотят теперь лучшего, все жаждут разумного труда, разумного хозяина»).

---

* Ср.: «Скажу только о ... старом друге М. М. Пришвине. Не только писал он мне бодрые письма в Новосибирск и Саратов, не только присылал новые свои книги, не только хлопотал в московских издательствах о какой-нибудь работе для меня, но даже, когда хлопоты не увенчались успехом, по собственному почину, нисколько не скрывая этого, решил высылать мне ежемесячно по двести рублей. Только благодаря ему я еще существую в сем физическом плане – и не могу умолчать об этом». (См.: Иванов-Разумник Р. В. Писательские судьбы. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 365.)

В 1928 году у Пришвина появляется ощущение некоторого перелома в отношении к культурному наследию («услыхал от одного учителя, что на рабфаке он преподает детям рабочих Тургенева. Смеясь, рассказывал учитель, что знаменитые тургеневские образы девушек рабочие именуют девчонками и шмарами... пусть под кличками шмар и девчонок войдут в сознание рабочих тургеневские, пушкинские, толстовские женщины, все равно, вслед за этим и все войдет, чем жили мы, и дальнейшие этапы революции будут состоять в усвоении самих культурных ценностей»). Смысл присутствия в официальной культуре – желание публиковаться – получает культурную подоплеку («испытал на себе незримую передачу культурой энергии»).

В этом же 1928 году Пришвин впервые с такой определенностью указывает на свою «тщательно скрываемую ненависть к «публичности», к среднему читателю» и пишет о «предназначении своих книг друзьям, которых немного теперь, в надежде, что когда-нибудь их будет больше». Понимание своего читателя как друга означает установку на диалог, на дискурс, тут не «образ читателя», а сознательная установка на определенный тип человека; такое отношение исключает любой – классовый, идеологический, образовательный и пр. ценз, оно включает и писателя, и деревенского мальчика, которым он дает прочитать свой рассказ, – реакция и того и другого одинаково радует его.

В 1928 году появляются некоторые признаки того, что прошла идейная горячка послереволюционных лет («окончилась революция»); Пришвин отмечает факт перерождения большевистской власти («в замкнутом кругу марксистский материализм выродился в бюрократический идеализм»), он иронически определяет диалектический материализм как «систему ловких выходов из трагического положения», обнаруживает эротический мотив в процессе снижения революционного пафоса («Никак не могу расстаться с мыслью о Семашке как Дон Жуане! И так ведь почти все. Балерины, актрисы и машинистки разложили революцию. Революционерам-большевикам, как женщинам бальзаковского возраста, вдруг жить захотелось! И все очень понятно и простительно, только смешно, когда сравнишь, чего хотел большевик и чем удовлетворился»). Последнее является для Пришвина едва ли не основным свидетельством того, что жизнь пересиливает идею или, по крайней мере, способна пересилить («Коснется нас сокровенно желанная жизнь, и тогда религия, поэзия, искусство, служба кажутся тяжким кошмаром... мы за отсутствием жизни отдаемся вере своей, поэзии, науке и находим в этом счастье свое... останавливаются на этом «взамен» и являются гасителями жизни... истинное творчество не идет против жизни... Внимая эросу жизни, искусство, может быть, сделалось более реальным, чем изгаженное бытие, и в этом бытии было истинным светом»).

Кроме того, в эти годы Пришвин рассматривает социализм в русле развития религиозного сознания в России («Социализм – развитие богоборческих традиций интеллигенции», «весь ... социализм выхвачен из церкви»); христианство, из которого вынута сердцевина, смысл, Христос, а значит личность – это и есть, по его мнению, секта-социализм, и, видимо, потому так глубоко и соответствует по духу этому государству Федоров со своей идеей «воскрешения отцов» – тоже без Христа («Федоров – большевик от православия»).

В таком понимании социализм как любая секта, заменяя универсальную истину какой-то частью, упорно и часто искренне выдает ее за целое («Рев. движение (интеллигенции) в России несомненно отразило в себе характерные черты народного расколо-сектантского движения ... В интеллигенции сложились такие же секты, из которых каждая имела претензию на универсальную истину. Победившая всех их секта большевиков до сих пор борется за универсальность (интернационал) и на наших глазах постепенно омирщается... Если для каждой из сект основным вопросом существования является борьба за универсальность, то в секте интеллигенции этот мотив доходит до крайности, ради универсального все бытие объявляется мещанством, как нечто местное (ничего у себя дома и все в интернационале»).

В то же время «метаморфоза экономического материализма в воинствующий идеализм» отнюдь не кажется ему безобидной. В новой реальности происходит перекодировка культурных символов: Дон Кихот становится образом разрушительной силы воинствующей утопии, а мельница – знаком повседневной жизни человека («Когда я читаю о Рыцаре Печального Образа, как он с копьем наперевес мчится, я всегда вхожу в положение мельницы: ведь это случайность, каприз автора пустить ее в ход как раз в то время, когда мчался на нее Дон Кихот; что, если бы дело происходило в безветренный день, то ведь очень возможно рыцарь поломал бы ей крылья и лишил бы на некоторое время население возможности обмолоть свое зерно. Я живо вхожу в положение мирной, беззащитной, всем необходимой мельницы и всей душой ненавижу рыцаря, наделенного всеми хорошими качествами и только смешного, но не страшного. А он страшен...»). Это окончательное развенчание утопического проекта революции, который по сути своей противоположен живой жизни, и потому, каковы бы ни были его цели, пути осуществления оказываются разрушительными («Почему так случилось, что наши коммунисты, признающие материализм как догмат веры... практически являются идеалистами, совершенно ничего не видящими у себя под носом?»).

1929 год развеивает все надежды на изменение жизни в лучшую сторону («Политическая атмосфера сгущается до крайности», «Кончилась «передышка» Ленина. Начинается сталинское наступление»). Формулировки Пришвина предельно кратки и исчерпывающе точны. Эмоций нет, жалоб на жизнь или страха за будущее тоже нет – это данность, которую нужно учитывать, бороться с ней бесполезно, понимать – необходимо, обходить, по возможности, нужно. Но все же Пришвин недоумевает («Надо спросить кого-нибудь понимающе-

го, почему же именно был взят левый курс, когда все были уверены, что наступил термидор и окончилась революция»).

В 1928–1929 годах лейтмотивом дневника остается идея творчества («Творчество – это воля к ритмическому преображению Хаоса, это реализация запросов бытия и сознания, жизнь, пробивающая себе путь к вечности») и идея творческой личности («реальность в мире одна – это творческая личность»). Пришвин в эти годы вновь и вновь подтверждает для себя актуальность известного русского сюжета: рост внутренней свободы за счет утраты внешней. Однако утрата внешней свободы становится все более и более ощутимой, соответственно бороться за внутреннюю свободу все труднее и труднее, и платить за нее приходится все более дорогую цену. Тем не менее никакого другого выхода Пришвин, как и в прежние годы, не видит: в то время, когда идет тотальное наступление на личность («Непосильное требование к человеку, чтобы он забыл свою личность и отдался коллективу», «это скачки через творческую личность человека, через бытие его»), единственным продуктивным способом деятельности писатель вопреки господствующей идеологии признает «чисто духовный процесс материализации духа – личность»; оксюморон – «материализация духа» – многократно усиливается в новой реальности, отрицающей и дух как таковой, и личность как таковую; задача приобретает небывалую остроту, а может быть, и некоторую «виртуальность»...

Тем не менее в опыте писателя внутренняя жизнь становится фактором культуры, другими словами, рост личности признается не только способом существования в чуждой среде, но и способом противостояния, борьбы с ней («Останусь ли я для потомства обычным русским чудаком, каким-то веселым отшельником, или это до смешного малое дело выведет мысль мою на широкий путь, и я останусь пионером-предтечей нового пути постижения «мира в себе»). В эту борьбу по необходимости входит юродство («нужна личина для дураков»), которое из религиозной сферы переходит в светскую жизнь («Жизнь писателя ничем не отличается от жизни подвижника, те же бесы вокруг от «гордых сверхчеловеков»... до маленьких... пьяно-богемных... Но у подвижников религии есть сложная система борьбы с бесами, а писатель среди них как ребенок»).

Так или иначе, но творчество остается для Пришвина единственным способом осуществления жизни («вернуть творчество бытию»), причем связь творчества и свободы осмысляется им не как связь власти и литературы, а как универсальная проблема («Говорят, что монах, устраняя себя от жизненных обязанностей, выбирает сравнительно более легкий путь. Но так можно сказать о всяком, кто забрал себе в голову мысль о личном самоопределении («свободе»). Путь свободы усеян жертвами»).

В связи с образом жертвы возникает в дневнике центральная личность языческого мира – Прометей. Пришвин не закрывает глаза на страдание, страдание – сердцевина мира, и от него не уйти, но творческая победа личности – единственное, что покрывает страда-

ние и создает новую реальность («огонь меня греет, и мне хорошо, как же мне не радоваться и не славить победу… если, угретый, сам начинаю творить», «Пусть висит на скале Прометей, нам-то что, если мы сами висим, пусть нет победителей, но победа… ее только тот не поймет, кто не страдал»). Экзистенциальное понимание добра и зла, переключающее внимание с этической оценки события на творческую, остается для Пришвина единственно приемлемым. В ситуации, когда добро и зло теряют связь с архетипами, то есть истощается не только их этический, но и мистический смысл («Непостоянство добра и зла – это характерная особенность нашего времени. Добру не верится, нет подъема рассердиться на зло… Нет Бога в этом добре, нет дьявола в этом зле, потому что с именем Бога и дьявола соединяется идея вечности… В Советской власти нет вечности»), писатель актуализирует оппозицию добра и красоты – религии и искусства, которые находятся в сложном взаимодействии, и признает абсолютную недостаточность добра – этической модели творческого поведения («Мрачной представляется мне жизнь в одном добре, не стоило бы жить, если бы еще возле добра не было бы на земле красоты»). Однако, выбирая путь красоты, он не становится художником-эстетом – и то и другое пережито в культуре, он продолжает поиск места художника в современном мире и находит его там, куда «все люди идут, не помня зла и добра», – это не ницшеанский мир «по ту сторону добра и зла», это мир, в который ведет красота, преодолевая на пути человеческое – и добро и зло («Поэтическое и религиозное творчество создает лицо жизни»). Пришвин движется окольным путем, как и в прошлые годы, перетягивая красоту на сторону природы («выбираю себе красоту в самой скромной должности хранителя ризы земли»), соединяя природу, искусство и религию по единственному общему признаку – творчества жизни. В эти годы Пришвин много размышляет еще об одной сфере деятельности человека – о науке.

В дневнике впервые появляются оппозиция науки и искусства – Пришвин противопоставляет научную парадигму и парадигму искусства как мертвую и живую воду… В опыте Пришвина природа оказывается в положении равноправного партнера, а он сам для понимания ее пользуется наблюдением и интуицией, соотносит эти наблюдения с собой и получает некое знание, которого, естественно, недостаточно для полной картины, но которое не иссушает, не формализует жизнь, что для художника крайне существенно («Я вспомнил ученых друзей: никто бы не мог из них рассказать о жизни», «ученые юноши кишат, как муравьи, считая журавлиные косточки, но вы не увидите их на полях и болотах… простейшие явления в живой природе, с которыми на каждом шагу встречаются запросы человеческого сердца, не находят ответа… поэзия природы, наращение чувства родства с ней уступили место механизации ее»). Пришвин фактически полемизирует с позитивистским пониманием науки и любое достижение науки принимает как результат личного творчества, которое пронизывает всю жизнь. Ему, по образованию ученому-агроному, наука близка и необходима, но только если она ведет

к вершинам духа, а не превращается в схоластику. Для писателя очевидно: чтобы быть целостной, наука должна быть в диалоге с живой природой и культурой, должна быть коммуникативной и расширять мир каждого человека («Изредка появляются как поэтические, так и научные произведения, которые вдруг сбивают людей с их пути. Все такие творения имеют одну общую черту схождения поэтической мысли с научной посредством чего-то лежащего в нас глубже того и другого»). Природа, искусство, религия и наука – все это вместе и составляет культуру, которой Пришвин еще недавно в русле европейской и русской традиции противопоставлял цивилизацию. В картине мира, которую строит теперь художник, цивилизация занимает весьма скромное, но необходимое место («Какая мне радость в факте прогресса, цивилизации? Ведь это чисто естественный, физиологический процесс всякого общества, если оно только здорово»). Писатель понимает, что настоящая трагедия совершается не в лоне цивилизации, а в лоне культуры, и смысл современности, как он всегда и думал, не исчерпывается революцией и проблемами, которые она повлекла за собой («Дело культуры было отстоять не умирающее (духовное) существо личности от поглощения ее законом размножения. Отсюда возникли такие понятия, как «непорочное зачатие» и бытовое выражение этого – монашество и т.п. В сроках жизни эти семена дали всходы современности: сокращение деторождения, аборт и т. п. Человеческий сукин сын воспользовался идеей личного бессмертия с трагедией распятия для своего житейского благополучия. Произошла ужасающая катастрофа, в которой была потеряна и религия рода (т. е. вера в будущее), и религия личности (т. е. вера в культуру, в которой уже ранее найден и дан нам пример спасения»).

Такой масштаб объясняет его неустанное в эти годы обращение как к проблемам культуры – творческой личности и свободы, так и к проблеме рода и пола («Интеллигенция – это разум и совесть, это сознание жизни, народ – это для рода... Для человека из народа нет ничего проще, как воспроизвести себе подобного, для интеллигента это самое трудное, самый мучительный вопрос жизни. Интеллигенция – это певчие на клиросе, поют, а народ молится и рождает»). Во всем обнаруживает писатель эротическую подоплеку («каждая мелочь в жизни тварей рассказывает о брачном движении всей жизни на нашей планете»). Вновь и вновь на страницах дневника возникает Розанов («Путь личности – через пол, эрос – тут Розанов», «под все искания Бога <*1 нрзб.*> подвести эротический импульс», «Без пола и эроса от человека остается «дух» бесплотный и мертвящий творчество жизни»).

Образования оказывается недостаточно для осуществления жизни личности, и он добавляет органический принцип, уводящий к эротической стихии жизни: «эрос жизни» – это сила, соединяющая род и личность в христианской модели мира («задержать акт размножения и воспользоваться силой его для личной свободы в духе – такова природа всей культуры», «Внимая эросу жизни, искусство, может быть, сделалось более реальным, чем изгаженное бытие, и в этом бытии было истинным светом»). Амбивалентность христианской культуры – род

или личность, пол или эрос – видит Пришвин в революции, интеллигенции, народе, природе, в литературе и в самом себе.

В эти же годы Пришвин очень много размышляет о смерти – Толстого, Розанова, о собственной смерти, о смерти ребенка, близкого человека, какого-то прекрасного существа – на пороге 30-х годов в дневнике писателя актуализируется архетипическая оппозиция: Эрос – Танатос; дальнейшая трансформация этих архетипов в сторону снижения жизненной составляющей и нарастания смерти становилась признаком повседневности, в которой предстояло жить.

Все надежды на продуктивный выход, на возрождение жизни Пришвин связывает не с новой идеологией и «социалистическими преобразованиями», хотя готов признать их необходимость, но с силой самой жизни как органического процесса, который невозможно запретить и остановить. Это единственное, что может писатель реально противопоставить репрессивной культуре современности. («Бывает, всякое доброе слово отскакивает от скверной жизни как от стены горох, и потом, когда скажется утомление – женщины узкозадые позеленели от абортов, вещи, созданные легкомысленным трудом, поломались, – охота к прочной жизни является как необходимость, без слов... Мы накануне, а может быть, уже и вступили в сферу той бессловесной добродетели, совершенно необходимой для роста органической жизни. «Чти отца своего!» нынешний человек еще, конечно, не скажет, но живет он уже согласно этой заповеди органического роста, необходимой, вероятно, и для прозябания трав».)

1928 год становится поворотным в процессе наступления власти на литературу («разгром оппозиции»). Противостояние между писателями-попутчиками и пролетарскими писателями усиливается, хотя писатели-попутчики все еще не теряют надежды на возможность сохранения прежней литературно-политической ситуации, в которой они еще могли работать. Правда, теперь, судя даже по дневнику Пришвина, который в это время мало интересовался происходящим, уже далеко не так, как прежде («Писатели-попутчики собираются идти к Сталину жаловаться на пролетарских писателей: Вересаев, Иванов, Пильняк, словом, все. И меня приглашают. Тихонов говорит, что если так оставить, то пролетарии уничтожат остатки литературы. Так, стали уже запрещать имена, замечательное исследование о Щедрине Иванова-Разумника запретили, не читая его, только за имя. Клычков запрещен.... Такое жалкое положение: литература припадает к стопам диктатора. Надо крепко подумать, – надо ли это. Завтра его не будет, и кому пойдет жаловаться литература? Можно выступить в защиту, напр., книги Иванова-Разумника – это можно»). Пришвин, конечно, принадлежит к группе писателей-попутчиков, но, кажется, только потому, что не принадлежит к пролетарским писателям. Не случайно несколько лет тому назад он, в целом поддержав «Перевал», отказался быть его членом. Все получается у него как-то... по-своему. К примеру, в 1928 году Пришвин заканчивает повесть «Журавлиная родина» и читает ее в кругу писателей. Их реакция для Пришвина была полной неожиданностью: он со своей новой

повестью оказался чуть ли не в эпицентре культуры, даже не подозревая об этом («Замятин открыл в моем писании «обнажение приема»... Пришлось познакомиться с учением Шкловского, – очень интересно. Уж очень вышло странно: я думал, пишу авторскую исповедь, а они признали в этом форму обнажения приема, по Шкловскому притом»). Действительно странно, но это один из замечательных парадоксов культуры, свидетельствующий о ее сложности и самодостаточности, о ее внутренних законах; так или иначе, прием остранения, который считается формальной школой универсальным приемом построения художественного текста, появляется в творчестве Пришвина как бы с противоположной стороны и им осмысляется не как формальный, а как органический и наиболее ему свойственный («Сверкая, переливалась капля росы на хвоще, а я принял это за жизнь: каплей росы в майское утро сверкала жизнь в ее возможностях, в истинном ее назначении. Мне было, будто я в своем полном разуме и чувстве вновь только что родился и, не зная, что будет завтра, всему удивился». Остранение как способность удивляться, увидеть вещь или явление «первым глазом» до самых последних страниц пришвинского дневника останется едва ли не основным признаком его стиля.

Кроме того, ситуация в литературе связывается Пришвиным не только с властью и ее давлением на литературу, но с процессом внутреннего роста («В наше время господствует литература тенденциозная, только по теме близкая к жизни трудящегося человека, рабочего и крестьянина. Я бы желал, чтобы современная литература... обрела бы естественную правдивость, подвижность, свободу»).

В эти годы Пришвин продолжает много заниматься фотографией. Увлечение фотографией оказалось для писателя способом изучения нового языка – языка зрительного образа, открыло новые возможности изучения мира. Пришвин планирует иллюстрировать свои книги, как когда-то первую «В краю непуганых птиц» (1906), собственными фотографиями. Авторская фотография, помещенная в текст, в любом случае нарушает его целостность и существует в пространстве этого разрыва, заполняя его другим смыслом. Пришвин считает, что внедрение фотографий в текст способствует созданию новой художественной формы; ему как будто не хватает словесного образа, который он стремится дополнить образом визуальным; именно поэтому он планирует использовать фотографии не просто для иллюстрации, выстраивая параллельный тексту зрительный ряд, он пытается создать новое единство художественного произведения («попробовать ввести фотографии в свои рассказы, очерки как изобразительный прием»). У Пришвина нет осуществленных проектов – слишком сложной была литературная ситуация в те годы, когда он жил и писал, но большей части его произведений и его дневнику соответствует фотографический ряд, который создает визуальный образ мира, поддающийся описанию, осмыслению, взаимодействию и с записями дневника, и с его художественными произведениями.

Фотография соответствовала тому, что было свойственно художественному сознанию Пришвина: вниманию к деталям, подробностям, фактам жизни, личности, удовлетворяла его стремлению отразить свое время документально, отмечая ускользающие частности. Пришвину было важно фиксировать состояние мира – фотография гарантирует абсолютную реальность события или объекта. Пришвин-фотограф поднимает обыденную жизнь на уровень искусства («Я хочу… доказывать светописью мои видения реального мира»).

Пришвин – художник, и его отличает современное видение реальности: в фотоснимках мы находим не только классическую перспективу и панорамные кадры, но и ракурсы, крупный план (паутинки, капли, почки), серию занесенных снегом деревьев, репортажную съемку, урбанистический пейзаж, галерею портретов известных и неизвестных, даже маргинальных личностей.

Фотография давала Пришвину удивительную возможность выявления в природном ландшафте скрытого, таящегося в нем образа – и это уже творческая работа писателя со зрительным образом, это бесконечное расширение, усложнение мира («Я вздумал снять эту речку шириною в аршин с берегом в траве выше человеческого роста, и у меня получилась на фотографии почти Миссисипи и большая пустынность без признаков человеческой жизни, хотя я сам, снимая фотографию, стоял посередине реки, запачкав только подметки штиблет, а из воды высился голубой эмалированный ночной горшок с дыркой в дне. Фотографический аппарат вообще стремится к прекрасному так сильно, что мне постоянно приходится сдерживать его пыл. Можно написать повесть (фото) и потом сделать к ней фотографии, это очень легко. А я делаю сначала фотографии и к ним хочу присочинить повесть: это очень трудно; вернее, в 1-м случае трудно писать, зато легко фотографировать, а во втором наоборот. Дело не в слове и не в фотографии, а в расходе художественной энергии»).

Во-первых, обращение Пришвина к фотографии свидетельствует о том, что он не разделяет принципа преобразования жизни, так долго господствующего в русской культуре и вновь актуализированного, и обращается к принципу утверждения жизни существующей («Я с ужасом видел безумие расчета на будущую жизнь»), а во-вторых, в культурной ситуации тех лет обращение к фотографии является формой борьбы с тотальной идеологизацией культуры за зрительный образ, за реальность, повседневность, за подлинную, таящуюся в этой повседневности, жизнь («Проявляется изображение на пленке, и часто это происходит, будто глаза открываются все шире и шире… Диво! Вышло совсем не то и не так, как снимал. Откуда же это взялось? Раз уж сам не заметил, когда снимал, значит, оно само по себе и существует в «природе вещей»… и кажется тогда, что если бы удалось открыть какую-то завесу, то и будет видно, что есть красота на земле, и в ней заключается смысл»).

Больше никогда не будет у Пришвина такой роскошной охоты, такого увлечения натаской собак, как в 1926–1929 годы. Пришвин

как будто припал к природе, залег на дно народной жизни, чтобы спасти – даже не жизнь, ему на самом деле в этот момент ничего не угрожает, но способность писать. Кажется, это совершается на уровне инстинкта – но, повторю, не жизни, а писательства; он ничего специально не делает для того, чтобы жить в деревне – у него нет жилья ни в Москве, ни в Ленинграде, но именно вдали от столиц он находит приемлемый для себя способ выживания, сохранения собственной идентичности, спасения себя как писателя («Моя нынешняя охота тесно переплетается с искусством писания»).

Уже в 1929 году Пришвин будто вновь обретает мужество, необходимое для того, чтобы жить и писать в советской России («Один удар, и всю мою многолетнюю затею свободного труда снесет как гнездо ласточки. Ну что ж, я готов. Мы живем, как в атаке на неприятеля, достигаем, не считая тех, кто отстал и погиб»). О том, чтобы уехать из России, он и не помышляет, хотя с восхищением пишет о Замятине в связи с его прошением разрешить отъезд за границу («Радостно, что есть еще честные и мужественные люди»). В конце 1929 года по дневнику видно, что он, как некогда в революционные и ранние 20-е годы, бросается в эту советскую жизнь, он видит, он судит, он страдает, он понимает, он свидетельствует и продолжает каждый день писать («если смотреть на жизнь с общественной стороны, то, конечно, тяжело смотреть, но для личности всегда есть выход, мало ли что можно придумать»).

Я. Гришина

С. 5. *Дорогой Илья Александрович...* – Литературный критик из Петербурга Груздев.

С. 6. *Князь пошел на охоту.* – В. С. Трубецкой.

Роман мой трещит по всем швам. – Речь идет о романе «Кащеева цепь». В связи с издававшимся в 1927–1930 гг. Собранием сочинений Пришвина некоторые главы второй части романа подверглись авторской переработке.

С. 8. *Петя сегодня вечером идет на охоту...* – Младший сын писателя П. М. Пришвин. Ефросинья Павловна – жена Пришвина.

...детский рассказ «Японец». – В библиографии произведений Пришвина такой рассказ не значится.

С. 9. *...один был наш «невозможный» (см. 26 Дек.).* – 26 декабря 1927 года в дневнике запись: «Третий заяц вертелся в чаще... и вышел из нее, сделав круг, только один раз. Мы его гоняли с 9 у. до ½4-го и не могли убить».

Явилась эта дама. – Речь идет о романе Пришвина с С. П. Коноплянцевой (см.: Дневник 1918 – 1919 гг. М.: Московский рабочий, 1994).

...я любил когда-то «невесту»... – Пришвин вспоминает о своей первой любви к В. П. Измалковой.

С. 10. *...автор, примыкая к Федорову...* – Речь идет об идеях религиозного мыслителя Н. Ф. Федорова, нашедших выражение в его книге «Философия общего дела» (т. 1. 1906, т. 2. 1913).

С. 15. *Он знаком с Менделеевой.* – Имеется в виду дочь Д. И. Менделеева М. Д. Менделеева (Кузьмина), охотница.

С. 19. *Остается написать два звена...* – Главы романа «Кащеева цепь».

С. 22. *И дети...* – В конце тетради вложены разрозненные листы с текстами*:

Птичье хозяйство.

Все это было давно, еще во время моих скитаний, но раздумывая о современном женском движении, я представляю себе, что и в наше время особенно возможны подобные смешные положения мужчин, поэтически стремящихся к деревенскому хозяйству и не могущих осуществить свою мечту, потому что не находят себе достойной помощницы в женщинах. Слава Богу, я не обижен судьбой, и жена моя Авдотья Тарасовна шагнуть не дает мне без своего хозяйского глаза, я у нее живу, как у Христа за пазухой, и моих мелочей в своем большом птичьем хозяйстве она не упустит. Скрепя свое хозяйское сердце, в это время следовала за мной Авдотья Тарасовна терпеливо всюду, как матушка безумного протопопа Аввакума, и я, вспоминая то мучительное для нее время, часто держу в голове слова Аввакума: «протопопица бедная, идет, идет, да споткнется».

Так вот было однажды, затащил я свою протопопицу жить на одном хуторе у молодого человека, с которым подружился в Мос-

* В комментарии вынесены записи, которые не входят в основной текст дневника, или записи рабочего характера, затрудняющие чтение.

кве в одном кабачке и, будучи страстным любителем природы, увлекся удивительными его поэтически-хозяйственными планами. Звали молодого человека, скажем, Андреем Михайловичем, фамилию его умолчу. По разделу с братьями он получил небольшой двухэтажный домик и возле него десятину болотной, покрытой кочками земли. Он был уже несколько лет женат, и вся беда его была, как я понимаю, в том, что детки у него не рождались, и потому молодую женщину тянуло в Москву: она предпочитала жить в Москве и служить на электростанции машинисткой, чем сидеть на хозяйстве в одну десятину болотной земли. Андрей же Михалыч служил в редакционной комиссии изданий МСПО и после службы на поезде ездил к себе в деревню, имея в голове простой и осуществляемый помалу план: он хотел на своем участке устроить птичье хозяйство, откармливать кур, уток, гусей и сбывать их в Москву. Но как он рассказывал мне о своем простом деле, удивляюсь, как не пришла мне в голову тогда разгадка его хозяйственной поэзии, теперь, конечно, я все понимаю: все дело было в жене, которую он очень любил и мечтал возвратить ее от службы на электростанции к своему очагу через птичье хозяйство.

Нужно сказать, что Авдотья Тарасовна не участвовала в самих беседах, иначе, конечно, она бы все разгадала и ни за что бы не поехала жить к такому хозяину.

Я рассказал ей все по-своему, она согласилась, и мы поехали жить во втором этаже у Андрея Михалыча. Нас удивило сразу, что кочки огороженного болота была не зеленые, как на обыкновенном болоте, а черные с небольшими сухими тычками, остатками каких-то засохших растений.

Авдотья Тарасовна очень это не одобрила, считая, что зеленая травка с разными букашками необходима для птичьего хозяйства.

– Отец, – сказала она Андрею Михалычу, – да что болото у тебя, или сгорело? отчего кочки расчесаны?

– Нет, Авдотья Тарасовна, – ответил хозяин, – это я прежде птичьего хозяйства хотел огород развести и расчесал кочки: помидоры сажал, да вот они посохли.

Узнав, что хозяин без песка и навоза прямо на кочках хотел развести помидоры, Авдотья Тарасовна вдруг все поняла и набросилась на меня, зачем я поселился у такого хозяина. И тут оказалось, что и все так, за что ни возьмись: вода из желоба прямо в погреб бежит...

Не будете смеяться, кроме шуток, я думаю, есть две культуры: людей бородатых – восток, и людей бритых – на западе, есть борода Ассирийская – это одно, и есть обнаженный, стремящийся вперед подбородок – совершенно другое. Часто думаю о своей родине, представляя себя с бритым открытым лицом, как в Европе, и тогда мне родина представляется, куда ни гляну, вся-то заплеванная, вся-то загаженная, жить противно, смотреть некуда, постройки, животные – все дрянь, и человек – жулик. Нельзя, кажется мне, такого человека любить, молоть его надо машиной, и, кажется мне, с бритым подбородком я машину люблю больше, чем человека.

Совсем другое покажется, если на родину посмотрю глазами человека восточного с большой бородой. Видите, друг мой, в чем тут дело, в бороде можно совсем даже и не смотреть на людей, есть они или нет, вид делаешь бородой, а сам смотришь на такое, что человеку с бритым подбородком просто смешно: как по ночам располагаются звезды на небе, как весной птицы летят и осенью улетают, замечаешь, во всем этом узнаешь свое отдаленное родство с миром, и потом вдруг как бы очнешься среди людей, никакого не обращая внимания на их вид, на их внешнюю жизнь, по голосам, по догадкам и улыбкам узнаешь разных людей, самых близких, и родина преображается, и видишь впереди ее непременно счастливой и народ – не хуже, чем всякий народ. Не могу верно сказать, но догадываюсь, что мне эта радость через восток передала как-нибудь по *<1 нрзб.>* неведомой крови и по мне переходит на запад. Но думаю, в малой степени это бывает у всех с ростом, спрашиваешь себя: «верно ли, что вся эта публика – мои ближние, а что если вовсе без ближних пожить» и так уходишь в пустыню, в свою *<1 нрзб.>* собственную пустыню, а потом возвращаешься к ближним, скрывая голодную любовь в бороде.

Раненый человек – раб своей раны, но у него есть два средства освободиться, одно легкое и обычное: лечиться у доктора, другое свое и очень трудное: забыть свою боль в творческой работе.

Так и обиженный человек – раб своей обиды, может убить, но так же, как раненый, может забыть, он может простить и даже как-то еще и любить. Убить – я понимаю, легко, простить – труднее, но как можно любить врага, я совсем не понимаю.

С. 23. *Следово, жизнь Бадыкиных.* – Деревня Следово под Дорогобужем Смоленской губернии, родом из которой была первая жена Пришвина Ефросинья Павловна Бадыкина (в первом замужестве Смогалева).

...ночевал А. М. Коноплянцев. – Елецкий друг Пришвина, отношения с которым сохранялись всю жизнь; немалую роль сыграл в жизни Пришвина как его читатель, понимающий и верный.

С. 25. *...вел разговор с Замошкиным.* – Литературовед и критик Н. И. Замошкин один из первых написал о творчестве Пришвина в советские годы.

С. 28. *...Снегурочка тает...* – Образ навеян петербургской знакомой Пришвина С. В. Ефимовой (Козочкой).

С. 38. *...у меня с кем-то вышли «глупости».* – Имеется в виду роман с С. П. Коноплянцевой.

С. 43. *Спрашивать писателя о «тайнах его творчества»...* – Начало работы над повестью о творчестве «Журавлиная родина».

С. 46. *Жизнь И. Н. Игнатова...* – Двоюродный брат Пришвина, врач по образованию, в предреволюционные годы совладелец «Русских ведомостей», был женат на С. Я. Герценштейн.

С. 47. *Утро на пойме. Рассказ.* – Был опубликован в журнале «Огонек» под названием «Маралова гать» (1928, № 23), в журнале «Охотник» (1928, № 6), под названием «Утро на пойме», в журнале «Новый мир» (1928, № 12), под названием «Пойма».

С. 49. *В «Родниках» не исчерпано...* – Имеется в виду книга Пришвина «Родники Берендея».

...был у меня Н. А. Зворыкин. – Охотник, автор книги «Обучение легавой» (Свердловск, 1927).

С. 50. *«Я – это Ты в моем сердце, Возлюбленный».* – Пришвин неточно цитирует строку из стихотворения З. Н. Гиппиус «Молитва».

С. 55. *...называя мой очерк «Молоко от козла».* – Очерк вошел в повесть «Журавлиная родина».

С. 57. *Пендрие рассказывал...* – Фотограф П. Л. Пендрие, знакомый писателя по Сергиеву Посаду.

С. 70. *Была встреча с С...* – Имеется в виду С. П. Коноплянцева.

С. 71. *Читаю о Суслихе.* – Имеется в виду А. П. Суслова, жена Ф. М. Достоевского, позднее В. В. Розанова.

С. 76. *...нам коровы, а вам шары.* – Речь идет о реликтовой водоросли Заболотского озера Клавдофоре, в защиту которой выступал Пришвин, когда узнал о планах осушения этого озера.

С. 85. *Был у меня Горский...* – Философ, знакомый Пришвина.

С. 108. *Первое Августа – Кровавый день* – название очерка. С 1 августа разрешена была охота.

С. 131. *...придется надеть чок-корду...* – тонкий длинный кожаный ремешок, который продевается в кольцо, как поводок, но не на карабине.

С. 152. Имеется в виду министр Временного правительства В. М. Чернов.

С. 157. *...через шалыжку.... к можжухе.* – Здесь: через округлую верхушку, плешь...к можжевельнику.

С. 161. *...из чока ударил по крякве.* – Чок – дульное сужение дробового ствола.

С. 164. *...собака за живот ущипнула...* – далее идет следующий текст в конце тетради:

С л о в а:

Обочина дороги.

Лист опал совершенно, зайцы уже подцветают.

Гончая принялась, т. е. погнала (о молодых при нагонке).

Высокий пустырь, поросший мелким парусником или частым пустырным ельником.

«В конце апреля и в мае выдаются часто такие серенькие, тихие и свежие деньки, которые, кажется, Богом созданы для нахаживания гончей молодежи».

Гончие вязкие, <*1 нрзб.*> и дружные на гону.

Охотник, сойдя зайца, насаживает молодежь сразу на взбудный след.

Первозимье с мелкими теплыми порошами.

Поздняя осень, когда зайцы подцветут, а лист осыпался.

Ранней весной, когда лес пообсохнет.

Проносливый гонец.

Назывистость, назывистый (бежит на во-во-во!).

Позывистость (отзывать от гона) вредит вязкости.

Удалелый зверь.

Перемычки.

Осилить зверя, согнать зверя, т. е. загнать.

Остаться попом.

Зайцев – бурун.

Забойные дожди.

Водомоина.

Помычка гончих.

Заразистые места (густые).

Оттоптал лису (отогнал).

Поносистая ель.

Гончие увязчивые, полазистые.

Шалыга – Шалыжка.

Елань.

П т а ш к а

Собака красоты удивительной и самых высоких полевых достоинств, как по резвости и злобности, так и по силе и настойчивости в рыску. Покойный мастер Сипягин сказал, что такую собаку можно видеть только во сне.

О х о т н и ч и й   я з ы к

Уйма – большое мелкое (?) пространство.

Овраги, забитые сувоями.

Зверь опрокинулся назад (вернулся).

Собака отличалась мертвой злобой к зверю.

Мраморные арлекины.

«Мытарка» (борзая) заскакивала зайца с головы.

Мытарка погасла, не расщенившись после вязки с «Милым».

Стая отличалась тонкостью чутья, чудными голосами и страшной поратостью.

Имели малые подкалины(?), почему их в породу не пустили.

Когда он (выжлец) начинал стекать зверя, казалось, в лесу диким голосом кричал человек: а, а, ау-а, а-ау!

Утешай был богат костью и мускулатурой, но имел неправильное правило и был бедно одет.

Ко́лоть=по колоти собака сорвала ноготь на пальце.

Серо-поло́вый с мазуриной кобель.

Собака в правильных псовых ладах.

Сердечный имел чудную шелковистую псовину, длинную, слегка волнистую, с большими отчесами и лисами; он был очень сух при мощном костяке, голову имел тоже сухую, но в щипце коротковатую, ухо очень маленькое и отлично заложенное, но спина его была не крута и постав передних ног не вполне правильный. Скакал Сердечный очень резво и потому удивительно подходил к Вьюге, сложенной совершенно правильно, имевшей длинный ровный щипец и одетой очень богато в такую же, как у Сердечного, длинную, волнистую и шелковистую псовину серо-полового в черном окрасе.

Литература. Дриянский «Записки Мелкотравчатого».

Бадыга – болот. растение, содержащее кремниевую кислоту, раньше ею натирали лицо девушки и так румянились, раздражая сосуды, а один парень член натер и здоров.

Вся птица на крыле.

ОГЛАВЛЕНИЕ*

* Текст дневника Пришвин разбивает на отдельные главки по сюжетам

Трагическое и смешное «вдруг»
Путешествия бекасов и уток
Гримасы индивидуальности (к творчеству Алпатова)
Рожь отцвела – фенол.
Разговор с Зампредом Вика об экскаваторе, расстроенный человек
Спокойный человек
«Служба не дозволяет»
Деверь выгнал
След на росе от лап и след мысли. Натаска Нерли
Федорцовское болотце. Нерль на кочке
Ерш с золотым пером. Легенды о мне
Палачи
Даувальдер и мужики
Натаска Нерли
Размножение человека ставит вопрос о войне
(Даувальдер)
Статья в Охотник
Натаска Нерли
Ночная красавица
Пейзаж лесной деревни
Вечерний лет бекасов на плес
Рождение творчества из свободы – натаска Нерли – «вдруг» сюда же
Бекасиха с бекасенком
Путешествие уток
Брачная жизнь уток – рассказ
Лермонтов и Есенин
В Заказнике. Образование кочек. Блуждание. Чутье
Сверкание кос и журавлей. Фенол. Компас
Открытие «острова». Успехи Нерли. Кроншнеп (рассказ)
Веселый отшельник
Утки по Гашину
Легенда о человеке с шарами в чайной
С носом
Поездка на экскаватор
О Толстом в газету
Свобода и ветер (к натаске Нерли)
Продолжение описания Дубны
Алпатов и Дубна
Экскаватор (Калабурдино или болото)
Сафонов и сады
Писатель, известный по всей Моск. губ.
Темная комната
Футбол и учредилка
Буреет рожь. Зацветает лен. Жалейка
Паль. Встреча с золот. пастухом
Натаска Нерли
Класс дураков
Замечательный сон – х – плюс. Хорошее общество
Следы зимняка

Город стогов
Натаска Нерли
История остожины
Ум собаки
Книга свободы
Суеверие Ник. Вас-ча и змеи
Могила змеи
Умная змея – рассказ пред. ВИКа
Попов Рог
Натаска Нерли
Рождение человека (продолжение)
Экскаватор приближается
Заячий крик (рождение человека)
Разговор кур
Рождение человека (продолжение)
Философ
Отдых на кочке. Пустая словесность
Натаска Нерли
Грибы на Сеславинской горе
Шары и Хренов
Горький
Антипкин огарок
Натаска Нерли
Глухариное место – зов иволги и суходол
«Терентий»
Загад: раскрыть сегод. день прошлым
«Поживем» (секретарь с пленума)
Иван Лахин о Ленине
Голоса на пойме: повар Госбанка
Статья в Охотник
Канун охоты
Две свободы
Выжига
Народ о спуске озера
В правление Дома Печати
Шалыжка – Уй-ли! и женщина
Гашин (продолжение об утках)
Окорок – 1-й вариант рассказа
Дом Громкоговорителя
Окорок – 2-й вариант
Натаска Нерли
Интеллигенция и простой народ
Пленники счастья
Творчество жизни
О прямых линиях (выпал птенец из гнезда
Охота с колокольчиком
Спасенный петушок
Старухина тропа
Гидростанция-реликт

Трепло
Филодендрон
Выдержать стойку
Паль
Сафонов
Лоскутики полей
Натаска Нерли
Реликт
Охрана леса (материал объездчика) и своеобразие крестьян
О глухарях
Щавелек
Ледник рыл и холмил
В дебрях Серкова
Ужас в лесу. К рассказу «Щавелек»
Утка без головы
Тишинка и дятел. К Серкову. Сват. Золотой петушок
Тайна
Мезальянс
Почтарь
К Алпатову
Почему человек плохо пахнет
Молодежь в деревне. Наблюдение
Травма (Горькому)
Свои выстрелы
Животный страх
Американский житель в отношении к Горькому и войне
По велению Пети
Глухари-вагоны
Теплые места. Рассказ
Экск. утонул
Любовь во имя
Лес и мужики
Скорынино и хутора
Вальдшнеп с раскрытым носом
Хренов об экскаваторе
Туземцы виснут на окнах
Натаска Нерли
Туземцы на окнах
Рублевики
Воронский «За живой водой»
О творчестве
Смерть идеала. Экспедиция Нобиле
Искусство для отдыха, наука для техники
Алпатов о творчестве жизни
Утиная смерть
Ремизов и волки
Бекасята – рассказ
Дупеля – к рассказу
<*2 нрзб.*> мир Воронского

Воробьи
Остожина – к рассказу Щавелек
Приметы в лесах
Бесы писателя
Месть любовью
Ночь раздевалась пейзажем – соединить с выслушиванием глухаря
Реликты Алпатова
Начало романа
Догадка – рассказ
Стойка
Начало романа. Скандинавский ледник
Натаска
Юный охотник
Игра на свирели
Брак втроем
Бекас в крепях – Записи рассказов
Интеллиг. и народ
Разум и размножение
Собаки зевают
Сухманка и Лохань
Поэзия, ритм и т. д.
Константиновский растоп
Пастух в Александровке
Гать в Замошье
Туман и начало рассказа о дупелях (Судья)
Папаня – рассказ
Коллектив
Пенье птиц – статья
Серая действительность
Беспризорник – начало рассказа
Натаска Дубца (соединить с «Догадкой»)
Паутина
Природа в иллюзорных представлениях – статья
Точеное небо – пейзаж
Свистулька
Сон в дороге – рассказ Пети
Конец рассказа «Беспризорник»
Мастерство
Люди без балласта
Рябчик – рассказ детям
Как ночуют в лесах – рассказ детям
Натаска Нерли
Творчество
Хулио
Аромат осени – пейзаж
Ангельские душки – рационализованные
О творчестве (малые таланты)
Победа хаоса (о Громкоговорителе)
Натаска Нерли

Музык. преображение мира. Андрюша явился
Интелл.-секта
Легкобытов и Блок
К Алпатову
Движение в природе
Инт. и народ – размножение
Красный мох
Предки – кладбище в осеннем лесу
Тканье по можжевельнику
Дубец
Натаска Нерли
Отдых в бору (Ина Ростовцева)
Ритм труда
Ритм смены времен
Ина – ритм
Натаска Нерли
Творчество
Хорошие люди – люди ритма
Легкобытов
Арбуз Муханова, Лида, ритм безымянных людей
Сфероидальное состояние
Выслушивание глухарей
Григорий Овчинников – начало романа.

С. 170. *Старший лимнолог Россолимо* – специалист по озероведению.

С. 198. *Цаппи был в теплых брюках…* – Речь идет об экспедиции Умберто Нобиле летом 1928 г. на дирижабле «Италия» к Северному полюсу, которая окончилась катастрофой. Оставшихся в живых членов экспедиции спас ледокол «Красин». Это событие широко освещалось в советской печати.

С. 206. *Я его вижу (Кукарин)…* – Сектант, знакомый Пришвина по Новгороду (1911 г.).

С. 216. *…картину жизни наших современников 906-7-8 гг.…* – Речь идет о периоде богоискательства в среде петербургской интеллигенции начала века, объединившейся по инициативе Д. С. Мережковского в Религиозно-философское общество, членом которого был и Пришвин.

С. 230. *…сделал по болоту соляную дорогу…* – Используя постоянный соляной голод животных, пастух, посыпав солью траву на болоте, заставил скотину перейти на пастбище.

С. 240. *…победа мальчика Давида над Голиафом…* – По библейской легенде юный пастух Давид сразил в поединке непобедимого Голиафа, метнув ему в голову камень из пращи – ручного боевого оружия для метания камней.

С. 259. *О Легкобытове… Щетинина сделать из Кукарина…* – Упоминаются руководители хлыстовской секты «Новый Израиль» в Петербурге начала века.

С. 294. *…был свидетелем боя перевальцев с напостовцами…* – «Перевал» – литературная группа, основанная в 1924 году А. Ворон-

ским при журнале «Красная новь», противостоящая литературной группе «На посту». «Перевал» ратовал за сохранение преемственности с русской и мировой классикой, выступая против пролетарских писателей-«напостовцев» с их нигилистическим отношением к культуре прошлого.

1929

С. 351. *...достать последнюю книгу Вс. Иванова.* – Вероятно, речь идет о повестях Всеволода Иванова «Особняк» и «Гибель Железной» (1928).

С. 354. *...хожу счастливым от письма Дунички...* – Пришвин подарил своей двоюродной сестре Евдокии Николаевне Игнатовой «Кащееву цепь» с надписью: «Милой Дуничке от Курымушки. 1/1 – 29. Сергиев. Я писал обе книги «Кащеевой цепи» шесть лет и не устал, потому что в первые дни моего сознания моя великая учительница Дуничка внушила мне долг и любовь к природе и людям».

С. 356. *...у Шишкова, слушал его пьесу...* – Очевидно, Пришвин имеет в виду повесть В. Я. Шишкова «Странники» о судьбах детей-беспризорников.

...у Толстого слушал его пьесу «Петр»... – Имеется в виду пьеса А. Н. Толстого «На дыбе», посвященная эпохе Петра I.

Пришлось познакомиться с учением Шкловского. – Формальная школа в литературоведении сложилась в 1910–1920 гг. (Общество изучения поэтического языка, ОПОЯЗ). Основные положения формальной школы были разработаны В. Б. Шкловским в работе «Воскрешение слова».

Кроме одной книжки Шкловского о Льве Толстом... – Имеется в виду книга В. Б. Шкловского «Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир».

С. 369. *Закончены «Медведи»...* – Очерк «Медведи» был опубликован в журнале «Огонек» (1929, № 12), позже вошел в книгу «Календарь природы» (цикл «Зима»).

С. 386. *Нашел книжку на поддержку себе...* – Имеется в виду книга известного философа А. Ф. Лосева «Античный космос и современная наука».

...лес глазами ребенка... – Идея написать о мальчике, заблудившемся в северных лесах, явилась у Пришвина в самом начале его творческого пути. Путешествие на Север в 1933 году дало писателю новый материал, который был им использован в работе над романом «Осударева дорога».

С. 467. *...православное погребение...* – далее идет следующий текст:

Железная лодка. Первый человек, сообщивший нам в дер. Шепелево весть о беде на Сулоти, тут же дал и свое объяснение: поехали пьяные. Хотя я не знал даже, что утонул профессор, – мне сказали просто «московский», – я не поверил и потому именно, что так всегда говорят, что легче всего так сказать. Впрочем, такое объяснение у нас в Шепелеве очень недолго, и на смену ему выступило другое: оказалось, во всем виновата железная лодка. Я лично не помню,

когда появилась на Сулоти первая железная лодка, с тех пор, вероятно, и начался этот постоянный спор заступников железных лодок и обыкновенных старинных долбленых. Учитель Автономов, первый охотник в краю и водолаз, всегда горячо стоял за железные лодки и делал их собственными руками из листового железа. Он делал свою лодку такой легкой, что в трудных для проезда местах выходил на берег, надевал лодку на голову, как шляпу, и прыгал на пойме с кочки на кочку, подбирался опять к бочагу или плесу. Второе удобство, и очень серьезное, железной лодки, что она скользит по резуну, а деревянная в нем застревает. Кто видел эти плесы – озера по Сулоти, заросшие так резуном, что часто на большом пространстве не видно воды, тот поймет, какое удобство железная лодка представляет утиному охотнику. Огромное большинство уток, таящихся в резуне и недоступных охотнику на долбленой лодке. Возражение против железной лодки одно, что эта лодка не перевертывается, как деревянная, а сразу, как зачерпнула, идет на дно. Но я считаю это возражение дельным только в устах тех охотников, которые на своих лодках провожают на плесы московских гостей и тем зарабатывают себе кое-что. Там, конечно, вдвоем ехать на железной лодке очень опасно. Московский охотник не может приучить себя к мысли, что сидеть на такой лодке он должен так же, как на велосипеде, до того приучить себя к чувству равновесия, что это становится второй натурой, как у местных охотников. Что должен испытывать охотник, везущий знатного москвича, когда он шевелится, охотник, суеверно мнящий, что в случае гибели важного человека ему будет тюрьма! Вот из этих-то людей, вероятно, и явилось это возражение против железных лодок. Но как сказать? В русском народе есть особенная черта, не замеченная мной у других народов, вот сейчас он принципиально яростно возражает против чего-нибудь, а в следующую секунду это, оспариваемое им, коснулось его не вообще, а лично, и тут он вдруг рассмеется и сделает именно то, против чего принципиально горячо говорил. Вот Иван Петрович Елкин, второй после учителя Автономова охотник, постоянно провожающий знать на плесы, был всегда яростным противником Автономовских железных лодок. После катастрофы он прямо сказал: «Железная лодка их погубила».

<*На полях*> Он сказал это так деловито, как только может сказать человек, погруженный в общественные дела постоянно. Я снял Ивана Петровича серьезным: это типичный большевик 18–19 годов, <*1 нрзб.*> красный командир <*9 нрзб.*>.

И прямо же после похорон мы отправились с ним к Илемской сторожке, чтобы ехать на Березовку. Нас было двое, один с ружьем, другой с фотографией. В одну лодку нам двоим с Иваном Петровичем сесть было невозможно. Тут же стояла вторая лодка только что утонувшего и похороненного Автономова, лодка была железная, притом пробитая насквозь случайным выстрелом и чем-то заткнутая. И вот когда перед нами стал вопрос, где нам взять еще одну лодку, Иван Петрович указал на железную. Я очень удивился и посмотрел на него, и он понял меня и засмеялся чисто по-детски. До того это было поразительно, что я стал искать случая

снять лицо Ивана Петровича принципиально серьезным и вот таким. Про себя тоже скажу, я тоже хорош: без колебания присоединил эту лодку к нашей экспедиции. Вскоре мне и удалось это сделать. Мы вышли с ним на охоту. По селу мы шли, весело болтая, и вдруг с крыльца одного дома бросается ко мне огромная собака. Я махнул ногой, чтобы кончиком сапога свернуть ей челюсть, но промахнулся, а собака поняла, какой я серьезный, и вернулась к себе на крыльцо. Смотрю, Иван Петрович весь как-то подбирается, вкладывает в ружье патрон и направляется к собаке. Ужас меня охватил не потому, что я особенно боялся видеть гибель собаки, а что вспомнились мне 18–19 гг., случай был один, и такой же Иван Петрович точно с таким же лицом действовал не с собакой, а с человеком. Я быстро схватил Ивана Петровича за руку и потребовал не стрелять. У крайнего двора с крыльца вышла другая собака, гончая. «Гончая?» – спросил я. «Очень хорошо, – ответил он, – хотите, попробуем на кошке?» И показал собаке в поле, где не очень далеко мышковала белая кошка. «А та-та-та! а-та-та!» – загорелся охотник. Собака <*1 нрзб.*> и бросилась со всех ног. Скоро кошка заметила <*2 нрзб.*> присмотрелась к собаке и на нее. Собака замедлила ход, тише, тише. Кошка скорей. И так они встретились и понюхались…

– Из одного дома! – воскликнул Иван Петрович. И засмеялся.

Когда мы пришли к Илемской сторожке, там оказалась только железная лодка, притом еще лодка эта только что утонувшего учителя Автономова, и не лучшая, а худшая, насквозь простреленная и кое-как заткнутая.

– Садитесь! – сказал Иван Петрович.

– Железная? – воскликнул я.

Иван Петрович взглянул на меня и сказал:

– Ну так что?

Мы засмеялись, сели и поехали.

С учителем Автономовым я давно знаком, он был в Заболотье председателем коллектива охотников, в Шепелеве Иван Петрович Елкин, в Заболотье друг его первый, утиный охотник Федор Степанович <*1 нрзб.*>. По фамилии долго я принимал его за поповича, но когда попал на его родину, в Шепелево и увидел дом его, даже не середняцкий, а скорее бедняцкий, то был до крайности удивлен и тут узнал, что коренная фамилия его была Антонов. Какой-то учитель взял его в Переславль в духовную школу, потом он попал во В… в духовное училище и быть бы ему священником, но революция жизнь переменила и сделала отличным учителем и замечательным утиным охотником. Осталась от духовного <*1 нрзб.*> только переделанная из Антонова фамилия Автономов. Ему теперь 27 лет, сколько! – не десять, а десятки раз он тонул и приходил домой мокрый и в грязи и каждый скажет: в Заболотье среди <*3 нрзб.*> он был первым водолазом. Кто знал его, никто бы не мог поверить, чтобы так мог утонуть. На похоронах, слышал я, кто-то рассказывал, что шел он из Сергиева и в Зимняке встретился ему человек и

сказал: «Автономов утонул». Не поверил... Подумал: «Он сто раз тонул». В Мергусове опять: «Автономов утонул». Опять не поверил. В Смолине задали вопрос: «Сам видел?» – «Нет, ответил, а слышал: в Н... лежит». – «А не видел и не болтай». Так пришел в Коломно, и там говорят: утонул. «Видел?» – «Видел: в Н. лежит». Тут поверил и ужаснулся...

Я вечером вернулся с охоты, мне сказала женщина, я тоже не поверил, а когда сказали «на Стрежне утонул», как было поверить, если весь Стрежень <*4 нрзб.*> и берег сухой. «Лодка утонула, – подумал я, – а он вышел на берег и <*2 нрзб.*> пошел в федорцовский трактир чай пить». До того невероятно было. Тут явился Иван Петрович с телеграммой в руке.

– Что говорят-то? – сказал я.

– Утонул! – сказал Иван Петрович

И подал мне телеграмму Раевского, председателя сельс. Сергиевск. коллектива, в ней было распоряжение Ивану Петровичу <*2 нрзб.*> организовать взвод охотников для салюта.

Факт совершился, и какой факт! Бывает, совершился факт, а <*3 нрзб.*>, и то, что было факт, стало – не факт, тут факт окончательный, не переменишь: Федор Степанович утонул и с ним какой-то «московский».

– Кто же «московский»? – с тревогой спросил я.

– Не знаю, – ответил Иван Петрович равнодушно, – кто он, – хотя он знал, кто.

Давыдов. Дал Иван Петрович Елкин. Мы идем на похороны. Рассказывает жизнь (красн. командир). Какой Давыдов? История гибели. Стрежень. Конец: увозят гроб.

Нас, шепелевских, собралось только четверо охотников, Иван Петрович...

Поздно уже было извещать охотников по деревням о взводе для салюта на похоронах, мы, четверо шепелевских, пошли на похороны с ружьями, уверенные, что в Заболотье к нам присоединятся не только местные, но и Коло..., Скорынинские, Балеботинские. Иван Петрович надел орден Красного Знамени. От Шепелева до Заболотья верст восемь, но мы сумели сократить путь переходом через д. Стр... и Морозово к лавам, которые перекинуты по болоту почти от самого Морозова и до Заболотья, полторы версты. Нам встречались разные люди, все, видя нас с ружьями, понимали, что мы идем хоронить. Тех, кто шел из Заболотья, я спрашивал о погибшем московском охотнике, как его фамилия и кто он. Никто не знал, кто он, и отвечали просто: «московский». Наконец кто-то сказал: «профессор». «Какой профессор утонул?» – спросил я одну девушку, она ответила: «Профессор Давыдов».

У меня был старый приятель профессор Давыдов, Константин Николаевич. Я давно его не видел. Кажется, революция застала его на Средиземном море, на биологической станции. Почему бы ему теперь не вернуться? Сердце у меня упало. Он был мне по духу чуть сроден, тоже бродил, охотился за эмбрионом обезьяны в Новой Гви-

нее, был в плену чуть ли не у людоедов, вдруг исчезал, вдруг появлялся. Трудно себе представить человека более свободного, и за то смерть, как расплата за свободу, постепенное погружение в тину: что-то вроде провала Дон Жуана от каменного пожатия Командора.

– Он!

– Как его зовут? – спросил я девушку.

– Кажется, Василием Николаевичем.

– А не Константин Николаевич? – спросил я.

– Да, кажется, Константин...

– Видели?

– Сама видела, хороший лежит, вроде вас.

Ну да, конечно, он, человек моего возраста в бороде.

– С бородой?

– Как у вас.

Он!

Клади лежали на полторы версты. Повернув, шли не спеша: было и трудно идти по <*3 нрзб.*> разрушенных вросших лав и некуда было спешить: последний встречный сказал нам, что музыка задержалась в Сергиеве, и похороны будут лишь в два часа, теперь было десять. Спешил я один, я боялся, что Давыдова увезут в Москву, и я его не увижу.

Когда мы увидели приблизительно на середине моста лодку с багром, мы догадались: на этой лодке, конечно, и <*1 нрзб.*> тела. Дальше была плотная полоса <*1 нрзб.*> телореза, за поляной трав был Стрежень, возле моста в воде торчал колышек.

– Не это ли место гибели?

Одна девушка, вероятно фабричная <*2 стр. нрзб.*> да, место гибели, вон тот колышек.

Было совсем непонятно.

История гибели на <*3 нрзб.*>.

С. 494. *...Из жизни моего ежа»* – <далее идет следующий текст>:

Многоуважаемый Василий Романович,

Прошу прощения за невольный обман. Я располагаю для покупки зеркалки суммой всего в 1000 р. Камера должна быть с <*2 нрзб.*> и телеобъективом. И потому, что мне 1500 р. аванс не дали, а главное по целому ряду непредвиденных обстоятельств дома, я располагаю для покупки зер. камер с <*2 нрзб.*> и <*1 нрзб.*> 1000 руб. Больше я истратить не могу, а Ваша камера стоит 900 + 300 + 300 = 1500 р. Брать камеру без оптики не могу, потому что в феврале я уеду на работу, а сейчас немедленно должен приступить к самообучению. Быть может, у Вас есть другая камера не Адамса – <*1 нрзб.*> дорогая с той же оптикой, то я могу сегодня же вручить Вам 1000 руб.

Указатель имен*

---

* В указатель не вошли имена крестьян из деревень, в которых М. М. Пришвин жил во время охот.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИШВИН МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

ДНЕВНИКИ
1928 – 1929

Редактор ***Т. И. Киреева***
Художественный редактор ***Е. В. Поляков***
Технический редактор ***Г. В. Кулагина***
Корректор ***Н. Д. Бучарова***
Компьютерный набор ***Г. Н. Злотникова***
Компьютерная верстка ***Е. Г. Метченко***

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 05913 от 24.09.2001.

Подписано в печать с готовых пленок 15.03.2004.
Формат 84×108/32. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28,67 (в т. ч. вкл. 0,05).
Уч.-изд. л. 34,03 (в т. ч. вкл. 0,11)
Тираж 2000 экз. С–12. Зак. № **4086**

ФГУП Издательство «Русская книга»
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38.

Отпечатано в
ФГУП Издательство «Известия»
Управления делами Президента РФ.
127994, ГСП-4, Москва, К-6,
Пушкинская пл., д. 5.
Контактный телефон:
200-36-36, 200-30-20.
E-mail: izd/izv@ru.net

